ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

6. 1871.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ
„ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.“

ПЕРВАЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ“. Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ*).

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ издателя.

....

ВТОРАЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дюка де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. А. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка“.

ПИСЬМА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ ИТАЛІЮ

ГРАФА ЖОЗЕФА ДЕ-МЕСТРА.

Графъ Жозефъ Де-Местръ (1754—1821), знаменитый противникъ Французской революціи и всѣхъ ея послѣдствій, прожилъ у насъ около 14 лѣтъ, въ качествѣ представителя Сардинскаго короля Виктора Эмануила I-го, тѣснимаго Французами и Австрійцами, удержавшаго во владѣніи своемъ одинъ только бѣдный островъ Сардинію и искавшаго спасенія въ великодушіи Русскихъ государей. Нашъ Суворовъ очистилъ королевство его отъ Французовъ; но Австрія не допустила короля утвердиться во владѣніи его предковъ, а затѣмъ побѣды Бонапарта принудили его искать убѣжища въ Римѣ, откуда потомъ онъ переселился на свой островъ, въ городокъ Кальяри. Посреди всякаго рода несчастій, графъ Местръ оставался вѣренъ королю своему и управлялъ въ Кальяри его канцеляріею. Россія народною политикою Екатерины была поставлена на такую высоту, что еще долго спустя могла тратить силы свои для внѣшнихъ цѣлей. Она являлась тогда величавою покровительницею жертвъ Французской революціи и Наполеоновскихъ завоеваній, и вотъ несчастный король отправляетъ въ Петербургъ вѣрнаго слугу своего искать нашей дипломатической обороны отъ угнетеній перваго консула. Для оцѣнки сношеній нашихъ съ Сардиніею, не мѣшаетъ припомнить, что не задолго передъ тѣмъ графъ Литта и Іезуитъ Груберъ пустили корень свой въ Петербургѣ, что политика Павла съ его Мальтійскимъ орденомъ подавала католикамъ поводы къ несбыточнымъ планамъ, и что князь Адамъ Чарторижскій, при Павлѣ, жилъ въ Кальяри нашимъ посланникомъ. Когда, съ воцареніемъ Александра, онъ, (по духу, сынъ іезуитства), очутился во главѣ управленія внѣшними сношеніями Россіи, и въ тоже время Англія объявила войну Франціи, —надежды Сардинскаго короля ожили, и тутъ несмѣтныя суммы Русскихъ денегъ ушли на безполезную для насъ поддержку совершенно чужихъ выгодъ. Такъ напр., въ войну 1799 года, Русскіе корабли захватывали Французскіе суда у Сардинскихъ береговъ; король выплачивалъ за нихъ деньги республиканскому правительству Франціи и за тѣмъ съумѣлъ получить ихъ обратно отъ императора Александра Павловича. Онъ получалъ кромѣ того значительную пенсію изъ Россіи на свое содержаніе.

Итальянскій походъ Суворова познакомилъ графа Местра съ Русскими. Родной братъ его графъ Ксаверій, (впослѣдствіи женившійся на Софьѣ Ивановнѣ Загряжской) находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову.

13 Мая 1803 г. графъ Местръ пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда, въ теченіи многихъ лѣтъ, писалъ свои исполненныя тонкой наблюдательности и необыкновеннаго ума депеши и письма къ королю и его приближеннымъ. Докторъ Туринскаго университета Альбертъ Бланкъ, при содѣйствіи славнаго Кавура, издалъ эти важныя для Русской исторіи бумаги съ обширными историческими примѣчаніями. Мы пользуемся Парижскимъ изданіемъ этой книги: Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre. 2-me éd. Paris. 1859. 8°. 395 стр., и по возможности извлекаемъ изъ нея все то что касается до Русской политики, Русскаго Двора и общества.

Слава замѣчательнаго писателя уже предшествовала графу Местру. Впрочемъ, друзья-Іезуиты безъ сомнѣнія скоро познакомили его съ Петербургомъ. Въ особенности съумѣлъ онъ сблизиться съ графинею Анною Ивановною Толстою (ур. кн. Барятинскою)

супругою обергофмаршала графа Николая Александровича (который до Августа 1814 г. имѣлъ во всякое время свободный входъ къ государю); черезъ нее узнавалъ онъ многое и этимъ путемъ достигалъ своихъ цѣлей вѣрнѣе, нежели посредствомъ оффиціальныхъ бумагъ: „Императоръ никогда не допускалъ иностранныхъ министровъ говорить съ нимъ о дѣлахъ; канцлеръ (гр А. Р. Воронцовъ) и лица, завѣдующія иностранными дѣлами, недоступны. Все дѣлалось оффиціально, нотами и торжественными аудіенціями“ (стр. 78). Главнымъ лицомъ были князь Адамъ Чарторыжскій, который прикидывался, что онъ не болѣе какъ товарищъ старика-канцлера.

26 Мая графъ представлялся государю и его супругѣ. „Конечно, пишетъ онъ, въ Европѣ нѣтъ другой болѣе прекрасной царственной четы. Любезность обоихъ выше всякихъ словъ. Они любятъ скрывать свое величіе, и присутствіе ихъ ни для кого не стѣснительно. Императоръ часто гуляетъ одинъ безъ прислуги...“ (стр. 77)

Въ это самое время началась война Франціи съ Англіею; и всѣ ожидали, какое положеніе приметъ Россія. Графъ Местръ писалъ въ Римъ, въ Августѣ 1803 года (стр. 94).

I.

Г-ну Габе, государственному секретарю Сардинскаго короля. Англичане, вообще отличающіеся недостаткомъ ловкости и любезности, не съумѣли съ самаго начала обойтись съ императоромъ и его министрами. Нынѣ происходитъ сближеніе. Надо дѣйствовать потихоньку, такъ какъ рѣзкость, съ которою дѣйствовалъ прежній императоръ, смѣнилась другою крайностью.—У перваго консула была бурная сцена съ Марковымъ по поводу плѣнныхъ Англичанъ; дошло до угрозъ. Англійскій посланникъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ въ присутствіи нѣкоего кавалера Оара (O'Hard), Ирландца, находящагося въ Русской службѣ. «Какъ бы хорошо было, если бы онъ далъ ему пощечину (замѣтилъ Оаръ): графъ Морковъ отвѣчалъ бы тѣмъ же.» — «Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, первый консулъ непремѣнно бы убилъ его до смерти! — «Тѣмъ лучше, воскликнулъ Ирландецъ; тѣмъ лучше, чортъ возьми!» Политически онъ совершенно правъ; жаль было бы только убіеннаго....

II (стр. 95)

Графу N. N.

Когда я цѣловалъ руку у этихъ прелестныхъ Великихъ Княженъ [1]), сердце мое творило обѣты въ пользу королевской фамиліи. Коль скоро время прояснится, сюда слѣдуетъ обратить всѣ наши виды; а если бы этимъ великимъ видамъ явилось препятствіе со стороны вѣроисповѣданія, то стòитъ вспомнить могилу княжны Бѣлосельской, данную ей съ позволенія кардинала Косты на Туринскомъ кладбищѣ. Впрочемъ никакой священникъ не имѣетъ права воспрепятствовать живой женщинѣ раздѣлить мое ложе, подъ условіемъ, что по смерти своей она будетъ положена на его кладбище. Вы весьма ошибетесь, графъ, если примите слова эти за шутку. Не нужно позволять себѣ другой мысли, и я очень желалъ бы знать, могу ли, при случаѣ, замолвить на этотъ счетъ словечко.....

Генералъ Гедувиль [2]), усердно являющійся на парады, обнаруживалъ нѣкоторую тревогу, въ послѣднее воскресенье, по причинѣ Парижской сцены съ графомъ Марковымъ. «Идите,

[1]) Маріи и Екатеринѣ. Первой шелъ тогда 18-й, а второй 16-й годъ.
[2]) Французскій посланникъ.

идите, сказалъ ему императоръ: я не поступаю такъ, какъ поступаютъ съ моими министрами въ Парижѣ». Генералъ Гедувиль очень скромно приблизился и сказалъ: «Вашему Величеству навѣрное не такъ доложили». «Я вамъ замѣтилъ это, сказалъ Императоръ, только для того, чтобъ вы не смущались; впрочемъ мнѣ не нужно никакихъ объясненій.»

III (стр. 96)

Г-ну Габе.

23 Іюня (5 Іюля) 1803.

Считаю долгомъ замѣтить вамъ относительно Русскаго императора, что Его Величеству [3]) сильно разсчитывать на него нечего. Онъ добръ, онъ прекрасенъ, онъ исполненъ человѣколюбія, но относительно силы характера онъ оставляетъ желать многаго. Одинъ изъ его камергеровъ увѣрялъ меня, что самъ слышалъ, какъ Императоръ говорилъ со смѣхомъ о дѣлахъ короля и о злодѣйствахъ Французовъ, какъ о ловкомъ фокусѣ. Все зависитъ отъ министровъ. Главнымъ образомъ, дайте ходъ всѣмъ дѣйствіямъ графа Маркова. Однако дѣла чрезвычайно далеко ушли впередъ въ теченіи мѣсяца. Когда я пріѣхалъ, холодность Кабинета сокрушала меня. Всѣ надежды на яркую вспышку личной привязанности конечно похоронены съ императоромъ Павломъ; но уже довольно и того, что надежды короля воскресли.

У графа Маркова дѣйствительно была сцена съ Бонапартомъ, но совсѣмъ не въ такомъ видѣ, какъ разсказывалъ мнѣ Англійскій посолъ, позволяющій себѣ подчасъ почерпать свои разсказы изъ газетъ. Б. самъ позвалъ Маркова, намѣреваясь воспользоваться предложеніями Русскаго императора. Марковъ безъ обиняковъ сказалъ ему: «Вы ставите Европу вверхъ дномъ, всѣ должны соединиться противъ васъ» и много другаго въ такомъ родѣ, что первый консулъ наконецъ сказалъ: «Если такъ, предаю себя въ руки Русскаго императора; пусть онъ рѣшитъ, какъ хочетъ» (Великое, великое, великое слово!) Герцогъ Серра- Капріола [4]), имѣющій наивѣрнѣйшія свѣдѣнія во всемъ дипломатическомъ корпусѣ, не сомнѣвается въ томъ, что третьяго дня курьеръ привезъ генералу Гедувилю полномочіе на соглашеніе съ Императоромъ. Теперь для Его Величества рѣчь уже идетъ не о томъ, чтобы избѣгнуть отреченія. Сердце рвется у меня изъ груди.

IV (стр. 97)

Графу N. N.

17 (29) Іюля 1803.

Россія, прянявъ положеніе болѣе угрожающее и повысивъ голосъ, легко могла бы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе; но попробуйте внести такіи мысли въ голову, настроенную г. Лагарпомъ! У Русскаго императора лишь два помышленія: миръ и бережливость. Знаю, что добродѣтели, доведенныя до крайности, становятся недостатками; но увѣряю васъ, графъ, что не могу воздержаться отъ обожанія этой умѣренности въ молодомъ Государѣ, окруженномъ всѣми вообразимыми искушеніями. Издержки его ограничены извѣстною

[3]) Королю Сардинскому.

[4]) Посолъ Неаполитанскій, женатый на дочери Екатерининскаго вельможи кн. Вяземскаго.

суммою на каждую треть года. Если къ концу этого срока у него ничего не остается, онъ серіозно говоритъ: «у меня нѣтъ болѣе денегъ», и живетъ въ долгъ. Онъ не носитъ никакихъ драгоцѣнностей, ни одного кольца, даже не носитъ часовъ. У него нѣтъ свиты. Если онъ встрѣчаетъ кого-либо на набережной, онъ не хочетъ, чтобы выходили изъ экипажа, и довольствуется поклономъ. Къ несчастію, эта простота въ обращеніи, быть можетъ умѣстная въ странахъ южныхъ, гдѣ умѣютъ цѣнить безъискусственное величіе, повидимому, не производитъ такого-же впечатлѣнія въ Россіи. Личное уваженіе очень ослабѣло. Не всякій народъ способенъ оцѣнить всякую добродѣтель. Нужно однако преклоняться передъ такою любовью къ людямъ и къ своему долгу.

V (стр. 98)

Графу Шаламберу въ Римъ.

5 Августа 1803.

Не погнѣвайтесь, если предъидущими моими письмами я причинилъ вамъ лихорадку: весь дипломатическій корпусъ испыталъ такое же потрясеніе. Въ виду чрезвычайнаго рѣшенія Бонапартова, кто могъ бы ожидать, что все войдетъ въ прежнюю колею? Русскій императоръ предлагаетъ: 1) очищеніе Голландіи, 2) также Швейцаріи и Италіи, 3) возстановленіе Ганновера, 4) полное вознагражденіе Его Величества [5]) всѣмъ тѣмъ, чего онъ лишился съ перваго трактата, 5) Русскій гарнизонъ въ Мальтѣ на десять лѣтъ. Англичане не обнаружили въ переговорахъ никакой ловкости. Прощаю имъ Аміенсъ; но эта вторичная слабость унизительна. Герцогъ Серра-Капріола настойчиво говорилъ съ Англійскимъ посланникомъ и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не считали себя обязанными трактовать о присоединенныхъ земляхъ». Въ такомъ случаѣ Бонапартъ оплошалъ, не присоединивъ всей Европы. Есть отъ чего стонать! Тѣмъ не менѣе подумайте, чтò мы теперь и чтò мы были, когда я писалъ мои первыя депеши; можно и порадоваться. Русскій императоръ имѣлъ великолѣпную мысль самъ, во главѣ 50-ти тысячнаго войска, отправиться въ Германію, какъ оберегатель ея политическаго состава. Тутъ уже не Лагарпъ дѣйствуетъ. Но его не допустили до этого....

18 (30) Августа 1803.

Расходы не даютъ мнѣ покою. Я ничего не понимаю въ экономіи. Самая обыкновенная жизнь обходится здѣсь чрезвычайно дорого. Одинъ столъ разорителенъ; всѣ вины, всѣ фрукты чужихъ земель повсюду на столахъ. Я ѣлъ дыню въ 6 рублей, Французскій пирогъ въ 30, Англійскіе устрицы по 12 рублей за сотню. Однажды, за небольшимъ ужиномъ, подали бутылку шампанскаго. «Сколько она стоитъ вамъ, княгиня?» спросилъ кто-то.—«Около десяти франковъ.» Только что я хотѣлъ замѣтить, что это слишкомъ дорого, какъ сидѣвшая возлѣ меня дама воскликнула: «Какая дешевизна!» Я убѣдился, что меня сочли бы настоящимъ Савояромъ, и промолчалъ. Впрочемъ конецъ концовъ тотъ, что при несмѣтныхъ богатствахъ всѣ разорены, никто не платитъ долговъ, и взысканія нѣтъ никакого.

---

[5]) Т. е. короля Сардинскаго.

VI (стр. 100)

Кавалеру Росси въ Вѣну.

20 Сентября 1803.

Генералъ Гедувиль ѣздилъ на маневры, которыми распоряжался Императоръ. По окончаніи ихъ данъ былъ завтракъ и выпита тысяча бутылокъ шампанскаго. Тѣмъ временемъ полученъ отвѣтъ перваго консула. Гедувиль немедленно возратился для совѣщанія съ Воронцовымъ. Покуда было чего бояться, первый консулъ готовъ былъ подписать что угодно; но теперь, видя, что одни робѣютъ, а другіе любезничаютъ, онъ тотчасъ зазнался и заговорилъ тономъ негодованія, жалуясь въ своемъ отвѣтѣ на то, что предложеніе Россіи слишкомъ пристрастно въ пользу Англіи. Воронцовъ сказалъ Гедувилю: «Видно, что первый консулъ не хочетъ мира.» Министръ графъ Бутурлинъ [6]) сказалъ мнѣ: «Увидите, мы его образумимъ.» Ну, я не ручаюсь!

VII (стр. 101)

Г-ну Габе.

17 (29) Сентября 1803.

Воронцовъ удаляется въ Москву [7]). Чарторыжскій будетъ всемогущъ. Онъ высокомѣренъ, коваренъ и производитъ впечатлѣніе, довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы Полякъ, имѣвшій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ Русскимъ и истиннымъ другомъ Французовъ. Притомъ не думаю, чтобы мы были близки его сердцу, и по всѣмъ этимъ причинамъ перемѣна эта мнѣ сильно не нравится. Князь молодъ; въ Петербургѣ, гдѣ генераламъ по двадцати пяти лѣтъ, надобно быть молодымъ. Онъ сказалъ кому-то: «Что̀ намъ за дѣло до Сардинскаго короля?» — Вамъ очень до него дѣло, ибо рѣчь идетъ о правѣ государей и о чести вашего въ особенности! Императоръ не умираетъ: Павелъ обѣщалъ, Александръ долженъ исполнить.

Разговаривая съ княземъ Бѣлосельскимъ, я коснулся Маркова. Князь Б. выразился о немъ самымъ жесткимъ и оскорбительнымъ образомъ.— «Однако-же», возразилъ я, чтобы вызвать его на дальнѣйшій разговоръ,— его очень цѣнитъ графъ Воронцовъ.» —«Это потому», отвѣчалъ онъ, «что между ними существуетъ связь злодѣйства, ибо самъ канцлеръ ничто иное какъ злодѣй и..... Я захотѣлъ узнать объ этомъ лицѣ мнѣніе г. Стеддинга [8]) одного изъ людей, наиболѣе мною уважаемыхъ; онъ сказалъ мнѣ, съ своимъ прекраснымъ хладнокровіемъ: «Полагаю, что онъ дѣйствительно былъ злодѣемъ прежде, чѣмъ разбогатѣлъ; но съ тѣхъ поръ полагаю, что онъ держится лучшихъ правилъ». Извольте на это положиться! Графъ Марковъ давно привязанъ къ нѣкоей г-жѣ Гюсъ, когда-то актрисѣ, отъ которой онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, хотя она и замужемъ. Всѣ эти дѣти умерли, кромѣ одной

---

[6]) Гр. Д. П. Бутурлинъ, назначенный было посланникомъ въ Римъ.

[7]) Сколько намъ извѣстно, графъ А. Р. Воронцовъ не возвращался, но удерживая должность великаго канцлера, жилъ въ селѣ Андреевскомъ подъ Владиміромъ, гдѣ при немъ находилась цѣлая канцелярія и нѣсколько чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ продолжалъ получать депеши и отправлять курьеровъ, но направленіе дѣлъ принадлежало нераздѣльно заклятому врагу Россіи, кн. Чарторыжскому, и это направленіе привело къ Аустерлицкому погрому. Замѣчательно, что графъ Воронцовъ скончался въ тѣ самые дни, какъ получено было извѣстіе объ Аустерлицѣ. *П. Б.*

[8]) Шведскаго посла, съ которымъ графъ Местръ сблизился съ самаго своего пріѣзда.

дочери, которую Императоръ призналъ законною и удостоилъ титула графини Марковой [9]). Подобнымъ вещамъ здѣсь удивляются не болѣе, чѣмъ восходу и заходу солнца. Если графъ Марковъ вернется въ Парижъ, то наши надежды въ этомъ случаѣ по необходимости должны прицѣпиться къ юпкамъ этой женщины. Тутъ нѣтъ ничего противнаго общимъ правиламъ. Нужно предлагать всякой канцеляріи ту приманку, къ которой она падка. Коль скоро нуждаешься въ воронѣ, то что̀ дурнаго въ томъ, если предложишь ему падаль?

VIII (стр. 389).

Мы простились съ прелестною Великою Княгинею Маріею Павловною, вышедшею за мужъ за наслѣднаго принца Саксенъ-Веймарскаго. Ничего печальнѣе нельзя было себѣ представить. Дипломатическій корпусъ, мужчины и женщины, былъ расположенъ кругомъ. Бѣдняжка вышла съ такимъ выраженіемъ лица, отъ котораго у всѣхъ навертывались слезы. Она быстро обошла всѣхъ и подавала всѣмъ свою прелестную ручку, не имѣя силъ произнести ни слова. Можете себѣ представить, что и нами не было нарушено молчаніе. Всѣ были тронуты, въ особенности глядя на ея мужа, который также былъ тутъ. Это маленькій капралъ-Нѣмецъ, столь-же неповоротливый, какъ его ботфорта, недалекій и имѣющій менѣе подданныхъ, чѣмъ у его зятя гренадеровъ. Онъ-то увозитъ этого прелестнаго ангела, и это въ силу какого-то суевѣрія относительно обѣщанія, даннаго, какъ говорятъ, императоромъ Павломъ. Всѣ кричали, не стѣсняясь: «Вотъ дурная-то партія!» Здѣсь надъ всѣми женщинами, отъ дворца до хижины, тяготѣетъ какая-то судьба. Всего менѣе стѣсняется Константинъ Павловичь, который прелестенъ въ своихъ выходкахъ на счетъ милаго зятя. Въ тотъ-же день, она простилась съ публикою въ театрѣ. Она была принята съ восторгомъ. По окончаніи спектакля, когда дворъ вышелъ изъ ложи, Великая Княгиня осталась одна, словно она была не въ силахъ выйти, и тутъ раздались новые крики, новыя прощанія, грустныя и шумныя. Казалось, не хотѣли ее выпустить. Припоминая печальную судьбу ея двухъ старшихъ сестеръ, ей кричали: «будьте счастливы!» Бѣдный ребенокъ плакалъ на взрыдъ. На другой день, послѣ обѣдни, она уѣхала, съ своею свѣжею юностью и своимъ невыразимымъ супругомъ.

IX (стр. 110)

Королю.

29 Марта (10 Апр.) 1804.

Вамъ уже извѣстно неслыханное злодѣйство, совершенное Бонапартомъ въ Германіи [10]). Прошу, умоляю Ваше Величество быть осторожнымъ. Энергія осталась у однихъ разбойниковъ......

P. S. Вчера на пути къ г. герцогу [11]), я увидѣлъ Императора, верхомъ, въ сопровожденіи одного лица. Я опустилъ стекло и поклонился по обычаю. Его Величество подъѣхалъ ко мнѣ и соблаговолилъ поговорить со мною нѣкоторое время самымъ любезнымъ образомъ. Нѣтъ въ мірѣ болѣе добраго государя. Императоръ отмѣнилъ два придворныхъ

[9]) Она долго оставалась богатою невѣстою; на ней хотѣли женить Өедора Семеновича Уварова; и около 1820 года она вышла за князя Сергія Яковлевича Голицына.

[10]) Убійство герцога Энгіенскаго.

[11]) Серра-Капріола.

праздника для того, чтобы не принимать генерала Гедувиля. Но *благородный* Императоръ [12]) сказалъ г-у Шампаньи, на пріемѣ: «Я въ негодованіи отъ этого заговора [13]): дѣло перваго консула есть дѣло всѣхъ государей».

X.

Петербургъ 18 (30) Апрѣля 1804.

Наконецъ, бомба лопнула. Можно было предвидѣть навѣрное, что первый консулъ не уступитъ тремъ рѣшительнымъ требованіямъ Россіи [14]); но казнь несчастнаго герцога Энгіенскаго, если не ошибаюсь, сильно ускоритъ событія. Негодованіе достигло высшихъ предѣловъ. Добрыя Императрицы прослезились. Великій Князь въ бѣшенствѣ, а Его Императорское Величество огорченъ не менѣе глубоко. Членовъ Французскаго посольства не принимаютъ, даже не говорятъ съ ними. Въ тотъ день когда получили ужасное извѣстіе, г-жа Гедувиль имѣла дерзость пріѣхать вечеромъ къ кн. Бѣлосельскому, у котораго собралось болѣе шестидесяти человѣкъ. Пріемъ былъ ледяной: ее оставили одну съ кузиною (живущею у нея) на отдаленномъ диванѣ, къ которому никто не подходилъ. Это было назидательное зрѣлище. Наконецъ послѣ долгаго сидѣнія она поднялась, слишкомъ часъ до ужина, проговоря: «Уѣдемъ, видно мы зачумленныя». Онѣ уѣхали, не дождавшись ни слова отъ кого-бы то ни было. Императоръ облекся въ трауръ, и повѣстки о семидневномъ траурѣ были разосланы всему дипломатическому корпусу, генералу Гедувилю какъ и прочимъ. Сегодня заупокойная служба въ католической церкви. На нее отправляются многія здѣшнія дамы, также какъ и *Англійскій посолъ*. Никогда не видалъ я мнѣнія, столь единодушно и рѣзко-выраженнаго.

Его Императорское Величество еще разъ сдѣлалъ мнѣ честь остановить меня и говорить со мною на главной улицѣ города. Отъ всего сердца желалъ-бы я, чтобы вы могли поглядѣть изъ окна, какъ мы разговаривали. Бесѣда шла довольно долго.—«Какъ удалось вамъ такъ скоро освоиться у насъ»?—«Государь, въ теплицахъ Вашего Величества всѣмъ растеніямъ міра кажется, что они дома». Затѣмъ мы заговорили о Невѣ, которая должна была скоро вскрыться. Императоръ сказалъ мнѣ, что полиція уже не дозволяетъ переѣзжать черезъ нее. «Иначе», прибавилъ онъ, найдутся смѣльчаки, которые подверглись-бы опасности». Я отвѣчалъ: «Государь, Вашимъ подданнымъ вода, какъ и огонь, ни по чемъ». Все обошлось прекрасно, увѣряю васъ. Всѣ прохожіе останавливались и созерцали насъ, снявъ шляпы, *et beatissimum praedicabant* [15]). Они страшно заблуждались.

XI (стр. 119)

25 Февр. (9 Марта) 1805.

.....Графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, только что обнародовалъ свой отчетъ и передалъ его г. Шторху, для перевода и напечатанія въ его повременномъ изданіи, оза-

[12]) Австрійскій.
[13]) Жоржа Кадудаля противъ Наполеона.
[14]) Свобода Германіи, очищеніе Неаполитанскаго королевства и полное вознагражденіе Сардинскаго короля.
[15]) И предвѣщали всякія блага.

главленномъ: «Россія при Александрѣ 1-мъ». Это документъ, единственный въ своемъ родѣ. Все въ немъ раскрыто: и хорошее, и дурное, даже небольшія, частныя возмущенія, вызванныя неудовольствіемъ; все въ немъ выставлено на чистоту. Въ то-же время министръ издаетъ Русскій журналъ, въ которомъ печатаетъ всѣ записки, представленныя Императору касательно разныхъ отраслей внутренняго управленія, и всѣ письма Его Величества ко всѣмъ губернаторамъ, которые точь въ точь то-же, чѣмъ были сатрапы въ Персіи. Для того, чтобы поставить на ноги этотъ журналъ, Государь назначилъ 6000 рублей. На слѣдующій годъ, журналъ не только окупился, но далъ 13000 р. прибыли. Такимъ-то образомъ Государь, окруженный министрами, раздѣляющими его взгляды, неутомимо преслѣдуетъ свои два любимые проэкта: распространеніе просвѣщенія и освобожденіе народа. При Екатеринѣ II (не далѣе) когда эта Государыня пожелала обнародовать самую невинную записку о статистикѣ одной изъ своихъ областей, князь Вяземскій, тогда генералъ-прокуроръ, поспѣшилъ къ Императрицѣ и объявилъ, что если эта записка увидитъ свѣтъ, ему невозможно остаться при должности. Императрица уступила. Ваше Величество видите, какъ быстро здѣсь подвинулись. Едва-ли есть человѣкъ, который могъ-бы навѣрняка обсудить послѣдствія всего этого. Одно лишь неоспоримо: *такъ или иначе* царствованіе Александра останется на всегда достопамятнымъ.

*

Наполеонъ отклонилъ посредничество Россіи, и вслѣдствіе того, политика императора Александра въ 1805 г. приняла новое направленіе. По словамъ издателя Местровыхъ депешъ (стр. 174), направленіе это выработалось подъ вліяніемъ записки, представленной Государю бывшимъ наставникомъ князя Адама Чарторыжскаго, нѣкіемъ аббатомъ Піатоли, проживавшимъ когда-то при дворѣ Станислава Понятовскаго. Россію соблазнили мыслію о возможности пріобрѣсти нравственное господство надъ Европою, но въ тоже время она должна была возстановить Піемонтъ съ присоединеніемъ къ нему Венеціи, Милана и Генуи и добиться независимости Италіи. Но Австрія, разумѣется, стала помѣхою.

XII (стр. 359)

1805.

При видѣ этого Двора, столь Азіатскаго, этого Императора, столь неограниченно властвующаго надъ своими подданными, кто-бы не подумалъ, Государь, что Ваше Величество не найдете въ немъ самую твердую опору самого неограниченнаго самодержавія? Ничуть не бывало. Императоръ-философъ и, если смѣю такъ выразиться, слишкомъ философъ. Лагарпъ произвелъ на его юное сердца неизгладимое впечатлѣніе, и изъ этого вышло нѣчто совершенно-непонятное для тѣхъ, кто не изучалъ этого явленія на мѣстѣ. Все что̀ окружаетъ Императора, все что̀ пользуется его довѣріемъ, также расположено къ новымъ идеямъ. Отсюда та знаменитая конституція, которую Ваше Величество могли прочесть, три года тому назадъ, во всѣхъ газетахъ. Правда, что сами авторы были принуждены отступиться отъ своего созданія; но если-бы народъ дозрѣлъ до подобнаго образа правленія, Императоръ охотно бы его установилъ. И такъ, если мы доживемъ до минуты (дай Богъ, чтобы она настала скорѣе!) когда Ваше Величество будетъ призваны царство-

вать надъ обновленнымъ народомъ, и лица говорящія за этотъ народъ будутъ требовать, чтобы Ваше Величество согласились на то или другое представительство, на ту или другую привилегію, то будьте увѣрены, что первымъ словомъ Императора будетъ: «Прекрасно. Совершенно справедливо!»

XIII (стр. 363)

1805.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ посѣтилъ Сардинскаго короля въ Римѣ и сообщилъ ему благопріятныя наблюденія свои о состояніи умовъ въ Піемонтѣ. Опровергая показанія его, гр. Местръ пишетъ между прочимъ:

Путешествія свои графъ Панинъ хотѣлъ начать со Швеціи; но на границѣ Шведскій король воспретилъ ему въѣздъ, и онъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Панинъ приносилъ здѣсь горькія жалобы, но Дворъ не внялъ онымъ. Бонапартъ, этотъ великій защитникъ государскихъ правъ, не позволилъ ему оставаться въ Швейцаріи и даже велѣлъ солдатамъ выпроводить его до границы. Наконецъ, когда онъ прибылъ сюда съ цѣлью поселиться здѣсь и даже нанялъ домъ, ему дано знать, чтобъ онъ уѣзжалъ въ Москву, гдѣ онъ теперь и находится. Я хорошо знакомъ съ его сестрою г-жею Тутолминой, которая путешествовала все время съ нимъ. Она ничего не видала въ Піемонтѣ; она не слыхала ни слова о томъ, что̀ братъ ея разсказывалъ въ Римѣ.

XIV.

Письмо къ королю объ Аустерлицкомъ событіи.

Начато въ исходѣ Декабря 1805, кончено 19 (31 Янв.) 1806.

Вопреки всѣмъ правиламъ благоразумія и политики, Австрійцы, въ первыхъ числахъ Октября, захотѣли вступить въ Баварію. Было нарочное соглашеніе о томъ, чтобы до прибытія Русскихъ они не переходили рѣки Инна; и по своей трусливости, съ самаго начала переговоровъ, они сами безпрестанно просили, чтобъ не понуждать ихъ ни къ какому движенія до соединенія съ Русскими. Гордость, алчность, слѣпое честолюбіе взяли верхъ надъ политикою, здравымъ смысломъ и надъ самою трусостью. Чтобы сбыть свои банковые билеты, чтобъ насладиться обладаніемъ этой столь желаемой Баваріи и угнести *по Австрійскому обряду* ея жителей, они вступили въ Баварію и, что̀ удивительно, дѣйствія ихъ, военныя и политическія, тотчасъ пошли вопреки намѣреніемъ, которыя выражалъ государь ихъ въ извѣстной конечно Вашему Величеству частной перепискѣ съ Баварскимъ курфирстомъ. Вотъ новое доказательство, что добрый и правдолюбивый монархъ ровно ничего не значитъ, коль скоро намѣренія его, всегда прямыя и почтенныя, постоянно подчинены направленію его министерства и его народа. Пропускаю роковыя Октябрьскія событія: Ваше Величество слишкомъ ихъ знаете. Военная исторія не представляетъ ничего подобнаго. Генералъ Кутузовъ черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Браунау, на Иннъ и вслѣдствіе этихъ невѣроятныхъ пораженій очутился безъ прикрытія. Пришлось помышлять объ отступленіи, и онъ шелъ назадъ, около сорока дней сряду, въ наилучшемъ порядкѣ, постоянно тревожимый Французами и постоянно отбивавшійся. Наконецъ онъ прибылъ въ Брюннъ, гдѣ и могъ соединиться съ подоспѣвшими первыми Русскими колоннами. Во время этого отступленія генералъ Кутузовъ далъ пять замѣчательныхъ сраженій: пер-

вое на Эмсѣ 16 Октября, второе на Ламбахѣ 19-го; третье между Штренбергомъ и Альтестеномъ 24-го; четвертое у Кремса на Дунаѣ 12 Ноября, и пятое 15 числа того же мѣсяца, на пути отъ Кремса въ Брюннъ. Два послѣднія были самыя значительныя. Въ Кремсѣ генералъ Кутузовъ истребилъ Французскую колонну, которая подвергала его величайшей опасности; а въ сраженіи 15 Ноября князь Багратіонъ съ 4500 человѣкъ, окруженный 30 тысячами непріятелей и по распоряженію главнокомандующаго обреченный на гибель для спасенія остальной арміи, пробился штыками и успѣлъ соединиться съ Кутузовымъ, потерявъ убитыми полторы тысячи человѣкъ. Ваше Величество вѣрно узнаете невѣроятный анекдотъ объ Австрійскомъ генералѣ Ностицѣ, который не сталъ драться по простому письму маршала Сульта, написавшаго, будто заключено перемиріе. Передъ этимъ, князь Ауеспергъ, которому поручено было разрушить мосты въ Вѣнѣ, далъ себя одурачить Мюрату на главномъ изъ этихъ мостовъ посреди свезенныхъ для истребленія моста зажигательныхъ веществъ: покуда Мюратъ толковалъ ему о перемиріи и о мирѣ, Французы перешли Дунай ниже этого моста и устремились занять мѣсто между Кутузовымъ и Багратіономъ. Тогда Русскій корпусъ въ 4500 человѣкъ очутился со всѣхъ сторонъ окруженнымъ, и Мюратъ предложилъ князю Багратіону почетную капитуляцію. Тотъ послалъ предложенія своему главнокомандующему, который въ свою очередь отправилъ во Французскій станъ адъютанта Его Имп. Величества барона Винцингероде для подписанія капитуляціи, sub spe rati, что̀ и было сдѣлано; а Мюратъ, съ своей стороны, выговорилъ, что условіе будетъ принято его шуриномъ [16]). Русскій корпусъ, подъ начальствомъ Суворовскаго генерала, полагающій оружіе передъ Французами, представлялъ собою слишкомъ дорогое зрѣлище, чтобы владыка Франціи не насладился имъ. По извѣщенію Мюрата, Бонапартъ поскакалъ опрометью принять шпагу отъ князя Багратіона; но Кутузовъ, выигравъ между тѣмъ двадцать часовъ времени, успѣлъ перевести Русскую армію на прикрытое мѣсто, и за тѣмъ положилъ капитуляцію съ карманъ. Французы, видя, что время уходитъ, назначили князю Багратіону четыре часа для капитуляціи. Въ это время прибылъ Бонапартъ и, въ бѣшенствѣ отъ неисполненія ожиданій своихъ, велѣлъ наступать до истеченія срока. Но доблесть Русскихъ выручила ихъ. Графъ Галате, подданный Вашего Величества, отличился при Эмсѣ и Альстетенѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ штыкомъ и самъ получилъ рану въ голову; случайно, почти чудомъ, жизнь его была спасена. Императоръ, встрѣтившій его въ Ольмюцѣ, пожалъ ему руку. Въ противность здѣшнему обычаю, Галате сталъ на колѣно, чтобы поцаловать государеву руку. Императоръ поднялъ его и поцаловалъ при всѣхъ. Здѣсь очень восхваляли эти подробности отступленія, и (тайкомъ сообщу Вашему Величеству) восхваляли до того, что почти смѣшно было слушать.

Послѣ битвы 2 Декабря намъ не до веселья. Это несчастіе, какъ и всѣ другія, было пріуготовлено Австрійскимъ кабинетомъ. Русскій императоръ—сама доброта. Въ его характерѣ вовсе нѣтъ рѣзкости и гордаго

[16]) Т. е. Наполеономъ.

самомнѣнія, чтобы всегда занимать первое мѣсто и оттѣснять другихъ. Кромѣ того, по своему чрезвычайному благоразумію, онъ ни минуты не упускалъ изъ виду опасности показаться Австрійцамъ ихъ учителемъ и, чтобы не ослабить союза, предоставлялъ имъ свободу дѣйствій. А тѣ обрадовались возможности дать просторъ всѣмъ врожденнымъ порокамъ своимъ, завладѣли ходомъ войны и во всемъ поступали по своему произволу. «Мы хотимъ столько-то солдатъ, больше мы не хотимъ; помѣстите ихъ тамъ-то, а отнюдь не въ другомъ мѣстѣ; намъ ихъ не нужно въ Италіи; намъ не нужно козаковъ и пр.» [17]) Они удержали за собою составленіе плановъ; планы эти переводились по-русски и разсылались лишь за нѣсколько часовъ до того, какъ надлежало приводить ихъ въ исполненіе. Генералъ фонъ Сухтеленъ и все его вѣдомство, отъ досады и огорченія, принимали участіе въ планѣ кампаніи столько же, какъ и я. Ваше Величество не можете себѣ вообразить, какой скверный духъ господствовалъ въ Австрійской арміи. Солдатъ былъ недоволенъ своими офицерами, офицеры генералами, между генералами шла разнаголосица. Всѣ однако согласны были въ одномъ: никому не хотѣлось воевать. Еще не покидая Вѣны, всѣ генералы протестовали противъ рѣшенія Императора и просили во что бы ни стало заключить миръ подъ стѣнами столицы. Народъ, раздраженный множествомъ податей и въ особенности послѣднимъ поборомъ, взимавшимъ пятую долю со всѣхъ капиталовъ, возненавидѣлъ войну. Сама армія содержала въ себѣ всѣ возможные залоги разложенія: ненависть партій, ненависть сердецъ, ненависть состояній, ненависть національностей. Могъ ли одинъ человѣкъ, правда справедливый и крайне почтенный, но слабый, робкій и постоянно смущаемый вліяніемъ женщины, соединить и привести къ общему движенію столь недружные элементы? Первый знакъ великой катастрофы обнаружился при Ульмѣ, гдѣ, какъ вѣроятно извѣстно Вашему Величеству, вовсе не было главнаго начальника или было ихъ два, что выходитъ одно и тоже. Одинъ имѣлъ право уйти, другой остаться. Ясно до очевидности, что Дворъ не былъ въ силѣ разграничить полномочій эрцгерцога Фердинанда и генерала Мака, такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ полное право почитать себя начальникомъ другаго.—Графъ Разумовскій, сколько мнѣ кажется, будетъ неминуемо въ опалѣ, ибо въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ онъ сдѣлалъ двѣ, по видимому, неизвинительныя ошибки. Во первыхъ, онъ не увѣдомилъ своего Двора о внутреннемъ состояніи Австріи вообще и арміи въ особенности, и поступилъ еще хуже, не позаботившись протестовать противъ перехода на другой берегъ Инна, что было сдѣлано преждевременно и въ противность условію, опредѣлительно выраженному въ союзномъ трактатѣ двухъ державъ. Принимаю смѣлость на минуту остановить вниманіе Вашего Величества на одномъ изъ тѣхъ удивительныхъ противорѣчій, каковыя встрѣчаются какъ въ народахъ, такъ и въ частныхъ лицахъ. Нѣтъ Двора, который бы въ политикѣ былъ

---

[17]) Даже и при Павлѣ Русскіе не испытывали такой наглости. Австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ тогда графъ Стадіонъ (см. Р. Арх. 1868, стр. 387—516), и при немъ злосчастной для Россіи памяти графъ Меттернихъ, занимавшійся въ Петербургѣ еще только любовными шашнями (Местръ, стр. 84).

ревнивѣе и подозрительнѣе Русскаго: онъ разузнаётъ всѣ наши движенія; онъ распечатываетъ всѣ наши письма; онъ имѣетъ явную охоту отстранять насъ отъ себя; если кто либо изъ чиновниковъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ вздумаетъ навѣщать насъ, онъ неминуемо пропалъ. И этотъ же самый Дворъ допускаетъ, что его министры старѣются при иностранныхъ Дворахъ, становятся тамъ собственниками, женятся, долги ихъ (это курьезно) выплачиваются чужимъ государемъ, и они вполнѣ и совершенно освоиваются въ чужой землѣ. Графъ Разумовскій издержалъ милліоны на недвижимую собственность въ Вѣнѣ; наконецъ онъ на свой счетъ выстроилъ мостъ черезъ Дунай. Нечего сказать, хорошій наблюдатель слабости, ошибокъ и макіавелистическихъ продѣлокъ Австріи! Тоже самое въ Берлинѣ и Лондонѣ, хотя на сію пору, съ меньшею опасностью. Не знаю, когда этотъ Дворъ увидитъ, сколь опасна подобная система. — Возвращаюсь къ Ольмюцу.

Генералъ Кутузовъ, отправившись на берега Инна съ 50 тысячами человѣкъ *на бумагѣ*, т. е, не болѣе какъ съ 45-ю на самомъ дѣлѣ, растерялъ или оставилъ позади себя по меньшей мѣрѣ до 2 тысячь. Благоволите, Ваше Величество, принять въ разсчетъ, что, въ теченіи 40 дней лишеній и боевыхъ схватокъ, онъ прошелъ назадъ около 90 Французскихъ миль и долженъ былъ рѣшиться на пожертвованіе княземъ Багратіономъ для спасенія остальной арміи, и Вамъ будетъ понятно, что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ привелъ въ Брюннъ можетъ быть только 25 т. годныхъ къ бою.

Какъ бы то ни было, но прибытіе первыхъ Русскихъ колоннъ, принадлежащихъ къ корпусу генерала Буксгевдена, усилило армію до 45 тысячь. У Австрійцевъ было 30 тысячь: это по крайней мѣрѣ наиболѣе точное показаніе, какое я могъ добыть; знающіе навѣрное конечно не сказываютъ. Тѣ же самыя свидѣтельства опредѣляютъ число Французовъ въ 96 тысячь. Я склоненъ думать, что въ сущности ихъ было меньше, а союзниковъ больше, такъ что силы можно полагать почти что равными. Многія соображенія воспрещали дать битву, въ особенности то обстоятельство, что ждали навѣрное подкрѣпленія въ 15 тысячь, находившихся въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ. Генералъ Кутузовъ отнюдь не желалъ битвы, но ея желали Австрійцы и принудили ея желать. Русскіе въ особенности были убѣждаемы страхомъ голода: дошло до того, что для Русскаго императора и двадцати человѣкъ его свиты подавали одного гуся, а солдаты Русскіе не ѣли два дня, въ то время какъ рѣшено дать битву.

Лошади отощали еще больше людей; они не двигались съ мѣста безъ удара. Австрійцы объявили Русскимъ, что надо брать непріятельскіе магазины или мереть съ голоду. Можетъ быть, примѣшивалось и другое вліяніе [18]). Наконецъ *что́ написано, то написано.* Битва началась 2 Декабря, около 6 часовъ утра, и продолжалась слишкомъ 13 часовъ. Я называю ее битвою при Ольмюцѣ, покамѣстъ Французамъ угодно будетъ дать ей другое имя. Русскіе дрались съ обыкновенною ихъ неустрашимостью; но со стороны знанія и опытности все на-

[18]) Намекъ на молодую и прекрасную Прусскую королеву, которая любила Александра и внушила ему къ себѣ рыцарское обожаніе во время свиданія ихъ въ Мемелѣ. *Примѣчаніе Альберта Бланка.*

клоняетъ меня думать, что борьба была весьма неровная, и что здѣсь также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, еще нѣтъ или не является человѣка, котораго можно бы поставить противъ Бонапарта. Сколько я могу понять, Русскіе, напавъ, по своему обычаю, на Французовъ, были разстроены тѣмъ, что сіи послѣдніе начали какъ мухи пропадать то на правой, то на лѣвой сторонѣ, раскрывая этимъ умышленнымъ бѣгствомъ путь для своихъ батарей т. е. для разгромленія Русскихъ и возвращаясь на прежнее мѣсто, какъ скоро Русскіе приходили въ безпорядокъ. Впрочемъ никакая доблесть не могла принести пользы, коль скоро Австрійцы, вмѣсто того чтобы помогать, дѣлали все на перекоръ. Они встрѣтили Французовъ почти безъ сопротивленія, на всѣхъ мѣстахъ очистили поле, побросали орудія, и наконецъ сами стали стрѣлять по Русскимъ. Это покажется Вашему Величеству баснею; но происшествіе это подтверждается единогласно всѣми; прибавляютъ, что полкъ гвардейскихъ егерей, приведенный въ негодованіе такою подлостью, бросился на гвардейскій отрядъ, откуда были эти выстрѣлы, и разгромилъ его. Весьма уважаемыя начальственныя лица свидѣтельствуютъ и объ этомъ; но взаимная народная ненависть внушаетъ мнѣ величайшее недовѣріе, и я полагаю, что можно сомнѣваться. Коль скоро такъ, то я думаю это первый примѣръ союза, въ которомъ союзники дерутся между собою на полѣ битвы. Здѣсь всѣ увѣрены, что Наполеону былъ доставленъ планъ сраженія. Чувствую, что и тутъ нельзя давать полной вѣры народнымъ предубѣжденіямъ; но въ письмѣ одного иностраннаго офицера, весьма свѣдующаго и вполнѣ надежнаго, я прочелъ слѣдующія подлинныя слова: «Рѣдко имѣются прямыя доказательства измѣны; тѣмъ не менѣе надо признаться, что все происходило какъ будто именно вслѣдствіе измѣны».

Многія указанія подтверждаютъ это мнѣніе, которому вторитъ и народный голосъ. Кажется, что цѣлью Австрійцевъ было: неудачами понудить благороднаго Императора къ миру. Ваше Величество придете въ величайшее негодованіе, когда узнаете, что въ 4 или 5 миляхъ отъ поля битвы нашлись обильные запасы продовольствія для всей отступившей арміи. Молодой и храбрый Императоръ въ этихъ важныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ не только все то, что ему слѣдовало, но можетъ быть болѣе, нежели позволяло ему его достоинство [19]). Онъ подвергался такой опасности, что при одной мысли мы еще дрожимъ за него; граната ранила стоявшаго возлѣ него офицера; не одинъ разъ бросался онъ къ Австрійцамъ, думая одушевить и соединить ихъ; но всѣ его усилія доставили ему одну лишь славу; онъ съ горестью видѣлъ, какъ они, во мгновеніе ока, побросали оружіе, каски, перевязи и протянули руки Французамъ, прося пощады. Пришлось уступить, хотя,

[19]) Государь, котораго смута битвы разлучила съ его друзьями кн. Чарторыжскимъ, гр. Строгановымъ и Новосильцовымъ, принужденъ былъ больной остановиться въ селеніи Уржицѣ, въ крестьянской избѣ, гдѣ для успокоенія его не было ничего кромѣ соломы. Голова его горѣла, и въ немъ оказались признаки болѣзни, называемой холериною. Пріемъ ромашки и 30 капель опіума успокоилъ Государя. Онъ заснулъ. Ему необходимо было достать вина, за которымъ послали въ домъ священника, гдѣ остановился императоръ Францъ. Вина не дали, и уже потомъ наконецъ купили его у одного Венгерскаго офицера. (Мих. Дан. Опис. войны 1805 г. Спб. 1844, стр. 221.)

говоря правду, нельзя сказать, чтобы Русскіе были побѣждены. Великимъ бѣдствіемъ была гибель артиллеріи, впрочемъ не по винѣ Французовъ. Мостъ, наведенный неискусно или съ умышленною оплошностью (тутъ тоже видятъ какую-то загадку) обрушился подъ первою пушкою и погубилъ всѣ остальныя орудія. Ваше Величество замѣтите, что во Французскихъ газетахъ будетъ обо всемъ разсказано, только не объ этомъ мостѣ. Императоръ немедленно возвратился въ Петербургъ, нигдѣ не останавливаясь. Чего не говорили по поводу этого возвращенія! Правда, что такимъ поступкомъ онъ какъ будто сознавался въ своемъ пораженіи, бросалъ все дѣло и огорчалъ армію. Тѣмъ не менѣе, если бы даже мнѣ было возможно хотя на минуту подавить въ себѣ то уваженіе, которое питаю я къ его особѣ, я не въ силахъ порицать его. Будь онъ старше возрастомъ, будь привычнѣе къ человѣческимъ злодѣйствамъ и къ зрѣлищу кровопролитія, онъ конечно бы не уѣхалъ. Ваше Величество благоволите представить себѣ государя, чрезвычайно добраго, человѣколюбиваго и сострадательнаго, въ первый разъ видѣвшаго войну и очутившагося посреди множества труповъ; въ добавокъ обманутаго въ благотворнѣйшихъ надеждахъ своихъ и справедливо раздраженнаго зрѣлищемъ подлости и измѣны; я убѣжденъ, что вы поймете, что въ первомъ припадкѣ негодованія онъ поспѣшилъ прочь. Однако передъ отъѣздомъ онъ обо всемъ озаботился, приказавъ брату своему, въ сопровожденіи князя Долгорукаго, ѣхать въ Берлинъ, и графу Павлу Строганову въ Лондонъ. Нужна была особенная предосторожность относительно Пруссіи, такъ какъ король начиналъ тревожиться: онъ посылалъ своихъ адъютантовъ и удивился, что миръ или перемиріе заключены безъ него, въ противность обязательствамъ, сообща заключеннымъ въ Берлинѣ. Онъ подозрѣвалъ, что Русскій императоръ подпишетъ соглашеніе съ Бонапартомъ, и ошибся: его подписалъ одинъ императоръ Австрійскій. Совершенно растерявшись, Францъ II-й явился въ самый день битвы къ Русскому императору и въ буквальномъ смыслѣ умолялъ его не препятствовать ему во что бы то ни стало примириться съ побѣдителемъ. Александръ сказалъ ему: «Дѣлайте какъ знаете; но я отнюдь въ это не вхожу». Бонапартъ потребовалъ, чтобы несчастный монархъ прибылъ къ нему на бесѣду; Францъ II-й счелъ необходимымъ повиноваться. Какія продиктованы ему условія, я еще не знаю въ эту минуту.

Бонапарту, еще до битвы, чрезвычайно хотѣлось побесѣдовать и съ императоромъ Александромъ. Послѣ битвы, его адъютантъ Савари вторично пріѣхалъ просить свиданія. Императоръ не счелъ удобнымъ принять предложеніе; онъ сказалъ Савари, что посылаетъ кн. Петра Долгорукова, съ которымъ «глава Французскаго народа» можетъ объясниться какъ бы съ нимъ самимъ. Бонапартъ принялъ князя посреди стана, окруженный гвардіей. Когда князь приблизился, Наполеонъ сдѣлалъ повелительный знакъ, чтобы гвардія его удалилась. Начался разговоръ. Князь сказалъ, что государь его не понимаетъ, какая можетъ быть цѣль предложеннаго свиданія. «Эта цѣль—миръ, отвѣчалъ Бонапартъ; я не понимаю, за чѣмъ государь вашъ не хочетъ сговориться со мною; я хочу только его видѣть и подать ему чистый листъ, на которомъ будетъ

подписано *Наполеонъ* и на которомъ онъ самъ изложитъ условія мира.»

Къ этимъ любезностямъ примѣшались нѣкоторыя крупицы хвастовства. Онъ сказалъ: «хотя, можетъ быть, побѣдителю подобаетъ предписывать законы, но впрочемъ» и т. д. Князь Долгоруковъ возразилъ, что какъ намѣренія Его Императорскаго Величества извѣстны, то нѣтъ и надобности въ свиданіи. Нѣкоторые думали, что все это со стороны Бонапарта было уловкою, чтобы вызвать Русскаго императора на какую либо скоропоспѣшную мѣру, а самому получить удовольствіе пропечатать во Французскихъ газетахъ, что «Русскій Императоръ сдѣлалъ посѣщеніе Французскому.» Я тоже увѣренъ, что цѣлью Бонапарта было такъ или иначе извлечь себѣ выгоду отъ этого свиданія, и это очень естественно; но я полагаю также, что если бы это свиданіе состоялось, онъ былъ бы податливѣе, нежели думаютъ, относительно условій, которыя бы ему предложили, и что въ особенности онъ не настаивалъ бы на Puntiglio [20]). Для меня несомнѣнно, что онъ самъ отправился бы къ Русскому императору или бы охотно согласился съѣхаться на полпути. Этотъ парадъ входилъ въ его намѣренія, и навѣрное ему хотѣлось завершить дѣло надежнымъ и почетнымъ способомъ. Кончилось тѣмъ, что Императоръ не захотѣлъ ни съ нимъ видѣться, ни заявить въ этомъ случаѣ другое предложеніе. А между тѣмъ нѣтъ другаго государя, которому бы удобнѣе было войти въ сношеніе съ счастливымъ хищникомъ. Ни въ ихъ характерахъ, ни въ обстоятельствахъ, ни въ ихъ народахъ не имѣется ничего взаимно ожесточающаго. Могущество Александра, его личныя доблести, правота его поступковъ располагаютъ въ его пользу Французовъ и въ особенности Бонапарта, который относительно его даже надѣваетъ маску рыцарства. Послѣ битвы, Савари наговорилъ любезностей Императору и между прочимъ сказалъ, что «Французы постоянно слѣдили за нимъ во время сраженія и видѣли, какъ онъ два раза перемѣнялъ коня и что въ такую-то минуту и въ такомъ-то мѣстѣ подъ нимъ былъ гнѣдой конь». (Такъ, или не такъ, но пріятнѣе этаго нельзя было ничего сказать). Вечеромъ Императоръ повстрѣчалъ на дорогѣ семерыхъ Французскихъ офицеровъ, которыхъ вели въ плѣнъ; онъ немедленно приказалъ дать имъ свободу, а подзадоренный этимъ Бонапартъ отпустилъ на волю всѣхъ плѣнныхъ. Не знаю, простерлась ли любезность и на солдатъ, но что офицеры получили свободу, это вѣрно.—Оказалось, что только гвардейскіе офицеры [21]).

Въ Германіи уже называютъ Ольмюцкую или Аустерлицкую битву битвою императоровъ, Kaiserschlacht. Жаль, что тотъ, чей жребій рѣшался въ этомъ знаменитомъ бою, участвовалъ въ немъ только для счету. Я желалъ бы сообщить Вашему Величеству что либо вѣрное о количествѣ убыли на обѣихъ сторонахъ; но это чрезвычайно трудно. Берлинская газета, которая ближе всѣхъ имѣетъ возможность узнать истину, опредѣлительно говоритъ, что битва эта «самая кровавая изо всѣхъ упоминаемыхъ въ исторіи», и что вообще мертвыхъ и раненыхъ слишкомъ 36 тысячь человѣкъ. Здѣсь никто изъ свѣдующихъ людей не называлъ мнѣ цыфры уби-

[20]) ?

[21]) Писано нѣсколько дней спустя.

тыхъ менѣе какъ отъ 8 до 9 тысячь; цифра эта предполагаетъ тройное количество раненыхъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ одну треть надо считать погибшими для государства. Судя по признанію самихъ плѣнныхъ Французовъ, кажется, что ихъ потеря несравненно многочисленнѣе. Ваше Величество можете представить, какова была рѣзня. Для России это—капля крови; но политическія послѣдствія битвы неисчислимы. Знаменитый Австрійскій Домъ ниспровергнутъ и на всегда. Послѣ страшной, трехвѣковой борьбы, геній Франціи пересилилъ окончательно. Многіе тѣшатъ себя мыслію о Пруссіи, которая осталась еще неприкосновенною; но, признаюсь Вашему Величеству, я мало полагаюсь на эту державу. Характеръ государя, правила его кабинета, самый духъ народа, повидимому, не подаютъ надежды на что либо значительное. Пруссія второй разъ погубитъ Европу, посылая къ Бонапарту своихъ несчастныхъ ораторовъ вмѣсто того, чтобы двинуть армію. «Мы не готовы, говорятъ Пруссаки; нужно время»; очень хорошо, но когда не на чемъ выѣхать, то къ чему же безпрестанно твердить Европѣ о трехъ стахъ тысячь человѣкъ, готовыхъ къ выступленію? И въ настоящихъ обстоятельствахъ Пруссія виновата, не имѣя 50 т. человѣкъ для немедленнаго похода. Впрочемъ, государь, я ничего не утверждаю; но думаю, что мои опасенія основательны. Императоръ ничего не упустилъ для того, чтобы привлечь къ себѣ Пруссію и внушить ей чувства, которыя онъ самъ питаетъ. 26 числа этого мѣсяца онъ далъ весьма продолжительную аудіенцію министру этой державы и выразилъ ему убѣжденіе, что миръ съ Бонапартомъ, т. е. миръ надежный, невозможенъ, развѣ его добыть оружіемъ. Онъ обѣщалъ Пруссіи неограниченную и немедленную помощь. Все это чудесно и вполнѣ достойно Его Императорскаго Величества.

Я довелъ до этого мѣста мою депешу, когда пріѣздъ одного значительнаго лица[22]) далъ мнѣ возможность собрать новыя свѣдѣнія. Ваше Величество благоволите прочесть нижеслѣдующія дополненія и поправки:

1. Бонапартъ просилъ свиданія не послѣ, а гораздо прежде битвы. Кажется, что князь Петръ Долгоруковъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ выполнить данное ему порученіе и что онъ, что̀ называется, пересолилъ[23]).

Кончая разговоръ, безъ сомнѣнія весьма живой, Бонапартъ сказалъ: «И такъ... мы станемъ драться; подать мнѣ коня!» Тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ кажется, вѣрно и то, что послѣ битвы Савари снова являлся къ Императору. Во время разговора Бонапартъ сказалъ князю: «Я знаю, что Русскіе и Англичане высадились въ Неаполитанскомъ королевствѣ; я посылаю 30 тысячь человѣкъ, чтобы побить ихъ.»

2. Несомнѣнно, что этотъ же князь Долгоруковъ чрезвычайно много содѣйствовалъ къ тому, что было рѣшено дать битву: молодой и доблестный Государь слишкомъ соблазненъ былъ приманкою блистательной побѣды.

---

[22]) Графъ П. А. Толстой.

[23]) Впослѣдствіи князь оправдывался въ очень любопытномъ письмѣ, которое было напечатано въ Берлинѣ; но я не могу его послать. Я говорилъ съ нимъ самимъ. Не правда, будто онъ просилъ Итальянской короны для Вашего Величества, о чемъ печатали въ Парижѣ. Даже и названіе Піемонта не было ни разу произнесено; говорилось только о возмѣщеніи. 19 Февраля. *Примѣчаніе графа Местра.*

Австрійскій императоръ также подогрѣвалъ его, говоря: «Войска ваши превосходны, надо дать битву!» Австрійскіе офицеры поддержали это направленіе и дѣлали всѣ приготовленія. Планъ принадлежитъ начальнику ихъ главнаго штаба Вейротеру, пустой, говорятъ, головѣ. Добрый генералъ Сухтеленъ пріѣхалъ въ то самое время, какъ все было рѣшено безъ соучастія его; онъ удивился и огорчился. Главнокомандующій и другіе высшіе чины тоже были противъ битвы, и тѣмъ не менѣе она была дана!

Въ довершенія несчастія, не было извѣстно, что Бернадотъ прибылъ съ своимъ корпусомъ и что съ другой стороны приближался Русскій корпусъ генерала Ессена.

3. Теперь я могу навѣрное сказать Вашему Величеству, что армія, возвращаясь въ Россію, не досчитывалась всего 15 тысячь, т. е. въ самомъ сраженіи погибло по крайней мѣрѣ 10 тысячь.

4. Возвращенные плѣнники суть только офицеры гвардейскаго полка. Это одинъ изъ тѣхъ дорогихъ полковъ, которыхъ притязанія превышаютъ ихъ стоимость. Родственники офицеровъ не допускаютъ мысли, что бы можно было дозволить ихъ убивать, и я думаю, что ихъ призовутъ назадъ въ столицу, чтобы только замолкло вытье дамъ.

5. Битва была дана безразчетно, ибо присоединившаяся къ коалиціи Пруссія посылала сто тысячъ человѣкъ къ границамъ Богеміи.

6. Австрійскія войска были самаго дурнаго качества и состояли по большей части изъ молодыхъ необученныхъ рекрутъ.

Такъ какъ перемиріе съ императоромъ Австрійскимъ было невозможно или безполезно, покамѣстъ Русскій не прекращалъ военныхъ дѣйствій, то Бонапартъ написалъ къ сему послѣднему второе письмо, послѣ битвы. Письмо это, которое привезъ опять Савари, не было оглашено; но позволительно узнавать содержаніе его въ начавшемся немедленно движеніи Русскихъ войскъ въ Венгрію.

8. То что̀ написано выше о мостѣ, принадлежитъ къ числу басенъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ не оберешься. Артиллерія была оставлена позади арміи со стороны Вишнау, по видимому для того, что ея не считали нужною. Она даже не была запряжена, и Французы преспокойно забрали ее послѣ битвы, въ то время какъ Русскіе удалялись вправо къ сторонѣ Венгріи. Тутъ было 50 пушекъ, въ которыя и не попробовали выстрѣлить. Однимъ словомъ, государь, кажется, что битву эту можно назвать *великимъ самоубійствомъ*. Отъ генерала Кутузова вздумали было спрашивать реляціи; онъ отвѣчалъ, что не желаетъ писать реляцію о битвѣ, которая произошла вопреки ему и что пусть спрашиваютъ у Австрійцахъ, которые ее дали,

Все погибло при Аустерлицѣ. Когда я думаю объ этой битвѣ, мнѣ безпрестанно вспоминается знаменитое выраженіе Тацита: «Никогда не было такъ очевидно, что боги, не пекущіеся о нашемъ счастіи, пекутся только о томъ, чтобы отмстить за себя». Это волшебство, это чудо! Какимъ образомъ государь самый благоразумный, самый недовѣрчивый къ собственнымъ познаніямъ (это-то въ особенности и странно), какъ, говорю я, такой государь рѣшился дать сраженіе вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ генераловъ и внявъ нѣсколькимъ молодымъ царедворцамъ! Въ

небольшомъ разстояніи позади его была шедшая къ нему на соединеніе армія, и въ нѣсколькихъ верстахъ продовольствіе. Весь выигрышъ былъ въ томъ, чтобы обождать; но нѣтъ, нужно драться. *Что̀ мною написано, то написано.* Вотъ и дерутся; вы знаете, съ какимъ успѣхомъ. Черезъ два дня одинъ изъ эрцгерцоговъ одержалъ побѣду въ Богеміи, а другой прибылъ изъ Вѣны съ 60 тысячами человѣкъ. Есть отъ чего сойти съ ума! То что̀ послѣдовало за битвою еще непонятнѣе самой битвы. Если бы Императоръ оставался твердо хоть бы на границѣ, если бы онъ явился въ свою Сибирскую армію, чтобы поддержать общее мнѣніе и Пруссію, еще можно было бы поправить бѣду. . Но, какъ бы то ни было, никогда не перестану я любить его. Народъ оцѣнилъ его побужденіе и принялъ его, можно сказать, съ любовью. Впрочемъ, что̀ же такое для Россіи битва, проигранная внѣ ея предѣловъ!

Въ шифрахъ. Говорятъ, что два болѣе прекрасныхъ глаза ...... играли тутъ нѣкоторую роль. Это могло случиться безъ его вѣдома; сердце — потемки [24]).

Изъ шифрованной ноты, не вполнѣ разобранной въ Сардинской канцеляріи.

XV (стр. 208)

15 (27) Февраля 1806.

Если бы Императоръ не находился при арміи, Бонапартъ навѣрное бы очутился въ бѣдѣ и можетъ быть погибъ бы. — Онъ и Прусская королева, тотъ и другая на своемъ мѣстѣ, суть достоуважаемыя царственныя особы. Когда они сходятся, это молодой человѣкъ и молодая любезная женщина. Наканунѣ битвы, NN, который долженъ былъ ѣхать въ полдень по волѣ Русскаго императора, несчастнымъ образомъ рѣшившагося драться, пришелъ къ обергофмаршалу Толстому и просилъ его употребить все свое вліяніе на Государя, чтобы отклонить его отъ битвы, которая дурно кончится. Толстой разсердился, сказавъ, что его дѣло пулярдки, вина, а война дѣло генераловъ....

Для Россіи Аустерлицкая битва— ударъ по головѣ человѣку могучаго сложенія, ударъ, лишь на минуту ошеломляющій.

Англійскій Дворъ спрашивалъ у здѣшняго, намѣренъ ли онъ дѣйствовать или нѣтъ. Императоръ остается въ нерѣшимости. Увы! онъ пораженъ сильнѣе чѣмъ его армія подъ Аустерлицемъ. Ему рѣшились сказать: «Государь, вашими парадами вы губите себя, Россію и Европу». Но Императоръ не внялъ этому; онъ лично ексерсируетъ свою гвардію; изобрѣли новый барабанъ, производящій страшную трескотню; всѣ смѣются, и въ особенности офицеры, и это великое зло. Если это военное педантство, (вполнѣ противное Русскому духу) не прекратится, никто не поручится за армію; надобно знать народъ! Въ гвардіи начинаютъ нуждаться въ офицерахъ; одни выходятъ въ отставку, другіе не возвращаются на службу. — Императоръ считаетъ себя безполезнымъ для своего народа, потому будто бы, что онъ не въ состояніи командовать войсками, что̀ его чрезвычайно огорчаетъ. Это похоже на то, если бы онъ вздумалъ плакать объ томъ, что онъ не астро-

---

[24]) ?

номъ. Выше всѣхъ талантовъ — талантъ правленія; онъ орудуетъ всѣми талантами и всѣ ихъ превосходитъ. Филиппъ II и Людовикъ XIV, надѣюсь, не были автоматами; но вскорѣ мы увидимъ, что король Англійскій станетъ лично командовать своими флотами изъ опасенія прослыть безполезнымъ.

Императрица беременна, а первая Петербургская красавица [25]) разнемоглась и уѣхала на воды въ Германію. Я надѣюсь, что она вылечится.

*

Усилія императора Александра вознаградить короля Сардинскаго за потерю его владѣній на материкѣ Европы не увѣнчались успѣхомъ. Онъ предлагалъ ему поселиться въ Одессѣ; тоже совѣтовалъ и графъ Местръ; но король не согласился. Въ 1804 г. онъ просилъ у Александра дать ему командованіе арміею; на это послѣдовалъ отказъ.

Царская фамилія оказывала графу Местру особенное вниманіе. Онъ заслуживалъ общее уваженіе не только отмѣнными способностями, но въ особенности своею удивительною преданностью королю, который не только не ласкалъ его, но, при нищенскомъ содержаніи, наносилъ ему оскорбленія. Разлученный съ семьею, осыпаемый упреками своего капризнаго повелителя, бѣдно одѣтый и едва имѣющій чѣмъ жить, графъ Местръ дѣйствовалъ единственно силою таланта и непреклонностью убѣжденій. Живя у насъ, написалъ онъ свои знаменитые Петербургскіе вечера (Les soirées de St. Pétersbourg), гдѣ однимъ изъ бесѣдующихъ лицъ является Тамара, старый дипломатъ Безбородкинской школы. Александръ поручалъ графу Местру писать записки по разнымъ предметамъ и неоднократно приглашалъ на свою службу. „Я хочу выпросить васъ у вашего государя", говаривалъ онъ. Графъ всегда отклонялъ эти предложенія. Впослѣдствіи сынъ его, графъ Рудольфъ, поступилъ въ кавалергарды и участвовалъ въ тогдашнихъ походахъ нашихъ.

[25]) Марья Антоновна Нарышкина.

XVI (стр. 244)

3 Января 1807.

Фельдмаршалъ Каменскій не оправдалъ ожиданій. Онъ сбился съ толку, или его сбили съ толку; ибо на извѣстнаго рода фокусы всѣ мы дѣти въ сравненіи съ Русскими. Какъ бы то ни было, кажется, что, благодаря фельдмаршалу, дѣла затянулись вмѣсто того, чтобы ускориться. Бонапартъ перешелъ Вислу въ Торнѣ и Плоцкѣ и перенесъ свою главную квартиру въ Плонскъ. Генералъ расположился двумя линіями при Пултускѣ. Бонапартъ хотѣлъ пробраться къ Гроднѣ, гдѣ находятся Русскіе магазины.—11, 12 и 13 (23, 24 и 25) Декабря онъ атаковалъ Русскихъ болѣе или менѣе съ успѣхомъ и взялъ у нихъ 5 пушекъ. 14 (26) онъ зажегъ деревню, дабы Русскіе не замѣтили его движеній вслѣдствіе дыма, который разстилался въ ихъ сторону, и приготовился по своему обыкновенію къ рѣшительному натиску; но генералъ Бенигсенъ, пользуясь тѣмъ же дымомъ, внезапно сомкнулъ въ колонну свою вторую линію и устремился въ центръ Французовъ, между тѣмъ какъ его первая линія, дѣйствуя фронтомъ, громила его бока. Французы смялись, и въ первый разъ со времени Сенъ-Жанъ д'Акры самъ Бонапартъ принужденъ былъ отступить. Русскіе преслѣдовали Французовъ на пространствѣ отъ 12 до 15 верстъ, послѣ чего обѣ стороны заняли вновь свои мѣста. Генералъ Бенигсенъ громко утверждалъ, что онъ выигралъ бы

полную побѣду, если бы не задержалъ его фельдмаршалъ. Дѣйствительно сей послѣдній остался въ бездѣйствіи и пробылъ въ Одалинскѣ. Но онъ боленъ. Онъ написалъ Императору странное и даже неприличное письмо. У него грыжа, которая отъ верховой ѣзды становится еще мучительнѣе. Въ письмѣ своемъ онъ пускается въ топографическое описаніе своего недуга, и съ пера его, въ письмѣ, писанномъ къ Императору, сорвались странныя междометія. Наконецъ фельдмаршалъ уволенъ за болѣзнію; Буксгевденъ также. Умершій и похороненный Багратіонъ воскресъ и командуетъ съ графомъ Толстымъ, подъ главнымъ начальствомъ Бенигсена.

Кутузовъ въ немилости за то, что разыгралъ изъ себя царедворца, вмѣсто того чтобы оставаться генераломъ 1-го Декабря 1805. Это обвиненіе очень выходитъ странно, когда оно предъявляется властію самодержавною. Накануне Аустерлицкой битвы, въ два часа утра, получивъ послѣднія приказанія Императора, Кутузовъ пришелъ въ комнату обергофмаршала Толстаго (онъ братъ генералу Толстому) и сказалъ ему: «Вы должны отговорить Императора, потому что мы проиграемъ битву навѣрное». Пылкій обергофмаршалъ вышелъ изъ себя. «Мое дѣло, сказалъ онъ, соусы и жаркія; а ваше дѣло—война, занимайтесь-же ею» и пр. Теперь генералъ терпитъ за то, что не осмѣлился заявить правду.

Императоръ собираетъ 612 тысячъ войска противъ Франціи.

Наконецъ и Св. Синодъ тутъ замѣшался и издалъ возваніе ко всему христіанскому народу. Это возваніе въ сущности есть охристіаненный манифестъ, такъ какъ Императоръ есть патріархъ, а епископы—рабы въ митрахъ.

XVII (стр. 246)

Февраль 1807.

Бенигсенъ расположился въ Вартенбургѣ со всею своею арміею, до ста тысячъ человѣкъ. Бонапартъ двинулся на него чрезъ Алленштейнъ, имѣя почти равное число и призвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ генераловъ, Мортье, Массену, Ожеро и др. Находясь въ мѣстности неровной, неудобной для конницы (которой у него было больше чѣмъ у Бонапарта) Бенигсенъ отступилъ и противопоставилъ Французамъ только арріергардъ въ 10 т. человѣкъ, подъ командою князя Багратіона и генерала Барклая де Толли. Оба они дѣйствовали чудесно и выдерживали напоръ 40 тысячъ человѣкъ, между тѣмъ какъ Бенигсенъ вывелъ свою армію изъ дефилей и какъ нельзя лучше размѣстилъ ее по равнинѣ Ейлау. Бонапартъ пошелъ за нимъ туда и 26 Янв. (7 Февр.), около 3 часовъ по полудни, завязалось сраженіе. Дрались съ крайнимъ ожесточеніемъ, и дѣло, прерванное наступленіемъ ночи, возобновилось съ новымъ пыломъ въ 3 часа утра и продолжалось до ночи. Двѣсти тысячъ человѣкъ сражались двое сутокъ; наконецъ Русскіе одолѣли, и поле битвы осталось за ними. Французы, нѣсколько дней питавшіеся однимъ картофелемъ, коченѣвшіе отъ холода, плохо одѣтые, дрались за своего хищника, приведшаго ихъ на бойню, точно какъ будто за доброе дѣло. Впрочемъ, къ концу битвы, солдаты отказывались идти впередъ. Разъяренный Бонапартъ самъ принялъ команду надъ отборными войсками; его окружали первые его генералы Даву, Ожеро, Сультъ, Ней и Бессіеръ, предводительствовавшій гвардіею. Отъ знаменитаго полка, именуемаго гренаде-

рами императорской гвардіи, осталось только 13 человѣкъ и одинъ офицеръ. Императоръ, который есть сама доброта, сожалѣлъ о гибели этихъ гвардейцевъ; но надлежало отплатить за Аустерлицкій мостъ, а Русскіе признательны.

XVIII (стр. 247).

Кавалеру Росси, въ Кальяри.

Спб. Мартъ 1807.

Есть два рода важныхъ сраженій: одни важны тѣмъ что̀ они производятъ, другіе тѣмъ что̀ они устраняютъ. Битва Прейсишъ-Эйлауская принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Такого рода битвы не слишкомъ поражаютъ воображеніе, но это не умаляетъ ихъ существеннаго значенія. Дѣло шло о чести и, быть можетъ, о существованіи Россіи, о возможности постыдно оставить столицу Имперіи и т. д. При Пултускѣ звѣзда Бонапарта начала меркнуть; она значительно потускнѣла при Прейсишъ-Эйлау. Вы знаете, что нескоро развѣдаешь подробности великаго сраженія и даже никогда не узнаешь ихъ вполнѣ. Послѣдній разъ что̀ я писалъ къ вамъ, мнѣ, какъ и всѣмъ, были мало извѣстны подробности этого великаго событія. По истинѣ это битва *историческая.* Я говорилъ вамъ о 8 тысячахъ убитыми съ одной стороны и о 12-ти съ другой; помножьте на двое, и все таки будетъ мало. Я не сомнѣваюсь, что страшная битва стоила жизни 50 тысячамъ людей, изъ коихъ до 30 тысячь пришлось на долю Французовъ: они оставили 8 тысячь лошадиныхъ труповъ; по этой цифрѣ судите объ остальномъ. Вотъ какъ происходило дѣло. Во первыхъ, Бонапартъ обнаружилъ тутъ весь блескъ своего смѣлаго шарлатанства. Онъ сказалъ солдатамъ, что предстоящая битва будетъ послѣдняя, что участникамъ ея онъ раздастъ сто милліоновъ, что онъ отдастъ имъ Кенигсбергъ на разграбленіе въ теченіи четырехъ часовъ, «съ тѣмъ однако, чтобы не разорять города, такъ какъ онъ намѣренъ провести въ немъ зиму». Послѣ такихъ посуловъ, 7 Февраля, онъ двинулся въ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ находились Русскіе, и сраженіе началось. Эйлау было взято Французами, отнято Русскими и снова взято Французами, которые тамъ и утвердились. Дрались въ улицахъ, даже въ домахъ; напослѣдокъ прекрасная деревня эта, въ которой считалось 800 домовъ, совершенно была уничтожена. На утро Французы возобновили дѣло (ибо всякій разъ нападали не Русскіе, а они). Бенигсенъ разставилъ свой армейскій корпусъ уступами (эшелонами), спиною къ Кенигсбергу. Между линіями у него была страшная артиллерія, а конница разсыпана была по обоимъ крыльямъ. Шелъ густой снѣгъ, который относило вѣтромъ въ лице Русскимъ, къ выгодѣ Французовъ, и обѣ стороны, находясь близко, не различали другъ друга. Между четырьми и пятью часами утра, лѣвое Русское крыло принуждено было подвинуться назадъ; но генералъ Бенигсенъ послалъ туда свѣжіе отряды, и бой возстановился. Самая страшная рѣзня происходила съ 10 часовъ утра до 3 часовъ по полудни. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали чудесно, но поле битвы осталось за Русскими. Не трудно представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Дѣйствительно, Французы не были ни *разбиты,* ни *побѣждены.* Не одно и тоже *отразить* и *побѣдить.* Впрочемъ, такъ какъ черезъ два дня по-

слѣ сраженія Бенигсенъ отступилъ къ Кенигсбергу, а Французы, оставивъ поле битвы въ порядкѣ и не потерявъ ни одной пушки, снова заняли оное, то съ перваго взгляда не знаешь что́ подумать; но при внимательномъ обсужденіи оказывается, что Бонапартъ потерпѣлъ страшный ударъ. Во первыхъ потеря людьми страшная [26]): онъ началъ эту войну по крайней мѣрѣ съ 200 т. человѣкъ, и у него остается едва 80 тысячь (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ; я же считаю до 90 т.) Онъ боролся противъ четырехъ элементовъ, противъ оружія и противъ побѣговъ, которые происходятъ толпами....

Три раза сряду Бонапартъ просилъ у Бенигсена перемирія и получалъ отказъ; наконецъ, около 12 Февраля, онъ двинулся (не умѣю въ сію минуту сказать вамъ, куда именно), покинувъ больныхъ и полторы тысячи лошадей, которыя почти издыхали отъ голода и изъ которыхъ Русскіе выбрали 60 годныхъ въ дѣло; остальныя были пристрѣлены или отданы крестьянамъ. Не знали какъ быть съ трупами людскими и лошадиными. Русскіе имѣютъ предразсудокъ противъ сожиганія; да и откуда взять дровъ? Хоронить затруднительно, потому что земля замерзла. Прибрали кое-какъ; но теперь наступила оттепель, трупы гніютъ, торча изъ земли. Представьте, что приходится ихъ снова выкапывать, чтобы схоронить глубже. Какова работа! Опасаются заразы. Вотъ «права человѣчества», столь прекрасно изложенныя Парижскими адвокатами 1790 года и подтвержденныя въ Прусской Польшѣ и въ другихъ земляхъ. Платовъ съ козаками своими преслѣдуетъ Французовъ и наноситъ имъ много вреда; но Бенигсенъ стоялъ смирно у Кенигсберга и двинулся лишь 22 Февраля. Много толковали объ этомъ промедленіи; но я полагаю, что тутъ есть основательныя причины. Даже дѣти знаютъ, что въ настоящую минуту положеніе Русскихъ незавидно во всѣхъ отношеніяхъ; у нихъ мало людей, магазиновъ и въ особенности оружія (какой стыдъ!) Шведскій король предлагалъ 200 пушекъ и 150 тысячь ружей; но ихъ, вѣроятно изъ гордости, не приняли.

Скажу вамъ мимоходомъ, что послѣ того, какъ Императоръ вздумалъ давать награды (даже почетныя) директорамъ нѣкоторыхъ кассъ, которыя представили сбереженія издержекъ, тотчасъ всѣ принялись за этотъ легкій способъ добывать чины и ордена, производя экономію даже въ необходимомъ. Тоже распространилось и на вооруженіе, и вотъ какъ здравая мысль монарха была обращена противъ него-же. Порядокъ этой страны—это безпорядокъ, и верхъ искусства государственныхъ людей заключается въ томъ, чтобы опредѣлить степень безпорядка, какая можетъ быть допущена. Возвращаюсь къ предмету. Бенигсенъ знаетъ размѣръ своихъ потерь; онъ знаетъ число своихъ солдатъ, которое намъ неизвѣстно. Онъ не хочетъ вступать въ битву, не имѣя за собою резервнаго войска; онъ знаетъ, что время—смертельный врагъ Французовъ; онъ хочетъ *точить* Бонапарта.

Не слѣдуетъ спѣшить порицаніемъ подобныхъ идей. Лучшее доказательство недостатка въ людяхъ, это выступленіе гвардіи (la troupe sacrée) и

---

[26]) По сравненію съ тѣмъ, что̀ переживается въ наши дни, нужно сознаться, что такъ называемая Европейская цивилизація, со временъ графа Местра, сдѣлала большіе успѣхи —въ человѣкоистребленіи. *П. Б.*

быстрота ея похода: она дѣлаетъ пятьдесять верстъ въ день на телѣгахъ и въ саняхъ. Выступленіе гвардіи, какъ мнѣ говорили, было прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Что̀ до меня, оно слишкомъ меня трогаетъ, и я сидѣлъ дома. Но говорятъ еще о другомъ: лучшіе люди Имперіи, лучшія одѣянія, лучшія оружія! Императоръ проѣзжался по рядамъ. «Братцы, говорилъ онъ солдатамъ, прощайте, не осрамитесь!» Въ отвѣтъ послышался страшный крикъ, произведшій сильное впечатлѣніе: «Сдѣлаемъ все что̀ можно; прощайте, Ваше Величество!» Строго воспрещены всякіе обозы, т. е. всякій корнетъ долженъ довольствоваться тремя лошадьми, и остальные въ той-же пропорціи, и на трехъ офицеровъ полагается одна повозка. Запрещеніе это во всякомъ случаѣ полезно для сдержки Русскихъ желаній, которыя, по природѣ своей, не имѣютъ границъ. Въ Шведскую войну, при Екатеринѣ II, забыли ограничить обозы, и гвардейскіе офицеры, между прочими военными принадлежностями, повезли съ собою попугаевъ и канареекъ въ клѣткахъ. Нынѣ нѣтъ ни попугаевъ, ни канареекъ; но такъ какъ люди постоянно совершенствуются, то гр. Станиславъ Потоцкій повезъ съ собою пятьдесятъ индѣекъ, пятьдесятъ пулярокъ, восемьдесятъ килограммовъ бульона въ плиточкахъ, огромную бутыль бордо̀, и т. д. Говорятъ, что индѣйки были живы, и что онѣ очень отличались, крича стольже громко, какъ и солдаты, вѣроятно «здравья желаемъ!» Теперь, г. кавалеръ, эти баловни Фортуны могутъ спокойно веселиться, благодаря сорока тысячамъ труповъ, покрывающимъ поля Пултуска и Прейсишъ-Эйлау. Семеновскій полкъ въ особенности дорогъ Ея Величеству Императрицѣ-матери, потому что ея августѣйшій сынъ былъ въ немъ полковникомъ. Офицеры имѣли честь проститься съ нею передъ отъѣздомъ и были допущены къ рукѣ. Замѣтьте мимоходомъ, что нѣтъ женщины въ Петербургѣ, отъ Императрицы до послѣдней швеи, которая могла бы допустить, чтобы какой либо гвардейскій офицеръ былъ убитъ непріятелемъ: это неприличіе, котораго онѣ не могутъ себѣ представить.—Отсюда вышло около 25 тысячъ человѣкъ. Говорятъ, что гвардія будетъ стоять лагеремъ у Риги. Если она пойдетъ далѣе, то это ясно докажетъ, что̀ Императоръ долженъ ѣхать, и что у него большія надежды. Кто знаетъ, что̀ готовится? Сюда пріѣхало таинственное лицо, принявшее имя Митридата. Прибывъ гласно 12 Февраля, онъ явился къ министру внутреннихъ дѣлъ (гр. Кочубею) и просилъ свиданія съ Императоромъ. Когда ему сказали, что это невозможно, онъ написалъ письмо, которое произвело очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ живетъ у оберъ-полиціймейстера и никого не видитъ. Съ другой стороны, считаю вѣрнымъ, что Французскій генералъ Феррье, жестоко и безъ малѣйшаго повода оскорбленный Бонапартомъ, бѣжалъ въ Россію. Числа совпадаютъ; не одно-ли и тоже это лице? Другіе увѣряютъ, что этотъ Митридатъ просто тотъ Французъ, который представлялся въ Вѣнѣ графу Разумовскому и о которомъ вѣроятно говорилъ вамъ кавалеръ Ганьеръ. Наконецъ кто нибудь да онъ есть; но самое явное доказательство тому, что затѣвается нѣчто, это то, что наконецъ начинаютъ обращать вниманіе на Французскаго короля. Съ графомъ Блакасомъ обращаются совершенно, какъ съ министромъ. Къ нему обратились для задержки или

высылки Французовъ, сообразно съ указомъ, присланнымъ Вамъ мною. Наконецъ, онъ на дняхъ приложилъ печати къ имуществу нѣкоего кавалера Ватрувиля, который скончался; такъ что онъ признанъ, а государь его не признанъ, что̀ довольно любопытно. Послушать Прусаковъ, битва при Эйлау рѣшена или почти рѣшена ими. То правда, что генералъ Лестокъ, имѣя 15 тысячь человѣкъ, 8 числа, присоединился къ Русской арміи съ правой стороны и дрался съ Французами; но въ которомъ часу и съ какимъ успѣхомъ? Объ этомъ повѣствуютъ различно. Прусаки изображаютъ это движеніе въ величавыхъ выраженіяхъ, такъ что подумаешь будто успѣхъ дѣла главнымъ образомъ принадлежитъ имъ. Русскіе напротивъ (я слышалъ отъ самаго министра) увѣряютъ, что Лестокъ, перейдя съ правой стороны на лѣвую, заставилъ ихъ выдержать трудную схватку съ Бернадотомъ, что онъ прибылъ только въ 5 часовъ вечера, когда выигрышъ сраженія былъ уже обезпеченъ, и что онъ ограничился нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Императоръ, изъ дружбы къ Прусскому королю, съ удовольствіемъ преувеличивалъ услуги, оказанныя Прусаками. По полученіи извѣстія, увидавъ при Дворѣ графа Гольца, онъ его обнялъ. Сей послѣдній заплакалъ отъ радости. Тѣмъ не менѣе довольно громко хохочутъ надъ *непобѣдимыми Прусаками.* Въ Кенигсбергской газетѣ постоянно твердится о *соединенныхъ арміяхъ*, выраженіе, внушающее здѣсь чувство жалости, коимъ подавляютъ чувство гнѣва. Но Прусское чванство дозволило себѣ глупость, которая превзошла всякую мѣру. Въ заключеніи декларацiи своей объ отказѣ на предложеніе Франціи мириться, Прусскій король сказалъ, что «онъ рѣшился неизмѣнно пребыть въ связи съ великимъ другомъ своимъ, Русскимъ Императоромъ, съ нимъ побѣдить или погибнуть.» Эти слова были опущены въ правительственной Петербургской газетѣ: показалось стыдно приводить ихъ. Однако будемъ справедливы: Прусакамъ обязаны безконечно и можетъ быть обязаны всѣмъ, а именно—хлѣбомъ. Вы себѣ не можете составить понятіе о Русской небрежности и непредусмотрительности. Они двинутъ впередъ сто-двѣсти тысячь человѣкъ и, придя къ мѣсту, нанесутъ страшный ударъ, вотъ и все. Затѣмъ, какъ кормить и одѣвать этихъ людей, объ этомъ они вовсе не безпокоятся и, сказать правду, мало въ этомъ смыслятъ. А Бонапартъ смыслитъ; отъ того-то онъ такъ упорно добивался быть въ Кенигсбергѣ. Добудь онъ себѣ хлѣба, боюсь думать что̀ бы произошло. Въ эту минуту онъ былъ бы въ Мемелѣ; Французскій король былъ бы прогнанъ изъ Митавы гнуснымъ своимъ противникомъ и т. д. Но какое испытываешь чувство, находясь на мѣстѣ дѣйствія и видя, на чемъ все держалось, и до какой степени судьбы Европы зависѣли отъ интригъ! Бенигсенъ иностранецъ—это проклятіе, тяготѣющее надъ нимъ. Nec tecum possum vivere, nec sine te [27]). Я Вамъ говорилъ это, кажется, относительно народа менѣе важнаго для міра; но тутъ разница только въ размѣрахъ. Нѣкій генералъ Кноррингъ вздумалъ не слушаться Бенигсена, потому что онъ его старше. Этотъ Кноррингъ инженеръ; еще въ прошломъ году, онъ чуть не сло-

[27]) Это самое выраженіе Местръ приводитъ въ письмѣ къ кн. Козловскому, характеризуя отношеніе Россіи къ Западной Европѣ. См. Р. Арх. 1866, стр. 1496.

милъ шею доброму генералу Сухтелену; впрочемъ, за нимъ, какъ за большинствомъ интригановъ, неизвѣстно никакихъ особенныхъ заслугъ. Дѣло дошло до того, что оба генерала полѣзли на ножи и что былъ назначенъ день для дуэли. Съ другой стороны, графъ Петръ Толстой, бывшій при арміи, не могъ простить иностранцу успѣховъ, которымъ было суждено прогремѣть по всей Европѣ. Баронъ Бенкендорфъ, зять графа Ливена, вдругъ пріѣзжаетъ сюда курьеромъ изъ арміи дня четыре или дней пять послѣ битвы, и всѣмъ извѣстно, что онъ посланъ не барономъ Бенигсеномъ. Въ Митавѣ, онъ выражается о битвѣ такъ пренебрежительно, что по словамъ его можно ее принять за пораженіе. Французскій король встревоженъ и пишетъ сюда, къ своему министру. Бенкендорфъ пріѣзжаетъ въ столицу, и всѣ смотрятъ на него, какъ на посланнаго графомъ Петромъ. Онъ говоритъ въ самыхъ невыгодныхъ выраженіяхъ и о генералѣ, и о битвѣ. Наконецъ приближалась минута, въ которую Бенигсену готовилась гибель за то, что онъ спасъ честь Россіи. Къ счастію, Императоръ взглянулъ на дѣло съ хорошей стороны. Мнѣ говорили, что такъ какъ Его Императорскому Величеству исключительно принадлежитъ выборъ Бенигсена, то онъ счелъ нападки на генерала за дерзость противъ самаго себя. Какъ бы то ни было, б-ъ Бенкендорфъ былъ очень дурно принятъ. Императоръ сказалъ ему буквально: «Вы взяли на себя скверное порученіе». Онъ отослалъ его въ армію съ Андреевскою лéнтою и пенсіею въ 12000 р. для Бенигсена, что́ не помѣшало Бенкендорфу получить чинъ, къ немалому удивленію многихъ.

Графъ Петръ Толстой переведенъ въ армію Ессена, гдѣ онъ командуетъ значительнымъ корпусомъ (онъ былъ дежурнымъ генераломъ при Бенигсенѣ).

Этотъ Ессенъ также человѣкъ очень посредственный, и про него говорятъ, что онъ ослушался барона Бенигсена; онъ однако одержалъ или, точнѣе сказать, часть его воска подъ командою князя Волконскаго, одержала 5 (17) Февраля, весьма значительный успѣхъ надъ Французами. Русскіе побили у нихъ 3000 человѣкъ; они забрали въ плѣнъ 500 человѣкъ, и подвинулись отъ Остроленки на Наревѣ, гдѣ происходило дѣло, до Пултуска, который они взяли приступомъ, и тамъ засѣли. Но посудите о нашемъ удивленіи, когда это дѣло было совершенно замято и пройдено молчаніемъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Вскорѣ люди смышленые поняли причину этого молчанія: 1-е, Ессенъ прежними своими военными распоряженіями навлекъ на себя неудовольствіе. 2-е, Онъ снова навлекъ на себя неудовольствіе тѣмъ, что донесъ о своихъ успѣхахъ прямо, а не черезъ главнокомандующаго. 3-е, Графъ Петръ Толстой сильно замѣшанъ въ это дѣло; его обвиняютъ въ томъ, что онъ ослушался и тѣмъ подвелъ князя Волконскаго, подвергнувъ его опасности быть взятымъ въ плѣнъ съ 5000 войска. Но великая милость, которою пользуются Толстые, не позволяетъ, чтобы говорили открыто объ этихъ ошибкахъ. Отъ этого имъ однако не легче. Вы видите, какъ идутъ дѣла и какъ все держится на воздухѣ [28]. Впрочемъ, пока

[28]) Надѣемся, что потомки людей, которыхъ гр. Местръ изображаетъ здѣсь съ своей (очевидно односторонней) точки зрѣнія,

будутъ существовать люди, будутъ дѣлаться ошибки; тѣмъ не менѣе кажется, что счастіе начинаетъ совершать оборотъ. Бонапартъ потерялъ по крайней мѣрѣ 80, 000 человѣкъ съ начала кампаніи; кѣмъ замѣнитъ онъ ихъ? Сенатъ его очень низокъ, и Французы его очень терпѣливы; однакоже, только что потребовавъ и добившись преждевременнаго набора въ 80, 000 человѣкъ, какъ предлагать новый?

Впрочемъ, сообразивъ все только что прочитанное Вами и другія свѣдѣнія дошедшія до меня въ послѣдствіи, считаю вѣрнымъ, что съ этой стороны есть большія надежды и даже *начало обращенія.* Тому есть множество признаковъ, и прежде другихъ Сѣверный Журналъ (Journal du Nord) о которомъ помышляли цѣлые вѣка, все откладывая изъ боязни, и два первые номера котораго наконецъ увидѣли свѣтъ. Издателемъ его назначили маркиза Мермона, бывшаго бригадира, очень близкаго мнѣ человѣка. Но цензоръ, директоръ, глава этого изданія, есть графъ Иванъ Потоцкій, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по Азіатскимъ дѣламъ, человѣкъ весьма преданный наукамъ. Объявленіе и два первые номера принадлежатъ его перу. Бонапартъ тутъ просто Бонапартъ: издѣваются открыто надъ нимъ, надъ его рожденіемъ, его принцами, и т. д. Немало смѣялись фразѣ: «Когда онъ говоритъ моя династія—онъ напоминаетъ человѣка, сажающаго жолуди и говорящаго: мой лѣсъ.» Конечно этихъ остротъ себѣ не позволили бъ, еслибы не думали, что колоссъ начинаетъ шататься. При томъ я знаю и знаю несомнѣнно, что письмо, отправленное изъ средоточія Вандеи и подписанное однимъ изъ ея главныхъ руководителей, очутилось, неизвѣстно какъ, на письменномъ столѣ Его Императорскаго Величества. Сперва хотѣли отвѣчать путемъ газетъ; однако этого не сдѣлали. Не знаю, какой оборотъ приняло дѣло. Но другія лица нашли средство довести до свѣдѣнія писавшаго, что письмо дошло по назначенію. Присовокупите къ этому неслыханныя до сихъ поръ сношенія съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, и вы согласитесь, что готовится нѣчто важное. Я, въ своей скромной сферѣ, не пренебрегалъ ничѣмъ для подкрѣпленія добрыхъ началъ, и тому не разъ представлялся случай.

22 Февраля изъ арміи генерала Бенигсена прибылъ князь Багратіонъ и, повидавшись съ нимъ, Императоръ выказалъ необычайную радость. Зачѣмъ пріѣзжало такое значительное лицо? Если дѣло шло лишь объ извѣстіяхъ, было бы достаточно молодаго адъютанта. Четыре или пять дней передъ тѣмъ г. Новосильцовъ уѣхалъ съ тайнымъ порученіемъ. Онъ долженъ былъ высадиться въ Мемелѣ; но порученіе, повидимому, должно быть исполнено въ Кенигсбергѣ — новый признакъ, что подготовляется нѣчто важное. Теперь, говорятъ что г. Новосильцовъ замедлилъ *своимъ* отъѣздомъ, чтобы дождаться отъѣзда Императора; но я этому не вѣрю; впрочемъ это было-бы напрасно, ибо отъ-

---

не только не посѣтуютъ за напечатаніе этихъ отзывовъ, но дадутъ себѣ трудъ опровергнуть ихъ хранящимися у нихъ бумагами. Богатые архивы графовъ Толстыхъ ждутъ разработки и обнародованія. Въ числѣ силъ Западной Европы немалый вѣсъ имѣетъ то, что тамъ ближайшая исторія закрѣплена и удержана типографическимъ станкомъ и оттого знакома большинству людей грамотныхъ. Держась же поговорки: „шито да крыто", далеко не уйдешь. *П. Б.*

ѣздъ этотъ рѣшенъ вчера, 8 Марта (24 Февр.) Противъ этого путешествія существуетъ страшная оппозиція; Императрица-мать въ особенности, какъ говорятъ, не можетъ съ нимъ помириться. Конечно, мы не грѣшимъ противъ уваженія, коимъ мы обязаны государямъ, замѣчая, что Дворы суть средоточія интригъ; это въ природѣ вещей, и невозможно, чтобы вокругъ власти не сосредоточивались и не волновались человѣческія страсти. Если это средоточіе интригъ переносится въ армію, она тотчасъ разстроивается и значительно ослабляется. Къ счастію обыкновенно бываетъ, что эти придворныя операціи производятся съ обѣихъ сторонъ, такъ что, въ окончатетельномъ итогѣ, все обращается къ благу человѣческаго рода; ибо дурно веденная война — великое благо, только бы ее вели дурно съ обѣихъ сторонъ. Но если, съ одной стороны законный государь съ его Дворомъ, а съ другой—всемогущій сорванецъ, искатель приключеній, у котораго много лакеевъ, но нѣтъ Двора, человѣкъ ни отъ кого не зависящій, никого не слушающій и соединяющій безусловную власть съ опьяненіемъ успѣха и съ тѣмъ практическимъ знаніемъ людей и вещей, которое возможно лишь для частнаго лица: то скажу, что государь, идущій на поединокъ съ такимъ человѣкомъ, совершаетъ самоубійство. Это простыя истины, и я высказалъ-бы ихъ самому Императору, если-бы онъ меня на то вызвалъ. Но съ другой стороны, почему мы знаемъ, что Его Императорское Величество ѣдетъ именно *воевать*? Не имѣется-ли въ виду иное? Развѣ не бываетъ случаевъ, гдѣ особа государя необходима, гдѣ имя его должно являться какъ знамя во главѣ армій?.... Кто знаетъ, что сдѣлаетъ Императоръ? Если бы, напримѣръ, дѣло шло о томъ, чтобы выслушать нѣкорыя предложенія, представить лишеннаго престола короля его подданнымъ и т. д.: я сказалъ бы, что онъ будетъ на своемъ мѣстѣ; но ни одинъ благоразумный человѣкъ неприсовѣтуетъ ему войти въ сношенія съ гг. Массеною, Ланномъ и компаніею; это было бы величайшимъ несчастіемъ для него и для Европы. Покамѣстъ идутъ разсужденія, 25 тысячъ человѣкъ, покинувъ здѣшнюю столицу, спѣшатъ на «кровавую арену.» Гвардію везутъ на почтовыхъ, на каждой станціи по 1700 лошадей, и сынъ мой мнѣ пишетъ, что конная гвардія проѣзжаетъ до 40 верстъ въ сутки.— 13 (25) Февраля Новосильцовъ возвратился изъ арміи и разсказываетъ объ ней «чудеса.» Нѣкоторыя лица подозрѣваютъ, что цѣлью его поѣздки было примиреніе генераловъ. И дѣйствительно, «миръ и дружба» господствуютъ у Бенигсена съ Толстымъ. Первый изъ нихъ по прежнему недвижимъ и вовсе не желаетъ битвы... Когда пріѣхалъ сюда кн. Багратіонъ, всѣ были поражены тѣмъ, что такое значительное лицо покинуло армію; но онъ говорилъ, что «въ теченіи двухъ недѣль ничего не произойдетъ.»—Нынче 16 Марта (н. с.), а новаго ничего. Бонапартъ всячески старается о мирѣ или покрайней мѣрѣ о перемиріи, но Русскіе постоянно отказываются. Когда къ нему явился по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ Прусскій генералъ Клейстъ, онъ послалъ съ нимъ весьма коварныя предложенія. Въ особенности желаетъ онъ конгресса, на который бы явились уполномоченные его, Россіи, Англіи, Швеціи, Пруссіи, Турціи, но не Австріи, такъ какъ эта держава не воюетъ. О Его Величествѣ и о королѣ Обѣихъ

Сицилій нѣтъ и помину, какъ бы ихъ не было на свѣтѣ. Повидимому, Пруссія не пошла на эту удочку; но такъ какъ ея репутація не изъ лучшихъ, то приняты мѣры: Императоръ требуетъ, чтобы предложенія, дѣлаемыя Пруссіи, были немедленно сообщаемы Дворамъ Петербургскому, Лондонскому и Вѣнскому. Я увѣренъ что Его Величество тревожится, какъ и вся Европа, бездѣйствіемъ Австріи. Справедливость требуетъ признаться, что это опасеніе имѣетъ довольно основаній. Вы знаете, что я вовсе не расположенъ видѣть дурное въ странѣ, въ которой меня такъ ласкаютъ; но если бы вы знали, до какой степени здѣшніе люди стоятъ не въ уровень съ нынѣшними великими и страшными обстоятельствами. Ужъ если я это говорю, значитъ, что такъ. Австрія, какъ вы чувствуете, выжидаетъ, и конечно права. Не въ томъ дѣло, чтобы начать войну; нужно знать, какъ она пойдетъ, какъ кончится. Въ 1807 году не забытъ 1805 г. Послѣ Аустерлицкой битвы ничто бы не погибло, если бы Русскіе остались, и всѣ согласны, что это было бы очень легко. Какой-то несчастный струсилъ и сказалъ Императору: «Кто знаетъ что̀ въ эту минуту дѣлается въ Петербургѣ», и Государь пустился какъ стрѣла. Императ. Францъ посылалъ сказать Кутузову, что если онъ останется, то на завтра онъ возобновитъ войну. Генералъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ промедлить ни минуты. Онъ уводитъ армію, и покинутый монархъ принужденъ былъ подписать роковой Пресбургскій трактатъ. Вамъ извѣстно, пристрастенъ ли я къ этой державѣ; но надо сознаться, что подобныя воспоминанія могутъ служить извиненіемъ ея промедленію.

...Вотъ уже нѣсколько дней, какъ генералъ Будбергъ [29]) боленъ; и я не увѣренъ, чтобы онъ прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Князь Чарторыжскій все еще имѣетъ довольно замѣтное, хотя и тщательно скрываемое, вліяніе, и я не могу сомнѣваться въ томъ, что если-бы онъ захотѣлъ, онъ-бы снова уже занялъ прежній свой постъ; но онъ не хочетъ насиловать общественное мнѣніе; быть можетъ, онъ хочетъ покорить его, убѣдивъ публику, временемъ и опытомъ, что кромѣ него, на это мѣсто никого не придумаешь. Дѣйствительно, никогда не было видано такого недостатка въ людяхъ способныхъ. Если-бы меня спросили: *кого вы желаете*? я не зналъ-бы, что̀ отвѣчать. Если-бы князь, съ его именемъ, его богатствомъ и обстоятельствами, ему благопріятствующими, имѣлъ въ своей груди огонь, одушевлявшій Потемкиныхъ и Орловыхъ, онъ былъ-бы царемъ Россіи; но ничто не можетъ его оживить. Когда съ нимъ говоря̀тъ, онъ остается холоденъ, какъ ледяная сосулька. Онъ не умѣетъ ни согрѣвать людей, ни нравиться имъ. Никогда не собиралъ онъ у себя дипломатическаго корпуса; обѣдъ у него былъ рѣдкостію. Онъ избѣгалъ разговоровъ, онъ никогда не отвѣчалъ на письма, и т. д. [30]) Этотъ, напротивъ, который былъ посломъ [31]) и помнитъ старый Дворъ, старается во всемъ *екатеринствовать* [32]). Онъ поддерживаетъ старинныя формы; каждый четвергъ онъ даетъ намъ обѣды, и мы можемъ пользоваться этимъ случаемъ, чтобы

---

[29]) Тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

[30]) Совершенно въ томъ же родѣ, какъ позднѣйшіе агитаторы Польскаго дѣла. *П. Б.*

[31]) Въ Швеціи; говорится про Будберга.

[32]) Catariner en tout.

говорить съ нимъ о дѣлахъ; онъ выслушиваетъ насъ съ крайнею внимательностію и отвѣчаетъ на малѣйшую нашу записку съ аккуратностію, чрезвычано для насъ пріятною. Относительно того, что̀ называютъ il trattare (вести дѣла) Будбергъ несравненно удобнѣе; но если порыться и дойти до самаго характера, тогда дѣло иное: полагаю, что князь лучше. Онъ пропитанъ новыми идеями; это очень жаль. Вы не забыли его изрѣченія: «*мнѣ кажется, что слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ, что царствуешь, какъ Англійскій король.*» Другіе два тріумвира (Строгановъ и Новосильцовъ) таковы-же, но послѣдній головою выше своихъ двухъ товарищей. Онъ знаетъ Францію наизусть, и сверхъ всего этого, онъ хватилъ немалую дозу Нѣмецкаго яду, и вслѣдствіи всего этого, такъ какъ онъ вмѣшивается во все, я не сомнѣваюсь, что при намѣреніяхъ прекрасныхъ и при сильной привязанности къ особѣ своего Государя, онъ надѣлаетъ кучу зла. Да и какъ намъ удивляться его мнѣніямъ, видя, какъ высоко они проникли?

Императоръ одѣвается, говоритъ и дѣйствуетъ, какъ частное лицо. Дипломатическій корпусъ болѣе не приглашаютъ на большіе парадные обѣды, ибо въ этихъ случаяхъ Императоръ долженъ былъ-бы сидѣть на возвышенныхъ креслахъ и выступать въ качествѣ государя. Онъ предпочитаетъ свой стулъ и нарочно ставитъ его въ ряду многихъ. Пообѣдавши, онъ извиняется передъ камергеромъ, который ему прислуживалъ, *въ безпокойствѣ, которое онъ ему причинилъ*, между тѣмъ какъ камергеру слѣдовало бы мѣсяцевъ шесть добиваться этой чести. На дняхъ вышелъ указъ, въ которомъ Его Императорское Величество благодарить *сыновъ Отечества* за высокіе подвиги, совершенные въ пользу онаго, при чемъ опредѣлительно дается знать, что благодарность государя основана на услугахъ, оказенныхъ *Отечеству*. Слово *Отечество* повторено до четырехъ или пяти разъ въ четырехъ или пяти строкахъ; Императоръ упоминается лишь мимоходомъ. Конечно Отечество что нибудь да значитъ; но если-бы я имѣлъ честь быть приближеннымъ къ этому любезному Государю, льщу себя надеждою, что я объяснилъ-бы ему убѣдительно (не проповѣдуя ему деспотизма, коего онъ страшится и коего никто не любитъ) что въ монархической странѣ, служба Отечеству не есть служба Государю; но что, на оборотъ, служба Государю есть служба Отечеству. Странно сказать, но я убѣжденъ въ слѣдующемъ: Его Императорское Величество, во глубинѣ души, уважаетъ республиканскій образъ правленія и, по всей вѣроятности считаетъ его болѣе законнымъ, чѣмъ тотъ, къ коему онъ призванъ рожденіемъ. Вѣрно то, что онъ очень любитъ и ласкаетъ Американцевъ, въ настоящее время единственныхъ республиканцевъ въ мірѣ. Здѣсь проживаетъ теперь одинъ изъ этихъ господъ, по имени Понсетъ. Это просто негоціантъ изъ Бостона, которому и въ голову не пришло-бы представляться въ нашихъ хорошихъ Туринскихъ домахъ. Здѣсь онъ очень часто обѣдаетъ при Дворѣ, а кто-то на дняхъ замѣтилъ, что во все время пребыванія здѣсь графа Меерфельда [33], въ качествѣ простаго частнаго лица, ему ни разу не оказали этой чести. Видно, воспитаніе Его Величества оставило въ немъ неизгладимые слѣды,

[33]) Австрійскаго посла.

Къ этому привилась Прусская система, такъ что царскій орелъ исчезъ въ странѣ, которая всего менѣе можетъ безъ него обойтись. Если-бы Императоръ могъ слышать то, что̀ говорятъ о немъ въ то время, когда онъ производитъ на площади ученіе войску, если-бы онъ имѣлъ около себя Боссюэта, который сказалъ-бы ему, какъ Людовику XIV по поводу комедіи: «Государь, есть великіе примѣры *въ пользу*, и великіе доводы *противъ*»,—скажу болѣе, если-бы честный писатель высказался открыто, но разумно [34]) объ этихъ ложныхъ взглядахъ, съ нѣкоторою почтительною свободою, несвойственною ни злобѣ, ни заносчивости, и если-бы книга его попала въ руки Его Императорскаго Величества,—не сомнѣваюсь, что онъ рѣшился-бы играть роль Императора; быть можетъ, даже вошелъ-бы въ эту роль. По природѣ, нельзя представить себѣ ничего прямѣе и честнѣе его души.

Къ несчастію, его подданные гораздо охотнѣе порицаютъ его, чѣмъ раскрываютъ ему глаза. Люди, какъ мы, возвеличили бы его до небесъ; здѣсь забавляются тѣмъ, что топчутъ его въ грязь. Увѣряю васъ, что онъ по истинѣ болѣе любимъ находящимися здѣсь подданными короля, чѣмъ своими собственными. Что̀ до меня, не могу выразить вамъ, сколь я къ нему привязанъ, независимо отъ всякихъ побужденій личной благодарности. Вы не можете себѣ представить, какія онъ принимаетъ предосторожности для того, чтобы не быть обманутымъ и чтобы не увлечься страстями людей, служащихъ ему орудіями. Когда я подумаю, что онъ былъ воспитанъ учителемъ, который училъ его лишь философіи 18-го вѣка и отцомъ, который училъ его только фронтовой службѣ, и когда подумаю, чѣмъ онъ сдѣлался, мнѣ хочется обнять его колѣна и провозгласить его *Отцемъ Отечества* (если уже безъ отечества нельзя).

Такъ какъ вліяніе г. Новосильцова каждый день усиливается, а вліяніе князя Чарторыжскаго нисколько не уменьшилось, то считаю тріумвиратъ возстановленнымъ (третій Павелъ Строгановъ; но онъ—Лепидъ). Всякія слишкомъ частыя перемѣны въ министерствѣ имѣютъ великія неудобства, и я не могу сомнѣваться въ томъ, что паденіе Пруссіи и всѣ бѣдствія 1805 года были слѣдствіемъ увольненія князя Чарторыжскаго [35]). Если онъ сядетъ у кормила правленія съ тѣмъ, чтобы управлять имъ постоянно, тѣмъ лучше; но если г. Будбергъ будетъ замѣщенъ кѣмъ бы то ни было, кромѣ князя, то это будетъ большое несчастіе: ибо около престола ощущается великій недостатокъ въ способностяхъ.

Вотъ и 21 Марта (н. ст.) Бонапартъ все еще въ Остерродѣ, а Бенигсенъ въ Аллештейнѣ. Крылья обѣихъ армій простираются до Фришгафа и до Нарева. Они буквально сидятъ другъ у друга на носу. Между тѣмъ ничего новаго: гвардія двигается. Императоръ ни съ мѣста. Что̀ значитъ этотъ покой? Легко предположить, что боятся другъ друга; но не могу воздержаться отъ иныхъ предположеній. Никогда не соблюда-

[34]) Черезъ четыре года высказался Карамзинъ, но совершенно келейнымъ способомъ. *П. Б.*

[35]) Не ошибается ли пылкій Итальянецъ, котораго (какъ уже замѣтили читатели) нерѣдко увлекаетъ его южное воображеніе. Не была ли самая война 1805 г. тайнымъ дѣломъ Чарторыжскаго, который, все приготовивъ, для виду устранился отъ дѣлъ? *П. Б.*

лось такой глубокой тайны; подозрѣваю, что Новосильцовъ лишь прикидывается больнымъ для того, чтобы не показываться; ибо мнѣ извѣстно, что болѣзнь не мѣшаетъ ему работать. Я въ крайнемъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что на многихъ лицахъ я замѣчаю страхъ.

Я имѣлъ честь сказать вамъ, что генералу Бенигсену пятьдесятъ пять лѣтъ: это клевета, ему шестьдесятъ пять, какъ увѣряютъ меня самымъ положительнымъ образомъ. Совершенная правда, что его третья или четвертая жена, которую онъ любитъ страстно, родила ему сына въ день битвы при Прейсишъ-Эйлау; присовокупляютъ, что онъ отлично вальсируетъ. Прекрасно! Если счастье его не оставитъ, мы увидимъ любопытныя вещи. Онъ явится сюда и сдѣлается кумиромъ Двора; онъ будетъ принятъ съ распростертыми объятіями..... Сама вдовствующая Императрица должна будетъ казаться довольною...

Полагаю, что въ настоящую минуту эти свѣдѣнія, которыя я могу переслать путемъ совершенно вѣрнымъ, не будутъ лишены интереса для Его Величества. Внутреннее чувство, быть можетъ и обманчивое, говоритъ мнѣ, что не Бенигсену суждено быть спасителемъ Европы.

Исполинское предпріятіе шестисотътысячнаго ополченія по необходимости должно было видоизмѣниться. *Удовольствовались* двумя стами тысячами, но сдѣлали изъ нихъ солдатъ. Набрали также пятьдесятъ тысячъ изъ ветерановъ и пятьдесятъ тысячъ изъ священническихъ дѣтей: это нѣкотораго рода скотъ (bétail), занимающій середину между крѣпостными и вольными людьми. Въ цѣломъ, выставитъ Россія въ теченіи 1807 г. болѣе 400 тысячъ войска. По поводу всего этого могу только сказать: *ad populum phaleras* [36]). Эффектъ значительно превышаетъ дѣйствительность; сила націй прямо пропорціональна населенію и обратно протяженію территоріи. На что мнѣ, находящемуся въ Ингріи, солдатъ, стоящій въ Камчаткѣ? Я вижу, что Россіи стóитъ неимовѣрнаго труда собрать на одномъ пунктѣ двѣсти тысячъ человѣкъ; горе ей, если-бы Франція, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, коснулась ея. Тогда меня бы тутъ не было, а былъ-бы тутъ Бонапартъ. Онъ дерзко ведетъ войну за Вислою. Могла-ли-бы Россія вести ее за Рейномъ? *Nemmeno per ombra* [37]). Если-бы даже Французы были вынуждены отступить, все таки осталось-бы доказаннымъ, что они не имѣютъ равныхъ въ Европѣ. Надѣюсь, что они отступятъ; увѣренъ, что они измѣнятся; но сомнѣваюсь, чтобы они были усмирены....

Графъ Меерфельдъ предложилъ посредничество своего Двора; вчера отвѣчали ему, что не видать еще основаній для такого посредничества. Съ этой стороны опасенія не миновали.

XIX (стр. 271)

7 Апрѣля 1807.

Свиданіе произошло въ Митавѣ, 18-го (30-го) прошлаго мѣсяца, и длилось отъ семи до десяти часовъ

---

[36]) Для показу.
[37]) Ни даже тѣни, ни малѣйше.

вечера. Это все, чего только могъ пожелать Французскій король, и такъ какъ онъ очень уменъ, говоритъ превосходно и обладаетъ въ высшей степени искусствомъ направлять умы, то нѣтъ сомнѣнія, что это свиданіе будетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія.

Вышла въ свѣтъ очень хорошо написанная исторія Вандейской войны. У графа Блакаса здѣсь былъ экземпляръ этой книги, весь испещренный его собственноручными замѣтками. Онъ далъ его прочесть князю Чарторыжскому. Книга, а быть можетъ еще болѣе замѣтки, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на умъ (не знаю, сказать ли министра, или ех-министра), и это до того, что онъ представилъ своему Государю записку объ этомъ важномъ пунктѣ; и онъ и его партія только и думаютъ, что о высадкѣ въ Вандею. Это не все. Вамъ извѣстна власть аббата Піатоли надъ умомъ князя: дѣло въ томъ, что герцогъ Серра-Капріола и графъ Блакасъ совершенно обратили аббата въ пользу Французскаго короля и его деклараціи; они даже предприняли поселить его въ Митавѣ, у принцесы Курляндской, съ которою онъ друженъ, между тѣмъ какъ князь останется на своемъ постѣ, при Императорѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ подъ руками короля, который съумѣетъ извлечь изъ него пользу. Къ тому же, во Франціи очень недовольны. Роялисты выжидають лишь случая, чтобы возстать. Одинъ изъ Вандейскихъ вождей скрывается въ Германіи, выжидая событій.

XX (стр. 272)

Іюнь 1807.

Во время Тильзитскихъ совѣщаній, Императоръ часто обѣдалъ у Бонапарта и приходилъ къ нему безъ стражи. Сей послѣдній, напротивъ того, ни разу не преломилъ хлѣба съ Александромъ, и всякій разъ приходилъ окруженный многочисленными тѣлохранителями. Каждый день онъ проводилъ вечеръ у Императора и ни разу не являлся въ мундирѣ, всегда въ простомъ фракѣ и въ черной трехъ-угольной шляпѣ. Между Наполеономъ и королемъ Прусскимъ происходили сильныя и личныя сцены. Одинъ разъ, между прочимъ, они до того возвысили голосъ, что Русскій императоръ былъ вынужденъ стать между ними, и это буквально.

Бонапартъ однажды вдругъ спросилъ короля Прусскаго: «Вы все еще занимаетесь тактикой?» Король, приложивъ палецъ къ шляпѣ, какъ гренадеръ, отдающій честь, отвѣчалъ: «Да, государь!»

XXI.

28 Ноября (10 Декабря) 1807.

.... Вамъ конечно извѣстно, какъ Французскій императоръ обходится съ Русскимъ посломъ (графомъ Толстымъ, моимъ близкимъ знакомцемъ).—«Мюратъ, чего тебѣ стоитъ твой отель, на улицѣ «Серутти?— «400, 000 фран-

ковъ».—«Но я говорю не о четырехъ стѣнахъ, я разумѣю отель во всѣмъ тѣмъ что̀ въ немъ находится, съ мебелью, посудою и т. д.»—«Въ такомъ случаѣ онъ обошелся мнѣ въ милліонъ».—«Завтра тебѣ выплатятъ эту сумму. Это отель Русскаго посла.»—Здѣсь мы ожидали Лофорета, когда узнали, что ѣдетъ Коленкуръ. У него 500,000 франковъ содержанія, и нельзя-же, говоритъ онъ, Императору не купить ему отеля. Насмотримся мы всякихъ эффектовъ!

XXII (стр. 299)

1808.

Его Императорское Величество счелъ умѣстнымъ повелѣть, что-бы былъ воздвигнутъ памятникъ, бронзовый или мраморный, въ честь князя Пожарскаго и нѣкоего мясника, по имени Минина, которые, въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія, спасли чудеснымъ образомъ Россію отъ ига иноплеменниковъ. Планы для этого памятника находятся во множествѣ у княгини Куракиной, жены кн. Алексѣя, министра внутреннихъ дѣлъ[38]). Въ одно прекрасное утро, княгиня, у которой я наканунѣ ужиналъ, прислала мнѣ огромный свертокъ этихъ плановъ, испрашивая моего мнѣнія запискою. Я тотчасъ догадался, откуда это порученіе и кому доставится мой отвѣтъ, но не показалъ виду. По внимательномъ разсмотрѣніи плановъ, я послалъ княгинѣ отвѣтъ, въ сущности подкрѣпленный весьма серьезными доводами, но по формѣ написанный для дамы. Вскорѣ послѣ того, былъ обѣдъ на шестьдесятъ кувертовъ у графа Строгонова, въ день его имянинъ. Старый графъ, предсѣдатель Академіи художествъ, сказалъ намъ послѣ обѣда: «Господа, Его Императорское Величество счелъ умѣстнымъ воздвигнуть памятникъ. Ему представили множество проэктовъ: вотъ тотъ, который онъ предпочелъ и только что прислалъ мнѣ для исполненія». И онъ вынулъ изъ стола выбранный мною планъ. И такъ, Его Величество да вѣдаетъ *da perpetuam rei memoriam*[39]), что его министръ рѣшилъ выборъ памятника гг. Пожарскому и Минину, мужамъ знаменитымъ, имена которыхъ я узналъ лишь въ нынѣшнемъ году.

XXIII (стр. 301)

Январь 1808.

Среди военной олигархіи любимцовъ вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ, здѣшній губернатора при Павлѣ до пресловутаго Палена, и съ нѣкотораго времени начальникъ артиллеріи (весьма свѣдующіе судьи увѣряютъ, что онъ едва-ли съумѣлъ-бы прицѣлить пушку). Этотъ человѣкъ, на прежнемъ своемъ постѣ, заставлялъ дрожать Россію Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ; но, какъ говорятъ, нельзя назвать его злымъ. При Павлѣ онъ подвергался обычному чередованію гнѣва и милости. Прихоть удалила его въ концѣ царствованія; другая прихоть возвратила его въ Петербургъ, куда онъ прибылъ 11-го Марта 1801 года....

---

[38]) Кн. Наталья Ивановна, тетка гр. С. С. Уварова.

[39]) На вѣчное воспоминаніе объ этомъ.

Онъ сдѣлался военнымъ министромъ и облеченъ неслыханною властію. Онъ потребовалъ попеременныхъ карауловъ изъ всѣхъ стоящихъ здѣсь полковъ. Великій Князь Константинъ, въ качествѣ начальника всей кавалеріи, хотѣлъ тому воспротивиться, но долженъ былъ уступить. Великій Князь, въ уваженіе службы, военныхъ познаній и своего рожденія, достигъ чина генералъ-лейтенанта; но отсюда до званія полнаго генерала и инспектора главной арміи еще далеко. Поэтому Аракчеевъ безъ обиняковъ сказалъ Его Императорскову Высочеству: «Завтра отправлюсь смотрѣть ваши два полка; постарайтесь, чтобы все было въ порядкѣ.» На другой день, Великій Князь явился къ своему начальнику; но послѣдній вынулъ часы: было поздно, и онъ отпустилъ Великаго Князя, не выслушавъ его, какъ и слѣдовало ожидать.....

Подъ конецъ царствованія Екатерины II-й, Павелъ, которому нельзя было устроить свою кордегардію у нея подъ бокомъ, помѣстилъ ее въ Гатчинѣ. Тамъ онъ составилъ себѣ войско изо всего, что̀ попало ему подъ руки и на свободѣ производилъ, утромъ и вечеромъ, ученіе. Гатчинскіе воины были предметомъ насмѣшекъ всей Имперіи; ихъ называли les Gatchinois (Гатчинцы). Но по неволѣ пришлось измѣнить тонъ на другой день послѣ смерти Императрицы, когда эти господа съ тріумфомъ въѣхали въ Петербургъ, стали пачкать своими крестьянскими подошвами паркеты Екатерины и замѣнили благоуханіе ея покоевъ запахомъ трубки и конюшни. Аракчеевъ былъ однимъ изъ нихъ. Нѣкоторыя лица (какъ я уже вамъ говорилъ) увѣряли меня, что онъ не золъ, но вамъ извѣстна пословица: Benedicere de patre priore [40]) Тутъ всѣ хвалятъ того, котораго боятся. Я считаю его очень злымъ. Впрочемъ это не значитъ, чтобы я охуждалъ это назначеніе, ибо въ настоящую минуту, порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Остается объяснить, какъ рѣшился Его Императорское Величество завести себѣ визиря: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системамъ. Основное его правило состояло въ томъ, что-бы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собою пугало пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго. Аракчеевъ имѣетъ противъ себя лишь обѣихъ Императрицъ, графа Ливена, генерала Уварова, Толстыхъ, словомъ, все то, что̀ здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ; передъ нимъ изчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія. Одинъ высокопоставленный военный человѣкъ говорилъ мнѣ намедни, что дѣло можетъ кончиться страшнымъ ударомъ со стороны кого-либо изъ обиженныхъ. Но у Русскихъ слишкомъ твердыя правила для того, чтобы убивать министровъ.

Я еще долженъ поговорить съ вами о министрѣ, очень выдающемся въ настоящую минуту. Это адмиралъ Чичаговъ, морской министръ. Онъ сынъ другаго адмирала того-же имени, одержавшаго, при Екатеринѣ II, большую морскую побѣду надъ Шве-

---

[40]) Хорошо отзываться объ отцѣ-пріорѣ.

дами и мраморный бюстъ котораго стоитъ въ Эрмитажѣ. Не могу сказать вамъ, чтобы онъ былъ еще живъ; но онъ еще не похороненъ. Ему девяносто лѣтъ; сынъ его — одна изъ замѣчательнѣйшихъ головъ въ этой странѣ. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи, гдѣ выучился преимущественно презирать свою родину и все то, что въ ней происходитъ. Рѣчи его отличаются смѣлостію, которую можно было бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ и самобытенъ, то его тонкія и меткія остроты уязвляютъ глубоко. Онъ считается рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи; но это не такъ вѣрно, какъ думаютъ, ибо несомнѣнно, что онъ вынесъ изъ Англіи весьма замѣтное уваженіе къ этой странѣ. Полагаю, что у него въ головѣ немало Французскихъ идей; но трудно въ этомъ убѣдиться, ибо онъ всему противорѣчитъ, единственно для забавы. Иногда я называю его *джентельменомъ противоположнаго берега*, чтобы смѣшить его жену: она Англичанка, и онъ страстно ее любитъ. Его приключенія съ Павломъ I-мъ прелестны. Однажды я спросилъ его: гдѣ были вы въ предъидущее царствованіе? Онъ отвѣчалъ мнѣ:—«То въ Кронштатѣ, то въ крѣпости. — Однажды послѣ страшной сцены между нимъ и императоромъ, Павелъ сказалъ ему, что въ немъ нѣтъ больше надобности, и что онъ уволенъ. Адмиралъ тотчасъ раздѣлся при государѣ и оставилъ Дворъ въ рубашкѣ. Согласитесь, что это нагло и могло произойти только здѣсь. Его боятся, потому что онъ настаиваетъ на порядкѣ, и ненавидятъ его, потому что онъ не позволяетъ, чтобы крали въ его вѣдомствѣ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ молва ежедневно пророчитъ ему отставку, и между тѣмъ онъ постоянно завоевываетъ себѣ почву, смѣясь надо всѣмъ. Императоръ знаетъ слова и мнѣнія министра не хуже пишущаго эти строки; однако-же онъ удерживаетъ его и постоянно возвышаетъ. Мнѣ сдается, что онъ вѣритъ въ его безкорыстіе и считаетъ полезною для дѣла его горячую голову. Хотя можетъ быть въ Петербургѣ нѣтъ дома, въ который проникнуть было бы труднѣе какъ къ нему; но я проникъ въ него безъ обиняковъ, не знаю какъ, словно вода въ губку, и я въ немъ на дружеской ногѣ. Это послужило въ пользу подданнымъ короля, но въ особенности моему брату. Я ему обязанъ многимъ, и мнѣ было-бы непростительно когда-либо это забыть. Теперь онъ въ столкновеніи съ Аракчеевымъ: словно двѣ бомбы, встрѣтившіяся на лету. Считаютъ неизбѣжнымъ, что одинъ изъ нихъ раздавитъ другаго.

(Нѣсколькими днями позже).

... Аракчеевъ и Чичаговъ не столкнулись, и оба живы и здоровы. Второй изъ нихъ для меня неразрѣшимая нравственная загадка, и я не встрѣчалъ никого, кто бы могъ мнѣ ее разъяснить. Онъ другъ Французовъ, бюстъ Бонапарта стоитъ на его бюро, онъ цѣлый день злословитъ Англичанъ, и нѣтъ здѣсь Англичанина, который-бы ему не представлялся. Французы, напротивъ того, къ нему ни ногой, развѣ по служебной надобности. Fiat lux [41]). Вотъ скоро семь лѣтъ, какъ я слышу его безконечныя насмѣшки надъ Англіею, и никогда его жена (Англичанка до мозга костей), не отвѣчала на нихъ ничѣмъ кромѣ улыбки, которая часто, казалось мнѣ, выражала: «говори, говори, другъ мой; вѣдь я знаю, въ чемъ дѣло».

[41]) Да будетъ свѣтъ.

XXIV (стр. 309)

23 Янв. (3 Февр.) 1808.

Война съ Швеціею почти рѣшена. Уже войска направляются къ Финляндіи, и это то называется оккупаціею. Этимъ словомъ всемогущіе здѣсь Французы обольщаютъ Императора, который въ Имперіи своей самый честный человѣкъ. Война противъ свояка, противъ рыцаря между государями и государя между рыцарями, который въ самые критическія минуты отвергъ чрезвычайныя выгоды, не согласившись на отдѣльный миръ изъ желанія соблюсти свои обязательства передъ коалиціею и въ особенности передъ Императоромъ. Не онъ ли, по первому извѣстію, спѣшилъ послать въ Россію свою артиллерію и опустошить свои арсеналы для нуждавшагося въ оружіи Императора? И это самое оружіе обратятъ теперь противъ него!

Въ 1781 г. Екатерина провозгласила нейтралитетъ и свободу Балтійскаго моря. Другія обстоятельства и въ особенности коалиція и союзъ съ Англіею сдѣлали недѣйствительными эти прекрасныя правила. Нынѣ хотятъ, чтобы Шведскій король возвратился къ нимъ. Онъ очень разсудительно отвѣчалъ: «Я не могу разорвать съ Англіею. Съ тѣхъ поръ какъ въ Даніи нѣтъ флота, и у васъ его болѣе не имѣется, а берега Балтійскаго моря отъ Стральзунда до Мелиля заняты Французами, можетъ ли быть рѣчь о вооруженномъ неутралитетѣ и морской свободѣ?» Король Шведскій писалъ Его Императорскому Величеству: «У меня нѣтъ ни одного солдата въ Финляндіи; прошлый годъ я истощилъ свои силы за васъ. Неужели достанетъ у васъ духу погубить самаго вѣрнаго вашего союзника?»

XXV (стр. 313)

Апрѣль 1808.

Знаменитая актриса, г-жа Жоржъ, наконецъ появилась на столичномъ театрѣ. Побуждаемый ея славою и обстоятельствами, я два раза былъ на ея представленіяхъ что̀ для меня большая шалость. Мнѣ, признаюсь, до смерти хотѣлось увидѣть эту царицу театра; но мнѣ пришлось значительно понизить то мнѣніе, которое я составилъ себѣ о ней. Я нашелъ ее хорошею, не болѣе того, иногда плохою и никогда высокою. Общій тонъ ея декламаціи показался мнѣ фальшивымъ и натянутымъ какъ все, что̀ приходитъ къ намъ изъ Парижа, отъ закона до водевиля. Что̀ касается до ея наружности, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній: она великолѣпна. Мы еще не знаемъ, что̀ она намѣрена съ нею сдѣлать.

(*Шифровано*). Принцесса Амалія сказала одной моей близкой знакомой, что сестра ея найдетъ счастіе лишь въ могилѣ. Какъ-же надѣяться на счастливую перемѣну? Парижская машина, повидимому, дѣйствуетъ не сильнѣе законнаго чувства.....

XXVI (стр. 314)

Г-у кавалеру Росси въ Кальари.

10 (22) Ноября 1808.

Я запечаталъ мой кувертъ № 52 прежде, чѣмъ могъ извѣстить Васъ о бракѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгомъ, младшимъ въ домѣ Голштейнъ-Ольденбургскомъ. Сегодня этотъ бракъ уже внѣ сомнѣнія, хотя о немъ и не извѣщено оффиціально. Происхожденіе жениха са-

мое почетное, ибо онъ, какъ и Императоръ, принадлежитъ къ Гольштинскому Дому. Въ прочихъ отношеніяхъ, бракъ этотъ неравный, но тѣмъ не менѣе благоразумный и достойный Великой Княжны, которая стольже благоразумна, какъ и любезна. Во первыхъ, всякая принцесса, семейство которой пользуется страшною дружбою Наполеона, поступаетъ весьма дѣльно, выходя замужъ даже нѣсколько скромнѣе, чѣмъ имѣла-бы право ожидать; ибо кто можетъ поручиться за все то, что̀ можетъ онъ забрать въ свою чудну́ю голову? Къ тому-же, Великая Княжна конечно помнитъ о несчастной судьбѣ своихъ старшихъ сестеръ, послѣдовавшихъ за своими мужьями въ чужія страны и скончавшихся во цвѣтѣ лѣтъ; не удивительно, что первое ея желаніе заключается въ томъ, чтобы не оставлять своей семьи и милой ей Россіи, ибо принцъ поселяется здѣсь, и вы можете себѣ представить, какая ожидадаетъ его блестящая судьба. Наконецъ, полагаю, что принцессѣ, достойной своего званія, нѣтъ никакой охоты вступить въ Рейнскій союзъ, выходя за мужъ за какого-либо принца, подчиненнаго великому владычеству. Вотъ что̀ мнѣ представляется, и я не думаю, чтобы я ошибался. Ничто̀ не сравнится съ добротою и привѣтливостію Великой Княжны. Если-бы я былъ живописцемъ, я послалъ бы вамъ изображеніе ея глазъ. Вы бы увидѣли, сколько природа заключила въ нихъ доброты и ума. Что̀ касается до принца, то здѣшнія дѣвицы не находятъ его достаточно любезнымъ для его августѣйшей невѣсты; но такъ какъ быть таковымъ трудно, то можно согласиться съ дѣвицами, сохраняя уваженіе къ принцу. По двумъ разговорамъ, коихъ онъ меня удостоилъ, онъ показался мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и познаній. Онъ уже обратилъ на себя вниманіе въ качествѣ Ревельскаго генералъ-губернатора; онъ всѣми силами старается усвоить себѣ Русскій языкъ, и по всему видно, что главная его забота—снискать благорасположеніе своей новой родины. Какая судьба въ сравненіи съ судьбою многихъ принцовъ! Счастливъ онъ, что онъ младшій!

Третьяго дни, при Дворѣ былъ большой пріемъ по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Коленкуръ, только что получившій извѣстіе о смерти своего отца, отсутствовалъ. Случай оказалъ ему услугу, ибо извѣстія изъ Испаніи заставляли всѣхъ перешептываться, и мнѣ даже кажется, что это было замѣчено Французскимъ посольствомъ. До насъ (т. е. публики) до сихъ поръ однакоже не дошло ничего оффиціяльнаго; но, соображаясь со многими обстоятельствами и въ особенности *прислушиваясь къ молчанію*, считаю слишкомъ вѣроятнымъ, что, съ 18-го до 22-го Октября, Испанцы одержали какой-либо рѣшительный успѣхъ. Люди благоразумные, какъ вы легко можете себѣ представить, воздерживаются отъ гласнаго обсужденія этого обстоятельства; но такъ какъ у всякого есть свои довѣренныя лица и свой кружокъ, то въ сущности ни о чемъ иномъ и не говорятъ. Никогда никакой народъ не представлялъ міру столь великаго зрѣлища. Не могу скрыть отъ васъ, что въ настоящую минуту отъ министровъ, враждебныхъ господствующему владычеству, отдѣлываются молчаніемъ; но я нахожу, что нечего тревожиться этими наружными де-

монстраціями, которыя суть лишь послѣдствія принятой системы и въ которыхъ Государь никому не обязанъ отчетомъ. Кому лучше его извѣстно его положеніе и то, чтó всего болѣе приличествуетъ настоящей минутѣ? Въ политикѣ есть свои наружныя правила и формулы, не имѣющія ничего общаго съ внутренними чувствами. Никогда я не принужу себя повѣрить, чтобы нашъ добрый Императоръ, который и ребенка не заставитъ плакать безъ причины, дѣйствительно былъ другомъ лица, способнаго, для удовлетворенія своихъ страстей, истребить цѣлый народъ какъ одного человѣка, а человѣка раздавить, какъ муху.

XXVII (стр. 316)

16(28) Декабря 1803.

На балѣ, данномъ Его Императорскому Величеству гвардіею, балѣ возмутительномъ, стоившемъ 60,000 рублей и отличавшемся только многолюдствомъ и скукою, царствующая Императрица подошла ко мнѣ (какъ это часто дѣлаетъ и ея свекровь) и въ заключеніе разговора освѣдомилась о герцогѣ. Она сказала мнѣ своимъ кроткимъ, ангельскимъ голосомъ: «онъ теперь проводитъ много времени дома».—Государыня, онъ дома никогда не одинъ, у него много друзей! — «Конечно, это лучшее и отраднѣйшее утѣшеніе, какое можно пожелать ему въ настоящую минуту». Этотъ разговоръ возбудилъ много толковъ въ Петербургѣ.

Мы ожидаемъ Прусскія Величества къ 22 Декабрю (4 Янв.) Избавляю васъ отъ всякихъ толковъ о красотѣ королевы, о томъ какъ восхищается ею Императоръ, и т. д. Благодарность вещь хорошая, но не вижу, какая надобность ѣхать изъ Кенигсберга въ Петербургъ, чтобы выразить свою благодарность другу, съ которымъ видѣлись три мѣсяца тому назадъ. Посудите при томъ, насколько нѣжное сердце, нынѣ бьющееся въ Бургосѣ [42]), повѣритъ въ эту благодарность. Онъ будетъ подозрѣвать то, чтò будетъ подозрѣвать всякій государственный человѣкъ, а именно, что любезная королева, *inviperita* [43]), чтó слишкомъ естественно и, зная свои силы, пріѣхала испробовать ихъ для *обращенія* кое-кого. Одно это подозрѣніе (а оно неизбѣжно) сдѣлаетъ это путешествіе непріятнымъ для Наполеона. Увидимъ, чтò выйдетъ изъ этаго посѣщенія. Въ исторіи еще болѣе чѣмъ въ баснѣ, Марса водитъ на помочахъ другое божество, нѣсколько менѣе свирѣпое. Часто отъ этого происходятъ великія бѣдствія, но слѣдуетъ быть справедливымъ: часто происходитъ и совершенно противное.

Вотъ чтò оченъ удивитъ Васъ: Нарышкина въ бѣшенствѣ отъ этого путешествія; но мнѣ извѣстно, что Императрица имъ очень довольна. Мнѣ кажется, что эта радость объяснима лишь политическими соображеніями; т. е. что эта несравненная женщина, покорившись судьбѣ относительно извѣстнаго пункта, видитъ въ ожидаемомъ событіи лишь средство для того, чтобы вырвать Государя изъ рукъ партіи, ей ненавистной. Но Государь повидимому еще сильно приверженъ къ этой партіи, по крайней мѣрѣ изъ системы. Мы всѣ крайне боялись путешествія въ Эрфуртъ по причинамъ, оказавшимся въ по-

[42]) Т. е. Наполеонъ, находившійся тогда въ Испаніи.

[43]) Уязвленная.

слѣдствіи неосновательными; но никто, быть можетъ, не видѣлъ, гдѣ истинная опасность и истинное горе. *Дурные совѣты и охота къ подражанію.* Мнѣ слышатся слова: *„управляйте сами—пусть министры болтаютъ“* и т. д. Въ сущности, гдѣ эти министры? Гдѣ способности всякаго рода? Это въ настоящее время сильнѣйшій недугъ Россіи. Страннѣе всего то, что главное заинтересованное лицо, вполнѣ сознающее этотъ недугъ и ссылающееся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на отсутствіе дарованій, ничего не боится такъ сильно, какъ дарованія, не отъискиваетъ его вдали и не терпитъ его при себѣ.

Въ припадкѣ этой страшной болѣзни, было принято рѣшеніе, которое ужаснетъ васъ: было рѣшено уничтожить Швецію. Четыре генерала, къ которымъ обращались за совѣтомъ, были противнаго мнѣнія; но тѣмъ не менѣе упорствуютъ. Это Эрфуртскія вліянія: *великій государь долженъ царствовать самъ по себѣ.* Два главныя подстрекателя этого предпріятія: Французскій посолъ и Датскій министръ.

Перваго я вполнѣ понимаю; но кто пойметъ ослѣпленіе Его Императорскаго Величества, который старается привести Французовъ въ Стокгольмъ, т. е. въ Петербургъ? Что̀ касается до короля Датскаго, то это ослѣпленіе иного рода, объяснимое лишь страстію, объясняющею все. Очень боюсь также, чтобы тутъ не замѣшались личности. Императоръ не любитъ короля Шведскаго: между этими двумя государями въ характерахъ есть противоположность; быть можетъ, есть и кое что̀ другое. Между отвратительными свойствами сердца человѣческаго, въ особенности замѣчательно слѣдующее: когда человѣкъ знаетъ, что онъ тяжко оскорбилъ общественное мнѣніе, вмѣсто того, чтобы уступить, онъ упорствуетъ. Боюсь, чтобы такъ не было и въ настоящемъ случаѣ. Императоръ знаетъ, что онъ всѣмъ не понутру, и онъ окруженъ совѣтниками, которые говорятъ ему, будто его обвиняютъ въ безхарактерности. Такія внушенія—величайшая глупость и величайшее преступленіе. Ихъ достаточно, чтобы обезпечить осуществленіе самыхъ гибельныхъ плановъ. Присовокупите къ этому неуваженіе къ собственному народу, глубоко укоренившееся въ сердцѣ Его Величества, и вы согласитесь, что нельзя представить себѣ положенія дѣлъ, болѣе опаснаго... Что̀ до меня, то я не сомнѣваюсь, что вторженіе въ Финляндію будетъ источникомъ великихъ бѣдствій для Россіи; но не развиваю моихъ пророчествъ въ частностихъ. Говорятъ иногда, что беззаконные захваты удаются. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе. Посмотрите, какъ поздоровалось державамъ, участницамъ раздѣла Польши; посмотрите, какую славную птицу добыли себѣ Французы изъ Корсики, какъ только захватили этотъ великолѣпный островъ!

Вотъ еще два Эрфуртскихъ анекдота, имѣющіе свою цѣну. Графъ Петръ Толстой (тогда посолъ) сказалъ своему брату Николаю, обергофмейстеру, о которомъ я много вамъ писалъ: «Распорядись такъ, что-бы графъ Румянцевъ [44]) не попался мнѣ подъ руку, ибо я чувствую себя способнымъ ударить его кулакомъ въ лицо». А въ другомъ случаѣ: «Послушай, братъ, Императоръ строитъ

[44]) Гр. Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ авторомъ Французско-русской политической системы. *Примѣчаніе подлинника.*

много церквей; посовѣтуй ему построить одну во имя Испанской Божьей Матери *del soccorso* [45]) ибо если она за него не заступится, имперія его погибла». Дѣйствительно, если нынѣ еще есть спасеніе, то отъ Испаніи.

XXVIII (стр. 321)

1809.

Коленкуръ далъ великолѣпный ужинъ, на которомъ было семь грушъ въ 300 франковъ каждая. Бутылка бордо стоитъ до осьми рублей [46]). У себя я пью лишь пиво, довольно плохое, и за дессертомъ рюмочку портвейна въ видѣ ликёра. Въ самыхъ даже богатыхъ домахъ, пью лишь съ чрезвычайною осторожностію: въ винахъ начинаетъ чувствоваться поддѣлка. Мнѣ теперь пригодилась особенность моего темперамента, требующаго такъ мало крѣпкихъ напитковъ, что я почти могъ-бы безъ нихъ обойтися. Всѣ цѣны безумны. Среди этого всеобщаго бѣдствія, роскошь идетъ своимъ чередомъ: вина, лошади, экипажи, балы, фейерверки, и т. д. Въ Новой Деревнѣ, гдѣ стоятъ кавалергарды, поселился трактирщикъ Французъ. Онъ нанялъ домъ, и эти господа обѣдаютъ у него по три рубля съ персоны, безъ вина. Это даромъ! На столѣ лежитъ красивая книга in folio съ надписью: Crédit de campagne [47]) Есть ундеръ-офицеры, имѣющіе по 8000 рублей годоваго дохода, и офицеры, не имѣющіе ничего. Всѣ одинаково сорятъ деньгами.

Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ корнетъ, товарищъ моего сына по службѣ, далъ обѣдъ въ 400 рублей, не имѣя и рубля въ карманѣ. Объ уплатѣ нѣтъ и рѣчи: никто объ этомъ и не думаетъ. Платятъ лишь Петербургскимъ дѣвицамъ, приглашаемымъ на эти философскіе пиры.

Среди этого безумія, есть зрѣлище, заслуживающее вниманія: это маленькая группа молодыхъ людей, чуждыхъ военной службѣ, которые, вслѣдствіе хорошаго воспитанія и совершеннаго отчужденія отъ всеобщей испорченности, вызванной обстоятельствами, ведутъ себя благоразумно, веселятся лишь между собою и въ лучшемъ обществѣ, и питаютъ отвращеніе къ излишествамъ, происходящимъ вокругъ нихъ. Что̀ то будетъ изъ этой молодежи?

XXIX.

5 (17) Января 1809.

26 Декабря, на второй день Рождества, король и королева Прусскіе прибыли въ Петербургъ [48]). Имъ былъ сдѣланъ пріемъ великолѣпный и исполненный самыхъ дружескихъ вниманій. Болѣе тысячи войска было подъ ружьемъ. Кавалергарды раздѣлились на два отряда. Одинъ поджидалъ августѣйшихъ путешественниковъ у Петергофской заставы, другой у подъѣзда дворца. Императоръ и Великій Князь также были верхами. Сей послѣдній, принявшій тогда команду надъ войсками, на этотъ разъ

---

[45]) Богоматери-Способницы.

[46]) Бумажный рубль стоилъ тогда 35 Французскихъ су. Эти рубли, бывшіе почти исключительно въ обращеніи, первоначально представляли собою рубли серебрянные и стоили по 3 франка; но цѣнность ихъ подымалась и падала соотвѣтственно кредиту; въ 1812 году они упали ниже франка. ***Примѣчаніе подлинника.***

[47]) Долговая книга лагерной жизни.

[48]) Посвидѣтельству Вигеля, неумѣренность дошла до того, что по случаю этого пріѣзда звонили въ Петербургѣ въ колокола.

былъ очень любезенъ. Онъ позволилъ кавалеріи ѣхать рысью, что въ сильные холода большое облегченіе; далѣе, онъ позволилъ пѣхотѣ быть въ шинеляхъ и велѣлъ зажечь на дворцовой площади большіе костры, около которыхъ всѣ могли грѣться поочередно. Было всего лишь десять градусовъ мороза, что здѣсь бездѣлица. Но такъ какъ характеру нельзя отъ времени до времени не высказаться, то одного несчастнаго кучера, оказавшагося не на своемъ мѣстѣ, Великій Князь при всѣхъ наказалъ саблею, по самой императорской ливреѣ, въ назиданіе многочисленнымъ зрителямъ.

Коленкуръ не поцеремонился въ выраженіи своего неудовольствія……

Въ день сговора Великой Княжны Екатерины Павловны съ принцомъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, Французскаго посла толкнулъ одинъ офицеръ, что въ толпѣ неудивительно. Коленкуръ обернулся и сказалъ офицеру: «…… я не люблю, чтобы меня такъ толкали!» Если до слуха Его Величества когда либо доходилъ голосъ пьянаго лакея, онъ можетъ пополнить то что я означаю толчками. И это въ дворцовой церкви, среди всего, что должно внушать уваженіе и благоговѣніе! Слыхано-ли что-либо подобное?

Чтобы покончить съ этою важною особою, сообщу вамъ еще, что, въ день пріѣзда Прусскаго Двора, онъ отказался освѣтить свой отель, въ чемъ болѣе оскорбленія для Его Императорскаго Величества, чѣмъ для Прусскихъ гостей. Я думалъ, что съ нимъ покончилъ; ошибаюсь: на парадномъ балѣ, который происходилъ въ дворцѣ въ день сговора, онъ, въ качествѣ Французскаго герцога, заявилъ притязаніе танцовать съ принцами Вильгельмомъ и Августомъ Прусскими, которые находились возлѣ Государей. Таково постоянное притязаніе Наполеона, и оно было уважено въ Эрфуртѣ, гдѣ герцогамъ, которыхъ онъ создалъ, былъ данъ шагъ впереди находившихся тамъ Нѣмецкихъ принцевъ. Тутъ однакоже Императоръ не уступилъ, и Коленкуръ отказался отъ танцевъ. Онъ небрежно сѣлъ играть въ карты съ вдовствующею Императрицею, говоря, что у него болитъ нога [49]).

Королева нашла въ своей комнатѣ баулъ съ двѣнадцатью Турецкими шалями. Говорятъ также о платьѣ, вышитомъ жемчугами. Не могу сомнѣваться въ томъ, что королева меня знаетъ, ибо графиня Гольцъ (вернувшаяся въ Кенигсбергъ и принадлежащая къ ея кружку), прочла ей нѣкоторыя изъ моихъ писемъ; но она избѣгала всякаго разговора подъ глазами Коленкура, который первый насмѣялся бы надъ этою боязливостію, если-бы онъ о ней узналъ.

Королева Прусская еще красива, хотя родила уже девять разъ. Ее часто сравнивали съ царствующею Императрицею. Королева, быть можетъ красивѣе, но красота Императрицы царственнѣе. Между нами будь сказано, я нашелъ, что первая одѣвается не совсѣмъ скромно.

XXX (стр. 325)

10 (22) Авг. 1809.

Я долго думалъ, что народъ, въ особенности-же купцы, настроены

---

[49]) Притязаніе Французскаго посла было основательно, ибо посолъ, и особенно посолъ чрезвычайный, имѣетъ шагъ впереди иностранныхъ принцевъ крови. Но санъ Французскаго герцога не давалъ сего преимущества. Если Эрфуртскій анекдотъ справедливъ, то вѣроятно Наполеонъ предъявилъ другіе доводы. *Примѣчаніе издателя подлинныхъ депешъ гр. Местра.*

враждебно противъ Французовъ; я даже собралъ нѣсколько чертъ, характеристическихъ въ этомъ отношеніи; но начинаю думать, что я могъ быть обманутъ, и что въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ изъявленіяхъ, на которыя обратили мое вниманіе — много лицемѣрія. Общее настроеніе вѣка, склонное къ независимости, сношенія съ иностранцами, чтеніе вредныхъ книгъ и неосторожность правительства, всѣми силами поощрявшаго вредную систему воспитанія, возъимѣютъ свое естественное дѣйствіе. Въ сердцѣ Императора таится презрѣніе къ нынѣшнему устройству его имперіи, и это чувство сильно благопріятствуетъ духу нововведеній. Предполагаю въ немъ нѣкоторое желаніе учредить среднее сословіе—tiers état; не думаю также, чтобы онъ былъ усерднымъ сторонникомъ великой системы чиновъ. Это внушаетъ сильныя опасенія, тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ никакихъ нравственныхъ началъ, которыя могли-бы служить подспорьемъ и дополненіемъ для законовъ. Императоръ чрезвычайно человѣколюбивъ и добръ; онъ боится огорчить или опечалить кого-бы то ни было; онъ способенъ прощать личныя обиды, доказательства которыхъ въ его рукахъ. Онъ не любитъ великолѣпія, быть можетъ, слишкомъ его боится; онъ однакожъ охотникъ до полезныхъ издержекъ, даже щедръ при случаѣ, особенно цѣнитъ честность идущую прямымъ путемъ и не знающую интригъ; притомъ проникнутъ великими правилами всеобщей правды; но когда дѣло доходитъ до приложенія этихъ правилъ, и ему приходится дѣйствовать, то ему не счастливится, ибо на всѣхъ дѣлахъ тяготѣетъ какое-то проклятіе. Его обвиняютъ въ недовѣрчивости, и дѣйствительно онъ недовѣрчивъ до крайности; но онъ окруженъ людьми, не заслуживающими его довѣрія. Вотъ анекдотъ, мало извѣстный.

Одинъ дворянинъ Харьковской губерніи, неслужащій [50]), принялся писать къ Его Императорскому Величеству письма, въ которыхъ онъ безъ обиняковъ высчитываетъ ему злоупотребленія администраціи, предупреждая его, что все еще можетъ быть поправлено; но что если онъ станетъ дремать, то можно ожидать всего, даже личныхъ бѣдствій, которыя предсказываются безъ прикрасъ. По полученіи нѣсколькихъ писемъ, ему дали знать, чтобы онъ болѣе не писалъ. Но провинціальный Наѳанъ явился въ столицу и отсюда написалъ Государю письмо еще болѣе подробное, въ коемъ предупреждаетъ его между прочимъ, чтобы онъ *не слѣдовалъ, въ дѣлахъ вѣры и нравственности, Фридриху II-му, Іосифу II-му и Екатеринѣ II-й, погубившимъ свѣтъ*. Ничто не можетъ быть справедливѣе; но вы согласитесь, что въ странѣ деспотизма такое письмо составляетъ документъ довольно любопытный. Вы конечно спросите, что̀ изъ этого послѣдовало. Послѣдовало то, что переписываютъ на бѣло извлеченія изъ этого громаднаго письма, чтобы представить ихъ на усмотрѣніе Государя и что авторъ преспокойно проживаетъ здѣсь. Нѣтъ страны, гдѣ бы встрѣчались бо̀льшія противуположности. Вы найдете тутъ рядомъ крайнее порабощеніе и крайнюю свободу. Я часто говорилъ (и считаю это важною истиною) что людей огорчаютъ и выводятъ изъ терпѣнія не отдѣльные удары саблею, но безпрестанные уколы булавкою. Здѣсь нѣтъ булавоч-

[50]) Василій Назарьевичъ Каразинъ.

ныхъ уколовъ. Русскій, ненавидящій мелочи и мелочныя стѣсненія, даже узаконенія слишкомъ точныя, поступаетъ съ другими, какъ онъ любитъ чтобы съ нимъ поступали. Никогда, въ обиходной жизни, не наталкиваешься на власть. *Дѣлай что хочешь*: вотъ всеобщій основный законъ Петербурга.

XXXI (стр. 327)

Августъ 1809.

Хотя г-жа Нарышкина не пригласила Французскаго посла на свой праздникъ, но онъ пригласилъ ее на свой, на которомъ, какъ мнѣ говорили, было всего сто человѣкъ. Ей даже было суждено на немъ представить любопытное зрѣлище. Великій Князь Константинъ Павловичъ танцовалъ съ длинными шпорами, какъ подобаетъ тактику. И вотъ, во время энергической аттаки, случилось, что, взявъ Марью Антоновну подъ бока, онъ до того запуталъ свои шпоры въ ея шлейфъ, что, не смотря на самый отчаянный отпоръ, воюющія стороны пали вмѣстѣ самымъ живописнымъ образомъ на полѣ битвы. Сія эволюція, заслужившая одобреніе самыхъ опытныхъ военныхъ, была единственною вещью, оживившею этотъ праздникъ, который былъ холоденъ: общественное мнѣніе непобѣдимо.

Такъ какъ эта красавица у меня подъ перомъ, я долженъ сказать вамъ, что вы впали бы въ большую ошибку, если бы стали смотрѣть на нее какъ на большинство женщинъ, отличавшихся *въ ея званіи*. Она не интригантка, никому не дѣлаетъ зла, не мстительна. Она не Помпадурша, она не Монтеспанша, она скорѣе Лавальерша, съ тою разницею, что она не хромаетъ и никогда не пойдетъ въ монастырь.

XXXII (стр. 328)

Сентябрь 1809 г.

Князь Чарторижскій пріѣхалъ. Онъ остановился на дачѣ графа Строганова, гдѣ и живетъ, хотя у него и есть домъ въ городѣ. Эта дача, впрочемъ, очень близко отсюда. Государь принялъ его самымъ радушнымъ образомъ и даже оказалъ ему честь обѣдать съ нимъ вдвоемъ на другой день по его пріѣздѣ. Я поспѣшилъ повидаться съ нимъ, и онъ принялъ меня весьма дружелюбно. Я имѣю поводы думать, что Императоръ все еще жалѣетъ о немъ; отъ самого князя даже зависѣло бы снова вступить въ министерство. Но онъ очень хорошо чувствуетъ, что не теперь на то удобная минута (или точнѣе *чувствовалъ*, ибо дѣло идетъ не о настоящей минутѣ); многія лица думаютъ, что въ политической системѣ предстоитъ измѣненіе.

Въ прошлое воскресенье, 3 Сентября, у Нарышкиной на дачѣ былъ великолѣпный праздникъ: балъ пышный, фейерверкъ на рѣкѣ и ужинъ на двѣсти кувертовъ. Къ немалому нашему удивленію, тутъ не было ни Французскаго посла, ни кого либо изъ Французовъ. Апартаменты были открыты и освѣщены. Въ кабинетѣ красавицы, убранномъ съ самою изящною роскошью, мы увидѣли надъ диваномъ, угадайте, что? Портретъ князя Шварценберга. Всѣ толкали другъ друга въ локоть: *пойдите, взгляните*. Я уже болѣе года не ѣздилъ въ этотъ домъ, и до меня дошло, что меня за это хвалятъ, какъ за политическую уловку; ибо подумали, что я удалялся, съ цѣлью не подать

вида, что я интригую и нуждаюсь въ этомъ якорѣ, чтобы держаться твердо. Этими предположеніями мнѣ оказывали слишкомъ много чести. Я ничего не смыслю въ подобной тактикѣ. Я пересталъ ѣздить изъ лѣни, а также потому, что кое-что въ этомъ домѣ мнѣ не понравилось. На этотъ разъ я былъ приглашенъ лично хозяиномъ дома. «Но, милостивый государь, вы будете такъ добры, что представите меня снова вашей супругѣ, въ качествѣ новопріѣзжаго», что́ подало поводъ къ любезнымъ шуткамъ, когда я вошелъ. Прелестная Марья Антоновна принимала своихъ гостей въ бѣломъ платьѣ, увѣнчанна ясвоими черными волосами; ни брилліантовъ, ни жемчугу, ни цвѣтовъ: она очень хорошо знаетъ, что это ей не нужно. Le negligenze sue sono artefici [51]). Время словно скользитъ по этой женщинѣ, какъ вода по клеенкѣ. Съ каждымъ днемъ онъ какъ будто хорошѣетъ. Понимаю, что мудрость могла-бы избѣгнуть этихъ сѣтей; но какъ могла-бы она изъ нихъ выпутаться, не понимаю. Впрочемъ она, повидимому, вполнѣ постигла великую тайну своего положенія: *не обращать вниманія на минутныя увлеченія*. Благодаря этому правилу, я считаю ее непобѣдимою, или, если хотите непоколебимою. Воображали и то и другое; но все это разошлось, какъ дымъ.

Ни одинъ изъ министровъ *семейства* или *Союза* не былъ приглашенъ, за исключеніемъ графа Шенка, Виртенбергскаго посла; но этотъ извѣстенъ, какъ очень дурной товарищъ и, какъ таковой, не разъ получалъ выговоры отъ Французскаго посла. Онъ даже былъ нѣкоторымъ образомъ героемъ празднества, ибо онъ предложилъ г-жѣ Нарышкиной фейерверкъ на рѣкѣ. Все остальное было прибавлено ея мужемъ.

Въ то время, какъ я писалъ это письмо, въ Фридрихсгамѣ былъ подписанъ миръ между Россіею и Швеціею. Извѣстіе о томъ пришло въ понедѣльникъ вечеромъ 6-го (18-го), и тотчасъ на другой день былъ назначенъ молебенъ и большой парадъ. Трудно изобразить вамъ, что́ я испыталъ во время этой церемоніи: я не могъ свести глазъ съ бѣдной царствующей императрицы.

Условія мира чрезвычайно жестоки для Швеціи. Финляндія уступлена до Торнео исключительно. Сверхъ того, Аландскіе острова уступлены съ правомъ укрѣплять ихъ. Вотъ еще одна нація вычеркнута съ лица земли; но надо быть слѣпымъ, чтобы не видать, что скопленіе несправедливостей, подобное тому, которое къ несчастію происходитъ въ наши дни, ведетъ лишь къ тому, чтобы разбросать по всюду сѣмяна бѣдствій и возмущеній.

Баронъ Стеддингъ, весьма слабый, больной и едва стоящій на ногахъ, подписалъ этотъ трактатъ съ другимъ Шведомъ, принадлежащимъ къ революціонной партіи. Онъ всячески хлопоталъ передъ отрѣшеннымъ и новымъ королемъ, чтобы ему позволили удалиться отъ дѣлъ, но безъ всякаго успѣха. Онъ еще пробудетъ здѣсь нѣсколько мѣсяцовъ резидентомъ. Почти всѣ порицаютъ его за то, что онъ уступилъ; но въ дни революцій, легко людямъ, сидящимъ на берегу моря, порицать маневры мореплавателей, борящихся съ вѣтрами и волнами. Если-бы они были на ихъ мѣстѣ, они бы нѣсколько измѣнили тонъ. Я еще не видѣлъ этого несчастнаго человѣка, который, должно быть, прі-

[51]) Ея небрежность художественна.

ѣхалъ, если не умеръ дорогою. Онъ даже не былъ въ силахъ войти въ залу конференцій, чтобы подписать миръ; онъ подписалъ въ своей комнатѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Николай Румянцевъ былъ произведенъ въ канцлеры Имперіи. Это nec plus ultra Русскаго величія по статской службѣ: дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса. Равными такому лицу считаются лишь иностранные послы, маршалы и дамы, имѣющія портретъ. Все это ужинаетъ въ Эрмитажѣ, за круглымъ столомъ императорской фамиліи. Рядомъ съ этимъ столомъ стоитъ другой круглый столъ, назначенный для министровъ втораго разряда, женъ, дочерей и сестеръ и представленныхъ иностранцевъ. За всѣ другіе столы, наполняющіе залу (а ихъ поставлено по крайней мѣрѣ на 400 человѣкъ) садятся какъ попало. *Haec incidenter* [52]).

Продолжаютъ толковать много о графѣ Николаѣ, который идетъ своею дорогою. Обладая громаднымъ состояніемъ и занимая самую высокую должность въ имперіи, онъ можетъ пренебрегать толками. Нынѣшнія обстоятельства опять принесутъ ему громадныя суммы. Вскорѣ будетъ выставлена для публики библіотека избранныхъ книгъ, подаренная ему Наполеономъ. Говорятъ, что его путешествіе въ Парижъ стоитъ Императору болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ этотъ министръ, какъ и всякій другой, и не былъ обязанъ путешествовать на собственный счетъ; но если-бы онъ былъ къ тому обязанъ, онъ бы не пожалѣлъ своихъ денегъ. По состоянію своему и характеру, онъ выше всякихъ денежныхъ расчетовъ; по безкорыстію, онъ выше даже всякого подозрѣнія. Что касается до его политической дѣятельности, то она, какъ и многое другое, будетъ оцѣнена по послѣдствіямъ. Припоминаю времена 1799 года, когда меня въ Туринѣ *обвиняли* въ перепискѣ съ главою дома Бурбоновъ (*nefas!*) и когда министръ писалъ къ лицу, принимавшему во мнѣ участіе: «Правительство имѣетъ доказательства тому и т. д.», хотя конечно у него не было никакихъ доказательствъ, ибо я никогда не посылалъ строки къ этому почтенному и несчастному Двору. Когда я нахожу всѣ эти прекрасныя вещи на днѣ моего портфеля, чувствую, что ничто такъ не походитъ на старую исторію какъ исторія новѣйшая, и почерпаю отсюда глубокое снисхожденіе ко всему происходящему. Если бы мы остались на своихъ мѣстахъ, министръ сказалъ бы мнѣ: «*Ну что-же, г. теоретикъ, гдѣ-же ваша теорія, по которой наша судьба зависитъ отъ судьбы Бурбоновъ?* Если Россія погибнетъ во всеобщемъ бѣдствіи, графа Румянцева побьютъ каменьями; если она выпутается, онъ насмѣется надъ порицателями. Такъ дѣлается на свѣтѣ. Верховная власть имѣетъ лишь одинъ законъ—свое сохраненіе. О средствахъ проповѣдывать напрасно.

Каждый день говорятъ, что отцовъ семейства не слѣдуетъ порицать слишкомъ строго за ихъ поведеніе относительно своихъ дѣтей; ибо имъ извѣстны вещи, которыхъ они не могутъ сказать. Мнѣ кажется, что государи имѣютъ право, по крайней мѣрѣ, на такое же снисхожденіе.

Что до меня, хотя я и не изъ семьи, однако я вижу довольно, чтобы слишкомъ понимать побужденія *отца семейства*.

[52]) Это между прочимъ.

Впрочемъ, какъ политика не знаетъ ненависти, такъ она не знаетъ и дружбы. Не нужно поддаваться обману минутной дружбы. И не такія дружбы кончались. Сила вещей по необходимости произведетъ большія перемѣны. Или вы думаете, что Русскій Императоръ не знаетъ людей и не вѣдаетъ, чего онъ можетъ ожидать отъ своего великаго Парижскаго друга? Одинъ медикъ-Италіянецъ, состоявшій при Французскомъ посольствѣ въ Персіи и сжегшій свои корабли, довелъ до свѣдѣнія Императора формальный трактатъ, которымъ Наполеонъ обязывается выхлопотать возвращеніе Персіи всего того, что отняла у нея Россія, *и именно Грузіи*, какъ только вторая держава овладѣетъ Валахіею и Молдавіею, и это за уступку Франціи острова Сокоторы, близь Бабельмандебскаго пролива; а этотъ трактатъ, замѣтьте, заключенъ послѣ Тильзитскаго. Твердо надѣюсь, что гинеи поразстроятъ эту прекрасную политику; но каковъ *другъ*-то?

Когда у человѣка обѣ руки спутаны, можно безнаказанно дать ему пощечину. Вотъ аксіома, служившая основаніемъ политики Наполеона относительно Россіи. Онъ запуталъ Императору обѣ руки въ Финляндіи и въ Турціи, и въ это время могъ безпрепятственно ударить его въ лице. Но вдругъ, Шведы, видя себя оставленными единственною державою, которая могла-бы ихъ поддержать, уныло склонили голову и подписали все чего отъ нихъ требовали, послѣ истинно-*Шведской* защиты. Будьте увѣрены, что если-бы Наполеонъ только могъ, онъ послалъ-бы войска Шведамъ. Не смотря на дипломатическую маску, обнаружилось довольно ясно, что этотъ Шведскій миръ не понравился Французскому послу. Теперь, вотъ и Турція говоритъ о мирѣ. Князь Багратіонъ, повидимому, дѣйствуетъ превосходно; онъ поступаетъ съ войсками по-суворовски; онъ забавляетъ ихъ, онъ посѣщаетъ солдатъ въ ихъ ставкахъ, служитъ молебны на старинныхъ редутахъ, возведенныхъ Русскими руками, и т. п. Съ минуту на минуту ожидаютъ сдачи Измаила. Турки совершенно ослаблены, даже раздѣлены, и не знаютъ болѣе, какъ защищаться. Вотъ что утверждаютъ, и уже хотѣли даже послать къ князю Багратіону молодаго князя Павла Гагарина, состоящаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, чтобы помогать ему въ переговорахъ; но это порученіе не состоялось. Россія не хочетъ итти въ Константинополь; пусть ей уступятъ Валахію, Молдавію, Дунайскія крѣпости, Измаилъ, и т. д.—*она больше ничего не хочетъ*. Итакъ, если Турки на это согласятся, миръ заключенъ, и вдругъ закрыты два неизсякаемыхъ источника расходовъ, и Императоръ находится во главѣ двухъ сотъ тысячъ войска, коими онъ можетъ располагать по усмотрѣнію. Конечно, не того хочетъ Наполеонъ; онъ пока молчитъ, ибо у него на рукахъ большія дѣла въ Испаніи, въ Австріи и въ Голландіи. Но дайте ему покончить здѣсь или тамъ, и вы увидите, что онъ тотчасъ примется за Русскихъ. Польша—это яблоко раздора, которое съ этой стороны возбудитъ войну. Тогда Австрія и Пруссія, если онѣ еще сохранятъ тѣнь существованія, останутся зрительницами, какъ теперь Россія остается зрительницею ихъ избіенія. Какой страшный урокъ представляетъ раздѣлъ Польши! Но если вы хотите знать, къ чему ведутъ подобные уроки, взгляните на Финляндію.

Вы много разъ слышали, какъ и я, какъ и всѣ, что исторія есть по преимуществу надежная совѣтница; въ этомъ случаѣ она мнѣ является статскою совѣтницею, *не* дѣйствительною. Будемъ еще и постоянно ожидать величайшихъ событій и утѣшать себя мыслію, что революція еще не кончена.

Со времени моего пріѣзда, я не имѣлъ еще аудіенціи у графа Румянцева. Когда я его увижу, я поговорю съ нимъ слегка о содержаніи вашего послѣдняго письма. Я буду говорить такъ, какъ нужно, чтобы избѣгнуть всякихъ неудобствъ. Пока могу вполнѣ успокоить Его Величество относительно этого предмета и всѣхъ ему подобныхъ. Въ тысячу лѣтъ, Императоръ не нашелъ бы времени обратить вниманіе на подобныя вещи; теперь-же менѣе, чѣмъ когда либо. Когда князь Козловскій заговоритъ съ вами о своихъ *затрудненіяхъ* и въ особенности о своей *корреспонденціи*, спросите его посерьознѣе, очень ли онъ увѣренъ, что здѣсь читаютъ его депеши? *Ему неизвѣстна* (какъ удостоили вы написать мнѣ) *система его Двора.* — Это онъ вполнѣ доказываетъ своимъ образомъ дѣйствій. Всякій человѣкъ со смысломъ обязанъ знать двѣ вещи: 1°, что̀ онъ такое; 2°, гдѣ онъ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, и едва-ли князь Козловскій со мною поспоритъ, что онъ повѣренный при Его Величествѣ, и что онъ находится въ Кальяри; если онъ тамъ, то вѣроятно потому, что такъ угодно его Государю. Чѣмъ болѣе я вглядываюсь, тѣмъ менѣе усматриваю мнимыя *трудности его положенія.* Пусть онъ старается понравиться Двору; пусть посѣщаетъ преимущественно дома̀, удостоенные его уваженія. Пусть онъ удаляется отъ Англичанъ безъ ненависти, и сближается съ Французами безъ дружбы. Пусть онъ любезничаетъ съ моею сестрою и толкуетъ съ ея мужемъ о физикѣ, и затѣмъ пусть ложится спать. Если онъ станетъ дѣйствовать иначе, онъ сломитъ себѣ шею.

Если-бы Его Величество счелъ это умѣстнымъ, я бы могъ, черезъ посредство кавалера Сенъ-Реаля, передать князю Козловскому всѣ косвенные совѣты, которые вы сочли бы приличными. Но такъ какъ относительно этого пункта я не получилъ отвѣта, то я и не настаиваю.

Я имѣлъ честь сообщить вамъ, въ свое время, о моихъ хлопотахъ въ пользу почтеннаго кавалера Райберти. Мнѣ удалось получить отъ графа Румянцева *честное слово*, что онъ его *пристроитъ*, и дѣйствительно, онъ получилъ почетное мѣсто, съ тремя тысячами рублями жалованія. Такъ какъ въ моихъ запискахъ и на словахъ я выставилъ его опытнымъ юристомъ (что̀ и правда), то на него вздумали навалить кучу морскихъ дѣлъ, накопившихся во время послѣдней войны, и въ которыхъ Русскіе ничего не смыслятъ. Послѣ первыхъ трудовъ кавалера Райберти, ему сразу дали (безо всякой съ его стороны просьбы) 900 франковъ прибавки къ жалованію, и я не сомнѣваюсь, что онъ получитъ еще другія выгоды, единовременныя или постоянныя. Во всемъ томъ, что̀ я имѣлъ счастіе для него сдѣлать, мнѣ весьма усердно помогалъ другой подданный Его Величества, птица тонкая: это г. Борелли, изъ Турина, сдѣлавшій карьеру при графѣ Румянцовѣ и въ значительной мѣрѣ пользующійся его довѣріемъ. У него есть умъ, тактъ и ловкость; онъ написалъ нѣсколько книгъ о торговлѣ и консульскомъ

правѣ. Онъ очень хорошо владѣетъ Французскимъ языкомъ (что̀ здѣсь вещь первостепенной важности); онъ въ значительной степени владѣетъ искусствомъ редакціи, и такова здѣсь бѣдность, что его тайно употребляли для редакціи и Фридрихсгамскаго трактата. Я это узналъ косвенно, но совершенно вѣрно. Ему поручена переписка со всѣми консулами. У него великолѣпный мундиръ, и онъ пользуется милостями императора. Въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, его, разумѣется терпѣть не могутъ, и его конечно когда нибудь прогонятъ; но къ тому времени онъ разбогатѣетъ и насмѣется надъ ними. Этотъ трактатъ, въ который онъ запустилъ три пальца, еще доставитъ ему много выгодъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ служитъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, мы съ нимъ болѣе не видаемся. Точно также, г. кавалеръ Райберти строго разлученъ со мною, что̀ кажется еще страннѣе ему и мнѣ, ибо мы земляки и даже родственники (хотя весьма дальніе). Мнѣ въ точности оказываютъ честь, подобающую министру. Онъ ничего не дѣлаетъ въ министерствѣ, но достаточно того, что онъ при немъ состоитъ. Кажется мнѣ однако же, что другой министръ былъ бы менѣе щепетиленъ.

Г. кавалеръ Зино рѣшился, чтобы покончить, просить назначенія въ Одессу или въ Молдавію. Я самъ передалъ и расхвалилъ его записку генералу Сухтелену; желаю для васъ, чтобы она принесла ему пользу. Все зависитъ отъ графа Аракчеева, который возстановленъ противъ Пьемонтцевъ. Надѣюсь, что эта немилость лишь временная.

Этотъ министръ на дняхъ удостоился отъ Его Императорскаго Величества милости, которая увѣнчиваетъ всѣ прочія: Императоръ повелѣлъ, чтобы всѣ войска отдавали честь графу въ той-же формѣ, какъ и ему самому, *даже въ его присутствіи*. Не знаю еще, простирается-ли это распоряженіе на гвардію. Какая карьра и какая сила!

Баронъ Стедингъ пріѣхалъ 14(26). Онъ видался наединѣ съ императрицею, которая много плакала.....

Стедингъ ближе познакомилъ меня съ условіями мира. Бонапартъ дѣйствительно желалъ его, не потому, чтобы завоеваніе Финляндіи не было ему очень непріятно, а потому, что въ эту минуту ему надобно держать за собою Русскихъ и для того, чтобы вскорѣ потребовать отъ нихъ уплаты за эту побѣду. Рѣка Торнео служитъ границею двухъ державъ, и при томъ такъ, что самый городъ остается въ Русскомъ владѣніи. Императоръ пріобрѣтаетъ этимъ трактомъ 10 тысячъ квадр. миль земли, 4 тысячи острововъ, заливовъ и бухтъ, и милліонъ подданныхъ. Пріобрѣтеніе Аландскихъ островов столь же важно для него, какъ убійственно для Швеціи. Эти острова имѣютъ 2700 перевозныхъ судовъ всякаго размѣра; въ добавокъ взгляните, какъ много выигрываетъ столица отъ этого завоеванія, которому недостаетъ только одного — законности.

XXXIII (стр. 342)

Къ королю.

Петербургъ 13 (25) Января 1810.

Какъ только прибылъ сюда полковникъ Горголи съ депешами изъ Парижа, извѣстіе о бракѣ Наполеона съ юною Великою Княжною Анною Павловною распространилось повсюду, и даже во многихъ письмахъ изъ Па-

рижа безъ обиняковъ говорится объ этомъ. Великая Княжна вступаетъ въ шестнадцатый годъ. Ее прочили за герцога Саксенъ-Кобургскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Эрфуртѣ была рѣчь о бракѣ съ одною изъ Великихъ Княженъ. На первомъ планѣ стояла Екатерина Павловна, но она вышла за мужъ за принца Георгія Ольденбургскаго. Я имѣлъ честь говорить подробно, въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ моихъ къ Вашему Величеству, о характерѣ и о рѣшимости этой принцессы. Какъ извѣстно, Императоръ отвѣчалъ въ Эрфуртѣ, что рѣшеніе вопросовъ о бракахъ совершенно предоставлено Императрицѣ-матери; но увѣряютъ, что полковникъ Горголи привезъ письмо, прямо адресованное на ея имя. Не могу еще извѣстить Ваше Величество о рѣшеніи Государя; но повидимому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности сватовства; ибо письма изъ Парижа, прибывшія просто по почтѣ, гласятъ прямо: «Надѣемся вскорѣ получить отъ васъ принцессу, которая должна замѣнить...» и т. д. Это извѣстіе произвело во всей Россіи необычайное впечатлѣніе.

Императоръ рискуетъ только тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день его сестру объявятъ наложницею, а дѣтей, которыхъ она можетъ имѣть, побочными. Русскіе въ отчаяньи.

Какъ только будетъ извѣстно что-либо положительное о великомъ бракѣ, о которомъ имѣю честь говорить съ Вашимъ Величествомъ поспѣшу о томъ сообщить; но считаю болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что меня предупредятъ.

Образъ жизни Великой Княгини Екатерины Павловны въ Твери по истинѣ изумителенъ. Домъ ея, по вечерамъ, родъ монастыря. Г. Карамзинъ, замѣчательный писатель, читаетъ тутъ лекціи Русской исторіи, изученной имъ съ особеннымъ стараніемъ; и лица, которыхъ она, по здѣшнему обычаю, удостоиваетъ приглашенія на свои вечера, не находятъ на нихъ инаго развлеченія. Мнѣ разсказывали, что даже ея братъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, вмѣстѣ съ другими, насладился этимъ удовольствіемъ, и онъ здѣсь говерилъ смѣясь, что онъ изъ Русской исторіи только и знаетъ то, что̀ онъ узналъ въ этотъ вечеръ. Великая Княгиня сама учитъ своего мужа Русскому языку, знакомитъ его съ простолюдинами, играя при этомъ роль переводчика. Ей никогда не случалось бывать въ Москвѣ одной; она сопровождала туда своего августѣйшаго брата и произвела самое сильное впечатлѣніе. Это голова способная на дальновидные планы и на сильную рѣшимость. Ея сестра Анна-голубица.

ПИСЬМО КЪ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, ПИСАННОЕ ПОСЛѢ НАШЕСТВІЯ ФРАНЦУЗОВЪ АПТЕКАРЕМЪ ШЕРЕМЕТЕВСКАГО СТРАННОПРІИМНАГО ДОМА.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество!

Щедроты и благодѣянія Вашего Императорскаго Величества, изливаемыя на вѣрноподданныхъ Вашихъ, подали мнѣ смѣлость повергнуть себя къ стопамъ Величества Вашего со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Находясь въ службѣ въ столичномъ городѣ Москвѣ при страннопріимномъ домѣ графа Шереметева, подъ покровительствомъ Вашимъ существующемъ, въ тамошней аптекѣ въ должности аптекаря, которую исправлялъ годъ и три мѣсяца со всѣмъ прилежаніемъ, знаніемъ и расторопностію, соблюдая всѣ выгоды по части экономической въ пользу дома, что могутъ засвидѣтельствовать тамошнія начальства; во время же нашествія непріятельскаго въ Москву, когда начальники мои изъ оной выѣхали, я не дерзнулъ оставить моего мѣста, гдѣ и оставался безотлучно во все время непріятельскаго тамъ пребыванія, имѣя притомъ попеченіе по долгу и состраданію моему о оставшихся Россійскихъ раненыхъ офицерахъ и о 32-хъ бѣдныхъ въ богадѣльнѣ находившихся безъ всякаго призрѣнія; а когда служители, имѣющіе въ смотрѣніи провизію, отказались выдавать и малѣйшую пропорцію для подкрѣпленія раненыхъ и бѣдныхъ (хотя еще достаточной запасъ находился) то я принужденъ былъ подѣлиться съ ними своимъ содержаніемъ стола. Но къ крайнему соболѣзнованію, хотя успѣшнымъ леченіемъ нашихъ раненыхъ трудъ мой и попечечіе о нихъ и вознаграждался; но по причинѣ непріятельскихъ распредѣленій не могъ я имѣть удовольствія увидѣть ихъ совершенно здоровыми. — Во время бывшаго въ нашъ домъ набѣга Французскихъ солдатъ, которые приняли нашъ домъ за домъ частнаго человѣка, я имъ объяснилъ, какому заведенію оной принадлежитъ, и тѣмъ отвлекъ ихъ отъ дальнѣйшаго буйства и при расхищеніи нѣкоторыхъ вещей успѣлъ спасти столовые часы, стоящіе въ Совѣтѣ и электрическую машину.—

Съ 3 на 4-е Сентября, находясь мы въ чрезвычайной опасности, видя себя окруженными пламенемъ, угрожавшимъ своею яростію нашему дому, я тотчасъ же рѣшился вывести нашихъ больныхъ въ садъ. — Когда я симъ занимался, непріятели насъ оставили, ограбя 291 р. казенныхъ денегъ, золотые часы и деньги мои 168 рубл.—Въ сію ночь, т. е. 4-го числа, загорѣлся правый флигель, докторское жилище и экономическое строеніе. Я, сколько возможно было старался потушить пожаръ на нашемъ дворѣ, прося и принуждая къ тому находящихся тутъ людей, что̀ съ Божіею помощію и исполнили, потушивъ огонь въ другомъ флигелѣ и въ главномъ корпусѣ. — Потомъ всякой день были мы обезпокоиваемы непріятельскими набѣгами, кои хотѣли дѣлать распредѣленіе для своихъ раненыхъ въ нашей больницѣ; но стараніемъ моимъ были они въ первыхъ дняхъ въ томъ безуспѣшны. Но когда невозможно было удержать, чтобъ оные не поселились въ нашей больницѣ, — я и тутъ еще успѣлъ у Баварскихъ начальниковъ въ томъ, чтобы помѣщались изъ ихъ больныхъ одни токмо офицеры, кои на слѣдующее утро съ довольнымъ запасомъ къ намъ и вступили.—Между тѣмъ какъ Баварцы занимались у насъ своими распоряженіями, вдругъ пріѣхали Французскіе военные комисары и выслали Баварцевъ, подъ предлогомъ, что тѣ палаты уже распредѣлили для себя; и тутъ же явился Французской главный аптекарь и требовалъ немедленно осмотрѣть врачебную мастерскую, принуждавъ меня отдать ему ключи отъ принадлежащихъ къ аптекѣ комнатъ. — Я ему нѣсколько разъ въ томъ отказывалъ, говоря, что оныя развѣ однимъ

токмо военнымъ коммисарамъ отдать буду согласенъ. Сей дерзновенный человѣкъ, разрушивъ дверь аптеки, ворвался въ оную; но я безпрестанно надзиралъ въ аптекѣ за тѣмъ, чтобъ они чего тамъ не расхитили и все бы осталось въ прежнемъ порядкѣ, что̀ и соблюдено (хотя съ нѣкоторымъ впрочемъ ущербомъ) до послѣдняго дня ихъ выѣзда изъ нашей больницы; а сверхъ того удержалъ у нихъ нѣсколько матеріаловъ для вознагражденія убытковъ нашихъ.—7-го Октября готовился непріятель къ выѣзду изъ нашей больницы. — На вопросъ мой о причинѣ сего движенія они мнѣ отвѣчали, что полевой дворъ будетъ взорванъ, и наша больница подвергнется той же участи.—Первое случилось, а нашъ домъ, благодаря Всевышнему, уцѣлѣлъ, и выбывшіе изъ него Французы вступили паки въ свои мѣста. Но предъ послѣднимъ днемъ ихъ выѣзда я пораженъ былъ новымъ ихъ буйствомъ и вѣроломствомъ, когда увидѣлъ разставленныхъ по коридорамъ лошадей, и даже въ церковь намѣревались ихъ ввести, но по просьбѣ моей оную пощадили. — На утро 11-го Октября, къ крайней нашей радости, непріятели готовились съ чрезвычайною поспѣшностію къ выступленію. А какъ узнали они, что наши войска вступили уже въ городъ, то нѣкоторые изъ нихъ, опасаясь подвергнуться дальнѣйшей опасности, укрывались еще въ нашемъ домѣ; но я, наскучивъ ихъ неудовольствіями и наглостію, выгналъ до послѣдняго и домъ нашъ явился въ прежней тишинѣ. – Но къ несчастію новой, неожидаемой и непріятной случай нарушилъ оную, а именно: за нѣсколько дней предъ выступленіемъ непріятеля примѣтилъ я, что арапъ нашъ, находившійся при домѣ нашемъ, ходилъ нѣсколько разъ въ сосѣдствѣ нашемъ по разнымъ домамъ; послѣ же, когда непріятель оставилъ нашу больницу, увидѣли мы домъ нашъ окруженнымъ ранеными солдатами, мужиками и разнаго рода людьми, которые требовали нашего арапа, а между тѣмъ начали они таскать тюфяки, перины и прочія вещи. Увидя грабежъ и шумъ на нашемъ дворѣ, скорѣе старался я запереть всѣ двери; но лишь только я сіе исправилъ, вдругъ тотъ самый арапъ началъ разламывать двери у лабораторіи, куда онъ вошелъ съ чужими людьми, кои недавно предъ тѣмъ его спрашивали. Въ лабораторіи находилось еще 19 ведръ вина, пять пудъ меду, нѣсколько ведръ спирту, мази и прочихъ изготовленныхъ лекарствъ. Наши смѣлые и усердные служители сдѣлали было нѣсколько выстрѣловъ въ народъ, грабившій на нашемъ дворѣ, чѣмъ приведенъ онъ былъ въ бо̀льшую ярость и озлобленіе. Я всячески старался успокоить ихъ, и послалъ своего подмастерья увѣщевать и усовѣстить грабителей въ лабораторіи; но и тотъ оказалъ противное сему. И грабители начали даже обращать остальные наши тюфяки на мѣшки для поклажи награбленной ими добычи. Послѣ сего въ 3-мъ часу послѣ полудня, когда они скрылись, я пересмотрѣлъ все и нашелъ разломанныя двери у запасной комнаты, гдѣ не оказалось уже боченка меду, спирту, прованскаго масла и около 46 фунтовъ нашей собственной хины. Наконецъ, въ толь опасное и смутное время, когда я лишился всѣхъ средствъ привесть что либо въ порядокъ и усмирить буйство народа, а болѣе какъ иностранецъ находился самъ въ неизбѣжной опасности и самой смерти, оказавшійся совершен-

ный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, внезапная разстройка въ моихъ дѣлахъ и отсутствіе всѣхъ нашихъ врачей, отвлекли меня, къ крайнему моему сожалѣнію, противъ воли моей, отъ обыкновенной дѣятельности и принудили меня, починя всѣ разломанныя двери, исправя, приложа къ нимъ замки и закрѣпя гвоздями, удалиться на нѣсколько дней къ своимъ пріятелямъ, о чемъ тогда же довелъ я до свѣдѣнія тогдашняго г-на городоваго полицемейстеръ полковника и кавалера Гельмана. А по прошествіи всякой опасности 22 числа Октября я паки вступилъ къ ревностному исправленію моей должности. Въ послѣдствіи же времени, хотя я всячески старался для пользъ нашего дома, но невозможно было все обозрѣть, не имѣя къ тому довольное время по разстроенности нашего дома, ни способовъ, ни должной помощи; но при всемъ томъ взыскали еще съ меня за расхищенную разную посуду, за которую долженъ отвѣчать г-нъ экономъ, 400 рублей. А потому, изнуривъ себя въ здоровьѣ отъ безчисленныхъ заботъ и стараній въ пользу Страннопріимнаго дома, я рѣшился, для успокоенія себя и поправленія моего здоровья, на нѣкоторое время просить себѣ увольненія отъ настоящей моей должности, которымъ и воспользовался. Всѣ вышеписанныя происшествія можетъ засвидѣтельствовать г-нъ попечитель Страннопріимнаго дома его превосходительство Василій Сергѣевичъ Шереметевъ, яко главный тамошній начальникъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Не интересовъ осмѣливаюсь ожидать я отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества, но единственно дерзаю испрашивать милосердія Вашего.

(Сообщено Я. К. Гротомъ).

РАЗСКАЗЪ О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ [1]).

Ужъ давно толковали въ народѣ, что идетъ на насъ Наполеонъ, и какъ бы въ Москву не забрался, а господа все не вѣрили, — пусть молъ народъ болтаетъ! Да и не позаботились, чтобъ на досугѣ-то добро свое отъ француза спасти. А какъ прошли Госпожинки, стали больше поговаривать; потомъ и господа, знать, смекнули дѣло, да уже не до того было, чтобъ добро спасать, а скорѣй самимъ выбираться пришлось. Баринъ [2]) отправилъ во Владиміръ старую барыню [3]), да молодую жену [4]) съ ребенкомъ, да еще кто при нихъ въ домѣ былъ, въ двухъ каретахъ, да въ двухъ повозкахъ съ кухнею да съ постелями. Сколько лошадей было въ домѣ, всѣхъ запрягли; баринъ себѣ только одну лошадь оставилъ на всякій случай; а имѣніе вывозить было не на чемъ, а добра-то было много, и что̀ годами накоплено, и приданое молодой барыни!

Жили мы тогда въ своемъ домѣ, на Вшивой Горкѣ, и кладовая была у насъ большая, отдѣльнымъ строеніемъ стояла, и придумали кладовую раздѣлить каменною стѣною, благо печники свои, да кирпичь заготовленный на перестройку лежитъ на дворѣ. И заложили стѣну да и перетащили туда всѣ барскіе сундуки, ящики съ посудой, бѣлье, вещи раз-

---

[1]) Разсказщица, изъ дома кн. Лобанова, была женою крѣпостнаго человѣка Александра Николаевича Соймонова. Она жива до сихъ поръ.

[2]) Александръ Николаевичъ Соймоновъ.

[3]) Сусанну Даниловну Сомойнову, мать Александра Николаевича.

[4]) Марью Александровну Сомойнову, рожденную Левашеву.

ныя—чего, чего тамъ не было! Посверхъ и наше все имущество поклали, а стѣна все выше да выше поднимается. Стали туда бросать, уже сверху, перины, пуховики, подушки со всего дома. На аршинъ стѣна была не доложена; вдругъ изъ сосѣдняго двора знакомый человѣкъ заглянулъ въ кладовую и сталъ упрашивать, чтобъ мы и его добро туда запрятали. Натаскали всякаго хламу; не стоило бы прятать, да вѣдь всякому своего жалко, какъ не помочь въ бѣдѣ, вѣдь и намъ самимъ добрые люди помогали; мы на него понадѣялись, что онъ останется благодаренъ. Стѣну заложили до верху, немного позамазали, а то всякому въ глаза бросится, что новая; въ переднюю кладовую натаскали того что̀ было похуже и набили биткомъ—пожалуй молъ ломай, да таскай: не много разживешься, французъ окаянный!

Ну вотъ господа наши уѣхали по добру да поздорову во Владиміръ—тамъ у нихъ была какая-то родня, и они тамъ барина поджидали. А ему-то ѣхать нельзя было; оставался онъ по дѣламъ что ли, или по службѣ, уже этого не умѣю сказать—только помню, что онъ всякій день съ утра надѣвалъ мундиръ и ѣздилъ куда всѣ господа другіе сбирались думу вмѣстѣ подумать, какъ лучше французу насолить да въ Москву не допустить.

Да, видно, они ничего не придумали. Прошелъ Александровъ день—вдругъ баринъ пріѣзжаетъ домой, велитъ запрячь дрожки въ одну лошадь; видитъ лошадь одна не свезетъ, скорѣе другую лошаденку купили, гдѣ-то отыскали, да и припрягли веревками. Баринъ, какъ былъ въ мундирѣ по утру, такъ и сѣлъ въ дрожки одинъ съ кучеромъ. Я помню, какъ онъ съ нами прощался, вынулъ послѣднія деньги, велѣлъ купить лошадь да выѣзжать въ Тверскую заставу къ нашей подмосковной, а кто не боится оставаться при домѣ, пожалуй оставайся. Мы съ нимъ тутъ распростились, и онъ поѣхалъ. Наши всѣ стали думать—куда кто пойдетъ; человѣкъ съ шесть остались при домѣ, другіе отправились въ подмосковную за 80 верстъ. Меня матушка-свекровь съ ними такую даль не пустила и въ Москвѣ не оставила. Сестра ея родная за Москвой-рѣкой у господъ Арсеньевыхъ жила, и они сбирались въ Орловскую деревню; а туда говорили, что французъ не дойдетъ. Матушка-свекровь за меня боялась—я была молоденькая да хорошенькая. Она меня поскорѣе собрала, навязала узелки и благословила: «Ступай, Дуняша, къ тетушкѣ, да поклонись ей въ ножки, чтобъ она тебя съ собой захватила, а то долго ли грѣха.» Потомъ снарядила въ дорогу меньшаго моего деверя Андрея; я было его и брать не хотѣла: «онъ меня, молъ, матушка, свяжетъ, я сама еще глупая, онъ еще глупѣй меня;» а ему былъ только осьмой годокъ. А что я тамъ ни говорила, матушка-свекровь собрала насъ и отправила за Москву-рѣку къ Арсеньевымъ.

Приходимъ къ нимъ на дворъ, а уже у нихъ лошадей запрягаютъ въ повозку. Господа только что сами уѣхали, и кого нужно изъ людей съ собой взяли, а другіе собираются въ подмосковную. Повозка биткомъ набита—вѣстимо дѣло, и то жаль оставить и другое бросить не хочется. Тетушку больную кое-какъ въ повозку уложили, а всѣмъ-то ужъ и мѣста нѣтъ. Кто помоложе, пѣшкомъ

за повозкой побрелъ, тутъ же и я съ Андрюшей.

У нихъ подмосковная, Щербинки, въ 25 верстахъ отъ заставы; мы кое-какъ туда доплелись благополучно. По дорогѣ, кабы не такая бѣда, было бы весело, просто гулянье! Кто ѣдетъ въ каретѣ, кто верхомъ, кто ребятишекъ въ телѣжкѣ за собою тащитъ. Тутъ корову ведутъ, тутъ козелъ рвется изъ рукъ, клѣтки съ курами привязаны на повозкахъ. Везутъ большой чанъ на тройкѣ, и въ чану-то народъ сидитъ, оттуда выглядываетъ; кто одинъ пробирается, кто цѣлой семьей идетъ, ребятишки за мать держатся, сами ревутъ что не поспѣваютъ, али проголодались и ѣсть просятъ. Крики, шумъ, перекличка, просто веселье! Только мы доѣхали до Щербинокъ, остались тамъ отдыхать въ своемъ имѣньи, а другіе пошли мимо. Насъ тутъ домашніе встрѣтили, угостили. Не успѣли мы отдохнуть, какъ вдругъ бухъ изъ большой пушки — такъ и раздалось, что земля подъ ногами задрожала. Ну пропали наши головушки, пропала наша матушка-Москва, ахнули, испужались. Да что же дѣлать, аханьемъ бѣдѣ не поможешь! И теперь какъ вспомнишь, такъ словно опять вздрогнешь.....

Въ Щербинкахъ все барское добро было зарыто въ землѣ около прудовъ; вода стояла не высоко, около воды къ берегамъ и подкопали да и попрятали все туды, а сверху признаковъ нѣтъ, трава растетъ, и крапива, и кусточки; мы ходили смотрѣть, просто диковинка, какъ ухитрились. Тутъ были зарыты и сундуки съ добромъ и ящики съ провизіей, чаю одного что̀ было! Цѣлые цибики зашитые въ кожу, головы сахару въ ящикахъ; и гдѣ рыли къ водѣ, тутъ дерномъ обложили, и отъ сырости и дернъ-то обросъ — за то хватились во̀ время. Коли бы свои не доказали, никогда бы французы не догадались. Эки окаянные! Хватило у нихъ духу барское добро французамъ даромъ отдать!!! Вытаскали бы, да сами бы взяли себѣ—а послѣ бы на французовъ сказали, вотъ и концы въ воду.. А то сами руками отдали, и кому? точно на нихъ креста не было—лучше бы своихъ угостили.

Почти вездѣ въ землю зарывали и деньги, и всякое имущество, зарывали въ оврагахъ, да на пашнѣ. Такъ ухитрились, что кто зарывалъ, самъ мѣста признать не могъ. Ужъ вотъ на какую хитрость поднялись: пойдутъ поутру да поглядываютъ— гдѣ увидятъ, что легкій паръ подымается, тутъ и копаютъ, потому что земля взрыта была да еще съ другой землей не сравнялась, а все какъ будто бы паръ отъ нея легенькій идетъ; а днемъ ни за что уже не примѣтишь.

Вотъ и живемъ мы въ Щербинкахъ, да сгрустнулась я по мужѣ, думаю: куда мой Иванъ Ѳедоровичь дѣвался, успѣлъ ли онъ сердечный куда уйдти, либо при нашемъ домѣ остался? А спросить не у кого. Думала, думала, да и придумала—пойду его отыскивать; коли въ Московскомъ домѣ нѣтъ его, проберусь въ деревню въ подмосковную. Меня уговарили остаться, да ужъ я и слышать не хотѣла, очень объ немъ стосковалась. Распростилась я со всѣми, кое что собрала, положила въ котомочку и привязала за плеча—мнѣ хотѣлось добраться до нашего дома и узнать, живы ли всѣ и здоровы; а одной идти съ парнишкою страшно: всякій день разъѣзжали французы за фу-

ражемъ. Щербинки только 25 верстъ отъ Москвы, близко; бывало такъ опрометью и скачутъ всякій день, да еще по нѣскольку разъ.

И взяла я съ собой своего парня Андрея, да еще подговорила двухъ мужичковъ, такихъ старенькихъ. Они было не брались меня провожать, да я имъ поклонилась въ ноги: «Батюшки-кормилицы, не покидайте меня горькую, не давайте меня молоденькую въ обиду вражьимъ дѣтямъ, нехристямъ окаяннымъ. Въ Москвѣ всего много, пойдете съ одной палочкой, а принесете домой всякаго добра, лишь бы силы хватило до двора дотащить.»—«Ладно, говорятъ мужички, собирайся, молодая». Легли мы, отдохнули, а лишь только стала заря заниматься, мы и поднялись въ дорогу. Не помню, сколько верстъ мы отошли; вдругъ цѣлый отрядъ скачетъ намъ на встрѣчу—видимъ, что французы. Сперва было мы испугались; да я говорю: пойдемъ сторонкой, дадимъ имъ дорогу, авось не тронутъ. Французы настоящіе добрые, вѣдь ихъ по мундиру и по разговору узнаешь, рѣдко кого обидятъ; за то ужъ эти новобранцы всякіе у нихъ, да Нѣмчура никуда не годились. И не нужно имъ, да они грабятъ, да крещенный народъ обижаютъ.

Ну вотъ они скачутъ верхами, за ними подводъ таково много; они проскали, и подводъ съ десять проѣхало мимо, мы и радехоньки. Вдругъ, отъѣхавши съ версту, мы видимъ, одинъ лошадь свою отпрягаетъ и садится на неё. Одинъ изъ мужичковъ, что̀ со мной шли и говоритъ: «Петровна, вѣдь это за тобою онъ гонится, увидалъ у тебя за плечами котомочку». Я такъ и ахнула. Скачетъ за нами, я скорѣе котомочку отвязала и бросила на́ земь. «Сама пойду, думаю, съ парнемъ своимъ да съ старичкомъ, авось за мною не погонятся, а другаго старичка попросила: «ты, батюшка, поглядывай на котомочку, коли онъ ее броситъ, то захвати ее съ собой, а мы тебя подождемъ.» Соскочилъ солдатъ съ лошади, схватилъ котомочку, пошарилъ въ ней и потомъ бросилъ и опять ускакалъ. Старичокъ поднялъ котомочку и догналъ насъ.

— Что̀, батюшка, скажи, не взялъ ли онъ чего изъ нея?

— Вынулъ онъ кусокъ пирога, да лепешки, да еще крошечный мѣшочекъ, развязалъ его, да сунулъ въ карманъ—сказалъ добре, да и поскакалъ.

Ахъ я дура эдакая! Вѣдь мѣшечекъ-то дорого стоитъ; ахъ я недогадливая! Мнѣ бы его сунуть за пазуху или на крестъ привязать.... Шутъ меня дернулъ его въ котомку сунуть; а въ мѣшечкѣ-то у меня были серьги, да три кольца золотыхъ. Что дѣлать? Поговорила, поплакала, да себя сама поругала—да не воротишь, сама сглуповала.

Пошли мы опять по маленьку, дошли до Арсеньевскаго загороднаго двора, что̀ былъ не далече отъ Данилова монастыря. Тутъ я распростилась съ своими старичками; они пошли въ Москву на добычу, а я взошла въ загородный дворъ. Глядь—и тутъ стоятъ французы. Я было испугалась, да тутъ оставалась работница Настасья, да еще кое-кто изъ дворовыхъ людей. Настасья мнѣ сказала, что тутъ стоитъ самъ начальникъ, полковникъ или генералъ что̀-ли, и что солдаты не смѣютъ никого обидѣть, даже словомъ.

Вижу, что все покойно; я тутъ съ Андреемъ отдохнула двое сутокъ,

меня унимали и дольше пожить, да я спѣшила въ Москву—такъ у меня сердце не терпитъ, хочется мнѣ зайдти въ свой домъ да развѣдать, тамъ ли все мой Иванъ Ѳедоровичь да матушка-свекровь. А Андрея-то я ужъ боялась съ собою брать, благо было на кого оставить, а одна всё таки какъ нибудь проберусь. «Ты, матушка Настасья, побереги моего парня, а я схожу про мужа провѣдаю.»

Встала ранехонько, помолилась и пустилась въ путь. Какъ я вошла въ Москву, такой ужасъ! По улицамъ валяются мертвыя тѣла, такія уже черныя, что просто страшно на нихъ глядѣть, да тутъ же валяются мертвыя лошади, не прибираютъ ихъ, смрадъ такой распустили по улицѣ.

До своего дома добралась я хорошохонько, прошла набережной да каменнымъ мостомъ, вхожу на дворъ... вижу, ни живой души: домъ обгорѣлъ, нашихъ тамъ никого нѣтъ. Должно быть, всѣ уже перебрались въ подмосковную. Вспомнила я про кладовую въ подвалѣ, хотѣлось мнѣ посмотрѣть, цѣло ли наше добро—дверь выломана; думаю: ничего, у насъ стѣна тамъ выложена да замазана, хоть и взошли—авось не догадались. Какъ я спустилась по ступенькамъ, мнѣ пухъ въ лице!... Ничего не видать, утерлась; вижу вся въ пуху и попала въ пухъ по колѣни, а стѣна новая, вижу, разломана. Они, должно быть, пухъ и перья высыпали, а въ пустыя наволочки набили всякаго добра да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего. Я всплеснула руками, да какъ взвою; стала припоминать, что я туда сама запрятала и французовъ-то принялась честить по своему.

А какъ я послѣ узнала, вытаскали не французы, а наши русскіе. Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ стоялъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ французами жили было очень хорошо; они жили тихо, смирно, никого не обижали, только иногда пошлютъ что-нибудь имъ принести, и мальчишки наши тоже были у нихъ на посылкахъ. А коли добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ.

Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ, про кого я разсказывала, что онъ просилъ къ намъ его добро спрятать. Онъ былъ отъ Шульгиныхъ, его Ѳедотомъ звали. Такъ приставалъ, что мы его пожалѣли: кирпичей двадцать скинули, потому что стѣна была почти докладена, а его сундукъ не проходилъ. Онъ-то намъ за наше доброе дѣло и заплати зломъ. А что онъ укралъ, это вѣрно, потому что послѣ разоренья видили у него и наши платья, и наши одѣяла, и кое-что другое. Матушка-свекровь пыталась съ нимъ ругаться, кое-что у него изъ рукъ сама вырвала, а всего не воротишь. Постояла я тутъ, погоревала. Какъ быть — ночевать одной страшно, и спѣшила выйдти, пока еще не смеркалось. Дни-то ужъ коротки были, того и гляди, что будетъ смеркаться, а мнѣ надобно было пробираться къ загородному двору. Мы жили долго въ подмосковной, и когда пріѣдишь въ Москву, никуда не выходишь, дворня большая, не скучно, да и заведенья-то не было, чтобы мы по улицамъ таскались. Теперь всякая дѣвочка въ ученіи живетъ, и куда хочешь пошли, всѣ дороги знаетъ, хоть ночью пошли её, такія безстраш-

ныя — а въ наше время мы и дорогъ-то не знали, пойдешь либо съ мужемъ, либо съ свекровью, дороги не примѣчаешь, знаешь, что доведутъ. Я только и знала, что гдѣ тетушка живетъ, отъ того и дошла одна, когда меня матушка-свекровь къ ней отправила. Изъ загороднаго двора не дошла бы одна, мнѣ старушка дорогу указала, и я примѣтила, чтобъ не сбиться съ дороги. Прошла я хорошо по каменному мосту да по набережной; по той же дорогѣ назадъ пошла, нельзя: на каменномъ мосту стоитъ бикетъ—всё французы, и никого не пропускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Утромъ ходи сколько хочешь, а около вечеренъ разставлялись вездѣ бикеты. Я поторопилась дойти до Москворѣцкаго моста. Москворѣцкій мостъ былъ снесенъ. Я пошла плутать по улицамъ; я улицъ и такъ не знала, а тутъ ужъ ихъ никакъ не узнаешь и примѣтъ не найдешь. Вездѣ все голо, вездѣ все черно, только торчатъ трубы да печи обгорѣлыя, да виднѣются своды да подвалы, а жилье все сгорѣло.

Плутала я долго и зашла сама не знаю куда; по утру и къ мосту дороги не найду. Опять цѣлый день ходила, все дороги не найду, и устала, и проголодалась, другіе сутки не ѣмши, на силу ноги таскаю; опять смерклось, ночлега себѣ не придумаю — стоитъ пень обгорѣлый, я на него сѣла; думаю вотъ тебѣ, Дуняша, и ночлегъ — воздушнымъ плетнемъ обнесу, да небомъ покроюсь. Мнѣ кажется, я весь этотъ пёнушекъ облила своими слезами.

Стало уже совсѣмъ темно: слышу идутъ двое; я испугалась и прижалась — авось меня не разглядятъ. Идутъ прямо ко мнѣ и увидали. Одинъ спрашиваетъ: Кто ты? — Я, батюшка.— Да кто ты такая?—Соймоновыхъ господъ, говорю, батюшка, вотъ другіе сутки плутаю не ѣмши: маковаго зерна въ ротъ не пропустила.—Поди за мною.—Я встала и пошла; ихъ не знала, хорошіе ли они люди или нѣтъ; да вѣдь голодъ не тётка, много толковать не станешь.

Повели меня они какимъ-то пустыремъ — все голо, все темно. Я думаю, куда это они меня ведутъ, и пикнуть не смѣю, сама вся дрожу— и холодно, и страшно.

Вдругъ одинъ изъ нихъ топнулъ ногой и закричалъ: подымай!.... Я такъ и обмерла, не знаю что̀ со мною будетъ. Поднялась дверь, какъ западня — вижу лѣстница; мы по ней спустились, дверь за нами захлопнулась. Мы, я вижу, въ просторномъ подвалѣ, горитъ огонь; встрѣчаетъ насъ старуха, за нею женщины и двое дѣтокъ, и видно добра всякакаго накладено много.

— Не бойся, моя милая, ты видишь, я старушка старая, со мною дочери да внучата дѣти малыя, а тотъ кто тебя привезъ, это мой сынокъ, купецъ.»

Она меня чаемъ напоила, накормила такою славной рыбой да икрой, всѣмъ подчивала — да я ужъ ничего не видала, у меня глаза слипались. «Пора тебѣ отдохнуть, моя красавица, помолись да и ложись скорѣе».— Перина такая славная; помню, какъ я до нея дошла, а послѣ ужъ ничего не помню, словно умерла; проспала долго, пока меня хозяйка сама не разбудила.

Проснулась, не знаю: день ли, ночь ли; у насъ все огонь горитъ. Старуха подняла немного западню, сына выпустила и сама поглядѣла. «Готовьте самоваръ, заря занимается,

чайку напьемся, а немного погодя позавтракаемъ, а то сыну пора будетъ по своимъ дѣламъ идти». — У нихъ славный былъ подвалъ, и печь топилась, и всякое кушанье тутъ стряпали; а съ верху никто не догадывался, что печка топится, потому что кругомъ дымилось отъ погорѣлыхъ домовъ.

Вдругъ слышимъ опять, топнулъ кто-то ногой и закричалъ: подымай.— «Готовъ что ли самоваръ, матушка? А я добылъ бѣлаго хлѣба къ чаю.»

Хлѣбъ такой былъ славный, мягкій. Онѣ сами никуда не ходили, а только сынъ приносилъ имъ все, что̀ было нужно.—Что̀ у тебя, матушка, самоваръ еще не кипитъ? — Мы все тебя, батюшка, поджидали.—Ну ладно, сестры, поворачивайтесь скорѣе, напьемся чаю, да молодку-то накормите, мнѣ надобно ее проводить домой».

Накормили меня опять, всё кушанье у нихъ было такое славное, а сами такіе ласковые. Чего-чего они мнѣ не навязали въ платокъ. Потомъ онъ сталъ меня разспрашивать. — Что̀ ты дѣвушка что-ли? — Нѣтъ, батюшка, я женщина. — Да гдѣ же твой мужъ? — Не знаю, батюшка, видно ушелъ изъ Москвы и меня не дождался. — Тѣмъ лучше, я вдовецъ, ты мнѣ по душѣ пришлась, выходи за меня замужъ. — А какъ же батюшка, какъ Иванъ Ѳедоровичь придетъ — вѣдь онъ меня у тебя отниметъ, всё таки твоей не останусь. — А можетъ быть его убили, и онъ не вернется. Такъ слушай же, голубушка, вотъ тебѣ записка, какъ меня зовутъ и гдѣ меня можно отыскать. Если мужъ твой не отыщется, приди въ городъ и спроси меня; тебя всякій меня укажетъ, гдѣ я буду жить». Я его поблагодарила и записочку все-таки засунула за пазуху. Долго я ее берегла и послѣ, а теперь не упомню, какъ его звали. Мы разъ повздорили съ Иванъ Ѳедоровичемъ, я ему и похвасталась, что вотъ какой хорошій человѣкъ, почище его, за меня сватался, да и показала записку. А онъ ничего не сказалъ (онъ все бывало молчитъ), а записку-то разорвалъ въ мелкіе кусочки да и выбросилъ. А то бы я теперь могла кому-нибудь показать, мнѣ бы прочитали, какъ его звали, и я бы вспомнила.

Онъ меня проводилъ и довелъ до самой калитки загороднаго двора; мы съ нимъ дорогой разговорились; онъ былъ купецъ богатый — у него одинъ домъ сгорѣлъ, а въ другомъ домѣ стоялъ французскій генералъ; отъ того-то онъ ничего не боялся.

Ну пришла я на загородный дворъ, сказала Настасьѣ, что своихъ никого не нашла, а про подвалъ ни гугу — зачѣмъ пустяки разсказывать, пошло бы по всему дому: слово не воробей, вылетитъ не поймаешь. Я и промолчала про купца, ничего ей не сказала; погостила у ней немного, а потомъ и стала сбираться съ Андреемъ въ наше Теплое *), всего 80 верстъ отъ Москвы. Дорогу-то я знала, и прежніе-то мои господа по той же дорогѣ, на Воскресенскъ, тоже ѣздили въ свою подмосковную; да хоть и знала дорогу, а все таки одной идти не хотѣлось. Тутъ была старушка старенькая, старенькая; вижу она сбирается въ дорогу — я къ ней. По какой дорогѣ ты пойдешь? — Въ Тверскую заставу прямо на Воскресенскъ. — Мнѣ тоже въ Воскресенскъ,

*) Имѣніе Ал. Ник. Соймонова около Воскресенска. Было куплено въ шестидесятыхъ годахъ г-номъ Кильдишевскимъ.

а потомъ своротить въ сторону, зайдти къ своимъ роднымъ, узнать, всѣ ли живы да здоровы. Хоть половину дороги пойду не одна, а оттуда меня родные къ мужу проводятъ».

Только у меня не было ни гроша денегъ на дорогу, а у старухи было 25 рублей, все мѣдными въ мѣшкѣ; гдѣ-то она ихъ набрала. — Слушай, голубушка, говоритъ мнѣ старушка, ты помоложе меня; пособи мнѣ деньги нести, за то я тебя буду дорогой поить да кормить, да за ночлегъ платить». Мѣшокъ тяжелый такой, что дѣлать, пришлось на себѣ нести.

Вышли мы раненько изъ Москвы въ самый Покровъ день. Слышимъ, ударяютъ къ заутрени. Перекрестились и пошли. Заутрени уже служили, и часы, и вечерни — а обѣдни еще нигдѣ не служили, за тѣмъ что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя еще остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить гдѣ ни попадутся; поймаютъ діакона на мѣсто попа — все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить. А вѣдь французу все равно, ничего не понимаетъ! Такъ и начали служить въ церквахъ гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ всѣмъ доволенъ, лишь бы только была служба, а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить и по церквамъ службу справлять. Подошли мы къ каменному мосту еще рано, только что бикетъ сняли. (А бикетъ ставили только въ вечерню на ночь, чтобы въ Кремль никого не пропускать). Идутъ къ намъ на встрѣчу такіе все молодцы, все французы, такіе бравые, такъ одѣты хорошо— на шапкахъ у нихъ хвосты изъ гривы, длинные, распредлинные!..... А изъ себя-то какіе молодцы, весело смотрѣть, даромъ что французы. А ужъ эти новобранцы ихъ! Бывало, наровятъ ограбить, да отколотить. Они спросили, куда мы.—Домой.—«Карашо, аленъ»—да еще и поклонились намъ, такіе славные, а «аленъ» по ихнему значитъ: проходите домой (мы уже понимали). Дошли мы до Тверской заставы, старушка, я, да Андрюша-деверь, да за нами еще шли человѣкъ 70 все по одной дорогѣ. У заставы караулъ, французы спрашиваютъ, куда мы. Мы опять говоримъ: домой. Пропустили было совсѣмъ, да солдатъ увидалъ у меня полъ хлѣба, не то что бѣлый, а простой ржаной (они и ржаному-то ради были). Онъ у меня хлѣбъ отнимаетъ; я ему показываю на Андрея и говорю, что это мальчику на дорогу, и что мальчикъ мой. А онъ-то мнѣ: «ты нѣтъ, мадамъ, а мамзель». А я спорю: «мадамъ и мальчикъ мой». Эти французы такіе добрые! Самъ голоденъ, отломилъ себѣ только кусочекъ, а хлѣбъ отдалъ Андрею.

Вышли мы изъ Тверской заставы— тутъ всѣ разсыпались, кто пошелъ вправо, кто влѣво. Во всѣхъ деревняхъ все солдаты, ужъ мужиковъ нѣтъ, всѣ выбрались по добру по здорову. Шли мы своей дорогой, насъ не трогали; дошли мы до Нахабина, и тутъ избы брошенныя, рамы выставлены, стоятъ солдаты, а мужиковъ тоже нѣтъ. Кое-гдѣ оставлена старушенка старая, чтобы за дворомъ присмотрѣть на счетъ пожара.

Намъ попалась одна старушка; мы проголодались дорогою, хлѣбъ свой весь съѣли.—«Бабушка, накорми насъ чѣмъ нибудь, меня да ма-

лое дѣтище, у тебя вѣрно есть какая нибудь корочка въ запасѣ». Она посмотрѣла на всѣ стороны, чтобы никто не видалъ, а то отнимутъ, говоритъ. Дала намъ по кусочку и послала насъ въ сарай ночевать.

Она намъ разсказала, какъ не задолго передъ нами мужичка зажиточнаго разстрѣляли, а мужикъ-то ей былъ съ родни. Это было еще съ перва на перво—онъ не успѣлъ еще изъ амбара весь свой хлѣбъ вывезти. Пришли солдаты съ переводчикомъ, говорятъ: отпирай амбаръ. Онъ взялъ ключи и пошелъ съ другимъ мужикомъ. Да вотъ бѣда, онъ былъ косъ и не видалъ, что переводчикъ за нимъ вошелъ. Онъ и говоритъ другому мужику: погоди, мы ихъ въ амбаръ впустимъ; да тамъ съ ними и расправимся; другой замѣтилъ переводчика и молчалъ. А переводчикъ перевелъ солдатамъ, что̀ онъ говоритъ. Солдаты только спросили: который говорилъ. Косой говорилъ, а тотъ все молчалъ. Они другаго не тронули и выпустили, а косаго-то взяли, привязали къ столбу, да въ него и выпалили изъ ружей. Всю головушку насквозь прострѣляли, и въ грудь-то, и въ бока, а изъ спины пули выскочили; просто какъ рѣшето изъ него сдѣлали.

Отдохнули мы, опять пустились въ путь; по всѣмъ деревнямъ солдаты. Въ Песочну пришли — слышенъ въ Воскресенскомъ за рѣкой шумъ, крикъ. Что это такое, думаемъ. Подошли къ строенію, увидѣли женщину: «скажи намъ, голубушка, что это такое за шумъ?—Это наши мужички съ французами воюютъ; что тамъ у нихъ дѣлается, не знаю». А вотъ что вышло. Пришли въ Воскресенскъ человѣкъ 500 непріятелей — жители всѣ разбѣжались изъ домовъ. Французамъ хотѣлось соборъ ограбить; мужички воротились, кто съ топоромъ, кто съ пикой, кто съ вилой, да давай французовъ катать, а французы-то въ нихъ стрѣляютъ. Такая пошла война, но Господь помогъ: видно, Онъ не захотѣлъ, чтобы нехристи монастырь ограбили. Французовъ-то было 500 человѣкъ, а нашихъ не много, да нашихъ-то все прибавлялось, изъ разныхъ деревень сбѣгались на шумъ. Однихъ убьютъ, другіе готовы, колотятъ да катаютъ французовъ, кто чѣмъ попалъ. Всѣхъ положили на мѣстѣ, ни одинъ не ушелъ.

Ужъ мы не пошли прямо на Воскресенскъ, страшно было, а перешли Истру въ Сычахъ. За Воскресенскимъ французовъ больше не было. Старушка моя пошла по Волоколамской дорогѣ, а я захотѣла побывать къ своимъ роднымъ и своротила въ сторону. Село Глѣбово-Лобановское, откуда я была взята, всего 9 верстъ отъ Воскресенска. Я въ Зенькино наняла лошадь за двадцать-пять копѣекъ мѣдью; у меня денегъ своихъ ничего не было, да мнѣ старушка дала полтинникъ за труды, что я ей мѣшокъ съ деньгами несла изъ Москвы. И пріѣхала я въ Глѣбово на лошади. Какъ всѣ тамъ удивились! «Откуда тебя Господь принесъ, Дуняша!» У меня въ Глѣбовѣ было два дяди; они меня такъ обласкали и сказали, что всѣ наши пробрались въ Теплое.

Пока я тутъ была, вдругъ приходятъ двое солдатъ: не французы, а новобранцы какіе-то, такіе оборванные, общипанные, голодные, просятъ поѣсть. А деревня-то была не тронутая, все цѣло, ничего не вывезено. Мужики скорѣй за пики: говорятъ, коли мы этихъ выпустимъ, они сот-

ню наведутъ, другимъ укажутъ дорогу. Стали съ старостой спорить. Староста ихъ взялъ въ избу, посадилъ за столъ, поставилъ молока, хлѣба; а мужики-то съ пиками подъ окошкомъ шумятъ и пиками въ окно солдатамъ чуть не въ спину. Староста туда-сюда; не хотѣлось ему этихъ двухъ губить, да вѣдь онъ одинъ, а мужиковъ-то много. Какъ онъ ихъ накормилъ, тутъ мужики ихъ, сытыхъ-то, сердечныхъ, и потащили въ лѣсъ, да въ лѣсу и убили.

Куда на такія страсти смотрѣть— мы подальше спрятались. А вѣдь какіе они догадливые! Какъ ихъ въ лѣсу-то убили и раздѣли, у нихъ чего-чего не было навьючено кругъ тѣла, сколько однихъ платковъ! Шинели были всѣ въ заплатахъ, мужики ихъ и брать не хотѣли; да одинъ мужичекъ увидалъ, что изъ за заплатки что-то свѣтится. Глядь, золотой! Пошарили: чтожь! въ каждой заплаткѣ все золотые зашиты. Много ихъ тогда вынули этихъ золотыхъ.

А до меня что еще было въ Глѣбовѣ! Тамъ жилъ управляющій, французъ тоже, Егоръ Ивановичь, пожилыхъ лѣтъ, и жилъ у нихъ очень давно; покойница княгиня его очень любила, и мы тоже. Онъ смотрѣлъ за скопами, продавалъ скопы, еще кой за чѣмъ присматривалъ, и весь домъ былъ у него на рукахъ. Вдругъ мужики взвозились! Онъ французъ, онъ насъ продастъ—давай его бить! Егоръ Ивановичь никому зла не дѣлалъ, жилъ себѣ преспокойно и въ головѣ не держалъ, что̀ на него мужички замышляютъ. Мужики уже собрались, да у него была кухарка, Марья; она провѣдала да шепнула ему: спасайся, молъ, Егоръ Ивановичь, тебя хотятъ убить. Онъ было не вѣрилъ, да какъ увидалъ, что идетъ куча мужиковъ къ нему, выпрыгнулъ на задній дворъ и пустился въ бѣгъ. Тутъ былъ мой дядя Никита, такой добрый, царствіе ему небесное—онъ не пошелъ съ мужиками, а другой дядя былъ съ ними вмѣстѣ. Ну, вотъ Егоръ Ивановичь пустился въ бѣгъ. Да куда бѣжать? Мужики близко, онъ бросился въ ригу—соломы было много, онъ въ солому. Мужики давай искать въ соломѣ-то; рылись, рылись, а его не нашли. Куда онъ это пропалъ, точно сквозь землю провалился. Они обступили весь дворъ, не вѣкъ же ему тутъ сидѣть—какъ выйдетъ, мы его тутъ и схватимъ. Прождали они цѣлый день, а онъ ни гугу. Соскучились молодцы: видно, мы его упустили; онъ, должно быть, теперь далеко убѣжалъ. Мой дядя Никита, какъ увидалъ, что всѣ по домамъ разошлись, да улеглись, запрягъ лошадь да задворками и пробрался къ ригѣ. Егоръ Иванычь! гдѣ вы? Это я, Никита. Вылѣзайте скорѣй. Посадилъ его на телѣгу, ударилъ кнутомъ и проскакалъ прямо въ Теплое. Никита сдалъ Егоръ Ивановича съ рукъ на руки Василью Семеновичу *), и воротился домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Егоръ Ивановичь далъ ему 25 рублевъ и обѣщалъ, что послѣ никогда своего спасителя не забудетъ.

А кухарка Марья хотѣла Егора Ивановича имѣніе собрать и привезти къ нему въ Теплое; да мужики ничего не выдавали. «Это, все, говорятъ, господское, а не его, онъ у насъ нажилъ.» Она пошла въ Теплое, разсказала ему, что ничего не отдаютъ. Какъ быть? Василій Семеновичь нарядилъ кума Константина Ивановича садовника солдатомъ, а повара

*) Управляющій г-на Соймонова.

Марѣича офицеромъ, заложилъ тройку, да посадилъ съ ними Марью кухарку, чтобы она имъ показала все имѣніе. Пріѣхали въ Глѣбово. Марѣичь такой бравый, шпорами постукиваетъ, саблей помахиваетъ, приказалъ сей-часъ всѣхъ мужиковъ собрать. Какъ онъ на нихъ вскрикнетъ: «Гей вы, разбойники, душегубцы, с..... дѣти эдакія, подавай скорѣе все имѣніе прикащика. Французы грабятъ, и вы тоже вздумали сами расправляться»! Они было зашевелились, а онъ крикнулъ: «Молчать! Тащите все скорѣе сюда, поварачивайтесь! Ахъ вы разбойники, вотъ я васъ, сейчасъ первому голову снесу». Какъ онъ замахнулся саблею, мужики и струсили, имѣніе принесли. Наши удальцы возъ увязали, посадили Марью съ собою и ускакали въ Теплое. Они у насъ долго жили. Егоръ Иванычь жилъ у Василья Семеновича, а для кухарки и сундуковъ онъ нанималъ избушку у Лонгиновыхъ на Марьинѣ. Они тутъ жили, пока все утихло.

Я въ Глѣбовѣ погостила не долго. Потомъ собралась ѣхать къ своимъ въ Теплое. Меня дядя Никита не пустилъ пѣшкомъ, заложилъ лошадь да повезъ самъ. Подъѣзжаю къ скотному двору; тутъ первая мнѣ попалась старуха Карѣлка, идетъ за водой. Какъ она всплеснетъ руками, бросила коромысло да ведро. «Откуда тебя Господь принесъ! Мы уже думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ». Гляжу, ужъ всѣ меня обступили: разспросовъ-то, разспросовъ что было! И все объ Москвѣ горевали. А тутъ ужъ прослышали, что французъ ее оставилъ. То-то ужъ обрадовались! И раззорилъ, да оставилъ. Мы на радости молебенъ отслужили.

Е.....А....С.....ва.

ПИСЬМО ПРИКАЩИКА МАКСИМА СОКОВА КЪ И. Р. БАТАШОВУ.

Милостивый государь Иванъ Родіоновичь!

2-го Сентября въ 5-мъ часу вечера вступили въ Москву Французскія войска. Король Неапольской, ведя авангардъ на Коломенскую дорогу, остановился у вашего дома, будучи верхомъ; увѣрялъ всѣхъ насъ, чтобъ мы ни малѣйшихъ обидъ не страшились. Назначилъ своею квартирою вашъ домъ, поставилъ большой караулъ и, проводя за заставу многочисленную кавалерію составляющую страшной авангардъ, въ 7-мъ часу вечера возвратился въ домъ вашъ съ 30-го генералами и множествомъ чиновниковъ *). Для всѣхъ приготовили мы ужинъ, нарочито сытный; только бѣлаго хлѣба и калачей найти было не можно, ибо калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и хозяевами оставлены, почему и былъ только черный ржаный хлѣбъ. Королю же нашелъ четверть сайки у дворовыхъ дѣтей. Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него. Король, войдя въ домъ, потребовалъ меня какъ вашего прикащика. Явясь я со свѣчей въ рукахъ, провожалъ его по парадному этажу черезъ всѣ

---

*) Росту онъ высокаго, довольно стройный, волосы свѣтлорусые локонами по плечамъ, четверти на двѣ разложенные, въ зеленой коротенькой матеревой туникѣ; брусничные панталоны, синіе чулки и коротенькіе сапожки съ шпорами; шляпа трехъугольная съ плюмажемъ, и тоненькое, бѣлое въ три четверти вышиною перо; тихъ, и глаза ласковые; но, говорятъ, что онъ генералъ неустрашимѣйшій и первый всегда въ огнѣ.

покои; онъ пожималъ плечами и казалось, что все ему нравилось. Возвратясь въ желтую гостиную, спросилъ, гдѣ жъ твой господинъ и кто онъ таковъ; я объявилъ, что вы заводчикъ и всегда на лѣто уѣзжали въ свои заводы, уѣхали также и нынѣ съ начала лѣта. Онъ чрезъ переводчика промолвилъ (ибо по русски ни слова не говоритъ) чтобъ я къ вамъ написалъ, дабы бы возвратились въ Москву съ тѣмъ, что онъ возметъ васъ въ свое покровительство; но я, благодаря за милостивый отзывъ, промолвилъ, что этаго сдѣлать не возможно, ибо трактъ арміями пресѣченъ, и писать къ вамъ не могу. И такъ отпустилъ меня, увѣря, чтобъ я съ домашними ничего не опасался. Ему подали кушать въ красную гостиную одному, а генераламъ и прочимъ въ столовой и залѣ. Свита безчисленная. Ужинъ кончился. Всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій особый покой; покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ, ибо на холопской постелѣ спать никто не хотѣлъ, а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой кому хотѣлось. Всю ночь насъ какъ кошекъ за хвостъ то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, потому всю ночь бродили мы какъ тѣни. Король спалъ въ спальнѣ, дежурные генералы въ диванныхъ и гостиныхъ, и верхній этажъ былъ полонъ чиновниковъ свиты королевской. Въ 9-мъ часу вечера загорѣлись скобяные и москательные ряды и новой гостиный дворъ; за Яузскимъ мостомъ домъ Лапина и подлѣ его другой деревянный. Къ утру 3-го Сентября у насъ на горѣ подлѣ Кирпичова и въ низъ къ Яузѣ деревянные домы занялись также, и Сикеринская фабрика близка была къ пожару, Архидіаконскія богадѣльни и поповскіе домы; но наши люди, защищая конюшни свои и магазины, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3-го числа по утру тѣмъ кончился. Домы до Яузы съ горы всѣ сгорѣли, а гостинный дворъ все еще дышалъ пламенемъ. Мы вторникъ, то есть 3-е число, провели въ величайшихъ суетахъ; ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ всякой того, чего кто хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, шампанскаго, Бургонскаго, водки, рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобъ его прихоти и требованія тотчасъ были выполнены; всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришло бѣжать и скрыться хотя въ воду. Многіе изъ служителей, утомясь, для отдыха скрылись; я и Николай Григорьевъ оставались изнуренные усталостію свидѣтелями непрерывной суматохи. Тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеной и сырой хлѣбъ, въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все что̀ ни попало. Ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ ограбленнымъ приставлены караулы, а тамъ опять грабятъ гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3-е число прошло въ такой суматохѣ. Пожаръ сильный свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую Слободу и около Ильи Пророка. Ночь была тожъ страшная отъ пожаровъ и войскъ Французскихъ. Въ среду 4-е Сентября король, пообѣдавъ, поѣхалъ въ поле верхомъ къ арміи. Вѣтеръ подулъ съ Запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись домы за Моск-

вой-рѣкой отъ каменнаго моста, и пожаръ столь сдѣлался ужасенъ, что никакъ описать не возможно. Все Замоскворѣчье безъ изъятія занялось, а потомъ и у насъ Никитскаго попа и причетниковъ домы, Безбородкинъ, Кирпичовъ и всѣ тутъ на горѣ деревянные и каменные домы были объяты, Сахарова и Соймонова домы тожъ, потомъ попа Архидіаконскаго съ причетниками; наша конюшня и магазины. Искры какъ градъ сыпались на главный корпусъ и прочія части. Я, видя, что спасенія нѣтъ ни откуда, собравъ свои оставшія бумаги, отнесъ подъ контору въ чаяніи, что пожаръ тамъ не проникнетъ ихъ, и прочее нужное туда убравъ, гдѣ многихъ семействъ были сундуки и крохи, прибѣжалъ къ трепещущимъ моимъ сотоварищамъ дворовымъ, кои, собравшись въ саду, какъ устрашенные агнцы, въ кучкѣ ожидали съ сухарями на плечахъ моего прибытія; не знали, гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ; кто былъ обремененъ дѣтями, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одежонкою; ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгнуть по разрушеніи дома. Пошли чрезъ Яузу на Хованскую гору; тутъ на переходахъ солдаты Французскіе начали проходящихъ грабить у кого что было, остановили и меня. Я рвался и думалъ броситься съ переходовъ въ воду, ибо у меня было въ карманахъ 1200 руб. ассигнацій; но явился въ рѣкѣ верховой солдатъ, вынулъ пистолетъ, прицѣлился стрѣлять въ меня; товарищи мои, глядя съ другаго берега на мое положеніе, трепетали. Стоящій солдатъ на переходахъ вынулъ изъ кармана моего свертокъ ассигнацій отъ 4-хъ до 500, развернулъ, въ тожъ время сильный вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ его ассигнаціи и разсѣялъ въ грязь и воду Яузы. Верховой кричалъ, чтобы съ переходовъ сошелъ и ему ихъ собравъ подалъ. На переходахъ стоящій держалъ меня и не пускалъ, однакожъ я вырвался, спрыгнулъ къ разсыпаннымъ ассигнаціямъ и вмѣсто, чтобъ сбирать ихъ, побѣжалъ съ остальными чрезъ воду къ кучкѣ нашихъ странниковъ; солдаты за мною не погнались и видно потому, что не хотѣли одинъ другому оставить развѣянныхъ ассигнацій; а потому мы спокойно достигли на гору въ кусты. Здѣсь къ ужасу усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ Русскихъ солдатъ или мародеровъ и послѣ узнали, что они жили грабежемъ проходящихъ; однакожъ какъ насъ было много, то и не смѣли насъ до ночи грабить. Бывъ въ такомъ положеніи, смотрѣли мы съ ужасомъ, какъ загорѣлся Шурлина домъ, нашъ корпусъ противъ стараго дома, флигель, гдѣ жилъ Иванъ Ѳедоровичъ, и старый домъ весь занялся, потомъ и домъ Осипа Яковлевича. Къ довершенію нашего бѣдствія увидѣли и то, что и большаго нашего дома главной корпусъ загорѣлся, церкви Симеоновская и Архидіаконская тожъ горѣли, и всѣ домы занялися, и такъ необозримое пламя все пожирало и все Заяузье безъ остатка занялося, Замоскворѣчье тожъ безъ остатку все горѣло, ряды остальные занялися; на той сторонѣ Яузы, гдѣ мы укрывались, тожъ все занялося, и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія; воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера какъ мутная вода летающею золою, отъ чего у всѣхъ насъ глаза налилися кровію, и мы едва другъ друга узнавали, не смотря что ночь отъ пламени была свѣт-

ла какъ мрачный день. Размысля и смотря на страшную картину бѣдствій человѣческихъ, въ такомъ положеніи прошло половина ночи, и жителей обгорѣвшихъ на гору стеклося тысячи. Мы, отдѣлясь отъ всѣхъ и посадя въ гряды капусты дѣтей и женщинъ, стояли вокругъ ихъ на караулѣ и чрезъ четверть часа услыхали стенящаго человѣка за сто отъ насъ шаговъ; ребятъ нашихъ часть туда побѣжали и увидали, что Русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломали, но и старались убить до смерти. Усмотря оное, отрядъ ко мнѣ нашихъ возвратился съ симъ извѣстіемъ и требовалъ позволенія отмстить убійцамъ. Я, прибавя команды, съ нею отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывшимся разбойникамъ, нашли 12 человѣкъ лежащихъ по травѣ и кустамъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же и тѣ самые, кои только что ограбили и убили обывателя; ребята мои, озлобясь, ударили въ дубье и мнимораненые вскоча хотѣли бѣжать, но были въ атакѣ и прибиты жестоко. Подлѣ поля сраженія нашли въ водѣ, обросшей осокою, разнаго платья и прочихъ вещей награбленныхъ ранеными воза два, изъ числа коей добычи капоты и сюртуки достались и нашимъ побѣдителямъ. Послѣ сего начало свѣтать, и пламя казалось утомленнымъ. Домы наши и прочіе жалкую изображали картину разрушенія.—5-го числа утромъ въ 5 часовъ прибрели мы всѣ къ своему дому, расположились всѣ въ саду, тутъ же нѣсколько десятковъ посторонних столь же несчастныхъ упросили со слезами принять ихъ въ наше бѣдное общество, что̀ съ общаго согласія и было принято. И насъ по саду и по бесѣдкамъ собралось до 150-ти человѣкъ. Съ трудомъ можно было пробраться на большой дворъ, ибо нагорѣлыя стѣны дышали несноснымъ жаромъ, однакожъ по улицѣ въ большіе ворота достигъ я большаго двора. Тутъ увидѣлъ, что главнаго корпуса верхній и парадный этажи превращены въ груды камней, нижній же этажъ весь уцѣлѣлъ; мы сердечно тому были обрадованы въ чаяніи, что можемъ укрыться отъ стужи и непогоды; но войти въ покои было невозможно, ибо каменные своды и на нихъ кирпичь и щебень наваленные составляли въ покояхъ нижняго этажа смертельный жаръ. Главный магазинъ остался цѣлъ и не сгорѣлъ, покой же надъ нимъ сгорѣлъ [1]), сгорѣла и подъ конторой кладовая съ товарами, людскимъ багажемъ и бумагами, и думаю потому, что подлѣ дверей ея была большая деревянная ванна, наполненная лубками и бочками. Покои же надъ нею, какъ нижніе такъ и верхніе, цѣлы. Музыкантскаго флигеля нижній этажъ сгорѣлъ, а верхній цѣлъ; погреба, конюшни, платныя, хлѣбныя и людская кухня сгорѣли. Подъ оранжереею осталась цѣла какими-то судьбами одна только господская кухня съ приспѣшною; оранжереи, какъ верхнія такъ и всѣ нижнія, сгорѣли; осталась одна только на Яузѣ; ворота кромѣ большихъ желѣзныхъ всѣ сгорѣли. Гдѣ дьяконъ Симеоновской и дьячокъ жили, тутъ строенія и заборы всѣ сгорѣли, а потому окружены мы стали полемъ. Королевская кухня не успѣла вся выбраться, потому осталось много

[1]) Прочіе три придѣла деревянные съ товарами сгорѣли.

кострюль и котловъ, и нѣсколько повозокъ погорѣло. Въ нижнемъ каретномъ сараѣ все погорѣло, а изъ верхняго остальныя двѣ кареты были вывезены; но одну изъ нихъ послѣ увезли Французы. Хлѣбъ весь сгорѣлъ, дрова тоже, осталось только въ одномъ погребѣ часть огурцовъ; но мы хлѣбомъ кой-какъ перебивались. И такъ въ сей же день 5-го Сентября начался всеобщій грабежъ. Съ разсвѣтомъ дня, я первый, будучи у большихъ воротъ, взятъ четверыми солдатами, кои сняли сапоги, камзолъ и штаны, и съ ними остальныхъ лишился ассигнацій. Потомъ на всю нашу бѣдную артель солдаты какъ саранча напали и каждаго обнажили и грабили. Въ покояхъ тоже что̀ отъ пламени уцѣлѣло грабили и били. Кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили что̀ ни было, укладывали иные въ фуры и увозили. Въ магазинѣ не только двери разбиты, но и стѣны въ двухъ мѣстахъ проломаны, и тутъ было нѣкоторыхъ знакомыхъ обывателей, на случай пожарной, наставлено много сундуковъ, комодъ и шкафовъ; всѣ они разбиты и разграблены; бочки съ косами, серпами, проволокою и жестью всѣ разбиты, и товары разбросаны, кои, стараясь спасти, много разъ мы собирали и запирали для того, чтобъ обыватели не тащили; но Французы новые, видя запертой амбаръ, всегда замки сбивали въ чаяніи найдти добычу; но не найдя бросали распертой амбаръ, изъ коего жители тащили вязанками что̀ ни попало. Караулить было не можно, ибо Французы брали кто ни попалъ и накладывали свои добычи для отнесенія въ лагерь; а потому и оставался уцѣлѣлый отъ пожара амбаръ нашъ на расхищеніе. О баркѣ нашей, гдѣ она, и слуху не имѣю, да и узнать не можно. Въ сей день 5-го Сентября непрестанно всѣхъ насъ грабили и раздѣвали каждаго по 10-ти и болѣе разъ. Я и многіе къ ночи остались безъ рубашекъ и босые; я провелъ ночь въ одной худой шубенкѣ, впрочемъ нагъ и босъ. 6-го Сентября день тожъ начался грабежомъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хѣлба, ибо уже одежды ни на комъ кромѣ лохмотьевъ и рогожъ на насъ не было. Въ сей день разбили погребъ заложенный бѣлымъ камнемъ, въ коемъ уложены были господскія бронзы и лучшіе фарфоры и людское лучшее платьице и деньжонки, все это разграбили и частію увезли или унесли. Амбаръ нашъ опять мы заперли, и опять Французы замки сбили и проломы разваляли и дали способъ опять тащить наброду. 7-го, 8-го, 9-го и 10-го поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья наши не переставали; и день и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются. 11-го пошелъ я къ королю просить защиты, онъ отъ насъ переѣхалъ квартировать въ домъ Разумовскаго что̀ на Гороховомъ полѣ у Вознесенья; по приказу его написанъ мнѣ аттестатъ и рекомендація коменданту защищать домъ вашъ, меня и людей при мнѣ. Комендантъ на томъ же аттестатѣ подписалъ, чтобъ вездѣ меня не обижали и домъ и домашнихъ нашихъ не грабили. На офицеровъ билетъ сей дѣйствовалъ, но солдаты не смотря грабить продолжали съ одинаковымъ звѣрствомъ. Потомъ 13-го всѣ ваши дворы и сады наполнились обозами съ больными и ранеными, всѣхъ насъ почти вытѣснили изъ нашихъ убѣжищъ, и мы переколачивались гдѣ день гдѣ

ночь, въ ожиданіи къ лучшему перемѣны. Сказали, что и полиція учреждена, но грабежи не переставались. Оставалась одна надежда на миръ; но о немъ и слуху нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать, ибо иной сожженъ, иной забранъ войсками, а съ полей возятъ отъ всѣхъ сторонъ снопами для лошадей. Капуста, рѣдька и картофель, все солдатами истреблено. Въ такомъ бывъ положеніи, я уговаривалъ какъ съ дѣтями такъ и одинокихъ нашихъ дворовыхъ пробираться на фабрику бумажную съ тѣмъ, чтобъ дальше оттолѣ пробираться, то есть на заводы. Знаю и то, что въ заводахъ вашихъ хлѣба мало, но что̀ дѣлать; здѣсь же неизбѣжно голодная и холодная смерть должна всѣхъ насъ истребить. Въ сихъ мысляхъ три четверти народу перевелъ на фабрику. А 23-го Сентября и самъ рѣшился и пришелъ на фабрику, спася остальныя ваши деньги, на кои купя лошадей съ повозками и снабдя дорожныхъ на расходы, остальныя при семъ въ заводскую вашу контору посылаю съ Дмитріемъ Тимофѣевымъ, предполагая, что и у васъ во всемъ величайшій недостатокъ, и думаю, что и вы, милостивый государь, въ величайшемъ затрудненіи. Я же остался пока на фабрикѣ, въ ожиданіи, не будетъ ли какого отъ васъ повелѣнія, а между тѣмъ и не случится ль какой къ лучшему въ войнѣ перемѣны, и о важнѣйшемъ буду вамъ доносить съ нарочными. Буде же ни того ни другаго дождаться не могу, то и самъ принужденъ буду брести по стопамъ отправленной братіи. Москва представляетъ жалостную картину превратности жребія: большія улицы наполнены солдатами, и на каждыхъ десяти шагахъ лежитъ издохшая лошадь, да и людей валяется безъ погребенія множество. Жители, страшась своихъ побѣдителей, скрываются или въ погребахъ или въ развалинахъ, а въ нѣкоторыхъ садахъ построены многочисленные шалаши слободами, гдѣ жители питаются остальными крошками и зернами, но и то видно изсѣкаетъ, ибо неизчетное множество бѣгутъ и Москву оставляютъ. На заставахъ не останавливаютъ, а только остальныя крошки и лоскутья грабятъ и отнимаютъ.

Сей часъ явились съ Москвы ѣздоки Тихонъ-кучеръ съ товарищи и всѣхъ насъ отчаянныхъ обрадовали несказанно, что вы, милостивый государь, съ вашими родными здоровы. Иванъ Максимовичь Горностаевъ письмомъ, писаннымъ по приказу вашему, восхитилъ, извѣщая, что вы, какъ отецъ о чадахъ своихъ, печетеся о насъ и о спасеніи жизни нашей заботитесь больше, чѣмъ о погибшихъ вашихъ сокровищахъ. Да сохранитъ Создатель васъ отца нашего. Съ чувствомъ истинной признательности, есмь и до гроба пребуду,

милостивый государь, вашъ всенижайшій слуга Максимъ Соковъ.

Сентября дня
1812 года.

Бумажная Фабрика.

(Сообщено, съ современнаго списка, княземъ Львомъ Сергѣевичемъ Голицынымъ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА *).

.... Quaeque ipse miserrima vidi....

Разскажу что̀ видѣлъ и что̀ знаю о возстаніи въ 1825-мъ году Черниговскаго полка.

Осенью 1825-го года получилъ отпускъ князь Сергѣй Петровичь Трубецкой, штабъ-офицеръ при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Братъ Сергѣй Ивановичь пріѣхалъ въ Кіевъ просить отъѣзжающаго въ Петербургъ князя Трубецкаго, чтобы онъ всѣми силами воспрепятствовалъ тамъ всякой попыткѣ къ возстанію, предвидя лишь напрасныя жертвы.

Въ концѣ Декабря Павелъ Ивановичь Пестель извѣстилъ брата о кончинѣ императора и о двухъ доносахъ, сдѣланныхъ еще при его жизни.

Въ Декабрѣ 1825-го года Михаилъ Павловичь Бестужевъ-Рюминъ узналъ о смерти своей матери, нѣжно имъ любимой. Сочувствуя его горю, братъ мой хотѣлъ попытаться выхлопотать ему отпускъ. Бестужевъ, бывшій офицеръ стараго Семеновскаго полка, какъ и всѣ его сослуживцы, переведенъ былъ въ армію, вслѣдствіе Семеновской исторіи. Извѣстно, что, по распоряженію высшаго правительства, воспрещено было представлять ихъ къ повышенію въ слѣдующій чинъ и что они лишены были права проситься въ отпускъ и выходить въ отставку. Второй батальонъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, коимъ начальствовалъ Сергѣй Ивановичь и въ коемъ онъ вывелъ изъ употребленія тѣлесныя наказанія, считался образцовымъ во всемъ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Генералъ Ротъ, корпусный командиръ, до того благоволилъ къ брату, что два раза представлялъ его въ полковые командиры.

22-го Декабря 1825 года братъ отправился въ корпусную квартиру съ цѣлью выхлопотать отпускъ Бестужеву. На послѣдней станціи, не доѣзжая до Житоміра, мы получили (я сопутствовалъ брату) отъ сенатскаго курьера, развозившаго присяжные листы, первое извѣстіе о дѣлѣ 14-го Декабря.

По пріѣздѣ въ Житоміръ, братъ поспѣшилъ явиться къ корпусному командиру, который подтвердилъ слышанное отъ курьера. Объ отпускѣ Бестужева нечего уже было хлопотать. Ротъ пригласилъ брата отобѣдать у него. Во время стола не было другаго разговора кромѣ какъ о Петербургскомъ событіи; поминали о смерти графа Михаила Андреевича Милорадовича. Когда братъ возвратился на квартиру, коляска была готова, и мы поѣхали обратно въ Васильковъ, черезъ Бердичевъ. На пути заѣхали къ Петру Александровичу Набокову, бывшему Семеновскому офицеру, назначенному, до Семеновской исторіи, командиромъ полка въ 8-ой пѣхотной дивизіи. Мы не застали Набокова дома, онъ отлучился по дѣламъ службы. Въ Трояновѣ заѣхали мы къ Александру Захаровичу Муравьеву; а потомъ въ Любарѣ къ брату его Артамону Захаровичу. Потребовалась какая-то починка въ коляскѣ, мы бросили ее въ Любарѣ и наняли Жидовскую форшпанку. Ночью въ Бердичевѣ перемѣнили лошадей и поѣхали дальше.

Не доѣзжая до Василькова, мы остановились въ Трилѣсьѣ, мѣсторасположеніи пятой мушкетерской роты, числившейся въ братниномъ батальонѣ. Она не возвращалась еще изъ Василькова, куда ходила по случаю второй присяги. Въ Трилѣсьѣ мы остановились

*) Считаемъ долгомъ выразить признательность нашу досточтимому ветерану 1812 года Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу за эти воспоминанія, вызванныя напечатанными выше (стр. 257) бумагами о возстаніи Черниговскаго полка и продиктованныя по нашей просьбѣ. Въ 1825 г. Матвѣй Ивановичъ только что вышелъ въ отставку подполковникомъ изъ Полтавскаго пѣхотнаго полка, въ который поступилъ вслѣдствіе исторіи Семеновскаго полка, гдѣ онъ служилъ прежде. *П. Б.*

на квартирѣ А. Д. Кузьмина, командира пятой роты.

Бестужевъ прискакалъ въ Трилѣсье съ увѣдомленіемъ о томъ, что, во время отсутствія брата, жандармы пріѣзжали изъ Петербурга и что, не найдя его въ Васильковѣ, забрали всѣ его бумаги и поѣхали въ Житоміръ. Мы узнали отъ Бестужева, что Петербургскіе жандармы ждали брата, чтобы его задержать и что, въ ту самую ночь, когда мы перемѣняли лошадей, Бердичевъ былъ оцѣпленъ войскомъ, и на всѣхъ выѣздахъ стояли часовые.

Въ ночь съ 28-го на 29-го Декабря, командиръ Черниговскаго полка Гебель, съ жандармскимъ капитаномъ Лангомъ, гнавшіеся за братомъ отъ самаго Житоміра, настигли его въ Трилѣсьѣ.— Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ дорогѣ, раздѣвшись, братъ легъ спать. Гебель просилъ насъ одѣться, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе. Оно заключалось въ томъ, чтобы насъ арестовать и препроводить въ Петербургъ.

Мы пригласили Гебеля напиться чаю, на что онъ охотно согласился. Пока мы сидѣли за чаемъ, наступилъ день. Кузьминъ съ своей ротой возвратился изъ Василькова. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли всѣ ротные командиры втораго баталiона Черниговскаго полка, чтобы навѣдаться о своемъ батальонномъ начальникѣ. — Гебель занялся разстановкою часовыхъ вокругъ хаты и поставилъ по два человѣка противъ каждаго окошка хаты. Возвратившись въ комнату и обращаясь къ офицерамъ съ тономъ угрозы, онъ спросилъ ихъ, что они тутъ дѣлаютъ?—Кузьминъ отвѣчалъ ему, что онъ у себя на квартирѣ. — „Какъ вы смѣли говорить съ арестантомъ?“ — Такая неумѣстная выходка Гебеля возбудила въ офицерахъ взрывъ негодованія. Кузьминъ подошелъ къ нему и, грозя пальцемъ, напомнилъ, сколько разъ Сергѣй Ивановичь выручалъ его изъ бѣды. Гебель не выдержалъ укоровъ, вышелъ изъ комнаты; офицеры пошли за нимъ. Вскорѣ послышались громкіе возгласы, крики. Испуганный жандармъ, мужчина рослый, бросился на колѣни передъ братомъ, прося его (на Французскомъ языкѣ) пощадить его жизнь. Братъ успокоилъ его, увѣряя, что жизни его не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. Жандармъ вышелъ изъ хаты и тутъ-же выѣхалъ изъ Трилѣсья.

Хотя я не былъ свидѣтелемъ побоища, но утвердительно могу сказать, что раны, будто-бы нанесенныя штыкомъ Гебелю въ грудь и въ бокъ — чистая ложь. Не поручусь въ томъ, чтобъ его не ударили ружейнымъ прикладомъ. При такихъ ранахъ, о которыхъ говорится въ донесеніяхъ, Гебель не могъ бы немедленно возвратиться въ Васильковъ.

Гебель, за свое усердіе и распорядительность, былъ назначенъ вторымъ Кіевскимъ комендантомъ. Не смотря на то, можно безошибочно сказать, что будь на мѣстѣ Гебеля полковымъ командиромъ Черниговскаго полка человѣкъ заслуживающій уваженіе своихъ подчиненныхъ и болѣе разумный, не было бы ни возмущенія, ни возстанія.

Пятая рота, узнавъ объ освобожденіи изъ подъ ареста своего батальоннаго командира, привѣтствовала его громкимъ крикомъ: ура! Братъ приказалъ солдатамъ разойтись по своимъ квартирамъ, собрать свои пожитки и готовиться къ походу.

Неожиданныя событія, столь быстро послѣдовавшія одно за другимъ: арестъ и за тѣмъ немедленное освобожденіе, вслѣдствіе возмущенія офицеровъ, поставили брата въ безвыходное положеніе.

Участвовавшій въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сергѣй Ивановичь достаточно былъ свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы не питать никакой надежды на успѣхъ возстанія при силѣ, заключавшейся въ горсти людей. Но обстоятельства такъ сложились, что возстаніе, непредвидимое, неприготовленное, было уже совершившимся фактомъ, вслѣдствіе грубаго, безразсуднаго об-

хожденія Гебеля съ офицерами, уваженія которыхъ не умѣлъ онъ снискать. Солдаты ненавидѣли его, сочувствовали своимъ офицарамъ, питали къ нимъ полное довѣріе, а тѣмъ болѣе къ Сергѣю Ивановичу. Они ему говорили, что готовы слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Офицеры, нарушившіе законъ военнаго повиновенія, изъ преданности и любви къ нему, ожидали его рѣшенія. Покинуть ихъ—значило бы отказаться раздѣлить съ ними горькую участь, ихъ ожидавшую. Братъ рѣшился идти въ походъ для соединенія съ 8-ою пѣхотною дивизіею, расположенною за Житоміромъ. Въ 8-ой пѣхотной дивизіи находились многіе члены Тайнаго союза и Общества Соединныхъ Славянъ. Въ числѣ первыхъ считалось нѣсколько полковыхъ командировъ, на содѣйствіе которыхъ можно было положиться: нѣсколько ротъ стараго Семеновскаго полка переведены были въ эту дивизію и вполнѣ довѣрились брату. Офицеры пѣшей 8-ой артиллерійской бригады, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти государя, дали знать Сергѣю Ивановичу, что у нихъ все готово къ походу и лошади подкованы на зимнія шипы. Къ тому-же надежда, что возстаніе на югѣ, отвлекая вниманіе правительства отъ товарищей-сѣверянъ, облегчитъ тяжесть грозившей имъ кары, какъ-бы оправдывала, въ его глазахъ, отчаянность его предпріятія; наконецъ и то соображеніе, что, вслѣдствіе доносовъ Майбороды и Шервуда, намъ не будетъ пощады, что казематы тѣ-же безмолвныя могилы; все это, взятое вмѣстѣ, посѣяло въ братѣ Сергѣѣ Ивановичѣ убѣжденіе, что отъ предпріятія, по видимому безразсуднаго, нельзя было отказаться, и что настало время искупительной жертвы.—Рота выступила изъ Трилѣсья. Ночлегъ нашъ былъ въ селѣ Спидинки. 30-го Декабря, около третьяго часа по полудни, роты дошли до Василькова. Противъ насъ была выставлена цѣпь стрѣлковъ. Когда рота подошла къ ней на такое разстояніе, что можно было разглядѣть лица солдатъ, стрѣлки съ крикомъ: ура! соединились съ своей пятой ротой и вмѣстѣ съ ней вступили въ Васильковъ.—По вступленіи въ городъ, братъ принялъ слѣдующія мѣры: освободилъ изъ подъ ареста М. А. Щепилу, барона Веніамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова, возвратившихся наканунѣ изъ Трилѣсья; усилены были караулы у острога и у казначейства; нарядженъ былъ оберегательный караулъ къ дому, занимаемому Гебелемъ; отданъ былъ приказъ, на всѣхъ заставахъ, никого не впускать въ городъ и не выпускать изъ него, безъ вѣдома и разрѣшенія брата. Ночь прошла спокойно. — Нѣсколько офицеровъ, ѣхавшихъ въ отпускъ или возвращавшихся въ свои полки, являлись къ Сергѣю Ивановичу и безъ задержки отправлялись далѣе. Проѣзжій жандармъ задержанъ былъ ночью. 31-го Декабря, второй батальонъ Черниговскаго полка, въ полномъ своемъ составѣ, рано утромъ соединился въ Васильковѣ; двѣ роты перваго батальона присоединились тоже къ намъ. Послѣ продолжительнаго колебанія полковой священникъ Черниговскаго полка согласился отслужить молебенъ и прочесть передъ фрунтомъ катехизисъ, составленный братомъ. Въ немъ излагались обязанности воина въ отношеніи къ Богу и Отечеству.

Роты, помолившись, готовились выступить изъ Василькова; тутъ подъѣзжаетъ почтовая тройка, и братъ Ипполитъ бросается въ наши объятья. Ипполитъ, только что выдержавъ блестящій экзаменъ, былъ произведенъ въ офицеры генерал. штаба и опредѣленъ во вторую армію. Напрасно мы его умоляли ѣхать далѣе въ Тульчинъ, мѣсто его назначенія: онъ остался съ нами.

31-го Декабря прибыли мы въ с. Мотовиловку, гдѣ у насъ была дневка, по случаю новаго года.

2 го Января 1826-го года братъ Сергѣй Ивановичъ намѣревался направить-

ся на Бердичевъ, чтобы воспользоваться лѣсистою мѣстностью. Узнавъ, что 18-ый егерскій полкъ, расположенный въ Бѣлой Церкви, выставленъ противъ насъ, онъ свернулъ на Житоміръ, кратчайшею дорогою, черезъ Трилѣсье.

3-го Января 1826-го г. на привалѣ мы узнали, что кавалерійскій отрядъ съ конно-артиллерійскою ротою загораживаетъ путь въ Трилѣсье. Всеобщая радость: конно-артиллерійскою ротою начальствовалъ полковникъ Пыхачевъ, членъ Тайнаго Союза. Въ 1860 г., жительствуя въ Твери, я только тогда узналъ, что Пыхачевъ, наканунѣ того дня, когда его рота выступила противъ насъ, былъ арестованъ. Мы снялись съ привала, построились въ ротныя колонны и пошли далѣе. Мѣстность оказалась самою невыгодною для пѣхоты, имѣющей встрѣтиться съ кавелеріею. Отрядъ, пушки въ виду. Мы подвигаемся впередъ. Раздается пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, ядро пролетѣло надъ головами. Мы все шли впередъ. Открылась пальба картечью, у насъ нѣсколько человѣкъ пало, одни убитыми, другіе раненными, въ числѣ первыхъ начальникъ шестой мушкатерской роты, штабсъ-капитанъ Михаилъ Алексѣевичь Щепила. Тогда Сергѣй Ивановичь рѣшился прекратить неравный бой и спасти свою команду отъ неминуемой погибели, и приказалъ поставить ружья въ козлы. Солдаты, повинуясь ему, не понимали, съ какимъ намѣреніемъ начальникъ остановилъ ихъ на походѣ. Сергѣй Ивановичь имъ сказалъ, что виноватъ передъ ними, что, возбудивъ въ нихъ надежду на успѣхъ, онъ ихъ обманулъ. Артиллеристамъ Сергѣй Ивановичь сталъ махать бѣлымъ платкомъ и тутъ-же упалъ, пораженный картечью. Ипполитъ, полагая, что братъ убитъ, застрѣлился изъ пистолета.

Насъ разсадили въ сани; пришлось намъ проѣхать мимо нашихъ солдатъ, которые съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на брата. Ни у кого изъ нихъ на лицѣ не проявилось ни малѣйшаго знака укора. Послѣ нашего отъѣзда, кавалерія обступила Черниговскихъ солдатъ.

Въ Трилѣсьѣ насъ помѣстили въ корчму, приставивъ къ намъ караулъ изъ Бѣлорусскихъ гусаръ. У брата рана не была перевязана, и нечѣмъ было перевязывать. Вещи наши, и бѣлье, и прочее, расхищены были гусарами.

Наступила ночь, подали огонь.—Кузьминъ, лежавшій на соломѣ противъ меня, просилъ меня подойти къ нему. Я ему указалъ на раненую голову брата, лежавшую на моемъ плечѣ. Кузьминъ, съ видимымъ напряженіемъ, подползъ ко мнѣ, передалъ рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своихъ, простился дружелюбно со мною, доползъ до своей соломы, и тутъ же лежа застрѣлился изъ пистолета, спрятаннаго въ сюртучномъ рукавѣ у него. Кузьминъ скрылъ отъ насъ полученныя имъ двѣ картечныя раны, одну въ бокъ, другую въ лѣвую руку.—Хочу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Анастасій Дмитріевичь Кузьминъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1823 году, случилось мнѣ заѣхать къ брату Сергѣю Ивановичу въ Васильковъ. Засталъ я его занятымъ съ утра до вечера службою, по случаю поступившихъ въ его батальонъ рекрутъ, которыхъ онъ самъ лично обучалъ. Братъ просилъ меня проѣхаться на его верховой лошади, чтобы ее объѣздить. На Васильковской площади, по которой пролегаетъ дорога изъ Кіева въ Бердичевъ и гдѣ безпрестанно снуютъ Польскія брички, я засталъ учебную команду Черниговскаго пѣхотнаго полка. Инструкторы, унтеръ-офицеры держали въ рукахъ палки, концы которыхъ измочалились отъ побоевъ. Я тогда еще находился въ службѣ, приказалъ призвать къ себѣ офицера, завѣдующаго учебной командой. Ко мнѣ явился Кузьминъ. Напомнивъ ему о статьѣ рекрутскаго устава, по которой запрещается, при обученіи, бить рекрутъ, я присовокупилъ:

„Стыдитесь, г. офицеръ, доставлять

Польскимъ панамъ потѣшное зрѣлище: показывать имъ, какъ умѣютъ обращаться съ ихъ побѣдителями!“ За тѣмъ я приказалъ бросить палки и уѣхалъ.—Возвратившись къ брату, я ему разсказалъ мою встрѣчу съ Кузьминымъ, отъ котораго ожидалъ вызова. Братъ предложилъ мнѣ быть моимъ секундантомъ; требованія удовлетворенія не послѣдовало. Проживши съ братомъ еще три недѣли, поѣхалъ я въ отцовское помѣстье, а тамъ въ Петербургъ.—Въ 1824-мъ году я опять пріѣхалъ навѣстить брата и засталъ у него Кузьмина, который бросился ко мнѣ въ объятія, благодаря меня за то, что я его образумилъ, выставивши предъ нимъ всю гнусность тѣлеснаго наказанія. Братъ мнѣ разсказалъ, что Кузьмина нельзя узнать, что онъ вступилъ въ солдатскую артель своей роты и что живетъ съ нею, какъ въ родной семьѣ.

Отъ выстрѣла, сдѣланнаго Кузьминымъ, съ братомъ повторился обморокъ, которому онъ уже нѣсколько разъ до того подвергался, въ слѣдствіе потери крови изъ неперевязанной раны.

Утромъ 4-го Января 1826-го г. рану перевязали, подали сани; приготовленъ былъ конвой изъ Маріупольскихъ гусаръ, чтобы отвезти насъ въ Бѣлую Церковь. Сначала начальникъ конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить намъ проститься съ братомъ нашимъ Ипполитомъ, потомъ повелъ насъ къ нежилой, довольно пространной хатѣ. На полу лежали голыя тѣла убитыхъ, въ числѣ ихъ и братъ нашъ Ипполитъ. Лице его не было обезображено пистолетнымъ выстрѣломъ; на лѣвой щекѣ подъ глазомъ замѣтна была небольшая опухоль, выраженіе лица было гордо-спокойное. Я помогъ раненому брату Сергѣю стать на колѣни; поглядѣли на нашего Ипполита, помолились Богу и дали послѣдній поцѣлуй нашему убитому брату.

Меня посадили въ сани вмѣстѣ съ раненымъ братомъ. Дорогою мы утѣшали себя мыслію, что и въ Сибири, гдѣ бы мы ни были брошены, мы будемъ неразлучно вмѣстѣ. Молодой Маріупольскій гусарскій офицеръ, который былъ посаженъ на передкѣ нашихъ саней, безъ вызова на разговоръ съ нашей стороны, заговорилъ о своемъ и своихъ сослуживцевъ сочувствіи къ намъ.

Въ Бѣлой Церкви насъ размѣстили по разнымъ хатамъ и лишили меня тѣмъ послѣдняго, какъ бы сказать, утѣшенія —ухаживать за раненымъ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Этимъ я оканчиваю свой разсказъ о возстаніи въ 1825-мъ году Черниговскаго пѣхотнаго полка.

*

Вотъ чѣмъ объясняется подкупъ налача, о коемъ упоминается на стр. 282 Русскаго Архива 1871-го года, подъ заглавіемъ: „Бунтъ Черниговскаго полка.“

Фланговый (по тогдашнему флигельманъ) перваго батальона Черниговскаго полка, солдатъ, храбрости испытанной, добраго поведенія, бывшій въ походахъ и во многихъ сраженіяхъ, началъ съ 1823-го года совершать частые побѣги. Когда ротный его командиръ, послѣ вынесеннаго имъ, за новый побѣгъ, ужаснаго истязанія, сталъ увѣщавать его, вспоминая его прежнюю службу, не подвергать себя мученіямъ, онъ отвѣчалъ, что пока его не лишатъ солдатскаго званія, не накажутъ кнутомъ и не сошлютъ въ Сибирь, онъ не прекратитъ побѣговъ; что каторга легче службы.—Въ то время, послѣ извѣстнаго числа побѣговъ, провинившихся приговаривали къ торговой казнѣ и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Фланговый перваго батальона Черниговскаго полка достигъ своей цѣли и былъ приговоренъ къ кнуту и каторгѣ. Братъ пожалѣлъ стараго солдата, поручилъ своему человѣку передать деньги палачу, чтобы онъ пощадилъ приговореннаго къ казни.—Въ тѣ времена случалось, и неоднократно, что солдаты совершали убійства надъ первымъ, попавшимся имъ на встрѣчу человѣкомъ; убивали даже дѣтей, и все съ единственною цѣлью избавиться отъ службы.

I.

ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА БАРАТЫНСКАГО.

а) Къ В. А. Жуковскому.

1.

5 Марта 1824 года.

Болѣзнь, почтенный Василій Андреевичъ, препятствовала мнѣ изъявить Вамъ мою признательность за трогательныя строки, доставленныя мнѣ Дельвигомъ. Вы меня благодарите въ нихъ за письмо мое, какъ будто я обязалъ Васъ потрудившись написать его, и забывая, что Вы одни мнѣ благодѣтельствуете, помните только, что я несчастливъ и имѣю нужду въ утѣшеніи. Повѣрьте, что мнѣ не тягостна благодарность, особенно благодарность къ Вамъ. Я любилъ Васъ, плакалъ надъ Вашими стихами, прежде нежели узналъ Васъ лично, прежде нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества Вашего сердца.

До меня дошли такія хорошія вѣсти о моемъ дѣлѣ, что право я боюсь имъ вѣрить. Препоручаю судьбу мою Вамъ, моему Генію-покровителю. Вы начали, Вы и довершите. Вы возвратите мнѣ общее человѣческое существованіе, котораго я лишенъ такъ давно, что даже отвыкъ почитать себя такимъ же человѣкомъ, какъ другіе; и тогда я скажу вмѣстѣ съ Вами: хвала поэзіи, поэзія есть добродѣтель, поэзія есть сила; но въ одномъ только поэтѣ, въ Васъ, соединены всѣ ея великія свойства.

Да будутъ дни Ваши такъ прекрасны какъ Ваше сердце, какъ Ваша поэзія. Лучшаго желанія не можетъ придумать до глубины души Вамъ преданный

Баратынскій.

2.

Почтенный Василій Андреевичъ!

По совѣту дяди моего, я пишу къ будущей Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и прошу ея покровительства въ моемъ дѣлѣ. Для человѣка Вашего сердца, не нужны краснорѣчивыя убѣжденія, чтобъ подвинуть его къ благодѣтельной дѣятельности; довольно одного увѣдомленія. Ежели, при этомъ случаѣ, Вы можете мнѣ быть полезнымъ, не откажите мнѣ въ Вашей помощи. Я съ моей стороны увѣренъ, что Великая Княгиня, предувѣдомленная Вами обо мнѣ, какъ объ человѣкѣ съ нѣкоторыми дарованіями (Вы не погрѣшите, ежели кое-что и прибавите) приметъ двойное во мнѣ участіе. Я пишу къ дядѣ, чтобъ онъ постарался передъ поданіемъ письма моего съ Вами увидиться. Извините, почтенный Василій Андреевичъ, ежели я пишу къ Вамъ слишкомъ наскоро и безъ особаго старанія. Дядя торопитъ меня, и въ одно утро я долженъ былъ изготовить грамоту къ Великой Княгинѣ, письмо къ нему и это маранье къ Вамъ. Не успѣвая изъяснить вамъ всю мою благодарность за всегдашнее Ваше участіе въ судьбѣ моей, оставляю всю ее въ моемъ сердцѣ. Всей душою преданный

Баратынскій.

б) Къ А. И. Тургеневу.

Ваше Превосходительство,

Милостивый государь Александръ Ивановичъ. Еслибъ я не былъ глубоко тронутъ великодушнымъ Вашимъ участіемъ, я не имѣлъ бы сердца.

Не скажу ни слова болѣе о моей признательности: Вы ни на кого не похожи; нѣтъ такого человѣконенавистника, который не помирился бы съ людьми, встрѣтя Васъ между ними. Многое могъ бы я прибавить; но мое дѣло не судить, а чувствовать.

Арсеній Андреевичъ [1]) правъ, желая повременить представленіемъ; настоящая тому причина рѣшительна. На послѣдней докладной запискѣ обо мнѣ, рукою милостиваго Монарха, было отмѣчено такъ: *не представлять впредь до повелѣнія*. Вотъ почему я и не былъ представленъ въ Петербургѣ. Вы видите, что послѣ такого рѣшенія Арсеній Андреевичъ иначе какъ на словахъ не можетъ обо мнѣ ходатайствовать, и что онъ подвергается почти вѣрному отказу, если войдетъ съ писменнымъ представленіемъ. Едвали не лутче подождать; два мѣсяца пройдутъ непримѣтно, а я привыкъ уже къ терпѣнію.

Хотя Ваше Превосходительство сами удостоиваете освѣдомляться о поэтическихъ моихъ занятіяхъ, можетъ быть и поступлю не скромно, ежели скажу Вамъ, что я написалъ небольшую поэму и ежели попрошу у Васъ позволенія доставить Вамъ съ нея списокъ. Стихи все мое добро, и это приношеніе было бы лептою вдовицы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего превосходительства покорный слуга

Баратынскій.

Гельзингфорсъ. Октября 31 дня.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ В. А. КАРАТЫГИНА КЪ П. А. КАТЕНИНУ.

1824 Іюля 12. На дняхъ я читалъ Грибоѣдову вашу Андромаху, и она, не смотря на то, что онъ слышалъ ее отъ васъ, сдѣлала надъ нимъ сильный эффектъ; и надо правду сказать—чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше хочется. Мнѣ кажется, что Грибоѣдовъ есть человѣкъ безцѣнный; какъ онъ васъ любитъ и какъ чувствуетъ настоящую цѣну вашего превосходнаго дарованія. Онъ теперь хлопочетъ о пропускѣ своей прекрасной комедіи Горе отъ ума, которой врядъ ли быть пропущенной.

1828 Мая 4. Пушкинъ (адресъ его здѣсь въ П-бургѣ, въ трактирѣ Демута) просился также ѣхать съ царемъ [1]), но получилъ отказъ.

1828 Ноября 13. Что же касается до Пушкина, то вопервыхъ, я съ нимъ не очень знакомъ, а во вторыхъ онъ сдѣланъ маршаломъ въ печальной коммиссіи (по императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ) стало быть у него дѣла куча.

1829 Марта 24. Вамъ, я чаю, извѣстно изъ газетъ ужасное происшествіе съ нашимъ посломъ и посольствомъ въ Персіи! Бѣдный Грибоѣдовъ! Дорого заплатилъ онъ за свое повышеніе. Слухи о причинѣ сей рѣзни различные; одни говорятъ о ссорѣ людей Грибоѣдова съ Персіанами и убійствѣ одного изъ нихъ, какъ объ искрѣ воспалившей пламя; другіе слухи, невыгодные для Грибоѣдова, суть: будто бы онъ по просьбѣ родственниковъ двухъ Армянокъ, вытребовалъ ихъ изъ гарема; но вмѣсто того чтобъ отослать во свояси, онъ оставилъ ихъ у себя, почему одна изъ женщинъ (принявшая уже магометанскую вѣру) выбѣжала на кровлю, стала кричать; первый Персіанинъ, пришедшій на крикъ, былъ убитъ; прибѣжали съ базара другіе, и заварилась каша.

[1]) Закревскій.

[1]) Въ Валахію, во время Турецкой войны.

По сему обвиненію противорѣчитъ его недавняя женитьба.

1829 Мая 25. Читали ли вы Пушкина новую поэму Полтава? Можетъ быть я ошибаюсь, но по моему надо перемѣнить П на Б. Что за стишонки! Въ разговорѣ Мазепы съ Маріей, я такъ и вижу Шаховскаго: благоволилъ помочь, творецъ!... Съ какимъ носомъ остались безусловные хвалители Пушкина!... Трубили, кричали— и гора родила мышь. Она рѣшительно не понравилась, и Пушкинъ въ бѣшенствѣ, зоветъ насъ дураками. Натурально, что у него и въ дурномъ найдется хорошее; но тутъ его очень мало. Сцену изъ Ромео, которая вамъ такъ понравилась въ Сѣв. Цвѣтахъ, перевелъ Плетневъ.

1830 Ноября 12. Пушкинъ въ Москвѣ обвороженъ и очарованъ, короче онъ *огончарованъ*; сирѣчь онъ женится на Гончаровой, извѣстной Московской красавицѣ и богачкѣ; но многіе говорятъ, будто это свадьба расходится. Подивитесь, что и Пушкинъ наконецъ читаетъ частыя на себя брани въ Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отеч.; причина та, что онъ осмѣлился найти дурнымъ ромамъ Булгарина *Димитрій Самозванецъ*, и ругательства посыпались градомъ, до того площадныя, что по Высочайшему приказу, Булгарина посадили на гауптвахту, гдѣ онъ и сидѣлъ сутки.

1831 Марта 5. Недавно вышелъ въ свѣтъ Борисъ Годуновъ Пушкина; какого роду это сочиненіе—предоставляется судить каждому; онъ самъ не назвалъ его ни трагедіею ни поэмой; по моему это галиматья въ шекспировскомъ родѣ. Брань у него съ Булгаринымъ продолжается, хотя слабѣе, чѣмъ прежде.

1831 Мая 8. (Въ Литературной Газетѣ была помѣщена рецензія сочиненій Булгарина) онъ, узнавъ сочинителя неподписанной статьи въ Пушкинѣ, пустилъ первую ракетку въ Пчелѣ анекдотомъ объ Гофманѣ, которому дѣлалъ молодой авторъ упрекъ. Замѣтьте, что это были цвѣточки; вслѣдъ за тѣмъ появилась критика на VII гл. Онѣгина, въ которой она разругана въ пухъ. Пушкинъ не заставилъ себя дожидаться, помѣстилъ въ Литерат. Газ. анекдотъ объ Видокѣ, гдѣ списалъ портретъ съ Булгарина.

(*Сообщено изъ подлинныхъ писемъ А. М. Лазаревскимъ*)

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ книгѣ „Сѣверъ Россіи“ М. Сидорова на стр. 13 напечатано слѣдующее:

„Неужели мы забыли вѣрноподданнѣйшаго изъ Англичанъ же, Русскаго начальника Архангельскаго порта генерала Бойля, котораго Архангельскій епископъ Варлаамъ уличилъ, во время послѣдней войны, въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ и въ томъ, что онъ перевезъ на казенномъ пароходѣ Англійскаго консула Вайтеда изъ Архангельска на пароходъ Миранду, громившій Соловецкій монастырь? Развѣ не сознаяъ этого и самъ адмиралъ Бойль? Онъ прекратилъ свою жизнь въ тотъ самый день, когда Государь Императоръ назначилъ ему аудіенцію; а епископа Варлаама, за его услугу, возвели въ санъ архіепископа“.

Такой отзывъ о покойномъ вице-адмиралѣ Бойлѣ вполнѣ противорѣчитъ имѣющимся въ архивныхъ дѣлахъ Морскаго Министерства свѣдѣніямъ.

Изъ архивныхъ дѣлъ Морскаго Министерства видно слѣдующее:

1) Архангельскій главный командиръ вице-адмиралъ Бойль въ рапортѣ отъ 1-го Сентября 1854 г. за № 2793 доносилъ Его Императорскому Высочеству управляющему Морскимъ Министерствомъ: „Великобританскій подданный

Джонъ Вайтедъ, бывшій до объявленія войны Великобританскимъ консуломъ при Архангельскомъ и прочихъ Бѣломорскихъ портахъ, получилъ чрезъ шкипера одного коммерческаго корабля словесное извѣщеніе отъ командира Англійской эскадры, крейсирующей въ Бѣломъ морѣ, что онъ имѣетъ отъ Англійскаго правительства предписаніе принять Вайтеда съ семействомъ, для отправленія въ Англію, на одно изъ судовъ, находящихся подъ его командою. По просьбѣ Вайтеда посланъ былъ парламентеръ съ открытымъ отъ Вайтеда письмомъ къ командиру означенной эскадры, отъ коего и полученъ отвѣтъ". Представляя при рапортѣ засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ двухъ писемъ, вице-адмиралъ Бойль присовокупилъ, что Вайтедъ 3-го числа того же Сентября будетъ отправленъ на казенномъ пароходѣ подъ парламентерскимъ флагомъ на Англійскую эскадру, и затѣмъ рапортомъ отъ 4-го Сентября за № 2823 довелъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, что Вайтедъ дѣйствительно 3-го Сентября отправленъ съ семействомъ на казенномъ пароходѣ подъ парламентерскимъ флагомъ на Англійскую эскадру, стоявшую въ то время у Двинскаго бара. Въ третьемъ рапортѣ отъ 22-го Сентября за № 3039, вице-адмиралъ Бойль доносилъ Его Императорскому Высочеству, что объ отправленіи Вайтеда имъ было въ тоже время сообщено и военному министру. На такое донесеніе военному министру онъ получилъ отвѣтъ генералъ-адъютанта Катенина, что „по доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора объ отправленіи Вайтеда, Его Величество, сожалѣя, что иностранецъ сей отпущенъ черезъ море, изволилъ замѣтить, что было бы лучше возвратить его сухимъ путемъ".

и 2) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ, увѣдомилъ 18-го Декабря 1854 г. Его Императорское Высочество Генерала-Адмирала, что на всеподданнѣйшей его запискѣ о послѣдовавшей 15-го Декабря кончинѣ Архангельскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Бойля, Государю Императору благоугодно было начертать слѣдующую высочайшую резолюцію: „Крайне жаль! Не знаю кѣмъ его замѣнимъ, теперь важнѣе чѣмъ когда".

Съ разрѣшенія Государя Великаго Князя Генерала-Адмирала честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать это письмо въ издаваемомъ вами „Русскомъ Архивѣ". Морское Министерство убѣждено, что напечатаніе этихъ свѣдѣній въ вашемъ изданіи послужитъ лучшимъ средствомъ для опроверженія помѣщеннаго въ книгѣ Сидорова отзыва о покойномъ Архангельскомъ главномъ командирѣ Бойлѣ, потому что свѣдѣнія эти, будучи напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ", не ускользнутъ отъ вниманія будущаго историка того края и того времени. Примите и пр.

К. Маннъ.

Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. Томъ I-й. Спб. 1870. in-8; стр. LXVIII и 774.

„Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ де-„ревнѣ у себя мельницу построить, а не „имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера „и болота, имѣющія воды довольство, „немедленно зачалъ, по согласію оныхъ. „каналъ копать и на мельницу припасъ „заготовлять, котораго хотя при себѣ „въ совершенство привесть не могъ, но „дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія „родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись „и совершили".

„Легче всякое новое дѣло съ Богомъ „начать и окончить, нежели старое испорченное дѣло починивать".

Въ сейчасъ приведенныхъ: апологѣ, сказанномъ Петромъ I Татищеву, который на просьбу Блументроста поискать въ Швеціи ученыхъ для учреждавшейся Академіи, отвѣчалъ, что „напрасно искать сѣмянъ, когда земли, на

„которую сѣять, не приготовлено (Ист. Ак., XIII) - и присловицѣ, часто повторявшейся царемъ (т. же, XXVIII), заключается не только объясненіе пріемовъ, при помощи которыхъ учреждена наша Академія, но и разгадка всей исторической дѣятельности преобразователя.

Противники Петровской реформы конечно готовы поднять вопросъ о томъ, можно ли приравнивать духовное и научное общеніе людей къ матеріальному факту прорытія канала; съ Богомъ ли начаты Петромъ многія изъ „новыхъ“ дѣлъ его, и можно ли даже назвать ихъ въ обширномъ смыслѣ новыми, такъ какъ они составляли заимствованіе того, что давно уже существовало въ другихъ странахъ.

Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ, и преобразованія, предпринятыя Петромъ, пошли по пути, имъ указанному. Въ числѣ его нововведеній была и Академія Наукъ, учрежденная хотя послѣ него, но по его мысли и на основаніяхъ иностранныхъ. До воцаренія Елизаветы Петровны, она имѣла 4 президентовъ и 46 членовъ, которые всѣ (кромѣ одного Ададурова) были иноземцы, или немногіе уроженцы завоеванныхъ нами Балтійскихъ областей.

Исторія первыхъ шестнадцати лѣтъ (1726—1742) этого учрежденія и біографіи всѣхъ означенныхъ лицъ составляютъ содержаніе большаго перваго тома труда, который предпринятъ достойнымъ академикомъ П. П. Пекарскимъ.

Не вдаваясь въ подробности, достаточно подумать о томъ, на сколько взаимная критика, обоюдная помощь, или соревнованіе знающихъ членовъ серьозной ученой корпораціи и пользованіе пособіями, ей принадлежащими и т. д. могутъ содѣйствовать усовершенствованію трудовъ каждаго изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ, принесенной высшему просвѣщенію ученымъ учрежденіемъ, служащимъ ему въ лучшемъ смыслѣ слова, въ сферѣ чисто-научной, чуждой какимъ бы то ни было постороннимъ цѣлямъ, независимой отъ преходящихъ вліяній современной минуты.

Лѣтопись первыхъ временъ такого рода учрежденія и даже извѣстія о началахъ для почина онаго не могутъ не быть въ высшей степени интересными для изучающихъ ходъ отечественнаго просвѣщенія и вообще исторію Россіи, особенно если вспомнить, что первыя страницы этой лѣтописи украшаются именами Петра I, Лейбница, Вольфа. Дальнѣйшее повѣствованіе будетъ все болѣе и болѣе важнымъ и занимательнымъ по мѣрѣ того, какъ развитіе академической жизни становилось шире и дѣятельнѣе.

Начало такого труда нынѣ осуществлено г. Пекарскимъ. Достаточно вспомнить обширное и капитальное произведеніе его „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, книгу „Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи“, любопытныя изслѣдованія его о Татищевѣ, Рычковѣ, Ломоносовѣ, о путешествіи Делиля въ Сибирь, о Русской первоначальной журналистикѣ при Академіи, о литературныхъ трудахъ Екатерины II, о Русссомъ масонствѣ въ XVIII вѣкѣ и пр., чтобы увѣриться, что новое сочиненіе почтеннаго автора удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ строго-научнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ написано съ тѣмъ литературнымъ талантомъ, который увлекаетъ и не-спеціалиста читать съ большимъ интересомъ книгу, по предмету своему не составлявшую бы подъ другимъ перомъ достоянія большинства читающей публики. Приглашаемъ всякаго образованнаго человѣка познакомиться съ „Исторіей Академіи“. Конечно мы увидимъ скоро подробные разборы ея; но въ ожиданіи ихъ, мы почли бы грѣхомъ не повѣстить читателей о ея появленіи и не выразить глубокаго сочувствія къ прекрасному труду г. Пекарскаго.

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ. 10 Марта 1871.

ЗАМѢТКА ОБЪ УКАЗѢ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА КАСАТЕЛЬНО НѢМЦЕВЪ.

Въ 3-й книгѣ „Русской Старины" 1871 г. помѣщенъ курьёзный указъ царя Алексѣя Михайловича о Нѣмцахъ. Считаемъ не лишнимъ упомянуть о еще болѣе курьёзномъ извѣстіи касательно истребленія этаго указа по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Россіи.

Это истребленіе относятъ ко времени царствованія императора Павла I. Чиновники, служившіе въ то время въ южныхъ окраинахъ Россіи, куда страхъ отъ распоряженій Петербургскихъ простирался не въ столь сильной мѣрѣ, какъ то было въ ея центрѣ, разсказываютъ, что однажды является строжайшее секретное предписаніе тщательно истребить во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ указъ царя Алексѣя Михайловича за такимъ-то номеромъ. Это заинтересовало молодежъ, которая, прочтя указъ и не смѣя списывать его, какъ осужденнаго на истребленіе, вызубривала его наизустъ. И вотъ теперь еще эти бывшіе юноши, нынѣ 90 лѣтніе старцы, живо помнятъ этотъ указъ. У одного память была болѣе точная, у другаго менѣе. Этимъ-то и объясняются ошибки противъ юридическаго слога временъ царя Алексѣя Михайловича, которыя бросаются въ глаза при чтеніи копіи, напечатанной въ „Русской Старинѣ": въ семействѣ г. Макарова, откуда поступилъ указъ на страницы Русской Старины, этотъ указъ не былъ списанъ, а только записанъ по памяти.

По свидѣтельству лицъ, выучившихъ указъ наизустъ съ подлинника, существованіе этого указа не подлежитъ сомнѣнію, и напрасно тогда же, во времена Александра I, кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что-де такого указа никогда не существовало, что это ничто иное какъ пасквиль, сочиненный въ болѣе позднее время.

Если же существованіе указа дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, то интересно было бы знать: сохранилось ли помянутое секретное предписаніе объ уничтоженіи указа и что побудило тогдашнее Русское правительство обратить на этотъ невинный и позабытый памятникъ старины такое заботливое вниманіе?

А. Гатцукъ.

Неизданные стихи Кольцова.

Еще старая пѣсня.

Въ Александровской слободкѣ
Пьютъ, гуляютъ молодцы,
Все опричники лихіе,
Молодые чернецы.

Посреди ихъ царь святоша
Въ рясѣ бархатной сидитъ,
Распѣваетъ тихо псалмы,
Жезломъ по полу стучитъ.

Самъ изъ кубка золотова
Вина, меду много пьетъ;
Поднимается какъ туча—
На всю Слободу реветъ:

„Враги царскіе не дремлютъ;
Я-жъ какъ соня здѣсь живу....
На коней скорѣй садитесь,
Да поѣдемте въ Москву!

„Что за медъ здѣсь? что за брага?
Опротивѣлъ хлѣбъ сухой.
На Московской на площадкѣ
Мы сготовимъ пиръ другой!

„Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой;
Перепьемся мы до-пьяна
Крови женской и мужской!

„Бѣдный рабъ, я—царь наслѣдный
Надъ моими надъ людьми:
На кого сурово взглянемъ—
Скушаемъ съ дѣтьми!"

Царь-ханжа летитъ какъ вихорь,
Съ саранчею удальцовъ,
Москву-матушку иплатить,
Кушать мясо и пить кровь!

(*Сообщено А. Н. Аѳанасьевымъ.*)

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. И. ГРЕЧА.

I.

Въ Императорѣ Павлѣ чувство долга и чести не рѣдко одерживало верхъ надъ вспыльчивостью и гнѣвомъ. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Въ 1820 г. Григорій Ивановичъ Вилламовъ, водя меня по Гатчинскому дворцу, обратилъ мое вниманіе на одинъ удивительный бюстъ Каракаллы, и прибавилъ: «Но еще замѣчательнѣе здѣсь вотъ эта дверь. У нея, въ царствованіе Императора Павла, всегда стоялъ придворный лакей, чтобъ отпирать ее при проходѣ Государя на половину Императрицы; это происходило регулярно въ шесть часовъ утра. Разъ какъ-то Павелъ пришелъ нѣсколькими минутами ранѣе; видитъ: нѣтъ лакея, и вспыхнулъ гнѣвомъ. Несчастный ушелъ было въ другую комнату; но, услышавъ шаги, поспѣшилъ на свое мѣсто. Павелъ поднялъ на него шпагу. Лакей поспѣшно вынулъ изъ кармана часы, поднесъ Императору и сказалъ: «Государь! я не виноватъ, теперь шесть часовъ безъ пяти минутъ».—«Виноватъ!» отвѣчалъ Императоръ, опустилъ шпагу и пошелъ въ дверь.—Однажды проѣзжалъ онъ мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицеръ въ чемъ-то ошибся.—«Подъ арестъ!» закричалъ Императоръ.—«Прикажите сперва смѣнить, а потомъ арестуйте», сказалъ офицеръ—«Кто ты?» спросилъ Павелъ. «Подпоручикъ такой то,» «Здравствуй поручикъ!» —При одномъ докладѣ Ѳ. М. Брискорна, Павелъ сказалъ рѣшительно: «Хочу, чтобъ было такъ». —«Нельзя, Государь!»—Какъ нельзя! мнѣ нельзя?» — «Сперва перемѣните законъ, а потомъ дѣлайте какъ угодно».—«Ты правъ, братецъ«, отвѣчалъ Императоръ успокоившись.—Въ 1800 году нѣсколько исключенныхъ изъ службы офицеровъ, сосланныхъ на жительство въ Смоленскъ, напившись пьяны, вынесли свои мундиры на дворъ и, при толпѣ народа, сожгли ихъ. Генералъ-губернаторомъ былъ тамъ Михаилъ Михайловичъ Философовъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и характера, отличавшійся въ должности посланника при Копенгагенскомъ дворѣ, въ страшную эпоху владычества Струензе *). Узнавъ о безразсудномъ поступкѣ офицеровъ, онъ приказалъ арестовать ихъ и ждалъ прибытія Павла, который въ то время объѣзжалъ западныя губерніи. Государь, узнавъ объ этомъ происшествіи дорогою, прибылъ въ Смоленскъ въ величайшемъ раздраженіи и отправился прямо въ соборъ. При входѣ въ храмъ, Философовъ сталъ въ дверяхъ и, протянувъ руки въ обѣ стороны, не пускалъ Государя. «Это что?» воскликнулъ Императоръ.—«Въ Священномъ Писаніи, возразилъ Философовъ твердо и спокойно, сказано: «Гнѣвный да не входитъ въ домъ Божій!» Павелъ остановился, подумалъ и сказалъ: «Я не гнѣвенъ, я равнодушенъ: прощаю всѣхъ!» — «И такъ гряди во имя Господне!» отвѣчалъ Философовъ, отступилъ въ сторону и низко поклонился. Государь въ тотъ же день пожаловалъ ему Андреевскую ленту.—Бывшій при воспитаніи Павла профессоръ Эпинусъ говаривалъ: «Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ. Порвется эта ни-

*) Говорятъ, что партія Струэнзе отравила Философова однимъ питіемъ съ Христіаномъ VII. Несчастный король выпилъ весь стаканъ и лишился разсудка. Философовъ, прихлебнувъ, не допилъ; у него осталось временное разстройство, не вредившее ни уму, ни сердцу его.

точка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму и разсудку». И то сказать, воспитанiе его было странное.....

Екатерина взяла подъ особое свое попеченiе одного ребенка. Его назвали Семеномъ Ивановичемъ Великимъ и дали ему хорошее воспитанiе, но такъ, что онъ не догадывался о своемъ происхожденiи. Съ нимъ вмѣстѣ учились въ Петровской школѣ (лучшемъ и тогда и нынѣ среднемъ училищѣ въ С. Петербургѣ) дѣти незнатныхъ и небогатыхъ родителей: Яковъ Александровичъ Дружининъ, сынъ придворнаго каммердинера, Григорiй Ивановичъ Вилламовъ (сынъ инспектора классовъ Петровской школы, извѣстнаго Нѣмецкаго поэта, о которомъ въ Германiи идетъ слава, что онъ въ Петербургѣ умеръ съ голоду), Θедоръ Максимовичъ Брискорнъ, сынъ придворнаго аптекаря, Христiанъ Ивановичъ Миллеръ, сынъ портнаго, и Илья Карловичъ Вестманъ, также сынъ какого-то ремесленника. Всѣ онѣ воспитываемы были съ Семеномъ Великимъ, имѣли лучшихъ гувернеровъ и учителей и вышли люди образованные и полезные. Дружининъ отличался прекраснымъ почеркомъ и знанiемъ Русскаго языка. Екатерина взяла его къ себѣ въ комнатные секретари; онъ прослужилъ у нея лѣтъ десять, остался въ томъ же званiи при вступленiи на престолъ Павла и пробылъ на этомъ мѣстѣ все время его царствованiя: смѣнялись министры, падали полководцы, изгоняемы были любимцы, а простой секретарь Яковъ оставался при лицѣ грознаго Царя. Въ царствованiе Александра, Дружининъ былъ употребленъ по Министерсвту Юстицiи, потомъ перешелъ въ Министерство Финансовъ и служилъ подъ конецъ жизни Директоромъ въ Департаментѣ Мануфактуръ. Онъ былъ человѣкъ умный, смѣтливый, трудолюбивый, въ дѣлахъ находчивый и неутомимый, работалъ съ утра до ночи, дѣлалъ сколько могъ добра, но всегда былъ разстроенъ въ своихъ собственныхъ финансахъ, и потому рѣдко могъ отказываться отъ благодарности просителей. Особенно вредили ему сердечныя связи. Съ одною замужнею женщиною прижилъ онъ семнадцать человѣкъ дѣтей, содержалъ, воспитывалъ ихъ, платилъ долги ея безалабернаго мужа, и т. п. Канкринъ понималъ и умѣлъ употреблять его. Однажды, разговаривая со мною о своихъ подчиненныхъ, Канкринъ сказалъ: «Дружининъ умный и добрый человѣкъ, хорошiй слуга, только жаль, что у него много дѣтей.» Глупый и бездушный В., принятый въ службу Дружининымъ, обязанный ему мѣстомъ, обижалъ и тѣснилъ его. Грустно было видѣть, говорили современники, какъ В., разваливаясь въ креслахъ и ковыряя зубочисткой во рту, слушалъ докладъ стоявшаго предъ нимъ Дружинина.—Прочiе соученики Великаго опредѣлены были въ вѣдомство Иностранной Коллегiи и въ послѣдствiи достигли важныхъ должностей. Вилламовъ былъ правою рукою Императрицы Марiи Θедоровны, человѣкъ быстраго, свѣтскаго ума, лихой работникъ и благоразумный царедворецъ подъ мантiею добряка и прямика. Брискорнъ былъ секретаремъ Павла I, потомъ сенаторомъ, запутался и замарался въ одномъ нечистомъ дѣлѣ (не по службѣ), женился на вдовѣ Струковой и провелъ остатокъ жизни подъ башмакомъ злой бабы, которая, заморивъ его, воздвигла надъ его могилою велѣколѣпный храмъ. — Вестманъ, человѣкъ умный и дѣловой, былъ оберъ-секретаремъ въ Иностранной

Коллегіи. Постъ этотъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему директору Канцеляріи; въ этой должности нынѣ сынъ его Владиміръ Ильичъ.—Миллеръ имѣлъ большое вліяніе на дѣла государственныя: онъ чинилъ перья для Императора Александра, и безъ его пособія не обошлось ни одного манифеста, ни одного указа, ни одной записочки къ графу Аракчееву или къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной. Главный же виновникъ всѣхъ этихъ улыбокъ Фортуны безроднымъ бѣднякамъ, Семенъ Ивановичъ Великій изъявилъ желаніе вступить въ морскую службу, кончилъ курсъ наукъ въ Морскомъ Корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ и готовился ѣхать въ предполагавшуюся тогда кругосвѣтную экспедицію капитана Муловскаго, но внезапно умеръ въ Кронштатѣ, около 1793 года. Въ Запискахъ А. В. Храповицкаго отмѣчено: «Получено извѣстіе о смерти Сенюшки Великаго.» Въ Императорской Библіотекѣ есть, вѣроятно, брошюра въ четверку, напечатанная въ 1787 году. въ Императорской типографіи Вейтбрехта, подъ заглавіемъ: «*Обидахъ*, восточная повѣсть, переведенная съ Нѣмецкаго (подлинникъ напечатанъ тамъ-же) Семеномъ Великимъ, прилежнымъ къ наукамъ юношею.» Видна лесть директора училища!

II.

Лагарпъ родился отъ благородной Швейцарской фамиліи, въ Роллѣ, въ 1754 году. Онъ учился правамъ въ Тюбингенскомъ университетѣ и нѣсколько времени былъ адвокатомъ въ Бернѣ. Въ 1782 г. былъ онъ приглашенъ въ Петербургъ и сдѣлался воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. Окончивъ порученное ему дѣло, въ 1798 г. онъ воротился въ отечество свое, осыпанный милостями Екатерины II-й. Потомъ онъ жилъ въ Бернѣ и въ Парижѣ и дѣятельно занимался политикою *).

Въ Швейцаріи былъ онъ въ 1798 г. избранъ въ члены Гельветической Директоріи, за что Императоръ Павелъ лишилъ его чиновъ и пенсіона. Въ 1802 г. пріѣзжалъ онъ въ С. Петербургъ, чтобы поздравить своего воспитанника со вступленіемъ на престолъ, и въ послѣдствіи жилъ близъ Парижа, въ Плесси-Пике, занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. По взятіи Парижа, Александръ посѣтилъ его, пожаловалъ въ чинъ тайнаго совѣтника и надѣлъ на него Андреевскую ленту. На Вѣнскомъ Конгресѣ онъ убѣдилъ Александра вступиться за кантоны Ваадскій и Аргауській, притѣсненные Бернскою аристократіею. Послѣдніе годы свои провелъ онъ въ Роллѣ, пользуясь общимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Скончался 25 Марта 1838 года. Года за два до его смерти, разгласили въ газетахъ, что какой-то книгопродавецъ купилъ у него всю корреспонденцію его съ Александромъ и намѣренъ обнародовать ее послѣ его смерти. Это было непріятно Императору Николаю Павловичу. Было поручено нашему посланнику въ Швейцаріи Дмитрію Петровичу Северину узнать, въ чемъ состояла эта переписка и, если можно, получить копію съ писемъ Александра. Северинъ поѣхалъ, подъ предлогомъ прогулки, въ Ролль,

*) Лагарпъ былъ женатъ на дочери Петербургскаго банкира Беттихера. Въ V-омъ томѣ Сборника Русскаго историческаго общества (Спб. 1870) изданы письма имп. Александра къ Лагарпу, полученныя изъ Лозанны отъ г. Монода; но очевидно не тѣ, о коихъ ниже говоритъ Н. И. Гречь. *П. Б.*

посѣтилъ Лагарпа, умѣлъ заслужить его расположеніе и довѣренность, но не говорилъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Однажды Лагарпъ сказалъ ему: «Не удивительно, что Александръ любилъ меня, но чѣмъ заслужилъ я вниманіе Императора Николая, который ко мнѣ такъ милостивъ? Скажите, сдѣлайте милость, какимъ образомъ могъ бы я возблагодарить Государя, или принести ему удовольствіе». — «Трудненько,» сказалъ тонкій дипломатъ, порадовать или удивить чѣмъ либо Владыку полусвѣта; но дайте мнѣ сроку подумать». Черезъ нѣсколько дней говоритъ онъ Лагарпу: «Кажется, я нашелъ вамъ средство угодить Государю. Онъ воспитываетъ своего сына совершенно въ духѣ покойнаго Александра; для этого отыскиваетъ всѣ матеріалы и акты царствованія покойнаго Императора. Я увѣренъ, что ему очень пріятно будетъ имѣть копію съ писемъ, которыя, какъ извѣстно, писалъ къ вамъ Александръ». — «Копіи!» вскричалъ Лагарпъ: «какъ смѣю я послать копіи! Пошлю подлинныя. Я самъ ихъ знаю наизусть, а послѣ моей смерти они могутъ попасть въ нескромныя руки». Собравъ рачительно всѣ письма *), съ копіями своихъ отвѣтовъ, Лагарпъ присовокупилъ къ перепискѣ хронологическій и азбучный реестръ, переплелъ ее великолѣпно и вручилъ Северину. Государь, обрадовавшись этому подарку, благодарилъ Лагарпа письменно, а Северину далъ орденъ Св. Анны 1-ой степени.

III.

Доказательствомъ тому, до какой степени Александръ не довѣрялъ своимъ приближеннымъ и презиралъ ихъ, служитъ слѣдующее происшествіе, разсказанное мнѣ очевидцемъ. По вторичномъ взятіи Парижа, въ 1815 году Александръ жилъ тамъ нѣсколько времени, и именно въ дворцѣ Элизе, и въ свободное время охотно бесѣдовалъ съ герцогомъ Веллингтономъ, раскрывая предъ нимъ всѣ тайны своего сердца. Однажды Веллингтонъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ нѣсколько лицъ изъ свиты Государевой: гр. Воронцова, Л. В. Васильчикова, графа Строгонова и н. др. Когда они къ нему пріѣхали, адъютантъ герцога объявилъ имъ, что Императоръ Александръ присылалъ за нимъ и что герцогъ, надѣясь вскорѣ воротиться, просилъ ихъ подождать. Дѣйствительно онъ пріѣхалъ домой вскорѣ, извинился предъ своими гостями, но въ этотъ вечеръ былъ скученъ и молчаливъ болѣе обыкновеннаго. Видно, что-то тяготило ему душу. Гости, замѣтивъ это, стали допытываться о причинѣ. Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать, наконецъ уступилъ настояніямъ любимаго имъ Воронцова и объявилъ, что Александръ изумилъ и огорчилъ его при нынѣшнемъ свиданіи: жаловался на свое одиночество, на неимѣніе вѣрнаго, искренняго друга. «Мнѣ кажется, Государь», сказалъ ему Веллингтонъ, «что окружающія васъ лица подали вамъ самыя несомнѣнныя доказательства своего усердія и вѣрности къ вашей особѣ, особенно въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.» — «Нѣтъ!» возразилъ Императоръ: «они мнѣ не друзья; они служили Россіи, своему честолюбію и корысти». Фельдмаршалъ умолкъ. Генералъ-адъютанты Александра, въ досадѣ и негодованіи, залились слезами. Александръ жаловался, что не имѣлъ друзей, но самъ онъ былъ ли кому либо искрен-

*) Вѣроятно не всѣ, а важнѣйшія (если только разсказъ этотъ справедливъ). *П. Б.*

нимъ другомъ? Болѣе всего любилъ онъ князя Петра Петровича Долгорукаго, но онъ умеръ рано, и Богъ знаетъ, что было бы въ послѣдствіи. Вотъ плоды уроковъ Лагарпа! Dissimuler, c'est régner. Такъ, но тогда не требуйте любви отъ другихъ. Въ одномъ Англійскомъ журналѣ читалъ я, что въ началѣ 1812 г. въ Парламентѣ шла рѣчь о поступленіи маркиза Веллеслея, брата Веллингтона, въ Русскую службу первымъ министромъ, за неимѣніемъ въ ней способныхъ и достойныхъ людей. Интересно было бы отыскать эту статью; она дѣйствительно существуетъ.

IV.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ принадлежалъ къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Россіи. Извѣстно, что Строгановы происходятъ отъ знаменитаго солянаго промышленника Аники Строганова, участвовавшаго въ XVI вѣкѣ въ покореніи Сибири. Дѣти его пользовались несмѣтнымъ достояніемъ своего отца и передали оное потомству, которое, поступивъ въ дворянство, было въ большой чести у Двора. Сначала Строгановы получили баронское а потомъ и графское достоинство; одна отрасль ихъ оставалась въ баронствѣ до 1826 г. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, былъ каммергеромъ, и обратилъ на себя (до какой степени, не знаю) вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Петръ III его прогналъ отъ Двора, но при вступленіи Екатерины, онъ вновь былъ принятъ и пользовался милостями Государыни до ея кончины. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, добрый, благородный и благодѣтельный, но небрегъ своими финансами и обременилъ потомство свое долгами. Въ царствованіе Екатерины, въ осьмидесятыхъ годахъ, имѣлъ онъ порученіе при Версальскомъ Дворѣ и пользовался милостями Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Въ это время принялъ онъ въ гувернеры къ единственному сыну своему, графу Павлу Александровичу, якобинца Ромма (Romme), который въ послѣдствіи погибъ, пытаясь возстановить Робеспіеровское правленіе. Молодой графъ пропитанъ былъ революціонными правилами, но честная и добрая душа его со временемъ все переработала: онъ былъ самымъ усерднымъ и ревностнымъ Русскимъ патріотомъ*). Супруга его была Софія Владиміровна, урожденная княжна Голицына, женщина необыкновенныхъ качествъ ума и сердца. Графъ Павелъ Александровичъ, по желанію отца, вступилъ въ статскую службу, находился, какъ я говорилъ, въ числѣ искреннихъ друзей наслѣдника престола, Александра Павловича и, по вступленіи его на престолъ, назначенъ былъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, графа В. П. Кочубея и употребляемъ былъ въ дѣлахъ дипломатическихъ. Въ 1806 году былъ онъ съ особымъ порученіемъ въ Лондонѣ и тамъ узналъ о постыдномъ мирѣ, заключенномъ въ Парижѣ несчастнымъ дипломатомъ Убри. Въ 1807 г. находился онъ при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ званіи статсъ-секретаря, въ Прусской кампаніи.

*) Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 26 Августа 1790: „Повелѣніе къ Симолину, чтобъ въ Парижѣ всѣмъ Русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшимъ возвращеніи въ отечество. Тамъ сынъ гр. А. С. Строгонова съ учителемъ своимъ вошли въ члены клуба Жакобиновъ a propaganda libertate." *П. Б.*

Не утерпѣло ретивое Русское сердце: надоѣло графу проливать чернила тамъ, гдѣ земляки его проливали кровь. Онъ выпросилъ позволеніе, съ небольшимъ отрядомъ, сдѣлать поискъ противъ непріятеля и исполнилъ дѣло это съ успѣхомъ. Государь перевелъ его въ военную службу генералъ-маіоромъ и назначилъ къ себѣ генералъ-адъютантомъ. Графъ П. А., какъ и отецъ его, былъ врагомъ Наполеона и никакъ не согласился бы служить по дипломатической части въ мирное съ нимъ время. Онъ съ честью прослужилъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, При Краонѣ онъ имѣлъ несчастіе лишиться своего единственнаго сына. Это его убило. Онъ впалъ въ чахотку, въ 1817 г. отправился на фрегатѣ въ Италію и на пути скончался. Изъ дочерей его старшая вышла за флигель-адъютанта барона Сергія Григорьевича Строганова (нынѣ генералъ-адъютантъ, Попечитель Наслѣдника Николая Александровича), получившаго при этомъ случаѣ графское достоинство; другая за князя Василія Сергѣевича Голицына; третья за графомъ Ферзеномъ. — Упомяну объ одномъ странномъ происшествіи, случившемся со мною въ отношеніи къ фамиліи Строгановыхъ. 8-го Февраля 1814 г. въ пятницу на масляницѣ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ пригласилъ меня на блины. По утру я имѣлъ какое-то дѣло у генералъ-губернатора С. К. Вязьмитинова, и когда выходилъ изъ его кабинета въ пріемную, тогдашній оберъ-полицеймейстеръ И. С. Горголи сказалъ мнѣ: «Вотъ пожива Сыну Отечества! Сію минуту пріѣхалъ курьеръ изъ главной квартиры съ извѣстіемъ о знаменитой побѣдѣ». Я подошелъ къ покрытому грязью фельдъегерю; онъ разсказалъ мнѣ, что сраженіе происходило при Бріеннѣ, мѣстѣ воспитанія Наполеона, и что наши и Пруссаки порядочно поколотили Французовъ. Съ этою радостною вѣстью поспѣшилъ я къ Оленину. Гостинная его была полна: тамъ были С. С. Уваровъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, А. И. Тургеневъ и всѣ служившіе при Библіотекѣ, Крыловъ, Лобановъ, Ермолаевъ, Гнѣдичъ, и т. д. При входѣ моемъ раздались восклицанія: «Вотъ и журналистъ! Онъ разскажетъ намъ, что̀ есть новаго.» — «Точно», отвѣчалъ я: «вотъ послѣднія извѣстія», и сталъ разсказывать что̀ слышалъ отъ курьера. Вдругъ замѣчаю, А. Н. Оленинъ дѣлаетъ мнѣ знаки, чтобъ я замолчалъ. Я кончилъ мой разсказъ какъ нибудь и принялся за блины; но по окончаніи завтрака, когда разъѣхались гости, спросилъ у А. Н. Оленина, зачѣмъ онъ остановилъ меня. Онъ отвѣчалъ съ прискорбіемъ: «Носится слухъ, что въ этомъ сраженіи, въ авангардѣ графа Воронцова, убитъ молодой Строгановъ; что̀ еще ужаснѣе, отцу сказали о томъ безъ всякаго приготовленія, и это его сразило. Вы видѣли въ числѣ гостей Александра Ивановича Красовскаго. Онъ вхожъ въ домъ Строгановыхъ: еслибъ онъ услышалъ эту новость, то немедленно побѣжалъ бы туда, чтобъ первому сообщить ее бѣдной матери.» Я сказалъ, что не слыхалъ этого отъ фельдъ-егеря, и Оленинъ просилъ меня не говорить о томъ, что̀ я теперь слышалъ. Чрезъ недѣлю прихожу къ А. Н. Оленину и освѣдомляюсь, правда ли это. «Нѣтъ!» отвѣчаетъ А. Н., «къ счастію, это былъ пустой слухъ: о молодомъ графѣ получено извѣстіе недѣлею позже сраженія.» И что-жъ? Слухъ, носившійся въ Петербургѣ осьмаго Фев-

раля, осуществился двадцать третьяго, чрезъ шестнадцать дней!—Шла жестокая битва подъ Краономъ. Авангардомъ командовалъ графъ Воронцовъ, главнымъ корпусомъ графъ Строгановъ. Вдругъ летитъ мимо Строганова адъютантъ изъ авангарда. «Что! спрашиваетъ графъ: каково тамъ идетъ?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, отвѣчаетъ адъютантъ, не узнавшій графа: дѣло идетъ прекрасно. Жаль одного: ядромъ убило молодаго Строганова.» Отецъ обмеръ, но чувство долга побѣдило страданіе сердца. Онъ встрепенулся, поскакалъ и командовалъ до вечера, но тутъ силы его оставили: онъ сдалъ команду графу Воронцову и самъ удалился съ поля сраженія.—Какимъ образомъ знали или толковали въ Петербургѣ о томъ, чтó послѣдуетъ во Франціи чрезъ шестнадцать дней? Недоумѣваю. Конечно случай, но весьма замѣчательный.

Скажу еще о старикѣ графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ. Въ званіи Президента Академіи Художествъ, онъ отыскивалъ и поощрялъ отечественные таланты: при немъ образовались Егоровъ, Шебуевъ, Варнекъ, Малиновскій, Демутъ и др. Любимцемъ его былъ архитекторъ Воронихинъ, изъ собственныхъ его крѣпостныхъ людей, учившійся въ Академіи, а потомъ, на счетъ графа, въ Италіи. Воронихинъ построилъ Казанскій Соборъ, въ которомъ всѣ изваянія, образа и пр. были исполнены Русскими. Графъ Строгановъ не могъ дождаться окончанія. Наконецъ соборъ освятили 8-го Сентября 1811 г., а чрезъ недѣлю онъ скончался и былъ отпѣтъ въ новомъ храмѣ. При семъ случаѣ произнесено было надгробное ему слово іеромонахомъ Филаретомъ, чтò нынѣ митрополитъ Московскій: оно возбудило общее вниманіе къ таланту юнаго оратора. Напечатано оно въ 1-ой книжкѣ Вѣстника Европы на 1812-й годъ. Графъ Хвостовъ довольно хорошо воспѣлъ новый соборъ и удостоился слѣдующей эпиграммы:

Хвостовъ скропалъ стихи и, говорятъ, не худо:
Вотъ храма новаго неслыханное чудо!

Не могу кончить статьи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ, не упомянувъ, съ искреннею благодарностью къ его памяти, что онъ былъ покровителемъ и благодѣтелемъ моего отца. Онъ крестилъ сестру Елисавету и брата Павла и, когда батюшка лишился мѣста, не оставлялъ его своими милостями.

V.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ *) одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Россіи, въ первой половинѣ XIX вѣка, родился въ 1762 году и получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ и въ домѣ родственника своего графа А. С. Строгонова; въ молодости служилъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, отличился храбростью въ Шведской и Польской войнѣ и сдѣлался извѣстенъ Великому Князю Александру Павловичу. Въ 1796 году вышелъ въ отставку и отправился въ Англію, гдѣ провелъ почти все время царствованія Павла; возвратился въ Россію въ 1801 году, былъ принятъ съ радостью Императоромъ Александромъ Павловичемъ и сдѣлался довѣреннымъ у него лицемъ; занимался разными порученіями по администраціи, юстиціи, по дѣламъ, относившимся къ наукамъ и художе-

*) Сынъ побочной сестры гр. А. С. Строганова. *П. Б.*

ствамъ; былъ Товарищемъ Министра Юстиціи и въ то же время Президентомъ Академіи Наукъ и попечителемъ С. Петербургскаго Округа; принималъ самое важное и дѣятельное участіе въ благородныхъ подвигахъ и преобразованіяхъ того времени, особенно по части просвѣщенія. Онъ, въ послѣдствіи, называлъ это время счастливѣйшимъ въ своей жизни. Оно было счастливѣйшимъ и для всей Россіи: подобнаго тогдашнему я вспомнить и вообразить не могу. Не думайте, чтобъ это сужденіе происходило отъ какихъ либо счастливыхъ или благопріятныхъ случаевъ въ моей тогдашней жизни. Нѣтъ! я былъ тогда не на розахъ: лишился отца, жилъ безъ матери и семейства, не имѣлъ и порядочнаго сюртука, часто терпѣлъ голодъ въ полномъ смыслѣ этого слова; но, вспоминая отрадное время, наступившее по кончинѣ Павла, не могу не чувствовать истиннаго услажденія. Разумѣется, не все было хорошо и тогда, но было лучше нежели когда либо, и развѣ только первые годы царствованія Екатерины (1762—1768 г.) могли сравниться съ этимъ періодомъ. Всего радостнѣе и отраднѣе были надежды, но увы! онѣ не сбылись, или сбылись не въ томъ видѣ, какъ ожидали истинные сыны отечества.—Въ одномъ Новосильцовъ сдѣлалъ тогда вредный для Россіи промахъ: онъ взялъ себѣ на службу (по рекомендаціи Я. А. Дружинина) изъ студентовъ Московскаго университета В., этого гнуснаго и подлаго хама, способствовавшаго много ко вреду Россіи въ царствованіе Императора Николая. Помню, какой шумъ негодованія и смѣха поднялся въ Петербургѣ въ 1806 г., когда В. дали 4-го Владиміра; всѣ вопили: можно ли награждать этого подлеца, дубину, развратника? А когда онъ, въ послѣдствіи, получилъ Александра, Андрея и наконецъ графское достоинство, никто не дивился.—Новосильцовъ и тогдашніе товарищи его выказывали примѣрную скромность при всей власти, которою обладали. У Новосильцова былъ только Владимірскій крестъ съ бантомъ, полученный имъ за храбрость, оказанную въ войнѣ со Шведами; у Чарторижскаго только Аннинскій крестъ 2-ой степени, а они раздавали звѣзды и ленты. Новосильцовъ употребляемъ былъ и по дипломатической части, ѣздилъ въ Пруссію и въ Англію для приготовленія союза противъ Наполеона въ 1804 и 1805 годахъ, и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашней благородной коалиціи противъ преобладанія Наполеонова. Достойно замѣчанія порученіе, данное ему Александромъ въ концѣ 1806 г. Приведенный въ отчаяніе ошибками своими въ выборѣ генераловъ, онъ отправилъ Новосильцова въ главную квартиру арміи и поручилъ ему узнать подъ рукою, кто изъ генераловъ и полковниковъ пользуется въ арміи, между офицерами и нижнями чинами, большею славою ума, распорядительности, храбрости. Новосильцовъ исполнилъ это и привезъ Императору небольшой списокъ, въ которомъ были имена Барклая, Дохтурова, Сабанѣева, Багговута, Коповницыва. Это послужило въ послѣдствіи мѣриломъ при выборѣ полководцевъ. Но блистательныя надежды тогдашняго времени не сбылись: Прусскій походъ 1807 г. кончился несчастливо, и заключенъ былъ постыдный миръ въ Тильзитѣ, признано владычество и преобладаніе Наполеона. Европа впала въ совершенное рабство. Благородные люди государственные, окружавшіе

Александра, извѣстные враждою къ Наполеону и приверженностью къ Англіи, должны были сойти со сцены: ихъ мѣста заняли нелѣпые Лобановы (князь Дмитрій Ивановичъ), Куракины (оба), и преимущественно образованный болванъ и простофиля Румянцовъ (Николай Петровичъ). Новосильцовъ прозябалъ года два попечителемъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа, потомъ вышелъ въ отставку и до 1812 г. жилъ въ Вѣнѣ. Достойно замѣчанія, что пробываніе въ Лондонѣ сдѣлало его умнымъ, благороднымъ человѣкомъ, другомъ людей и отечества. Въ Вѣнѣ онъ упалъ и опошлился до невозможности и, странное дѣло въ его положеніи и званіи, —началъ пить. Въ 1812 году призванъ онъ былъ опять на службу и употребленъ по дѣламъ Польскимъ, и при образованіи Польскаго Царства, оставался при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ и много содѣйствовалъ къ огорченію Поляковъ и возстановленію ихъ противъ Россіи, особенно несправедливостью и жестокостью къ молодымъ людямъ, студентамъ и другимъ, которыхъ можно-бы было образумить мѣрами кроткими и снисходительными. Куда дѣвались прежняя скромность, прежнее увлеченіе благородными и либеральными идеями! Когда напоминали объ этомъ Новосильцову, онъ смѣялся и говорилъ, что это были глупости и шалости молодыхъ лѣтъ. За то осыпанъ онъ былъ всѣми орденами, чинами, пожалованъ въ графы и т. п. Послѣ революціи Польской, онъ служилъ въ Петербургѣ, и умеръ въ 1836 г. въ званіи Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, пользуясь общимъ и заслуженнымъ презрѣніемъ. Занимая уже первую степень въ государствѣ, онъ на годовомъ праздникѣ Англійскаго Клуба плясалъ пьяный трепака предъ многочисленнымъ собраніемъ. Зрѣлище грустное и оскорбительное для друга чести и добродѣтели! Старчевскій, въ своемъ Справочномъ Лексиконѣ, помѣстилъ хвалебную о немъ статью, заключивъ ее забавнымъ примѣчаніемъ, что отличительною чертою характера Новосильцова была *неустрашимость*, то есть онъ не страшился ни голоса совѣсти и чести, ни суда потомства!

VI.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (род. 1769, ум. 1834 г.) происходилъ отъ старинной, но бѣдной фамиліи Новгородской губерніи. Одинъ изъ предковъ его былъ генераломъ въ арміи Миниха, дѣйствовавшей въ Крыму. Алексѣй Аракчеевъ, молодымъ мальчикомъ, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ митрополиту Гавріилу. Преосвященный принялъ его ласково, подарилъ ему рублевикъ и опредѣлилъ въ тогдашній Артиллерійскій и Инженерный (что нынѣ 2-ой) Кадетскій Курпусъ. Образованіе тогда было скудное; лучше всего преподавалась математика, и Аракчеевъ оказалъ въ ней большіе успѣхи, но уже въ дѣтствѣ показывалъ коварство, низость и подлость, доносилъ на товарищей и кланялся начальникамъ. За то ненавидѣли его товарищи, и самый сильный изъ нихъ, великанъ Костенецкій, больно колотилъ его. Видно въ благодарность за его уроки, Аракчеевъ потомъ перевелъ его въ гвардію. Непосредственнымъ начальникомъ его былъ корпусный офицеръ Андрей Андреевичъ Клейнмихель, женившійся на красавицѣ Аннѣ Францовнѣ Ришаръ, которую очень жаловалъ генералъ Ме-

лиссино, Директоръ Корпуса. По выпускѣ въ офицеры, Аракчеевъ оставленъ былъ въ Корпусѣ для преподаванія кадетамъ артиллеріи, дослужился въ 1790 г. до капитанскаго чина и былъ взятъ генераломъ Мелиссино въ адъютанты. Въ тоже время преподавалъ онъ математическія науки въ частныхъ домахъ, между прочимъ сыновьямъ графа Н. И. Салтыкова. Въ 1792 г. Великій Князь Павелъ Петровичъ просилъ Мелиссино найти ему хорошаго офицера для командованія батареею при его Гатчинскихъ батальонахъ, и Мелиссино рекомендовалъ Аракчеева. Капитанъ вскорѣ заслужилъ вниманіе Великаго Князя дѣятельностью по службѣ, точностью и строгимъ исполненіемъ всѣхъ приказаній, какъ бы они нелѣпы и безтолковы ни были; особенно нравилось строгое наблюденіе военной дисциплины. По вступленіи Павла на престолъ, Аракчеевъ произведенъ былъ въ полковники и въ генералъ-маіоры, получилъ орденъ Анны 1-ой степени, титулъ барона и двѣ тысячи душъ (село Грузино) въ Новгородской губерніи. Замѣчательно, что онъ служилъ въ то время не въ артиллеріи, а командовалъ Преображенскимъ полкомъ и былъ С. Петербургскимъ комендантомъ. Въ командованіи полкомъ, обязанностью его было истребить въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ духъ свободы и уваженіе къ самимъ себѣ; онъ оскорблялъ офицеровъ, а у солдатъ срывалъ усы съ частью губы. Не знаю, излишество или недостатокъ усердія не понравились Павлу; только Аракчеевъ въ 1798 г. былъ отставленъ отъ службы, но съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ томъ же году онъ опять вошелъ въ милость, былъ назначенъ командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи, возведенъ въ графское достоинство, получилъ Александровскую ленту и Мальтійскій командорскій крестъ. Въ 1799 г., за какіе-то безпорядки въ артиллерійскихъ гарнизонахъ, былъ вновь отставленъ. Говорятъ, что Павелъ, недѣли за двѣ до кончины своей, пригласилъ его пріѣхать въ Петербургъ и вновь вступить въ службу. Паленъ, узнавъ о томъ, ускорилъ исполненіемъ своего замысла, и притомъ запретилъ пускать въ городъ кого бы то ни было. Аракчеевъ прибылъ уже по кончинѣ Государя, явился къ Александру Павловичу и въ слезахъ повалился къ ногамъ его. Потомъ, очень умно и хитро, будто-бы съ откровенностью и самоотверженіемъ, далъ знать Александру, что еслибъ онъ (Аракчеевъ) былъ въ то время въ Петербургѣ, ничего бы не произошло. Все это было исполнено съ успѣхомъ. Замѣчательно, что въ первые годы царствованія Александра, Аракчеевъ стоялъ въ тѣни, давая другимъ любимцамъ *износиться*, чтобъ потомъ захватить Государя вполнѣ. Онъ особенно сталъ усиливаться съ 1807 г., когда угасли въ Александрѣ порывы молодыхъ мечтаній, когда онъ совершенно разочаровался въ людяхъ. Въ то время Аракчеевъ принесъ Россіи существенную пользу преобразованіемъ нашей артиллеріи и исполненіемъ многихъ важныхъ порученій Государя. Напримѣръ, въ Финляндской войнѣ, когда наши генералы не рѣшались пройти по льду на Аландскіе острова и на Шведскій берегъ, ѣздилъ къ нимъ Аракчеевъ и убѣдилъ ихъ исполнить волю Государеву. Въ Аракчеевѣ была дѣйствительно ложка меду и бочка дегтю. — Онъ придрался къ главнокомандующему графу Букс-

гевдену за недочетъ нѣсколькихъ пудовъ пороха и написалъ ему грубое отношеніе. На это Буксгевденъ отвѣчалъ сильнымъ письмомъ, въ которомъ представилъ разницу между главнокомандующимъ арміею, которому Государь поручаетъ судьбу государства, и ничтожнымъ царедворцемъ, хотя бы онъ и назывался военнымъ министромъ. Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Буксгевдену, но разошелся въ публикѣ, къ радости большинства ея. Аракчеевъ не зналъ или не думалъ, чтобъ это письмо было извѣстно. Однажды у себя за столомъ, говоря со мною о какомъ то историкѣ, неучтиво отзывавшемся о Румянцовѣ, сказалъ: «да знаете ли вы, что̀ такое главнокомандующій?» и повторилъ слова врага своего. Я не зналъ, куда дѣваться и боялся смотрѣть на бывшихъ при томъ. Еще достойно вниманія, что Аракчеевъ и Балашевъ видѣли необходимость удалить Александра изъ арміи въ началѣ 1812 г. и достигли цѣли, заставивъ Шишкова написать о томъ Государю. Что̀ хорошо, то хорошо. — Аракчеевъ не былъ взяточникомъ, но былъ подлецъ и пользовался всякимъ случаемъ для охраненія своего кармана. Онъ жилъ въ домѣ 2-ой артиллерійской бригады, которой онъ былъ шефомъ, на углу Литейной и Кирочной (деревянный домъ этотъ существуетъ донынѣ). — Государь сказалъ ему однажды: «Возьми этотъ домъ себѣ».—«Благодарю, Государь», отвѣчалъ онъ: «на что мнѣ онъ? Пусть остается вашимъ; на мой вѣкъ станетъ.» Безкорыстно, не правда-ли? Но истинною причиною этого безкорыстія было то, что домъ чинили, перекрашивали, топили, освѣщали на счетъ бригады, а еслибъ была на немъ доска съ надписью: «Домъ графа Аракчеева», эти расходы пали бы на хозяина.

По окончаніи войны, Александръ возъимѣлъ странную и несчастную мысль: завести военныя поселенія, для пѣхоты на сѣверѣ, для конницы на югѣ Россіи. Онъ полагалъ получать изъ этихъ округовъ и рекрутъ, съ дѣтства уже готовившихся въ военную службу, и продовольствіе, и обмундированіе, и вооруженіе ихъ съ устроенныхъ въ поселеніяхъ фабрикъ и заводовъ, а остальную часть Россіи освободить отъ рекрутства и податей на военное министерство. Здѣсь не мѣсто излагать невозможность и неисполнимость милліономъ людей производить то, что̀ добывали дотолѣ съ трудомъ и истощеніемъ пятьдесятъ милліоновъ. Скажу только объ исполненіи. Оно возложено было на Аракчеева, и онъ взялся осуществить безтолковую мечту, грезу. Нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ превращены были въ военные поселяне. Старики названы инвалидами, дѣти кантонистами, взрослые рядовыми. Вся жизнь ихъ, всѣ занятія, всѣ обычаи постановлены были на военную ногу. Женили ихъ по жеребью, какъ кому выпадетъ, учили ружью, одѣвали, кормили, клали спать по формѣ. Вмѣсто привольныхъ, хотя и невзрачныхъ, крестьянскихъ избъ, возникли красивенькіе домики, вовсе неудобные, въ которыхъ жильцы должны были ходить, сидѣть, лежать по установленной формѣ. На примѣръ: «На окошкѣ № 4 полагается занавѣсь, задергиваемая на то время, когда дѣти женскаго пола будутъ одѣваться». Эти учрежденія возбудили общій ропотъ, общія проклятія. Но желѣзная рука Аракчеева, Клейнмихель, сдерживалъ осчастливленныхъ, по мнѣ-

нію Импер. Александра *) крестьянъ въ страхѣ и повиновеніи. Въ южныхъ колоніяхъ казацкая кровь не вытерпѣла. Вспыхнуло возстаніе. Оно было потушено кровью и жизнью людей, выведенныхъ изъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія, генералъ-маіоромъ Саловымъ, поступавшимъ притомъ съ величайшимъ безчеловѣчіемъ. Аракчеевъ безсовѣстно обманывалъ Императора, потворствуя его прихоти, увѣрялъ его въ благоденствіи и довольствѣ солдатъ, а вспышку приписывалъ вліянію людей злонамѣренныхъ и иностранныхъ эмисаровъ. До какой степени простиралось въ этомъ его безстыдство, онъ доказалъ отчетомъ, поданнымъ имъ Николаю Павловичу, по вступленіи его на престолъ и обнародованнымъ въ газетахъ.

Аракчеевъ взялъ къ себѣ Настасью осенью 1798 г., но вскорѣ потомъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Хомутовою, благовоспитанною и нѣжною. Чрезъ нѣсколько недѣль брака, жена увидѣла, къ какому гнусному уроду ее приковали: онъ не понималъ благородства и нѣжности чувствъ, не любилъ, не уважалъ ея, и они вскорѣ разошлись. Настасья осталась его хозяйкою и тайною совѣтницею. Между тѣмъ имѣлъ онъ и фаворитку изъ высшаго класса, жену бывшаго оберъ-секретаря Синода, Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своею властью надъ дикобразомъ, была посредницею между нимъ и просителями. Въ одной изъ тогдашнихъ сатиръ, въ исчисленіи блаженствъ, сказано было:

*) Немногимъ извѣстно, что первоначально Аракчеевъ былъ противникомъ учрежденія военныхъ поселеній и доказывалъ Государю вредъ ихъ. *П. Б.*

«Блаженъ..... чрезъ Пукалову кто протекцьи не искалъ». Тиранъ Сибири, Пестель жилъ въ одномъ домѣ съ Пукаловою и чрезъ нее дѣйствовалъ на друга ея сердца.

Въ началѣ связи Аракчеева съ Настасьею, родился у нея сынъ Михаилъ. Въ дѣтствѣ былъ онъ хорошенькій и умный мальчикъ. Аракч. воображалъ что изъ него выйдетъ великій человѣкъ и старался дать ему хорошее воспитаніе. Онъ отдалъ его (въ 1809 г.) въ Петровскую Школу и именно пенсіонеромъ ко мнѣ. По этому случаю познакомился я съ Аракчеевымъ и бывалъ у него. Медленное, методическое преподаваніе наукъ въ Нѣмецкой школѣ не понравилось нѣжному родителю. Не принимая въ уваженіе того, что Мишка его плохо зналъ первыя правила ариѳметики, онъ требовалъ, чтобъ его учили геометріи, и когда это оказалось невозможнымъ, взялъ его изъ училища, отдалъ въ какой-то пенсіонъ, а потомъ помѣстилъ въ Пажескій Корпусъ. Отдавая въ школу, онъ назвалъ его: Михайла Ивановъ Лукинъ, купеческій сынъ; потомъ далъ ему фамилію Шумскій. Мальчикъ этотъ былъ выпущенъ въ гвардію, и поступилъ во флигель-адъютаны, которыхъ число тогда было очень ограничено. Между тѣмъ онъ сдѣлался совершеннымъ негодяемъ и горькимъ пьяницею. Послѣ катастрофы, сгубившей почтенныхъ родителей, достойный ихъ сынъ переведенъ былъ въ армію, и тамъ спился совершенно. Потомъ пошелъ онъ въ монахи и умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ *).

Аракчеевъ похоронилъ Настасью подлѣ того мѣста, гдѣ приготовилъ

*) Нынѣ читателямъ извѣстно, что Настасья обманула Аракчеева, и что Шумскій не былъ ихъ сыномъ. *П. Б.*

могилу для себя, и вырѣзалъ на гробѣ ея слѣдующую надпись:

Здѣсь погребенъ двадцати-семилѣтній
другъ Анастасія,
Убіенная села Грузина дворовыми
людьми. Убіенна
За нелицемѣрную и христіанскую ея
къ Графу любовь.

По смерти Настасьи, Аракчеевъ разсмотрѣлъ ея переписку съ разными особами и нашелъ вѣрныя свидѣтельства ея плутней и взяточничества. Онъ отправилъ найденные въ наличности подарки къ тѣмъ особамъ, отъ которыхъ они были получены и, какъ я слышалъ, велѣлъ перенесть трупъ Настасьи на обыкновенное кладбище.

По увольненіи отъ службы, Аракчеевъ вздумалъ отправиться въ чужіе краи, гдѣ не задолго до того былъ принимаемъ съ уваженіемъ, какъ довѣренный человѣкъ Александра. Времена перемѣнились: его принимали менѣе нежели равнодушно. Желая напомнить о своемъ прежнемъ величіи, онъ напечаталъ въ Берлинѣ переводъ (Французскій) писемъ къ нему Императора Александра. Этотъ поступокъ усилилъ справедливое къ нему негодованіе Николая и окончательно прекратилъ его поприще. Когда онъ въѣзжалъ во Францію, таможня отобрала у него серебряныя вещи, предлагая возвратить ему при обратномъ выѣздѣ его изъ Франціи, или изломать ихъ и отдать ему. Онъ избралъ послѣднее, но когда таможенный служитель сталъ разбивать серебряный чайникъ, Аракчеевъ пришелъ въ бѣшенство, бросился на него и схватилъ за воротъ. Сопровождавшіе его, съ трудомъ уладили дѣло. Не находя отрады и развлеченія за границею, воротился онъ въ Россію и прожилъ до конца своей жизни въ Грузинѣ. Онъ все еще считался на службѣ, но не подавалъ никакого знака жизни. Всѣ его оставили. Созданіе его Клейнмихель, сдѣлался первымъ его врагомъ и не называлъ его иначе, какъ злодѣемъ. Когда въ 1831 г. вспыхнулъ бунтъ въ поселенныхъ войскахъ, онъ испугался и пріѣхалъ изъ Грузина въ Новгородъ. Не знаю, кто именно былъ тогда Новгородскимъ губернаторомъ (помнится, нѣкто Демпферъ). Онъ приказалъ объявить графу, что онъ, присутствіемъ своимъ въ Новѣгородѣ, мутитъ народъ и велѣлъ ему выѣхать обратно въ Грузино. Въ это время, пріѣхалъ въ Новгородъ, по повелѣнію Государя, гр. А. Ѳ. Орловъ. Узнавъ о поступкѣ губернатора, онъ призвалъ его къ себѣ, спросилъ, по какому праву онъ выгоняетъ Аракчеева, когда не смѣетъ безъ позволенія выслать изъ города и отставнаго солдата, надѣлъ Александровскую ленту и поѣхалъ къ падшему вельможѣ. Аракчеевъ былъ приведенъ въ восхищеніе этимъ вниманіемъ. «Ваше посѣщеніе, графъ», сказалъ онъ Орлову, «было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я никогда не видалъ васъ у себя въ передней.... Нынѣшнія происшествія огорчительны. Жалѣю только, что нѣтъ здѣсь Петра Андреевича (Клейнмихеля): онъ могъ бы насладиться зрѣлищемъ и плодомъ своихъ усердныхъ трудовъ!» —Аракчеевъ, въ уединеніи своемъ, принималъ посѣщенія сосѣднихъ помѣщицъ и каждую увѣрялъ, что сдѣлаетъ своею наслѣдницею. И въ этомъ отчужденіи, и въ этомъ униженіи противъ прежней высоты, ему умереть не хотѣлось. Послѣднія слова его были: проклятая смерть! Онъ умеръ въ Апрѣлѣ 1834 г., и извѣстіе о томъ при-

шло въ Петербургъ наканунѣ присяги Государя Наслѣдника Александра Николаевича, по наступленіи Его совершеннолѣтія. Для распоряженій о погребеніи его и о прочемъ, посланъ былъ въ Грузино Клейнмихель. Я былъ въ придворной церкви у обѣдни и при присягѣ Цесаревича. Любопытно было видѣть и слышать чистосердечные отзывы объ Аракчеевѣ людей, знавшихъ его коротко. Всѣхъ откровеннѣе и умнѣе говорилъ бывшій при немъ долго Василій Романовичъ Марченко, ненавидѣвшій и презиравшій его всѣми силами свой души. Нѣкоторые изъ бывшихъ его клевретовъ обрадовались его смерти она ихъ увѣрила, что онъ не воротится. Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, бывшій командиръ полка графа Аракчеева, узнавъ, въ церкви, о кончинѣ его, сказалъ перекрестясь: «Царство ему небесное! себя успокоилъ и всѣхъ успокоилъ».

Произнося такой строгій судъ надъ Аракчеевымъ, винимъ не столько его, сколько Александра, который, наскучивъ угодливостью и царедворствомъ людей образованныхъ и умныхъ, бросился въ объятія этого нравственнаго урода. Аракчеевъ былъ тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Должно отдать ему справедливость: онъ, какъ сказалъ я выше, преобразовалъ (1809 г.) къ лучшему нашу артиллерію и прилежно работалъ въ должности военнаго министра, до назначенія въ это званіе благороднаго и добродѣтельнаго Барклая. Еще спасибо ему за то, что онъ обратилъ вниманіе Александра на Канкрина; но онъ сдѣлалъ это не потому, чтобы постигалъ достоинства этого необыкновеннаго человѣка, а только *въ пику* врагу своему Гурьеву. Не случись подъ рукою Канкрина, онъ рекомендовалъ бы Андрея Ивановича Абакумова.—Ничто такъ не характеризуетъ подлости духа графа Аракчеева, какъ отмѣтка въ положеніи, которымъ прибавлялось жалованье артиллерійскимъ офицерамъ: «Ротнымъ командирамъ прибавки не полагается, потому что они пользуются доходами отъ ротъ». — Конфирмуя это положеніе, Государь не видалъ, что этимъ офиціально признаютъ и допускаютъ воровство.

Существованіе тѣсной связи Александра съ Аракчеевымъ, въ бытность его Наслѣдникомъ Престола, извѣстно мнѣ по одному неважному обстоятельству. Аракчеевъ, получивъ какую-то должность, помнится С. Петербурскаго коменданта, и чувствуя свою неграмотность, вытребовалъ себѣ въ писцы лучшаго студента Московскаго университета, обѣщая сдѣлать его счастіе. Къ нему присланъ былъ Петръ Николаевичъ Шараповъ (бывшій потомъ учителемъ въ Коммерческомъ Училищѣ), человѣкъ не глупый, кроткій, трудолюбивый и свѣдущій. Аракчеевъ обременялъ его работою, обижалъ, обходился съ нимъ какъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ. Исключенный изъ службы по капризу Павла, онъ почувствовалъ сожалѣніе къ честному труженику и поручилъ его покровительству Александра, сказавъ: «Наслѣдникъ мнѣ другъ и тебя не оставитъ.» — Дѣйствительно Шараповъ получилъ хорошее мѣсто; въ послѣдствіи сгубила его чарочка.— Аракчеевъ, замѣтивъ въ бумагахъ какого либо высшаго чиновника толкъ и хорошій слогъ, освѣдомлялся, кто его секретарь, переводилъ его къ себѣ, обѣщалъ многое, сначала хвалилъ и ласкалъ, а потомъ начиналъ оказывать ему холодность и презрѣніе. Такъ приблизилъ онъ къ себѣ почтеннаго и достойнаго

Василья Романовича Марченка и въ послѣдствіи сдѣлалъ его своимъ злѣйшимъ врагомъ. Потомъ вытащилъ онъ изъ провинціи простаго, неученаго, но умнаго и дѣльнаго Сырнева. По окончаніи ревизіи Сибири, выпросилъ у Сперанскаго Батенкова, посадилъ въ Совѣтъ Военныхъ Поселеній и потомъ до того насолилъ ему, что Батенковъ пошелъ въ заговоръ Рылѣева. Между тѣмъ Аракчеевъ хорошо умѣлъ отличать подлецовъ и льстецовъ. Такимъ образомъ втерся къ нему бывшій потомъ генералъ провіантмейстеромъ въ Варшавѣ, Василій Васильевичъ П—ъ, человѣкъ необразованный, но не глупый, смѣтливый, честолюбивый. Онъ началъ свою карьеру въ Министерствѣ Юстиціи, женился на отставной любовницѣ графа Шереметева, сдѣлалъ себѣ тѣмъ состояніе и пошелъ въ люди. Что лучше, думалъ онъ, какъ служить у Аракчеева? Втерся къ нему, работалъ неутомимо, кормилъ и поилъ Батенкова, чтобъ пользоваться его умомъ, льстилъ графу, соглашался на всѣ гнуснѣйшія его мѣры и, по видимому, обратилъ на себя милостивое его вниманіе. Однажды, когда онъ докладывалъ, графа вызвали въ другую комнату. П-ъ воспользовался этою минутою, и заглянулъ въ лежавшіе на столѣ формулярные списки, въ которыхъ Аракчеевъ вписывалъ свои аттестаціи для поднесенія Государю. Противъ своего имени прочиталъ онъ: «глупъ, подлъ и лѣнивъ.» И П-нъ разсказывалъ это всѣмъ, жалуясь на несправедливость и неблагодарность!

VII.

Въ молодости моей, въ 1808 и 1809 г., давалъ я уроки Русскаго языка Саксонскому посланнику графу Эйнзиделю, прекратившіеся переводомъ его въ Парижъ. По заключеніи мира, онъ опять присланъ былъ къ нашему Двору. На одномъ публичномъ спектаклѣ, въ 1816 году, на которомъ присутствовали Императорская Фамилія и весь Дворъ, очутился я въ креслахъ подлѣ моего бывшаго ученика и разговорился съ нимъ. «Не дивитесь ли вы перемѣнамъ, которыя произошли въ ваше отсутствіе?» спросилъ я. «Кто бы подумалъ, что эти господа такъ скоро выскочатъ! Вотъ Волконскій, вотъ Чернышевъ, бывшій тогда поручикомъ, вотъ Нессельродъ.»—«Объ этомъ не говорите, «возразилъ графъ: «я имѣлъ о немъ вѣрное предсказаніе. Однажды, обѣдая въ Парижѣ у вашего посла, князя Куракина, я очутился послѣ Талейрана. Куракинъ вралъ безъ милосердія. «Не трудно, князь,» сказалъ я Талейрану, «сладить съ такими дипломатами, какъ эти Русскіе.» - «Правда ваша», сказалъ онъ: «Куракинъ очень не далекъ, но вотъ этотъ маленькій Нѣмецъ (указывая на сидѣвшаго противъ него Нессельрода), пойдетъ далеко.» Нессельродъ былъ особенно указанъ Государю барономъ Штейномъ, въ началѣ 1812 г., когда безтолковость и недальновидность графа Румянцова всѣхъ приводили въ отчаяніе,—и предсказаніе Талейрана сбылось вполнѣ.

VIII.

Сообщу любопытную черту о расположеніи Александра къ его свояку, королю Шведскому Густаву IV. Въ 1801 г. генералъ-квартермистромъ при Государѣ былъ почтенный и достойный генералъ (въ послѣдствіи графъ) Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, человѣкъ весьма умный, учтивый, кроткій въ обращеніи, но тѣмъ

не менѣе настойчивый въ своихъ убѣжденіяхъ. Не знаю, кто изъ приближенныхъ къ Государю, Ливенъ, Волконскій что ли, сдѣлалъ ему непріятность, и вѣроятно не маловажную, потому, что Сухтеленъ пожаловался Государю. Александръ старался успокоить его, просилъ забыть оскорбленіе, можетъ быть, неумышленно нанесенное, и прибавилъ: «Il faut avoir un peu de philosophie.»*) Сухтеленъ не былъ доволенъ отвѣтомъ, но замолчалъ. Дня чрезъ два послѣ того, было у Государя собраніе генераловъ для обсужденія разныхъ стратегическихъ вопросовъ, впрочемъ въ одной теоріи, ибо о войнѣ тогда не помышляли. Стали говорить, какія границы были бы всего выгоднѣе для Россіи. «Что̀ вы думаете объ этомъ, Сухтеленъ?» спросилъ Императоръ. Сухтеленъ всталъ, не говоря ни слова, взялъ со стола линейку и на картѣ Россіи, висѣвшей предъ собраніемъ, провелъ черту по рѣкѣ Торнео. «Полно, полно, сказалъ Государь: «эта граница намъ недоступна. Что скажетъ своякъ мой король Шведскій?» — «Sire», отвѣчалъ Сухтеленъ: «il faut avoir un peu de philosophie». Присутствующіе не поняли всего значенія этихъ словъ. Александръ закусилъ губы, но такъ какъ колкость этого возраженія извѣстна была ему одному, не сердился на Сухтелена.

IX.

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, не знаю какимъ образомъ, сдѣлался довѣреннымъ лицемъ Александра. Онъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ сперва въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и назначенъ былъ Министромъ Полиціи, при учрежденіи этого министерства въ 1809 году, въ подражаніе Наполеону. Онъ окружилъ себя людьми не великаго достоинства. Въ числѣ нихъ былъ Лавровъ, человѣкъ не глупый, въ дѣлахъ опытный, но грубый и суровый: онъ ввелъ сѣченіе въ число полицейскихъ средствъ надъ людьми, изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія. Балашовъ спросилъ его однажды, каковъ экзекуторъ въ исполнительномъ Департаментѣ: «Золотой человѣкъ!» отвѣчалъ Лавровъ: «приведутъ арестанта, онъ разомъ закричитъ: штаны долой, и ложись на скамью.» Лавровъ былъ въ послѣдствіи сенаторомъ и не изъ худыхъ.—Начальникомъ Особенной Канцеляріи, что̀ нынѣ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Е. И. В. былъ хвастунъ, негодяй С., побочный сынъ какого-то Голицына, рожденный въ Ревелѣ, носившій Французское имя, и притомъ—православный! Нахватавшись разныхъ поверхностныхъ знаній, не умѣя порядочно писать ни на какомъ языкѣ, онъ имѣлъ искусство ошаломить, озадачить кого угодно своею смѣлостью и самонадѣянностью. Онъ взялся устроить высшую тайную полицію, набралъ шпіоновъ, завелъ доносы, морочилъ Балашова разными навѣтами и выдумками и нѣкоторое время умѣлъ пускать пыль въ глаза, до того, что иногда ѣздилъ съ докладами прямо къ Государю. Александръ не довѣрялъ никому, даже своему министру полиціи, и С. служилъ ему соглядатаемъ. Вечеромъ и ночью посылалъ за нимъ по секрету и спрашивалъ, что̀ дѣлается въ Министерствѣ. Triste sort des rois! *) С. разумѣется выдавалъ своего начальника головою. Но такая служба не можетъ быть

*) Надо быть нѣсколько философомъ.

*) Печальная участь Государей!

продолжительною. Александръ вскорѣ разгадалъ С-а, и удалилъ его съ кровавою обидою. Балашовъ, узнавъ о продѣлкахъ С-а въ Вильнѣ (въ Маѣ 1812 г.), открылъ газа Царю. С-ъ, увидѣвъ, что наступилъ его послѣдній часъ, просилъ увольненія отъ должности. Его опредѣлили въ главную квартиру Барклая, по особымъ порученіямъ, но не употребляли. Кутузовъ, прибывъ въ армію, выгналъ его. Получивъ въ 1816 году пенсіонъ въ 400 р. ассигн., онъ поселился въ подмосковной деревнѣ и прожилъ долго.— Балашовъ самъ, сдавъ управленіе Министерствомъ Полиціи Вязмитинову, остался въ свитѣ Государя и былъ употребляемъ по дипломатической части. Въ 1812 г. велъ онъ послѣдніе переговоры съ Наполеономъ. Извѣстенъ отвѣтъ его на вопросъ: какой путь ведетъ на Москву? — Есть и чрезъ Полтаву. — По окончаніи войны, былъ онъ нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, потомъ плохимъ генералъ-губернаторомъ Орловскимъ, Тамбовскимъ и Рязанскимъ. Умеръ въ безвѣстности. Какъ частный человѣкъ, можетъ быть онъ имѣлъ и достоинства. Онъ былъ, напримѣръ, пріятелемъ Карамзина, но въ отношеніи государственномъ онъ былъ болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Непростительная ссылка Сперанскаго была отчасти его дѣломъ.

X.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (род. 8-го Дек. 1773 г. † 22-го Ноября 1844 г.) былъ человѣкъ добраго сердца, одаренный большимъ придворнымъ тактомъ и знаніемъ чего не должно говорить, но умъ и разсудокъ его были весьма тѣсные. Есть преданіе, что каммеръ-юнкеръ Дм. А. Гурьевъ (въ послѣдствіи министръ финансовъ) и онъ, были высланы Императоромъ Павломъ изъ города за ихъ недалекость. Голицынъ набрался незрѣлыхъ духовныхъ идей, вѣроятно, въ то время, когда былъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ. Со временемъ онѣ перешли въ мистицизмъ и въ ученіе Англійскихъ методистовъ. И этотъ человѣкъ былъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ! Его обстали невѣжды, фанатики и негодяи, и этотъ добрый, почтенный человѣкъ, сдѣлался орудіемъ гоненій, преслѣдованій, почти злодѣяній. Люди ученые, умные, благородные (напримѣръ Александръ Петровичъ Куницынъ) сдѣлались жертвами козней адскаго союза, который окружалъ его. Главнымъ противникомъ его былъ Аракчеевъ. Князь оказывалъ къ нему презрѣніе, и даже никогда не кланялся....—Князь Голицынъ дѣлалъ много добра бѣднымъ и страждущимъ и щедро награждалъ своихъ подчиненныхъ, къ сожалѣнію, очень часто негодяевъ. На почтѣ принимали гривенныя письма чиновники съ звѣздою Станислава. Любопытное зрѣлище представляетъ человѣкъ слабохарактерный, управляемый обстоятельствами. Съ одной стороны въ Министерствѣ Просвѣщенія и по почтовому вѣдомству окружали его ханжи и плуты; съ другой стороны, директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ министерскаго дома и, надъ кабинетомъ гонителя наукъ и просвѣщенія, сочинялась либеральная конституція. И въ то время, когда составлялись ковы противу Царя, участники въ нихъ, великодушные либералы, позволяли преслѣдовать людей, подозрѣваемыхъ въ свободомысліи и,

скажемъ болѣе, еще указывали на нихъ, чтобы отвести отъ себя взоры тайной полиціи....

Впрочемъ о такихъ людяхъ можно сказать тоже, что̀ Крыловъ говорилъ объ иностранныхъ воспитателяхъ: «И лучшая змѣя по мнѣ ни къ чорту не годится.» — Сообщаю для характеристики князя Голицына истинное происшествіе, которое касалось меня очень близко. Въ 1820 г. Жуковскій принесъ ко мнѣ Русскій переводъ одной сказочки Перро, переведенной съ Французскаго ученицею его Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною, и просилъ, чтобъ я напечаталъ ее въ своей типографіи въ числѣ десяти экземпляровъ, но съ тѣмъ, что эта книжка не была въ обыкновенной цензурѣ; онъ говорилъ объ этомъ князю Голицыну, и князь, изъявивъ свое согласіе, обѣщалъ извѣстить меня офиціально о напечатаніи ея безъ обыкновенныхъ формальностей. Великая Княгиня хотѣла по этой книжкѣ учить читать Своего Сына. Нѣтъ извѣщенія отъ Голицына. Жуковскій пишетъ изъ Павловска, что Великая Княгиня ждетъ оттисковъ. Что̀ тутъ дѣлать? Я повезъ рукопись къ цензору Тимковскому, и онъ подписалъ ее. Вслѣдъ за этимъ послалъ я экземпляры къ Жуковскому.—Вдругъ поднялась буря. Голицынъ, *забывъ* (?) объ обѣщаніи данномъ Жуковскому, написалъ къ военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, что въ типографіи Греча напечатана книга, недозволенная цензурою, и просилъ поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи законовъ. Графъ потребовалъ у меня объясненія. Я представилъ рукопись, одобренную Тимковскимъ за двѣ недѣли предъ тѣмъ, и сказалъ, что одобреніе не выставлено на заглавномъ листкѣ по ошибкѣ фактора типографіи. Дѣло тѣмъ и кончилось. Хорошо было, что я не положился на словесное позволеніе министра: было бы много хлопотъ. Добрый Жуковскій очень сожалѣлъ о непріятности, сдѣланной мнѣ, и говорилъ мнѣ, что выговаривалъ князю, а тотъ извинился, что запросъ (имъ подписанный) былъ составленъ, безъ его вѣдома, въ его канцеляріи. По доносамъ и наговорамъ Магницкаго, я былъ предметомъ гоненія Министерства Просвѣщенія, а потомъ преданъ былъ суду съ его же чиновниками! (*См. дѣло о Госнерѣ* [1]).

XI.

Разскажу анекдотъ, слышанный мною отъ очевидца (Ѳ. И. Ласковкаго). Въ началѣ 1809 г., въ пребываніе здѣсь Прусскаго короля и королевы, всѣ знатнѣйшія государственныя и придворныя особы давали великолѣпные балы въ честь знаменитыхъ гостей. А. Л. Нарышкинъ сказалъ притомъ о своемъ балѣ. «J' ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait [2]). «Въ числѣ первыхъ лицъ двора былъ графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, тогдашняго нашего союзника, удалявшійся отъ всякаго соприкосновенія съ Коленкуромъ. На балѣ у Нарышкина Александръ сказалъ старику: «Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь!» Графъ безмолвно поклонился. Это значило: пригласить и Коленкура. Графъ исполнилъ приказаніе. Но вотъ что случилось. Наканунѣ

---

[1]) Въ Р. Архивѣ 1868, стр. 403.

[2]) Я сдѣлалъ то что̀ было моимъ долгомъ, но я и сдѣлалъ все это въ долгъ.

бала пріѣзжаетъ къ нему чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и привозитъ записку Коленкура къ графу Румянцеву съ жалобою, что онъ не приглашенъ на завтрашній вечеръ къ Строганову. — Посылаютъ за секретаремъ графскимъ, Ласковскимъ. «Какъ не приглашенъ!» сказалъ Ласковскій чиновнику: «его имя стоитъ первое въ спискѣ. Ваши же (министерскіе) курьеры развозили билеты». Призвать курьеровъ. Явились. «Развезли ли билеты по адресамъ?» — «Развезли, только одного не нашли.» — «А кого?» — «Дюка де Викансa». Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ посла не дошелъ еще до свѣдѣнія экзекутора въ министерствѣ. Ласковскій отправился съ чиновникомъ къ Коленкуру и объяснилъ причину ошибки. Великолѣпный балъ кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные стола для вѣрноподданныхъ и прочихъ. Предъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Коленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью: сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ. Входятъ гости. Александръ въ первой парѣ велъ Королеву, взглянулъ, увидѣлъ Коленкура, догадался и сказалъ Королевѣ: «Сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми». Королева стала смѣючись возражать. Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль Государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми, и особенно съ Коленкуромъ, который жестоко поплатился за свою наглость. Вспомнилъ ли онъ объ этомъ вечерѣ, когда онъ, утромъ 19 Марта 1814 г., съ порученіями Наполеона, подъѣхалъ верхомъ къ воротамъ замка Пантенъ, изъ котораго Александръ готовился вступить въ Парижъ? У воротъ Русскій часовой закричалъ: «Слѣзай съ лошади!» И онъ сошелъ съ коня и, снявъ шляпу, потупивъ голову, прошелъ съ выраженіемъ битаго Французскаго парикмахера, между рядами нашихъ офицеровъ, которыхъ бывало возмущалъ своимъ высокомѣріемъ и наглостью. Такимъ образомъ вскорѣ пройдутъ и Морни, и Валевскій, и всѣ эти подлые рабы Корсиканскихъ звѣрей. (Написано 16-го Іюля 1858 г.).

XII.

Самое неудачное изъ нашихъ министерствъ было именно Министерство Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ, можетъ быть, это такъ кажется мнѣ потому, что я слѣдилъ за нимъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ нежели за другими, и имѣлъ съ нимъ болѣе сношеній. Оно учреждено было благою мыслію Александра Павловича въ 1802 году. Министромъ назначенъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, человѣкъ большаго ума, обогащеннный познаніями тогдашняго времени, но притомъ лѣнивый и чувственный Онъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать, еслибъ не придано было ему въ помощь Главное Правленіе Училищъ, въ которомъ засѣдали М. Н. Муравьевъ (товарищъ министра, попечитель Московскаго Учебнаго Округа), Н. Н. Новосильцевъ (попечи-

тель С. Петербургскій), князь Чарторыжскій (попечитель Виленскій), графъ П. А. Строгоновъ, Клингеръ (попечитель Дерптскій), и. т. д. Они образовали это министерство, они учредили новыя ученыя и учебныя заведенія и возобновили старыя, составили благородный цензурный уставъ и т. п. Но это было непродолжительно. Политическія дѣла разстроили этотъ благородный союзъ и произвели въ умѣ и сердцѣ Александра остуду къ предмету, за который онъ взялся было съ жаромъ пламеннаго юноши. По смерти Муравьева, занялъ его мѣсто графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, человѣкъ умный и образованный, но большой баринъ и лѣнивецъ, любитель одной науки—ботаники, при которой онъ допускалъ необходимость Латинскаго языка. Въ послѣдствіи, сдѣлавшись министромъ просвѣщенія, онъ поручалъ всѣ дѣла директору своей канцеляріи, Ивану Ивановичу Мартынову *). Уваровъ, женившійся на его дочери, сдѣланъ былъ попечителемъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа. О немъ скажу въ послѣдствіи. Въ 1816 году графъ Разумовскій былъ смѣненъ въ Министерствѣ Просвѣщенія княземъ А. Н. Голицынымъ. Разумовскому подсидѣлъ директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. Онъ пользовался милостью Александра. Въ 1816 г., по прибытіи Александра въ Царское Село, онъ будто невзначай попался ему на встрѣчу въ саду, и на вопросъ Государя, что̀ онъ дѣлаетъ, каково идетъ Лицей, отвѣчалъ, что огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ знать за что. Энгельгардтъ отвѣчалъ: «Въ Декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ, и не получилъ никакого отвѣта. Въ Январѣ повторилъ представленіе. И тутъ отвѣта не было. Въ Мартѣ третье представленіе, и новый отказъ. Вотъ наступилъ Май, и я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ Октябрѣ наконецъ получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе предъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній».—Чрезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ. И Энгельгардтъ просидѣлъ на мѣстѣ не долго. Его уходили святоши. Потомъ онъ вошелъ въ милость къ Канкрину и сдѣланъ былъ предсѣдателемъ редакціи Земледѣльческой Газеты.

Работу по изданію этой газеты всю отправлялъ Ст. Мих. Усовъ. Потомъ З—й прибралъ въ руки Земледѣльческую Газету. Усова уволили безъ всего, а Энгельгардту дали полный пенсіонъ.

Зная въ князѣ Голицынѣ человѣка кроткаго, добраго, благонамѣреннаго, многіе надѣялись отъ него всякихъ благъ.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Тогдашнія происшествія въ Европѣ, неудовольствіе Германіи на исходъ

*) Бывши попечителемъ, онъ ненавидѣлъ Мартынова и говорилъ, что желаетъ быть министромъ единственно для того, чтобъ выгнать этого негоднаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ Мартыновъ сдѣлался у него сильнѣе, нежели былъ у Заводовскаго. Когда спросили графа, почему онъ не держитъ даннаго слова, онъ отвѣчалъ: „Вы не повѣрите, какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя, и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги“. А дѣла? А польза службы? А просвѣщеніе? А Россія? Кто-же станетъ заботиться о такихъ пустякахъ!

Вѣнскаго Конгресса, обманувшаго надежды Нѣмцевъ пожертвовавшихъ всѣмъ для сверженія иноземнаго ига, въ ожиданіи лучшей будущности; волненія въ университетахъ, умерщвленіе Коцебу студентомъ Зандомъ,—все это заставляло призадумываться и искать средствъ къ успокоенію умовъ и къ прекращенію безпорядковъ. Вздумали водворять религію распространеніемъ Библіи и сочиненій Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Вошелъ въ моду Лабзинъ. Поповъ, Магницкій, Руничъ, Кавелинъ и имъ подобные люди завладѣли Голицынымъ и его министерствомъ. Главную роль игралъ при томъ Магницкій. Ему отданъ былъ на съѣденіе Казанскій университетъ. Пріѣхавъ туда и взглянувъ на профессоровъ, онъ тотчасъ отличилъ низкихъ отъ порядочныхъ людей: первыхъ приближалъ къ себѣ, возвышалъ, представлялъ къ наградамъ; другихъ преслѣдовалъ, обижалъ и выгонялъ. И въ этомъ поступалъ онъ, какъ кровожадные члены Комитета Общественнаго Блага (du salut public) во Франціи. Является къ нему профессоръ, толкуетъ съ нимъ, сообщаетъ свои мнѣнія, можетъ быть, приноситъ жалобы. Магницкій слушаетъ его внимательно и благосклонно. По окончаніи рѣчи, говоритъ: «Я имѣю до васъ просьбу, и надѣюсь, что вы ее исполните». Профессоръ кланяется. «Вотъ листъ гербовой бумаги, потрудитесь написать прошеніе объ увольненіи васъ отъ службы, и будьте увѣрены, что оно вскорѣ будетъ исполнено». Студентовъ заставлялъ онъ ходить въ церковь какъ можно чаще, и инспектору и профессорамъ предписано было присматривать, кто изъ нихъ молится съ бо̀льшимъ усердіемъ и, по гримасамъ ихъ, повышать и награждать. Ханжество, лицемѣріе, а съ тѣмъ вмѣстѣ развратъ и нечестіе дошли тамъ до высшей степени. Особенно отличался профессоръ П—инъ, поступившій туда изъ плохихъ учителей С. Петербургской гимназіи. Когда іезуитскій уставъ Казанскаго университета былъ введенъ въ Петербургѣ, ректоръ университета Казанскаго Никольскій поздравилъ Петербургскую обитель благочестія и просвѣщенія отношеніемъ, составленнымъ трудами благочестиваго Пальмина.

Эта бумага сдѣлалась извѣстною и возбудила общій смѣхъ. Магницкій видѣлъ, что его кліенты пошли слишкомъ далеко, и обратилъ свой гнѣвъ на Пальмина. Это же обстоятельство подало Магницкому средство или, лучше сказать, предлогъ растрогнуть связь свою съ Голицынымъ и передаться Аракчееву.

Руничъ былъ ревнителемъ, поклонникомъ, подражателемъ и карикатурою Магницкаго. Тотъ былъ хитеръ и разсчетливъ, насмѣхался надъ всѣмъ въ свѣтѣ, дурачилъ кого могъ, и пользовался слабостями и глупостью людей. Фанатизмъ Рунича былъ не естественный, а прививной: попадись онъ въ руки Рылѣева, онъ былъ бы повѣшенъ вмѣстѣ съ нимъ. Подражая во всемъ Магницкому, восхищаясь его Робеспіеровскими подвигами въ Казани, Руничъ хотѣлъ повторить тоже съ бо̀льшимъ блескомъ и громомъ въ Петербургѣ. Помощникомъ ему былъ профессоръ Т., переведенный въ университетъ изъ Петербургской семинаріи: онъ училъ грамотѣ дѣвицъ Перовскихъ, дочерей Марьи Михайловны, бывшей потомъ генеральшей Денисьевою. Т—евъ пріобрѣлъ тетрадки студентовъ. Это мнѣ извѣстно въ точности. Братъ Бориса Карловича Данзаса, Генрихъ, умершій въ молодыхъ

лѣтахъ, лежалъ больной неопасною болѣзнію въ лазаретѣ, и слышалъ, какъ Т. подговаривалъ студентовъ выдать ему тетрадки ихъ товарищей. На возраженія ихъ онъ отвѣчалъ: «Что ихъ щадить, этихъ проклятыхъ Нѣмцевъ: всѣхъ ихъ надо выгнать. Отъ нихъ житья нѣтъ!» На жертву избраны были профессоры Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и Галичъ. Германъ, ученикъ знаменитаго Шлёцера въ Геттингенѣ, былъ человѣкъ умный и ученый, но тяжелый, лѣнивый и довольно легкомысленный. Онъ преподавалъ въ университетѣ Всеобщую Статистику умно и дѣльно, но поверхностно. Гораздо интереснѣе и важнѣе были частныя лекціи его въ обществѣ молодыхъ офицеровъ и другихъ любителей наукъ. По минованіи бури, онъ поступихъ инспекторомъ класовъ въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ, и пользовался до конца жизни своей милостямя Императрицы Маріи Θеодоровны. Онъ издалъ нѣсколько книгъ о Статистикѣ на Русскомъ и на Нѣмецкомъ языкѣ, не отличающихся внутреннимъ достоинствомъ и написанныхъ поверхностно; но былъ человѣкъ честный и добрый и никогда не замышлялъ ничего дурнаго: это требуетъ напряженія и труда, а онъ любилъ нѣгу и лѣнь. Умеръ въ 1838 году. — Эрнестъ Раупахъ, въ послѣдствіи извѣстный драматическій писатель, былъ гувернеромъ дѣтей князя П. М. Волконскаго и, по протекціи Уварова, поступилъ въ университетъ сперва профессоромъ Нѣмецкой литературы, а потомъ Всеобщей Исторіи. Онъ былъ протестантъ и поэтъ, слѣдственно преподавалъ свой предметъ свободно и не стѣсняясь узкими взглядами суевѣровъ. Можетъ быть, онъ былъ и неосторо-женъ, но никакъ не былъ ни революціонеромъ, ни безбожникомъ. Лекціи его были тѣмъ безвреднѣе, что онъ преподавалъ на Нѣмецкомъ языкѣ, котораго девять десятыхъ студентовъ не понимали, а остальные были протестанты. Полагаю, что онъ навлекъ на себя негодованіе начальства тѣмъ, что понималъ и презиралъ тогдашнихъ своихъ командировъ. — Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, ученикъ Германа, человѣкъ благородный, честный и кроткій, подпалъ гнѣву начальства за то, что не согласился жениться на племянницѣ ректора Зябловскаго. Какой извергъ! Арсеньевъ, служа въ Инженерномъ Училищѣ, пользовался милостями Великаго Князя Николая Павловича и въ послѣдствіи былъ учителемъ нынѣшняго Государя Александра Николаевича. Въ 1848 году, будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, онъ подвергся немилости по донесенію предсѣдателя Секретной Цензуры, Д. П. Бутурлина, за одно выраженіе въ письмѣ, при которомъ онъ поднесъ свою книгу одному высокому лицу, но этотъ гнѣвъ не имѣлъ вредныхъ для Арсеньева послѣдствій. — Александръ Ивановичъ Галичъ, человѣкъ добрѣйшій, основательно учившійся философіи, но слабый и безхарактерный, бывшій игрушкою учениковъ Петровской Школы, въ которой онъ смѣнилъ меня, въ 1813 году, въ званіи старшаго учителя Русскаго языка. Не умѣя, при всей своей учености, справиться въ высшими классами, онъ просилъ перевести его въ классъ для преподаванія чтенія, что̀ и было исполнено. Потомъ получилъ онъ мѣсто профессора Философіи въ Университетѣ. Онъ написалъ *Исторію Философскихъ Системъ*, по Нѣ-

мецкимъ источникамъ, варварскимъ и темнымъ слогомъ. Изъ этой несчастной книги извлекли матеріалы къ обвиненію его. Ему самому предписали чужія мнѣнія, которыя онъ приводилъ въ Исторіи.

Профессоры Университета раздѣлились на двѣ стороны, — бѣлую и черную. На бѣлой были: Балугьянскій, Плисовъ, Шармуа, Деманжъ, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Вишневскій, Ржевскій, Радловъ и директоръ Училищъ Тимковскій. На черной: Дегуровъ, Зябловскій, Толмачевъ, Роговъ, Поповъ и Щегловъ. Первые придерживались своего мнѣнія и выражали оное по искреннему убѣжденію, по долгу правды и чести; послѣдніе, по желанію выслужиться у начальства. По составленіи Руничемъ и его клевретами обвинительныхъ пунктовъ, подсудимымъ сдѣланы были допросы въ засѣданіяхъ Университета, 3-го, 4-го и 7-го Ноября 1821 года. Едва ли можно повѣрить, чтобъ нѣчто подобное могло случиться въ XIX вѣкѣ, въ царствованіе Александра I-го! Рукопись Плисова, заключавшая въ себѣ оправдательное изложеніе этихъ засѣданій, разошлась по рукамъ. Святоши, узнавши о томъ, стали его преслѣдовать. Плисовъ преподавалъ Естественное Право въ Гимназіи. Кавелинъ обѣщалъ Руничу сгубить его на тогдашнемъ экзаменѣ.

По разсмотрѣніи Руничемъ учебныхъ тетрадокъ, донесъ онъ объ нихъ министру: «Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо, при устномъ преподаваніи, могъ прибавлять, что̀ ему вздумается». Плисовъ былъ уволенъ отъ должности. Въ послѣдствіи былъ онъ директоромъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и отставленъ за то, что не хотѣлъ скрѣпить противузаконной, по его мнѣнію, бумаги. Онъ умеръ въ званіи члена Консультаціи въ Министерствѣ Юстиціи.

Дѣло профессоровъ кончилось ничѣмъ. Германъ поступилъ на службу къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Раупахъ вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Германію, посвятилъ себя драматической литературѣ, гдѣ и пріобрѣлъ онъ большую извѣстность. Арсеньевъ былъ опредѣленъ по Статистическому Отдѣленію въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.—Руничъ, получивъ за свои подвиги орденъ Св. Владимира 2-ой степени, явился къ Великимъ Князьямъ. Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое время Инженерному Училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобъ у себя съ пользою употребить ихъ на службу. Самъ Руничъ сгубилъ себя. Надлежало перестроить зданіе купленное для Петербургскаго Университета, въ Семеновскомъ полку, гдѣ нынѣ Синодальное подворье, на углу Кабинетской улицы. Руничъ исходатайствовалъ согласіе министра строить это зданіе не съ подрядовъ, а хозяйственнымъ образомъ, получилъ милліонъ триста тысячь рублей ассигнаціями по смѣтѣ, отдѣлалъ себѣ квартиру, построилъ отхожія мѣста, и кончилъ—за недостаткомъ суммъ. Его и всѣхъ чиновниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предали слѣдствію и суду, и приговорили ко взыканію съ нихъ недоимки. Но взять было нечего. Руничъ дѣтей своихъ роздалъ по казеннымъ заведеніямъ, а самъ шатался по улицамъ съ Вла-

димірскою звѣздою, отпустилъ себѣ усы, жаловался, обѣдалъ гдѣ случалось, и такъ провелъ свой вѣкъ. Наконецъ впалъ въ болѣзнь и ребячество. Дм. В. Дашковъ надъ нимъ сжалился и помогъ ему. Равно ходатайствовалъ за него и князь Варшавскій.

Достойно замѣчанія, что Магницкій, втянувъ Рунича въ свой кругъ, потомъ представлялся, что удерживаетъ его отъ необдуманныхъ поступковъ, и предсказывалъ ему худой конецъ. Замѣчательно также, что по паденіи Голицына, потухла въ Руничѣ и ревность къ вѣрѣ, заставлявшая его дѣлать всякія несправедливости и преслѣдовать людей. Въ послѣдній день Масляницы 1824 года, приходитъ ко мнѣ отъ него человѣкъ и приглашаетъ къ обѣду во вторникъ, увѣдомляя, что у него будетъ обѣдать Сергѣй Николаевичъ Глинка. Я изумился и спросилъ у посланнаго, не ошибается ли онъ. Во вторникъ на первой недѣлѣ Великаго Поста православные не кушаютъ скоромнаго, а до постной пищи я не охотникъ и потому прошу извинить меня нездоровьемъ.—«Что вы, сударь?» возразилъ мнѣ съ язвительною улыбкою посланный. «Вы говорите о временахъ прошлыхъ. Нынче у насъ мясоѣдъ круглый годъ».—Я отправился къ Руничу въ назначенный день и нашелъ, что онъ, видно, для возбужденія аппетита, играетъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ на биліардѣ и въ тоже время толкуетъ ему литургію Василія Великаго. Пріѣхалъ С. Н. Глинка. Обѣдъ былъ самый скоромный, и бесѣда отнюдь не великопостная!

Руничъ оставался попечителемъ Округа и въ министерство Шишкова, до открытія безпорядковъ по хозяйственной части, и всячески старался къ нему подбиться. На экзаменѣ гимназіи Шишковъ, утомясь испытаніемъ учениковъ въ какихъ-то скучныхъ предметахъ, вздумалъ посмотрѣть книги, разложенныя на столѣ предъ нимъ, для раздачи въ награду ученикамъ. Взялъ одну и развернулъ: «О старомъ и новомъ слогѣ Русскаго Языка;» другую: «Разговоръ о Словесности;» третью: «Дѣтская Библіотека»—все его собственныя сочиненія! Онъ видимо смутился. Шутники говорили, что потомъ, когда онъ, по приглашенію попечителя, пришелъ къ нему на завтракъ, дѣти Рунича запѣли хоромъ изъ Дѣтской Библіотеки: «Хоть весною и тепленько, а зимою холодненько» и проч.

И Магницкій не избѣжалъ своей участи. Выше сказано, что онъ поѣхалъ на поклоненіе въ Грузино. Тамъ онъ всячески льстилъ и пресмыкался, но врядъ ли умѣлъ надуть Змѣя-Горыныча. Аракчеевъ, употребивъ его въ свою пользу, бросилъ бы какъ выжатый лимонъ. Магницкій, уѣзжая, поднесъ Аракчееву описаніе вѣщаго сна [1]), будто бы видѣннаго имъ, когда онъ ночевалъ въ Грузинѣ: въ этомъ снѣ видѣлъ онъ дивныя вещи въ будущемъ и предсказывалъ успѣхи и всякое счастье поборнику Православія. Воротясь въ Петербургъ, занялся онъ какими-то планами о преобразованіи просвѣщенія и духовной части въ Россіи.

27-го Ноября 1825 года Магницкій сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и сочинялъ- Богъ знаетъ что. Входитъ къ нему сенаторъ Матвѣй Петровичъ Штеръ. Магницкій показываетъ ему

[1]) Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1863, изд. 1-е, стр. 930.

съ торжествомъ написанную имъ бумагу. «Открою глаза Государю!» говоритъ онъ: «увидитъ всю мерзость людей!»—«Вы пишете къ Государю?» спросилъ Штеръ. — «Къ Государю, а что?» — «Государь скончался.» — Магницкій опустился на стулъ и преклонилъ голову, закрывъ глаза руками. Между тѣмъ Штеръ сообщилъ ему подробности плачевнаго событія. Чрезъ нѣсколько минутъ Магницкій вскочилъ и закричалъ: «Пишу къ Императору Константину Павловичу». — Единственнымъ дѣломъ, которое дозволилъ себѣ Николай Павловичъ, до вступленія своего на престолъ, была высылка Магницкаго. Ему велѣно было ѣхать въ мѣсто служенія своего, Казань. Онъ барахтался нѣсколько времени, но принужденъ былъ повиноваться. Вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ службы, съ приказаніемъ жить въ Ревелѣ. Въ послѣдствіи жилъ онъ въ Одессѣ, гдѣ и умеръ. Всѣ его старанія выкарабкаться оттуда были напрасны.

У Магницкаго былъ одинъ сынъ, хорошенькій собою, умный мальчикъ, служившій въ гвардейскихъ гусарахъ. За какую-то шалость онъ былъ выписанъ изъ гвардіи. Я видалъ его потомъ у Ростислава (Ѳеофила Толстаго). Онъ былъ человѣкъ образованный и пріятный. Женатый уже, онъ влюбился въ другую замужнюю женщину, сошелъ съ ума и умеръ. Дочь его незамужняя.... «Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдаваяй грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода, ненавидящимъ Меня!» (Исх. XX, 5).

XIII.

Въ первое время пребыванія моего въ Парижѣ (въ 1817 г.) пришелъ я однажды къ состоявшему тогда при графѣ Воронцовѣ Николаю Александровичу Старынкевичу (нынѣ сенатору въ Варшавѣ), самому умному и любезному человѣку, отъявленному либералу. Онъ сидѣлъ за какими-то огромными таблицами, на которыхъ начертана была Русская азбука, и на вопросъ мой, что̀ это значитъ, отвѣчалъ: «Это таблицы для обученія чтенію, по недавно изобрѣтенной удивительной методѣ Ланкастерской; при пособіи ея сотни человѣкъ могутъ безъ учителя выучиться въ самое скорое время грамотѣ. Эти таблицы напечатаны для обученія солдатъ нашего корпуса въ Мобёжѣ». Я сталъ разсматривать таблицы и нашелъ, что онѣ составлены съ совершеннымъ незнаніемъ свойствъ Русской азбуки, напримѣръ, между прочимъ, буква *ж* поставлена была въ числѣ гласныхъ. На замѣчаніе мое о томъ, Старынкевичъ сказалъ: «Да вы не знаете этой методы?» — «Такъ, но знаю Русскую азбуку.» — «Посвятите меня въ ея тайны», сказалъ Старынкевичъ насмѣшливо, и я написалъ предъ нимъ раздѣленіе Русскихъ буквъ, которое въ послѣдствіи изложилъ въ моей Граматикѣ. Онъ началъ спорить. Къ нему въ то время пришелъ профессоръ Персидскаго языка Ланглесъ.— «Посмотрите», сказалъ ему Старынкевичъ: «вотъ господинъ Г. сообщаетъ мнѣ неизвѣстную мнѣ доселѣ систему Русской азбуки». Ланглесъ полюбопытствовалъ узнать ея составъ и свойства. Я изложилъ ему истинную систему нашихъ буквъ, отличительныя свойства полугласныхъ, дѣленіе гласныхъ на твердыя и мягкія, согласныхъ на произносимыя разными органами; показалъ сродство ихъ, сліяніе и сочетаніе, измѣненія однихъ буквъ отъ присоединенія къ другимъ,

Ланглесъ пришелъ въ восхищеніе, записалъ мою систему и тутъ же предложилъ мнѣ мѣсто профессора Русскаго языка въ Парижскомъ училищѣ живыхъ восточныхъ языковъ, котораго я, къ сожалѣнію, принять не могъ. Старынкевичъ убѣдился въ истинѣ и важности моей системы. По его просьбѣ составилъ я таблицы азбуки, складовъ и словъ для обученія чтенію и письму по Ланкастерской методѣ, посѣщалъ училище взаимнаго обученіе въ Rue St. Jean de Beauvais, ѣздилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Тургеневымъ (секретаремъ графа) въ королевскую типографію, чтобъ заказать буквы на перепечатаніе таблицъ. Тѣмъ занятіе мое и кончилось: я не думалъ, чтобъ мнѣ пришлось употребить эти опыты на дѣлѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтилъ я, по постороннему дѣлу, инженеръ-генерала графа Егора Карловича Сиверса; разговорились между прочимъ о методахъ обученія, и я упомянулъ о Ланкастерской. Графъ сказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы выписать кого-либо изъ Франціи для введенія этой методы обученія въ кантонистскихъ школахъ. Узнавши, что я посвященъ во всѣ таинства этого ученія и могу быть ему полезнымъ, онъ очень обрадовался и предложилъ мнѣ вступить членомъ въ Коммиссію составленія учебныхъ пособій кантонистамъ поселенныхъ войскъ, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ. Я былъ тогда на службѣ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, состоявшей въ вѣдѣніи Министерства Просвѣщенія. По требованію графа Аракчеева, меня откомандировали въ Коммиссію, въ которой, подъ предсѣдательствомъ графа Сиверса, были членами генералы Перскій (директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса) и Петровъ, флигель-адъютантъ полковникъ Клейнмихель, священникъ Герасимъ Петровичъ Павскій, ст. сов. Иванъ Осиповичъ Тимковскій и я, коллежскій ассесоръ Гречь. Я написалъ руководство къ учрежденію и дѣйствіямъ училищъ, составилъ таблицы, книги и проч., но вскорѣ разошелся въ мнѣніяхъ съ графомъ Сиверсомъ, который былъ человѣкъ образованный и почтенный, но тяжелый педантъ и крохоборъ. Меня уволили изъ Комиссіи съ чиномъ надворнаго совѣтника. Между тѣмъ я вошелъ въ моду. Въ концѣ 1818 года начальникъ штаба Гвардейскаго Корпуса, Николай Мартьяновичъ Сипягинъ, поручилъ мнѣ заведеніе центральной школы для обученія солдатъ Гвардейскаго Корпуса. Не могу не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ объ этомъ добромъ, любезномъ умномъ человѣкѣ въ частной жизни, храбромъ на войнѣ, прилежномъ и дѣловомъ въ службѣ, но притомъ крайне честолюбивомъ и придворномъ, т. е. жертвовавшемъ всѣмъ удовлетворенію своего тщеславія. Онъ служилъ въ походахъ 1812—1815 годовъ при графѣ Милорадовичѣ, былъ вездѣ правою его рукою, въ званіи начальника штаба его отряда. По назначеніи Милорадовича командиромъ Гвардейскаго Корпуса, Сипягинъ, сдѣлавшись и здѣсь начальникомъ штаба, умѣлъ оттѣснить командира и забрать въ свои руки всю власть. На пути стоялъ генералъ Криденеръ, почему-то возбудившій неудовольствіе Императора, который однако изъявлялъ желаніе съ нимъ примириться. Сипягинъ мѣшалъ Криднеру сблизиться съ Государемъ, увѣряя, что Александръ все еще на него гнѣвается. Начальникъ штаба былъ на дѣлѣ корпуснымъ командиромъ:

дѣлалъ, что хотѣлъ, переводилъ офицеровъ въ гвардію по своему усмотрѣнію, раздавалъ баталіоны, полки и проч., но никому не дѣлалъ зла; напротивъ дѣлалъ, добра сколько могъ. Между прочимъ я обязанъ ему вѣчною благодарностью за переводъ брата моего въ гвардію. Мнѣ лично онъ не успѣлъ сдѣлать ничего, но его дружеское, благородное, довѣрчивое со мною обращеніе останется на всю жизнь въ благодарномъ моемъ воспоминаніи. Какая разница съ преемникомъ его, Бенкендорфомъ!—Школа устроена была въ просторныхъ залахъ новопостроенныхъ казармъ Павловскаго полка, на Царицыномъ лугу. Ученики были набраны изъ всѣхъ полковъ Гвардейскаго и Гренадерскаго Корпусовъ, до двухъ сотъ пятидесяти. Въ числѣ ихъ было нѣсколько грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ употребили учетелями. Начальникомъ Школы опредѣленъ былъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ, человѣкъ возвышенной души, благороднѣйшаго сердца, большаго ума и рѣдкаго образованія. Въ началѣ 1819 года (по паденіи Сипягина) онъ перешелъ въ южную армію, къ полковнику П. Д. Киселеву, назначенному начальникомъ ея штаба, подружился тамъ съ нѣкоторыми героями 14-го Декабря, но не участвовалъ въ ихъ замыслахъ и даже не зналъ о нихъ. Въ 1824 году былъ онъ уже командиромъ Уфимскаго полка; но, по открытіи заговора, обратилъ на себя неудовольствіе Государя и былъ переведенъ въ другой полкъ (Мингрельскій) младшимъ штабъ-офицеромъ. Въ 1828 и 1829 годахъ отличался онъ своими подвигами въ Азіятской Турціи, назначенъ былъ командиромъ Херсонскаго Гренадерскаго полка, произведенъ въ генералы, и тѣмъ прекратилось его блистательное поприще: онъ былъ убитъ при Байбуртѣ (23 Іюня 1829 г.), на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бурцовъ, оставшись въ живыхъ, сдѣлался бы великимъ полководцемъ. Память его дорога для всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать его.

XIV.

Сказавъ доброе слово о чужомъ человѣкѣ, позволяю себѣ написать нѣсколько строкъ въ память человѣка мнѣ близкаго. Помощникомъ къ нему назначенъ былъ братъ мой Павелъ Ивановичъ, бывшій тогда прапорщикомъ въ Финляндскомъ полку. Онъ былъ человѣкъ неблистательный, несообщительный, скромный, молчаливый (мой антиподъ!), ревностный служака и честный солдатъ. Вся его жизнь была цѣпью препятствій, и лишь только онъ вышелъ на торную дорогу, смерть прекратила дни его. По примѣру средняго нашего брата, Александра, убитаго при Бородинѣ, и Павелъ хотѣлъ служить въ артиллеріи и поступилъ во 2-й Кадетскій Корпусъ, но въ концѣ 1812 года, отъ дурнаго содержанія въ корпусѣ, жестоко заболѣлъ: все тѣло его покрылось струпьями. Только нѣжнымъ, неусыпнымъ попеченіямъ доброй, несравненной матери, обязанъ онъ былъ спасеніемъ отъ смерти и возстановленіемъ здоровья. По болѣзни онъ былъ уволенъ изъ Корпуса, и то съ большимъ трудомъ, потому что въ 1812 г. нужны были офицеры, и ихъ выпускали совершенными еще дѣтьми. Когда братъ выздоровѣлъ, положили быть ему чиновникомъ гражданскимъ, но лишь только онъ уви-

дѣлъ военный мундиръ на одномъ сверстникѣ, родственникѣ моей жены, то объявилъ, что никакъ не можетъ быть статскимъ. Между тѣмъ онъ учился въ гимназіи (2-й) и все налегалъ на математику. Его предѣлили юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, и года чрезъ два выпустили въ армію подпоручикомъ. Но и тутъ не обошлось безъ затрудненія. Когда ему надлежало явиться на смотръ къ графу Аракчееву, начальнику артиллеріи, онъ какъ-то натеръ себѣ ногу и не могъ надѣть сапога. Его исключили изъ списка производимыхъ. Къ счастію я зналъ графа, при посредствѣ Мишки Шумскаго (смотри выше), написалъ къ нему о томъ письмо и требовалъ моему брату новаго смотра. Графъ былъ особенно въ духѣ, осмотрѣлъ брата и аттестовалъ его. — Выше говорилъ я, что Сипягинъ перевелъ брата въ гвардію. Онъ назначилъ его было въ гвардейскую артиллерію, но такъ какъ не дали пятисотъ рублей правителю канцеляріи инспектора артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго, П-у, то объявлено было, что въ артиллеріи гвардейской нѣтъ ваканціи. И такъ братъ мой, оставивъ артиллерію, поступилъ въ егеря, въ Финляндскій полкъ. Передъ самымъ его прибытіемъ въ полкъ, когда уже отдано было въ приказѣ о переводѣ его, полковой казначей Колокуцкій промоталъ казенныя деньги. Офицеры сложились, чтобы внести ихъ, и Павелъ лишился значительной части своего жалованья. — Во время наводненія 7-го Ноября 1824 года, стоялъ онъ въ караулѣ въ Галерной гавани, въ ветхой караульнѣ, построенной на берегу на сваяхъ. Вода поднялась до верху. И караульные, и арестанты взобрались на крышу; зданіе качалось во всѣ стороны. Ежеминутно ждали паденія его и неминуемой смерти. Солдаты, любившіе своего офицера (онъ командовалъ ихъ ротою), хотѣли спасти его, высадивъ на одно изъ судовъ, которыя бурею гнало мимо караульни, сбирались даже спустить его насильно; но онъ, отбившись отъ нихъ, объявилъ, что предоставляетъ каждому изъ нихъ спасаться какъ кто можетъ, самъ же сойдетъ съ поста послѣднимъ. Одинъ солдатъ дѣйствительно спасся такимъ образомъ. Смерклось. Вода начала сбывать. Изъ морскихъ казармъ замѣтили бѣдствіе караульни и отправили на помощь катеръ (при чемъ съ трудомъ добились у смотрителя веселъ: онъ боялся, что погибнетъ казенное добро). Тутъ опять началась борьба, чтобъ офицеръ ѣхалъ первый на катерѣ, который, можетъ быть, потомъ бы и не могъ прійти вторично. Братъ посадилъ на катеръ нѣсколько солдатъ съ арестантами и унтеръ-офицеромъ и дождался ихъ возвращенія на расшатанномъ зданіи караульни. Отправивъ такимъ образомъ всѣхъ (шестьдесятъ нижнихъ чиновъ и двадцать двухъ арестантовъ) онъ, съ старшимъ унтеръ-офицеромъ, поѣхалъ послѣднимъ. Спасены были и всѣ бумаги; пропали только два кивера. Лишь только отвалилъ катеръ въ послѣдній разъ, домъ рухнулъ въ воду. Ночевали они въ морской казармѣ, поужинавъ черствымъ хлѣбомъ, которымъ подѣлились съ ними добрые моряки. На другой день офицеры Финляндскаго полка, узнавъ отъ спасеннаго солдата о бѣдствіи, пошли на то мѣсто, гдѣ стояла караульня, чтобъ отыскать хотя слѣды несчастныхъ. Имъ навстрѣчу идетъ караулъ съ барабаннымъ боемъ! — За это дивное спа-

сеніе караула, командиръ полка, генералъ Шеншинъ получилъ втораго Владиміра, а поручикъ Гречъ не удостоился даже благодарности. 14-го Декабря, рота моего брата стояла въ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Государь Николай Павловичъ отрекомендовалъ его принцу Евгенію Виртембергскому, какъ извѣстнаго ему отличнаго офицера, на котораго можно положиться, и тутъ братъ мой узналъ, что Государь думаетъ, будто онъ получилъ Аннинскій крестъ за наводненіе, а не за командованіе школою за пять лѣтъ до того! Въ то время Великій Князь не былъ еще ихъ дивизіоннымъ командиромъ. Павелъ Ивановичъ простоялъ въ караулѣ двое сутокъ и занимался составленіемъ бланковъ, при которыхъ препровождали арестантовъ въ крѣпость. — Въ 1827 году, наскучивъ гарнизонною службою и не успѣвъ снискать благоволенія Михаила Павловича, перешелъ онъ офицеромъ въ Пажескій Корпусъ, но вскорѣ стосковался по военной службѣ, и когда, въ 1828 году, сказанъ былъ походъ въ Турцію, перепросился на прежнее мѣсто. И эта карьера была ему невыгодна. При осадѣ Варны, стоя по колѣни въ холодной водѣ, онъ лишился употребленія ногъ отъ ревматизма; по взятіи крѣпости, отправленъ былъ съ другими больными и ранеными на Далматскомъ суднѣ въ Одессу; ихъ носило цѣлый мѣсяцъ по Черному морю, и они едва не погибли. Между тѣмъ, всѣ товарищи брата, участвовавшіе въ походѣ, были награждены крестами; а онъ, командиръ роты Его Величества, обойденъ былъ потому, что его считали утонувшимъ. Къ тому присоединилось еще одно обстоятельство. Въ продолженіе Турецкой войны наблюдалось правило давать въ награду отличившимся офицерамъ двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ кресты, а не чины, чтобъ не обидѣть офицеровъ баталіона, остававшагося въ Петербургѣ. Въ Польскую кампанію, въ продолженіе которой баталіонъ моего брата оставался въ Петербургѣ, это правило было оставлено: штабсъ-капитаны и поручики, оставившіе моего брата капитаномъ, вернулись полковниками. Онъ командовалъ ротою двѣнадцать лѣтъ и во все это время подвергался замѣчаніямъ и выговорамъ Великаго Князя Михаила Павловича, который и уважалъ его, но поступалъ такъ по какому-то странному предубѣжденію. Наконецъ онъ произведенъ былъ въ полковники, и вскорѣ получилъ баталіонъ. И тутъ обошлось не безъ бѣды. На маневрахъ въ Гатчинѣ, осенью 1844 года, лошадь его, испугавшись нечаянныхъ выстрѣловъ, упала съ нимъ навзничь на мостовую и онъ такъ сильно ушибъ затылокъ, что лишился памяти. Это было въ виду Николая Павловича. Его внесли во дворецъ. Государь и Государыня принимали самое жаркое участіе въ его положеніи и радовались его выздоровленію. Въ 1847 году былъ онъ назначенъ С.Петербургскимъ плацмаіоромъ, и вскорѣ снискалъ полное вниманіе и довѣренность Государя, уваженіе начальства, города и всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ вторымъ комендантомъ. Въ этой должности онъ могъ удовлетворить влеченіямъ добраго своего сердца, облегченіемъ участи и страданій тѣхъ лицъ, которыя, находясь подъ военнымъ судомъ, содержались въ Ордонансъ-гаузѣ. 16-го Марта 1850 года скончался онъ скоропостижно. Государь, услышавъ о

его смерти отъ коменданта, сказалъ: «Онъ былъ достойнѣйшій человѣкъ». Эти слова вырѣзаны на его надгробномъ камнѣ на Волковомъ кладбищѣ. За гробомъ шли, проливая слезы умиленія и благодарности, сидѣвшіе у него арестанты!...... Кто станетъ укорять человѣка за многорѣчіе, когда идетъ дѣло о его другѣ? А я говорю здѣсь о братѣ. Le frère est un ami donné par la nature *).

Возвратимся къ солдатской школѣ. Учебною частью завѣдывалъ я только сначала: вскорѣ моя помощь сдѣлалась ненужною. Ученіе продолжалось съ удивительнымъ успѣхомъ. Въ концѣ втораго мѣсяца, солдаты, не знавшіе дотолѣ ни аза, выучились читать и съ таблицъ, и по книгамъ; многіе писали уже порядочно. Нельзя вообразить прилежанія, ревенія, удовольствія, съ какими они учились: предъ ними разверзался новый міръ. Сипягинъ былъ въ восторгѣ. Васильчиковъ (Л. В.), Бистромъ (Карлъ Ив.), Потемкинъ, Храповицкій и многіе другіе пріѣзжали смотрѣть училище и не могли надивиться. Ожидали, что пожалуетъ самъ Государь. Однажды, вовсе неожиданно, пріѣхалъ начальникъ Главнаго Штаба князь Волконскій, осмотрѣлъ школу съ явнымъ неудовольствіемъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Бурцову за несоблюденіе солдатами формы и уѣхалъ. Вскорѣ за нимъ прибылъ Сипягинъ и, узнавъ, что пріѣзжалъ князь Волконскій (который за полчаса обѣщалъ ему поѣхать въ школу на другой день съ нимъ самимъ), измѣнился въ лицѣ. Это было первымъ признакомъ его паденія. Второй признакъ замѣтили въ томъ, что командиръ Павловскаго полка Адамъ Бистромъ (братъ Карла Ивановича), велѣлъ выкинуть изъ сарая казармъ разныя вещи Сипягина, которыя тамъ дотолѣ хранились съ благоговѣніемъ. Паденіе Сипягина послѣдовало оттого, что Государь гдѣ-то встрѣтился съ Криднеромъ и сталъ укорять его, что онъ упрямится и не хочетъ покориться, сколько ни убѣждалъ его къ тому Государь чрезъ Сипягина. Криднеръ отвѣчалъ и доказалъ, что Сипягинъ именно отсовѣтывалъ ему обращаться къ Государю. Положили сбыть его съ рукъ и сбыли: онъ былъ назначенъ командиромъ 6-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Ярославлѣ. Перенесъ онъ эту невзгоду съ величайшею гордостью и спокойствіемъ. Я былъ у него на другое утро, по напечатаніи приказа о его перемѣщеніи. Онъ говорилъ со мною равнодушно, изъявлялъ только сожалѣніе, что не дождался плодовъ школы. Призвавъ къ себѣ гвардейскаго капельмейстера Дёрфельда, заказалъ ему новые инструменты для шести полковъ своей дивизіи и просилъ доставить ему учителей. Товарищи Сипягина, пресмыкавшіеся предъ нимъ наканунѣ, прислали къ нему Николая Ивановича Демидова, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ *выглядитъ*. Сипягинъ принялъ генерала-лейтенанта, стоя, въ сертукѣ и ночныхъ сапогахъ, не вынимая изо рту сигары, не прося его садиться и преравнодушно говоря о новомъ своемъ назначеніи, какъ будто бы это было повышеніе. Демидовъ не зналъ, куда дѣваться. Сипягинъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, командовалъ усердно 6-ою дивизіею, потомъ 20-ою въ Пензѣ. Тамъ, въ 1824 году, смотрѣлъ ее Александръ и восхитился ея совершенствомъ. Между прочимъ третья шеренга всѣхъ полковъ была вы-

*) Братъ есть другъ данный природою.

учена артиллерійской службѣ. Случись, что перебьютъ въ дѣлѣ прислугу у пушекъ, строевые солдаты замѣняли ее мгновенно. Государь возвратилъ прежнюю милость Сипягину. Онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, и я обрадованъ былъ его встрѣчею и пріемомъ. Потомъ онъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, дѣйствовалъ успѣшно противъ непріятелей (въ Персидскую войну), и умеръ въ 1829 году отъ болѣзни. — Память его не исчезнетъ въ сердцахъ людей, знавшихъ его въ частной жизни.

Училище шло своимъ чередомъ. Бурцовъ оставилъ службу при гвардейскомъ корпусѣ и рекомендовалъ моего брата, какъ совершенно способнаго замѣнить его. Я продолжалъ свой надзоръ. Но училище утратило часть своего блеска. Новый начальникъ Штаба А. X. Бенкендорфъ былъ человѣкъ пріятный, образованный, добрый, но равнодушный къ дѣламъ, выходившимъ изъ обыкновеннаго круга. Между тѣмъ назначеніе школы было достигнуто. Въ полгода всѣ солдаты въ ней выучились грамотѣ, разумѣется лучше или хуже. 19-го Іюля 1819 г. происходилъ смотръ ея Александромъ I. Государь пріѣхалъ въ сопровожденіи Васильчикова, Бенкендорфа А. Ѳ. Орлова и нѣсколькихъ другихъ генераловъ, былъ очень веселъ и доволенъ, любовался пестротою разнокалиберныхъ мундировъ, обласкалъ меня. Произведенъ былъ экзаменъ и кончился къ общему удовольствію. При этомъ произошелъ неважный случай, могущій служить прибавленіемъ къ истинѣ: большія дѣйствія отъ маленькихъ причинъ. Главнымъ указателемъ или инспекторомъ былъ кавалегардскій унтеръ-офицеръ Горшковъ, красавецъ, миловидный собою, умный и проворный. Но и на старуху бываетъ проруха. Когда братъ мой скомандовалъ къ началу упражненій, Горшковъ сбился и не такъ повторилъ команду. Я взглянулъ на него и покачалъ головою. Горшковъ покраснѣлъ, улыбнулся и поправился. Эта безмолвная перемолвка не ускользнула отъ вниманія Александра, какъ оказалось въ послѣдствіи. Между тѣмъ Государь очень милостиво благодарилъ меня за стараніе о его солдатахъ и уѣхалъ совершенно довольный. Училище ему понравилось, и онъ приказалъ учредить по такому же училищу въ каждомъ полку Гвардейскаго Корпуса. — Я былъ назначенъ директоромъ съ 5 т. р. жалованья, за экзаменъ получилъ перстень въ 3 т. р., брату моему дали орденъ Св. Анны 3-ей степени, унтеръ-офицеры, бывшіе монитерами, произведены въ 14-й классъ; словомъ, все шло какъ по маслу. Я составилъ уставы, руководства и учебныя таблицы, напечаталъ ихъ и разсылалъ по арміи. Начали учреждаться школы: онѣ были устроены въ Преображенскомъ полку *), въ Московскомъ **), въ Егерскомъ ***), въ Кавалергардскомъ. Въ другихъ готовились.—Здѣсь долженъ я опять сдѣлать отступленіе.

Введеніе Ланкастерской методы не ограничилось гвардейскими полковыми училищами. Въ началѣ 1820 года Императрица Марія Ѳеодоровна поручила мнѣ чрезъ почетнаго опекуна Карла Ѳедоровича Модераха, ввести эту методу въ классахъ воспитанни-

*) Начальникомъ этой школы былъ: подпоручикъ Игнатьевъ, нынѣ генералъ отъ инфантеріи, С. Петербугскій военный губернаторъ. **) Поручикъ баронъ Б. А. Фридериксъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ. ***) Поручикъ Алексѣй Васильевичъ Семеновъ, нынѣ сенаторъ.

ковъ и воспитанницъ Воспитательныхъ Домовъ, Петербургскаго и Гатчинскаго; это было исполнено вскорѣ и съ успѣхомъ. Потомъ заведены были существующія понынѣ училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи (первое въ Семеновскомъ полку, другое въ Большой Конюшенной). И здѣсь успѣхъ совершенно оправдалъ и методу и способъ ея приложенія. Въ то же время составилъ я, преимущественно изъ членовъ Масонской ложи Избраннаго Михаила (гр. Ѳ. П. Толстаго, Ѳ. И. Глинки, П. Я Фонъ-Фока, В. И. Григоровича, Н. И. Кусова и м. др.), общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, и мы открыли одну школу (на 360 человѣкъ) въ домѣ Шабишева, на углу Вознесенской и Садовой улицъ. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ былъ я дѣйствующимъ лицемъ. Кажется, по естественному порядку вещей, слѣдовало бы по Министерству Просвѣщенія воспользоваться моими знаніями и опытностью и употребить меня на пользу народныхъ школъ, которыя находились тогда, и находятся нынѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Вышло противное. Министерство Просвѣщенія (то есть главный его двигатель Магницкій) возненавидѣло меня, осмѣлившагося дѣйствовать въ пользу общую безъ его вѣдома и положило стереть меня съ лица земли. Можетъ быть, я самъ подалъ къ тому поводъ явными и громкими своими сужденіями объ этихъ лицемѣрахъ. Обстоятельства имъ благопріятствовали.

Семеновская исторія изумила и огорчила Александра. Онъ получилъ извѣстіе о ней въ Троппау, какъ сказано выше. Вмѣсто того, чтобъ видѣть въ этомъ неповиновеніи вспышку нетерпѣнія избалованныхъ солдатъ, которыхъ хотѣли обратить къ прежнему порядку, онъ подумалъ, что это есть проявленіе революціонныхъ замысловъ, о существованіи которыхъ онъ давно догадывался. Случилось такъ еще, что король Прусскій сообщилъ ему догадку о существованіи центральнаго комитета, для возмущенія Европы, въ Швейцаріи. Александръ спросилъ у Чаадаева, прибывшаго изъ Петербурга съ донесеніемъ о непріятномъ происшествіи: «Знаешь ли ты Греча?» — «Знаю, В. В.» — Бывалъ ли онъ въ Швейцаріи? — «Былъ, сколько знаю», отвѣчалъ Чаадаевъ по всей справедливости. «Ну, такъ теперь я вижу, «продолжалъ Государь, и прибавилъ: «Боюсь согрѣшить, а думаю, что Гречъ имѣлъ участіе въ Семеновскомъ бунтѣ». Эта догадка пришла въ Петербургъ и пала какъ свѣжее зерно на удобренную землю. Дѣйствительно должна быть тому причиною революціонная мысль, да гдѣ она таится? Какъ гдѣ? Въ полковыхъ школахъ. А кто же занесъ ее? Разумѣется, Гречъ. Началось съ того, что число школъ ограничилось существующими: новыхъ не заводили, да и въ прежнихъ стѣснили продолженіе уроковъ, занимая солдатъ службою. Сколь глубоко вкоренилась въ Александрѣ мысль о революціонномъ началѣ этого дѣла, явствуетъ изъ того, что онъ прогнѣвался на графа Павла Петровича Сухтелена, который сообщилъ отцу своему (посланнику въ Стокгольмѣ) вѣрныя свѣдѣнія о существѣ этого дѣла. Отецъ напечаталъ ихъ въ газетахъ. Александръ думалъ, что этимъ хотятъ прикрыть истину. Къ подавленію меня присоединились еще другія обстоятельства и случаи. Извѣстный въ послѣдствіи подполковникъ лейбъ-гренадерскаго полка Дмитрій Потаповичъ Шеле-

ховъ [1]) написалъ глупые стихи на Семеновскій бунтъ, и особенно на Шварца. Стихи эти разошлись по городу въ рукописяхъ, безъ имени сочинителя. Авторъ былъ извѣстенъ, но начальство гвардіи хотѣло его скрыть, и стихи были приписаны мнѣ. «Онъ не военный», сказалъ Бенкендорфъ, «и вообще Государь не хорошаго о немъ мнѣнія; такъ что его щадить!» Непремѣнно хотѣли приписать мнѣ участіе въ подговорѣ солдатъ къ бунту, потому только, что я очень часто бывалъ въ училищѣ солдатскихъ дочерей, состоявшемъ въ Семеновскомъ полку, а это вѣдь была моя служба. Казначеевъ (нынѣ сенаторъ въ Москвѣ) дежурный штабъ-офицеръ въ Гл. Штабѣ, не благоволилъ ко мнѣ за критику на Грамматику Россійской Академіи, которою обидѣлся дядя его Шишковъ [2]). Признаюсь, всѣхъ лучше обходился со мною Грибовскій (библіотекарь и секретарь Комитета 18 Августа). Говорятъ, онъ доносилъ на своего благодѣтеля Глинку, но Глинка былъ хотя и невиненъ, но все въ какой нибудь связи съ либералами, а я былъ имъ чуждъ совершенно, и Грибовскій зналъ это въ точности. Но всего замѣчательнѣе было, что главные навѣты на меня произошли отъ Воейкова, человѣка, мною призрѣннаго и облагодѣтельствованнаго, которому я посвящу, въ моихъ Запискахъ, особую статью. Онъ былъ моимъ половинщикомъ въ Сынѣ Отечества и старался сжить меня съ рукъ, чтобъ завладѣть всѣмъ журналомъ, клеветалъ и доносилъ на меня и словесно и письменно, и когда это не удалось, совѣтовалъ мнѣ бѣжать за границу для уклоненія себя отъ гоненій, принимая на себя изданіе въ пользу моего семейства. Я былъ ошеломленъ отъ этого предложенія; но Булгаринъ, тогда еще человѣкъ порядочный, открылъ мнѣ глаза. Впрочемъ я переносилъ тогдашнія бури, невзгоды и опасенія равнодушно, по той причинѣ, что сердце мое страдало отъ существенныхъ потерь: я окрѣпъ и ожесточился противъ другихъ ударовъ судьбы. 12-го Декабря 1820 года умерла любезная моя своячeница Сусанна Даниловна Мюссаръ, а 11-го Января 1821 первый другъ мой въ мірѣ Иванъ Карловичъ Борнъ. Такъ было и съ Госнеровскою исторіею: она разразилась у меня надъ головою въ то самое время, когда скончалась дочь моя Ольга: я глядѣлъ на житейскую невзгоду равнодушно.

Въ Январѣ 1821 года прислалъ ко мнѣ графъ В. П. Кочубей, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, своего камердинера съ просьбою пріѣхать къ нему на другой день вечеромъ. У меня бывали частныя сношенія съ графомъ: я доставлялъ ему учителей. Пріѣзжаю и нахожу въ пріемной залѣ М. Я. Фонъ-Фока, директора Особенной Канцеляріи М. В. Д. (что̀ нынѣ III Отдѣленіе С. Е. И. В. Кан-

[1]) Шелеховъ, прожившій родовое свое имѣніе разными сельско-хозяйственными спекуляціями, брался за разныя средства къ поддержанію своего существованія и къ пріобрѣтенію извѣстности. Между прочимъ онъ писалъ въ Экономическомъ Обществѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Около 1850 года онъ описалъ царствованіе императора Павла, выставивъ его величайшимъ царемъ и человѣкомъ, сдѣлавшимся жертвою своей любви къ чести и правосудію, и представилъ свою рукопись Николаю Павловичу. Государь прочиталъ ее со вниманіемъ, пожертвовавъ для этого цѣлую ночь, восхитился ея содержаніемъ, произвелъ Шелехова изъ подполковника въ полковники и опредѣлилъ къ своей особѣ, предоставивъ ему входъ къ себѣ во всякое время. Но Шелеховъ вскорѣ умеръ.

[2]) Сколько намъ извѣстно, А. И. Казначеевъ постоянно оказывалъ всякое содѣйствіе Н. И. Гречу, между прочимъ въ пріѣздъ его во Францію. *П. Б.*

целяріи). Насъ позвали въ гостинную. Графъ, страдая подагрою, лежалъ на диванѣ. Мы сѣли по сторонамъ. Графъ заговорилъ со мною объ учителѣ Русскаго языка, котораго я рекомендовалъ ему и который оказался пьяницею. Я обѣщалъ ему прислать другаго и, думая, что дѣло кончилось, всталъ, чтобъ откланяться и уйти, тѣмъ болѣе, что Фонъ-Фокъ пріѣхалъ съ портфелемъ, слѣдственно по дѣламъ службы. — «Куда вы это спѣшите?» сказалъ графъ: «вотъ не хотите посидѣть съ больнымъ человѣкомъ. Что вы подѣлываете? Какъ идутъ ваши солдатскія школы?» — «Очень плохо, в. с.; видно полковые командиры боятся, чтобъ солдаты не сдѣлались ученѣе ихъ, и потому ни мало не радѣютъ объ успѣхахъ школъ, уже существующихъ, и объ устроеніи новыхъ». — «А какъ принимаютъ солдаты это обученіе? Какъ они учатся?» — «Они принимаютъ это какъ величайшее благодѣяніе, и учатся съ большимъ усердіемъ.» — «И Семеновскіе хорошо учились?» — «Семеновскіе еще не учились вовсе». — «Почему такъ?» спросилъ графъ съ удивленіемъ. — «Потому, что въ Семеновскомъ полку и школы не было». — При этомъ взглянулъ я на Фонъ-Фока и замѣтилъ, что онъ переглянулся съ графомъ, улыбкою выражая подтвержденіе сказаннаго мною. — «Почему жъ не было?» — «Школы учреждаемы были по возможности и по благоусмотрѣнію полковыхъ командировъ, особенно адъютантовъ. Въ Семеновскомъ полку матеріальное устройство классовъ было кончено, люди назначены, но я въ училищѣ не бывалъ, да и не зналъ, гдѣ именно оно въ полку находится. Въ субботу, 20-го Ноября, явился ко мнѣ фельдфебель отъ полковаго адъютанта, флигель-адъютанта Бориса Петровича Бибикова, съ вопросомъ, нельзя ли сдѣлать открытіе школы въ понедѣльникъ 22-го. Я отвѣчалъ, что 22-го положено уже быть открытію школы въ лейбгренадерскомъ полку, и потому должно отложить до вторника, 23-го. Между тѣмъ случилось, въ воскресенье 21-го, извѣстное происшествіе, и школа не открывалась». Графъ видимо былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ, и послѣ другихъ ничтожныхъ разговоровъ я откланялся. Въ послѣдствіи я узналъ, что это былъ допросъ, произведенный по Высочайшему повелѣнію, и что графъ Кочубей, въ своемъ донесеніи, изложилъ это дѣло въ истинномъ его свѣтѣ и выставилъ совершенную мою невинность. Какое счастіе, что я попался въ руки честныхъ и безпристрастныхъ людей! Впрочемъ мои похожденія этимъ не кончились. Воспользовались выступленіемъ гвардіи въ походъ (въ началѣ 1821 года) для закрытія училищъ, съ чѣмъ вмѣстѣ прекращалось и званіе директора. На бумагѣ о томъ Государь написалъ своеручно: «А надворнаго совѣтника Греча не оставить безъ пропитанія». Когда мнѣ объявили о томъ, я отправился къ Л. В. Васильчикову (корпусному командиру) и объявилъ ему, что считаю себя обиженнымъ; что, благодаря Государя за вниманіе, въ пропитаніи не нуждаюсь, но имѣю все право требовать гласнаго признанія непорочности и безукоризненности моей службы. — «Что же вы хотите?» спросилъ Л. В. — «Я дослуживаю послѣдній годъ въ настоящемъ чинѣ: дайте мнѣ чинъ колежскаго совѣтника, который слѣдуетъ мнѣ и безъ того чрезъ четыре мѣсяца за выслугу лѣтъ, но упомянувъ въ указѣ, что это повышеніе есть на-

града за вѣрную и усердную мою службу по званію директора полковыхъ школъ.» — «Справедливо», отвѣчалъ Васильчиковъ, «постараюсь объ этомъ и надѣюсь на успѣхъ». Я сдалъ свою должность въ Штабѣ; гвардія вышла въ походъ, чинъ мнѣ не выходилъ, и я вскорѣ утѣшился. Ну стоитъ ли этимъ тревожиться! Я и теперь легко переношу эти дрянныя неудачи, а тогда! Въ молодости чего не вытерпишь, а мнѣ былъ тридцать четвертый годъ отъ роду. Чтожъ вышло на дѣлѣ? Васильчиковъ дѣйствительно представилъ Государю и получилъ согласіе дать мнѣ чинъ, если не настоитъ тому препятствій по службѣ, а какъ я былъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки, имѣвшей несчастіе состоять въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, то запросъ о неимѣніи препятствій отправленъ былъ изъ Штаба въ таковое. Тамъ это отношеніе попалось въ руки Магницкаго. Этотъ гадъ натѣшился. Написалъ въ отвѣтъ, что надворный совѣтникъ Гречъ не только не достоинъ награды, но и не можетъ быть терпимъ на службѣ, по вреднымъ своимъ правиламъ и дѣйствіямъ, по явному сопротивленію волѣ начальства дерзкими къ оному отзывами. А я отъ роду не имѣлъ сношенія съ этимъ начальствомъ, и если писалъ къ нему, то эти бумаги исходили отъ управленія Общества Училищъ Взаимнаго Обученія и подписывались не мною. Въ тоже время предписано было этому управленію удалить меня отъ участія въ дѣлахъ его. Послѣднее было мнѣ извѣстно, но о первомъ отзывѣ я не зналъ. Начальникъ Штаба, получивъ его на походѣ и видя гнусную несправедливость подлаго министерства, пожалѣлъ обо мнѣ и не сообщалъ о томъ, а я думалъ, что меня забыли! Между тѣмъ я оставался на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ и въ училищахъ солдатскихъ дочерей, но золотые дни мои прошли. Со мною обходились внимательно и учтиво, но холодно. Государыня уже не приглашала меня къ обѣдамъ въ Гатчину, рѣже обращали ко мнѣ рѣчь, и т. п. При открытіи втораго училища солдатскихъ дочерей, въ Большой Конюшенной, Государыня жестоко сердилась на архитектора, который пошелъ далеко за смѣту. На внутреннее устройство классовъ мнѣ отпустили тысячу рублей. Оно обошлось въ семьсотъ рублей, и остатокъ представленъ былъ мною начальству. Для смягченія гнѣва на архитектора, Гр. Ив. Валламовъ тутъ же представилъ ей мой отчетъ. Она обрадовалась экономіи, оборотилась ко мнѣ ласково, и сказала: «Я отъ васъ иного и не ожидала». Что жъ? Когда меня представили къ наградѣ, вышелъ отзывъ: «Que voulez-vous que je lui donne? C'est un grand seigneur!» — Въ 1822 году представила она меня къ Анненскому ордену втораго класса. Вмѣсто того мнѣ вышелъ чинъ, уже за годъ выслуженный мною. Я довелъ о томъ до свѣдѣнія Императрицы. Она поручила Вилламову спросить у Государя, почему онъ, утвердивъ всѣ награды въ представленіи, перемѣнилъ одну, назначенную Гречу. «Доложите матушкѣ,» отвѣчалъ Александръ, «что Гречъ, какъ мнѣ извѣстно, именно желаетъ награды чиномъ. Я не могъ исполнить этого прежде, а теперь воспользовался случаемъ». Достойная вниманія черта характера Александра! Онъ возъимѣлъ на меня подозрѣніе, потомъ увѣрился въ невинности моей и

желалъ сдѣлать мнѣ добро, но опасался гадинъ, пресмыкавшихся вокругъ его престола. Душевная моя признательность слѣдуетъ его памяти за могилу! Я служилъ еще года два по этимъ заведеніямъ, но, видя что не могу принести, въ новыхъ обстоятельствахъ, всей пользы, какой ожидали, вышелъ въ отставку съ прекрасными аттестатами. Частная школа взаимнаго обученія, принесшая въ свое время много пользы, потомъ исчезла отъ недостатка вниманія и соревнованія.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. Д. ДАВЫДОВА *).

III.

Смерть фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго въ 1831 году подала поводъ къ разнымъ предположеніямъ и догадкамъ, которыя передавались людской молвой съ разными доводами, преувеличеніями, и наконецъ съ такими искаженіями истины, что дали возможность Французскому историку Louis Blanc коснуться этого вопроса въ его Histoire de dix ans и быть отголоскомъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Случай доставилъ мнѣ возможность выслушать правдивый и безъискусственный разсказъ о смерти фельдмаршала отъ бывшаго его адъютанта Н. Е. П. и тѣмъ возстановить истину. Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, исторія вступаетъ въ свои права и каждому безпристрастно отдаетъ должное, карая виновныхъ и оправдывая невинныхъ: людская молва, какъ морская волна, должна разбиться объ утесъ истины и не навязывать грѣховъ лишнихъ на человѣчество, уже и безъ того ими богатое. Н. Е. П. разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Главная квартира фельдмаршала находилась тогда въ деревнѣ Клешовѣ, въ 3 верстахъ отъ Пултуска. Графъ Дибичъ уже болѣе недѣли страдалъ разстройствомъ желудка, но упорно скрывалъ болѣзнь свою. Камердинеръ его Арсеній сказалъ объ этомъ адъютантамъ, которые посовѣтовали ему обратиться къ другу графа, флигель-адъютанту К. В. Чевкину. Онъ спросилъ Арсенія, сколько онъ по вечерамъ наливаетъ въ графинчикъ рому для вечерняго чая фельдмаршала, и на отвѣтъ что онъ ему ставитъ полный графинчикъ, Чевкинъ приказалъ ему съ того же дня не ставить ему болѣе полграфинчика. Чтобы понять это распоряженіе, надобно знать, что обыкновенно фельдмаршалъ самъ не требовалъ себѣ никакого напитка, но имѣлъ привычку выпивать все до чиста, что бы передъ нимъ ни поставили. Образъ жизни его былъ слѣдующій. Онъ обѣдалъ въ 12 ч. пополудни и за столомъ, послѣ рюмка водки, пилъ всякое вино, какого бы дурнаго качества оно ни было, такъ называемое vin du pays. Вечеромъ, часовъ въ шесть, онъ выпивалъ двѣ чашки пуншу, а за ужиномъ рюмку водки и два-три стакана шампанскаго изъ цѣлой бутылки, которую ставили передъ нимъ. Эта бутылка шампанскаго и была причиною его смерти, какъ думаетъ Н. Е. П., и вотъ по какому случаю. Камердинеръ графа, Арсеній, выпивалъ обыкновенно оставшееся послѣ ужина шампанское изъ горлушка въ другой комнатѣ и дѣлалъ это такъ открыто, что не только адъютанты и другія лица видали это, но самъ фельдмаршалъ неоднократно замѣчалъ эти дѣйствія Арсенія, и молчалъ изъ привязанности къ нему. За нѣсколько дней до смерти графа, Арсеній заболѣлъ, и подкамердинеръ деньщикъ Павелъ, за-

*) См. выше, стр. 0948 и слѣд. Печатая эти замѣтки, просимъ читателя не забывать, что это не строгія историческія истины, а только записанные разсказы, въ которые естественно могутъ вкрасться обмолвки и неточности. Разсказъ о гр. Дибичѣ, по просьбѣ нашей, былъ провѣренъ тѣмъ лицемъ, отъ котораго онъ записанъ. *П. Б.*

мѣнившій его, задумалъ сдѣлать тоже самое съ оставшимся шампанскимъ, но такъ неудачно, что графъ Дибичь увидѣлъ и весьма разсердился; призвавъ завѣдующаго его хозяйствомъ, полковника Сакса, онъ сталъ ему выговаривать, какъ смѣлъ деньщикъ Павелъ пить его шампанское какъ камердинеръ его Арсеній, прибавивши, что есть дѣйствія, которыя можно спустить одному, не дозволяя этого другому. Полковникъ Саксъ, побранивши Павла, приказалъ на другой день поставить фельдмаршалу недопитую бутылку шампанскаго; разумѣется оставшееся вино выдохлось и прокисло. Въ это самое утро пріѣхалъ въ главную квартиру генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, отъ имени Государя, чтобы приготовить фельдмаршала къ тому, что графъ Паскевичъ вызванъ изъ Грузіи, и что Его Величество недоволенъ медленностію и нерѣшительностію дѣлъ [1]). Это извѣстіе очень встревожило графа Дибича. Графъ Орловъ обѣдалъ въ этотъ день у него и не видалъ его уже болѣе. Къ вечеру, какъ только фельдмаршалъ за ужиномъ, за которымъ онъ всегда бывалъ одинъ, выпилъ оставшееся шампанское, у него почти немедленно открылась къ 11 часамъ ночи самая сильная холера съ корчами. Немедленно дали объ томъ знать адъютантамъ, и всѣ собрались на квартиру главнокомандующаго. Графа Дибича лечилъ генералъ-штабъ-докторъ арміи Иванъ Богдановичъ Шлегель и, не смотря на всѣ употребленныя имъ медицинскія мѣры, графъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ около 6 ч. утра. Тѣло его повезли въ Россію черезъ Пруссію, сопровождаемое всѣми его адъютантами подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Петра Ивановича Трубецкаго, съ конвоемъ отъ Кирасирскаго принца Алберта полка подъ командою флигель-адъютанта барона Мейндорфа, и моремъ оно было доставлено въ Петербургъ.

Тотъ же Н. Е. П—ъ повторялъ мнѣ неоднократно, что, не смотря на привычку графа Дибича пить много вина и пунша, онъ П., въ продолженіи 3-хъ кампаній, въ которыхъ онъ служилъ при немъ адъютантомъ, разъ только видѣлъ его въ разгоряченномъ отъ вина состояніи, и вотъ по какому случаю.

Во время перехода черезъ Балканскія горы, когда армія достигла Эминедага, высшей точки горъ, передъ нею открылся видъ на Черное море и на нашъ флотъ, стоявшій на якорѣ у порта Мемзвріи, недалеко отъ Бургаса. Какъ только зачернѣлись высоты горъ отъ появленія арміи, адм. Грейгъ, командовавшій флотомъ, послалъ своего адъютанта поздравить фельдмаршала съ небывалымъ событіемъ, съ новыми лаврами для него и для арміи и пригласить его откушать на стопушечный корабль Парижъ. Графъ Дибичъ согласился и велѣлъ съ собою ѣхать начальнику главнаго штаба графу Толю, дежурному генералу Обручеву, адъютантамъ Панину, Андрѳ и другимъ, и фл.-адъютантамъ кн. Трубецкому и Чевкину. У берега стоялъ разукрашенный катеръ съ красиво одѣтыми гребцами и съ однимъ изъ адъютантовъ Грейга на рулѣ. Ударили весла, и начался салютъ со всѣхъ кораблей. Въ дыму пушечномъ, при оглушающей пальбѣ орудій и крикахъ ура, подъѣхалъ фельдмаршалъ Дибичъ къ кораблю Парижъ. Столъ богатоубранный и сервированный болѣе чѣмъ на 50 челов. былъ накрытъ на просторной каютъ-палубѣ, и всѣ прибывшіе, не видавшіе болѣе года такого пиршества, усталые и голодные отъ

[1]) По свидѣтельству лица, близко знавшаго графа Дибича и принимавшаго участіе въ войнахъ Турецкой и Польской, графъ Дибичъ былъ удивителенъ въ начертаніяхъ военныхъ дѣйствій и въ соображеніяхъ тактическихъ, требовавшихъ кабинетной работы; но за то „не умѣлъ водить и не умѣлъ кормить солдатъ". Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Польскую войну, онъ выражалъ Государю полную увѣренность въ скоромъ потушеніи мятежа; неудачи разумѣется раздражали его. Надо напомнить еще, что не за долго до того гр. Дибичъ схоронилъ нѣжно любимую жену свою. *П. Б.*

похода, усѣлись за столъ съ сильнымъ намѣреніемъ крѣпко покушать, но еще крѣпче выпить въ честь такого торжества. Радушный хозяинъ потчивалъ и не жалѣя подливалъ всѣхъ возможныхъ винъ графу Дибичу. Тотъ выпивалъ каждую рюмку залпомъ и по своей привычкѣ откидывалъ голову назадъ, поправляя свои густые волосы. Это угощеніе онъ бы выдержалъ, не смотря на количество и разнообразіе выпитыхъ винъ; но послѣ обѣда лакей принесъ огромный подносъ уставленный стаканами съ грокомъ весьма крѣпкимъ, и адмиралъ почтительно объявилъ, что, по обычаямъ флота, онъ проситъ всѣхъ откушать гроку, ибо безъ этого по морскому закону никто не можетъ сойти съ корабля. Фельдмаршалъ, выпивши гроку, дѣйствительно ослабѣлъ, такъ что всѣ находившіеся при немъ и самъ адмиралъ нѣсколько сконфузились, опасаясь, чтобы фельдмаршалу не сдѣлалось дурно. Къ тому же пришло въ голову, что сходъ съ корабля по лѣстницѣ весьма затруднителенъ, особенно взявъ во вниманіе, что графъ Дибичь былъ малъ ростомъ, толстъ, съ короткими и больными ногами, всегда въ калошахъ. Поэтому ген. Обручевъ подошелъ къ Панину и предложилъ ему дать руку фельдмаршалу. На это Панинъ отвѣчалъ ему: „Не угодно ли вашему превосходительству самому подать ему руку; я же безъ приказанія фельдмаршала не смѣю этаго сдѣлать“. Въ это время графъ Дибичъ, взглянувъ въ сторону, примѣтилъ Панина и кивнулъ ему головою. Когда тотъ подошелъ, онъ ему сказалъ: mon cher, donnez moi votre bras (любезный другъ, дайте мнѣ руку). Панинъ былъ при палашѣ, въ шпорахъ; кромѣ того долженъ былъ сходить задомъ съ трапа, держать и палашъ и графа и держаться за поручень; но молодость, сила и безконечная любовь и привязанность его къ добрѣйшему и великодушному фельдмаршалу, помогли сойти благополучно и перебраться въ катеръ. Тамъ фельдмаршала разобрало желаніе подъѣзжать то ко одному кораблю, то къ другому, и каждый изъ этихъ великановъ при появленіи его салютовалъ ему изо всѣхъ бортовъ. Наконецъ прибыли къ берегу. Всѣ думали, что графа будутъ ожидать дрожки, но его ждала верховая лошадь. Графъ былъ по его тѣлосложенію весьма плохой ѣздокъ, а потому всегда съ трудомъ садился и слѣзалъ съ лошади; но и здѣсь, какъ почти и всегда, Панинъ, ѣхавшій рядомъ, поддерживалъ его, при переѣздѣ чрезъ неровныя мѣста. И такимъ образомъ добрались благополучно до фельдмаршальской ставки.

Н. Е. П. прибавляетъ, что фельдмаршалъ былъ до крайности вспыльчивъ, но, взамѣнъ сего, добръ и великодушенъ неимовѣрно. Бывало, раскипятится „подъ арестъ, на гаубвахту, подъ судъ, разстрѣлять“ и всегда съ послѣднимъ словомъ уйдетъ въ палатку или въ кабинетъ, захлопнетъ сильно двери. Адъютанты при семъ случаѣ, бывало, стоятъ съ поникшими головами и съ потупленными взорами, зная напередъ, что буря благополучно разрѣшится. И дѣйствительно не пройдетъ и пяти минутъ, какъ фельдмаршалъ выходитъ совершенно успокоившійся и всегда прямо къ дежурному адъютанту: — „Сходите и скажите, что я приказалъ арестованному отдать шпагу и скажите ему, что онъ свободенъ“. Н. Е. П-ъ считаетъ самымъ счастливымъ временемъ всей своей службы то время, когда онъ состоялъ при столь великодушномъ, добрѣйшемъ и высокихъ чувствъ фельдмаршалѣ, который, при блистательныхъ его успѣхахъ и обширнѣйшихъ полномочіяхъ, никого не обидѣлъ и никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

IV.

Графъ Дибичь въ 1828 г., принявши армію отъ фельд. кн. Витгештейна, одержалъ, какъ извѣстно, блистательную побѣду подъ Кулевчею. Князь П. И. Тр., бывшій его адъютантомъ, былъ посланъ

съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ къ Государю Николаю Павловичу, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, и разсказалъ мнѣ подробности этой поѣздки. Послѣ сраженія, къ вечеру, графъ Дибичь, весьма довольный столь легкой побѣдой, доставившей ему огромные трофеи, ходилъ передъ своей палаткою и самодовольно напѣвалъ какія-то аріи; толпа адьютантовъ и ординарцевъ стояла въ почтительномъ розстояніи и весело припоминала эпизоды и исходъ сраженія. Графъ Дибичь, проходя мимо нихъ, увидалъ кн. Тр., подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что онъ его посылаетъ курьеромъ къ Государю, при чемъ добавилъ, что онъ желаетъ, чтобы князь заѣхалъ къ кн. Витгенштейну, дабы передать ему, что фельдмаршалъ обязанъ ему этою побѣдою, отъ блистательнаго состоянія арміи, которую онъ отъ него получилъ. Кн. Тр. поскакалъ и остановился на нѣсколько минутъ у своего тестя въ деревнѣ Каменкѣ (Каменецъ-Подольской губерніи) для передачи приказанія графа Дибича, немедленно полетѣлъ далѣе и уже на другой день обѣдалъ въ Тульчинѣ у Николая Ивановича Депрерадовича, который командовалъ гвардейскимъ корпусомъ, за отъѣздомъ въ Варшаву Великаго Князя Михаила Павловича. Во время обѣда, начальникъ штаба генералъ Нейдгартъ, желая извѣстить Вел. Князя Михаила Павловича объ привезенной кн. Тр. побѣдѣ, снарядилъ отъ себя эстафету, и только поспѣшность князя Тр. спасла его отъ непріятнаго положенія видѣть, что это дорогое извѣстіе передано другимъ раньше его. Князь Тр. поѣхалъ по другой дорогѣ, 75-ю верстами короче, на перекресткѣ нагналъ фельдъегеря, который везъ эстафету, именемъ главнокомандующаго остановилъ его и приказалъ ѣхать за собою. Онъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, явился къ гр. Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу, который объявилъ ему, что онъ тѣмъ болѣе радостный вѣстникъ, что Государь очень опечаленъ бездѣйствіемъ арміи, неудачею нашего флота и волненіемъ умовъ въ Польшѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ повелъ его къ Государю. Когда кн. Тр. вошелъ, Государь сидѣлъ за столомъ и писалъ. При первыхъ словахъ гр. Адлерберга, онъ вскочилъ и бросился на колѣни передъ образомъ; помолившись недолго, всталъ, кинулся на шею кн. Тр. и прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ сказалъ ему: „Поздравляю флигель-адъютантомъ“, и потомъ прибавилъ: „и полковникомъ“. Онъ сталъ его разспрашивать объ побѣдѣ, и когда князь сдѣлалъ движеніе, чтобы вынуть депеши изъ сумки, Государь перебилъ его и сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь, ты сейчасъ поѣдешь со мною къ Цесаревичу.“ Подали дрожки, и Императоръ, посадивши съ собою кн. Тр., повезъ въ Бельведерскій дворецъ. Жители Варшавы съ изумленіемъ смотрѣли на громадную фигуру Императора, черезъ весь городъ ѣхавшую съ молодымъ, малорослымъ княземъ Тр-мъ. Волненіе въ умахъ въ Польшѣ было въ то время сильное. Поляки ждали только какого-нибудь пораженія или невзгоды для нашего оружія, чтобы подняться, и потому поѣздка Государя съ курьеромъ немедленно разнеслась по городу. Великій Князь Константинъ въ то время только что вернулся съ ученья и въ холстинномъ халатѣ отдыхалъ; при извѣстіи объ пріѣздѣ Государя, онъ поспѣшно одѣлся и встрѣтилъ его. Императоръ вытянулся передъ братомъ, и торжественнымъ, подначальнымъ голосомъ произнесъ: “Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Высочеству о радостномъ извѣстіи“, поздравилъ его съ побѣдою и тутъ же представилъ ему своего новаго флигель-адъютанта. Они взошли въ кабинетъ и потребовали отъ князя Тр. депеши. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ находилась Императрица Александра Ѳедоровна, флигель-адъютантъ гр. Кушелевъ съ этимъ извѣстіемъ (такъ какъ Государь думалъ, что кн. Тр. утомился отъ дороги), а къ вечеру кн. Тр. снова потребованъ къ Государю. Онъ засталъ Императора за чаемъ. Онъ, милостиво предложивши ему чаш-

ку, сталъ разспрашивать его объ разныхъ подробностяхъ, объявилъ, почему не посылаетъ его дальше въ Берлинъ и наконецъ спросилъ его: „Скажи мнѣ откровенно, въ какихъ отношеніяхъ находятся фельдмаршалъ съ гр. Толемъ". По счастію въ то время они жили довольно согласно, и кн. Тр. могъ этимъ обрадовать Государя. Послѣ довольно долгаго разговора, Императоръ приказалъ кн. Тр. возвратиться въ армію. За побѣду подъ Кулевчею графу Дибичу данъ орденъ С. Георгія I-й степени.

По разсказамъ князя Тр. объ командовании арміею кн. Витгенштейномъ, видно, что присутствіе Императора весьма стѣсняло главнокомандующаго, не смотря на желаніе Государя быть не распорядителемъ, а только зрителемъ кампаніи. Весь дипломатическій корпусъ, со всѣми послами, сопровождалъ главную квартиру. Былъ составленъ военный совѣтъ изъ генераловъ Жомини, Довре, Васильчикова, кн. Щербатова и начальника главнаго штаба П. Д. Киселева. Оттуда шли приказанія, часто сбивчивые и противорѣчивые; тамъ сочинялись этими стратегиками планы чампаній, исполнителемъ которыхъ долженъ былъ быть кн. Витгенштейнъ, большею частію не соглашавшійся съ ними и не бывшій въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ своего штаба генераломъ Киселевымъ. Все это производило безпорядки, лишало армію единства дѣйствія и дѣйствовало пагубно на ходъ кампаніи. Во время осады Варны, гдѣ находится самъ Императоръ на кораблѣ Парижъ, кн. Витгенштейнъ былъ оставленъ подъ Шумлою. Узнавши, что Государь возвращается въ Россію, фельдмаршалъ послалъ князя Тр. предупредить графа Дибича, что онъ ѣдетъ проводить Императора и получить дальнѣйшіе приказанія. Графъ Дибичь, увидѣвши кн. Тр., сказалъ, чтобъ онъ поспѣшилъ возвратиться и остановить пріѣздъ кн. Витгейнштейна по той причинѣ, что Государь, спѣша къ имянинамъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, не можетъ дожидаться фельдмаршала, при чемъ передалъ ему рескритъ, въ которомъ было объявлено, что Государь вручаетъ кн. Витгенштейну продолженіе зимней кампаніи. Рескриптъ хотя былъ написанъ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, но главнокомандующій ясно увидалъ немилость къ нему Государя. Онъ въ первую минуту, по пріѣздѣ въ Варну, былъ глубоко опечаленъ отъѣздомъ Государя, чувствуя, что онъ вполнѣ оплетенъ интригами и погубленъ въ его мнѣніи. Одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія противъ фельдмаршала была та, что князь не рѣшался перейти Балканы, безъ прибытія резервовъ изъ Россіи, на чтó въ послѣдствіи рѣшился графъ Дибичь. Одно обстоятельство еще болѣе огорчало кн. Витгенштейна. Это то, что сынъ его, флигель-адъютантъ князь Людвигъ, почти на канунѣ отъѣзда Государева, былъ уволенъ въ отставку безъ его просьбы, во время войны, по навѣтамъ его враговъ, представившихъ превратно Государю желаніе молодаго князя временно оставить армію для свиданія съ женою, урожденною кн. Радзивилъ. Всѣ эти огорченія сдѣлали то, что князь Витгенштейнъ тутъ же хотѣлъ сложить съ себя командованіе арміею, но мольбы князя Тр. съ трудомъ успокоили раздраженнаго старика, и только весною 1829 г. онъ сдалъ армію графу Дибичу.

Князь Витгенштейнъ умеръ на дорогѣ въ Львовъ на первой станціи, проѣздомъ заграницу, въ 1835 году 15 Іюля.

Поправка къ стр. 451-й, строки 12 и 13 снизу: «31 Іюля 1812 получилъ Георгія 3-й степени въ чинѣ подполковника»; и ниже «16 Октября 1812»; а упомянутый на той же стр. генералъ не Граббе, а Гарпе.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Ев. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й*, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

7 и 8. 1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°. Большая Дмитровка. № 7.
1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ИЗМАЙЛОВА КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

1816 — 1830.

I.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 10-го числа минувшаго Апрѣля, и приношу вамъ чувствительную мою благодарность за весьма лестное для меня ваше ко мнѣ благорасположеніе.

Вы изволите ободрять меня, совѣтуя мнѣ *идти надежно по слѣдамъ веселыхъ моралистовъ*. Ахъ! я не столько надѣюсь, сколько страшусь, вступивъ на сіе обширное и скользкое поприще. Чѣмъ болѣе читаю Лафонтена и другихъ славныхъ фабулистовъ и критиковъ, тѣмъ болѣе имѣю причинъ опасаться и не довѣрять самому себѣ. Весьма много почитаю себя обязаннымъ отечественнымъ баснописцамъ, ибо хорошіе образцы на своемъ языкѣ полезнѣе всякой теоріи и правилъ. По моему мнѣнію, Хемницеръ и Крыловъ весьма близко подошли къ Лафонтену: первый своимъ простодушіемъ, а вторый веселостью и живостію разговора. Но ни тотъ, ни другой не имѣютъ любезной его чувствительности, силы и благородства въ выраженіяхъ, которыя столь удачно сохранили вы въ своихъ подражаніяхъ. Я удивляюсь, какъ ваше превосходительство могли столь хорошо и столь близко переводить Лафонтена. Отъ Лафонтена и отъ васъ узналъ я, что баснописецъ долженъ быть настоящій поэтъ, то-есть долженъ имѣть чувство, составляющее существенное свойство поэта, и при всей простотѣ разсказа не унижать никогда языка боговъ.

Кажется, у насъ любятъ теперь читать басни. Никогда еще не раскупали здѣсь такъ хорошо ни одной книги, какъ раскупаютъ нынѣ басни Крылова. Жаль очень, что въ 4-й и 5-й частяхъ помѣстилъ онъ довольно посредственныхъ басенъ и оставилъ въ прочихъ нѣсколько слабыхъ и даже дурныхъ стиховъ, которые весьма бы легко можно было поправить. Завидуя его успѣхамъ, многіе здѣсь принялись писать басни, и пишутъ ежели не успѣшно, за то весьма поспѣшно. У главнаго издателя «Духа Журналовъ» подряженъ одинъ молодой баснописецъ Лузановъ, который всякую почти недѣлю ставитъ ему по двѣ и по три басни. Вотъ настоящій и самый плодовитый Fablier! Графъ Д. И. Хвостовъ намѣренъ сдѣлать второе изданіе своихъ Притчей. Не извѣстно еще, скоро ли онѣ появятся къ свѣтъ, но давно уже одобрены цензурою къ напечатанію. Недавно вышла здѣсь 1-я книжка басенъ

и сказокъ Василья Тибѣкина, а вслѣдъ за оной должны выдти еще три книги. Г. Тибѣкинъ, какъ я слышалъ отъ книгопродавцевъ, человѣкъ уже пожилой и съ просвѣщеннымъ вкусомъ: онъ строго критикуетъ въ книжныхъ лавкахъ сочиненія Карамзина и хвалитъ свои басни, называя ихъ *ядовитыми*. И подлинно ядовиты! Вотъ какъ онъ пишетъ:

„На споръ и драку къ нимъ
Съ усердіемъ своимъ
Въ подобныхъ случаяхъ искусный Разбирайло,
Крючекъ, Зацѣпичъ, Обдирайло".

Это у него подражаніе Лафонтену; это Perrin Dandin въ баснѣ: «Устрица и двое Прохожихъ».

А Шпицель вслѣдъ бѣжитъ и вякъ сему уроду:
Нарядъ не можетъ скрыть породу.

Такъ говоритъ устами г. Тибѣкина Собака Обезьянѣ, которая нарядилась въ платье своей госпожи.

Но я уже наскучилъ вашему превосходительству дурными стихами и дурною прозою. Прошу покорнѣйше великодушно меня въ ономъ извинить.

Съ чувствованіемъ глубочайшаго высокопочитанія и душевной преданности имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Измайловъ *).

4 Мая 1816 г.

II.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за присылку мнѣ экземпляра новаго изданія вашихъ сочиненій. Эта прекрасная книга, съ надписью душевно почитаемаго и любимаго мною автора, будетъ служить лучшимъ украшеніемъ маленькой моей библіотеки и сохранится навсегда въ моей фамиліи. Жаль только, что не нашелъ я при первой части вашего портрета.

Вашему высокопревосходительству угодно было сдѣлать по замѣчаніямъ моимъ поправки въ басняхъ: «Орелъ и Каплунъ, Ружье и Заяцъ, Левъ и Комаръ». А какъ именно за сіи самыя замѣчанія, года полтора тому назадъ, бранили меня здѣсь многіе знатоки словесности, особенно извѣстный авторъ Забавнаго Словаря и двухъ или трехъ жалкихъ эпиграммъ! Досталось мнѣ также и отъ партизановъ И. А. Крылова! Тѣ и другіе называли меня невѣждою, завистникомъ и т. п. Хорошо еще, что ничего не написали! — Благодаря Бога, я имѣю столько здраваго разсудка, что никогда не стану почитать себя соперникомъ или завидовать тому, у кого учился и кому старался всегда подражать. Я увѣренъ, что ваше высокопревосходительство не сердились за сдѣланныя мною замѣчанія на ваши басни. Я могъ, какъ и всѣ другіе, ошибаться; но если увижу свои ошибки, то готовъ немедленно загладить оныя чистосердечнымъ и торжественнымъ признаніемъ.

22 Ноября 1818 г.

П. П. Письмо ваше и книжки получилъ я 19-го числа сего мѣсяца и потому такъ поздно благодарю васъ за нихъ. Порученіе ваше относительно г. Милонова мною исполнено. Онъ опредѣляется здѣсь къ должности подъ начальство А. И. Тургенева и печатаетъ теперь свои стихотворенія, которыя отдалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе здѣшнему книгопродавцу Глазунову за 500 р.

*) Обычное начало и конецъ въ дальнѣйшихъ письмахъ опускаются. П. Б.

III.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству 5-й № моего журнала. Экземпляръ вашихъ сочиненій, присланный ко мнѣ при почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 23-го числа минувшаго Февраля, доставленъ мною лично г. Милонову. Онъ получилъ исправно и прежній экземпляръ.

Для обертки посылаемой при семъ книжки употребляю новую мою сказку: «Смерть и Стихотворецъ». Я хотѣлъ было напечатать ее въ своемъ журналѣ; но теперь ничего не буду печатать и писать противъ гр. Д. И. Вчера получилъ я отъ Симбирскаго баснописца, *крошки-Маздорфа* письмо, которое тронуло меня до слезъ. Полтора уже года онъ безъ мѣста, боленъ, имѣетъ жену и маленькую дочь, которыя едва не умираютъ съ нимъ отъ голода. Онъ просилъ моего пособія, съ тѣмъ однако, чтобы я не объявлялъ о немъ въ журналѣ. Сегодня извѣстилъ я о бѣдственномъ его положеніи гр. Д. И. и сегодня же получилъ отъ него для доставленія г. Маздорфу сто рублей, которые взялъ онъ въ счетъ жалованья своего въ Сенатѣ.

Недавно здѣсь вышло новое и полное изданіе басенъ Крылова въ шести частяхъ, или лучше сказать, въ шести книгахъ. Жаль только, что оно не очень исправно напечатано. Издатель употребилъ разную бумагу, такъ что одинъ листъ въ книгѣ синій, а другой желтый. Никто столько у насъ не портитъ книгъ, какъ книгопродавцы по своему невѣжеству и корыстолюбію.

20 Марта 1869 г

IV.

Поздравляя ваше превосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи, желаю вамъ отъ всей искренности моего сердца препроводить оный и впредь препровождать многія лѣта въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Препровождаю при семъ 6-ю книжку *Благонамѣреннаго*. Въ ней изволите найдти между прочимъ замѣчанія на новую книжку: Карманная (ридикюльная) библіотека Аонидъ, надъ изданіемъ которой трудился неутомимый графъ Д. И. Хвостовъ со студентомъ 3-го разряда медико-хирургической академіи Ив. Георгіевскимъ, обучающимся тамъ не медицинѣ, но ветеринарному искусству. Не унимается нашъ графъ Дмитрій Ивановичъ: все еще пишетъ и хвастаетъ. Доказательство сему увидите въ прилагаемомъ при семъ его письмѣ къ Архангельскому архіерею, моему пріятелю *). Его сіятельство чрезвычайно на меня гнѣвается за то, что въ послѣднемъ торжественномъ собраніи нашего общества не прочтена была его сатира къ Разуму, очень неразумно написанная.

7 Апрѣля 82 г.
С.-Петербургъ.

V.

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю поздравить ваше высокопревосходительство какъ съ наступившимъ великоторжественнымъ праздникомъ Рождества Христова, такъ и съ наступающимъ новымъ годомъ.

*) Письмо сіе, всепокорнѣйше прошу, по прочтеніи, переслать ко мнѣ или предать въ жертву всеочистительной стихіи.

*

Отъ всей искренности моего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, препровели сей наступающій и многіе, многіе годы въ совершенномъ здоровьѣ и благополучіи.

Имѣю честь препроводить при семъ вашему высокопревосходительству первую книжку «Благонамѣреннаго» на будущій 1822 годъ. XXI и XXII № моего журнала, надѣюсь, выдутъ къ 1-му числу Января, а остальные XXIII и XXIV въ исходѣ того мѣсяца. Сіи два нумера (въ одной книжкѣ) посвящены будутъ памяти несчастнаго Милонова. Нѣсколько общихъ нашихъ съ нимъ друзей и пріятелей положили торжествовать сороковой день послѣ его кончины. Итакъ, собравшись всѣ вмѣстѣ въ этотъ день, отслужили по немъ панихиду, а изъ церкви пришли ко мнѣ и открыли засѣданіе. Изъ читанныхъ піэсъ лучшія по моему мнѣнію суть: Сравненіе (младшаго Княжевича) двухъ переводовъ Шиллеровой оды (Жуковскаго *къ Мечтѣ* и Милонова *къ Юности*) и стихи Панаева. Мнѣ ничего не удалось написать кромѣ надгробія, которое надобно еще передѣлать. Какъ жаль бѣднаго Милонова! Вашему высокопревосходительству извѣстна настоящая причина преждевременной его смерти. Онъ умеръ отъ невоздержанія. За два только часа передъ смертью, какъ пришелъ священникъ исповѣдывать его и пріобщать, пересталъ онъ пить. Эту несчастную страсть получилъ онъ, кажется, еще въ училищѣ; я познакомился съ нимъ прежде еще, нежели онъ вступилъ къ вамъ въ департаментъ, а онъ уже и тогда былъ самый ревностный поклонникъ Бахуса. Въ прошедшемъ году, передъ поѣздкою въ деревню, мѣсяца два находился въ ужасномъ сумашествіи, и даже по возвращеніи его сюда изъ деревни, особливо въ послѣднее время, весьма примѣтно въ немъ было помѣшательство ума. Онъ сдѣлался чрезвычайно набоженъ и только-что молился да пилъ. Ни друзья, ни самые ближніе родственники никакъ не могли воздержать его отъ этой пагубной страсти. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ покойникъ при мнѣ ввелъ въ краску знаменитаго пѣвца Кубры. Прошедшею зимою былъ здѣсь Вологодской стихотворецъ П. А. Межаковъ, который каждое воскресенье дѣлалъ у себя вечеринки для литераторовъ. Графъ Д. И. не пропускалъ ни одного воскресенья и пріѣзжалъ обыкновенно съ двумя или тремя своими адъютантами и съ пукомъ стиховъ. Однажды, въ самое то время, какъ шли уже мы ужинать, является вдругъ Михаило Васильевичъ въ полномъ своемъ гардеробѣ, въ мундирномъ сюртукѣ *), едва стоитъ на ногахъ, требуетъ воды, но выпиваетъ большую рюмку водки и садится съ нами за столъ. Хозяинъ, самый деликатный человѣкъ, посовѣстился удалить его; впрочемъ, кромѣ мужчинъ, никого тутъ не было, да и тѣ все стихотворцы. За ужиномъ вздумалось Милонову хвалить графа и грозить за него всѣмъ намъ. Это было очень пріятно его сіятельству; но какъ Милоновъ, выхваливъ всю доброту его сердца, отозвался не слишкомъ выгодно о его стихо-

*) А. И. Тургеневъ опредѣлилъ, изъ сожалѣнія, Милонова въ свой департаментъ, но принужденъ былъ вскорѣ его исключить. Послѣ того, когда М. не зналъ куда преклонить голову, генералъ-провіантмейстеръ Абакумовъ взялъ его къ себѣ, обмундировалъ, далъ ему комнату въ своемъ домѣ, столъ,—словомъ, все, и записалъ его въ свой штатъ, гдѣ М. и числился до самой кончины. Но и тутъ несчастный Михайло Васильевичъ не могъ удержаться, хотя Абакумовъ обходился съ нимъ не какъ начальникъ, но какъ отецъ. А. И.

твореніяхъ, то графъ немного поморщился. Милоновъ, замѣтя это, излилъ на него всю сатирическую желчь свою и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, какія не имѣютъ мѣста въ языкѣ боговъ. Едва могли мы удержаться отъ смѣха. Хозяинъ не зналъ что̀ дѣлать; графъ принужденъ былъ скрыть свою досаду, обратилъ все это въ шутку и первый началъ смѣяться. Какъ онъ добръ! Только что скончался бѣдный Михаило Васильевичъ, графъ сочинилъ ему эпитафію, которая напечатана уже въ 21 и 22 №№ «Благонамѣреннаго» вмѣстѣ съ другою же его эпитафіею Дмитревскому. При семъ случаѣ нельзя не вспомнить эпиграммы Лебрэня:

Tu fais l'épitaphe d'Etienne;
Que ne fait-il la tienne?

Я виноватъ еще передъ вашимъ высокопревосходительствомъ, не исполнивъ до сего времени приказанія вашего увѣдомить васъ о имени предсѣдательницы или попечительницы небольшаго нашего дружескаго литературнаго общества. Это г-жа Пономарева, дочь служившаго нѣкогда въ сенатѣ ст. сов. Позняка. Она дѣйствительно имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и италіянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма не дурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепіано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь.—Но я уже наскучилъ, думаю, вамъ длиннымъ моимъ посланіемъ, которое не складнѣе посланій гр. Д. И.

26 Декабря 1821 г.

VI.

Простите меня, ваше высокопревосходительство, что я столь поздно поздравляю васъ съ праздникомъ и что не отправилъ къ вамъ XIV № на прошедшей почтѣ. Всю прошедшую недѣлю я былъ чрезвычайно занятъ и притомъ говѣлъ; въ первый день праздника простудился и, прочитавъ присланное ко мнѣ отъ графа Д. И., «не въ видѣ краснаго яичка, нарядное изданіе стиховъ его, на праздникъ 4 Февраля», занемогъ было не на шутку. Какому-то проказнику вздумалось въ прошедшую субботу, т. е. 1-го числа Апрѣля, послать къ его сіятельству отъ имени жены моей похоронный билетъ. Это чрезвычайно огорчило добродушнаго графа; тотчасъ отправилъ онъ ко мнѣ на домъ инкогнито нарочнаго и, удостовѣрясь чрезъ него, что слухъ сей лживъ и что я живъ, прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ симъ пасквильнымъ билетомъ дружеское посланіе, которое беру смѣлость препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству въ надеждѣ, что проза гр. Д. И. разсмѣшитъ васъ.

Стихъ, поставленный въ началѣ посланія: «Я шутокъ не люблю ни въ прозѣ, ни въ стихахъ», принадлежитъ, какъ сказываютъ, Государю. Графъ Ч****, желая получить Александровскую ленту, прислалъ къ Императору не такъ давно стихи на французскомъ языкѣ, въ которыхъ между прочимъ упомянулъ, что Александръ у него въ сердцѣ и что онъ желалъ бы имѣть его *на сердцѣ*. Но Государь, вмѣсто ордена, какъ увѣряютъ, наградилъ его однимъ только этимъ шестистопнымъ стишкомъ.

Недавно возвратился сюда изъ чужихъ

краевъ К. Н. Батюшковъ. Съ нимъ случилось величайшее несчастіе. Онъ, какъ говорятъ, почти помѣшался и даже не узнаетъ коротко знакомыхъ. Это слѣдствіе полученныхъ имъ, по послѣднему мѣсту, непріятностей отъ начальства. Его упрекали тѣмъ, что онъ писалъ стихи, и потому считали неспособнымъ къ дипломатической службѣ. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ. Что если это дѣйствительно справедливо? Къ несчастію, есть вельможи, которые вмѣняютъ въ величайшее преступленіе своимъ подчиненнымъ занятія въ словесности, особенно въ поэзіи. Это я знаю по собственному опыту.

6 Апрѣля 1822 г.

VII.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 21-го ч. минувшаго Сентября. Получивъ позволеніе ваше доставлять къ вамъ новыя произведенія нашихъ стихотворцевъ, обреченныя вѣчно оставаться въ рукописяхъ, препровождаю при семъ двѣ бездѣлки: 1) Honny soit qui mal y pense *) и 2) пародію одной старинной Русской пѣсни. При семъ прилагаю посланіе къ знаменитому нашему драматургу Ганину, отвѣтъ его, нѣсколько писемъ о ученыхъ предметахъ графа Д. И. Хвостова и еще письмо одного графа, который столько же почти славится своимъ театромъ, сколько первый своими стихотвореніями. Если не скучно будетъ вашему высокопревосходительству читать піэсы сего рода, то я могу доставить вамъ много еще такихъ рукописей, которыя напрасно только занимаютъ у меня мѣсто.

*) Этихъ стиховъ, написанныхъ Б. Ѳед. на счетъ Баратынскаго, теперь не могу отыскать. Пародія сочинена однимъ изъ молодыхъ нашихъ поэтовъ.

Обязанностію почитаю сообщить вашему высокопревосходительству нѣкоторыя здѣшнія литературныя и ученыя новости.

Два брата покойнаго Озерова продали вновь его творенія двумъ нашимъ книгопродавцамъ: Глазунову и Заикину, и каждый изъ нихъ хочетъ сдѣлать особое великолѣпное изданіе съ виньетами и гравированными картинами. Для Глазунова сочинилъ виньеты величайшій артистъ нашъ малютка А. Н. Оленинъ.

Онъ же А. Н. Оленинъ, въ послѣднемъ засѣданіи Академіи Художествъ, предложилъ въ почетные члены графа Д. А. Гурьева и графа В. П. Кочубея. Вице-президентъ, бывшій издатель «Сіонскаго Вѣстника», А. Ѳ. Лабзинъ, спросилъ его, по какой именно причинѣ предлагаетъ онъ ихъ въ почетные члены.—«Потому, отвѣчалъ Оленинъ, что они любятъ художества и очень близки къ Государю».—«Позвольте же ваше пре—во и мнѣ предложить въ почетные члены человѣка, который также любитъ художества и весьма близокъ къ Государю».—«Извольте, мы вамъ будемъ благодарны».—«Имѣю честь предложить лейбъ-кучера Е. И. В. Илью Ивановича», сказалъ Лабзинъ. Хотѣли было, говорятъ записать это въ журналъ *).

Первѣйшая наша актриса Семенова терпѣть не можетъ актера Каратыгина за то, что онъ учится у поэта Катенина, который, не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи, читать, обучаетъ

*) Графъ М. А. донесъ уже о семъ и Государю. Когда въ Академіи Художествъ брали подписки съ масоновъ, то А. Н. Оленинъ сказалъ весьма сильную противъ нихъ рѣчь въ присутствіи Лабзина, и у нихъ вышла тутъ небольшая размолвка. А. И.

также и молодую Колосову. Стоило великаго труда Толченову испросить у нашей гордой Мельпомены позволенія играть въ бенифисъ его (въ трагедіи Поликсенѣ) Каратыгину роль Пирра. По окончаніи піэсы, публика вызвала Семенову и Каратыгина. Семенова вышла, но не съ Каратыгинымъ, а съ Азаревичевою, игравшею роль Поликсены, которую публика и не требовала. Катенинъ осмѣлился сказать, что Азаревичевой *не надобно*! Графу М. А. Милорадовичу перетолковали, будто онъ сказалъ это о Семеновой, и графъ запретилъ ему ѣздить въ театръ. — Графъ теперь главный начальникъ здѣшняго театра; но онъ слушаетъ во всемъ Майкова, Майковъ князя Шаховскаго, а Шаховскій актрису Ежову.

Въ послѣдней книжкѣ «Журнала Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатана статья о *Вкусѣ*, написанная М. М. Сперанскимъ. Я не читалъ этой статьи, а многіе чрезвычайно ее хвалятъ. Однакоже редактору сдѣлано отъ попечителя здѣшняго университета замѣчаніе, что сія піэса не *согласна съ духомъ министерства*. Редакторъ осмѣлился представить г. попечителю, что онъ не знаетъ, въ чемъ именно состоитъ духъ М. Н. П. и просилъ по сему случаю инструкціи, однакоже не получилъ еще никакого разрѣшенія.

Въ прошедшую среду 4-го ч. сего Октября, издатель *Сына Отечества* давалъ у себя праздникъ въ память *десятилѣтія* своего журнала. Гостей было слишкомъ сто человѣкъ, и въ томъ числѣ почти половина литераторовъ. Меня заставили описать сей интересный праздникъ. Я исписалъ уже цѣлый листъ стихами и прозою. Если выдетъ изъ этого что-нибудь сносное, то напечатаю въ «Благонамѣренномъ».

Вотъ всѣ наши литературныя новости. Ахъ, виноватъ! Забылъ самую интересную. Нынѣшнимъ лѣтомъ Крыловъ и еще нѣсколько литераторовъ (не знаю уже кто именно) нанимали на общій счетъ дачу гдѣ-то близко Руки. Иногда бывали у нихъ и чтенія. Главою этого общества былъ Крыловъ, прозванный отъ членовъ Соловьемъ. Графъ Д. И., *пронюхавъ* (съ позволенія сказать) это, написалъ стихи *Пѣвцу-Соловью* и поѣхалъ съ ними на дачу въ то самое время, когда было тамъ чтеніе. Не прежде пустили его въ залу собранія, какъ онъ объявилъ желаніе быть членомъ и внесъ въ качествѣ онаго на общественныя издержки 25 руб. Графъ просилъ позволенія прочесть оду свою *Пѣвцу-Соловью*. «Сколько строфъ или куплетовъ»? спросили его — «Двадцать», отвѣчалъ онъ и началъ читать. Только что окончилъ онъ первую строфу, какъ раздались рукоплесканія. Онъ хотѣлъ начать вторую, но ему не даютъ читать и все аплодируютъ. Графъ сконфузился. Одинъ изъ членовъ объяснилъ ему, что когда при чтеніи аплодируютъ, то читающій долженъ, по уставу, купить бутылку шампанскаго и подчивать слушающихъ. Итакъ 20 строфъ стали его сія—ву 200 или 300 р.—Я недавно о семъ услышалъ, и при первомъ свиданіи съ Крыловымъ спрошу его, такъ ли было дѣло?

Но я уже вѣрно наскучилъ вашему высокопревосходительству своими новостями. Не могъ удержаться, чтобъ не написать нѣсколько лишнихъ строкъ о графѣ Д. И.

8-е Октября 1822.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурной почеркъ и дурной складъ моего письма. Въ надеждѣ на вашу снисхо-

дительность писалъ торопясь, прямо набѣло.

А. П. Бунина передъ отъѣздомъ въ Ревель написала мнѣ для альбома піэсу подъ заглавіемъ: «Темпераментологія Анны Буниной» и требуетъ напечатать ее въ *Благонамѣренномъ*. Исполню повелѣніе. Совсѣмъ разучилась писать!

VIII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступившимъ новымъ годомъ. Молю Аполлона, да ниспошлетъ достойному любимцу своему, до котораго не чувствовали еще мы всей сладости нашей поэзіи, столько же благъ, сколько написалъ онъ прелестныхъ стиховъ.

Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству первую книжку *Благонамѣреннаго* на нынѣшній 1823 годъ. Въ ней всѣ статьи оригинальныя: нѣтъ ни одного перевода, но нѣтъ также ни разбора басенъ, ни извѣстій о новыхъ книгахъ, даже о «Полярной Звѣздѣ», о которой такъ много здѣсь говорятъ *) и въ которой такъ много хорошаго и дурнаго. Но всего хуже, по моему мнѣнію, тутъ *Взглядъ на Русскую Словесность*. Какое пристрастіе и неосновательность въ сужденіяхъ о новѣйшихъ нашихъ писателяхъ! И какимъ шутовскимъ языкомъ все это написано подъ руководствомъ временныхъ засѣдателей нашего Парнасса!

Мнѣ хочется хорошенько разобрать эту піэсу, хочется заняться разборомъ всѣхъ вообще басенъ лучшихъ нашихъ фабулистовъ, которыхъ, такъ какъ и Лафонтена, читалъ прежде почти ежедневно, но—on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительную мою благодарность за совѣтъ относительно анекдотовъ о нашихъ писателяхъ. Давно уже собираю я всѣ вообще русскіе анекдоты; но анекдотовъ о русскихъ литераторахъ, къ сожалѣнію, у меня очень еще мало, по крайней мѣрѣ такихъ, которые позволятъ напечатать.

1 Генваря 1823 г.

IX.

Сію минуту имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 11-го ч. сего Генваря и спѣшу отвѣчать на оное. Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за всѣ ваши совѣты и наставленія относительно *Благонамѣреннаго*; постараюсь воспользоваться ими и надѣюсь, если только болѣе буду имѣть досуга, сдѣлать журналъ мой занимательнѣе прежняго. У меня отнимаетъ много времени *стирка чужаго бѣлья*, или поправка прозаическихъ переводовъ, а иногда и сочиненій; но послѣднія все какъ-то легче поправлять. Слава Богу! на первый случай имѣю довольно матеріаловъ, и добрые люди обѣщались помочь мнѣ.

Препровождаю при семъ послѣдніе два нумера за прошедшій годъ. Въ этихъ книжкахъ, или, лучше сказать, въ этой книжкѣ, составленной и печатанной во время святокъ,—самыя сухія піэсы. Есть за что читателямъ побранить издателя.

Вчера былъ я въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи. Засѣданіе открылось чтеніемъ записки о занятіяхъ Ака-

*) Книжка эта, какъ сказываютъ, и вѣроятно «Притчи Остолопова» обратили на себя вниманіе Мин. Нар. Пр.

деміи въ послѣдніе два года. Потомъ почтеннѣйшій исторіографъ намъ прочиталъ два весьма любопытные отрывка изъ X тома своей исторіи: 1) О убіеніи царевича Димитрія и 2) О избраніи на царство Бориса Годунова. Послѣ него читалъ Гнѣдичъ переводъ Жуковскаго изъ Энеиды россійскими гекзаметрами (Взятіе и сожженіи Трои). До сихъ поръ шло все очень хорошо; но какъ началъ *Петрушка Соколовъ* (такъ называютъ его всѣ старинные, сугубые сочлены) читать переводъ свой изъ Тита-Ливія о спасеніи Капитолія гусями и Камплломъ, то невозможно почти было слушать—такъ онъ несносно переводитъ и читаетъ! Дочитавъ до гусей, взглянулъ онъ и показалъ рукою на Крылова. Крыловъ улыбнулся; улыбнулся А. Н. Оленинъ и самъ важный Гнѣдичь. Наконецъ князь Шаховской прочелъ двѣ сцены изъ какой-то Аристофановой комедіи. Сколько можно было разслышать, то стихи его очень хороши, по крайней мѣрѣ плавны. Въ заключеніе вышерѣченный секретарь Петрушка Соколовъ объявилъ громогласно, что Академія единогласно опредѣлила наградить его высокопревосходительство Ивана Ивановича Дмитріева и его высокоблагородіе Ивана Андреевича Крылова большими золотыми медалями. Раздались въ залѣ рукоплесканія.

«Миленькой, сказалъ мнѣ при выходѣ П. П. Свиньинъ: намъ съ вами работа»!— Весьма пріятная, отвѣчалъ я.

Сегодня будетъ тоже торжественное собраніе въ Минералогическомъ Обществѣ. Графъ Д. И. Х. будетъ читить свою поэму или посланіе къ вице-адмиралу Сарычеву *); не упомню заглавіе піэсы, хотя имѣю уже печатный экземпляръ. Г-жа Сарычева сказывала мнѣ, что когда графъ читалъ у нихъ въ домѣ свое посланіе, то какъ нарочно у всѣхъ разболѣлась голова.

Я думалъ, что онъ разсердится на меня за сказку: *Встрѣча двухъ подругъ*. Ничего не бывало—такъ же ласковъ, какъ и прежде.

Начинается брань у *Русскаго Инвалида* съ *Сыномъ Отечества*, и кажется будетъ продолжительная.

Вслѣдствіе Сатирической Газеты № 1, пріѣзжалъ ко мнѣ какой-то семинаристъ предлагать услуги свои и знанія въ грамматикѣ и риторикѣ. Жаль только, что пріѣзжалъ безъ меня.

Вотъ всѣ наши литтературныя новости! Извините, ваше высокопревосходительство, что на сей разъ не могу служить оными болѣе.

15 Генваря 1823 г.

P. S. Въ Россійской Академіи были и дамы. Я видѣлъ супругу г. предсѣдателя въ дверяхъ залы, и если не ошибаюсь, то и семейство почтеннѣйшаго нашего исторіографа, у котораго, къ стыду моему, ни однажды еще не былъ.

X.

Имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству III-ю книжку Благонамѣреннаго, въ которой есть статья и о амплификаціи. Эту статью цензоръ обрѣзалъ такъ, что ничего кромѣ выписокъ не осталось. У меня между прочемъ сказано было въ заключеніи: «Непростительно записному литтератору не знать значенія извѣстнаго риторическаго термина; непростительнѣе спорить о семъ съ людьми, которые несравненно свѣдущѣе его въ

*) Члену Рудословія и Домоводства.

теоріи словесности; а торжественно обвинять ихъ въ заблужденіи и показывать свое невѣжество—во сто разъ еще непростительнѣе». Все это и еще нѣкоторыя, подобныя сему истины, *закрещены* смѣлою рукою осторожнаго цензора, потому что *изъяснитель пустословія* a posteriori находится подъ высокимъ покровительствомъ попечителя М. У.

Еще могу служить вашему высокопревосходительству новымъ анекдотомъ о графѣ Д. И. Х. *Польскій литераторъ, становящійся въ рядъ русскихъ свѣтскихъ писателей*, издатель «Сѣвернаго Архива», Өаддей Булгаринъ просилъ его сіятельство замолвить слово о его дѣлѣ какому-то сенатору. Графъ исполнилъ это и сказалъ Булгарину, что онъ радъ все для него сдѣлать. «Сдѣлайте милость, прибавилъ онъ, не церемоньтесь со мною. Если пришлютъ къ вамъ какія-нибудь на меня критики,—печатайте; я не буду въ претензіи.» Булгаринъ пріѣзжаетъ домой, и ему подаютъ панигирикъ гр. Хвостову съ собственноручными его поправками.

15 Февраля 1823 г.

XI.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за драгоцѣнный для меня даръ—новое изданіе вашихъ стихотвореній. Сегодня получилъ я съ почты ваши книжки; отдамъ ихъ завтра же переплести въ самый лучшій переплетъ и поставлю на первое мѣсто въ Русской моей библіотекѣ. Чувствительнѣйше также благодарю ваше высокопревосходительство за всѣ ваши совѣты и наставленія относительно моего журнала. Кипу бумагъ Дегеннина охотно передамъ моему *чугунному лбу, русскому Жуи, польскому литтератору* Өаддею Булгарину; готовъ подѣлиться ими даже и съ *мѣднымъ лбомъ*. Я далъ себѣ клятву не принимать никакихъ статей отъ безграмотныхъ нашихъ переводчиковъ. Ахъ! сколько мытье чужаго грязнаго бѣлья отняло у меня времени! Еслибъ не это, давно бы готовъ былъ у меня трактатъ о баснѣ и коментаріи на трехъ первыхъ нашихъ баснописцевъ, которыхъ настоящаго достоинства и теперь еще многіе записные словесники не понимаютъ. Въ случаѣ недостатка матеріаловъ, лучше буду наполнять книжки выписками изъ книгъ. Но теперь, слава Богу, есть у меня матеріалъ. Немножко поотдѣлался; хочется кой съ кѣмъ пораздѣлаться. За обѣдомъ у издателей *Полярной Звѣзды* торжественно далъ я честное слово Булгарину сдѣлать его безсмертнымъ, но прежде совершенной казни вытерпитъ онъ у меня съ братіею нѣсколько мучительныхъ пытокъ. Скажутъ ли-то они тогда, что *Благонамѣренный забавенъ для своего круга*! На Святкахъ въ домѣ однихъ искреннихъ моихъ пріятелей давали маскарадъ. Мнѣ присовѣтовали одѣться Полярною Звѣздою. Я надѣлъ на себя арлекинское платье. Спереди и сзади прицѣпилъ двѣ большія изъ серебряной бумаги звѣзды, по крайней мѣрѣ по аршину. На шапкѣ торчала еще маленькая серебряная звѣздочка. Къ поясу прицѣпленъ былъ *фонарь критики*—дѣтскій барабанъ съ надписью:

> Ахъ лучше барабанъ поэта,
> Чѣмъ грязный критика свистокъ.

Это стихи Туманскаго изъ Полярной Звѣзды. Вошедши въ залу, забилъ я въ барабанъ и потомъ сказалъ экспромтомъ краткую рѣчь, въ которой всѣ выраженія заимствованы были изъ обозрѣнія Бесту-

жева Русской Словесности. Ко мнѣ присталъ какой-то геній съ букетомъ цвѣтовъ, и давай говорить со мной языкомъ модныхъ нашихъ романтиковъ. Всѣ думали, что мы сговорились напередъ,—такъ разговоръ нашъ шелъ удачно; но я черезъ недѣлю уже узналъ, кто дѣйствительно былъ этотъ геній. Вотъ почему Булгаринъ напечаталъ во 2-мъ № Литтературныхъ Листковъ, будто я представилъ себя *съ фонаремъ критики*, хотя всякой легко догадается, кого разумѣлъ я подъ именемъ *г. Безграмотнаго*.

Послѣ маскарада въ томъ же самомъ домѣ представляли комедію Шаховскаго: *Своя семья*. Меня просили написать къ ней прологъ; я написалъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не захотѣли играть его; сдѣлали другой, въ которомъ придѣлалъ я только окончаніе и прибавилъ нѣсколько стиховъ.—Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству этотъ прологъ. Сочинитель онаго есть молодой литтераторъ г. Чеславскій, котораго чуть не прокляли здѣсь за то, что осмѣлился послѣ Лобанова переводить Федру. Прилагаю также свою бездѣлку-пѣсню; въ прошедшій разъ забылъ я послать ее къ вамъ.

Крыловъ написалъ нѣсколько новыхъ басенъ. Я слышалъ только четыре, читанныя имъ при мнѣ у А. Н. Оленина. Очень хороши. Три изъ нихъ напечатаны будутъ во 2-мъ № Соревнователя.

Боюсь продолжать, чтобы не наскучить вашему высокопревосходительству. Другихъ литтературныхъ новостей у насъ нѣтъ, кромѣ того, что запрещено писать о игрѣ актеровъ. Недавно утверждено о семъ положеніе комитета министровъ.

1824 Февраля 1-го.

XII.

При отправленіи къ вашему высокопревосходительству 3-ей книжки Благонамѣреннаго я такъ былъ занятъ, что ничего не успѣлъ написать, а вложилъ только въ пакетъ Астронома Кулика и одинъ куплетъ изъ пародіи: «Извините, что случилось»!

Вотъ и четвертая книжка Благонамѣреннаго, вышедшая 5-ью днями послѣ срока. Въ ней есть прекраснѣйшіе стихи *послѣднѣйшаго изъ пѣвцевъ* и ученика его, студента ветеринарныхъ наукъ Ивана Георгіевскаго, котораго сравниваетъ онъ.... какъ бы вы изволили думать съ кѣмъ? Съ М. М. Сперанскимъ!!!—«У насъ изъ семинаристовъ выходятъ прекрасные люди, говорилъ графъ; вотъ напримѣръ: Сперанскій, Георгіевскій»! Стихи послѣдняго напечаталъ я по просьбѣ почти всей Медикохирургической Академіи, гдѣ онъ нетерпимъ; а кстати уже послѣ нихъ и стихи графа. Достанется мнѣ за это въ V-мъ №; нѣсколько разъ обманывалъ я публику, что не буду печатать у себя дурныхъ стиховъ. Если же еще что нибудь Георгіевскій, или графъ Хвостовъ пришлютъ, то право напечатаю на оберткѣ.

Графъ не ѣздитъ ни въ наше общество, ни въ Россійскую Академію. Сердится на президента, что по сіе время не даетъ ему большой золотой медали. Вчера получилъ я отъ его сіятельства поклонъ изъ бумажной лавки, гдѣ взялъ онъ полстопы бумаги на какіе-то новые куплеты.

Пусть ученѣйшій профессоръ г. Давыдовъ пишетъ трактатъ о ничтожности басеннаго рода въ литтературѣ; посмотримъ, что онъ напишетъ: можетъ-быть, дастъ кому-нибудь сюжетъ къ новой забавной

баснѣ. А у насъ здѣсь проявился новый баснописецъ изъ самыхъ старыхъ словесниковъ, именно Александръ Семеновичъ Шишковъ. Недавно пошла по рукамъ новая его басня: Эзопъ и Скоты. Эта басня написана на Италіянскомъ языкѣ, а я давно уже читалъ ее на Французскомъ. Какъ досадно, что позабылъ имя Италіянскаго автора и Французскаго переводчика, хотя и есть у меня полное собраніе басенъ послѣдняго.—Басня предлинная и прекрасная. О Русскомъ переводѣ нельзя сказать этого; впрочемъ найдется десятка съ полтора хорошихъ и, можетъ-быть, до полудюжины и удачныхъ стиховъ. За то сколько Славянскихъ и площадныхъ словъ! Юпитеръ, Эзопъ, Левъ и Оселъ не говорятъ, а рекутъ, точно такъ какъ Душенька въ забытой оперѣ Потемкина. Лисица обвиняетъ Чечотку, что много летало къ ней *хахалей*. Вмѣстѣ съ этой басней написаны два или три мадригала для альбомовъ; послѣдніе стишки очень хвалятъ фрейлины и штатсъ-дамы. Одинъ изъ здѣшнихъ государственныхъ людей, имѣющій въ Германіи славу ученаго мужа и писателя, спрашивалъ знакомаго мнѣ литтератора, въ чемъ наиболѣе успѣли наши словесники и особенно поэты. Тотъ отвѣчалъ ему, что въ басняхъ.—«О, батюшка! сказалъ его пре-во, поморщась. Это еще младенчество литтературы».—Les beaux esprits se rencontrent: одинаково думаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Отважные наши словесники не только бранятся, но и дерутся. Недавно выходилъ на дуель издатель Полярной Звѣзды Рылѣевъ, только не за стихи, а за прозу, и ни съ литтераторомъ, а съ подпоручикомъ Финляндской гвардіи, княземъ Шаховскимъ, мальчикомъ лѣтъ 18 или 19-ти, который написалъ болѣе двухъ сотъ писемъ къ побочной его сестрѣ, зрѣлой дѣвѣ и наскучившей своимъ дѣвствомъ. Богъ знаетъ, кто кого изъ нихъ соблазнилъ. Кн. Шаховскій не хотѣлъ было выходить на поединокъ; но Рылѣевъ, съ позволенія сказать, плюнулъ ему въ рыло, по правой, по другой, пинками... Друзья-свидѣтели розняли и убѣдили того и другаго драться по формѣ. Три раза стрѣляли другъ въ друга: кн. Шаховской остался невредимъ, а Рылѣевъ, какъ Ахиллъ, раненъ въ пяту. Бѣдный лежитъ теперь въ постелѣ; жена его, мать, побочная сестра и мать ея также въ постелѣ, всѣ больны.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за совѣты относительно *Благонамѣреннаго*. Праха Дегеннина тревожить не стану; а съ 7-го №, которымъ начнется новая часть, если позволитъ возможность, т. е. наличность матеріаловъ, стану отдѣлять не только стихи отъ прозы, но и сочиненія отъ переводовъ, и т. д.

7 Марта 1824.

XIII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи. Ото всей души, ото всего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, не только сей праздникъ, но и много, много еще таковыхъ праздниковъ проводили въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Вмѣсто краснаго яичка препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству мадригалъ графа Д. И. Хвостова, который хотя и не стоитъ простаго яйца, но заслуживаетъ вниманіе по собственноручной надписи одного изъ здѣшнихъ бла-

гочестивыхъ цензоровъ. Ахъ! и этотъ цензоръ, избѣгая непріятностей, намѣренъ вскорѣ оставить свою несносную по нынѣшнимъ обстоятельствамъ должность. Пожалѣешь о чурбанѣ, когда займетъ его мѣсто журавль! А вѣрно опредѣлятъ когонибудь изъ ханжей и дураковъ, гораздо хуже, нежели Бируковъ. Надобно отдать ему справедливость, что онъ весьма благородно поступалъ съ нашею братьею журналистами и не только не дѣлалъ никому притѣсненія, но даже многихъ остерегалъ и берегъ.

Препровождаю также новую мою басню: *Слонъ и Собаки.* Согрѣшилъ, окрестилъ въ полыньѣ третьяго дни послѣ исповѣди-басурмана Поляка, Гречева ученика и клеврета, самозванца, критика и поэта. Мѣсяца два, или три назадъ, за обѣдомъ у издателей *Полярной Звѣзды*, торжественно обѣщалъ я ему безсмертіе. Сдержу слово, напишу сказку: *Ѳаддей чугунный лобъ.*

Съ наступленіемъ весны начнется, кажется, у журналистовъ прежаркая война. Позабавимъ на свой счетъ публику.

4 Апрѣля 1824.
С.-Петербургъ.

XIV.

Извольте ожидать, ваше высокопревосходительство, новой поэмы отъ нашего Байрона: перевезенный изъ Ораніенбаума и перестроенный въ теченіи трехъ мѣсяцевъ у Чернышева моста деревянный театръ сгорѣлъ въ три часа 2-го ч. сего мѣсяца. Театръ сгорѣлъ, но Бардъ нашъ остался невредимъ.

И хоть отъ старости чуть дышетъ,
А новую поэму пишетъ.

Напишетъ, напечатаетъ, велитъ перевести на Нѣмецкій языкъ и разошлетъ всѣмъ друзьямъ и врагамъ своимъ по нѣскольку экземпляровъ.

Напрасно изволите, ваше высокопревосходительство, подозрѣвать Очкина съ товарищами въ поправкѣ стиховъ нашего Барда. Очкинъ не стихотворецъ и не бываетъ у графа, а ходятъ къ нему, поправляютъ его стихи и издаютъ ихъ все кутейники: магистры и профессора. Покойный Г. Р. Державинъ сказалъ однажды: «графъ Д. И., право, добрый человѣкъ, но пускаетъ къ себѣ мерзавцевъ; пріѣду къ нему съ палкою и всѣхъ разгоню». Жаль, что это благое намѣреніе осталось безъ исполненія.

Недавно слышалъ я презабавный анекдотъ о графѣ. Какъ-то по наряду былъ онъ въ крестномъ ходу на стѣнахъ Петроплавловской крѣпости въ день Преполовенія. Народу собралось множество, давка сдѣлалась нестерпимою. Какой-то забавникъ при этомъ случаѣ сказалъ: «Жаль, что графъ присланъ сюда въ качествѣ сенатора, а не въ качествѣ стихотворца,— прочти онъ только теперь дюжину стиховъ, и толпа разсѣется». Графъ пожертвовалъ нѣсколько десятковъ послѣдней своей поэмы на потопъ въ Пользу Россійско-Американской компаніи. И уже всѣ экземпляры отправлены на островъ Ситху для дѣланія изъ оныхъ патроновъ.

Въ прошедшее воскресенье было торжественное собраніе въ здѣшнемъ Минералогическомъ Обществѣ. Между прочимъ профессоръ Соколовъ читалъ какую-то статью о горахъ. М. Л. Магницкій не могъ дослушать всей піэсы: найдя въ ней что-то противное Библіи, перекрестился и удалился. Теперь эту статью разсматриваетъ нашъ министръ.

Вчера получилъ я изъ Москвы эпиграмму на издателя Дамскаго Журнала:

Петрушку-грубіяна,
Феклистъ *Лукіяновичъ* за что-то потузилъ.
Ну, ладно! про себя Петрушка говорилъ;
Чтобы меня Феклистъ не билъ,
Я нападу и самъ на дряхлаго Лукьяна.

Вотъ рѣзкая черта безсильныхъ подлецовъ;
Но надобно учить Петрушекъ-наглецовъ.

Какъ благородно кн. Шаликовъ поступилъ съ моимъ племянникомъ! Разругалъ дряхлаго старика его отца за слезы и вздохи. Достанется же и ему самому! Попрошу графа, моего крестника, извѣстнаго словесника, чтобы написалъ на князя притчу; а если графъ напишетъ неудачно, то напишу самъ и прославлю Петрушку не менѣе, чѣмъ Павлушку. Теперь же кстати есть у меня книжки на четыре, или на пять, піэсъ, и все оригинальныхъ; такъ можно удѣлить вечеръ - другой на панигирикъ Дамскому писателю.

Но думаю, что я уже наскучилъ вашему высокопревосходительству и графомъ и княземъ, не менѣе чѣмъ они своимъ читателямъ и читательницамъ.—Простите мою нескромность.

5 Марта 1825.
С.-Петербургъ.

XV.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Святыя Пасхи. Молю Аполлона, чтобы внушалъ вамъ каждый годъ передъ Святою недѣлею хотя по одной такой прекрасной баснѣ, какая напечатана въ новой *Полярной Звѣздѣ*, и чтобы вы написали еще по крайней мѣрѣ сорокъ такихъ басенъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я вчера вашего *Слѣпца, Собаку и Школьника.* Еслибъ и не читалъ я въ 26 № *Сѣверной Пчелы* (или *Осы*) что въ *Полярной Звѣздѣ* будетъ напечатано новое произведеніе *долго безмолвствовавшей вашей Музы*, то и тогда бы узналъ, чья это басня, по мастерской отдѣлкѣ стиховъ и особенно по глубокому чувству. Сего послѣдняго вовсе нѣтъ ни у Хемницера, ни у Крылова. Постараюсь на праздникахъ разобрать хорошенько вашего *Слѣпца* и *Добрушку.*

Кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, я прочелъ въ *Полярной Звѣздѣ* только взглядъ Завирашки на Русскую словесность 1824 и 1825 да Восточныя Повѣсти, переведенныя Сеньковскимъ съ разныхъ языковъ на Польскій, а съ Польскаго Булгаринымъ на Русскій. Переводъ очень плохъ; есть самыя ученическія ошибки: видно учителю (Гречу) всего этого безграмотнаго народа (какъ грамматическій нашъ оберъ-полицеймейстеръ называетъ друзей своихъ) было недосужно, или полѣнился поправить. Взглядъ же *Завирашки* поднялъ всю мою желчь, хотя истинно я очень хладнокровенъ. Какой варварскій языкъ! Какой рѣшительной, дерзкій тонъ! Ахъ! какъ досадно, что я имѣю очень мало свободнаго времени.

Но письмо мое становится довольно длинно, а я спѣшу въ департаментъ. И какая пестрота! Сколько курсива! Точно какъ въ стихотвореніяхъ Ѳ. Н. Глинки. Простите, ваше высокопревосходительство, безпорядокъ нескладнаго моего къ вамъ посланія.

23 Марта 1825.

XVI.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 29 ч. минувшаго мѣсяца. Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность и за желаніе ваше, чтобы я провелъ весело праздники, и за отеческое наставленіе заниматься на Святой недѣлѣ каждый день часа по три для журнала. Но, увы! нынѣшній праздникъ провелъ я, кромѣ двухъ или трехъ дней, не такъ-то весело: не гулялъ и не писалъ ничего путнаго, за то довольно читалъ; съ нынѣшняго вечера хочу серьезно приняться за литтературную работу. Всего болѣе отымала и отымаетъ еще теперь у меня времени поправка плохихъ переводовъ, а иногда переписка чужаго маранья на-бѣло. Слава однако Богу: есть у меня теперь въ запасѣ нѣсколько чужихъ оригинальныхъ и довольно хорошихъ піэсъ.

Изволили, ваше высокопревосходительство, читать пародію Жуковскаго баллады *Дунканов вечеръ*, написанную баловнемъ барономъ Дельвигомъ? Не знаю навѣрное, окончилъ ли онъ ее, потому что я читалъ одно только начало. На прошедшей недѣлѣ получилъ я отъ Остолопова окончаніе, которое въ совокупности имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству.

Предсказаніе мое сбылось: графъ Д. И. написалъ на послѣдній пожаръ стихи, только не напечаталъ, а раздаетъ письменные экземпляры и увѣряетъ, будто эти стихи написаны мною. Придется намъ опять поссориться.

Не угодно ли прочесть это новое его четверостишіе? Вотъ оно:

На пожаръ.

Строителя забавъ не любятъ, видно, Музы;
Его несчастливы съ Харитами союзы:
Что онъ ни затѣвалъ,
То все вода снесла, или огонь пожралъ.

Написалъ онъ еще басню на наводненіе, какъ плавалъ *котъ съ баулой, а на спинѣ его сутулой* сидѣли крысы и мыши. Не извѣстно еще, гдѣ эта басенка будетъ напечатана. Вѣроятно въ Невскомъ Альманахѣ на 1826-ой годъ, если не выдетъ къ тому времени новое, исправленное и умноженное изданіе твореній Екатерингофскаго Барда, или по крайней мѣрѣ его Притчей.

Новаго у насъ мало. Вчера разошлась Нева, и вчера же слышалъ я достовѣрно, что въ Россійской Академіи собираютъ подписку на намалеваніе портрета почтеннѣйшаго президента оной, исходатайствовавшаго у монаршаго престола знатныя на содержаніе ея суммы и обогатившаго отечественную словесность своими твореніями и особенно переводомъ Тассова Іерусалима.

6 Апрѣля 1825.

XVII.

Имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство съ наступающимъ великоторжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, желая притомъ, такъ какъ и всѣ искренніе почитатели ваши, чтобы вы, милостивый государь, препроводили многіе еще таковые праздники въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за прекраснѣйшій вашъ подарокъ — Апологи. По крайней мѣрѣ разъ пять прочелъ я ихъ и многіе знаю

наизусть. Графъ Григорій Владимірович Орловъ, съ недѣлю тому назадъ, будучи у меня и увидя эту книжку, сказалъ: *а что Иванъ Ивановичъ не прислалъ ко мнѣ? Я посылалъ ему свои изданія.*— Графъ Григорій Владиміровичъ давно уже мнѣ благодѣтель: на его иждивеніе воспитывалась въ Екатерининскомъ Институтѣ вторая моя дочь, которая нынѣ выпущена оттуда; а на счетъ родственницы его, ея превосходительства Прасковьи Ивановны Мятлевой, воспитывается въ Смольномъ монастырѣ третья моя дочь. Самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ познакомился я, лѣтъ семь тому назадъ, съ Петромъ Васильевичемъ Мятлевичемъ: нечаянно попалъ я къ нему въ кабинетъ, когда нужно было мнѣ видѣться со старшимъ его сыномъ, котораго однажды только до того видѣлъ у графа Григорія Владиміровича. При второмъ свиданіи съ Петромъ Васильевичемъ, вызвался онъ самъ отдать пенсіонеркою въ Смольный монастырь младшую дочь мою, да хотѣлъ туда же помѣстить и старшую, которая уже тогда назначена была къ пріему въ здѣшнее Патріотическое Училище. Стоило мнѣ большаго труда упросить его и Прасковью Ивановну, чтобы они отказались отъ старшей моей дочери. Не могу изъяснить вашему высокопревосходительству, какъ обласканъ я, и всѣ мы, этимъ почтеннымъ семействомъ. Я очень часто теперь у нихъ бываю; нынѣшнею зимою короче мы познакомились. Старшій сынъ ихъ Иванъ Петровичъ, прекраснѣйшій молодой человѣкъ, страстно любитъ словесность и начинаетъ самъ упражняться въ ней съ большимъ успѣхомъ. Недавно напечатано *) первое его сочиненіе: *Пустынникъ на праздникѣ* (брошюра листа въ три), гдѣ описываетъ онъ великолѣпный праздникъ, данный прошлаго года въ селѣ ихъ Знаменскомъ, близъ Петергофа, въ день именинъ ихъ отца. Праздникъ этотъ данъ былъ съ большимъ великолѣпіемъ и вкусомъ и описанъ, истинно сказать, мастерски, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ небрежностей въ слогѣ, кои впослѣдствіи исправлены. Если нѣтъ у вашего высокопревосходительства этой книжки, то я доставлю вамъ собственный мой экземпляръ.

Теперь мнѣ гораздо веселѣе прежняго: семейство мое умножилось двумя старшими дочерями, которыя черезъ семь лѣтъ возвратились къ отеческимъ своимъ Пенатамъ. Благодареніе Богу! Обѣ учились очень хорошо, особливо старшая въ училищѣ женскаго Патріотическаго Общества, которое, безъ всякаго пристрастія, несравненно лучше и Екатерининскаго Института и Смольнаго Монастыря. Дѣвицы въ среднемъ классѣ этого училища гораздо лучше переводятъ и пишутъ, нежели самыя первыя въ большемъ классѣ прочихъ институтовъ, а одинъ и тотъ же учитель въ Патріотическомъ Училищѣ и Екатерининскомъ Инст. Причина та, что въ одномъ училищѣ читаютъ книги, а въ прочихъ или вовсе не читаютъ, или читаютъ очень мало. Надѣюсь, что старшая моя дочь со временемъ будетъ надежною помощницею въ литтературныхъ трудахъ моихъ.

Вмѣсто краснаго яичка посылаю къ вашему высокопревосходительству бездѣлку, которая не стоитъ и простаго яйца, но которая можетъ-быть разсмѣшитъ васъ,— *Дружеское посланіе издателю Телеграфа.* Я защищалъ его противъ *Брылана* и *сухощаваго пуделя*: а онъ, неблагодарный,

*) Для немногихъ—только 30 экземпляровъ.

обругалъ нашъ *Календарь Музъ* и особенно посланіе мое *къ сердечному другу доктору Яшѣ*, описателю Гиперборейскихъ странъ и сопернику, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ епископовъ и кутейниковъ, Бюффона и Гуффланда!! Догадываюсь, за что осердился на насъ г. Полевой; въ *Календарѣ Музъ* напечатана статья: «Вблизи и издали», гдѣ между прочимъ говорится о издателѣ Статистическаго и Археологическаго Журнала. Сочинитель метилъ на извѣстнаго Флюгарина, или Булгарина, а Полевой, вѣроятно, принялъ на свой счетъ. Некогда мнѣ, а то раздѣлался бы съ нимъ прозою.

Но письмо мое становится уже слишкомъ длинно. Боюсь утомить терпѣніе вашего высокопревосходительства.

15 Апрѣля 1826.

P. S. Письмо сіе отдано было мною для отправленія на почту еще въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, но за говѣньемъ и гуляньемъ на праздникахъ нашихъ чиновниковъ, къ крайней моей досадѣ, осталось до сихъ поръ неотправленнымъ, и я принужденъ былъ распечатать пакетъ, чтобы просить извиненія у вашего высокопревосходительства въ неумышленной винѣ моей. Между тѣмъ могу сообщить вамъ нѣкоторыя стихотворныя новости, напримѣръ.

Эпиграммы.

1.

Господь послалъ на Питеръ воду,
А графъ сейчасъ скропалъ и оду.
Пословица не даромъ говоритъ:
Бѣда бѣду родитъ.

2.

Въ Хвостова Притчахъ *) мы читаемъ, что пѣтухъ,
Въ навозѣ роясь, нашелъ большой жемчугъ.
Но клада не найдешь такова,
Всѣ Притчи перерывъ Хвостова.

3.

Поистиннѣ, Магницкій чудо;
Лишь жаль, что поздно онъ родился для чудесъ.
За Тайной Вечерью онъ вѣрно бъ былъ Іуда,
А въ Директоріи Сіэсъ.

Казань. *Кн. Гундоровъ.*

4.

Надпись къ портрету нѣкоей духовной особы.

Се лицемѣръ, исчадье злое ада,
Магницкаго первѣйшій другъ,
Безбрачныхъ старыхъ дѣвъ супругъ
И словомъ: Русскій Торквемада.
(Par une société des gens de lettres).

XVIII.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству экземпляръ новаго изданія моихъ сказокъ. Онѣ давно уже отпечатаны, но недавно выпущены изъ цензуры и переплетены.

Я уже не живу болѣе на Пескахъ въ домѣ Моденовыхъ, но въ Садовой, въ домѣ Департамента Государственнаго Казначейства, хотя и не служу уже тамъ: 5 ч. сего мѣсяца подписанъ Высочайшій указъ, по которому назначенъ я вице-губернаторомъ въ Тверь. Теперь буду поближе къ вашему высокопревосходительству. Не знаю еще самъ, долго ли останусь въ Петербургѣ. И прежде имѣлъ мало времени на служеніе Музамъ; теперь велятъ

*) Не складно, но ладно—для графа.

совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха. Утѣшаюсь единственно тѣмъ, что скоро возстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность главнаго цѣловальника въ губерніи.

Извините, ваше высокопревосходительство, что такъ дурно пишу,—спѣшу на похороны; притомъ же болитъ у меня правая рука, хотя и не писалъ я въ это время ни басни, ни эпиграммы на графа Д. И. Хвостова.

9 Ноября 1826.

XIX.

Не знаю какъ оправдаться передъ вашимъ высокопревосходительствомъ въ долговременномъ моемъ и непростительномъ молчаніи. Донесу только вамъ *по чистой совѣсти*, что предъ отѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Тверь былъ чрезвычайно разстроенъ, боленъ и пріѣхалъ сюда полубольной. Въ Твери съ пріѣзда хворалъ два раза и въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія, не столько волею, сколько неволею, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами, что едва имѣлъ время вести переписку съ женою, которая пріѣхала сюда въ началѣ Мая. Наканунѣ ея пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе времени моего губернаторства, цѣлыя семь недѣль,—клянусь богами моими: Аполлономъ и Бахусомъ,—не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ. И кабинетъ мой очень походилъ на тюрьму: маленькая, низенькая, темная со сводами и съ голыми стѣнами комната, оберегаемая при дверяхъ суровымъ жандармомъ и угрюмымъ унтеръ-офицеромъ инвалидомъ. Теперь я поубралъ немного свой кабинетъ и украсилъ его изображеніями извѣстнѣйшихъ нашихъ литтераторовъ, въ числѣ которыхъ есть и два портрета вашего высокопревосходительства. Наконецъ, благодареніе Небесамъ, губернаторъ возвратился въ Тверь, и мнѣ полегче теперь. На сихъ дняхъ думаю отправиться въ нѣкоторые уѣздные города для обозрѣнія питейныхъ домовъ, винныхъ подваловъ и магазиновъ. Мѣсяца два пройдетъ въ приготовленіяхъ къ сдачѣ откупщикамъ и въ заготовленіи контрактовъ съ поставщиками вина; въ Сентябрѣ мѣсяцѣ опять вступлю въ губернаторство, потому что губернаторъ осмотрѣлъ не всѣ еще уѣзды. Надѣюсь, что послѣ всѣхъ этихъ испытаній буду несравненно свободнѣе прежняго, а можетъ-быть—для сюприза подписчикамъ на Благонамѣреннаго—выдамъ остальныя книжки этого несчастнаго журнала. Я не имѣлъ времени не только дополнить, но даже и переправить *Опыта о разсказѣ Басни*, и потому вышелъ онъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ за десять лѣтъ предъ симъ былъ напечатанъ. Книжка эта, такъ какъ и *Календарь Музъ* на 1827 годъ, отпечатались уже послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга. Виноватъ не я, а коммиссіонеръ мой и двоюродный братъ дворянинъ Зарайскій, Каменевъ-Любавской *), что не доставилъ вашему высокопревосходительству послѣдней книжки Календаря Музъ, которая при семъ къ вамъ препровождается. Получили ли вы первую часть *Сочиненій* моихъ въ прозѣ? Если нѣтъ, то, по полученіи о семъ увѣдомленія, доставлю непремѣнно съ первою почтою.

*) О которомъ упоминается въ элегіи моей на кончину Рыжаго коня.

Третьяго дня уѣхалъ отсюда И. П. Мятлевъ, который просилъ меня засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству его почтеніе. Онъ побранилъ меня за то, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, а совѣсть моя дѣлала мнѣ еще бо̀льшіе упреки. Жалѣю, что не имѣю времени описать вашему высокопревосходительству здѣшняго моего житья-бытья въ піитическомъ отношеніи. Въ заговѣнье на масляницѣ, когда я сдѣлался такъ болѣнъ, что не въ состояніи былъ ни писать, ни читать, сочинилъ я сказку: *Бабушка и Внучка*, которую напечаталъ *въ Сѣверной Пчелѣ*. Одна изъ здѣшнихъ бабушекъ, о которой вовсе не думалъ я, приняла эту сказку на свой счетъ и наняла какого-то риѳмача-семинариста написать на меня пасквиль. Я отвѣчалъ и написалъ, по просьбѣ всѣхъ почти здѣшнихъ гражданъ, для соблюденія благочинія въ церквахъ, другую сказку: «Дворянка - буянка». Эти двѣ сказки надѣлали такого шума въ Твери, что многія уѣздныя дворянки-буянки не смѣютъ теперь пріѣхать въ Тверь. Сколько подражателей мнѣ нашлось! Семинаристы, подъячіе, купцы, мѣщане начали писать стихами. Точно какъ бы я привезъ сюда какую заразу, которая отъ меня распространилась. При первомъ удобномъ случаѣ пришлю къ вашему высокопревосходительству новѣйшія мои Петербургскія и Тверскія стихотворенія, писанныя не для печати.

Тверь, 6 Іюля 1827.

XX.

Не знаю, какъ благодарить ваше высокопревосходительство за обязательное письмо ваше отъ 21 ч. минувшаго Іюля. А я все виноватъ передъ вами, не доставивъ до сихъ поръ печатныхъ моихъ *Сочиненій въ прозѣ*. Вотъ причина: мнѣ хотѣлось доставить къ вашему высокопревосходительству экземпляръ этой книги на веленевой бумагѣ; искалъ, искалъ веленевыхъ экземпляровъ въ своей библіотекѣ, или кладовой, и не нашелъ. Итакъ рѣшился послать къ вамъ экземпляръ на обыкновенной, впрочемъ довольно хорошей, бумагѣ, а къ брату въ Петербургъ пишу, чтобы онъ поискалъ у себя веленевыхъ экземпляровъ и прислалъ бы ко мнѣ хоть одинъ для доставленія вашему высокопревосходительству. Вторая часть сочиненій моихъ, въ которой будутъ одни только стихи, еще не составлена. Авось съ возстановленіемъ откуповъ удосужусь, пересмотрю и по возможности выправлю свои стишонки, изъ которыхъ многіе еще не были напечатаны и многіе писаны не для печати, а для того, чтобы разсмѣшить пріятелей.

Препровождаю при семъ къ вашему высокопревосходительству нѣсколько такихъ моихъ стихотвореній. Если не скучно будетъ вамъ читать сіи бездѣлки, то могу доставить ихъ цѣлую кучу. Извините только, что нѣкоторыя изъ нихъ не хорошо переписаны: переписывала дочь моя, а писцы мои по Казенной Палатѣ заняты теперь перепискою контрактовъ для винныхъ поставщиковъ и разныхъ бумагъ для откупщиковъ.

Часто разговариваемъ мы объ васъ съ почтеннѣйшею моею сосѣдкою княгинею Елис. Семен. Хилковою. Я видѣлъ у нея старинный альбомъ, въ которомъ между прочимъ нашелъ ваши стихотворенія и Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго. По приказанію ея, осмѣлился вписать туда и мои стихи, которые подали случай Ю. А. превосходно объяснить

*

свое мнѣніе: on ne juge pas ce qu'on admire. Графъ Д. И. Хвостовъ также прислалъ для альбома княгини стишки на палевой бумажкѣ. Нынѣшнее лѣто не ѣздилъ онъ на Кубру (вѣрно не къ добру), а мы было ожидали его въ Тверь,—не пріѣхалъ звѣрь.

Только и отрады у насъ въ Твери, что *княгиня-богиня* (такъ всѣ у насъ теперь ее называютъ), да преосвященный Амвросій, умнѣйшій, ученѣйшій, благороднѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ.

Ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка Сѣверной Пчелы. Не читалъ даже критики на мои басни, напечатанной въ *Телеграфѣ*, хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ. Какой-то г. Зефировъ прислалъ мнѣ двѣ книжки Дамскаго Журнала, въ которыхъ помѣщена его антикритика. Виноватъ, не благодарилъ еще его за то, что заступился за меня.

11 Августа 1827.
Тверь.

XXI.

Вологда. 21 Мая 1828.

Не въ силахъ изъяснить душевной благодарности моей вашему высокопревосходительству за оказанное вами мнѣ въ Москвѣ гостепріимство, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ. Молю Бога, чтобы далъ мнѣ случай хотя еще однажды увидѣться съ вашимъ высокопревосходительствомъ.

Простившись съ вами, поѣхалъ я прямо, по совѣту вашему, къ обѣднѣ къ Троицѣ на Арбатъ; но тамошній священникъ не говорилъ проповѣди. Впрочемъ, по чтенію его молитвъ, видно было, что онъ имѣетъ даръ декламаціи,—даръ, къ сожалѣнію, весьма рѣдкій у насъ, пренебрегаемый и необработываемый. Обѣдалъ я въ этотъ день у извѣстной вамъ Московской красавицы. Сестра ея принудила меня койчто прочесть; но, увы, красавица не столько слушала меня, сколько смотрѣла на своего *адоратёра*. Кстати, знаете ли, ваше высокопревосходительство, какъ удачно перевелъ это слово одинъ чистый Русакъ, покойный купецъ Кусовъ? «Барышни! что же вы однѣ? Гдѣ же ваши... какъ называете вы ихъ... дыротёры, что ли?»

Заѣзжалъ я въ Святотроицкую Сергіевскую обитель. Богъ знаетъ, что̀ наврали мнѣ тамошніе монахи. Напримѣръ: одинъ увѣрялъ меня, будто церковь, гдѣ покоятся мощи угодника Сергія, выстроена патріархомъ *Никономъ*. Видно, что св. отцы не читали ни жизнеописанія преп. Сергія, сочиненнаго Платономъ, ни описаній Сергіевской Лавры, которыя раздаются всѣмъ молельщикамъ.

Квартира въ Сергіевскомъ посадѣ, которую занималъ я, украшена портретами царской фамиліи, генераловъ, патріарховъ и какихъ-то царицъ; также картиною, изображающею нагую Сусанну и двухъ сластолюбивыхъ судей, да двумя эстампами, представляющими Венеру и Аполлона съ Музами. Подъ послѣднимъ эстампомъ на стѣнѣ написалъ я:

Ахъ! ради Феба и Каменъ,
Молю прохожихъ и проѣзжихъ
Не пакостить стихами стѣнъ.
За глупые стихи сѣчь должно бы на съѣзжихъ.
14 Мая 1828. Другъ графа Хвостова.

Всѣ стѣны и двери исписаны глупѣйшими стихами, разумѣется Русскими.

На дорогѣ къ Переславлю-Залѣсскому обратили на себя вниманіе мое великолѣпная церковь и красивый домъ.—

Чей это домъ? спрашиваю ямщика.—Да графа Хвостова (надобно доложить вашему высокопревосходительству, что графъ Хвостовъ убѣдительно просилъ меня заѣхать въ его владѣнія, если поѣду на прославленный имъ Переславль-Залѣсской).—«А гдѣ же *Кубра*»?—*Да уже проѣхали.*—«Ступай къ графу Хвостову».—Пріѣхали. Предъ домомъ его большой зеркальный прудъ, а на прудѣ Китайская бесѣдка. Призываю управителя и вхожу въ бесѣдку, украшенную эстампами и портретами Русскихъ литтераторовъ. На одной части стѣны, которую нельзя было закрыть картинами, вижу надпись карандашомъ: «Здѣсь былъ риѳмоплетъ Воейковъ, поклонился праху великаго поэта и праху его родителей и пилъ воду изъ Кубры». И я вынулъ карандашъ и написалъ:

Здѣсь также былъ
Хозяина усердный почитатель,
Забытый Музами издатель;
Но струй Кубры, увы! не пилъ.
Не пилъ же потому, что очень тороплюсь,
А праху же родныхъ
Поэта поклонюсь
И помолюсь,
Чтобъ жилъ онъ долѣ ихъ.

Послалъ и за водой сейчасъ вашъ управитель.
Да здравствуетъ почтенный сочинитель,
Воспѣта кѣмъ Кубра.
Ура!

По Сенькѣ шапка, по поэту стихи. *Доброе дѣло*, говорятъ, *не остается безъ награды*. За стихи управитель гр. Хвостова напоилъ меня и сына чаемъ, человѣка моего водкой, а лошадей подчивалъ сѣномъ. Ахъ! какія сладкогласныя лягушки въ прудѣ его сіятельства! Заквакали анапестомъ, когда вышелъ я изъ бесѣдки.

Версты за двѣ отъ Грязовца сломалась у меня коляска. Еслибы не это несчастіе, то не написать бы мнѣ въ Грязовцѣ басни: *Кулачные Бойцы*. Вмѣстѣ съ другою прежнею моею баснею: *Собаки на сѣнѣ* и съ *Инструкціею женѣ моей, Тверской вице-губернаторшѣ*, имѣю честь препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству.

Простите, ваше высокопревосходительство, неумѣстную, можетъ-быть, мою болтливость: я привыкъ говорить все, что ни придетъ мнѣ на мысль, съ тѣми людьми, которыхъ искренно люблю и почитаю.

XXII.

Простите, ваше высокопревосходительство, неумышленную мою невѣжливость, что я, получивъ почтеннѣйшее письмо ваше еще 18 ч. минувшаго Октября, не благодарилъ васъ своеручно за оное. Одному Богу извѣстно, что перенесъ я въ это время. Зрѣніе мое, вмѣсто того, чтобы укрѣпляться, слабѣло только болѣе и болѣе, и я едва вовсе не лишился онаго и не потерялъ ума отъ стеченія въ одно почти время не только многихъ непріятностей, но можно сказать несчастій. Благодаря Бога, большая часть оныхъ миновала. Наконецъ, послѣ разныхъ страданій, описаніемъ коихъ не смѣю безпокоить ваше высокопревосходительство, получилъ я полный пенсіонъ, 2,000 рублей въ годъ. Благодарю Бога и Государя: есть теперь хотя небольшой, но вѣрный кусокъ хлѣба. Сколько враги мои ни старались замарать меня, но не могли въ этомъ успѣть. Надѣюсь, что Богъ, чудесно сохранившій меня, возвратитъ мнѣ со временемъ зрѣніе и прежнія умственныя способности, которыя примѣтно ослабѣли.

Чувствую, что не въ силахъ писать, не столько по слабому моему зрѣнію, сколько по разстройству всей нервной системы; но я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи поздравить ваше высокопревосходительство съ наступившими великоторжественными праздниками и наступающимъ новымъ годомъ. Надѣюсь, что вы, милостивый государь, великодушно извините и дурной мой почеркъ, и дурной слогъ, и невольныя описки, которыхъ до нынѣшняго времени никогда почти не дѣлалъ. Однажды, не такъ давно, доведенъ я былъ до такого униженія, что подписалъ написанную вмѣсто меня полицейскимъ писаремъ бумагу: Пьянюшкинъ достойно отомщенъ.

Примите, ваше высокопревосходительство, нескладныя, но усердныя и чистосердечныя мои поздравленія. Молю Всевышняго (а я въ болѣзни привыкъ и научился молиться), чтобы вы сей новый годъ и еще многія, многія лѣта встрѣтили и провели въ совершенномъ здоровьи и благополучіи.

Повторяю всепокорнѣйшую мою просьбу—извинить дурной мой почеркъ и неумышленныя описки. Пишу только при дневномъ свѣтѣ и радуюсь, что дни начинаютъ прибавляться. Недавно, вопреки запрещенію медиковъ, началъ при свѣчахъ читать, съ большею впрочемъ умѣренностію и осторожностію. Когда же можно будетъ писать, увы,—не знаю и почти отчаяваюсь.

30 Декабря 1830. Спб.

XXIII.

Простите, простите великодушно меня, ваше высокопревосходительство, что я такъ давно не писалъ къ вамъ: истинно не лѣность, а несчастныя обстоятельства тому причиною. Богу одному извѣстно, что перенесъ я въ это время, и перенесъ, скажу, съ примѣрнымъ терпѣніемъ и мужествомъ. Когда Богъ испытуетъ насъ несчастіями, то посылаетъ и силы переносить оныя. Вотъ уже годъ какъ я въ Петербургѣ, считаюсь чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ, но не получаю жалованья, котораго лишилъ меня за правду бывшій Архангельскій генералъ-губернаторъ, отрѣшенный недавно за предосудительные по службѣ поступки. Просилъ, какъ милости, чтобы отдали меня подъ судъ: по крайней мѣрѣ получалъ бы я тогда хотя половинное жалованье,—не предали и суду. Въ крайности я принужденъ былъ давать уроки въ отечественной словесности и едва получалъ изъ Пажескаго корпуса за обученіе каммеръ-пажей и еще изъ одного партикулярнаго мѣста рублей полтораста въ мѣсяцъ. Вдругъ въ Мартѣ мѣсяцѣ слегъ въ постелю отъ жесточайшей горячки. Тогда и послѣдній скудный источникъ моихъ финансовъ изсякъ совершенно. Но Богъ милостивъ: въ самое то время, когда искуснѣйшіе врачи, большею частію родственники мои и друзья, сомнѣвались еще въ моемъ исцѣленіи, болѣзнь моя и дѣла приняли самый счастливѣйшій оборотъ. Государь воздвигъ меня, можно сказать, со смертнаго одра, всемилостивѣйше пожаловавъ мнѣ по ходатайству благотворительнаго и справедливаго министра 2,000 руб. Миницкаго отставили, а любимцы его, ненавидѣвшіе насъ съ Бухаринымъ за то, что мы знать ихъ не хотѣли и не умѣли *подгибать колѣнъ*, и теперь, чай, сидятъ въ Петропавловской крѣпости. Надѣюсь, что вскорѣ разрѣшено будетъ мнѣ жалованье, на производство котораго Государь, при переводѣ еще меня изъ Архангельска, по докладу ми-

нистра, изъявилъ предварительно свое согласіе; но Миницкій, бывшій тогда здѣсь, успѣлъ клеветою своею этому помѣшать. Я давно уже, почти передъ Пасхою, выздоровѣлъ; но отъ жестокой горячки таково у меня зрѣніе, что я даже теперь не могу почти самъ не только писать, но и читать. Тоска ужасная! Вотъ почему не могу до сихъ поръ приступить къ изданію моихъ стихотвореній и новыхъ басень, которыхъ накопилось у меня до 30. Надобно написать три разбора образцовыхъ басенъ, которые въ головѣ давно сдѣланы, но писать я еще не въ силахъ, а диктовать невозможно. Благодареніе однако Богу, что зрѣніе мое начинаетъ укрѣпляться. Помня благосклонность, какую ваше высокопревосходительство изволили оказывать къ моимъ произведеніямъ, пріемлю смѣлость пріобщить при семъ нѣсколько новѣйшихъ моихъ бездѣлокъ, приложивъ къ онымъ олну басню ученика моего, поэта и баснописца Линдфорса. Каммеръ-пажи очень много меня утѣшаютъ: въ кратко-временное преподаваніе мною имъ отечественной словесности, они очень много полюбили ее и оказали, могу сказать безъ хвастовства, неожиданные и блистательные успѣхи. Первый, самый лучшій призъ на экзаменѣ, состоящій изъ маленькой библіотеки, получилъ баснописецъ Линдфорсъ, который, по желанію своихъ родственниковъ и по собственному своему, остается еще на годъ въ Корпусѣ. Кромѣ его и достаточнаго товарища его, переводчика Массильона, барона Корфа, написавшаго безъ приготовленія лучше всѣхъ на экзаменѣ изъ данной новымъ нашимъ директоромъ генераломъ Кавелинымъ темы, съ Августа мѣсяца будутъ у меня все новые ученики. Новый директоръ, человѣкъ весьма благонамѣренный и со свѣдѣніями. Помощникъ его по учебной части, инспекторъ нашъ, извѣстный писатель Броневскій, сдѣлавшій для Корпуса очень много добра, занемогъ въ одно время со мною и теперь еще не встаетъ съ постели. Вскорѣ послѣ болѣзни моей имѣлъ я утѣшеніе выдать замужъ послѣднюю дочь мою за поручика гвардіи при Артиллерійскомъ Училищѣ Майкова, человѣка также небогатаго, какъ и невѣста, но очень хорошаго, и чрезъ сіе новое родство попалъ въ сваты съ крестниками моими П. П. Свиньинымъ и... угадайте?—съ графомъ Д. И. Хвостовымъ, котораго новый переводъ Буало превознесенъ до небесъ въ подломъ журналѣ *Сѣверный Меркурій*, издаваемомъ подъ покровительствомъ графа и подъ руководствомъ умирающаго Воейкова и сидѣвшаго съ нимъ на гауптвахтѣ Польскаго пса Ѳаддея Булгарина, попавшаго безъ Русской грамоты въ лучшій, т. е. самый богатый, приходъ.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурный почеркъ и складъ моего посланія. Съ зрѣніемъ вмѣстѣ ослабѣла у меня и память, а можетъ быть и самый умъ. Истинно пожертвовалъ бы правою рукою, чтобы сохранить прежнее зрѣніе: тогда могъ бы я по крайней мѣрѣ самъ читать, а что за жизнь безъ чтенія?

Простите меня, повторяю, за невольное мое молчаніе. Не извольте думать обо мнѣ худо и не считайте меня ни лѣнивымъ, ни, что̀ ужаснѣе для меня, неблагодарнымъ къ вамъ. Повѣрьте, что умѣю чувствовать въ полной мѣрѣ цѣну благосклонности вашей, которою изволили меня почтить въ проѣздъ чрезъ Москву и прежде еще того. Я всегда искренно любилъ и почиталъ васъ какъ отличнѣйшаго поэта, научившаго насъ какъ должно пи-

сать стихи, смѣю сказать какъ моего наставника, ибо именно у васъ, а не у кого другаго, учился я хорошей версификаціи и настоящему слогу басни. Сострадалецъ мой въ несчастіяхъ по службѣ, Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, бывшій единственною моею отрадою въ Архангельскѣ, можетъ засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству чувствованія мои къ вамъ, которыя сохраню до послѣдней минуты моей жизни.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и вѣчною, сердечною преданностію имѣю честь быть всегда.

P. S. Я живу на прежней квартирѣ на Пескахъ противъ прудовъ, въ домѣ наслѣдниковъ Моденовыхъ, подъ № 306. Утѣшьте, ваше высокопревосходительство, хотя строчкою бѣднаго слѣпца, отставнаго баснописца и пѣвца.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПИСЬМАМЪ ИЗМАЙЛОВА.

I.

РУСКАЯ БАЛЛАДА.

На разсвѣтѣ поднявшись, извощика взялъ
Журналистъ нашъ Измайловъ съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ онъ съ Песковъ, чрезъ каналъ,
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бируковъ.
Не съ Цертѐлевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ,
Не съ ромàнтиками перевѣдаться мнилъ
За Романсы, Баллады путемъ;
Но во фракѣ былъ онъ, пылью фракъ занесенъ,—
Какой цвѣтомъ, нельзя распознать;
Оттопыренъ карманъ, въ немъ торчитъ какъ чурбанъ
Двадцати-фунтовая тетрадь (*).
Соскочивъ у воротъ, какъ съ полка жирный котъ,
Кошелекъ изъ кармана досталъ;
Расплатившись съ возницей, въ ворота идетъ
И Бориса въ очкахъ повстрѣчалъ.
«Ты скажи мнѣ, Борисъ, что̀ твой носикъ повисъ?
«Откровененъ всегда ты душой;
«Намекни мнѣ враговъ, разгоню будто крысъ;—
«Безопасенъ ты будешь со мной».
— «Пусть Ѳадей замолчитъ, какъ церберъ не ворчитъ:
«Защити отъ него ты меня.
«А съ Барономъ я слажу. Баронъ только спитъ
Среди ночи, средь бѣлаго дня».—
«Но скажи наконецъ, что̀ задумалъ пришлецъ?
«Онъ, клянуся очками, пропалъ»...—
— «Онъ коѐ-что въ Запискахъ нашелъ, мой отецъ!
«И тебя онъ въ Листочкахъ задралъ!»—
И Измайловъ тогда, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ....
«Успокойся, Борисъ, будешь мною спасенъ»,—
И Борису онъ руку пожалъ.

*

Есть Писатель на Мойкѣ, въ огромныхъ стѣнахъ,
Онъ подъ кровлю бѣжитъ отъ людей;

(*) До здѣ баронъ Дельвигъ.

Но видали, какъ прячетъ фонарь на глазахъ,
И Писатель сей, кто онъ?—Ѳадей.
Есть другой, по друзьямъ знаменитѣй—кто онъ?
Онъ въ просоньи лишь смотритъ на свѣтъ:
То Поэтъ молчаливый и мрачный—Баронъ,
Для Плетнева онъ лучшій Поэтъ.
И Измайловъ доволенъ: Баронъ и Ѳадей
Насмѣшили до сыта людей.

II.

ПИСЬМО ГРАФА ХВОСТОВА.

Я шутокъ не люблю ни въ прозѣ, ни въ стихахъ.

1 Апрѣля. Возвращая у сего пасквильной билетъ, будто бы изъ дому вашего мнѣ доставленный, прошу покорно, батюшка Александръ Ефимовичь, приказать прекратить сколько вамъ возможно, дерзновенную и непростительную шутку о кончинѣ вашей.—Дай вамъ Богъ долго жить, и при томъ вы безсмертны по трудамъ вашимъ, слѣдственно выдумка шутки очень глупа.—Смерть ваша, какъ и всякаго достойнаго писателя, меня огорчитъ, равномѣрно какъ и моя васъ, естьлибы кому нибудь случилося такимъ пошутить образомъ.

Естьли супругу вашу подлинно зовутъ Катерина Ивановна, посудите сами, каково бы было ей и всѣмъ ближнимъ вашимъ услышать такую вѣсть, основанную хотя на наружномъ, но на достовѣрномъ свидѣтельствѣ.—Шутить надобно умно; пожалуйте прикажите когда вамъ удастся отыскать глупѣйшаго этого шута, растолкуйте вы ему, что въ такой глупой обманъ нынѣ никто не попадется по той причинѣ, что и Сумароковъ вопилъ:

Апрѣля 1 число
Обманомъ заросло.

Кончая статью о мнимой смерти вашей, обращаюся къ воскресенію и поздравляю васъ съ свѣтлымъ праздникомъ завтрешняго дня, а между тѣмъ не въ видѣ краснаго яичка посылаю нарядное изданіе стиховъ моихъ на праздникъ 4-го Февраля.

Впрочемъ есмь и пребуду съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію

Вашъ, милостивый государь мой,
покорный слуга
Графъ Хвостовъ.

Апрѣля 1 число 1822.

III.

СТИХИ НА БУЛГАРИНА.

Ѳадей здѣсь издаетъ Листки,
Въ Варшавѣ издавалъ свистокъ.
Его *свистокъ* пустой листокъ,
Его *листки* ему свистки.

—

Ты слухъ разнесъ, что къ твоему вреду
Я жалобой министра безпокоилъ;
Но много о себѣ воображать изволилъ!
Не формою, не по суду,
Управу на тебя—я въ букварѣ найду!

—

Ѳадей Французовъ билъ какъ коренной Русакъ,
А на Испанцевъ шелъ онъ въ арміи Французской,
Ругалъ онъ Рускихъ—какъ Полякъ,
А Поляковъ ругалъ какъ Руской.

—

Умна, Ѳадей, твоя догадка,
Нѣтъ спора: въ буквѣ опечатка,
Но въ томъ стыда журналу нѣтъ;
Есть и въ природѣ опечатка,
Когда Оадей живетъ.

—

Ѳадей растратилъ стыдъ, Европу объѣзжая,
Для совѣсти его потеря не большая.—
Теперь въ немъ менѣе стыда,
Чѣмъ бѣлизны найдется въ Еѳіопѣ;
Но стоитъ ли труда
Стыда съ ползолотникъ—искать по всей Европѣ?

—

Ex nihilo nihil Ѳадей,
И судитъ и рядитъ людей,
Онъ логикой храмлетъ, въ грамматикѣ бродитъ,
Бросая журнальную пыль,
И все, что̀ напишетъ, выходитъ
Ex nihilo—гиль.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦЕНЗОРАМЪ.

Передъ вами нуль Тимковскій!
Въ вашей славѣ онъ погасъ;
Вы по совѣсти поповской,
Цензируя, жмете насъ.
Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!
Вамъ дивится даже Князь.

—

Членъ тюремный и Библейской,
Цензоръ, мистикъ и срамецъ;
Онъ съ душонкою Еврейской,
Нашъ гонитель, Князя льстецъ.
Славься, славься духъ лакейской;
Славься, доблестный подлецъ!

—

Васъ и духъ святый робѣетъ;
Онъ, какъ мы, у васъ въ когтяхъ;
Появиться онъ не смѣетъ
Даже въ Глинкиныхъ стихахъ.
Вотъ какъ сѣмя злое зрѣетъ!
Вотъ какъ все у васъ въ тискахъ!

—

Ни угрозою, ни лаской,
Видно васъ не уломать;
Олинъ и Григорій Спасской
Подозрѣнье въ васъ родятъ.
Славьтесь цензорской указкой:
Таски вамъ не миновать.

Дельвигъ.

V.

НА БОЛѢЗНЬ КРЫЛОВА.

Нѣтъ одобренія талантамъ никакова:
Въ Россіи глушь и дичь.
О дарованіи Крылова
Едва напомнилъ параличь.

Рылѣевъ.

VI.

На отъѣздъ въ Тверь.

Застольная пѣсня.

Собираюся теперь
Въ городъ древній, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу—
А журналъ, стихи хоть кипь!
Ѣду, ѣду—динь, динь, динь *).
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

Полно думать о стихахъ;
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и Музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ.
Корректурѣ ужь аминь!
Не до ней—динь, динь, динь, динь.—
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

А когда пріѣду въ Тверь,
То какъ страшный, лютый звѣрь
Встрѣчу винныхъ приставовъ,
Надзирателей плутовъ.
Чуть не такъ что—тотчасъ вынь

---

*) При словахъ: динь, динь надобно стучать ножомъ по бокалу, или рюмкѣ.

И положь—динь, динь, динь, динь—
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять какъ Барбосъ:
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь!
Слышь? чу! звѣнитъ динь, динь —
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

—

О, любезные друзья!
Разстаюся съ вами я.
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь,
Пріѣзжайте!—динь, динь, динь!—
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

8 Декабря 1826.

—

VII.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ОБѢДЪ.

Приди, любезный Прокуроръ!
Къ Вицъ-Губернатору откушать,
Преосвященнаго послушать,
Который, молвить не въ укоръ,
Умнѣе даже Филарета,
Краснорѣчивѣе его.
Приди же, одолжи Поэта.
Столъ постный будетъ у него.
Но не красна изба углами,
Ни винами, ни пирогами —
Красна лишь добрыми друзьями.
Теперь же праздники—гуляй!
И если можно пріѣзжай
Съ почтенною своей подругой,
Картолюбивою супругой.
Я такъ твою *Любовь* люблю,
Такъ уважаю, почитаю,
Что самъ хоть въ карты не играю,
А карты для нея куплю.

8 Апр. 1827.

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА КЪ Д. П. РУНИЧУ *).

I.

«Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичъ!

Благодарю васъ отъ искренняго сердца за всѣ необманчивые знаки вашей дружбы, довѣренности и любви, въ бытность мою оказанные вами: я всемѣрно потщусь, съ Божію помощію, заслужить оныя и сдѣлаться ихъ достойнымъ. Прошу засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе и благодарность премного уважаемому мною, почтенному родителю вашему за всѣ ласки, благосклонности и одолженія мнѣ оказанныя и увѣрить его, что я пріемлю оныя въ праведной ихъ цѣнѣ.—Любезный другъ! Вы добровольно обѣщалися, по дружбѣ вашей, быть моимъ коммиссіонеромъ; вотъ вамъ первая: поздравьте батюшку за меня съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія и скажите, что я желаю ему добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ. А я поздравляю васъ съ тѣмъ же и того же желаю.—Вторая коммисія: приложенное письмо прошу приказать отправить въ Елецъ. Я такъ разстроился съ дороги и по причинѣ кушанья, на сей недѣлѣ употребляемаго, что истинно съ великимъ трудомъ смогъ написать отправляемыя письма. Прости, любезный другъ! Помните и не забывайте

*) Что въ ковычкахъ, собственноручно. П. Б.

искреннимъ сердцемъ любящаго васъ
вашего вѣрнаго друга и слугу
Н. Новикова.

28 Марта 1806.
С. Тихвинское.

P. S. Въ случаѣ ежели письмо сіе пойдетъ не съ нарочнымъ, а по почтѣ, то приложу и еще два письма, которыя прошу отослать по надписямъ.

P. S. Ко мнѣ чрезъ почту, въ пятницу, подписывать: такому-то въ Бронницы М. губ. отдать пріѣзжающему отъ него человѣку или отдавать г. Эберу, для отправленія съ газетами».

II.

«Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичъ.

За любезное письмо ваше усердно благодарю; но къ вамъ писать буду весьма коротко, или лучше сказать нѣсколько, потому что отъ продолжающейся весьма тяжелой погоды, по моимъ припадкамъ, весьма сильно разстроился и истинно на силу брожу. Запечатанныя въ особомъ пакетѣ письма къ Александру Ѳедоровичу и пр. другимъ покорно прошу на первыхъ почтахъ отправить; а первое я желалъ бы, чтобъ оно пошло въ вашемъ пакетѣ. Я запечаталъ ихъ въ особой пакетъ для того, что ежели бы человѣкъ мой не засталъ васъ въ Москвѣ, то чтобы отдать его Дмитрію Ивановичу для отправленія. Я съ нетерпѣливостію буду ожидать, мой любезный и сердечный другъ, вашего посѣщенія и постараюсь васъ принять и угостить сколько, какъ и чѣмъ только наилучше могу. Я отвѣтствую и за всю нашу обитель, что всѣ примутъ васъ не какъ гостя, а какъ роднаго, потому что они всѣ отъ меня много объ васъ наслышались. Прости, л. др.; ожидаю удовольствія васъ здѣсь обнять и доказать, что я не на словахъ, а на дѣлѣ, хочу быть всегда

вашимъ
искреннимъ и вѣрнымъ другомъ
и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

17 Іюня 1806.

P. S. Батюшкѣ прошу свидѣтельствовать мое искреннее и сердечное почтеніе».

III.

✝

«Любезнѣйшій другъ, милостивый новобрачный государь Дмитрій Павловичъ!

Отъ искренняго сердца поздравляю васъ съ совершившимся вашимъ бракомъ; желаю, да будетъ онъ благословенъ; желаю, чтобы онъ послужилъ къ вашему облегченію, успокоенію и къ утѣшенію; желаю, чтобы онъ не былъ вамъ препятствіемъ и преткновеніемъ на пути, на который милосердіе Господне вступить позволило; желаю наконецъ, да увидите вы сыны сыновъ своихъ и да возможете нѣкогда, пришедъ, сказать: Господи, се азъ и дѣти мои, которыхъ Ты мнѣ далъ!—Вотъ мои желанія; но о семъ послѣ болѣе, ежели Господь благоволитъ, а теперь вы еще пьяны, или по крайней мѣрѣ спохмѣлья.—Супруга ваша есть внука моего друга, кото-

рый меня очень любилъ (да упокоитъ его Господь Богъ!) С. В. Нарышкина. Посему я долженъ быть друженъ и съ супругою вашею; но напротивъ, я уже и теперь на нее въ претензіи: ибо навѣрное она причиною, что вы по обѣщанію вашему не пріѣхали къ намъ, ни лѣтомъ, ни осенью. Но какъ я до ссоръ не охотникъ, то готовъ помириться съ нею, съ условіемъ, первое, чтобы впредь отъ друзей не отвлекала, а второе, ежели пришлетъ на мировую свадебныхъ конфектовъ, такъ мы и миръ заключимъ.—И о семъ до здѣ: а впредь побольше;—теперь же будутъ слѣдовать мои покорнѣйшія прозьбы, которымъ испрашиваю благосклоннаго и милостиваго исполненія.

1. Письма ко мнѣ прошу писать не очень связно: прежнія, по причинѣ слабости глазъ, читалъ я съ великою трудностію.

2. Получили ли вы мою записку чрезъ общаго нашего друга Алекс. Григор. и сдѣлали ли по оной какое исполненіе, или еще нѣтъ?—Въ послѣднемъ случаѣ возобновляю о томъ мою прозьбу.—Книгу отъ г. Ольгина, взявъ и запечатавъ въ пакетъ, ко мнѣ прислать, а о сѣмянахъ и лукѣ прошу увѣдомить.

3. Послали ли вы мое письмо, какъ я просилъ, къ Алекс. Григор. въ своемъ пакетѣ и не получили ли отвѣта объ ономъ?—прошу увѣдомить.

4. При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, просилъ я васъ 110 руб. за 11 лотерейныхъ билетовъ отдать Ивану Алексѣев. Владимірову. Но нынѣ пишетъ онъ ко мнѣ и проситъ сихъ денегъ; изъ чего заключаю я, что вы еще не отдали сихъ денегъ, почему покорнѣйше прошу какъ возможно поскорѣе отдать ему сіи деньги, чѣмъ меня много одолжите: ибо онъ пишетъ, что въ бѣдѣ можетъ быть, ежели скоро не получитъ, чего я очень боюсь. А какъ я ему задолжалъ сверхъ сихъ за разныя для меня покупки и другія коммисіи 163 руб. 50 к., то и прошу покорнѣйше васъ, люб. др., обязательнѣйше и наичувствительнѣйше одолжить меня, перехватя гдѣ сію сумму на два мѣсяца, и ему за меня заплатить, взявъ отъ него въ полученіи росписку; а я можетъ быть исправлюсь и доставлю къ вамъ сію сумму и прежде сего срока; вы симъ несказанно меня обяжете, оказавъ сію дружескую помощь: меня измучило бы, ежели бы сему бѣдному хотя малѣйшее что̀ случилось чрезъ меня! Не оставьте меня, л. д., и не откажитесь оказать мнѣ сію дружбу. Я буду съ нетерпѣливостію ожидать вашего на сіе отвѣта.

Наконецъ скажу о себѣ нѣчто: съ самаго отъѣзда друга нашего А. Г. я очень нездоровъ и крайне въ здоровьѣ разстроился, такъ что истинно три дня пишу сіе чрезъ силу; а къ тому еще безмѣрно стѣсняемъ окружающими обстоятельствами.—Я пишу по условію просто, безъ всякихъ чиновъ, и васъ прошу наблюдать тоже и вѣрить, что я съ искреннею, сердечною любовію есмь и всегда пребуду

вашимъ
искреннимъ и вѣрнымъ другомъ
и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

P. S. Увѣдомьте, есть ли надежда, чтобы вы хотя зимою насъ посѣтили.

16 Октября 1806».

IV

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ.

Любезное письмо ваше и съ приложеніями получилъ, за которое васъ усерднѣйше благодарю и буду, сколько смогу, на оное отвѣтствовать.

1. Лукъ хорошъ; прошу покорно выписать онаго точно такого же полчетверика, а другіе полчетверика сего же самаго луку Казанскаго, только самаго крупнаго; чѣмъ скорѣе получу оной, тѣмъ лучше; только прикажите написать къ коммисіонеру, чтобы хорошенько его укутали, дабы въ дорогѣ не померзъ,—но о сѣмянахъ сего лука въ письмѣ ничего не упоминается: не забыли ли вы о семъ? Прошу покорно приказать попросить, чтобы коммисіонеръ постарался достать сѣмянъ сего самаго луку 5 фунт., или хотя уже одинъ фунтъ, или же по послѣдней мѣрѣ сколько можетъ, и прислалъ бы вмѣстѣ съ лукомъ.

2. Красноярскаго луку также покорно прошу выписать полчетверика самаго крупнаго и полчетверика самаго мелкаго, и сѣмянъ одинъ фунтъ, или сколько можно достать: сіе также чѣмъ скорѣе могу получить, тѣмъ лучше.—NB. Изъ обоихъ мѣстъ о времени посадки и хожденіи за нимъ истребовать записки. Слышанная вами отъ Ѳ. П. неудача въ разводѣ Красноярск. луку меня не остановляетъ; ибо что не удалось одному, то можетъ удаться другому: собственный опытъ вѣрнѣе всѣхъ.

3. О новыхъ произшествіяхъ покорнѣйше прошу насъ увѣдомлять: ибо мы, не получая столь долго Гамбург. вѣдом., крайне оными обнищали; а доходящіе до насъ городскіе слухи часто бываютъ нелѣпы.

4. Письмо С. И. отдалъ: онъ благодаритъ васъ за поклонъ и самъ усердно кланяется.

5. Надѣюсь, что г. Ольгинъ окончалъ мою книгу перепискою для Ѳ. П., почему и прошу, истребовавъ отъ него оригиналъ мой, ко мнѣ возвратить.

6. Размѣряя заботы ваши по должности и по новому хозяйству, признаю справедливымъ разрѣшить васъ отъ обѣщанія вашего переводить *Плуменека*; тѣмъ паче, что С. И. хочетъ переводить сію книгу, и мнѣ хочется поскорѣе переведенную на нашъ языкъ; почему и прошу васъ, люб. др., оригиналъ и начатой переводъ мнѣ возвратить. Ежели же у васъ найдутся свободные часы для перевода, то пришлю вамъ другую, о чемъ прошу увѣдомить.

Приложенныя письма прошу покорно приказать не замѣшкавъ отправить: они мнѣ нужны.

Наконецъ, пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья, душевнаго спокойствія и всѣхъ благъ въ милости Божіей, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ

вѣрнымъ другомъ и
покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

4 Декабря 1806».

V.

†

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ.

Покорнѣйше прошу прилагаемой пакетъ отправить вѣрно въ вашемъ пакетѣ по надписи: онъ крайне мнѣ нуженъ. Прошу также и о томъ, чтобы объ немъ только вы знали, и въ этомъ я имѣю нужду. Не могу теперь болѣе писать, истинно надъ письмомъ измучился. Простите! Отъ искренняго сердца желаю вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Есмь на всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнымъ слугою
Н. Новиковъ.

12 Августа 1808».

VI.

«Милостивый государь и любезнѣйшій другъ, Дмитрій Павловичь!

Усерднѣйше благодарю васъ за любезныя и дружескія письма ваши. Простите мнѣ по братски, что столь долго не отвѣчалъ: истинно не могъ и не смогъ; обстоятельствами и письмомъ столь стѣсненъ и измученъ, что едва зналъ какъ проходило время. Нынѣ, благодареніе Господу, начинаю дышать посвободнѣе.

По извѣстной матеріи похваляю рѣшимость вашу не вступать ни съ кѣмъ въ М. въ связи: лучшаго совѣта я не могъ бы вамъ дать. Сердечная моя къ вамъ любовь и искренне-откровенное расположеніе, надѣюсь, вамъ извѣстны. Вы справедливо разсуждаете, что чрезъ переписку сего дѣла производить нѣтъ удобности. Я прибавлю къ вашему мнѣнію еще сіе: невозможность эта продолжаться можетъ только дотолѣ, пока *водитель ведомаго бр. поставитъ на прямой путь, узнаетъ всю нравственность его, поправитъ понятія его о вещахъ, направитъ и устремитъ его къ истинной цѣли, положитъ основаніе и выучитъ азбуку:* тогда уже переписка будетъ не трудна и удобна; а для сего, любезнѣйшій другъ мой, равно и для дальнаго введенія, непремѣнно нужно личное свиданіе. А болтать не мудрено, лишь бы была хороша память, а то можно и цѣлой вѣкъ проболтать, по сказанному у Св. Апост. *всегда учащеся и никогда въ разумъ истины пріити могуще.* Страшное опредѣленіе! Вы согласитесь, что съ завязанными глазами трудно въ цѣль попадать. И такъ, люб. др., я сердечно желаю, чтобы вы, улуча время, посѣтили насъ; моя же чистосердечная откровенность, усердіе, хотѣніе и любовь для васъ готовы и давно васъ ожидаютъ. Пріѣзжайте, л. др., въ нашу обитель, посѣтите нашу больницу, только не менѣе, какъ дни на три на четыре по крайней мѣрѣ, а ежели бы на недѣлю, то несравненно бы лучше и полезнѣе для васъ. Я надѣюсь на милосердіе Господне и въ сей надеждѣ увѣряюсь, чтобы вы не безъ пользы для васъ здѣсь жили. Устроивайте путь вашъ, а я готовъ.

Приложенное письмецо прошу отправить по надписи.—Я послалъ пись-

мо къ Григорью Максимовичу и приказалъ, что ежели не застанутъ его въ Москвѣ, то принесть къ вамъ, а васъ прошу отправить оное къ нему.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, выпишите мнѣ изъ Петербурга четырехъ частей свѣта и пятую генеральную, поправленные Максимовичемъ, и Русскіе форшрифты, изданные какимъ-то Степановымъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать искреннѣйшее и сердечное почтеніе вашему батюшкѣ.

Равномѣрно прошу сказать мое почтеніе любезной вашей супругѣ.

При заключеніи еще повторю: постарайтесь улучить время и пріѣхать къ намъ, я сердечно радъ и хочу вамъ служить и быть вамъ полезнымъ, по искренней и чистосердечной моей любви къ вамъ и довѣренности; а затѣмъ прости, люб. др., желаю вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Есмь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

3 Декабря 1808».

VII.

†

«Любезный другъ, милостивый государь Дмитрій Павловичъ!

За письмо, присылку ландкартъ и за поздравленіе покорнѣйше васъ, л. д., благодарю, и усердно поздравляю васъ съ новымъ годомъ, и желаю вамъ новой милости Божіей, а съ нею добраго здоровья, душевнаго спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ.

Насилу я кое-какъ собрался отправить въ Москву и написать къ вамъ, л. д., нѣсколько строкъ: нынѣшняя болѣзнь, продолжающаяся уже около 4 недѣль и мучительныя обстоятельства совсѣмъ разстроили мое здоровье и совершенно изнурили.

Посылаю за ландкарты и проч. 23 р. 70 к. да незаплаченные еще за луковыя сѣмена 8 р. 40 к., а всего 32 р. 10 к.

Теперь покорно прошу взять на себя у г. Шне *солнечной тинктуры 12 скляночекъ*, ежели можно съ обожданіемъ денегъ, ибо я нынѣ деньгами очень бѣденъ; и прислать со вручителемъ.

Еще покорно прошу посланныя суровыя сукна 36 половинокъ приказать вашему кучеру положить въ сараѣ и поберечь до присылки человѣка, которой будетъ ихъ сдавать въ комис. вѣдомство.

На прочее содержащееся въ письмѣ вашемъ теперь отвѣтствовать истинно не смогу.

Прости, л. д. Есмь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрно-покорнѣйшимъ слугою
Н. Новиковъ.

14 Генваря 1809».

VIII.

†

«Милостиваго государя и любезнаго друга, Дмитрія Павловича, покорнѣйше прошу приложенное письмо приказать

отправить на первой почтѣ: оно мнѣ крайне нужно,—а притомъ покорнѣйше прошу выписать изъ Петербурга, или изъ Одессы 10 ф. самаго лучшаго и крупнаго Французскаго черносливу; а хотя и изъ обоихъ мѣстъ по 10 ф.; въ Одессѣ онъ вѣрно есть, я знаю по комерческимъ вѣдомостямъ, въ Москвѣ совсѣмъ нѣтъ; а онъ почти единственное мое лѣкарство. Симъ чувствительно одолжите

вашего
покорнѣйшаго слугу
Н. Новикова.

16 Марта 1809».

IX.

Любезнѣйшіе друзья, милостивые государи Дмитрій Павловичъ и Александръ Григорьевичъ!

Усерднѣйше благодарю васъ за письма и за поздравленія ваши и равномѣрно самъ, хотя и поздно, усердно васъ поздравляю. Причиною долгаго молчанія суть трудныя и разстроенныя мои обстоятельства и здоровье, а къ тому еще въ прибавокъ неоднократно случавшіеся тяжелые припадки, изъ которыхъ отъ послѣдняго едва едва и теперь еще могу сказывать что̀ писать.

Милостивымъ государынямъ Катеринѣ Ивановнѣ и Александрѣ Павловнѣ приношу покорнѣйшую благодарность за воспомянутіе объ насъ и поздравленіе, и равномѣрно поздравляя ихъ, посылаю вмѣсто красныхъ яицъ по 10 зеленыхъ огурцовъ изъ первыхъ здѣшнихъ весеннихъ плодовъ.

Препорученіе ваше и ихъ о поздравленіи С. И. и протчихъ всѣхъ я исполнилъ; всѣ васъ благодарятъ, равномѣрно поздравляютъ и усердно кланяются, а прилежные и сами пишутъ.

О Ефремовскомъ канцеляристѣ просилъ васъ не С. И., но я, какъ вы изъ письма могли видѣть, что мать его писала ко мнѣ; присланную отъ васъ записку здѣсь прилагаю, прося покорнѣйше употребить ваше стараніе и ходатайство по содержанію письма, не вмѣшивая только моего имени, чѣмъ меня весьма много обяжете. Ежели же вамъ ничего сдѣлать невозможно, то прошу письмо Васильевой ко мнѣ обратно прислать.

Предпринятое вами намѣреніе, въ разсужденіе Петербургскихъ, я хвалю и совѣтую при ономъ остаться, развѣ только сказать: ктожь меня поставилъ судьею? Судить и осуждать не велѣно никого, а любить приказано всѣхъ и всѣмъ желать, чтобы всѣ пребывали въ любви. Я не удивляюсь, что вамъ трудно терпѣть, зная, что ежели бы не было трудно, такъ бы не было и терпѣнія, и намъ приказано терпѣть, и долго терпѣть, и терпѣть до конца. На вопросъ вашъ о моемъ пріѣздѣ не могу иного ничего сказать кромѣ того, что я уже съ нѣсколькихъ лѣтъ не осмѣливаюсь никогда располагать даже и завтрешнимъ днемъ, но какъ угодно будетъ Господу, такъ и да будетъ; а къ намъ обоихъ васъ и съ обѣими вашими милости просимъ: мы сердечно будемъ ради, ежели вы сіе исполните, хотя вмѣстѣ, хотя порознь.

Любезнаго моего внучка прошу увѣдомить меня, продолжается ли переводъ,

начата ли переписка, купилъ ли онъ себѣ домъ и будетъ ли мнѣ у него мѣсто?

Прошу покорно обѣихъ васъ засвидѣтельствовать искреннее и усердное мое почтеніе милостивому государю Павлу Степановичу, которое свидѣтельствуетъ ему и моя Вѣра, которую онъ жалуетъ и которая его искренно почитаетъ.

Ежели батюшка извѣстную книгу прочитаетъ, то не забудьте доставить оную Григорью Максимовичу.

Прошу покорно третій десятокъ огурцовъ поднесть отъ меня батюшкѣ.

Простите, любезные друзья! Желаю вамъ всѣмъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Впротчемъ пребуду всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ

вѣрнымъ другомъ и слугою
«Н. Новиковъ».

7 Маія
1810.

X.

Милостивой государь и любезной другъ Дмитрій Павловичь!

Не могши самъ писать, употребилъ я наилучшаго моего секретаря, которому и прошу васъ вѣрить, не смотря на всю его вѣтренность; онъ впротчемъ человѣкъ честной, ни въ кражѣ, ни въ плутовствѣ по сіе время приличенъ еще не былъ. Послѣ сего вступленія, собираемся мы приступить къ писанію самаго письма.

1. Присланное отъ васъ письмецо, прочитавъ съ сожалѣніемъ, возвращаю. Ежели вы вспомните, то я вамъ предсказывалъ подобный сему отвѣтъ. Всего лучше замолчать и ожидать что̀ будетъ еще далѣе.

2. Вы позабыли, или захлопотались, по обѣщанію вашему прислать мнѣ копію съ ф. системы; постарайтесь сдѣлать мнѣ сіе одолженіе. Ежели что узнаете новаго по сей матеріи, то прошу меня извѣстить; а притомъ прошу и писать не такъ связно. Послѣднія ваши два письма я едва, едва могъ разобрать: глаза мои очень слабѣютъ.

3. Обстоятельства мои хозяйственныя принудили меня продать отхожую землю въ пяти верстахъ отъ меня состоящую, не имѣвъ же кромѣ васъ никого кому бы сдѣлать довѣренность, то есть кто бы захотѣлъ потрудиться совершить на оную купчую, рѣшился я въ надеждѣ на дружбу вашу написать на имя ваше вѣрющее письмо, здѣсь прилагаемое, прося покорно сдѣлать мнѣ сіе одолженіе. Покупщикъ графа Бобринскаго крестьянинъ, а купчую совершать надлежитъ на имя графское. При написаніи купчей вѣроятно встрѣтятся затрудненія по запрещеніямъ, но они пустыя; вручитель сего вамъ донесетъ о томъ. Ежели вы разсудите попросить о семъ Лукьяна Яковлевича, *) то онъ васъ можетъ облегчить въ семъ случаѣ; ему тамъ всѣ знакомые. Купчую по совершеніи прошу прислать ко мнѣ.

О назначеніи же цѣны за проданную землю вручитель вамъ донесетъ. Постарайтесь, любезнѣйшій другъ,

*) Яковлева, коего сынъ, сенаторъ Михаилъ Лукьяновичъ, извѣстный лиценстъ и товарищъ Пушкина. П. Б.

симъ меня одолжить, и чемъ скорѣе это дѣло окончите, тѣмъ для меня полезнѣе. Мнѣ сказывали, что тотъ человѣкъ, которому отъ графа Бобринскаго дана довѣренность, вамъ какъ-то знакомъ, но я теперь не могу вспомнить его фамилію; покупщикъ крестьянинъ скажетъ его фамилію; прикажите вручителю его къ себѣ представить.—Сосѣду вашему я не почитаю нужнымъ сказывать до моего пріѣзда, почему ежели бы можно было обойтись безъ Лукьяна Яковлевича, такъ бы это было лучше; мнѣ кажется, что ежели бы братецъ вашъ послалъ отъ себя попросить надсмотрщика, такъ бы это было всего легче и лучше, и дешевле. Деньги, сколько будетъ нужно на пошлины и совершеніи купчей, даны вручителю сего; приказывайте ему употреблять, сколько будетъ нужно. Я такъ увѣренъ въ дружбѣ вашей, что и не спрося у васъ позволенія написалъ вѣрющее письмо на имя ваше.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное мое почтеніе, и таковое же батюшкѣ вашему, Александру Григорьевичу, и сестрицѣ. При семъ случаѣ мой секретарь оказался истинною секретаршею, потому что вступился тотчасъ, для чего я поставилъ сестрицу вашу послѣ Александра Григорьевича. Вотъ каковы нынѣшнія Евы! Впрочемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, пребуду, всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

1810 года
Ноября 14.

Любезному другу Дмитрію Павловичу приношу благодарность какъ за благосклонное письмо, такъ и за книгу перевода его, и сердечно желаю ему того переводчества, о которомъ сказано 1 Корин. XII. 10, и есмь съ усердіемъ и почтеніемъ покорнѣйшій слуга

Семенъ Гамалея.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннѣйшее мое почтеніе, также и м. г. Дмитрію Павловичу.

Вѣра.

P. S. Покорнѣйше благодарю за присланную книжку, она мнѣ весьма, весьма полюбилась: видно, что авторъ ея обучался весьма въ доброй школѣ, что̀ онъ въ одномъ мѣстѣ весьма искусно даетъ замѣтить. Ежели можно, то прошу покорно выписать мнѣ ее на бѣлой бумагѣ пять книжекъ безъ переплета, и увѣдомить меня что̀ онѣ будутъ стоить. Вы тѣмъ меня очень одолжите.

P. S. Паче чаянія ежели не достанетъ у вручителя денегъ, то покорно прошу дать ему, сколько будетъ нужно; я при первой посылкѣ съ благодарностію возвращу.

P. S. Наталія Ильинична поручила мнѣ свидѣтельствовать вамъ ея почтеніе. А я отъ себя ставлю прекрупное NB, разсуждаю и замѣчаю, что память ваша такъ скудельна и разбивается какъ стекло того стакана, которой вы хотѣли ей подарить: моя память напротивъ того гораздо тверже вашей, потому что я и теперь еще помню, что обѣщаніе это было за столомъ. Это, да будетъ сказано мимо-

*

ходомъ, по Русской пословицѣ, гласящей такъ: *я говорю на обумъ, а ты бери себѣ на умъ.*—Я люблю Русскія пословицы, онѣ очень нравоучительны и исправляютъ даже и память.

P. S. Секретарь мой человѣкъ предорогой, у васъ во всемъ почт-амтѣ такого нѣтъ; я было и позабылъ васъ увѣдомить о вашей коммиссіи, но мнѣ съ учтивостію напомнили, и тогда я увидѣлъ, что всегда бываетъ нехорошо, когда мы чѣмъ похвастаемся: не успѣлъ еще и похвалиться, что моя память тверже вашей, какъ увидѣлъ, что она такова же, какъ и ваша, и я забылъ васъ увѣдомить, что племянникъ мой Каверинъ у меня былъ и сказывалъ, что племянникъ же мой новой засѣдатель Каширской отправилъ приказнаго въ ту деревню, которую вы желаете купить, и приказалъ ему сдѣлать порядочную опись всему, и обо всемъ развѣдать, и ко мнѣ ее доставить. Ежели вамъ это угодно, то за сіе извольте благодарить не меня, а секретаря моего, которой мнѣ то напомнилъ. Не худо и секретарю хоть рюмочку подарить. Вы знаете, что секретари подарки любятъ; объ этомъ еще и покойной Сумароковъ писалъ въ Трудолюбивой Пчелѣ.

XI.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ!

Извините меня, что я по разнымъ обстоятельствамъ такъ долго къ вамъ не писалъ. Буду теперь, сколько смогу, отвѣтствовать на послѣднее ваше письмо.

Мы всѣ сердечно обрадовались, услышавъ о выздоровленіи сестрицы вашей. Лѣкарство, о которомъ вы меня спрашивали и котораго ей дано было три порошка, точно таково, за какое оно вамъ дано, и какимъ вы думали его почитать. Оно получено отъ меня, и о которомъ я увѣренъ, что черезъ него, а не чрезъ бѣднаго крестьянина Господь Богъ по милосердію Своему исцѣлилъ сестрицу вашу: будьте и вы въ этомъ увѣрены.

Усердно поздравляю васъ съ полученіемъ новой монаршей милости, о чемъ я узналъ изъ Сѣверной Почты.)

Имѣете ли вы письма отъ Александра Ѳедоровича, или отъ Ивана Потаповича? Мы къ нимъ писали, но по сіе время ничего въ отвѣтъ не получили: видно, что письма наши не полюбились. Ежели вы что знаете, то пожалуйте увѣдомите и насъ.

Усугубляю покорнѣйшую прозьбу мою объ окончаніи дѣла моего и о совершеніи крѣпости. Крестьянинъ каждую недѣлю навѣщаетъ меня и проситъ неотступно.

Нѣмецкую піесу письменную, комментаріи для перевода, прошу покорно, переведена она или нѣтъ, мнѣ оную возвратить; я въ ней прекрайнюю имѣю нужду.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ прошу засвидѣтельствовать искреннее и усердное мое почтеніе.

Впротчемъ, пожелавъ вамъ милости Божіей, а съ нею добраго здоровья и

) Изъ С. Почты 1811, № 73, отъ 13 Сент. видно, что служащій въ вѣдомствѣ министерства вн. дѣлъ по почтовому департаменту статскій совѣтникъ Руничъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степ. П. Б.

всѣхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

25 Сентября
1811.

Приписка Гамалѣя: Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и милостивому государю Дмитрію Павловичу свидѣтельствую мое усердное почтеніе.

XII.

Милостивый государь и любезный другъ Дмитрій Павловичь!

Два письма ваши я получилъ, за которыя усердно благодарю, и прошу извинить меня, что я по нездоровію, недосугамъ и хлопотамъ по сіе время не отвѣчалъ, и теперь не на все отвѣчать буду.

1. Приложенное письмо прошу переслать по надписи, а меня передъ нимъ извинить, что я по тѣмъ же причинамъ нынѣ къ нему не пишу, а буду писать впредь.

2. Нѣмецкую піесу прошу покорно непремѣнно прислать, запечатавъ, съ подателемъ сего; она мнѣ крайне нужна, а вы можете докончать оную по пріѣздѣ моемъ въ Москву; я надѣюсь, ежели Господь Богъ благословитъ, пріѣхать по первому зимнему пути.

3. Крестьянина графа Бобринскаго, купившаго землю, я пришлю къ вамъ на сихъ дняхъ; пусть онъ самъ хлопочетъ, а васъ покорнѣйше прошу постараться объ окончаніи сего дѣла; мнѣ же онъ наскучилъ, да нужно при томъ получить отъ него остальныя деньги, которыя мнѣ очень нужны къ отъѣзду моему въ Москву.

Увѣдомьте меня: Александръ Григорьевичь и сестрица пріѣхали ли изъ деревни въ Москву, и отвѣчалъ ли онъ на полученное имъ отъ А. Ѳ. письмо; я бы совѣтывалъ ему, ежели еще онъ не отвѣчалъ, поспѣшить исполненіемъ христіанской должности, къ которой мы всѣ обязаны, и тѣмъ соотвѣтствовать возстановленію добраго согласія между всѣми добрыми людьми. Я прошу васъ при засвидѣтельствованіи усерднаго моего почтенія и любви А. Г. прочесть ему сію статью моего письма и попросить о благосклонномъ прянятіи сего моего усерднаго прошенія и незамедлительнаго исполненія онаго.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и милостивой государынѣ Александрѣ Павловнѣ свидѣтельствую усердное мое почтеніе.

Вы весьма худо меня разумѣли, начавши употребленіе солнечной тинктуры, какъ вы меня увѣдомили, и совѣтую тотчасъ прекратить оное; по свиданіи съ вами я объясню вамъ причину сего совѣта, а теперь только повторю еще о скорѣйшемъ прекращеніи.

Семенъ Ивановичь благодаритъ васъ за приписаніе ваше и усердно вамъ кланяется.

Больной мой секретарь свидѣтельствуетъ усердное свое почтеніе м. г. Екатеринѣ Ивановнѣ, а притомъ и вашему высокородію.

Впротчемъ, пожелавъ вамъ всѣмъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ истин-

ныхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою
«Н. Новиковъ».

Октября 18
1811.

XIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь.

Покорно благодарю васъ и милостивую государыню Екатерину Ивановну за всѣ ваши дружескія угощенія и ласки въ бытность нашу оказанныя. Во извѣстіе вамъ доношу, что мы насилу, насилу дотащились въ 11 часовъ вечера, и теперь такъ разстроился, что насилу смогу сказывать что̀ писать.

Приложенныя письма прошу разослать по надписямъ. Прошу потрудиться послать приложенную записочку къ Ивану Ивановичу Переплетчикову, и ежели у него мои книги готовы, то принявъ отъ него переслать ко мнѣ съ почтою.

Любезнѣйшимъ друзьямъ Григорью Максимовичу, Александру Григорьевичу и милостивой государынѣ Александрѣ Павловнѣ, сказать усердное мое почтеніе.

О случающихся у васъ новостяхъ не лѣнитесь увѣдомлять насъ. Хотѣлъ бы и больше писать, но право не смогу, а потому и окончу, пожелавъ вамъ всѣмъ милости Божіей и добраго здоровья, останусь навсегда съ искреннею любовью и почтеніемъ

вашимъ
вѣрнымъ и покорнѣйшимъ
слугою
«Н. Новиковъ».

Апрѣля 12
1812.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ и м. г. Дмитрію Павловичу усерднѣйше кланяюсь, прошу меня извинить, что не пишу; съ слѣдующею почтою не премину исполнить оное и благодарить за всѣ ласки.

Вѣра.

Mille jolies choses à mon aimable Madame Tcherewine; j'embrasse mon petit favori.

P. S. Извѣстно ли вамъ что нибудь о моемъ поварѣ, то прошу увѣдомить.

XIV.

Почтенный и любезный другъ и милостивый государь Д. П.

За любезное мнѣ письмо ваше и за присланныя книжицы искренне благодарю, отвѣтствовать же на оное теперь не буду и оставляю до спокойнѣйшаго мнѣ времени, ибо предлежитъ горькая матерія, о которой писать должно и нужно:

1. Дружеской вашъ совѣтъ въ разсужденіи пріѣзда моего въ Москву съ благодарностію пріемлю. Къ пріѣзду моему были двѣ побудительныя притчины: первое увидѣться съ вами, тремя или четырьмя друзьями и что можно къ вашимъ услугамъ сдѣлать; а другая, чтобы сократить время по дѣламъ. А какъ вы изъявили въ письмѣ вашемъ прямо-дружескую готовность помочь мнѣ и дѣло исполнить безъ моего пріѣзда, то я и рѣшился оной отмѣнить. На сей конецъ прилагаю письмо къ Лукьяну Яковлевичу и обстоятельную записку о существѣ дѣлъ моихъ. Самая главнѣйшая нужда моя сдѣлать пересрочку на 12 лѣтъ въ Опекун-

скомъ Совѣтѣ, срокъ же назначенъ для сихъ пересрочекъ по первое Генваря 1814-го; а съ тѣми, которые до перваго Генваря пересрочки не сдѣлаютъ, съ тѣми предписано поступать по всей строгости законовъ, то есть описывать имѣніе и продавать съ аукціону. Изъ чего и видите, что ежели я до перваго Генваря сей пересрочки не сдѣлаю, то я и все семейство мое должны будемъ лишиться послѣдняго оставшагося убѣжища. О семъ то я васъ и Лукьяна Яковлевича препокорнѣйше прошу употребить все стараніе и помощь къ избавленію грозящаго неизбѣжнаго бѣдствія. Главнѣйшей страхъ мой происходитъ, что успѣю ли я въ сіе время получить деньги, ибо у меня только и надежды къ полученію денегъ, что̀ продать излишнія квитанціи на поставленныхъ въ ополченіе; но какъ сіе дѣло происходитъ съ великими затрудненіями, то я и боюсь, что успѣю ли это дѣло сдѣлать, не смотря на то, что охотники уже нашлись и въ цѣнѣ согласились. На сей то конецъ я васъ и Лукьяна Яковлевича препокорнѣйше прошу, не можно ли вамъ изобрѣсть какое средство къ тому, чтобъ не пропустить первое Генваря въ пересрочкѣ, и такъ будущее мое и всего семейства спокойство предаю въ ваши руки. Милосердый Господь Богъ да просвѣтитъ и вразумитъ васъ исполнить сіе христіанское и братское дѣло любви.

Я крайне растревоженъ моими припадками и хлопотливыми обстоятельствами, что съ нуждою могу сказывать что писать.

2. Ежели бы можно было найти купить билетъ коммиссіи о погашеніи долговъ, такъ бы для меня это было весьма выгодно.

3. Также не можно ли вамъ найтить добраго человѣка, которой бы взялся исполнить все касающееся до рекрутскаго набору. О всѣхъ сихъ моихъ покорнѣйшихъ прозьбахъ съ вручителемъ сего, увидѣвшись съ Лукьяномъ Явовлевичемъ, прошу успокоить меня хотя нѣсколькими строками, до полученія которыхъ я все буду въ тревожномъ безпокойствѣ.

Впротчемъ, препоруча себя въ дружескую вашу любовь и испрашивая на васъ милосердія и благословленія Господня, останусь на всегда съ искреннею любовію и почтеніемъ

вашимъ
искреннимъ, вѣрнымъ и благодарнымъ
слугою
«Н. Новиковъ».

P. S. Покорнѣйше благодарю за пощаду бѣдныхъ глазъ моихъ присылкою восковыхъ свѣчь. Съ насиліемъ себя извѣщаю васъ, что я получилъ ихъ не пудъ, но 18 фун. Я хотѣлъ было о семъ умолчать, но другъ нашъ С. И. убѣдилъ меня своими доказательствами, что я долженъ васъ о томъ увѣдомить, что̀ симъ и исполняю, не свою, но его волю. Ежели это шалость отправлявшаго, то прошу вспомнить на сей разъ сказанное: будите милостивы и пр. — отпустите и отпустится вамъ.

Декабря 7-го 1813.
С. Тихвинское.

XV.

†

I. № 1.

«Письмо ваше, почт. и люб. др. и бр. Д. П., со всѣми приложеніями, я

получилъ: благодарю васъ и м. г. Лукьяна Яковлевича за все сдѣланное вами по дѣлу моему; но прочтенное мною въ письмѣ вашемъ, что нѣтъ никакой надежи сдѣлать денежной изворотъ до полученія мною денегъ за три сторгованныя у меня зачотныя квитанціи такъ взбунтовало мои геммороиды и въ такой привело страхъ, что я не въ силахъ описать вамъ того состоянія. Вы можетъ быть не повѣрите, что я въ 1792 году, когда меня взяли въ постели и повезли, былъ гораздо спокойнѣе нежели нынѣ. Тогда была надежда и увѣренія, что я одинъ страдать буду; а нынѣ нѣтъ надежды, и я видѣлъ предъ собою пропасть, въ кою повергнуться должны не одинъ я, но все семейство и живущіе со мною друзья, что̀ раздирало сердце мое. Вы не можете вообразить сего мучительнаго состоянія, въ коемъ я находился. Такая сумма, такой короткой срокъ, въ деревнѣ, приводили меня въ ужасъ, и я щиталъ себя и всѣхъ живущихъ со мною погибшими. На третій уже день, по милосердію Господню, стали нѣсколько просвѣтляться мысли, возраждаться надежда, и я могъ думать и дѣлать дѣло, а прежде не только страдалъ и мучился, но долженъ былъ все сіе скрывать отъ всѣхъ, и они примѣтили только, что я получилъ какое нибудь непріятное извѣстіе. Я сдѣлалъ все отъ меня зависящее и возможное мнѣ, но все сіе, безъ помощи вашей, не надежно и безсильно помочь мнѣ. Послѣ милосердаго Господа Бога, изъ человѣковъ вы четверо только мнѣ остались, отъ коихъ могу ожидать помощи: вы съ Лукьяномъ Яковлевичемъ и Хар. Андр. съ Матв. Яковл. *) Я просилъ милосердаго Господа, чтобы Онъ благоволилъ коснуться перстомъ милосердія сердцамъ вашимъ, подвигнуть оныя и повторить въ нихъ слова Его, нѣкогда ученикамъ Его сказанныя: ежели кто и чашку холодной воды подастъ во имя Мое *яко ученику*, тотъ не лишится награды своей. Какой же награды долженъ ожидать тотъ, который спасаетъ отъ погибели цѣлое семейство! Да исполнитъ милосердый Господь Богъ сіе мое бѣдное прошеніе и да учинитъ васъ орудіемъ благости Своей ко мнѣ и семейству моему. Я умоляю васъ въ пресвятѣйшее имя вашего, и моего, и общаго всѣхъ насъ Спасителя и милосердаго Господа І. Х., не оставьте меня въ сей горькой крестной часъ со всѣмъ семействомъ моимъ: войдите не разумомъ, но сердцемъ въ горестное мое состояніе: оно иное скажетъ нежели разумъ. Можетъ быть въ немъ отзовутся слова: въ какую мѣру мѣряете другимъ, въ ту и вамъ отмѣряно будетъ; и вѣрно оно пожелаетъ услышать слова божественнаго милосердія: пріидите ко Мнѣ благословенные Отца моего, и проч. Можетъ быть поставлены всѣ мы на опытъ и испытуемся; и такъ часъ дорогъ. Я читалъ гдѣ то: упустя данную птицу изъ рукъ, въ другой разъ не поймаешь. И такъ, по милосердомъ Господѣ Богѣ и Спасителѣ нашемъ, предаю судьбу мою, семейства и друзей, живущихъ со мною, въ руки ваши, прибавя только слова Спасителя нашего: будите милостивы, яко же Отецъ вашъ мило-

*) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ и Матвей Яковлевичъ Мудровъ. П. Б.

сердъ есть, и проч.; также мои слова: можетъ быть въ жизни вашей другаго подобнаго сему опыта имѣть не будете—и замолчу.

Я хотѣлъ было писать къ общему др. нашему Х. А. о семъ; но, зная нѣжность и чувствительность сердца его и любовь его ко мнѣ, побоялся, чтобы онъ не испугался, что̀ въ болѣзни его могло быть крайне вредно и опасно. И для того просилъ Ив. Сидор., чтобы онъ какъ возможно деликатнѣе сказалъ и просилъ бы его и Мат. Яковл. о помощи, и ежели что могутъ сдѣлать, то, получа то, тотчасъ бы доставилъ къ вамъ. Ежели и вы можете увидиться съ нимъ, то попросите и вы его о семъ; но, Бога ради, скажите ему какъ можно деликатнѣе, чтобъ не испугать его: я страшусь этого.

Выше сказалъ я, что я все зависящее отъ меня и возможное сдѣлалъ; оное есть слѣдующее:

1) Я попросилъ Ив. Сид. отвесть письмо мое къ купцу, съ коимъ имѣю дѣло и котораго просилъ, чтобы одолжилъ меня 3000 руб., или сколько можетъ, а И. С. поручилъ, что̀ получитъ, доставить къ вамъ тотчасъ.

2) Объявленіе въ Оп. Сов. подписанное прилагаю; но какъ Л. Я. пишетъ, чтобы прислалъ бланковой листъ простой бумаги подписанной, то въ запасъ и сей прилагаю.

3) Вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича, переправленное мною и съ формою въ 99 № Моск. Вѣд. соглашенное и засвидѣтельствованное, прилагаю.

4) Свидѣтельство Земскаго Суда, требуемое въ формѣ, и

5) Двѣ подлинныя квитанціи на 18 человѣкъ прилагаю.

6) Нашелся охотникъ на четвертую квитанцію, за такую же цѣну, какъ и первыя три сторгованы, по 2100 руб. каждая. Сей послѣдній согласился дать деньги впередъ подъ мою росписку до полученія квитанцій и на сихъ дняхъ обѣщался привезть деньги; ежели получу, тотъ же часъ къ вамъ ихъ отправлю. И прежніе трое согласны были отдать деньги впередъ, но какъ они удѣльные, то ѣздили въ Москву у командира просить позволеніе, но онъ имъ запретилъ давать деньги до 1 Генваря, а послѣ позволилъ. Отъ сего то и произошло все медленіе, а то давно было бы все кончено.

Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать.— Ежели же вышепомянутой купецъ откажетъ, ежели Хар. Андр. и Матв. Яковл. скажутъ, что они не могутъ помочь, то уже вы съ Лук. Яковлев. помогите, или взносомъ денегъ, или не можетъ ли Лукьянъ Яковлевичъ купить билеты Коммиссіи о погашеніи долговъ съ обожданіемъ денегъ до продажи квитанцій; 7 или 8 излишнихъ, пусть останутся у него въ томъ залогомъ, да которыя и у меня сторговали, и тѣхъ я къ нему же адресую для окончанія сдѣлки, по чему и все производство дѣла будетъ въ его рукахъ.

И какъ помнится мнѣ, что при продажѣ квитанцій должно совершать и купчую, то на сей конецъ попросите Лук. Яковл., чтобы онъ пожаловалъ прислалъ для сей сдѣлки черное вѣрющее письмо, такъ написавъ и засвидѣтельствовавъ, къ вамъ доставлю.

Вотъ все, что̀ Господь Богъ даровалъ и вразумилъ меня написать къ вамъ, а моя голова совсѣмъ была къ тому неспособна. Судьба наша теперь

въ вашихъ рукахъ. Да просвѣтитъ и вразумитъ васъ Господь Богъ исполнить волю Его объ насъ и да наградитъ васъ за благость вашу милосердіемъ Своимъ. Аминь.

Простите; поручая себя и всѣхъ моихъ вашей бр. христіан. любви, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и

покорнѣйшимъ слугою
Николай Новиковъ.

16 Декабря 1813».

XVI.

†

«Милостивый государь, любезный и благодѣтельный другъ Д. П.

Во первыхъ поздравляю васъ съ прошедшимъ торжественнымъ и всерадостнымъ для всего христіанства днемъ воспоминанія Рождества Христова и желаю, чтобъ милосердый Господь Богъ нашъ дозволилъ вамъ и всѣмъ намъ праздновать сей великій день не наружно токмо и обрядно, но и внутренно и духовно! Поздравляю также и съ наступающимъ новымъ годомъ, и отъ искренняго сердца желаю и молю милосердаго Господа Бога и Спасителя нашего І. Х., да изліетъ Онъ на васъ и на все семейство ваше отъ щедротъ милосердія Своего столько же и еще съ лихвою, сколько оказали вы истинно христіанско-братской любви и сострадания ко мнѣ и семейству моему (о чемъ увѣдомилъ меня И. С), и да допуститъ Онъ васъ нѣкогда услышать слова Его: пріидите благословенные отца Моего наслѣдовать царство, уготованное вамъ отъ сотворенія міра, и проч. Аминь!!! вѣруйте сему! и будутъ во истинну слова сіи для васъ, не пустые комлименты. Я вѣрую, что сердце ваше нѣкогда возрадуется о нихъ. Вѣруйте, что Тотъ, Которой произнесъ сіе благословенное обѣщаніе, силенъ есть и исполнитъ оное. Аминь!!!

Не могу я изъяснить мучительнаго состоянія, въ коемъ я находился, до полученія послѣдняго письма И. С. Скажу коротко: я висѣлъ на волоскѣ между страха и надежды. Но кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Онъ есть Богъ творяй чудеса! Кто коснулся перстомъ милосердія сердцу императрицы? *) Кто подвигъ оное къ состраданію? Кто побудилъ ее отмѣнить свое опредѣленіе и продолжить еще срокъ для пересрочки? Во истинну видимъ нынѣ ясно, что сердце царское въ рукѣ Божіей! Да будетъ же за все благодареніе, честь, слава и поклоненіе во вѣчность, единому вѣчно-всемогущему, вѣчно-праведному, вѣчно-милосердому Господу Богу нашему, Отцу, Сыну и Духу святому. Аминь. Аллилуіа!!!

Я начинаю дышать свободнѣе.— Приложенной пакетъ прошу поскорѣе приказать доставить Лукьяну Яковлевичу. Я просилъ его взять справки вновь въ Опекунской Совѣтъ о числѣ душъ по 6 ревизіи, такъ можно будетъ и проценты причислить къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ, отъ чего денежной взносъ много умень-

*) Маріи Ѳедоровны.

шится, и для меня гораздо полезнѣе. Попросите объ этомъ и о прочемъ, о чемъ я его просилъ. Къ Ивану Яковлевичу о квитанціяхъ писалъ и просилъ его выхлопотать послѣднія три квитанціи, коими предводитель нашъ обижаетъ меня: я долженъ получить 8 квитанцій, а не 5, и приложилъ письмо къ предводителю и объявленіе на гербовой бумагѣ къ нему же, въ коихъ доказано, что онъ въ число явившихся 3 человѣкъ показалъ лишнихъ, и даже одного чужаго, коего имени нѣтъ у меня и въ ревизской сказкѣ.

Пять квитанцій, кои вамъ подалъ Л. Я., покорно прошу ко мнѣ прислать, запечатавъ; я надѣюсь ихъ продать всѣ: ихъ хотятъ купить изъ двухъ волостей, и сіе должно кончиться въ теченіи недѣли послѣ новаго года; а ежели бы, паче чаянія, сія покупка не состоялась, то возвращу ихъ къ вамъ, чтобъ продать ихъ въ Москвѣ; но кажется, что тѣ или другія вѣрно купятъ здѣсь.

Въ бывшихъ моихъ обстоятельствахъ, я и забылъ просить васъ о газетахъ, почему и прошу покорно по приложенной запискѣ для насъ записать и высылать, а деньги за нихъ взнесу послѣ, теперь нѣтъ. Не можно ли сдѣлать одолженіе приказать чтобъ Сѣверную Почту газетная экспедиція выписала на себя и отправляла съ Московскими газетами въ одномъ пакетѣ на мое имя, чтобъ г. Преображенской не имѣлъ права распечатывать онаго, а то онъ насъ обижаетъ. Также ежели вы получаете для себя Инвалида, то не можно ли приказать и оной прислать къ намъ для прочтенія, а я исправно возвращать буду.

Ежели Господь Богъ благословитъ, то съ первыми ѣздоками пришлю вамъ на новой годъ подарокъ, коимъ, надѣюсь, вы будете довольны.

Испрашивая на васъ и на семейство ваше милосердіе и благословеніе Господне, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ и благодарнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

30 Декабря 1813.

XVII.

Милостивый государь, любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь!

Извините, что не самъ пишу, крайне разстроенъ, и погода и всѣ обстоятельства тѣснятъ, я очень нездоровъ. Посылаю къ вамъ обѣщанной на новый годъ подарокъ, къ которому хотѣлъ я написать предисловіе или лучше сказать предъусловіе, но ни голова, ни рука не слушаются, а секретарь мой такъ глупъ и вѣтренъ, что сей работы я ему поручить никакъ не могъ; думаю, что и вы со мною совершенно будете согласны. Потерпите же, ежели Господь Богъ благословитъ, я, написавъ оное, къ вамъ доставлю. Приложенной пакетъ прошу покорно приказать поскорѣе доставить къ Ивану Яковлевичу: это отвѣтъ на его письмо, полученное мною на послѣдней почтѣ.

Ежели у васъ прошлогодній собственной вашъ Инвалидъ здравствуетъ еще, то пожалуйте пришлите его къ намъ за весь годъ; я по немъ хочу секретаря своего учить чтенію, а каково пишетъ онъ, это вы видите: не

можно ли также сообщать намъ для прочтенія и Петербургскихъ вашихъ газетъ и новаго Инвалида; мы вамъ все въ цѣлости возвращать будемъ, и чтобъ вамъ по такимъ прозьбамъ не имѣть никакого безпокойства и заботы, то прошу поручить сію коммиссію любезному моему Ѳедору Дмитріевичу. Я увѣренъ въ немъ, что онъ по любви своей ко мнѣ не затруднится симъ препорученіемъ.

Посылаю свѣжій померанецъ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ, при засвидѣтельствованіи моего и секретаря моего усерднаго почтенія, а другой отъ нея, и того два, на новый годъ вмѣсто подарка; пусть она изволитъ сдѣлать бишовъ и васъ попотчиваетъ.

Съ квитанціями моими дѣло все протягивается еще, однако надѣюсь, по полученіи отвѣта отъ Ивана Яковлевича, скоро оное окончить.

Прости, любезный другъ! желаю вамъ новой милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ. Остаюсь навсегда, съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

Генваря 12
1814.
С. Тихвинское.

P. S. Прилагаю сто рублей, на которые прошу сдѣлать одолженіе Семену Ивановичу и мнѣ, вымѣнять мѣдныхъ денегъ половину пятикопѣешниковъ, а другую грошей.

XVIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Д. П!

Благодарю васъ за любезное письмо ваше, которое я читалъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, читая въ немъ изображеніе мыслей вашихъ въ разсужденіи подарка: онъ во истинну драгоцѣненъ, и вы еще не знаете въ полной мѣрѣ, какое свидѣтельство сей подарокъ даетъ искренней сердечной моей любви и довѣренности къ вамъ. Однако вы нѣчто пропустили изъ сказаннаго мною, а именно: слова *предисловіе* или *предъусловіе*, которыя слова не безъ намѣренія были помѣщены, а что не яснѣе сказано, тому причина Еввина рука. Теперь буду писать о дѣлахъ и прозьбахъ.

1. Прилагаю вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича и четыре зачетныхъ квитанціи, которыя у меня здѣсь купили по 2000 руб. каждую, и получилъ я здѣсь по 100 руб. на каждую квитанцію, а остальные по тысячи по девяти сотъ руб. получить въ Москвѣ при совершеніи купчихъ и окончательной сдѣлки. Я пишу къ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ по полученіи денегъ доставилъ оныя къ вамъ. Изъ вѣрющаго письма вы увидите, что я продаю Никифора Ѳедорова съ его семействомъ, его покупаетъ генералъ лейтенантъ Иванъ Петровичь Вырубовъ; только теперь еще немного не согласились въ цѣнѣ; я просилъ Ивана Сидоровича съ нимъ увидиться и дѣло сіе рѣшить, и ежели сія продажа совершится, то и сіи деньги извольте принять къ себѣ. Вы теперь генераль-

ной и полномочной мой повѣренной, такъ уже вы и примите свое мѣры.

2. Попросите какъ возможно наиубѣдительнѣйше Лукьяна Яковлевича, чтобы взять новыя справки для Опекунскаго Совѣта, и чтобы въ залогъ можно было прибавить потребное число душъ, а накопившiеся проценты причислить къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ; симъ вы и Лукьянъ Яковлевичь крайне бы меня обязали. Мой расчотъ состоитъ въ томъ, что теперь за каждый рубль плачу я 4 рубли, а ежели Господь Богъ благословитъ, что война благополучно кончится, то я надѣюсь, что можетъ быть цѣна на серебро упадетъ, и рубли по манифесту придутъ въ опредѣленную цѣну 2 рубли. Такъ судите сами, что я чрезъ это выигрываю, а время для взятья справокъ теперь весьма довольно: въ Московскихъ газетахъ объявлено отъ Опекунскаго Совѣта, что отсрочка продолжится до 1-го Iюля. Пожалуйте постарайтесь уговорить и упросить его сiе сдѣлать.

3. Милосердiе ваше къ бѣднымъ глазамъ моимъ уже догараетъ; въ остаткѣ на лицо по самымъ вѣрнымъ исчисленiямъ состоитъ 3 свѣчи, и о семъ какъ соблаговолите; и пишу я при нихъ весьма, весьма хорошiя вещи, которыя со временемъ можетъ быть и вамъ полюбятся.

4. Секретарь мой, какъ и всѣ секретари, твердо знаетъ пословицу: сухая ложка ротъ деретъ, и говоритъ, что онъ всегда трудится, а за труды я ему даю только обрѣзочки веленевой бумаги; да я-де и то употребляю въ дѣло: дѣлаю вершковые и полувершковые альбомчики; ежели угодно вамъ, такъ онъ и вамъ подаритъ, и ежели бы-де у меня была веленевая бумага въ четвертку, или въ осьмушку, и пришла бы-де она прямо въ мои руки, такъ бы надѣлаю чудеса на ней. Вашъ, любезной мой, секретарь кажется не таковъ какъ мой, и мой секретарь вашему завидуетъ въ разсужденiи изобилiя его въ бумагахъ разныхъ сортовъ. Я было эту статью и кончилъ, но секретарь мой недоволенъ былъ этимъ, говоря, что въ этой статьѣ говорили, говорили, а ничего не сказали; можетъ-де быть, что онъ и не догадается что надобно сдѣлать, такъ лучше бы написать ясно, вы-де писали только исторически, а надобно бы-де написать экономически; потому что я дискать ото всѣхъ и вездѣ хорошую бумажку собираю, потому что дѣланiе альбомовъ сдѣлалось моею пассiею. А что бы еще болѣе убѣдить васъ, такъ и посылаетъ одинъ изъ таковыхъ альбомчиковъ, который по вашему почерку весьма вамъ будетъ полезенъ.

Впротчемъ пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ милости и благословенiя Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствiя и всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею любовiю, почтенiемъ и благодарностiю вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Генваря 30
1814.
С. Тихвинское.

XIX.

Милостивый государь и любезнѣйшiй другъ Д. П.!

Усерднѣйше благодарю васъ за любезное письмо ваше и исполненiе моей

просьбы въ разсужденіе бѣднаго г. Ѳедяшева, а равномѣрно и за присланную матерію для свѣта, а по просту сказать: за присланныя восковыя свѣчи.

Въ разсужденіи малой покупки переведенной вами книжицы и дивиться нечему: доброму почти всегда худой бываетъ успѣхъ.

Сожалѣю о вашихъ безпокойствахъ по экономической части; я давно зналъ, что она такова, каковою вы ее описываете; на это сказать можно только слышанное мною отъ покойнаго барона Рейхеля: Geduld! mein Bruder, и еще Geduld! Сказываютъ, что сіе лѣкарство весьма полезно въ такихъ обстоятельствахъ.

Къ Лукьяну Яковлевичу и Ивану Яковлевичу я писалъ нынѣ обо всемъ обстоятельно и просилъ И. Я. объ отдачѣ посланныхъ двухъ рекрутъ за мои души; деньги на сіи расходы человѣкъ мой долженъ получить отъ купца за посланныя сукна, но ежели паче чаянія онъ не получитъ, чего однако я не думаю, а пишу только въ запасъ, то прошу покорно одолжить меня въ такомъ случаѣ дать сколько будетъ нужно денегъ на отдачу, а по полученіи за квитанціи извольте ихъ вычесть.

За доставленіе къ намъ Инвалида и Петербургскихъ газетъ, получаемыхъ нами весьма исправно, мы всѣ премного васъ благодаримъ; мы всякую почту нетерпѣливо ожидаемъ извѣстія, что наши вступили въ Парижъ, или врага рода человѣческаго Наполеона убили, или взяли въ полонъ; на тотъ или другой случай у меня сдѣлано распоряженіе, что ежели мы сіе извѣстіе получимъ, хотя бы то было ночью, то сдѣлать троекратной звонъ и итить всѣмъ въ церковь для благодарнаго молебствія и при многолѣтіи Государю Императору и всей его фамиліи, также союзникамъ и всему воинству, опять троекратной звонъ.

Милостивой государынѣ Екатеринѣ Ивановнѣ прошу сказать благодарность и почтеніе наше за ея объ насъ воспоминаніе.

Семенъ Ивановичъ благодаритъ васъ за приписаніе и усердно вамъ кланяется.

Лукья. Яковл. и Ив. Яковл. я просилъ нынѣ о присылкѣ ко мнѣ формы для написанія вѣрющаго письма, какое нужно на имя П. Я., какъ о томъ приписалъ ко мнѣ Л. Я. Повѣренной г. Бека, покупщикъ квитанціи, надѣюсь, что уже въ Москвѣ у И. Я. Впротчемъ пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Февраля 25 (1814 г.).

XX.

Любезнѣйшій другъ, милостивый государь Д. П!

Вручитель сего, сынъ покойнаго друга и благодѣтеля нашего Ивана Григорьевича и Натальи Ильиничны, а мой крестникъ, Павелъ Ивановичъ Шварцъ, котораго вамъ рекомендую въ дружескую любовь вашу; онъ по

сердцу своему достоинъ оной, а иначе я бы сего не сказалъ, и эта статья кончена.

А теперь начинаю другую, поручая себя въ ваше премилостивое благорасположеніе. Дѣло стоитъ въ слѣдующемъ: крестникъ мой мѣсяца съ три назадъ, бывъ проѣздомъ у насъ, выручилъ меня изъ прекрайней тогда нужды на покупку хлѣба, далъ мнѣ 500 руб. денегъ, а теперь ему самому прекрайняя нужда, хотя по неправому рѣшенію онъ долженъ однако взнести въ казну слишкомъ 1000 руб., о чемъ онъ вамъ самъ сказать можетъ, почему и прошу покорнѣйше, ежели уже за квитанціи деньги получены, дать ему изъ нихъ пятьсотъ рублей, а ежели еще не получены, а отъ него скоро будутъ требовать взносу въ казну, въ такомъ случаѣ наипокорнѣйше прошу хотя перехватить гдѣ до полученія моихъ денегъ и ему отдать. Не оставьте сей моей покорнѣйшей прозьбы безъ исполненія. Онъ хотя мнѣ въ нынѣшній пріѣздъ ни слова не напоминалъ о сихъ деньгахъ, но для меня тѣмъ мучительнѣе будетъ, ежели онъ что нибудь можетъ потерпѣть отъ этого.

Полюбите его, онъ хотя еще и профанъ, но по сердцу предоброй, а по уму прелюбезной человѣкъ. Я его истинно люблю какъ роднаго сына.

Въ надеждѣ на вашу дружескую въ семъ случаѣ помощь останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Февраля 25
814.

XXI.

Благодарю васъ, любезнѣйшій и благодѣтельный другъ, за послѣднеполученное письмо ваше. Напрасно увѣряете вы меня въ искренности вашей дружбы ко мнѣ: я въ ней совершенно увѣренъ и прямую цѣну оной по благости Божіей хорошо знаю. Станемъ же оба благодарить милосердаго Господа, дающаго въ сердца наши искреннюю любовь; Онъ сказалъ: по сему будутъ признавать васъ за Моихъ учениковъ, ежели будете имѣть любовь между собою.—Онъ же сказалъ: безъ Меня не можете дѣлать ничего. Слѣдовательно Онъ даетъ въ сердца наши любовь; Онъ есть самъ превѣчная любовь, и потому даяй въ сердца наши любовь, даетъ Онъ Себя, и Онъ же сказалъ двѣ заповѣди: любить Бога и любить ближняго, что на сихъ двухъ заповѣдяхъ висятъ весь законъ и пророки. И ученикъ любви святой Іоаннъ сказалъ: Богъ есть любовь, и кто имѣетъ любовь, тотъ пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ пребываетъ и пр. и пр. Слѣдовательно любить Бога и ближняго есть высочайшая степень совершенства человѣческаго.

Премного благодарю васъ за одолженіе сдѣланное мнѣ отдачею 300 р. слугѣ І. Ѳ. и 500 р. П. И. Шварцу. Извольте ихъ вычесть изъ полученныхъ денегъ отъ Ивана Яковлевича. Онъ меня увѣдомилъ, что онъ за вычетомъ употребленныхъ имъ на расходы 244 р., остальные 6756 р. съ промѣномъ подалъ вамъ, а вы поручили Л. Я.

Къ Л. Я. нынѣ же я писалъ и послалъ къ нему вѣрющее письмо по

присланной отъ него формѣ написанное и засвидѣтельствованное на полученіе справокъ изъ Опекунскаго Совѣта.

Я теперь при крайней разстройкѣ здоровья забочусь о покупкѣ хлѣба на прокормленіе людей до новаго урожая и овса на посѣвъ; покуда еще не совсѣмъ испортились дороги, то и цѣны на хлѣбъ подешевле, а какъ совершенно испортятся, то вдругъ возвысится въ полтора раза, что̀ уже со мною нѣсколько разъ случалося. Скажу одинъ случай для примѣра: нѣкогда просилъ я Ѳ. П. выдать мнѣ за поставленныя сукна 2000 р. впередъ; онъ отказалъ, сказавши, что это еще не уйдетъ; мука тогда продавалась отъ 80 до 90 коп. пудъ, сѣно подряжался поставить ко мнѣ на мѣсто Москворѣцкое по 15 к. за пудъ съ его привозомъ, но не имѣя денегъ, не могъ я ни того, ни другаго купить. Чрезъ мѣсяцъ онъ прислалъ деньги уже безъ просьбы моей, путь тогда испортился уже, и я принужденъ былъ купить въ Коломнѣ по рублю по 70 коп. пудъ съ моимъ провозомъ, а сѣно купилъ за 40 верстъ подъ Каширою по 40 к. пудъ, съ моимъ же провозомъ. Разсудите сами, какая ужасная разница. Сего то я и нынѣ опасаюсь.

Къ Ивану Яковлевичу я нынѣ также пишу и посылаю къ нему остальную квитанцію, да у него есть одна и прошу его обѣ продать уже въ Москвѣ, а здѣшній мой покупщикъ покупаетъ охотно почти за туже цѣну, но чтобы денегъ подождать годъ, на что я никакъ не могъ рѣшиться, потому что опасаюсь, чтобы не потерять и всѣхъ денегъ.

Теперь васъ, любезнѣйшій и благодѣтельный другъ, покорнѣйше прошу сдѣлать съ деньгами слѣдующее распоряженіе:

1. Оставить у Л. Я. 3000 р. для Опекунскаго Совѣта.

2. Вычесть вашихъ денегъ 800 р.

3. Дать И. С. Черепанову 1000 р.

4. На 100 руб. прислать съ человѣкомъ моимъ мѣдными 100 р., половину пятикопѣешниковъ, а другую грошей.

5. Остальные 1856 р. въ число сихъ послѣднихъ включить всѣ серебрянныя деньги, о коихъ мнѣ бурмистръ сказывалъ, что онъ отдалъ съ чѣмъ то 1200 р. Мнѣ онѣ нужны, потому что здѣсь на покупку хлѣба серебро, рубли и мелкія, суть наилучшія деньги, а самыя худыя красныя и синія бумажки, потому что промѣнъ на сихъ совсѣмъ пропадаетъ. Исполненіемъ всего онаго вы меня чувствительно обяжете. Ив. Яков. я просилъ по продажѣ двухъ квитанцій полученныя деньги представить къ вамъ же.

Истинно на силу, на силу смогъ это письмо сказывать: такъ разстроился.

Впротчемъ, испрашивая на васъ и семейство ваше благословенія и милосердіе Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, остаюсь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою «Н. Новиковъ».

Марта 13 (1814).

P. S. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое и пишущей искреннее почтеніе.

P. S. Семенъ Ивановичъ благодаритъ васъ за приписаніе и усердно кланяется.

P. S. Оставшуюся у меня квитанцію прилагаю здѣсь, прося доставить ее Ив. Яков.

P. S. Нѣтъ-ли у васъ ординарной хорошенькой бумаги стопу, величиною по прилагаемому здѣсь листу для переводовъ С. И.? Послѣднюю поѣздку привезли мнѣ за 9 руб. стопу, какову видите въ прилагаемомъ листѣ: рука даже устаетъ писать на ней, и почему она у васъ будетъ въ подрядѣ, прошу меня увѣдомить.

P. S. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ моя хозяйка, исправляющая секретарскую должность, посылаетъ 35 свѣжихъ яичекъ, коихъ только и набралось и притомъ тельца питомаго съ головою, ногами и пр. и желаетъ вамъ во здравіе кушать: она очень рада будетъ, ежели хорошо довезутъ.

P. S. Серебряныя деньги прикажите положить въ какой нибудь ящикъ, завязать и запечатать, а ассигнаціи запечатать въ пакетъ и отдать Патрекею, чѣмъ всѣмъ одолжите.

XXII.

†

На два письма ваши, почтенный и благодѣтельный другъ, мною полученныя, буду отвѣчать, сколько рука будетъ повиноваться. И первое, благодаря за нихъ и за все сдѣланное вами, а также и за присланную бумагу, скажу, что я съ ними поступилъ по желанію вашему и прошу равнаго воздаянія. Письма ваши застали меня въ сильной простудѣ, хотя я всю зиму изъ горницы не выхожу, и притомъ въ сильной гемороидальной разстройкѣ и слабости; прочтеніе же писемъ все сіе весьма умножило, такъ что не знаю, буду ли въ силахъ начатое окончать. Но буду отвѣчать сколько смогу, въ случаѣ нужды употреблю руку Вѣры, которая и сама нездорова: пуще всего мѣшаетъ сильной кашель. И такъ.

1) Спаситель нашъ сказываетъ: тѣсенъ путь и узки врата для входа въ царствіе небесное. Ап. Павелъ говоритъ: и всѣ хотящіе жить благочестиво, будутъ гонимы, и понеже мы удостоились быть крестоносцами, то и должны ожидать гоненія; ибо Спаситель говоритъ: ежели бы вы были изъ міра, такъ міръ любилъ бы васъ, но понеже Я избралъ васъ изъ міра, сего ради міръ васъ ненавидитъ, и пр. и пр.—Лѣкарство противу гоненія самое сильное и вѣрное молитва за враговъ нашихъ и гонителей; я знаю человѣка, которой ежедневно между прочимъ молится и проситъ, чтобы Господь даровалъ ему желаніе и силы любить враговъ его, дѣлать добро ненавидящимъ его и молиться за гонителей его и дѣлающихъ обиды и напасти. Но на что намъ человѣческіе примѣры: самъ божественный Учитель нашъ на крестѣ молится за враговъ и гонителей Своихъ, и даже извиняетъ ихъ, что они дѣлаютъ сіе по незнанію. Какая нѣжная, возвышенная и воистинну Божественная любовь! Станемъ же и мы подражать ей, будемъ молиться за враговъ и гонителей нашихъ и любить ихъ, вооружимся щитомъ вѣры, о которой всѣ огненныя стрѣлы врага нашего діавола и апостоловъ его притупляются;

будемъ вѣровать, что не возложится на насъ тяготы больше, нежели сможется понести; да будетъ за все и за сіе честь, слава, благодареніе и поклоненіе милосердому Господу Богу нашему Отцу, Сыну и Духу Святому во всю вѣчность, Аминь!!! Ежели Богъ по насъ, то кто на насъ!—тіи спяти быша и падоша, мы же возстанемъ и исправимся. И на закуску послушаемъ Іова, учащаго жену свою: Благая отъ руки Господней пріяхомъ, злыхъ ли не стерпимъ?—Терпѣніе! терпѣніе! и долготерпѣніе! А Премудрый утѣшаетъ насъ слабыхъ: кого любитъ Господь, наказуетъ и пр.—Сама превѣчная любовь увѣряетъ насъ, что безъ воли Отца нашего небеснаго и волосъ съ головы нашей не падаетъ.—А царь Давидъ громогласно вопіетъ: мужайтеся! и да крѣпится сердце ваше, всѣ уповающіе на Господа! Аминь.

2) Присланныя двѣ книжицы отъ А. Ѳ. я получилъ, но прочитать еще не успѣлъ. Прошу потрудиться написать къ любезному другу нашему искреннюю нашу благодарность, какъ за сію, такъ и за прежде присланныя книги и увѣрить его въ искренней, сердечной моей къ нему любви, дружбѣ и почтеніи.

3) Въ пакетѣ вашемъ, не знаю на что, вложенъ отпечатокъ гербовой печати, а потому и возращаю его къ вамъ.

4) Прилагаю здѣсь Нѣмецкую книжицу для чтенія вашего, и не только для чтенія, но и для ученія. Изъ одной рѣчи вы увидите, что добрые люди, хотя и далеко отъ насъ находящіеся, молятся за насъ, а молитва праведныхъ во истинну всегда бываетъ услышана. Читайте сію книжицу и другую находящуюся у васъ мою же книжицу Нѣмецкую о должностяхъ, равномѣрно и письменную Нѣмецкую, переписанную вами, чаще, чаще и еще чаще и сколько можно чаще.

5) Теперь будетъ касаться до дѣлъ моихъ. Присланное отъ Лукьяна Яковлевича объявленіе, подписавъ, здѣсь прилагаю; извините меня предъ нимъ, что не пишу къ нему самъ и не благодарю его за все дѣлаемое имъ, истинно не смогу; стараюсь какъ нибудь только, чтобы это докончить и спѣшу отправить, ибо дорога очень угрожаетъ. Жалко мнѣ, что Л. Я. сдѣлалъ не по тому расположенію, о коемъ я просилъ; время было бы еще довольно по полученіи справокъ причислить и прибавить число душъ сколько потребно на причисленіе накопившихся процентовъ къ капитальной суммѣ на 12 лѣтъ, чѣмъ бы взносная сумма почти въ половину уменьшилась, ибо я крѣпкую имѣю надежду, что по возстановленіи мира и спокойствія въ Европѣ промѣнъ на серебряныя деньги уменьшится, теперь же платимъ за рубль 4 рубля. Сверхъ же всего этого мой планъ симъ совсѣмъ разрушился, и я теперь будто какъ на льду обломился, и не знаю что̀ дѣлать; хлѣба на прокормленіе и овса на посѣвъ купить не на что, также и другихъ необходимыхъ платежей казенныхъ и партикулярныхъ сдѣлать не изъ чего; а ежели бы сдѣлано было по моему прошенію, такъ бы я могъ со всѣмъ и во всемъ исправиться; но теперь уже этого поправить нельзя, и я не знаю что̀ и дѣлать.—Я просилъ Ивана Яковлевича оставшіяся двѣ квитанціи продать; но вчерась былъ у меня знакомой

крестьянинъ малолѣтныхъ графовъ Бобринскихъ и просилъ меня для его родни одну квитанцію; но тотъ человѣкъ еще не возвратился, а ожидаетъ онъ его на сихъ дняхъ и хотѣлъ ко мнѣ привесть, такъ не можно ли дать знать И. Я., чтобы онъ до Ѳоминой недѣли подождалъ продавать.

Въ заключеніе поздравляю васъ и м. г. Катерину Ивановну съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія въ радости, спокойствіи и добромъ здоровьѣ препроводить и насъ вспомнить, тоже повторяетъ и Вѣра. За тѣмъ пребуду навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Новиковъ.

22 Марта (1814).

(Подпись и сначала до словъ: «2. Присланныя двѣ книжицы отъ А. Ѳ.» собственноручныя. Внизу рукою Рунича отмѣчено: «Квитанціи проданы по 1400 р»).

XXIII.

«Воистинну воскресъ Христосъ!

Да воскреснетъ Онъ и въ бѣдныхъ и потемненныхъ сердцахъ нашихъ, да освятитъ оныя свѣтомъ Своимъ, и да учинитъ ихъ сообразными пресвятой Его волѣ о насъ и сотворитъ съ нами по милосердію Своему, изъ единаго милосердія Своего. Аминь!!!

Любезное коротенькое письмо ваше, почтенный и благодѣтельный другъ, хотя утѣшило и успокоило меня на краткое время; ибо въ немъ сказали, что все исполнится по желанію моему; но какъ я обѣщаннаго вами письма, по свиданіи вашемъ съ Л. Я., по почтѣ не получилъ, то и заключилъ, что вы не могли согласить Л. Я. сдѣлать по моему расположенію въ Опек. Сов., а не по его, что̀ и погрузило меня въ прежнюю горестную и мучительную неизвѣстность, что̀ мнѣ дѣлать въ настоящемъ положеніи дѣлъ моихъ. Сіе состояніе такъ встревожило мои гемороиды и измучило меня, что я нынѣ едва могу бродить. Я знаю, что вы сильно развлечены своими дѣлами, а я обременяю васъ еще моими. Но, сердечный другъ, въ такихъ-то только случаяхъ и познается истинная и вѣрная дружба. И такъ я, въ полномъ упованіи на вашу вѣрную дружбу, прошу васъ наипокорнѣйше вникнуть хорошенько въ различіе расположеній Л. Я. и моего въ разсужденіи настоящаго моего положенія и потому употребить всю возможность къ соглашенію Л. Я. окончать сіе дѣло по моему расположенію. Различіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ:

По расположенію Л. Я. долженъ я нынѣ вдругъ внести въ Опек. Совѣтъ накопившихся процентовъ, также и впредъ за годъ проценты съ капитальной суммы, а всего 7.552 р., за квитанціи полученныхъ денегъ 6750 р., недостающіе слишкомъ 800 р. хочетъ онъ взнести свои, а капитальную сумму 10.000 р. разсрочить на 12 лѣтъ. Вотъ расположеніе Л. Я.; по оному деньги за квитанціи уйдутъ всѣ въ платежъ Совѣту, и сверху долженъ буду заплатить Л. Я. слишкомъ 800 р. да вамъ уплатить хотя только нынѣшнія 300 р., данные человѣку Зах. Ѳед., 500 р. данные Шварцу, 500 р. дан-

*

ные въ два раза Черепанову, а всего вамъ уплатить 1300 р., а я останусь ни съ чѣмъ; а мнѣ кромѣ всѣхъ другихъ нуждъ необходимо нужно прикупить на сѣмена овса 150 четвертей; это по крайней мѣрѣ составляетъ 1500 р.; да ржи на остальные 4 мѣсяца до новаго хлѣба 200 четвертей для прокормленія людей. Не купя овса и не посѣявъ, и ожидать будетъ нечего; а о необходимости купить рожь и говорить нечего, на сіе надобно 2400 руб. Чтò же я дѣлать долженъ въ такомъ положеніи, разсудите сами. Ежели и продадутся остальныя двѣ квитанціи, то сими деньгами могу уплатить вамъ и Л. Я., а чтò посѣять, чѣмъ кормить 4 мѣсяца, чѣмъ исправлять необходимыя другія нужды? Страшно и подумать.

Напротивъ же сего, по моему расположенію: накопившіеся проценты причислить къ капитальной суммѣ и привесть въ круглыя сотни, разсрочить всю сію сумму на 12 лѣтъ, прибавя въ залогъ число душъ сколько потребно, чтò дозволено дѣлать; ко взносу же тогда нужно будетъ только за годъ впередъ со всей суммы проценты, да что еще причтется сверхъ сотенъ назначенныхъ мною къ оставленію у Л. Я. 3000 руб. А между тѣмъ можетъ быть продадутся и остальныя двѣ квитанціи, такъ бы я и во всѣхъ моихъ нуждахъ могъ исправиться и успокоиться. Выгоды сего расположенія для меня суть слѣдующія: 1). что я долженъ взнесть нынѣ не 7.552 руб., а вѣроятно меньше половины, и слишкомъ 800 р. Л. Я. не платить; и имѣющіеся же за квитанціи 6750 руб., оставя у Л. Я. 3000 руб. для Совѣта, заплатить вамъ 1300 руб., а затѣмъ осталось бы еще мнѣ на прочія мои нужды 2.450 р.

2) Выгода. что я накопившіеся проценты выплачиваю вмѣстѣ съ капитальною суммою въ 12 лѣтъ, а не всѣ теперь взношу вдругъ; чтò дѣлаетъ для меня великую разность.

3) Что по всей вѣроятности, по окончаніи войны, курсъ на серебряныя деньги уменьшится, и всемилостивѣйшій Государь исполнитъ то, чтò сказано съ манифестѣ, что рубли будутъ имѣть постоянную цѣну два рубли; вообразите же, какую тогда великую сдѣлаетъ мнѣ разность!

4) Что я остальными деньгами могу исправить всѣ мои нужды и остаться спокоенъ. И такъ изъ сего видите, какую великую дѣлаетъ мнѣ разность, ежели въ Опек. Совѣтѣ дѣло будетъ кончено по моему расположенію. Почему и прошу васъ, люб. др., наипокорнѣйше и наиубѣдительнѣйше употребить всю возможность къ соглашенію на сіе Л. Я. и тѣмъ избавить меня отъ угрожающаго мнѣ бѣдствія. И такъ человѣческая моя надежда на васъ и на дружбѣ вашей основана. Истинно по чрезмѣрной нынѣшней дороговизнѣ всѣхъ необходимыхъ вещей, начинаю приходить въ уныніе; одно милосердіе Господне еще только подкрѣпляетъ;—не оставьте и вы съ Л. Я. меня и помогите.

Въ Свѣтлое Воскресенье я получилъ отъ Ивана Сидоровича письмо. Онъ увѣдомилъ, что вы приказали написать ко мнѣ, что у васъ есть для меня 1000 руб., полученныя отъ Л. Я. Покорнѣйше прошу отдать ихъ Ивану

Сидоровичу. Я получа куплю на Май ржи и сколь можно овса.

Истинно едва могу писать, такъ разстроенъ, ослабѣлъ, и голова пуста.

Милост. госуд. Катеринѣ Ивановны прошу сказать искреннее мое и Вѣрино почтеніе.

Прости, люб. др. Испрашиваю на всѣхъ васъ благословеніе и милосердіе Господне и, пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и преданнѣйшимъ слугою.

13 Апрѣля (1814)».

Н. Н.

XXIV.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

На письмо ваше отъ 7-го Іюля буду отвѣчать весьма кратко и воздержно: причина тому крайняя моя разстройка въ здоровьѣ и великая слабость, а при томъ нынѣшній день и сильная боль въ головѣ.

Карла Лаврентьевича я нетерпѣливо ожидаю, тѣмъ паче прочтя въ письмѣ вашемъ все о немъ написанное, и сердечно желаю быть для него и для цѣлаго дѣла полезнымъ, и ежели найду способную землю, то радъ высѣять все что̀ Господинъ мой даровалъ мнѣ для сего употребленія. Я, и не видавши его, уже сердечно люблю, а увидѣвши и нашедъ желаемое, еще болѣе и болѣе любить буду.—Для чего же онъ не ѣдетъ, ежели пріѣхать желаетъ? Вы отгадали почти, что я написалъ къ вамъ шутя о бывшемъ у васъ въ деревнѣ фейерверчикѣ; я больше и лучше знаю васъ, нежели чтобъ могъ о томъ говорить серьезно. Иванъ Игнатьевичь писалъ ко мнѣ между протчимъ, что онъ былъ у васъ въ деревнѣ, хвалилъ оную, что онъ у васъ обѣдалъ и сожгли маленькой фейерверчикъ. Симъ дѣлу сему да будетъ конецъ.

Извините, что я о запискѣ лѣкарствамъ написалъ, а ея не приложилъ; причина таже была какъ и выше сказано, теперь же за то прилагаю не только одну записку, но и самыя съ нихъ печатныя объявленія, прося покорнѣйше о скорѣйшей выпискѣ оныхъ.

Я радуюсь, что вы получили позволеніе жить въ деревнѣ и что вы хотя нѣсколько отдохнете и поправитесь; но только прошу увѣдомить меня, какъ вы пріѣзжаете въ Москву, наканунѣ или въ самые почтовые дни, чтобы я по тому могъ расположиться посылками въ Москву.

Ежели извѣстно что̀ вѣрное о прибытіи вселюбезнѣйшаго Государя нашего въ Петербургъ, то прошу увѣдомить; мы нетерпѣливо желаемъ о томъ знать: онъ у меня и днемъ и ночью изъ мысли не выходитъ, и не могу имени его прочесть безъ слезъ, и теперь плачу, столько онъ любезенъ сердцу моему.

Прилагаемое письмо къ Лукьян. Яковлев. прошу покорно отдать и попросить его о исполненіи прозьбы моей. Также и прилагаемыя приказать отправить.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннюю

благодарность, почтеніе и пренизкой поклонъ, какъ только я могу поклониться. Бабы и дѣвки наши ей свидѣтельствуютъ искреннее почтеніе и благодарность за памятованіе объ нихъ, также и вамъ кланяются въ ноги до лица земли.

Понеже я узналъ, что вы посланныхъ цыплятъ отправили въ деревню для заводу, то я сколько могъ найтить здѣсь отъ хорошихъ Шпанской породы куръ, столько и посылаю къ вамъ мужеска и женска пола, пусть у васъ въ деревнѣ разродятся тысячи.

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Іюля 18
814.

XXV.

Милостивый государь и почтенный другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

Послѣднее письмо ваше и при немъ 10 экземпляровъ *Вѣрую* и 500 рублей на счетъ поставки овса я получилъ уже больной, а потому столь поздно за все сіе и благодарю. Я пришолъ было въ такую безмѣрную слабость отъ почти двунедѣльнаго неядѣнія, ибо аппетитъ совершенно пропалъ, что едва, едва смогъ весьма слабо говорить; 16-го, въ воскресенье, сподобился я причаститься тѣла и крови Христовой, и Господь толико былъ ко мнѣ милосердъ, что благоизволилъ сею дражайшею пищею и питіемъ толико укрѣпить, что въ сей же день открылся апетитъ, и я поѣлъ довольно со вкусомъ; такого апетита я уже не имѣлъ около двухъ мѣсяцевъ, и слабость моя столько уменьшилась, что я въ сей день довольно могъ ходить съ палкою по горницѣ. Коль дивенъ Господь Богъ нашъ, и милосердію Его нѣтъ числа! Ему единому да будетъ за все честь, слава, благодареніе и поклоненіе во всѣ вѣчности. Аминь!!!

Присланную отъ васъ росписку я успѣлъ тогда же подписать, но отправить къ вамъ уже не могъ, а нынѣ прилагаю.

Нужно бы еще было писать, но истинно не смогу.

Прилагаю Инвалида и Петербургскія газеты.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное мое почтеніе; желалъ бы послать арбуза и дынь, но у насъ былъ морозъ и все парничное и садовое, даже и полевые горохи и гречу, побилъ.

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н».

P. S. Не получили ли вы какого извѣстія о лѣкарствахъ? Прошу увѣдомить: больныхъ у насъ много, а лѣкарствъ нѣту.

Свидѣтельствую искреннее мое почтеніе милостивой государынѣ Кате-

ринѣ Ивановнѣ и м. г. Дмитрію Павловичу, также и отъ Натальи Ильиничны.

С. Тихвинское.
814
18 Августа.

XXVI.

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

Прежде всего поздравляю васъ отъ искренняго сердца съ прошедшимъ днемъ тезоименитства вашего и желаю вамъ всѣмъ милосердія и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья, и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, и всего того ежедневно вамъ испрашиваю. Сожалѣю, что не могъ отправить къ имянинамъ вашимъ: посылаю къ вамъ два лимона и цвѣтной капусты, которая, я думаю, у васъ нынѣ должна быть дорога; лучшего не имѣю подарка.

Препокорнѣйше благодарю за присылку капель и черносливу, но вы не увѣдомили меня о цѣнахъ ни капель, ни черносливу; почему и прошу покорнѣйше увѣдомить меня о томъ и другомъ и по скольку можете вы меня одолжить Гарлемскихъ, солнечной тинктуры и Альтонскихъ, такъ я по тому и расположусь и васъ увѣдомлю; а между тѣмъ прошу прислать Гарлемскихъ капель 40 скляночекъ, а солнечной тинктуры 12—и сколько можете еще сверхъ того отпустить, о томъ увѣдомить.

За Московскія газеты и Исторической журналъ, на нынѣшній годъ мною получаемые, 45 р. я отослалъ къ П. Я. Жарову.

Овса 100 четвертей я выставилъ и денегъ съ прежними 1000 р. я получилъ; но какъ г. Строевъ увѣдомилъ меня, что овесъ до новаго года имъ болѣе не нуженъ, а мнѣ такъ долго дожидаться было нельзя, то и посылалъ я 60 четвертей тогда овса на торгъ; продали слава Богу хорошо, безъ гривны по 11 р. четверть обошлась; нынѣ послалъ я также 40 четвертей овса на торгъ, почему и вся пропорція, которую могъ я продать, кончилась, почему и прошу покорно приказать возвратить мнѣ мою подписку.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее и усердное почтеніе и поздравленіе, а малютокъ вашихъ прошу за меня поцѣловать.

Вы бы меня теперь не узнали, ежели бы увидѣли: такъ я въ нынѣшней болѣзни исхудалъ, одряхлѣлъ и ослабѣлъ, кожа да кости остались; зрѣніе также крайне ослабѣло; главнѣйшая же причина сего есть лишеніе аппетита, по недѣлѣ и по двѣ почти ничего не ѣмъ, все пріѣлось; въ нынѣшнее время у насъ кромѣ баранины и цыплятъ ничего найтить нельзя, а я и того и другаго и ко рту поднести не могу. Сдѣлайте одолженіе прикажите вашему повару сдѣлать холодной пирогъ съ чѣмъ онъ хочетъ, съ мясомъ или съ рыбою, только что подешевле, и лишь бы не клалъ *ванили;* не поправитъ ли это моего аппетита?

Присланныя вами Гарлемскія капли суть истинныя; я вамъ сообщу мною дознанный опытъ узнавать истинныя отъ поддѣльныхъ: возьмите тонинькую лучиночку, обмокните конецъ ея въ скляночку истинныхъ, поднесите къ

огню, они тотчасъ вспыхнутъ, а поддѣльныя сего не произведутъ, а будетъ горѣть лучиночка, но не капли; вотъ имъ истинная проба.

Нѣтъ ли чего извѣстнаго, касающагося до Александра Петровича, и гроза наша *) отправилась ли въ Петербургъ?

Впротчемъ пожелавъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ истинныхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

26 Октября
1814.

Наталья Ильинична и я усерднѣйше поздравляемъ милостиваго государя Дмитрія Павловича со днемъ ангела, съ желаніемъ всего наилучшаго отъ Господа подателя всѣхъ благъ, также и милостивую государыню Катерину Ивановну, при засвидѣльствованіи нашего искреннѣйшаго почтенія.

В Н.

XXVII.

Почтенный и любезнѣйшій другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичь!

За любезное письмо ваше и присылку покорнѣйше благодарю. Инвалида 6 № мы не получили, а пакетъ отъ общаго друга нашего полученъ исправно. Радуюсь сердечно о выздоровленіи вашемъ; а я все также еще крайне разстроенъ и почти безпрестанную имѣю боль въ головѣ, а наипаче въ затылкѣ.

За Григорьемъ Максимовичемъ я уже посылалъ и экипажъ, но по причинѣ сдѣлавшейся Г. М. болѣзни онъ возвратился пустой; теперь ожидаю увѣдомленія отъ него, когда за нимъ прислать.

Весьма, весьма хорошо бы вы сдѣлали, ежели бы вывели меня изъ сомнѣнія объ исполненіи обѣщанія вашего пріѣхать къ намъ по зимнему пути и весьма бы обрадовали и утѣшили всѣхъ насъ, только чуръ не вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь.

Карлъ Лаврентьевичь собирается къ намъ давно, давно, но исполненія не видимъ; хорошо было бы, ежели бы онъ пріѣхалъ въ то время, какъ Г. М. отъ насъ возвратится въ Москву, такъ бы онъ въ томъ же экипажѣ могъ къ намъ пріѣхать. Вы по сіе время забыли увѣдомить меня, родня ли онъ намъ, или нѣтъ.

Александръ Өедоровичь увѣдомляетъ меня о двухъ напечатанныхъ книгахъ: О таинствѣ креста и О пути ко Христу: первая у меня есть, а о другой я и не слыхалъ, что она напечатана: ежели же она есть у васъ, то прошу покорно прислать оную ко мнѣ для прочтенія: я вамъ возвращу, а попрошу объ оной А. Ө. Также прошу меня увѣдомить можно ли къ нему безопасно послать нѣкоторые манускрипты по почтѣ. А. Ө. хочетъ печатать вновь Избранную Библіотеку, такъ они бы могли послужить ко умноженію числа томовъ сей Библіотеки.

Милостивую государыню Катерину Ивановну, я и всѣ упомянутые вами

*) Графъ Растопчинъ. П. Б.

благодаримъ за напоминаніе и свидѣтельствуемъ усерднѣйшее наше почтеніе. Семенъ Ивановичь усерднѣйше благодаритъ васъ и свидѣтельствуетъ усерднѣйшее свое почтеніе.

Понеже приближается масленица, на которой отцы и дѣды наши имѣли обычай кушать во всю недѣлю блины, то и посылаю къ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ пудъ какой-то славной и преславной Тульской грешневой муки, которую мнѣ прислали оттуда въ подарокъ, и прошу ее благосклонно принять и кушать во здравіе.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердія и благословенія Господня и съ ними, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

P. S. Я слышалъ, что Александръ Григорьевичь былъ у васъ въ Москвѣ, то прошу меня увѣдомить получилъ ли онъ мое письмо и гдѣ онъ нынѣ?

Февраля 13
815.

P. S. Прилагаю полученное мною письмо для прочтенія; не можете-ли вы приказать Ѳедору Дмитріевичу чрезъ Коломенскаго г. почтмейстера узнать, чрезъ кого оно къ нему доставлено, а письмо прошу возвратить.

XXVIII.

Хрістосъ воскресъ!

Любезнѣйшій и сердечный другъ, милостивый государь Дмитрій Павловичь.

Усерднѣйше благодарю васъ и милостивую государыню Катерину Ивановну за любезное письмо ваше и за поздравленіе всѣхъ насъ съ минувшимъ торжественнымъ праздникомъ пресвѣтлаго Хрістова воскресенія, и равномѣрно поздравляю васъ обоихъ. Въ свое время я не могъ сего исполнить по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни; въ началѣ Страстной недѣли я сильно занемогъ и всю страстную и Святую недѣли очень былъ боленъ, и почти ничего не ѣлъ; нынѣ благодареніе Господу полегче и началъ ѣсть, однако еще крайне слабъ. Нынѣ и Вѣра занемогла и писать у меня не можетъ.

Семенъ Ивановичь, Наталья Ильинишна и всѣ наши усерднѣйше благодарятъ васъ и милостивую государыню Катерину Ивановну за поздравленіе ихъ, равномѣрно поздравляютъ васъ и свидѣтельствуютъ искреннее свое почтеніе.

Желалъ бы много писать къ вамъ о новыхъ произшествіяхъ, но истинно не смогу еще; не оставляйте насъ, что̀ узнаете повѣрнѣе, о военныхъ происшествіяхъ; періодъ времени весьма опасной, но я теперь замолчу.

Я обѣщалъ милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ нѣчто сообщить касательно до Индѣйскихъ куръ: секретъ весь состоитъ въ томъ, чтобы циплятъ первые два мѣсяца, или по-

крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ, по ихъ выводѣ кормить всегда на доскѣ покрытой войлокомъ или по крайней мѣрѣ сукномъ толстымъ; они всегда помираютъ одинаковою болѣзнію, у нихъ пухнутъ головы и помираютъ; причина сему та, что они крѣпко очень клюютъ, а предосторожность сія сіе отвращаетъ.

Возвратилъ ли Коломенской почтмейстеръ посланной отъ васъ къ нему пакетъ на мое имя и не узналъ ли онъ чего, отъ кого оный присланъ; ежели возвратилъ и узналъ, то прошу пакетъ ко мнѣ возвратить и увѣдомить, что̀ онъ пишетъ.

Семенъ Ивановичь и я усерднѣйше и премного благодаримъ васъ за г. Гроздова; онъ писалъ Семену Ивановичу внѣ себя отъ радости о вашемъ милостивомъ его пріемѣ и оказанныхъ ему милостяхъ; не оставьте его и впредь въ возможномъ; молодецъ прелюбезной, но притомъ и человѣкъ бѣдный, старуха мать на его рукахъ. Я надѣюсь крѣпко, что онъ будетъ честной и исправной служитель почтамта.

Впрочемъ испрашивая на васъ милосердія и благословенія Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

1815-го
Маія 4 дня.

P. S. Приложенное письмо покорно прошу на первой почтѣ приказать отправить.

XXIX.

†

«Любезнѣйшій и почтенный другъ благодѣтель Д. П.!

Скоро послѣ отъѣзда вашего я очень занемогъ и что̀ далѣе, то хуже дѣлалось: прорывы мои чрезмѣрно увеличились, и слабость и разстройка умножались; наконецъ стало очень слабѣть зрѣніе, также слухъ и правая рука; а къ тому и аппетитъ пропалъ. Секретарь мой, Вѣра, также больна уже другой мѣсяцъ, нынѣшнею станною (sic) болѣзнію и ко мнѣ ходить не можетъ; отъ чего я лишился и послѣдняго средства къ чтенію и писанію. Семенъ Ивановичь также былъ болѣнъ болѣе двухъ недѣль, своею болѣзнію, а бывшая погода все сіе умножала. Въ такомъ состояніи получилъ я письмо ваше, увѣдомляющее о непремѣнномъ взносѣ въ Іюнѣ, кои щиталъ я что должно взносить въ Мартѣ. Вообразите сами, п. д., мое состояніе, а я описать оное не въ состояніи. Я о семъ не сказывалъ никому, писать самъ и Вѣра не могла, а хотя и могла, то я, зная крайнюю ея чувствительность, не сказалъ бы ей; однако при всемъ томъ, благодареніе Господу! не терялъ надежду на милосердую Его помощь и избавленіе отъ сей бѣды. Послѣднее ваше, п. др. и бл., столько обрадовало и укрѣпило изнуренныя силы мои, что я началъ писать сіе письмо и рѣшился выѣхать посмотрѣть посѣянной хлѣбъ что̀ къ удивленію моему и исполнилъ, не писавъ ничего и не выходя изъ горницы съ

Іюля прошедшаго года. Да будетъ за все вѣчное благодареніе милосердому Господу Богу нашему!!!—Вамъ же, люб. благод., воздать инымъ не могу, кромѣ ежедневнаго поутру и вечеромъ приношенія бѣдной молитвы за васъ и за все семейство ваше.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое и всѣхъ нашихъ почтеніе. Хотѣлъ бы писать больше, но истинно рука не служитъ.

Въ заключеніе испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне и пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь на всегда съ искреннею сердечною любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Новиковъ.

P. S. Не забульте 10-го Іюня, съ коимъ васъ, п. д., и поздравляю. 1 Іюня 1815».

XXX.

«М. г. и п. д. Д. П. Покорнѣйше благодарю за оказанное мнѣ благодѣяніе; оно тѣмъ для меня чувствительнѣе, что сдѣлано безъ прозьбы моей, и тѣмъ важнѣе, что получено въ то время, когда я уже рѣшился нѣсколько десятинъ приготовленной земли оставить не засѣянными по недостатку сѣмянъ: но теперь они засѣяны. Да воздастъ вамъ за сіе Тотъ, Которой вдохнулъ въ васъ мысль сію и подвигъ къ исполненію оной. Онъ увѣряетъ, что и чашка холодной воды, поданная именемъ Его, не останется безъ награды. Вы, п. д., предлагаете еще: я здѣсь кое какъ еще перебиваюсь по сіе время; но меня мучитъ заплата Вас. Ѳедор. Дружинину съ чѣмъ-то 300 руб., коими я ему долженъ. Ежели вамъ можно заплатить ему, то весьма много тѣмъ меня обяжете. Ежели сочтете неприличнымъ отдавать ему изъ вашихъ рукъ, то поручите сіе Ив. Сид. Онъ сіе исполнитъ отъ имени моего. Симъ весьма много меня обяжете.

Покорнѣйше и много благодарю за увѣдомленіе о поправленіи замѣшанныхъ дѣлъ.

Что́ касается до нашего положенія, то ежели бы описывать оное, такъ потребно было бы нѣсколько тетрадей исписать. Вручитель можетъ вамъ подать о томъ понятіе; а я коротко скажу: милосердый Господь по сіе время еще сохраняетъ насъ.

М. г. Е. И. прошу засвидѣтельствовать искреннее почтеніе мое и больной моей Вѣры

Ежели вы имѣете что ко мнѣ приказать, то съ Ив. Сид. можете говорить какъ со мною.

Истинно насилу смогъ написать. Простите, п. д. Милосердіе и благословеніе Господне да будетъ съ вами. Есмь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ и покорнѣйшимъ слугою

Н. Н.

8 Іюня (1815)».

Замѣтка Рунича: «послалъ съ Черепановымъ 500 р.»

XXXI.

Любезносердечнѣйшій и благодѣтельный другъ Д. П.

Писательница сего письма такъ мнѣ наговорила и нажужжала въ уши о ласковомъ, болѣе нежели дружественномъ, но родственномъ вашемъ и Катерины Ивановны принятіи ихъ; она мнѣ столько о томъ наболтала, что я уже началъ и завидовать, а вы знаете, что завидливые ищутъ все разстроить, чему завидуютъ; сему грѣху подпалъ и я на старости и по обычаю завидливыхъ хочу исполнить. Вы и м. г. Катерина Ивановна меня наичувствительнѣйше изволили обидѣть; сіе почерпнулъ я изъ письма дочери моей, ко мнѣ писаннаго, и признаюсь, что мнѣ эта обида крайне болѣзненна. Вотъ слѣдуетъ и объясненіе сей обиды. Я поручилъ дочери моей просить васъ одолжить меня деньгами, изъ коихъ я позволилъ ей взять 25 р. для себя; по ея увѣренію ей оказалось этихъ дедегъ мало и что она просила вашего и Катерины Ивановны совѣта, но что вы оба отвѣчали ей, что вы въ такое щекотливое и нѣжное обстоятельство опасаетесь вмѣшаться. Не обида ли есть несносная сей отвѣтъ?

Вы усумнились во мнѣ и моей къ вамъ неограниченной довѣренности и не позволили ей взять еще 25 руб.; ежели бы вы позволили ей взять и половину всей суммы, и я бы объ этомъ узналъ, такъ бы я не иное что сказалъ: напрасно они это сдѣлали, дѣвку только балуютъ. Послѣ сего писательница тотчасъ заговорила другимъ языкомъ: экіе какіе они, что не позволили мнѣ взять, я бы сдѣлала то и то и пр. Замѣтьте, какъ мы старики умѣемъ очень скоро дружбу молодыхъ людей разстроивать,—и о семъ до здѣ. Оставя пустое, станемъ говорить о дѣлахъ:

1) Препокорнѣйше благодарю за два любезныя ваши письма и за присланныя деньги; они очень кстатѣ ко мнѣ пришли, я ужь было и рѣшился взять муку и заплатить лишняго за три мѣсяца противу настоящихъ цѣнъ, по полтинѣ на рубль лишняго; но, получа ихъ, тотчасъ отправилъ съ деньгами въ Каширу, за что и приношу сугубое благодареніе.

2) Изъ уѣзднаго Бронницкаго Суда рапортъ прилагаю.

3) Прилагаю вѣрющее письмо на имя Ивана Яковлевича на продажу той пустоши, на которую до Французовъ было вѣрющее письмо на ваше имя. Но тогда дѣло не состоялось; попросите обоихъ и прошу на совершеніе купчей дать сколько будетъ потребно денегъ, а меня увѣдомить, сколько будетъ издержано.

4) Препокорнѣйше прошу васъ вывесть меня изъ числа неблагодарныхъ во мнѣніи Лукьяна Яковлевича; меня крайне огорчаетъ это, ежели онъ такимъ меня почитаетъ. Я истинно къ нему благодаренъ за всѣ его мнѣ одолженія и хотѣлъ просить вашего совѣта, чѣмъ бы я возблагодарить его могъ; между тѣмъ имя его и всего семейства его я ежедневно утромъ и вечеромъ на ряду съ вами (sic); а какъ вы по скорости своей это произвели, то справедливо, чтобы вы въ мысляхъ его сіе и перемѣнили.

5) Пріѣхавшіе ко мнѣ отъ васъ бабы и дѣвки, которыхъ всегда должно держать въ ежовыхъ рукавицахъ и воли имъ не давать (разумѣется исключая м. г. Катерину Ивановну), они насказали мнѣ, что Карлъ Лаврентьевичъ, а по Матвѣя Яковлевича нареченію Кирила Лаврентьевичъ, хочетъ сдѣлать честь посѣтить насъ. и что онъ живетъ у васъ и короткой пріятель Матвѣя Яковлевича, изъ чего я и заключаю, что онъ другъ съ Александромъ Ѳедоровичемъ, а потому и желаю и прошу его посѣтить насъ старыхъ, дряхлыхъ стариковъ. Пріѣхавъ къ намъ дни на два, на три, чтобъ было время получше познакомиться, устройте такъ, чтобы онъ доѣхалъ до насъ на вашемъ съ Матвѣемъ Яковлевичемъ коштѣ, а отъ насъ поѣдетъ онъ на нашемъ животѣ, а между тѣмъ прошу сказать ему усердной мой поклонъ и благодарность за его намѣреніе.

6) Покорнѣйше благодарю васъ за присланный новый кофейникъ, апельсины и лимоны. Кофейникъ такъ мудренъ, что чуть ли и учительницы не забыли какъ его употреблять, потому что они, показывая его мнѣ, тотчасъ заспорили, и чуть не дошло у нихъ до драки. Семенъ Ивановичъ самъ къ вамъ пишетъ, а я посылаю къ вамъ мать съ дѣтьми; извольте изъ нихъ сдѣлать употребленіе; вашъ поваръ, мои дамы увѣряли, что мастеръ готовить.

7) На закуску. То, что слышала Вѣра отъ васъ, меня ни мало не потревожило, ибо у меня готовъ Спартанскій на то отвѣтъ. И Наполеонъ на Элбѣ. Вы я думаю помните Лакедемонской отвѣтъ: и Діонисій въ Сиракузахъ. Я люблю лаконической слогъ, но и Русской въ подобномъ случаѣ хотя не такъ нѣженъ, тонокъ и коротокъ, однако хорошъ: ежели Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ.

Вотъ какъ я заболтался, а это значитъ то, что я очень обрадовался увѣренію Вѣры, что вы на меня не сердитесь и не почитаете уже неблагодарнымъ. Вѣрьте, что я умѣю цѣнить благодѣянія, которыя мнѣ оказываютъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее сердечное почтеніе и благодарность, а маленькихъ вашихъ прошу за меня перецѣловать, а ее увѣрить, что я когда говорю о бабахъ и дѣвкахъ нѣсколько грубенько, то всегда исключаю ее, потому что по желанію ея въ сердцѣ моемъ довольно пространной очищенъ уголъ, и она въ немъ изволитъ помѣщаться. Въ протчемъ пребуду всегда съ искреннею, сердечною любовію, испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне, останусь на всегда вамъ преданнымъ, вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Іюня 16 (1815 г.)

XXXII.

Любезнѣйшій и благодѣтельной другъ м. г. Дмитрій Павловичъ!

Во первыхъ посылаемъ къ вамъ тельца питомаго, извольте во здравіе кушать; а во вторыхъ покорнѣйше доношу о себѣ, что я на другой день по пріѣздѣ моихъ Московокъ занемогъ, что-то лихорадочное, и крайне разстроился.

Я предполагаю, что вы изъ деревни уже возвратились, а потому и надѣюсь съ симъ посланнымъ получить отъ васъ грамотку, въ которой будете вы отвѣчать на прежнее письмо и въ которой молвите словца два-три о нашемъ *Угрозѣ*. Мнѣ хочется все всѣхъ васъ увидѣть лично, какъ вы объэтомъ думаете, а взъѣхать бы я могъ къ Матвѣю Яковлевичу, однако разумѣется, что когда я поправлюсь въ здоровьѣ.

За присланные апельсины и лимоны покорнѣйше еще благодарю, потому что ихъ только вчера привезли. Изъ кофейника вашего уже три раза я кофій пилъ, очень хорошъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ прошу сказать мое усердное почтеніе и отъ моихъ Московокъ.

Впротчемъ пожелавъ всѣмъ вамъ милости и благословенія Господня, а съ ними добраго здоровья и всѣхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н.»

P. S. Вѣра моя, писавши сіе письмо, весьма тяжко вздохнула и сказала: какъ щастливы тѣ люди, у которыхъ много веленевой бумаги, а у меня такъ нѣтъ ея, а что это значитъ и сколько я ни думалъ, но никакъ не могъ догадаться: вы не догадливѣе ли меня?

Іюня 21 (1815 г.)
С. Тихвинское.

XXXIII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичъ!

Не могу я вамъ изъяснить того замѣшательства, въ коемъ я нахожусь въ разсужденіи перемѣны вашей ко мнѣ. Долго я изыскивалъ и изслѣдывалъ себя, не подалъ ли я какой нибудь къ тому причины, но истинно не нашелъ, чѣмъ бы я заслужилъ оную.

Я не писалъ къ вамъ столь долго по причинѣ моей болѣзни, также и Вѣриной, и еще нынѣ черезъ силу я сказываю, а она пишетъ. Къ тому же хлопотливыя мои и тѣсныя обстоятельства великое имѣютъ вліяніе на болѣзнь мою. Уборка хлѣбная была самая трудная; въ половинѣ Сентября не весь еще хлѣбъ съ поля былъ свезенъ, и рожь не вся еще была посѣяна; всѣ работы стеклись въ одинъ пунктъ, но милосердіе Господне столь велико было ко мнѣ, что со всѣмъ управились, урожай всѣхъ хлѣбовъ былъ отмѣнно хорошъ, такъ что я уже и не запомню такого обильнаго урожая.

Между тѣмъ приближался Октябрь, а я страдалъ, что не видалъ никакой возможности сдѣлать уплату въ Опекунской Совѣтъ; но милосердіе Господне и тутъ даровало мнѣ помощь. Вручитель сего письма Тимофей Ершовъ сыскалъ мнѣ Московскаго купца, котораго имя я запишу на особой запискѣ и которой купилъ у меня 200 четвертей овса по 10 руб. и съ зимнею поставкою, а деньги 2000 руб. отдать впередъ и вручить оныя вамъ.

Почему и прошу всепокорнѣйше продолжить вашимъ благодѣяніемъ мнѣ, принявъ сіи деньги, поручить кому купить билетъ и внести оной въ уплату въ Опекунской Совѣтъ, остальные же деньги сколько слѣдуетъ ко взносу надѣюсь, какъ станетъ зимній путь, продавъ хлѣба, заплатить исправно, а междутѣмъ будемъ молотить и приготовлять.

Вотъ какъ велико милосердіе Господне! Ну ежели бы нынчѣ урожай былъ таковъ же, какъ предъ симъ три года, что̀ бы мнѣ было тогда дѣлать? Воистинну сказано: *Воззоветъ ко Мнѣ и услышу его.* Ахъ! ежели бы мы умѣли искренно отъ глубины сердца только взывать къ Нему! Ахъ! ежели бы мы столько Его помнили, сколько Онъ насъ помнитъ! Ахъ! ежели бы мы всѣмъ умомъ, сердцемъ и душею столько любили Его, сколько Онъ насъ возлюбилъ и любитъ: да будетъ же Ему честь, слава, хвала и поклоненіе во всѣ вѣчности вѣчностей. Аминь!!!

Успокойте же меня и обрадуйте письмомъ вашимъ! Истинно я крайне огорчаюсь тѣмъ, что вы меня забыли; въ такое продолженіе времени кажется, какъ не найтить часа, въ которой бы хоть дватцать строкъ написать.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ мое и писательницы моей искреннее почтеніе свидѣтельствую.

Наконецъ поручаю себя вашей благодѣтельной помощи и старанію по дѣлу моему въ Опекунскомъ Совѣтѣ: сердце мое все еще увѣряетъ меня, что вы не оставите меня.

Впротчемъ испрашивая на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердія и благословенія Господня и пожелавъ вамъ добраго здоровія, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и сердечною благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и всепокорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

P. S. Прилагаю полученное мною письмецо отъ бѣдняка Семена Ивановича Иванова, которой былъ помощникомъ почтмейстерскимъ, кажется, въ Рыбномъ; а послѣ, помнится мнѣ, онъ переведенъ въ другое мѣсто; потрудитесь прочесть оное и сдѣлайте милость съ симъ бѣднымъ страдальцемъ, чѣмъ меня крайне одолжите.

10 Октября
815 г.
С. Тихвинское.

Приношу благодарность за благосклонное напамятованіе обо мнѣ въ письмахъ вашихъ, и хотя я и безъ письменнаго изъявленія всегда желаю вамъ истиннаго добра, однако теперь рѣшился и на семъ мѣстѣ письменно удостовѣрить васъ въ ономъ и именно, да совершается въ васъ въ полной мѣрѣ сказанное Ephes. II. 22. Vale, tuus humillimus Symeon Hamalea.

P. S. Московской купецъ Иванъ Ѳедотовъ сынъ Соколовъ, купилъ у меня овса двѣсти четвертей по 10 рублей съ тѣмъ, чтобы деньги за оной двѣ тысячи рублей вручить вамъ, какъ скоро вы прикажете, и въ такомъ случаѣ извольте приказать вручителю сего Тимофею Ершову, когда вамъ угодно принять деньги, такъ онъ его къ вамъ и представитъ. Этотъ купецъ г. Соколовъ великое дѣлаетъ мнѣ одолженіе и пособіе; ни онъ меня, ни я его въ глаза отъ роду не видывали, а дѣлаетъ такую довѣренность, и я надѣюсь, что онъ и еще согласится у меня купить овса, потому что онъ покупаетъ большое количество. Онъ, узнавши отъ Тимофея, что деньги за овесъ взносить къ вамъ, обрадовался этому, потому что онъ хочетъ къ вамъ въ почтамтъ войтить въ поставщики разныхъ вещей, коими онъ между прочимъ производитъ

торгъ, и ежели это случится, то я покорнѣйше прошу оказать ему ваше покровительство: человѣкъ предоброй, сколько я наслышался отъ вручителя.

XXXIV.

Ваше благородіе!

Милостивѣйшій государь, отецъ и благотворитель.

Прошу васъ въ лице самого Бога и яко отца и благотворителя, не можно ли будетъ вамъ отписать къ Дмитрію Павловичу о увольненіи меня въ Бронницы на четырнадцать дней. О чемъ и прозьба моя отослана уже въ Ярославскую губернскую почтовую контору; но я не надѣюсь, чтобъ о семъ представлено было изъ оной въ почтамтъ; и такъ естьли вы, отецъ мой и благотворитель, не будете писать ему о семъ, то и я точно отпущенъ не буду, да и прозьба моя останется въ тунѣ. Мнѣ жъ нетерпѣливо хочется видѣть васъ, благотворителя моего, при вседражайшей жизни вашей; о чемъ и сынъ мой пишетъ мнѣ часто, чтобъ я былъ въ Бронницы, и я въ надеждѣ вашихъ отеческихъ ко мнѣ щедротъ благонадежнымъ имѣю остаться на всегда

вашего благородія
милостивѣйшаго отца и благотворителя
всепреданнѣйшимъ слугою
Семенъ Ивановъ.

Ч. 16 Сентября.
1815 г.

XXXV.

Любезнѣйшій и почтенный другъ и благодѣтель Дмитрій Павловичъ.

Нѣтъ словъ и силъ къ выраженію горести сердца моего по прочтеніи письма вашего; судьба ваша и моя рѣшилась симъ новымъ произшествіемъ. Кто же остался намъ помощникомъ? Единъ милосердый Господь Богъ нашъ; безъ Его милосердія у человѣковъ трудно находить милосердія. Горесть моя такъ велика о семъ произшествіи, что я не могу принудить себя и поздравить васъ. За дружеские совѣты ваши усердно благодарю. Четыре дни продержалъ я подводы отъ того, что не былъ въ состояніи писать писемъ: такъ я сильно разстроился.

Препокорнѣйше благодарю васъ за благодѣяніе ваше, оказанное мнѣ по Воспитательному Дому, прошлый годъ очищенъ, и я квитанцію отъ васъ получилъ: но что будетъ со мною въ наступившій годъ? Вы уѣдете въ Петербургъ; не возможно ли вамъ прежде отъѣзда попросить г. Полуденскаго оказать мнѣ такое же благодѣяніе въ терпѣніи до новаго урожая хлѣбнаго, чѣмъ бы вы премного меня обязали. П. С. Лихонинъ писалъ ко мнѣ о какомъ-то планѣ, о которомъ будто вы хотѣли меня увѣдомить; не можно ли сего сдѣлать нынѣ до отъѣзда вашего и хотя нѣсколькими словами меня увѣдомить?

Овесъ и послѣдній 60 четвертей къ г. эконому доставленъ, и я получилъ на всѣ 300 четвертей полную росписку.

Истинно не знаю что̀ и писать, такъ сильно я разстроенъ, что ни мысли, ни словъ не нахожу, почему и долженъ прекратить сіе письмо.

Испрашивая на васъ милосердіе и благословеніе Господне и пожелавъ вамъ отъ искренняго сердца добраго здоровья и всѣхъ истинныхъ благъ, временныхъ и вѣчныхъ, останусь во

всю жизнь мою съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Н.»

Р. Т. Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую мое искреннѣйшее почтеніе.

Къ сему присоединяю и я мою сердечную преданность и непремѣнное почтеніе.

В. Н.

7 Марта
1816 г.
С. Тихвинское.

XXXVI.

Почтенный и любезнѣйшій другъ милостивый государь Дмитрій Павловичь!

Мнѣ уже кажется, по причинѣ тяжкихъ и горестныхъ моихъ обстоятельствъ, что вы меня забыли. Вы чрезъ Преображенскаго требовали, чтобъ я прислалъ къ вамъ свѣдѣнія о числѣ душъ въ селѣ Тихвинскомъ и протч. и о доходахъ съ онаго; я все сіе къ вамъ тогда же отправилъ, но по сіе время въ отвѣтъ на оное ничего еще не получилъ, и не знаю, что̀ со мною будетъ. Александръ Михайловичъ скончался; не извѣстно еще, кто на его мѣсто опредѣленъ будетъ; и г. Полуденской будетъ ли въ такой силѣ, какъ прежде, также не извѣстно. Я знаю, что и ваши собственныя обстоятельства теперь очень трудны, но кажется мнѣ, какъ бы не найтить часа, въ которой бы написать хотя десять строкъ. Сдѣлайте милость увѣдомьте меня, г. Казариновъ желаетъ ли и нынѣ купить сіе имѣніе. Иванъ Игнатьевичъ меня увѣдомлялъ, что онъ весьма охотно желалъ купить оное и приглашалъ его съ собою ко мнѣ для осмотра всего. А Петръ Степановичъ Лихонинъ, недавно бывши у меня, сказывалъ и увѣрялъ, что вы хотѣли оное покупать для себя; почему я и сталъ теперь между ихъ сказаніями въ нерѣшимости, ибо отъ васъ ни о томъ, ни о другомъ я не былъ увѣдомленъ. Еще повторяю, сдѣлайте милость увѣдомьте меня обо всемъ и тѣмъ облегчите настоящее мое горестное положеніе. Я съ нетерпѣливостію буду ожидать на все сіе вашего отвѣта. Моя Вѣра сдѣлалась очень нездорова, и я уже въ другой разъ отправилъ ее на сихъ дняхъ въ Москву къ Матвѣю Яковлевичу, и она будетъ жить въ Москвѣ у Ивана Сидоровича Черепанова до того времяни, какъ отпуститъ ее Матвѣй Яковлевичъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое почтеніе, также и отъ Натальи Ильинишны.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на все любезное ваше семейство милосердія и благословенія Господня и, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію, почтеніемъ и благодарностію вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Августа 21 дня
1816 г.

XXXVII.

Милостивый государь и любезнѣйшій другъ Дмитрій Павловичь!

Покорнѣйше благодарю за любезное, но притомъ и горестное сердцу моему письмо ваше. Что дѣлать! Намъ осталось только взаимное другъ къ другу состраданіе; положеніе ваше крайне тягостно, а мое еще тягостнѣе, и здоровье мое совершенно разстроено, такъ что едва, едва смогу бродить. Тяжелѣе этого году во всѣхъ отношеніяхъ я кажется еще въ жизни моей не имѣлъ; зная вашу ко мнѣ любовь и чувствительность, я не хочу описывать всѣхъ моихъ обстоятельствъ, но благодареніе милосердому Господу, нынѣ начинаю дышать нѣсколько посвободнѣе. Я получилъ изъ Петербурга увѣдомленіе, что ея величество государыня вдовствующая императрица всемилостивѣйше благоволила внять моему прошенію и соизволила приказать Опекунскому Совѣту сдѣлать мнѣ отсрочку во всемъ по содержанію моего прошенія. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Онъ есть Богъ творяй чудеса.* Любезнѣйшій другъ! намъ предписано терпѣніе и долготерпѣніе, и Христосъ Спаситель нашъ сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши*, и въ другомъ мѣстѣ: *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. И такъ наша доля: терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе; онымъ начинать, продолжать и оканчивать.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ свидѣтельствую искреннее мое почтеніе, а любезныхъ вашихъ малютокъ прошу за меня перецѣловать; также и всѣ наши инвалиды вамъ и ей свидѣтельствуютъ усердное свое почтеніе.

Много благодарю васъ за дружбу, оказываемую мнѣ любезнымъ моимъ Ѳедоромъ Дмитріевичемъ; онъ въ Почтамтѣ для меня заступаетъ ваше мѣсто и расположенъ ко мнѣ совершенно хорошо.

Покорнѣйше прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе прислать чрезъ Ѳедора Дмитріевича Французскую мою у васъ книжку: *о свѣтѣ яко источникѣ огня и пр.* и переводъ вашъ оной, сколько оного есть, чѣмъ меня наичувствительнѣйше одолжите.—Увѣдомляйте меня, прошу васъ, хотя изрѣдка, о состояніи вашего и всѣхъ вашихъ здоровья, и поправляются ли ваши хозяйственныя обстоятельства: не полѣнитесь доставлять мнѣ сіе утѣшеніе. Не можно ли, хотя по просухѣ, доставить мнѣ пріятное удовольствіе видѣть васъ у себя дни на два-три, чтобы можно было употребить ихъ къ вашей пользѣ. Мои же пріѣзды въ Москву нынѣ крайне сомнительны.

Въ заключеніе сего письма испрашиваю на васъ и на всѣхъ вашихъ милосердіе и благословеніе Господне и, пожелавъ вамъ всѣмъ добраго здоровья, спокойствія и всѣхъ истинныхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, останусь навсегда съ искреннею любовію и почтеніемъ вашимъ вѣрнымъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою

«Н. Новиковъ».

Не поставляя себя въ число *инвалидовъ*, особенно свидѣтельствую мое искреннее почтеніе и сердечную пре-

данность почтеннѣйшей Катеринѣ Ивановнѣ и Дмитрію Павловичу.

Апрѣля 24
1817.
С. Тихвинское.

P. S. О книжкѣ Французской объ огнѣ и проч., о которой вамъ X. А. говорилъ, я и позабылъ по причинѣ бывшей разстройки, что я васъ просилъ о переводѣ оной. Прошу по возможности продолжать и выручить въ Москву уже переведенное и ко мнѣ доставить, чѣмъ меня много одолжите, ибо я сею книжкою весьма интересуюсь.

P. S. Прошу покорно потрудиться сказать Ивану Александровичу усердное мое почтеніе и благодарность за то, что онъ меня помнитъ и не сумнѣваюсь, что и любитъ, а я его искренно люблю и почитаю.

P. S. Поздравляю васъ съ новокупленною деревнею; я ее знаю; она прежде отстроивана была моимъ сосѣдомъ Михаиломъ Михаиловичемъ Матюшкинымъ; у него прекрасное было заведеніе всего, не знаю каково нынчѣ.

При семъ и я свидѣтельствую мое усерднѣйшее почтеніе милостивому государю Дмитрію Павловичу и милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ, и приносимъ вмѣстѣ съ Натальей Ильинишной таковую же благодарность за любезнѣйшій и ласковый пріемъ. Но я должна еще васъ безпокоить. Семенъ Ивановичь далъ мнѣ коммиссію, еще когда я ѣхала въ Москву, чтобы спросить, не знаете ли вы, гдѣ теперь находится вдова Концаревичева, и хотя у меня было это записано, но не смотря ни на что, я забыла, и такъ покорно васъ прошу, м. г. Дмитрій Павловичъ, поправить мою вѣтренность и увѣдомить его объ ней. Мнѣ теперь очень жаль, что вы не согласились присовѣтывать мнѣ взять изъ посланной вами суммы 25 руб. еще; эти деньги пропали у меня ни за что теперь, потому что здѣсь мнѣ уже ихъ не дадутъ.

ПИСЬМО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ БАРОНА БУДБЕРГА КЪ МОСКОВСКОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ТУТОЛМИНУ.

Милостивый государь мой

Тимоѳей Ивановичъ!

Государь Императоръ высочайше указать мнѣ соизволилъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства непріятныя обстоятельства, встрѣтившіяся въ короткое время командованія арміями генераломъ - фельмаршаломъ графомъ Каменскимъ, для сообщенія оныхъ Московской публикѣ въ настоящемъ ихъ видѣ.

Назначая его главнымъ начальникомъ армій, дѣйствующихъ противъ Французовъ, Государь Императоръ основалъ выборъ сей на общемъ мнѣніи, возлагавшемъ надежду на искусство и опытность сего генерала. При отправленіи его отсюда, данныя ему полномочія сообразны были какъ съ оказанною ему довѣренностію, такъ и съ обстоятельствами.

По прибытіи своемъ къ арміи 8 Декабря прошедшаго года, графъ Каменскій, зная, что непріятель готовится атаковать всѣми силами нашу армію, тотчасъ приступилъ къ перемѣнѣ позиціи, генераломъ Бенигсеномъ учрежденной, и тѣмъ самымъ подвергнулъ войска наши къ частнымъ атакамъ непріятеля, который настигалъ оныя на маршѣ несовокупленныя.

Генералъ отъинфантеріи Буксгевденъ получилъ повелѣніе поспѣшать на правой флангъ для подкрѣпленія, но въ то же время вторичнымъ повелѣніемъ графъ Каменскій предписалъ ему со всею арміею, не останавливаясь, идти къ нашимъ границамъ, не щадя даже пушекъ. Потомъ, когда корпусъ, подъ предводительствомъ генерала отъ кавалеріи Бенигсена, храбро отражалъ непріятеля и одержалъ надъ нимъ поверхность, графъ Каменскій поставилъ въ вину Буксгевдену, что онъ не подоспѣлъ къ нему на помощь.

Между сими противурѣчіями поступокъ, заслуживающій наибольшаго удивленія, есть слѣдующій: перемѣстивъ всѣ войска по новой диспозиціи' наканунѣ сраженія, фельдмаршалъ сдалъ команду старшему по себѣ и уѣхалъ изъ арміи, объявляя генералу Буксгевдену, что онъ раненъ (рана сія состояла въ поврежденіи отъ верховой ѣзды) и предписывая ему со всѣми войсками ретироваться къ нашимъ границамъ, самъ отправился въ Гродно.

Таковыя неожидаемыя произшествія при началѣ военныхъ дѣйствій, которыя могли бы при лучшихъ распоряженіяхъ увѣнчать войска наши совершенною побѣдою и произвесть въ дѣлахъ другой оборотъ, поставили Государя Императора въ необходимость отозвать генерала-фельдмаршала графа Каменскаго и поручить начальство надъ обѣими арміями генералу Бенигсену; а потомъ и генералъ Буксгевденъ также отозванъ.

Въ заключеніе всего, съ прискорбіемъ долженъ сообщить вашему высокопревосходительству, что при семъ случаѣ одна свойственная Россійскимъ войскамъ храбрость, рвеніе частныхъ начальниковъ, а наипаче благоразумныя распоряженія генерала Бенигсена спасли нашу армію, которая безъ устройва должна была сражаться съ превосходными силами непріятеля. Такимъ образомъ ожиданія Его Величества и всей публики уничтожены въ нѣсколько дней начальствованіемъ гр. Каменскаго чрезъ непостижимые его поступки.

Исполняя симъ Высочайшую волю Его Величества, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга
Андрей Будбергъ.

С.-Петербургъ.
8 Генваря 1807 года.

(*Сообщено академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.*)

СПЕРАНСКІЙ

(*Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу*).

. . . . *)

Можно ли говорить свободно о такой книгѣ, гдѣ главную роль играетъ И. Александръ, I-й и гдѣ главный предметъ составляютъ высшіе государственные вопросы? Можемъ ли мы судить о времени И. Александра, и произносить свой приговоръ дѣйствіямъ его министра, слѣдственно и его собственнымъ дѣйствіямъ?

Еслибъ предложить такой вопросъ за границею, въ Англіи, Германіи, Франціи, всѣ слушатели разразились бы громкимъ хохотомъ: какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ разсуждать о лицѣ, подобномъ И. Александру, принадлежащемъ Исторіи? Какое сомнѣніе можетъ быть въ правѣ говорить объ Европейскихъ событіяхъ, которымъ минуло слишкомъ 50 лѣтъ?

А если Англичане, Нѣмцы, Французы, могутъ говорить и писать объ И. Александрѣ I и его министрахъ, то Русскіе кольми паче; потому что только Русскіе имѣютъ средства оцѣнить всѣ обстоятельства; только Русскіе видятъ всѣ послѣдствія, испытывая на себѣ ихъ вліяніе; только они знаютъ почву событій, ощущаютъ воздухъ, могутъ догадываться, откуда дулъ вѣтеръ, могутъ поймать неуловимые для другихъ оттѣнки. Русскіе только могутъ доставить иностранцамъ матеріалы для ихъ соображеній и умозаключеній, для науки.

Безъ Русскихъ въ этомъ случаѣ иностранцы шагу ступить не могутъ, обреченные на вранье, которое мы безпрестанно и слышимъ, когда рѣчь зайдетъ о Россіи и ея отношеніяхъ.

Чѣмъ же мы можемъ остановить ихъ вранье?

Доставленіемъ имъ вѣрныхъ свѣдѣній. А если мы будемъ молчать, такъ откуда жъ имъ взять истины, и чѣмъ они будутъ виноваты? Виноваты будемъ мы передъ лицемъ науки, Исторіи, передъ лицемъ Европы, передъ лицемъ человѣческаго образованія, развитія, если будемъ продолжать молчать въ виду мнимыхъ опасностей, то есть вѣтренныхъ мельницъ, на другой сторонѣ, чѣмъ Донкихотовы построенныхъ.

Достоинства и заслуги И. Александра въ Русской, и еще болѣе въ Европейской Исторіи, такъ велики и обширны, что ему и его почитателямъ нечего опасаться за его славу, а горячіе слѣды, свидѣтельства очевидцевъ, разсужденія современниковъ, ничѣмъ замѣнены быть не могутъ; и наоборотъ, невѣрныя показанія ихъ изъ вѣка въ вѣкъ сдѣлаются источникомъ ошибокъ.

Слѣдовательно, не только мы имѣемъ право, но имѣемъ священную обязанность говорить и судить объ И. Александрѣ I, и наше робкое сомнѣніе есть логическій nonsens, повторяемый нами безъ всякаго основанія, по привычкѣ; есть самый же-

---

*) Это вступленіе было написано для огражденія статьи отъ цензуры во время оно. Нынѣ нѣтъ въ немъ нужды, чему доказательствомъ служатъ многія откровенныя статьи объ И. Александрѣ, появившіяся въ журналахъ, въ Запискахъ графа П. А. Строгонова, въ Исторіи ген. Богдановича и проч., но мы оставляемъ ненужный нынѣ громоотводъ, какъ историческій документъ. М. П.

стокій приговоръ прежней системѣ оставившей такія болѣзненныя впечатлѣнія; есть наконецъ нравственная гражданская проказа, отъ которой мы должны всѣми средствами, хоть подъ исходъ тысячелѣтія, исцѣляться.

Графъ Аракчеевъ, лицо, о которомъ придется намъ говорить часто въ предлагаемой статьѣ, завѣщалъ сумму, которая должна возрасти до милліона рублей къ назначенному сроку, за сочиненіе лучшей Исторіи Императора Александра I.

Онъ думалъ тѣмъ отблагодарить своего несравненнаго благодѣтеля за полученныя благодѣянія, воздвигнуть ему прочный монументъ, засвидѣтельствовать предъ лицемъ свѣта свое неограниченное къ нему благоговѣніе. Публика Русская и иностранная удивилась такой безпримѣрной наградѣ.

Еслибы графъ Аракчеевъ, вмѣсто этого милліона, оставилъ простыя записки о своей жизни, и искренній дневникъ, вѣрный отчетъ о своихъ разговорахъ съ И. Александромъ, безъ всякихъ украшеній, безъ всякихъ притязаній на искусство, то Исторія была бы ему гораздо благодарнѣе, а потомство готово было бы заплатить ему за нихъ лучше свой собственный милліонъ заднимъ числомъ, чѣмъ получить отъ него. Что̀ будетъ дѣлать Исторія съ Аракчеевскимъ милліономъ, если ей останется почерпать для своихъ показаній только изъ современныхъ газетъ и реляцій, въ которыхъ до правды добраться трудно?

Такую, или подобную услугу, могли бъ оказать Александру и другія лица къ нему близкія: Волконскій, Голицынъ, Кочубей, Новосильцевъ; но никому изъ нихъ, кажется, и не приходило того въ голову, за недостаткомъ политическаго гражданскаго развитія, хоть и толковали они много о своей привязанности, и клялись часто въ своей преданности!

Есть еще люди теперь, которые могли бы, если не восполнить, то по крайней мѣрѣ сколько-нибудь замѣнить, этотъ недостатокъ: Нессельродъ, Меньшиковъ, Закревскій.

О, еслибъ эти строки могли побудить кого-нибудь изъ нихъ взяться за перо, или передать свои свѣдѣнія довѣреннымъ лицамъ *)!

Повторяю, мы не только имѣемъ право, но и имѣемъ обязанность писать и судить объ Императорѣ Александрѣ. Молчаніе есть преступленіе предъ Исторіею и грѣхъ предъ его памятью.

На этихъ основаніяхъ приступаю къ разбору важнаго историческаго сочиненія, обогатившаго нашу скудную въ этомъ родѣ литературу. Долженъ прибавить, что разборъ этотъ для меня пріятенъ въ особенномъ отношеніи. Въ Исторіи Русской и всеобщей есть много важныхъ вопросовъ, въ коихъ, по недостатку свѣдѣній, должно прибѣгать къ догадкамъ и предположеніямъ, а провѣрить ихъ нечѣмъ. Баронъ Корфъ, безъ сомнѣнія, знаетъ гораздо больше, нежели сколько написалъ. По особеннымъ, вѣроятно уважительнымъ причинамъ, онъ не досказалъ многаго; онъ долженъ былъ умалчивать, а критикъ имѣетъ полное право догадываться, предполагать, и слѣдовательно критикъ занимаетъ въ этомъ отношеніи положеніе

*) Вотъ уже двоихъ не стало изъ числа трехъ: графовъ Нессельрода и Закревскаго (Позднѣйшее примѣчаніе). И третій кн. Менщиковъ отправился на тотъ свѣтъ (1868 г.). Публика недавно узнала о драгоцѣнныхъ матеріалахъ въ Запискахъ П. А. Строгонова. (См. Вѣстникъ Европы 1866 г.).

гораздо выгоднѣе автора. Критикъ не отвѣчаетъ за вѣрность своего предположенія или объясненія, всегда почти условнаго, между тѣмъ какъ авторъ долженъ говорить положительно, чего по времени, обстоятельствамъ, по мѣсту, ему можетъ быть нельзя. Я буду имѣть честь предложить свои соображенія на судъ автора, съ просьбою произнести имъ приговоръ, такъ или иначе, на основанія извѣстныхъ ему данныхъ. Въ дѣлѣ исторической критики узнать причину своей ошибки бываетъ пріятно, а угадать еще пріятнѣе.

*

Статья эта была написана вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія барона Корфа. Я посылалъ ее тетрадями къ г. де-Санглену, какъ хорошо знакомому со всѣми обстоятельствами десятыхъ годовъ, для сообщенія мнѣ замѣчаній.

Яковъ Ивановичь де-Санглеиъ служилъ начальникомъ тайной полиціи при министрѣ Балашевѣ, былъ нѣсколько времени очень близокъ къ Императору Александру, имѣлъ отъ него важныя порученія опечатывалъ вмѣстѣ съ Балашевымъ бумаги Сперанскаго въ день его ссылки.

86-ти лѣтній старикъ, разбитый параличемъ, не смотря на свои лѣта и болѣзни, сохранялъ до конца жизни свѣжую память, теплое сердце, и принималъ живое участіе въ политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней.

Я познакомился съ нимъ передъ тридцатыми годами, въ домѣ попечителя Писарева; онъ полюбилъ меня и сохранилъ ко мнѣ съ тѣхъ поръ неизмѣнно-доброе расположеніе, принимая участіе во всѣхъ моихъ изданіяхъ, начиная съ Ураніи 1826 года,—въ Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ.

Яковъ Ивановичь де-Санглепъ казался мнѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ, сколько я могъ замѣтить впродолженіи 40-лѣтняго знакомства, не имѣя съ нимъ впрочемъ никакихъ дѣлъ, кромѣ бесѣдъ и литературныхъ сношеній. Безкорыстіе его доказывается тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь почти въ бѣдности, пользуясь только какою-то ничтожной пенсіей. Жилъ онъ лѣтъ десять одинъ-одинешенекъ въ двухъ-трехъ низенькихъ комнатахъ, на дачѣ, въ Красномъ Селѣ, питаясь въ день чашкою кофе и тарелкою супа съ кускомъ жаркаго. Туда заѣзжалъ я къ нему раза по два въ годъ, по пути на желѣзную дорогу и въ Сокольники, и заставалъ всегда за кучею газетъ, присылаемыхъ къ нему его пріятелемъ, Московскимъ губернаторомъ И. В. Капнистомъ.

Просьбу мою онъ исполнилъ и присылалъ при письмахъ замѣчанія на всякую тетрадь, прося усильно, чтобъ я содержалъ все втайнѣ и не оглашалъ его имени, которое говорилъ онъ, можно узнать по тѣмъ или другимъ признакамъ. Начальникъ нѣкогда тайной полиціи, онъ никакъ не могъ освободиться отъ того страха, который прежде наводилъ на другихъ, и боялся, чтобъ не попасть въ бѣду, хотя въ замѣчаніяхъ его, говоря вообще, не было вовсе ничего опаснаго. Я, разумѣется, далъ ему слово, и свято сохранялъ при его жизни. Теперь смерть его сняла съ меня слово, и я печатаю его замѣчанія, кромѣ нѣкоторыхъ личныхъ мнѣній, не имѣющихъ важности для публики. Чтобъ судить о его замѣчаніяхъ, я долженъ прибавить, что Яковъ Ивановичъ былъ нѣсколько любочестивъ, и потому былъ очень недоволенъ книгою барона Корфа, можетъ быть и потому, что баронъ Корфъ о немъ почти не упоми-

настъ. Ему казалось, что одинъ онъ знаетъ дѣло лучше всѣхъ, между тѣмъ память въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно ему измѣняла, или онъ не хотѣлъ открыться вполнѣ. Онъ думалъ, что баронъ Корфъ хочетъ во что бы ни стало прославить Сперанскаго, и это несправедливо. Онъ думалъ, что подозрѣніе въ доносѣ на Сперанскаго падало и было обращаемо умышленно на него, чего никакъ въ книгѣ барона Корфа непримѣтно, развѣ для него одного, и ему хотѣлось доказать противное. По духу прежней своей службы продолжалъ онъ видѣть интриги тамъ, гдѣ ихъ не было, и проч. Все это должно имѣть въ виду при разсужденіи о нѣкоторыхъ его замѣчаніяхъ, которыя, во всякомъ случаѣ, полезно обнародовать, чтобъ вызвать новыя соображенія и разсужденія, коими объяснилось бы сколько нибудь темное до сихъ поръ дѣло.

Противъ вступленія г. де Сангленъ возражаетъ мнѣ въ разныхъ мѣстахъ:

«13 Февраля 1862 г. Я получилъ и неожиданно письмо ваше, М. Г. М. П., и при письмѣ три тетради. Удивляюсь вашей торопливости и заботливости воспѣть благодарность, по словамъ вашимъ, *богатому* сочиненію б. Корфа, или, какъ вы въ другомъ мѣстѣ сказали, почтенному историческому сочиненію».

«Что вы хотите произвесть своими тетрадями? Печатать ихъ? Рано, рано! Руссо правъ: le tems est indispensable pour le triomphe de la vérité.

«Да и осторожность нужна. Баронъ Корфъ писалъ подъ эгидою правительства. Такъ тому и быть. Мы не въ Англіи, гдѣ Герцену позволяется говорить, что́ ему въ голову придется.»

«Надо выжидать и держать въ портфеляхъ, пока наступитъ время».

«Мѣра Аракчеева о сочиненіи исторіи И. Александра I чрезъ сто лѣтъ—благоразумная. Страсти утихнутъ, злоба, зависть скроются въ ущелья свои, и правда восторжествуетъ»

«Истина святая проложитъ себѣ путь къ правдѣ».

«Нѣтъ тайны, которая не была бы явна.»

«Le tems donne à tout le mouvement et l'être. Попытайтесь сравнить И. Александра I съ Лудовикомъ XV, съ которымъ первый въ характерѣ имѣетъ большое сходствѣ, et vous verrez ce qu' il en sera. Эти тайны обнаруживаетъ время, которое не всегда готово насъ удовлетворять.»

«Вы думаете, что нѣтъ Записокъ? Ошибаетесь»

«23 Ноября 1861 г. въ Journal de St. Pétersborg напечатано объявленіе о сочиненіи барона Корфа. Журналъ этотъ оффиціальный: на него опираются всѣ наши Русскіе журналы. Вотъ что тамъ сказано: On remarque bien quelques lacunes dans certaines parties de l'ouvrage, mais il ne faut pas oublier, que Speransky a vecu à une epoque peu eloignée de nous, et par consequent, des considérations, qu'il n'était pas permis à l'auteur de méconnaitre ont du le forcer de glisser sur differens détails. Cette objection se rapporte principalement à l'epoque de la disgrace et de l'éxil.»

«Отличное avis au lecteur, и откровенное сознаніе въ недостаткахъ творенія барона Корфа. За чѣмъ вводить общество въ заблужденіе? Изъ всего этого вывожу я заключеніе—молчать, молчать и молчать! Рано! Идетъ ли направленіе снизу или сверху, все равно молчать, молчать!

*

I.

Удивительное зрѣлище представляетъ намъ жизнь графа Сперанскаго, удивительное даже въ Русской Исторіи, богатой примѣрами быстраго возвышенія и паденія! Предложимъ сперва очеркъ ея по сочиненію барона Корфа.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, онъ оканчиваетъ первымъ курсъ ученія въ губернской семинаріи, и отправляется въ высшую, столичную, для дальнѣйшаго усовершенствованія.

Въ Петербургѣ онъ учится съ такимъ же отличіемъ, дѣлается извѣстнымъ митрополиту и назначается преподавателемъ.

Землякъ указываетъ на него знатному барину, которому понадобился писецъ и секретарь для домашней переписки [1]).

Князь Куракинъ въ первое свиданіе задаетъ ему для опыта написать 11 писемъ, коихъ одно содержаніе разсказываетъ въ продолженіи часа.

Сперанскій остается ночевать у земляка, и въ одинъ присѣстъ, вечеромъ и ночью, обработываетъ 11 писемъ, кои на другой день по утру всѣ лежали на столѣ переписанныя у вельможи.

Куракинъ совершенно доволенъ: всѣ мысли его поняты, желанія исполнены, намѣренія угаданы,—и онъ предлагаетъ молодому семинаристу мѣсто у себя въ домѣ на полномъ содержаніи и съ хорошимъ жалованьемъ.

Сперанскій переѣзжаетъ къ нему въ домъ, исполняетъ всѣ свои обязанности, къ полному его удовольствію, а между тѣмъ дружится съ гувернеромъ, овладѣваетъ Французскимъ языкомъ, и начитывается новостей [2]).

Вдругъ князь Куракинъ, по вступленіи на престолъ Императора Павла, назначается генералъ-прокуроромъ.

Генералъ-прокуроръ приглашаетъ своего домашняго секретаря въ коронную службу [3]), и содѣйствуетъ къ увольненію изъ духовнаго званія.

Онъ назначаетъ Сперанскаго экспедиторомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника, яко бы въ уваженіе десятилѣтней почти службы въ семинаріи [4]).

Молодой чиновникъ работаетъ изъ всѣхъ силъ и черезъ три мѣсяца получаетъ чинъ коллежскаго ассесора, еще чрезъ полгода надворнаго совѣтника [5]), а въ началѣ слѣдующаго года коллежскаго совѣтника, а вскорѣ и статскаго совѣтника.

Куракина въ короткое время при И. Павлѣ смѣняетъ Лопухинъ, Лопухина Беклешевъ, Беклешева Обольяниновъ.

---

[1]) Де-Сангленъ замѣчаетъ, что Сперанскій поступилъ сначала къ Куракину для дѣтей учителемъ Славянскаго языка, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ и столомъ, а въ канцелярію помѣщенъ, когда потребовалъ прибавки жалованья. Извѣстіе о переводѣ въ канцелярію вмѣсто прибавки жалованья,—и какого ничтожнаго жалованья!—невѣроятно.

[2]) Чтобы соединить это извѣстіе съ предыдущимъ замѣчаніемъ г. де-Санглена, можно предположить, что Сперанскій получилъ порученіе учить дѣтей князя Куракина, уже по поступленіи къ нему въ домъ секретаремъ. Это кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что прямо поручить учительскую должность неизвѣстному молодому человѣку едва ли могъ рѣшиться князь Куракинъ.

[3]) Первое жалованье по вступленіи въ канцелярію было 400 р. ас., по замѣчанію г. де-Санглена.

[4]) Де Сангленъ замѣчаетъ, что къ чину онъ былъ представленъ за десятилѣтнюю яко бы службу въ канцеляріи, а не въ семинаріи, о которой не могло бы, де, быть рѣчи въ представленіи. Опять несправедливое замѣчаніе, ибо десятилѣтней службы въ канцеляріи никакъ нельзя было выставить чрезъ годъ!!

[5]) Де-Сангленъ прибавляетъ, что Сперанскій въ чинѣ надворнаго совѣтника прохаживался въ дворцѣ рука объ руку съ Столыпинымъ во время присяги И. Александру.

Сперанскій угождаетъ всѣмъ одинаково, дѣлается необходимымъ для каждаго, и осыпается наградами. Счастіе, что̀ называется, везетъ ему, и онъ идетъ въ гору не останавливаясь. Кромѣ обязанности его въ канцеляріи генералъ-прокурора Паленъ предлагаетъ ему мѣсто производителя дѣлъ въ комитетѣ снабженія столицы припасами [6]), Растопчинъ въ капитулѣ орденовъ.

Не стало Павла, и Трощинскому, который сдѣлался главнымъ производителемъ текущихъ дѣлъ при особѣ новаго Императора, нуженъ способный сотрудникъ— и общій голосъ, чрезъ Аверина, указываетъ ему на Сперанскаго [7]). Сперанскій пишетъ докладныя записки, отчеты, манифесты, указы; онъ уже статсъ-секретарь, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получаетъ орденъ Св. Владиміра 3 степени, Св. Анны 1-го класса, и аренду въ 12 тысячъ рублей на двѣнадцать лѣтъ.

Учреждаются министерства. Кочубей, самое довѣренное и близкое лицо къ Государю, приглашаетъ Сперанскаго къ себѣ, и поручаетъ ему устройство дѣлъ во ввѣренномъ ему министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Сперанскій дѣлается душею министерства, сообщаетъ ему движеніе, сочиняетъ проекты, заводитъ журналъ Сѣверную Почту.

Кочубей часто бываетъ боленъ, и посылаетъ вмѣсто себя съ докладами къ Государю Сперанскаго,—и вотъ Сперанскій предъ лицемъ И. Александра, въ скоромъ времени очаровываетъ его также своими пріемами, докладами и изложеніемъ его мыслей.

Государь беретъ Сперанскаго съ собою въ путешествіе въ Эрфуртъ, узнаетъ его еще короче, сближается съ нимъ, и оставляетъ при себѣ [8]).

Горизонтъ Сперанскаго распространяется, воображеніе паритъ. Знакомый съ ходомъ всѣхъ дѣлъ, со всѣми затрудненіями и злоупотребленіями, начитанный иностранныхъ теорій, и преимущественно Французскаго новаго законодательства, сильный въ логикѣ, искусный въ письменной архитектурѣ, Сперанскій задумываетъ преобразовать все Русское управленіе, съ ограниченіемъ самодержавія. Проэкты слѣдуютъ за проэктами. Работа кипитъ. Государю предлагаются безпрестанно, на основаніи его намековъ, новыя записки, разсужденія, изслѣдованія, писанныя сначала до конца рукою Сперанскаго, читаются съ глазу на глазъ, подвергаются всестороннимъ обсужденіямъ и облекаются формою закона [9]).

[6]) Де-Сангленъ говоритъ, что при немъ Паленъ такъ отзывался о Сперанскомъ правителю своей канцеляріи Беку: Er ist zu klug für mich, er hat zu viel Fiffiologie studirt.

[7]) Де-Сангленъ говоритъ, что Сперанскій, по совѣту Столыпина, написавъ манифестъ о кончинѣ И. Павла, нашелъ случай представить его Государю чрезъ министра финансовъ. (Какого же министра финансовъ? Тогда министровъ еще не было). Этотъ манифестъ очень понравился и былъ принятъ вмѣсто манифеста, написаннаго Трощинскимъ. Государь потребовалъ автора къ себѣ. Съ этого времени, благодаря мысли Столыпина, начинается будто извѣстность Сперанскаго И. Александру. «Съ этого времени», заключаетъ г. де-Сангленъ, «пріѣзжалъ Сперанскій отъ Кочубея съ докладами» и т. д. Явная невѣрность или смѣшеніе; Сперанскій поступилъ къ Кочубею гораздо позднѣе, уже по учрежденіи министерствъ.

[8]) Сперанскій былъ въ восторгѣ отъ Наполеона, что однакожъ подозрительному Государю не совсѣмъ понравилось, хотя онъ и самъ почувствовалъ къ Наполеону большое уваженіе. Прибавимъ, что Наполеонъ полюбилъ Сперанскаго, и отозвался о немъ съ похвалою предъ Государемъ. Такъ замѣчаетъ мнѣ г. де-Сангленъ.

[9]) По журналу графа Строгонова мы можемъ заключить теперь, что Сперанскій продолжалъ, исполнялъ и распространялъ мысли, предначертанныя прежде въ комитетѣ И. Александра, Новосильцева, Строганова и Чарторижскаго.

Учреждается Государственный Совѣтъ, преобразуются министерства, опредѣляются права и обязанности Сената, устроивается судопроизводство, изготовляется гражданское уложеніе, пишутся законы уголовные и торговые, вводится новая система финансовъ, и полагаются наконецъ конституціонныя основанія государственнаго устройства, кои не излагаются въ книгѣ барона Корфа, какъ не приведенныя въ исполненіе. Въ три-четыре года весь планъ былъ готовъ, и не далѣе Октября 1809 года лежалъ уже на столѣ Александра. Счастливый преобразователь съ торжествомъ восклицаетъ въ заключеніи одной своей докладной записки: «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія, то въ 1811 году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ новое бытіе, и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразуется». «Но въ книгѣ судебъ», замѣчаетъ баронъ Корфъ, «было написано иное. Важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Остальныя далеко отошли и потеряли всякую съ нимъ связь». Этого мало: творецъ всеобъемлющаго плана, счастливецъ, которому до сихъ поръ все удавалось, и который сталъ на такой высотѣ, на какой никто тогда не стоялъ, который надѣялся увѣковѣчить свои намѣренія на пользу и благо Отечеству, вдругъ былъ низвергнутъ позорнымъ образомъ съ высоты своего величія, посланъ въ заточеніе къ предѣламъ Урала.

Остановимся здѣсь на нѣсколько минутъ, и прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію катастрофы въ жизни Сперанскаго, предложимъ нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ предложенному очерку его жизни, чтобъ познакомиться ближе съ этою славною личностью въ новой Русской Исторіи. Мы извлечемъ ихъ изъ богатой книги барона Корфа, и добавимъ собственными свѣдѣніями и соображеніями.

II.

Умъ Сперанскаго обнаружился съ самыхъ молодыхъ лѣтъ.

Во Владимірской семинаріи товарищи прозвали его Спасовы Очи, потому что онъ все зналъ, все понималъ, все видѣлъ, по ихъ мнѣнію.

(Это разсказывалъ мнѣ И. П. Фаворскій, котораго отецъ учился вмѣстѣ съ Сперанскимъ, и имѣлъ множество его писемъ, сожженныхъ изъ страха во время его ссылки).

Зимою онъ хаживалъ въ овчинномъ тулупѣ, обыкновенно на отлетъ, то-есть спустя одинъ рукавъ, въ подражаніе тогдашнимъ щеголямъ.

Благообразная наружность, даръ слова, пріятный голосъ, счастливая память, живое воображеніе, тонкій умъ, жадная любознательность, неутомимое прилежаніе, характеръ мягкій—вотъ достоинства, съ коими вступаетъ онъ въ свѣтъ.

Наклонность къ умствованію, принесенная изъ семинаріи, съ привычкой къ логическимъ построеніямъ и системамъ, опредѣлили первыя его занятія, и дали имъ направленіе.

Отказъ вступить въ духовное званіе, несмотря на настоянія митрополита Гавріила, который первый замѣтилъ отличныя дарованія молодаго семинариста,—первое счастливое происшествіе въ жизни Сперанскаго, гдѣ показалъ онъ свою самостоятельность.

Воздадимъ здѣсь честь и митрополиту Гавріилу, который оставилъ своего воспитанника въ покоѣ, и не потревожилъ местію, столь обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ.

Указаніе Куракину чиновника Иванова на Сперанскаго есть второе счастливое происшествіе, имѣвшее вліяніе на всю послѣдующую его судьбу. Замѣтимъ сцѣпленіе обстоятельствъ, этихъ волосяныхъ трубокъ, коими опредѣляется жизнь человѣческая, отъ коихъ зависитъ дальнѣйшее ея развитіе. Куракину нуженъ писарь, секретарь, писаря негдѣ искать кромѣ семинаріи, въ семинарію ходитъ часто, какъ ему извѣстно, живущій у него чиновникъ Ивановъ; Ивановъ знакомъ съ землякомъ своимъ Сперанскимъ,—ну вотъ онъ и указываетъ естественно на Сперанскаго. Первоначальная причина[10]), слѣдовательно,—пребываніе Иванова въ домѣ князя Куракина: какъ онъ туда попалъ? Это уже такъ мелко и тонко, что укрывается отъ Исторіи, и даже отъ тщательныхъ разысканій барона Корфа. А еслибъ не жилъ Ивановъ у Куракина, то и Сперанскому не попасть бы въ кабинетъ Императора Александра I, и не сдѣлаться душею управленія,—по крайней мѣрѣ декораціи должны бы были быть иныя.

Куракинъ, надо отдать ему честь, умѣлъ съ перваго раза оцѣнить молодаго семинариста, предложилъ ему жить у себя въ домѣ, сталъ приглашать къ своему столу, желая дать ему средства для свѣтскаго образованія. Семинаристъ на первый разъ уклоняется отъ высшаго общества, въ которомъ чувствуетъ себѣ стѣсненіе, и предпочитаетъ обѣдать съ ближайшею прислугою [11]). Это чуть ли не одно время, гдѣ Сперанскій показалъ робость, застѣнчивость, коихъ впредь мы не увидимъ болѣе.

---

[10]) Де-Санглепъ здѣсь замѣчаетъ, вопреки прежнему своему замѣчанію (см. выше): «легко статься можетъ, что и Ивановъ способствовалъ къ принятію Сперанскаго въ учители Славянскаго языка, но служебная карьера Сперанскаго открыта ему Столыпинымъ».

Разсказъ о первыхъ сношеніяхъ Сперанскаго съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ переданъ намъ сыномъ сего послѣдняго Дмитріемъ Аркадіевичемъ, который слышалъ о томъ отъ покойнаго дяди своего Аѳанасія Алексѣевича. Князь Алексѣй Борисовичь Куракинъ въ Пензенскомъ имѣніи своемъ приказалъ построить винокуренный заводъ и взялъ поставку вина въ казну. Заводъ не былъ готовъ къ нужному сроку, и управляющій кн. Куракина, для исполненія обязательства передъ казною, долженъ былъ передать поставку другимъ лицамъ. Пользуясь его затрудненіемъ, съ него просили чрезмѣрную цѣну. Но сосѣдній помѣщикъ Алексѣй Емельяновичь Столыпинъ, имѣя нѣсколько винокуренныхъ заводовъ, нашелъ возможнымъ взять поставку вина по цѣнѣ сходной. Узнавъ о томъ, князь Куракинъ приказалъ управляющему своему благодарить добраго сосѣда, и просить его знакомства. Въ первой свой пріѣздъ изъ Петербурга, кн. Куракинъ заѣхалъ въ село Столыпино и пробылъ у Столыпина (Городищенскаго уѣзда. Пензенск. губ.) недѣли двѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того старику Столыпину пришлось ѣхать въ Петербургъ для опредѣленія на службу одного изъ сыновей своихъ, именно Аркадія Алексѣевича. Князь Куракинъ уговорилъ отца не пускать сына въ конную гвардію, куда онъ былъ записанъ, а помѣстить въ гражданскую службу по его вѣдомству. Чтобы покончить образованіе юноши, Алексѣй Емельяновичь принялъ изъ Семинаріи Сперанскаго для уроковъ. Умный учитель очень полюбился умному старику, и добрыя отношенія продолжались и по окончаніи уроковъ. Сперанскій сообщилъ своему доброжелателю, что митрополитъ нудитъ его поступить въ духовное званіе, къ чему онъ не имѣетъ призванія. Столыпинъ поговорилъ о томъ съ кн. Куракинымъ, который отозвался, чтобы Сперанскій пришелъ къ нему самъ. Впечатлѣніе было самое выгодное, и разумѣется ходайство кн. Куракина освободило Сперанскаго отъ священнической рясы или монашескаго клобука. П. Б.

[11]) Въ запискѣ своей ко мнѣ де-Санглепъ говоритъ: «Мы видѣли его въ синемъ изъ домашняго сукна сюртукѣ, обѣдавшаго съ камердинерами князя Куракина и камерфрейлинами его супруги».

Къ числу счастливыхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на будущую дѣятельность Сперанскаго должно причислить знакомство съ Французскимъ языкомъ и его литературою, пріобрѣтенное въ домѣ князя Куракина, чему способствовала связь съ домашнимъ гувернеромъ Брюкнеромъ. Розенкамфъ и Дмитріевъ замѣчаютъ, сколько пользы принесло Сперанскому знаніе Французскаго языка. Брюкнеръ отличилъ Сперанскаго между его товарищами, полюбилъ за умъ, проводилъ много времени въ бесѣдахъ съ нимъ, и имѣлъ вліяніе на расширеніе круга его понятій. Съ другой стороны, овладѣвъ Французскимъ языкомъ, Сперанскій тѣмъ легче пріобрѣлъ благосклонность и вниманіе высшаго общества, въ которое вскорѣ вступить ему предстояло.

Баронъ Корфъ недостаточно, кажется, оцѣнилъ эти обстоятельства, и желательно было бы собрать еще какія нибудь свѣдѣнія о ранней связи Сперанскаго съ Брюкнеромъ.

Хотя княгиня Е. Ѳ. Долгорукая, живя три года подъ одною крышею съ Сперанскимъ, не слыхала его по имени, но chronique scandaleuse сохранила преданіе о любовной связи Сперанскаго, красиваго собой мущины, съ какою-то высшею дамою.

Князь Куракинъ,—опять заслуга съ его стороны,—безпрерывными наградами содѣйствовалъ къ ободренію, къ возвышенію духа Сперанскаго; а сколько начальниковъ, которые любятъ держать своихъ подчиненныхъ въ черномъ тѣлѣ, загребая только жаръ ихъ руками!

Разскажемъ здѣсь анекдотъ, слышанный нами отъ того же г. Фаворскаго. Князь Куракинъ, воротившись однажды отъ Государя не въ духѣ, позвалъ Сперанскаго, и, ходя по комнатѣ въ раздумьѣ, началъ диктовать ему указъ: «Указъ правительствующему сенату. Калмыки».... Сперанскій написалъ, а Куракинъ продолжалъ ходить по комнатѣ, повторяя однѣ и тѣ же слова. Ну что написалъ? спросилъ онъ опомнясь. Указъ правительствующему сенату. Калмыки... — Что же дальше? — Вы не сказали ничего.—Какъ ничего? И опять началъ князь Куракинъ ходить по комнатѣ, и ворчать про себя по прежнему: Указъ правительствующему сенату. Калмыки... Въ эту минуту пріѣзжаетъ гр. Растопчинъ, и застаетъ, какъ генералъ-прокурора, такъ и его секретаря, въ великомъ замѣшательствѣ. Что такое? спрашиваетъ Растопчинъ.—Да вотъ не могу добиться указа о Калмыкахъ. Растопчинъ, понявши въ чемъ дѣло, разсказываетъ, чтò при немъ говорилъ Государь о Калмыкахъ князю Куракину, позабывшему распоряженіе,—и указъ былъ въ ту же минуту готовъ. Куракинъ остался довольнымъ.

Сперанскій женился 3 Ноября 1798 года на молодой пріѣзжей Англичанкѣ. Эта женитьба даетъ намъ понятіе объ его характерѣ; онъ увидѣлъ нечаянно свою суженую, влюбился и женился, не спрашивая ни объ ея званіи, ни объ ея состояніи, повинуясь влеченію сердца. Семинаристъ и Англичанка—необыкновенное соединеніе. Сперанскій при первомъ взглядѣ на нее, рѣшась просить ея руки, побоялся только того, что не можетъ объясниться съ нею, но первое слово на Французскомъ языкѣ, ею сказанное, рѣшило его судьбу.

Сперанскій не прожилъ года съ женою: она скончалась чахоткою въ концѣ 1799 года, родивъ дочь. Горести его не было границъ, чтó свидѣтельствуютъ показанія друзей и оставшіяся письма, кои къ счастію

достались мнѣ въ руки, и напечатаны въ Москвитянинѣ. Попеченіе о дочери, оставшемся залогѣ супружеской любви, привязывало его къ жизни. Служба была спасительнымъ отводомъ для его горести.

Князь Куракинъ, послѣ безсчетныхъ милостей, былъ сосланъ въ деревню своенравнымъ Павломъ, и Сперанскій рѣшился слѣдовать за своимъ благодѣтелемъ— опять прекрасная черта! Князь Куракинъ самъ потребовалъ, чтобъ тотъ не оставлялъ службы [12]).

Важнѣйшимъ лицомъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбу Сперанскаго послѣ Куракина, былъ Кочубей, который перезвалъ его къ себѣ отъ Трощинскаго, и доставилъ случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Государю. Думалъ ли Кочубей, посылая съ докладомъ своего чиновника, что способствуетъ ему получить въ руки власть такую, какой самъ не имѣлъ никогда?

Поѣздка въ Эрфуртъ, доставя Сперанскому случай приблизиться еще болѣе къ Императору Александру, содѣйствовала вмѣстѣ много къ расширенію его политическаго горизонта; онъ видѣлъ Наполеона, и заслужилъ лестный отзывъ, много ему однакожъ впослѣдствіи повредившій; онъ говорилъ съ Талейраномъ, и перенесся въ сферу высшихъ Европейскихъ политическихъ вопросовъ [13]).

[12]) Де-Сангленъ противъ этого мѣста замѣчаетъ, что «Куракинъ былъ отправленъ въ Парижъ, и Сперанскій, уже при Александрѣ, перевелъ его министерство въ руки Кочубея». Старикъ перемѣшалъ здѣсь опять событія. Можетъ быть въ его Запискахъ вопросъ объяснится лучше. Я привожу замѣчаніе только для того, чтобы показать и при прочихъ необходимость въ критикѣ и осторожности.

[13]) См. ниже въ показаніяхъ г. де-Санглена.

«Александръ воротился въ Петербургъ, говоритъ баронъ Корфъ, «очарованный Наполеономъ и всѣмъ Французскимъ».

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько важныхъ выписокъ изъ книги, необходимыхъ для послѣдующихъ нашихъ разсужденій. «Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ Французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что, по любымымъ тогдашнимъ его выраженіямъ, il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, и милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодаго преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго. Еще въ «Правилахъ высшаго краснорѣчія», написанныхъ Сперанскимъ въ скромномъ званіи семинарскаго учителя, мы читаемъ слѣдующее, какъ бы пророческое мѣсто: «Когда великая ось правленія обращается въ нашихъ очахъ; когда нѣтъ въ обществѣ ничего столь великаго, что̀ бы отъ насъ было скрыто,— на какую высоту не восходятъ тогда наши понятія, чего не объемлетъ наше воображеніе. Какое рвеніе, какая ревность не воодушевятъ тогда оратора, и какъ можно не быть Демосѳеномъ, говоря противъ Филиппа и защищая дѣло цѣлой Греціи». То, что̀ нѣкогда рисовала ему молодая фантазія, теперь обратилось для него въ дѣйствительность: готовый видѣть въ каждомъ, кто отваживался сопротивляться его нововведеніямъ, своего Филиппа, онъ въ самомъ себѣ почувствовалъ всѣ силы Демосѳена: «Il y a un principe dans l' homme, qui le pousse à courir les chances», писалъ онъ, около этого времени, одному изъ своихъ друзей. Позже,

онъ говаривалъ, что великіе люди разнятся отъ прочихъ тѣмъ только, что вышли изъ береговъ и помѣшались на одной постоянной хотя и не темной мысли; изъ береговъ же выходятъ движеніемъ всякаго сильнаго восторга, и тогда все въ человѣкѣ покоряется этой мысли. Если вникнуть въ эти слова, произносившіяся спокойнымъ, разговорнымъ тономъ, то становится ясно, что *Сперанскій уже и безъ восторга парилъ душею въ безбрежномъ пространствѣ*». (Ч. 1. с. 107).

«*Государь, постоянно занятый*, съ начала своего царствованія, идеею преобразовать устройство своей державы, вручилъ Сперанскому разные прежніе проекты по этой части, и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи печатныхъ сочиненій, относившихся къ тому же предмету. Сперанскій, съ своимъ организующимъ и быстрымъ умомъ, умѣвшимъ представлять всѣ трудности легкими и всѣ препятствія одолимыми, съ многостороннимъ знаніемъ, съ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, съ дѣятельностью, въ которой никто еще не превзошелъ его,—Сперанскій, полный воображенія, страсти создавать и честолюбиваго стремленія къ славѣ, былъ именно такимъ человѣкомъ, какого искалъ Александръ, и какой нуженъ былъ ему при тогдашнемъ настроеніи его мыслей» (109).

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій,» писалъ Сперанскій впослѣдствіи, уже подвергнутый опалѣ и заточенію, «изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства и истинной силы.»

«Вотъ, слѣдственно, въ чемъ заключалась задача. Въ видѣ вступленія къ ея разрѣшенію, Сперанскій представилъ обширную записку, почти цѣлую книгу о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные, или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія».

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, исполненъ смѣлости какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія» (110).

Въ Октябрѣ 1809 года все было готово, и Сперанскій, какъ мы выше привели слово его, воскликнулъ, что къ 1811 году Россія преобразуется. «Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, *важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились.* Приведено было въ дѣйствіе *лишь* то, что̀ самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ, и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша....»

«Если нѣтъ сомнѣнія, что подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ Исторіи Россіи и въ біографіи Императора Александра I, то не здѣсь мѣсто разбирать начинанія, не достигшія полной зрѣлости, и самимъ имъ впослѣдствіи покинутыя». Поэтому, заключаетъ авторъ, «мы ограничимся обозрѣніемъ только тѣхъ частей проекта, которыя получили дѣйствительное основаніе, но, получивъ его порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ, *далеко отошли* отъ первоначальнаго плана, и почти *потеряли* всякую съ нимъ связь» (с. 112 и 113).

Государь самъ испугался изумительной быстроты своего секретаря... «Начались колебанія. Свѣтлый умъ Александра постигъ» (такъ объясняетъ баронъ Корфъ причину колебаній), «что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что во всякомъ случаѣ необходимы сперва разныя переходныя мѣры, для коихъ требовалось время. Разсуждая о нихъ, и соображаясь съ измѣнившимися мыслями Государя, Сперанскій написалъ къ нему: «Существенныя правила вводимаго порядка должны состоять въ томъ, чтобъ не терять времени, но избѣгать всякой торопливости, каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобъ онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы ничего не отваживать, и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія либо непреоборимыя препятствія».

Роковое замедленіе! Зависть давно уже начала поднимать ядовитое свое жало. Униженная гордость вельможъ при видѣ блестящихъ, безпримѣрныхъ успѣховъ поповича-выскочки, пылаетъ злобою. Честолюбцы и властолюбцы соединяютъ свои усилія. Тайное дружное общество посредственностей, ненавидящихъ всякій талантъ, подаетъ имъ помощь со всѣхъ сторонъ. Къ нимъ присоединяется нѣсколько достойныхъ гражданъ, устрашенныхъ ниспроверженіемъ стараго порядка и такими нововведеніями, которымъ и не видать было конца!

Россія находилась въ особомъ положеніи. Новыя финансовыя мѣры произвели временное замѣшательство въ дѣлахъ. Сословія были недовольны, однѣ новыми налогами, другія стѣснительными для нихъ распоряженіями; грозила внѣшняя страшная война.

Враги Сперанскаго приписывали ему всѣ бѣды, взвели напраслины, распространили клеветы, привели въ движеніе всѣ страсти, наконецъ обвинили въ измѣнѣ и предательствѣ Сперанскаго.

Сперанскій работалъ съ неистовствомъ. По осмнадцати часовъ въ день сидѣлъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ, и неестественнымъ образомъ жизни разстроилъ свой организмъ до такой степени, что желудокъ не могъ у него варить безъ возбудительныхъ средствъ, спина не могла разгибаться. Только Карамзинъ, въ другой сферѣ, успѣвъ въ десять лѣтъ воздвигнуть свою пирамиду Русской Исторіи, можетъ идти съ нимъ въ сравненіе въ этомъ отношеніи. Высокое чувство творчества, великая цѣль преобразованія, какъ оно представлялось ему въ услужливомъ воображеніи, цвѣтущее состояніе Отечества, благополучіе Русскаго народа, сознаніе своего участія въ такомъ великомъ дѣлѣ, давали ему силу, подкрѣпляли среди неимовѣрныхъ трудовъ. Отъ ранней зари до поздней ночи сидитъ онъ въ глубинѣ своей кельи, строитъ воздушные замки, и ни мало не подозрѣваетъ тѣхъ тайныхъ подкоповъ, кои, глубоко въ землѣ, подъ нимъ проводились; онъ готовъ со всѣми новыми уставами, да и враги не опоздали; на послѣднемъ шагѣ къ высшей цѣли, земля подъ нимъ проваливается, и онъ падаетъ въ пропасть, запутанный въ предательскихъ сѣтяхъ.

Бѣдный труженикъ! Несчастный мечтатель! Злополучный преобразователь! Ты получилъ предъ кончиною Андреевскую ленту, графскимъ сіяніемъ озарилось твое имя, но эти позднія почести не вознаграждали тебѣ за одну страшную минуту,

которую привелось пережить тебѣ, когда II. Александръ растворилъ двери своего кабинета въ заключеніе послѣдней аудіенціи, и сказалъ тебѣ ласковымъ голосомъ: «Прощайте, Михаилъ Михайловичъ!» А тѣ страданія, которыя ты испыталъ въ ссылкѣ, слыша на улицахъ клики — измѣнникъ! отъ того народа, которому ты посвящалъ свою жизнь; видя въ церкви всѣ взоры, устремленные на тебя съ презрѣніемъ и злобою? Прими же отъ насъ, хоть теперь, чрезъ 50 лѣтъ, слово сердечнаго участія, и не посѣтуй на тѣхъ газетныхъ Аристидовъ, на тѣхъ фельетонныхъ Катоновъ, которые не совѣстятся бросать грязью изъ общихъ мѣстъ въ твою славную память за промежутки слабости, кои имѣлъ ты, какъ человѣкъ, за тѣ шаги плачевной необходимости, къ которымъ ты былъ вынуждаемъ, какъ Русскій.

Приступимъ къ изслѣдованію катастрофы, погубившей Сперанскаго.

III.

Средоточіе всей жизни Сперанскаго есть его ссылка. Предъидущее и послѣдующее сводятся къ этой точкѣ и получаютъ изъ нея, какъ изъ своего фокуса, свѣтъ, смыслъ и значеніе. Здѣсь соединяются и отсюда разлагаются всѣ отдѣльные случаи. Психологическій, драматическій, историческій интересы соединяются въ этомъ удивительномъ событіи.

Сперанскій, наперсникъ и ближайшій совѣтникъ Императора Александра I, съ 1808 года правая его рука, главное дѣйствующее лицо въ системѣ государственнаго правленія, ссылается внезапно въ ссылку, передъ началомъ войны съ Французами въ 1812 году, въ Нижній и потомъ въ Пермь.

За что именно онъ былъ сосланъ?

Неизвѣстно до сихъ поръ,—такъ скажетъ всякій, прочетшій и перечетшій внимательно разбираемую нами книгу.

Баронъ Корфъ, описавъ всеобщее неудовольствіе въ народѣ по поводу новыхъ налоговъ, упадокъ кредита, зависть и ревность вельможъ, описываетъ такъ это событіе.

«Пока толпа бездѣйственно роптала, люди, болѣе честолюбивые, искали изъ малосознательнаго ея ропота извлечь себѣ пользу. Въ ихъ глазахъ... вина Сперанскаго состояла не въ его дѣйствіяхъ, а въ его значеніи и силѣ при Дворѣ; въ томъ, что ему удалось, въ такое короткое время, изъ ничтожества стать во главѣ государственнаго управленія; въ томъ, наконецъ, что онъ мѣшалъ имъ; этимъ оправдывались въ ихъ глазахъ и всѣ средства къ его низложенію. Сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, чтò во всякомъ случаѣ казалось тогда легче, чѣмъ ее сокрушить. Два лица, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ Государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить, изъ нихъ и себя, помимо Монарха, безгласный комитетъ, который бы управлялъ всѣми дѣлами, употребляя Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Министерства единственно въ видѣ своихъ орудій». «Въ такомъ точно таинственномъ видѣ и именно этими словами Сперанскій самъ, въ одной найденной между его бумагами запискѣ (на Французскомъ языкѣ) описалъ сдѣланное ему предложеніе, не пояснивъ ближе его сущности» (т. II, с. 7.).

Сперанскій отвергъ ихъ предложеніе, но смолчалъ, а они, съ больной головы да на здоровую, приписали свое собственное намѣреніе Сперанскому и донесли на него.

«Промолчавъ», говоритъ авторъ, «Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искрен-

ность въ отношеніи къ его благодѣтелю; паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ».

Изъ такихъ словъ, какъ они ни сжаты и темны, мы должны заключить, мы должны принять, что въ этомъ именно дѣйствіи заключается непосредственная, ближайшая причина ссылки Сперанскаго, и что этимъ ударомъ именно опрокинуто было его зданіе. Иначе авторъ не выразился бы такъ положительно: «паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ».

Разсмотримъ же тщательно извѣстіе, раскроемъ смыслъ событій, постараемся добраться до сущности, почитаемъ, если можно, между строками.

Кто были эти два лица?

Авторъ говоритъ: «съ нашей стороны не отваживаемся здѣсь ни на какое толкованіе, которое, во всякомъ случаѣ, было бы только самопроизвольною догадкою». Предлагая послѣ отрывокъ изъ Записокъ графа Ростопчина, авторъ замѣчаетъ также: «Здѣсь названы тѣ два лица, о которыхъ и мы выше упомянули, но которыхъ имена мы умалчиваемъ, потому что слухъ, или хотя бы распространенное до нѣкоторой степени въ публикѣ мнѣніе, еще не составляетъ ни судебной, ни даже исторической улики, а другихъ доказательствъ у насъ нѣтъ въ рукахъ (с. 11)».

Отдаемъ полную справедливость осторожности и благоразумію автора. Но критикъ въ этомъ случаѣ, какъ мы замѣтили выше, можетъ быть смѣлѣе автора, и назвать два лица по именамъ: онъ долженъ даже это сдѣлать, ибо безъ именъ не можетъ объяснить событіе, не можетъ выводить никакихъ заключеній ни объ его сущности, ни обо всѣхъ сопровождающихъ обстоятельствахъ. Критикъ впрочемъ послѣдуетъ примѣру автора въ его скромности, и предложитъ свои соображенія съ строгою оговоркою объ ихъ точности, не придавая имъ прàва положительныхъ истинъ.

Общій голосъ, сколько мнѣ слышать случалось, приписываетъ обвиненіе Балашеву и Армфельду.

Въ Пермскомъ письмѣ Сперанскаго къ Государю есть на нихъ только намеки, но они названы въ письмѣ Ростопчина.

Итакъ, Балашевъ и Армфельдъ предлагали Сперанскому «пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить изъ нихъ и себя, помимо Монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Министерства единственно въ видѣ своихъ орудій».

Разберемъ это дѣйствіе, какъ оно описано въ книгѣ.

Точно ли Балашевъ и Армфельдъ хотѣли въ самомъ дѣлѣ забрать управленіе въ свои руки, за одно съ Сперанскимъ, и пытались склонить его на свою сторону? Таково ли въ самомъ дѣлѣ было ихъ намѣреніе?

Авторъ какъ будто принимаетъ это мнѣніе, говоря положительно: «сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, что̀ во всякомъ случаѣ казалось тогда легче, чѣмъ ее сокрушить».

Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ они дѣйствовали искренно, и въ самомъ дѣлѣ хотѣли склонить Сперанскаго на свою сторону, если дѣйствительно и дѣлали это предположеніе. Нѣтъ, я думаю (принимая пока извѣстіе), что Балашевъ и Армфельдъ приступали къ Сперанскому только съ *подвохомъ*.

Ни Балашеву, ни Армфельду, сколько мы ихъ знаемъ, не могла придти въ голову мысль объ управленіи государствомъ.

Они, положимъ, были близки къ Государю, пользовались его довѣренностію, не такою, впрочемъ, какъ Аракчеевъ, Кочубей, или даже князь Голицынъ, а прежде Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгоновъ. Балашевъ могъ быть министромъ полиціи, сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-губернаторомъ, и только. Армфельдъ могъ получить въ управленіе Финляндію, занять мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, и только. Оба могли надѣяться на возвышеніе личное, частное, на пріобрѣтеніе вліянія, расположенія, не болѣе. Взять въ руки кормило правленія имъ было не по силамъ. Чѣмъ они могли участвовать въ правленіи, какіе особенные труды нести, какую пользу могли обѣщать Сперанскому? И безъ нихъ онъ пользовался неограниченною довѣренностію Государя. Что же за разсчетъ былъ для него уступить двѣ ея трети постороннимъ лицамъ?

И какое тождество, или какъ говорятъ нынѣ по модѣ, солидарность, могло быть между Балашевымъ и Армфельдомъ?

Точно также между Армфельдомъ, Балашевымъ и Сперанскимъ?

(Любопытно бы узнать объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ между собою).

На какомъ основаніи могли они надѣяться на согласіе Сперанскаго? Чѣмъ они могли обезпечить свою неудачу?

Что̀ было бъ съ ними, еслибъ Сперанскій донесъ объ ихъ умыслѣ?

Они клали свои головы въ петлю.

Предложеніе Б. и А. должно было показаться Сперанскому смѣшнымъ, и даже возбудить его подозрѣніе, именно о подвохѣ.

Нѣтъ, безумные люди могли бы только возымѣть подобное намѣреніе. Нѣтъ, Балашевъ и Армфельдъ, если и дѣлали предложеніе, то не хотѣли *въ самомъ дѣлѣ* устроить съ Сперанскимъ невозможный тріумвиратъ, а только ставили ему свою *ловушку*, хотѣли вывѣдать его образъ мыслей, побудить къ какому-нибудь полезному для нихъ шагу,—вотъ необходимое заключеніе, какое можетъ сдѣлать изслѣдователь, разсматривая предложеніе.

Отвергнувъ намѣреніе и желаніе Балашева и Армфельда участвовать въ управленіи, разсмотримъ теперь это событіе, какъ ловушку.

Принадлежитъ ли она только Армфельду и Балашеву, или они дѣйствовали по плану заранѣе составленному, и можетъ-быть *застрахованному*?

Допустимъ сначала первый случай. Какъ они могли разсуждать, ставя ловушку?

Вотъ три единственныя возможности:

Услышавъ наше предложеніе, Сперанскій или согласится, или откажется и донесетъ, или откажется и смолчитъ.

Если онъ согласится, мы будемъ имѣть явную на него улику.

Если онъ откажется и донесетъ, мы будемъ оправдываться добрымъ намѣреніемъ испытать его, и провинимся только въ неудачномъ выстрѣлѣ. Сперанскій догадался.

А можетъ-быть Сперанскій не донесетъ. Тогда мы будемъ имѣть доказательство его неискренности, и донесемъ на него сами: мы предложили-де вотъ что̀, и онъ отказался, но смолчалъ. Слѣдовательно, случатся предложенія другія, пріятнѣе и выгоднѣе для него: онъ смолчитъ и приметъ. Слѣдовательно онъ чего-то хочетъ, кромѣ Вашей полной довѣренности.

Дальше предположенія простираться не могутъ; но нельзя не согласиться, разсмотрѣвъ ихъ внимательно, что *всѣ* они были бы основаны на пескѣ.

Должно быть очень дерзку, чтобъ идти съ такимъ доносомъ къ Государю на его

*

любимца, и очень легковѣрну, чтобъ надѣяться на успѣхъ, если онъ не застрахованъ заранѣе. Чѣмъ они могли-бы доказать свой доносъ? Почему-бы они узнали, что доносъ Государю неизвѣстенъ? Въ какой просакъ попали бы доносчики!

И что́-же они донесли-бы Государю: мы сдѣлали Сперанскому преступное предложеніе, а онъ отказался. Что́ же изъ этого слѣдуетъ?

Государь, самый снисходительный въ отношеніи къ доносчикамъ, и самый подозрительный въ отношеніи къ своему наперснику, взглянувъ съ презрѣніемъ на доносителей, сказалъ бы Сперанскому: Вотъ что о тебѣ говорятъ. Почему ты меня не предупредилъ?

—Я не считалъ нужнымъ и достойнымъ вниманія Вашего Императорскаго Величества занимать Васъ, среди такихъ великихъ и важныхъ дѣлъ, подобными дрязгами. Какой тріумвиратъ могу я составить съ Балашевымъ и Армфельдомъ? Я хотѣлъ разузнать дѣло яснѣе и подробнѣе, а между тѣмъ принималъ мѣры, чтобы злоумышленники не могли причинить никакого вреда.—Вотъ и все.

А еслибъ еще Сперанскій донесъ прямо объ ихъ злоумышленіи? Тогда съ чѣмъ остались бы Балашевъ и Армфельдъ? Могли они опасаться такого оборота или нѣтъ?

Приписывая, наконецъ, свой планъ Сперанскому, какъ же они не боялись очной ставки?

При томъ, рѣшаясь лгать и выдумывать, они могли безъ всякаго повода сказать, что́ имъ угодно.

Почему однакожъ, спросимъ мимоходомъ, Сперанскій дѣйствительно не донесъ Государю о полученномъ предложеніи, если оно было; какъ онъ не увидалъ и не понялъ, что это ловушка, чья бы то ни была, и что ему слѣдуетъ усугубить свою осторожность?

«Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе», говоритъ баронъ Корфъ, «но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или можетъ-быть по другому тонкому чувству, умолчать о томъ передъ Государемъ. Благородное его отвращеніе отъ доноса было въ этомъ случаѣ непростительною политическою ошибкою противъ самого себя. Кабинетный труженикъ, занятый болѣе дѣлами, нежели людьми, не разглядѣлъ, при всей своей прозорливости, разставленной ему сѣти; не подумалъ, что противъ такихъ замысловъ, мало одного презрѣнія. Если честь и высшее чувство не позволили ему согласиться на дерзкое предложеніе, то самосохраненіе требовало огласить его».

Авторъ называетъ это умолчаніе политической ошибкой.

Не называя заговорщиковъ по именамъ, охранивъ ихъ такъ или иначе отъ всякаго по этому поводу вреда, Сперанскій могъ, правда, вообще предупредить Государя о возможности подобныхъ заговоровъ, на что́ впослѣдствіи и можно бы сослаться.

Чужая душа — потемки; можетъ-быть Сперанскій, *если дѣло было такъ*, хотѣлъ имѣть въ своихъ рукахъ лишнее орудіе на будущее время, на всякій случай владѣть судьбою сильныхъ лицъ; можетъ-быть онъ не хотѣлъ произвести лишняго шума, пріобрѣсти новыхъ враговъ, произвести новыя затрудненія. Мудрено рѣшить, почему смолчалъ Сперанскій. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ: когда сдѣлано было предложеніе, и когда учиненъ доносъ? Можетъ-быть, промежутокъ такъ малъ, что Сперанскій не успѣлъ еще обдумать своего образа дѣйствій.

Не сюда ли относится слѣдующій отзывъ. Сперанскій въ откровенномъ разго-

ворѣ съ княземъ Грузинскимъ, въ Нижнемъ, сказалъ, что Балашевъ упредилъ это происшествіе (ссылку) двумя недѣлями, а то послѣдовало бы тоже съ нимъ, что̀ случилось со Сперанскимъ. (Т. II, с. 55).

Былъ изъ Нижняго и другой доносъ: у архіерея Сперанскій сказалъ тоже самое, только приписывалъ Балашеву ускореніе двумя часами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что нельзя придавать большое значеніе этимъ словамъ Сперанскаго, еслибы они даже и были произнесены: можетъ-быть, они принадлежатъ минутному увлеченію въ потокѣ рѣчи; можетъ-быть, совпали случайно съ обстоятельствами, какъ бываетъ иногда къ удивленію наблюдателя или изслѣдователя.

Какъ бы то ни было, Армфельдъ и Балашевъ донесли Государю, что Сперанскій предложилъ имъ составить тріумвиратъ и управлять государствомъ помимо Государя.

Вѣдь такъ надо понимать слова, а иначе и нельзя: «Промолчавъ, Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность въ отношеніи къ его Благодѣтелю» (с. 8).

Станемъ продолжать разсужденіе. Какъ Государь долженъ былъ принять нелѣпый доносъ? Государю должно-бы показаться невѣроятнымъ, чтобъ Сперанскій захотѣлъ раздѣлять свою власть съ Балашевымъ и Армфельдомъ, которою онъ пользовался одинъ исключительно. Государь, зная ихъ всѣхъ, минуту не могъ подумать, чтобъ Сперанскій нуждался, для чего бы то ни было, въ союзѣ съ Балашевымъ и Армфельдомъ.

Но ничего этого не случилось. Государь не только смолчалъ, не только не удивился, не только не спросилъ доказательствъ, не объяснился съ обвинителями, но принялъ будто доносъ основаніемъ своихъ дѣйствій и предлогомъ наказанію Сперанскаго. Даже впослѣдствіи, когда невинность, такъ называемая, доказалась, судя по письмамъ самого Государя, не призывались они ни къ какимъ объясненіямъ, и не подверглись никакой отвѣтственности.

Значитъ, Государь ожидалъ этого или *какого-нибудь* доноса; значитъ, Армфельдъ и Балашевъ были только орудіями, и дѣйствовали только какъ agents-provocateurs. Значитъ, они были застрахованы.

Потому-то они осмѣливались предлагать Сперанскому, потому-то осмѣливались донести Государю навыворотъ, и потому-то остались впослѣдствіи безъ наказанія, какъ и теперь; впрочемъ безъ особой награды.

Участь Сперанскаго была рѣшена прежде этого случая, а для исполненія рѣшенія пріискивался только предлогъ какой-нибудь, который, волей-не волею, а пуще своей охотою, доставляли теперь такъ названные у автора заговорщики, а въ самомъ дѣлѣ только покорные слуги, исполнители-аматёры, участвовавшіе прежде въ хорѣ, а теперь сыгравшіе соло.

Противъ такого заранѣе положеннаго рѣшенія можно сказать, что по письму Паррота оно оказывается внезапнымъ: «Въ минуту, когда вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго», пишетъ онъ, «я видѣлъ васъ въ первомъ пылу страсти, и надѣюсь, что теперь вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его» (стр. 13).

Стремительность была не въ характерѣ Александра. Не можетъ быть, чтобы онъ послушался перваго движенія и вдругъ назначилъ смерть или ссылку человѣку, который столь долго пользовался неограниченною его довѣренностію, зналъ сокро

венныя его мысли и принималъ главное участіе въ управленіи государства. Добрый Нѣмецъ принялъ обыкновенное выраженіе («за это разстрѣлять надо»), составляющее общее мѣсто, въ точномъ смыслѣ, и написалъ совѣтовательное письмо

На другой день Александръ сказалъ князю Голицыну: «Ты разберешь бумаги Сперанскаго, но въ нихъ ты не найдешь ничего—онъ не измѣнникъ». Спрашивается, какъ же такой отзывъ согласить съ разсказомъ Паррота? «Измѣна» и разстройство были только слова, о коихъ мы будемъ говорить ниже [14]).

Принимая записку за документъ, мы должны полагать, что Балашевъ и Армфельдъ явились къ Сперанскому съ подвохомъ, застрахованные, и представили Государю поводъ усомниться въ искренности своего любимца.

Но недостатокъ въ искренности, который можно бы объяснить многоразлично, не есть еще уголовное преступленіе, достойное внезапной ссылки.

Далѣе, объ этомъ доносѣ Балашева и Армфельда Государь не упомянулъ Сперанскому даже вскользь, намекомъ, во время послѣдняго свиданія, продолжавшагося слишкомъ два часа. Еслибъ онъ упомянулъ, то вѣрно и Сперанскій коснулся бы его въ отвѣтномъ оправдательномъ своемъ письмѣ изъ Перми. Если же онъ тогда не упомянулъ, такъ зачѣмъ же и нуженъ былъ предлогъ именно этотъ?.

Еслибъ Сперанскій былъ сосланъ по этому доносу, то какимъ образомъ попалъ въ ссылку Магницкій, въ немъ не упоминаемый?

Осмѣливаюсь заключить, что доноса Балашева и Армфельда не могло быть въ томъ видѣ, въ какомъ представляется въ книгѣ, и (главное) что *не доносъ былъ причиною ссылки*.

Собственноручная записка Сперанскаго, на которую ссылается баронъ Корфъ (желательно было бы прочесть ее вполнѣ), должна имѣть какой-нибудь другой смыслъ, относиться къ иному времени, и не играть главной роли въ ссылкѣ Сперанскаго.

Это положеніе подтверждается слѣдующими показаніями г. де Санглена, извлеченными изъ его разбросанныхъ по мѣстамъ замѣчаній. Я привожу ихъ собственными его словами.

«Балашевъ и Армфельдъ были заклятые враги между собою. Никогда и нигдѣ не являлись они вмѣстѣ. Армфельдъ говорилъ о Балашевѣ: Comment a t'on pu faire d'un lieutenant de police un ministre, un homme d'état? C'est abominable!» (Какъ можно было изъ полицейскаго чиновника сдѣлать министра, государственнаго человѣка? Это ни на что не похоже). «Et cette betasse de ministre de police» (см. ниже) «Армфельдъ зналъ, что послѣднему ничего довѣрять нельзя, какъ Фуше, тоже министру полиціи. Вмѣстѣ у нихъ никакого предпріятія быть не могло, а еще менѣе сдѣлать такое неосторожное предложеніе Сперанскому».

«Этого предложенія не было; еслибъ было, то во всемъ былъ бы и Армфельдъ, и отъ меня сокрыться не могло» [15]).

[14]) Г. де Сангленъ замѣчаетъ: «Про Паррота Государь говорилъ: «эти ученые все видятъ косо, и въ цѣль не попадаютъ, и съ жизнію мало знакомы, хотя онъ человѣкъ свѣтскій». То есть Парротъ приведенъ былъ въ заблужденіе какъ всѣ.

[15]) Вообще видно, что де-Сангленъ былъ въ тѣсной связи съ Армфельдомъ и противъ Балашева. Армфельдъ указалъ на него Государю, какъ на человѣка способнаго исполнять важныя его порученія. «Армфельдъ и Варнегъ часто пріѣзжали ко мнѣ, а я къ нимъ».

«Но была у Армфельда и Балашева точка соединенія: ненависть къ Сперанскому».

«Армельдъ былъ друженъ съ chevalier de Varnegue, тайнымъ посланникомъ Людовика XVIII, стоялъ за Бурбоновъ, и подстрекалъ къ войнѣ съ Наполеономъ (а Сперанскій былъ противъ)».

«Армфельду мѣшалъ Сперанскій въ управленіи Финляндіи».

«Армфельдъ и Балашевъ не знали ничего одинъ противъ другаго, кромѣ того, что Армфельдъ былъ за Бурбоновъ съ Варнегомъ, а Балашевъ, въ угодность Государю, былъ противъ Сперанскаго.»

И такъ, повторяю, не мнимое Армфельдо-Балашевское предложеніе Сперанскому — ими яко бы умолчанное, было причиною его ссылки, *а что-нибудь другое.*

IV.

Была партія сильная, многочисленная, составленная изъ разныхъ элементовъ, противъ Сперанскаго.

Народу были тяжелы новые налоги.

Миръ чиновническій озлился за прекращеніе пути по службѣ безъ экзаменовъ. (Ребенкомъ я слышалъ самъ эти жалобы между знакомыми моего отца.)

Знатные жаловались на униженіе камеръ-юнкерства и камергерства.

Министры — на осужденіе играть страдательную роль.

Вельможи ненавидѣли поповича-выскочку за то, что онъ взялъ надъ всѣми преимущество.

(Мнѣ случилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, провожать покойнаго Иннокентія изъ Москвы до Всесвятскаго. Впереди ѣхалъ въ каретѣ онъ съ архимандритомъ Донскимъ Өеофаномъ. За нимъ я въ коляскѣ съ однимъ родовымъ княземъ. Мы разговорились о Сперанскомъ. «Вотъ онъ!» сказалъ мой спутникъ, указывая на служку, трясшагося на запяткахъ за архіерейской каретой. Надо было слышать, сколько заключалось злости и презрѣнія въ этомъ односложномъ восклицаніи: вотъ онъ! Ну—еслибъ князь, мой спутникъ, взглянулъ тогда и на меня, то увидѣлъ бы на моемъ лицѣ также не совсѣмъ пріятное для себя выраженіе).

Къ числу враговъ Сперанскаго присоединимъ охранительную часть общества, которая боится всякихъ нововведеній и не имѣетъ довѣрія ни къ какимъ перемѣнамъ, и наконецъ, то упомянутое нами выше тайное (по выраженію Шатобріана) общество бездарностей и посредственностей, которое, по какому-то непонятному чутью, узнаетъ людей талантливыхъ, и соединенными силами стремится уничтожить ихъ вліяніе и значеніе. А адское исчадіе, клевета, въ медоточивыхъ устахъ донъ-Базилей!

Сперанскій ведетъ отечество къ погибели. Надо отстранить его отъ Государя, во что бы то ни стало.

Опасное состояніе финансовъ, приверженность Сперанскаго къ Наполеону и Французамъ, общее неудовольствіе, открывали партіи широкое поле и обильную пищу.

Въ толпѣ недовольныхъ находились личности разныхъ родовъ, были и примѣчательныя по своему характеру, званію, уму, благонамѣренности, любви къ отечеству. Довольно назвать В. К. Екатерину Павловну [16]), Ростопчина, Карамзина, убѣжденныхъ искренно, если и несправедливо, во вредномъ вліяніи Сперанскаго.

---

[16]) Г. де Сангленъ говоритъ, что ея ненависти къ Сперанскому онъ имѣлъ доказательства.

Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ говоритъ: отъ чего доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душею сего тѣла былъ *тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ*.

Кого имѣлъ онъ въ виду? Неужели Аракчеева? Едва ли. Письма Сперанскаго не могли миновать рукъ Аракчеева, и невѣроятно, чтобъ онъ въ просительномъ и оправдательномъ письмѣ помѣстилъ обвиненіе всесильнаго временщика, который могъ парализовать дѣйствіе самаго письма. Г. де-Сангленъ думаетъ, что Сперанскій разумѣлъ здѣсь Балашева.

Аракчеевъ, впрочемъ, вѣрно принадлежалъ къ числу личныхъ противниковъ Сперанскаго, видя въ немъ себѣ соперника, раздѣляющаго благоволеніе Государево, если не болѣе.

Вспомнимъ, какъ онъ впослѣдствіи попрекалъ Сперанскаго: «Я любилъ васъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата» (Т. II. с. 159).

«На нашего брата» въ устахъ Аракчеева значило много.

Аракчеевъ вѣрно не могъ простить, что даже многія предположенія по его части, военной, проходили чрезъ руки Сперанскаго. Аракчеевъ былъ въ бѣшенствѣ, когда дѣло объ учрежденіи Государственнаго Совѣта велось мимо его, и онъ долженъ былъ передавать Государю пакеты съ проэктами Сперанскаго отъ имени камердинера Мельникова, не зная, что̀ въ нихъ заключается (Т. II, с. 114).

Здѣсь слѣдуетъ говорить о Запискѣ Карамзина (о древней и новой исторіи), написанной имъ по просьбѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, которая познакомилась съ нимъ чрезъ графа Ростопчина. Ростопчинъ терпѣть не могъ Сперанскаго (ce miserable Speransky!).

Признаюсь, читая Записку въ первый разъ, я видѣлъ въ ней только Карамзина, и думалъ только о Карамзинѣ, удивленный его смѣлостію, въ благоговѣніи предъ его гражданскимъ мужествомъ, какъ могъ онъ, въ 1811 году, не представивъ еще своей Исторіи, имѣя нужду въ покровительствѣ, такъ откровенно осудить дѣйствующее правительство въ глаза Государю!

Г. Лонгиновъ, въ его обозрѣніи жизни Сперанскаго, говоритъ о партіи, коей Карамзинъ послужилъ орудіемъ, сдѣлавшись, такъ сказать, редакторомъ и излагателемъ собранныхъ и переданныхъ ему извнѣ мыслей.

Нѣтъ, Карамзинъ, изложивъ въ своемъ историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ на нѣсколькихъ страницахъ весь смыслъ ея гражданскихъ учрежденій (чему такъ удивлялся самъ министръ юстиціи Дмитріевъ) доказалъ еще прежде свою способность опознаваться въ самыхъ темныхъ пространствахъ, могъ и самъ по себѣ, одинъ, составить подобное мнѣніе тѣмъ болѣе, что онъ слѣдилъ внимательно за ходомъ дѣлъ, что̀ видно изъ писемъ его къ Дмитріеву. Впрочемъ мнѣнія близкихъ къ нему людей безпрестанно слышанныя о преобразованіяхъ Сперанскаго могли разумѣется, имѣть на него вліяніе.

Мудрено, чтобъ Карамзинъ, въ самомъ разгарѣ своихъ трудовъ историческихъ, рѣшился отвлечься отъ исторіи только для удовлетворенія любопытства Великой Княгини. Сильный эпиграфъ (нѣсть льсти въ языцѣ моемъ), торжественное заключеніе (любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно, возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ Царя и Царство

Россійское), обширное историческое введеніе, показываютъ ясно, что Записка предназначалась для Государя.

Карамзинъ, увлеченный народною молвою, соблазненный галицизмами новыхъ законовъ, устрашенный опасностію отечества, не зная вполнѣ всѣхъ задуманныхъ преобразованій, раздѣляя мнѣніе достойныхъ, опытныхъ людей государственныхъ, которыхъ издавна привыкъ онъ уважать, оставилъ на время свою Исторію, и написалъ Записку. Смиренный труженикъ не подозрѣвалъ, въ правотѣ своего сердца, что онъ работаетъ для иной цѣли, менѣе высокой, чѣмъ какую предполагалъ онъ.

А можетъ-быть и Карамзинская Записка истекала отчасти изъ того источника, пожалуй очень благороднаго, который руководствовалъ и дѣйствіями Сперанскаго—тайнаго для него самого желанія дѣйствовать непосредственно на политическомъ поприщѣ. Изъ словъ его въ письмѣ къ графу Каподистріи можно заключить, что мысли этого рода не совсѣмъ были для него чужды.

Записка была представлена послѣ перваго чтенія отрывковъ изъ Исторіи въ Твери, которое должно было очаровать Государя, осыпавшаго автора знаками своего уваженія и благоволенія.

Государь прочелъ впрочемъ Записку съ великимъ неудовольствіемъ, какъ я слышалъ отъ И. И. Дмитріева, князя Вяземскаго, графа Блудова,—къ прискорбію автора, выразившаго свое удивленіе передъ высокой хозяйкою, которая не находила словъ, какъ успокоить его.

Здѣсь долженъ я привести обстоятельства, слышанныя мною давно отъ графа Блудова и оставленныя мною сначала совершенно безъ связи съ исторіею Сперанскаго, безъ связи, которая однакоже, какъ теперь я заключаю, непремѣнно между ними существуетъ.

О Запискѣ Карамзина, въ продолженіи его жизни, никто не зналъ, ни друзья, ни родные (такъ велика была его скромность), никто не зналъ и по его смерти: она нашлась будто чрезъ 25 л. въ бумагахъ Аракчеева въ Грузинѣ и, подъ строгою тайною (даже безъ наименованія Аракчеева и Грузина), сообщена Арсеньевымъ, разбиравшимъ бумаги Аракчеева, графу Блудову, который такимъ образомъ узналъ объ ней первый послѣ обрѣтателя.

Значитъ, Александръ изъ Твери, въ Мартѣ 1811 г., привезъ записку къ Аракчееву въ Грузино, и здѣсь можетъ быть она была прочтена вторично и обсуждена. Нечего говорить, съ какимъ тайнымъ удовольствіемъ прослушалъ ее Аракчеевъ (источникъ покровительства Исторіи Государства Россійскаго), и съ какимъ доброжелательствомъ говорилъ въ пользу своего могущественнаго соперника, отъ котораго вожделѣнная власть давалась окончательно ему теперь, какъ сонъ въ руку [17]).

Неудовольствіе вѣрно возникло прежде, но теперь и довѣренность поколебалась. Вспомнимъ характеръ Александровъ. Получился новый уголъ зрѣнія на дѣйствія и слова Сперанскаго! Взяло раздумье: не правда ли это? Чуткіе царедворцы услышали тотчасъ, откуда повѣялъ вѣтеръ,

---

[17]) Нынѣ это соображеніе опровергается новыми свѣдѣніями, если впрочемъ они вѣрны.

Государь изъ Твери не заѣзжалъ въ Грузино, какъ видно по календарнымъ отмѣткамъ графа Аракчеева, напечатаннымъ въ Р. Архивѣ 1866, но онъ могъ посылать Записку къ гр. Аракчееву изъ Петербурга въ Грузино. Всѣ мои поиски и поиски К. С. Сербиновича о Запискѣ остаются до сихъ поръ тщетны. М. П.—Нынѣ отысканъ подлинникъ съ надписью В. Кн. Екатерины Павловны: A mon frère seul. П. Б.

уши повернули и принялись работать, разработывать съ новымъ рвеніемъ данныя обстоятельства. Общественное мнѣніе доставляло безпрестанно свѣжіе поводы, капало по каплѣ, и камень продолбился.

Оправданіе моего предположенія находится еще въ словахъ барона Корфа:

«Пожалованный въ тайные совѣтники еще 30 Августа 1809 г., назначенный 1 Января 1810 г. государственнымъ секретаремъ, наконецъ награжденный 1 Января 1812 г., всего послѣ 15-лѣтней службы, орд. Св. Александра Невскаго, Сперанскій, казалось, навсегда утвердился на той высотѣ, на которую подняло его колесо счастія. Сила министровъ уступала силѣ государственнаго секретаря. Но умы болѣе наблюдательные и болѣе близкіе къ центру событій провидѣли... особливо же въ характерѣ лицъ, тогда дѣйствовавшихъ, признаки непрочности положенія Государева любимца, замѣчали, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Тарпейская скала близко отъ Капитолія, думали тѣ изъ нихъ, которые знали Исторію» (т. II. с. I.).

Любопытно было бы узнать, кто именно были эти прозорливцы, близкіе къ центру событій, и на чемъ тогда основывали они свои догадки?

Кажется, и Сперанскій увидѣлъ свое шаткое положеніе, замѣтилъ тучи, сбиравшіяся надъ его головой и, par un coup de maître, придумалъ охранить себя отъ грозы, устроивъ такъ громоотводъ.

Изобразивъ отношенія свои къ Русскому обществу въ отчетѣ, представленномъ въ Февралѣ 1811 года, Сперанскій въ заключеніи проситъ:

«Отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла Финляндскія, оставить меня при одной должности директора коммиссіи. 1) Зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а Ваше Величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ нареканій. Симъ приведенъ я буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно Вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести на память тотъ девизъ, который нѣкогда Вамъ понравился: «J'ai desiré de faire du bien; mais je n'ai pas desiré de faire du bruit, parce que j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit. 2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ вышеизображенныхъ, безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды Ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ».

Разберемъ и изслѣдуемъ теперь всѣ обвиненія, которыя партія пустила въ ходъ, посредствомъ которыхъ надѣялась низвергнуть Сперанскаго, — и успѣла въ томъ предъ Государемъ.

Правленіе идетъ дурно, всѣ новыя мѣры оказываются неудачными.

Но Государь самъ принималъ непосредственное участіе во всемъ, что̀ было дѣлано по управленію, и раздѣлялъ такъ-сказать вину Сперанскаго, если вина есть въ ошибкахъ, всегда неизбѣжныхъ. Сперанскій причинялъ, положимъ, вредъ, но неумышленно.

Мы ошибались, могъ порѣшить И. Александръ, такъ нельзя вести дѣла, оставимъ продолженіе до другихъ обстоятельствъ благопріятнѣйшихъ; теперь надо заняться удовлетвореніемъ текущихъ потребностей: вотъ какое рѣшеніе могло послѣдовать на это обвиненіе, не болѣе. Государь могъ отставить государственнаго секретаря, лишить своего довѣрія, вознегодовать на него, или препоручить ему отдѣльную часть, напримѣръ коммисію составленія законовъ, какъ тотъ и самъ просилъ прежде.

Подобное рѣшеніе не удовлетворяло партіи, которая всегда должна была опасаться, чтобъ Государь вновь не подчинился обаяніямъ Сперанскаго, и не повѣрилъ когда-нибудь его побѣдоносному оправданію. Надо было довести ихъ до совершеннаго раздѣленія.

Распространено обвиненіе въ измѣнѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ.

Существованіе этого обвиненія свидѣтельствуется письмомъ Паррота, гдѣ сказано именно: «Вы вчера довѣрили мнѣ скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго.»

Въ письмѣ Ростопчина къ Государю говорится прямо объ его козняхъ, въ пользу Наполеона, даже въ ссылкѣ.

По возвращеніи изъ ссылки, однажды, въ дневникѣ Сперанскаго записано: «Пространный разговоръ (съ Государемъ) о прошедшемъ. Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ.»

Въ низшемъ обществѣ это мнѣніе было распространено, и я самъ, бывъ ребенкомъ, слыхалъ часто объ измѣнѣ Сперанскаго. Московскіе купцы сбирались убить его на ярмаркѣ въ Нижнемъ, какъ предувѣдомлялъ Ростопчинъ тамошняго губернатора. Въ Перми Сперанскому не давали прохода прозвищемъ измѣнника, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ.

Что̀ могло подать поводъ къ этому обвиненію?

Сперанскій принадлежалъ къ числу жаркихъ почитателей Наполеона, котораго онъ увидѣлъ лицемъ къ лицу въ Эрфуртѣ, и отъ котораго получилъ, можетъ быть, знаки вниманія и уваженія, разумѣется слишкомъ лестные.

И кто же изъ умныхъ, передовыхъ людей того времени не раздѣлялъ его удивленія къ герою Альпъ, Египта, Маренго, 18 брюмера, конкордата, гражданскаго кодекса? Кто не подчинялся его генію? Кто не прельщался его славою? Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, принадлежалъ къ числу безусловныхъ его поклонниковъ.

На своей высотѣ Наполеонъ и Сперанскій не подали ль другъ другу руку?

Однакоже нигдѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда объ ихъ связи, и въ книгѣ барона Корфа нѣтъ ничего о непосредственныхъ отношеніяхъ Сперанскаго къ Наполеону; мы не узнаёмъ даже, какого мнѣнія былъ Сперанскій о союзѣ именно Россіи съ Наполеономъ.

За такую мысль, если была она, замѣтимъ мимоходомъ, мудрено осудить Сперанскаго: ею доказывалась бы преимущественно его государственная прозорливость, хотя тогда, разумѣется, она могла бросить неопредѣленную тѣнь на него. Условія, предложенныя Наполеономъ I, вѣрно были бы легче условій Наполеона III подъ Севастополемъ. И еслибъ приняты были первыя, то судьбы Европейскія былибъ иныя, Севастополь вѣрно красовался бъ на берегахъ Чернаго моря, и двѣ страшныя войны не облили бъ кровью Европы. Но на верху видно было написано иначе.

Въ Пермскомъ письмѣ есть темное мѣсто, которое сюда относится, и почему-то не приводится въ книгѣ барона Корфа; вотъ оно:

«Сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

«Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать, въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать

Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; *вашею тайною, а не своею, я связанъ*; слѣдовательно Вамъ и разорвать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; *но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною*»?

Не сносился ли Сперанскій съ Наполеономъ отъ своего имени, но по тайному приказанію Александра [18])?

Какъ бы то ни было, мы не знаемъ навѣрное, былъ ли Сперанскій за войну или противъ нея [19]).

Обвиненіе, соприкосновенное съ измѣною, состояло еще въ намѣреніи Сперанскаго разстроить дѣла въ Россіи, чтобъ облегчить успѣхъ Наполеону.

Графъ Ростопчинъ именно въ этомъ смыслѣ писалъ къ Государю: J'ai envoyé, Sire, au comte Tolstoy des avis sur ce misérable Speransky. Il fait agir Stolipine et Zlobine dans les gouvernements de Penza et de Saratow. Et il est fortement question d'affaiblir le zèle par la crainte. Mais il faut y remédier au plus vite et empêcher l'effet des desseins pernicieux que l'on trame contre Vous. (Т. II, с. 66).

Самъ Государь, вслѣдствіе Нижегородскаго донесенія о благопріятныхъ отзывахъ Сперанскаго, на завтракѣ у архіерея, касательно отношеній Наполеона къ духовенству, писалъ: «Если оно справедливо, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ, и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе» (Т. II, с. 67).

Нелѣпость этого обвиненія теперь очевидна: съ какою цѣлію Сперанскій сталъ бы производить безпорядокъ въ Россіи, въ угоду Наполеону? [20]).

Онъ былъ подкупленъ за золото, но золота, не говоря о прочемъ, у Сперанскаго ни при жизни, ни по смерти не оказалось. Сперанскій, извѣстно, былъ не корыстолюбивъ, и могъ всегда отъ И. Александра, или отъ какихъ угодно оборотовъ, получать все съ избыткомъ [21]).

Нѣтъ, самъ И. Александръ не считалъ его измѣнникомъ: на другой день послѣ ссылки онъ сказалъ, какъ было приведено выше, князю Голицыну: «ты разберешь его бумаги, но въ нихъ ничего не найдется— онъ не измѣнникъ».

Въ 1820 году онъ сказалъ Васильчикову: «никогда не вѣрилъ я въ взведенную на него измѣну».

Новосильцеву: «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ».

Наконецъ въ рескриптѣ по поводу назначенія Сперанскаго Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, порѣшены окончательно эти обвиненія словами Государя:

---

[18]) Покойный Соболевскій слышалъ нѣсколько разъ отъ А. И. Тургенева, что Сперанскій по приказанію Государя имѣлъ сношенія съ Наполеономъ чрезъ нѣсколько посредствующихъ лицъ. Къ этому замѣчанію въ черновой моей тетради приписаны слѣдующія слова, которыхъ я самъ теперь понять не могу: «въ одномъ случаѣ Сперанскій ускорялъ сношенія, пропускомъ нѣкоторыхъ формъ, чрезъ что объяснился механизмъ дѣйствій, и Государь очень прогнѣвался».

[19]) Теперь извѣстно, что Сперанскій былъ противъ войны съ Наполеономъ. См. ниже.

[20]) Это мнѣніе основано было на неудачныхъ (повидимому) учрежденіяхъ Сперанскаго. Де-Санглен ъ.

[21]) Г. Де-Сангленъ замѣчаетъ: «Когда злоба и клевета не знаютъ, чѣмъ уязвить сильнѣе врага, тогда прибѣгаютъ къ золоту или подкупу. Такъ было и съ Барклаемъ, когда донесли N. N. и Z. Z., что онъ за сдачу Смоленска получилъ отъ Наполеона бочку золота. Это всегда такъ было въ Россіи. И я богатъ, живя въ бѣдности!»

«я хотѣлъ дать вамъ случай доказать ясно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ».

Поговоримъ еще объ мнимо умышленномъ разстройствѣ дѣлъ. Не хотѣлъ ли Сперанскій произвесть революцію?

Но ему нужна бъ была партія, а партіи у него никакой не было, кромѣ Цейсра въ Петербургѣ, Столыпина въ Пензѣ и Злобина въ Саратовѣ. Плохіе революціонеры! И для чего ему была нужна революція? Чтобъ ограничить самодержавную власть? Но самъ Александръ готовъ былъ ее ограничить, сколько можемъ мы судить изъ извѣстій выше уже переданныхъ нами изъ книги барона Корфа и подтвержденныхъ теперь Записками графа П. А. Строгонова. Съ Александромъ Сперанскій приближался къ достиженію своей высокой цѣли, къ совершенію своего идеала—чего желать ему было болѣе? Ни Наполеонъ, ни революція, никакая война, не могли удовлетворить его столько.

Сперанскій, говорили, осуждалъ правительство.

Новая нелѣпость: это значило бы осуждать самого себя, потому что онъ былъ душею правительства и принималъ главное участіе въ правленіи. Это есть nonsens. Сперанскій могъ отзываться невыгодно о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ, о нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, но подобные отзывы принадлежатъ къ общимъ мѣстамъ, во всякое время, раздѣлялись и публикою, и Государемъ, и никому не могли быть вмѣнены въ вину, тѣмъ менѣе уголовную.

Наконецъ, есть еще причина, по коей могъ быть сосланъ Сперанскій: угожденіе общественному мнѣнію, сильно возбужденному противъ Сперанскаго. Нужно было занять вниманіе публики и дать грозный примѣръ, устрашить возможныхъ злоумышленниковъ. Точно такъ разсуждалось послѣ и въ Москвѣ (Верещагинъ—купчишка, эка важность!).

Эта причина очень уважительна, хоть и не очень благородна и человѣчна, и Сперанскій могъ быть, положимъ, на ту пору принесенъ въ жертву. Допустимъ даже, что и всѣ прочія обвиненія, опровerженныя побѣдоносно въ Пермскомъ письмѣ (измѣна и тому подобн.), отстраняемыя теперь окончательно, представлялись публикѣ правдоподобными, вѣроятными въ тѣ критическія минуты, кои переживала тогда Россія, и могли получить даже нѣкоторую степень довѣренности въ глазахъ правительства, самого И. Александра, благодаря постояннымъ навѣтамъ заговорщиковъ, донъ-Базилей и враговъ Сперанскаго, благонамѣренныхъ и злонамѣренныхъ, вмѣстѣ съ глухими и настоятельными требованіями публики, приведенной въ заблужденіе разными двусмысленными явленіями. Положимъ, И. Александръ, дѣйствительно скрѣпя сердце, уступилъ настоятельнымъ требованіямъ минуты, какъ онѣ ему тогда слышались, заподозрилъ своего любимца (это все еще естественно и возможно) то есть, мы примемъ слова Пензенскаго рескрипта въ полномъ ихъ смыслѣ:

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ въ армію, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ». (Т. II, с. 119).

Въ этомъ же смыслѣ Государь говорилъ Васильчикову въ 1820 году: «Сила тогдашнихъ обстоятельствъ, которой я не могъ противостоять, заставила меня съ нимъ разстаться» (с. 26).

Повѣримъ всѣмъ этимъ выраженіямъ: И. Александръ принужденъ былъ согласиться на ссылку Сперанскаго; враждебныя донесенія поддерживали его долго въ несчастномъ заблужденіи.

Но *послѣ*-то, когда кончилась война, когда онъ сталъ на высочайшую степень славы, когда вся Европа надѣла на него вѣнокъ освободителя, и единодушно признала себя обязанною за дарованіе ей мира, когда нечего было опасаться ему ни дома, ни за границею, когда онъ имѣлъ все время и всѣ средства удостовѣриться въ истинѣ, тогда-то почему онъ не вспомнилъ о своемъ сотрудникѣ и наперсникѣ, съ которымъ лѣтъ пять находился въ ближайшихъ сношеніяхъ и раздѣлялъ всѣ мысли, который пострадалъ невинно и перенесъ такую ужасную пытку, — мученикъ въ полномъ смыслѣ слова? Кажется И. Александру должно бы быть больно, при мысли о сдѣланномъ имъ наказаніи, когда всѣ вышеупомянутыя обвиненія оказались вполнѣ несостоятельными и ничтожными. Естественно было бы ему постараться объ изглажденіи полученныхъ огорченій Сперанскаго, о вознагражденіи его за претерпѣнныя страданія, о приближеніи къ своей особѣ и объ употребленіи въ дѣло признанныхъ способностей на пользу отечества.

Ничуть не бывало. И. Александръ не только не призвалъ Сперанскаго съ знаками прискорбія, не поцѣловалъ отъ души, въ услажденіе претерпѣнной горечи, не только не объяснился откровенно, но даже и не вспомнилъ о немъ. Вѣроятно были у него на то другія важныя причины.

По неотступнымъ просьбамъ назначено ему умѣренное содержаніе, потомъ позволено жить въ деревнѣ, подъ строгимъ присмотромъ, и уже только по милости Аракчеева принятъ онъ вновь на службу, опредѣленъ губернаторомъ въ Пензу. Потомъ Александръ задалъ ему Сибирскую многотрудную задачу, откладывалъ всѣми силами его тамъ пребываніе, наконецъ, по истощеніи всѣхъ предлоговъ, дозволилъ воротиться въ Петербургъ.

Когда Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государь еще не возвращался изъ Лайбаха. Его дожидались въ Царскомъ Селѣ Каподистрія, Ермоловъ, Закревскій. Они гуляли обыкновенно въ извѣстный часъ по саду. Къ нимъ присоединился и Сперанскій. Такъ продолжалось и по пріѣздѣ Государя; но чрезъ два дня Фрейлина Саблукова, съ императрициной половины, дала знать кому-то изъ нихъ, кажется Ермолову, что Государю неугодно ихъ общество съ Сперанскимъ, и общая прогулка прекратилась [22]).

Государь откладывалъ долго первое свиданіе, занялся съ нимъ послѣ новыми дѣлами, совершенно посторонними, заговорилъ чрезъ нѣсколько времени, и то вскользь, объ ужасной эпохѣ, какъ будто о ежедневномъ событіи, и даже не сослался на силу обстоятельствъ, наконецъ перестала почти съ нимъ видѣться, показалъ полное охлажденіе, умеръ не выразивъ ни малѣйшаго сочувствія, расположенія къ Сперанскому, что̀ оставилъ въ наслѣдство и своему преемнику.

---

[22]) Въ черновой моей тетради было сначала написано: «извѣстіе хотя не изъ первыхъ устъ, но отъ достовѣрныхъ свидѣтелей.» Но послѣ я слышалъ это, кажется, отъ самого Ермолова и графа Закревскаго.

Значитъ, Александръ, пославъ Сперанскаго въ ссылку, измѣнился совершенно въ своихъ чувствахъ къ нему, измѣнился такимъ образомъ, что возвращеніе прежнихъ отношеній оказалось невозможнымъ. Значитъ *совершенное опроверженіе* извѣстныхъ обвиненій было *недостаточно* для И. Александра, чтобъ возвратить прежнее благоволеніе Сперанскому. Значитъ, всѣ эти обвиненія были только предлогами для общества, для бюрократіи, а настоящія причины остались въ тайнѣ.

Еслибъ не было этихъ скрытыхъ причинъ, то И. Александръ никакъ не могъ бы дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ: неестественно предположить въ немъ такую продолжительную немилость.

Какія же это были причины, возвращаемся мы опять къ нашему неотступному вопросу. Изложилъ ли ихъ И. Александръ Сперанскому въ послѣднее свое свиданіе, продолжавшееся два часа?

Нѣтъ, не изложилъ, можно, кажется, сказать утвердительно, хоть объ этомъ свиданіи нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній: Сперанскій никогда, ни съ кѣмъ не говорилъ объ немъ, даже съ своею дочерью; но мы имѣемъ Пермское письмо, въ коемъ предлагаетъ онъ полное и обстоятельное оправданіе отъ всѣхъ обвиненій, на него возведенныхъ и ему извѣстныхъ. Тамъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что̀ выше было нами изложено и разобрано. Слѣдовательно, ничего другаго и не было сказано И. Александромъ. Еслибъ было что̀ сказано, такъ или иначе, то непремѣнно было бы упомянуто или намекнуто въ Пермскомъ письмѣ, коимъ Сперанскій хотѣлъ и надѣялся отразить всѣ удары, уничтожить всѣ навѣты, и оправдаться окончательно. Какъ бы тонко и нѣжно ни былъ сдѣланъ намекъ, Сперанскій догадался бъ, и также тонко и нѣжно отразилъ бы его, на что̀ былъ всегда такой мастеръ. Онъ объяснилъ бы иначе свое поведеніе, расположилъ бы другимъ образомъ свои доводы. Онъ сказалъ бы, напримѣръ, въ крайнемъ случаѣ: «простите, минули годы, я постарѣлъ, посѣдѣлъ, ослабъ. смотрю иначе на вещи, вижу свою вину. Дайте мнѣ средство заслужить прощеніе».

Еслибъ было еще что-нибудь за нимъ, сознаваемое имъ самимъ, или подозрѣваемое другими, переданное въ послѣднемъ разговорѣ: то, съ одной стороны, оно непремѣнно нашло бъ, и должно было найдти себѣ мѣсто въ окончательномъ оправданіи; съ другой стороны Сперанскій не могъ бы такъ рѣшительно утверждать свою невинность. Простая пословица: «знаетъ кошка, чье мясо съѣла» непремѣнно обнаружилась бы въ письмѣ.

Самая надежда, или даже увѣренность, долго его не покидавшая, возстать и занять прежнее мѣсто, показываетъ намъ, что онъ не зналъ никакихъ другихъ причинъ своего изгнанія, кромѣ выше собщенныхъ, кои всегда легко, казалось ему, уничтожить.

Значитъ, въ послѣднее свиданіе, И. Александръ удовольствовался общими мѣстами, благовидными и правдоподобными, о государственной необходимости, вслѣдствіе возбужденнаго общаго мнѣнія, о внушеніи страха, о поданіи примѣра, выраженіями коими занавѣшивались настоящія потаенныя причины, а ихъ видно поднять онъ не хотѣлъ изъ глубины своего сердца. Все говоренное говорено было только для формы: надо-жь было объясниться какъ-нибудь передъ Сперанскимъ, передъ

собою, передъ публикою, которой нужно было дать тему.

Такъ искусно сыгралъ свою роль въ этой Шекспировской сценѣ И. Александръ, что Сперанскій, несмотря на свою тонкость, не увидѣлъ бездны, которая *между ними разверзлась навсегда*, не прозрѣлъ скрытыхъ причинъ, и не догадался даже объ ихъ существованіи, удалился изъ государева кабинета, хотя съ прискорбіемъ, но и съ надеждою воротиться вскорѣ опять.

Отпустивъ Сперанскаго, чрезъ нѣсколько минутъ, И. Александръ еще отворилъ дверь въ комнату, гдѣ тотъ убиралъ свои бумаги, и сказалъ ему ласковымъ голосомъ: «Прощайте, Михаилъ Михайловичъ». Между тѣмъ Балашовъ съ де-Сангленомъ опечатывали его бумаги, и почтовая тройка, съ частнымъ приставомъ въ провожатыхъ, дожидалась у крыльца.

Поневолѣ припоминается свидѣтельство Тьера о дипломатическихъ способностяхъ И. Александра, обнаруженныхъ въ переговорахъ съ Лористономъ и Коленкуромъ, въ предводительствѣ Европою, послѣ войны 1812 года.

Итакъ Александръ не объяснилъ своихъ причинъ. Мы видимъ только по послѣдствіямъ (чего не видалъ въ эту минуту самъ Сперанскій) что Государь разстается съ нимъ окончательно.

Сперанскій опротивѣлъ,—за что?

Послѣ всѣхъ нашихъ поисковъ, отвѣта напрасно ожидать отъ исторіи, а развѣ отъ психологіи.

Не оскорбилъ ли сильно Сперанскій самолюбіе И. Александра, и не приписывалъ ли онъ себѣ славы всѣхъ проэктовъ и учрежденій? Не называлъ ли И. Александра послушнымъ орудіемъ, съ которымъ онъ можетъ дѣлать что хочетъ? Не давалъ ли онъ разумѣть какъ-нибудь это объ немъ мнѣніе? Но неужели Сперанскій такъ былъ неостороженъ, что могъ выразить когда-нибудь ясно свое мнѣніе объ И. Александрѣ, и дать врагамъ, все слышащимъ, такое сильное противъ себя оружіе?

На всякій часъ не остережешься, говоритъ пословица, и другая: на всякаго мудреца находитъ и простота.

Впрочемъ Сперанскій, по замѣчанію барона Корфа, былъ точно неостороженъ, и въ пылу увлеченія даже въ Нижнемъ, во время сылки, по свидѣтельству князя Грузинскаго, «нисколько не соображая, что на него взводится такое ужасное преступленіе, нимало не остерегался въ своихъ разговорахъ, и произносилъ иногда такія вещи, которыя, бывъ сказаны, вѣроятно безъ умысла, примѣнялись, однако, тотчасъ къ политическимъ происшествіямъ» (стр. 59). «Въ хорошую погоду онъ хаживалъ вмѣстѣ съ своими пріятелями по городу и окрестностямъ и, бывало, на возвышенномъ берегу рѣки долго останавливались разговаривая и не страшась свидѣтелей, только изъ далека слѣдившихъ за ихъ движеніями».

Я слышалъ еще о какомъ-то перехваченномъ письмѣ Сперанскаго, въ которомъ онъ увѣдомлялъ своего пріятеля объ отъѣздѣ Государя осматривать крѣпости...

До Карамзина доходилъ какой-то слухъ о нескромности Сперанскаго. Дмитріевъ отзывается въ этомъ же смыслѣ.

Въ обстоятельствахъ такого рода, въ какихъ находилися И. Александръ, Сперанскій, общество, не нужно бываетъ собственныхъ словъ, юридическихъ письменныхъ уликъ: довольно получить только мотивы, темы, способныя для варіацій, и дѣло охотниковъ-виртуозовъ, чтобъ произвести ими желанное дѣйствіе, нанести рѣшительный ударъ противнику. Очныхъ ста-

вокъ не предполагалось. Ни объясняться, ни оправдываться нельзя. Довольно было напустить чаду въ голову, туману въ глаза, и царедворцы самые ограниченные, самые тупые, самые пошлые, бываютъ мастера на это искусство,— единственный предметъ ихъ бдѣній, занятій, размышленій и безпрестанныхъ опытовъ. Изобрѣтательность ихъ удивительна, и всѣ Пинетти, Каліостро и Боско на свѣтѣ, должны поникнуть предъ ними головою: они улучатъ благопріятную минуту, они отыщутъ слабое мѣсто, они найдутъ чувствительную струну, и сдѣлаютъ что угодно.

И. Александръ, отъ природы недовѣрчивый, имѣлъ несчастіе подвергнуться этому обаянію. Разъ запало въ душу подозрѣніе, получились цвѣтные очки, и онъ сталъ смотрѣть иначе на предметъ, прислушиваться ко всякому слову. При такомъ настроеніи, невиннѣйшія выраженія, чистѣйшія дѣйствія подозрѣваемаго лица, представляются въ иномъ свѣтѣ, получаютъ новую условную форму; все кристаллизуется согласно внутреннему нашему желанію, и горе тѣмъ, кто составляетъ предметъ нашихъ наблюденій.

Къ этому прибавить должно, что И. Александръ, можетъ быть, самъ по себѣ, независимо отъ навѣтовъ, началъ тяготиться приближеніемъ своего секретаря; можетъ быть у него самаго возникла мысль избавиться отъ случившейся надъ нимъ опеки, которая въ глазахъ публики уменьшала его достоинство, и предоставляла низшее мѣсто, столько тяжелое для человѣческаго самолюбія, всегда щекотливаго и чувствительнаго; можетъ быть, наконецъ онъ самъ перемѣнилъ свой образъ мыслей, увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и не хотѣлъ имѣть долѣе при себѣ свидѣтеля противоположныхъ убѣжденій и стремленій [23]).

Въ такомъ расположеніи духа И. Александра, посторонніе навѣты и убѣжденія достойныхъ, искреннихъ, преданныхъ людей должны были производить еще большее дѣйствіе. Мнимое предательство, неблагодарность, возмущали душу.

Замѣтимъ, что графъ Ростопчинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Москву въ 1812 году. Это было неиначе, какъ по совѣту или указанію В. К. Екатерины Павловны, все изъ противной Сперанскому партіи.

И вообще, мало ли какія причины, предлоги, оправданія, можетъ пріискать себѣ лукавая совѣсть человѣческая, а злой духъ подогнать къ нимъ соотвѣтственныя обстоятельства.

Оставалось пріискать только форму наказанія.

Чтобъ получить подтвержденіе своимъ навѣтамъ, оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, и вмѣстѣ доставить Государю законное основаніе, врагамъ нужно было захватить бумаги Сперанскаго, въ коихъ у кого же не найдется какихъ-нибудь благовидныхъ предлоговъ! Надо было разобрать ихъ въ отсутствіе хозяина.—Вся цѣль достигалась ссылкою, или, вѣрнѣе сказать, удаленіемъ, и это было вмѣстѣ самое легкое, снисходительное наказаніе: разбирать бумаги некогда, время не позволяетъ,—пусть поживетъ онъ пока гдѣнибудь безъ особеннаго стѣсненія, а мы

[23]) Замѣтимъ, что въ Нижнемъ, среди откровенныхъ разговоровъ съ княземъ Грузинскимъ, Сперанскій видимо уклонялся отъ разговора о правилахъ (конституціонныхъ?), коими прежде руководствовался: значитъ, онъ увидѣлъ въ нихъ самъ причину, болѣе или менѣе существенную, своего настоящаго положенія.

успѣемъ между тѣмъ изъ бумагъ подвести фундаментъ подъ взятое на прокатъ обвиненіе.

Такъ объясняетъ авторъ цѣль заговорщиковъ. Приводя его мнѣніе, мы желаемъ искренно, чтобъ новыя открытія, новыя извѣстія оправдали главное лице, какъ теперь оправданъ Сперанскій.

Въ какомъ состояніи духа оставилъ Сперанскій Александра?

Онъ былъ изумленъ, пораженъ, ошеломленъ, и не вдругъ могъ опомниться. Однакожъ онъ нашелъ въ себѣ силу заѣхать къ Магницкому, котораго, судя по разговору съ И. Александромъ, или по собственной догадкѣ, считалъ онъ соприкосновеннымъ къ своему обвиненію. За чѣмъ? Не получить ли отъ него какого объясненія?

Но Магницкій былъ уже увезенъ въ Вологду.

Что думалъ Сперанскій по дорогѣ домой? Въ какомъ видѣ представлялась ему царская милость, и бренность земнаго величія?

Одинъ изъ дошедшихъ до меня слуховъ отъ современниковъ приводитъ причиною ссылки Сперанскаго сообщеніе имъ Магницкому какого-то важнаго извѣстія, отъ Государя полученнаго. Магницкій передалъ его женѣ, жена кому-то изъ своихъ близкихъ, и извѣстіе, пойманное полиціей, было немедленно представлено Государю, какъ животрепещущее доказательство невѣрности Сперанскаго.

Посѣщеніе Магницкаго въ такую крайнюю минуту, когда съ собственною дочерью Сперанскій не нашелъ времени или удобства проститься, подкрѣпляетъ нѣсколько этотъ слухъ; но достовѣрные современники меня увѣряли впослѣдствіи, что это несправедливо [24]).

Посѣщеніе Сперанскаго должно имѣть другую причину, впрочемъ не маловажную. При томъ, что̀ это могло быть за извѣстіе, которое повлекло бы за собою ссылку? Въ Пермскомъ письмѣ нѣтъ никакого намека ни на что подобное

Дома его ожидали уже Балашевъ и де-Сангленъ. Де-Сангленъ, правитель канцеляріи Балашева, пріѣхалъ первый; чрезъ часъ его министръ, по назначенію. Прошло довольно долго времени. О Сперанскомъ не было слуха. Балашевъ начиналъ безпокоиться. Де-Сангленъ пошутилъ надъ нимъ: не оборотилось ли колесо, не перемѣниться бы ролямъ, не Сперанскій ли возьметъ ихъ себѣ въ руки! Между тѣмъ, какъ они разсуждали о причинахъ замедленія, послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, и явился къ нимъ Сперанскій, уже совершенно, или довольно спокойный. «Вы позволите мнѣ переодѣться, милостивые государи», сказалъ онъ, и отошелъ въ свою спальню [25]), гдѣ скинулъ мундиръ, отложилъ ордена, и надѣлъ на себя простой дорожный сюртукъ фіолетоваго цвѣта.

---

24) Де-Сангленъ отвергаетъ совершенно это предположеніе и относитъ его къ числу пустыхъ слуховъ, разнесенныхъ въ то время.

Во время изданія Москвитянина я получилъ отъ Магницкаго нѣсколько статей чрезъ А. С. Стурдзу, жившаго съ нимъ вмѣстѣ въ Одессѣ. Упомяну здѣсь объ одной Думѣ о міроздапіи. Другая остается у меня въ рукописи. Третья, о кончинѣ Сперанскаго, напечатана въ Москвитянинѣ. Не осталось ли послѣ него какихъ свидѣтельствъ въ Одессѣ, Записокъ? Хотя по возвращеніи изъ ссылки, Магницкій, вслѣдствіе своихъ нравственныхъ или неправственныхъ переворотовъ, сталъ во враждебныя отношенія къ Сперанскому, но подъ конецъ видно примирился съ его памятью.

25) Не въ спальню, «а въ кабинетъ, который послѣ былъ запечатанъ», замѣчаетъ де-Сангленъ.

Онъ написалъ письмо къ И. Александру и отдалъ его Балашеву для доставленія Государю (сохранилось ли это письмо?) съ нѣкоторыми секретными бумагами, имъ отобранными (Онѣ послужили партіи поводомъ обвинять Сперанскаго въ желаніи вмѣшиваться во всѣ дѣла, что заявлено въ Запискахъ Дмитріева).

А въ какомъ состояніи былъ И. Александръ, разставшись съ Сперанскимъ?

Онъ выражалъ огорченіе. У меня отняли правую руку, говорилъ онъ на другой день князю Голицыну.—Я принесъ жертву, онъ не измѣнникъ, и прочее тому подобное.

Тещѣ и дочери Сперанскаго на другой день предложены были деньги и придворная карета для слѣдованія за изгнанникомъ. Друзьямъ Сперанскаго, г-жѣ Крамеръ и Цейеру, Государь выразилъ свое огорченіе, такъ же какъ и нѣкоторымъ приближеннымъ лицамъ: князю Голицыну, Нессельроду, Дмитріеву.

Неужели здѣсь нигдѣ не было искренности, какъ послѣ въ воспоминаніи о Лористонѣ и Блумѣ, и наканунѣ въ сценѣ съ Парротомъ?

---

*

Мы разсуждали на основаніи книги барона Корфа; но изъ замѣчаній г. де-Санглена, впрочемъ не совсѣмъ ясныхъ и положительныхъ, дѣло о ссылкѣ представляется совершенно иначе и относительно начала, и относительно конца.

Конецъ, то есть ссылка, былъ слѣдствіемъ донесенія, представленнаго Балашевымъ послѣ частныхъ его сношеній съ Сперанскимъ и Магницкимъ, начатыхъ чрезъ Бологовскаго, въ которыхъ Армфельдъ былъ ни при чемъ, вовсе не участвовалъ, а напротивъ хотѣлъ воспользоваться ими для сверженія Балашева вмѣстѣ съ Сперанскимъ (см. ниже).

Къ этому заключенію приводятъ слѣдующія мѣста изъ писемъ ко мнѣ и замѣчаній г. де-Санглена.

Онъ говоритъ: «Для чего б. Корфъ не упомянулъ о ссылкѣ со Сперанскимъ Магницкаго и Бологовскаго, который сосланъ былъ безвыѣздно въ тотъ же вечеръ въ его Смоленскую деревню? [26]) *Это разъяснило бы многое*».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о ссылкѣ, г. де-Сангленъ выражается еще яснѣе о значеніи Бологовскаго въ этомъ дѣлѣ: «Вотъ тутъ-то и нужно было говорить о Бологовскомъ, *и все бы объяснилось*».

Дѣйствительно, это умолчаніе замѣчательно. Если Сперанскій и Магницкій были сосланы вмѣстѣ, то вина ихъ должна была считаться общею, относиться къ одному какому нибудь дѣлу. Тоже слѣдуетъ сказать и о Бологовскомъ, котораго имя не встрѣчается даже ни по какому случаю въ сочиненіи барона Корфа [27]).

Отъ гр. Закревскаго я слышалъ однажды, что въ одно время съ Сперанскимъ, Маг-

---

[26]) Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Д. Н. Бологовскій, состоя при Кутузовѣ (это надо замѣтить), блистательно служитъ въ Отечественную войну. Бологовскій скончался 27 Августа 1852 въ Москвѣ. Біографіи его мы не имѣемъ; есть указаніе на существованіе его Записокъ. П. Б.

[27]) Намъ извѣстна еще одна ссылка, относящаяся къ тому же времени, т. е. къ веснѣ 1812 г. Зять *Кутузова*, генералъ-маіоръ Николай Захаровичъ Хитрово, состоявшій до того при тестѣ своемъ въ дѣйствовавшей арміи въ Валахіи и, въ пріѣздъ свой въ Петербургъ, часто посѣщавшій Коленкура, былъ удаленъ въ Мологу и оттуда въ Вятку. Уже въ концѣ 1812 г., покрытый славою князь Кутузовъ выпросилъ ему позволеніе возвратиться оттуда и снова поступить на службу. П. Б.

*

ницкимъ и Бологовскимъ былъ сосланъ нѣкто Воейковъ[28]).

«Бологовскаго я зналъ въ Москвѣ (пишетъ де-Сангленъ) по дому князя Козловскаго, который на сестрѣ Бологовскаго былъ женатъ. *Недѣли двѣ до ссылки Сперанскаго*, пріѣхалъ Бологовской ко мнѣ и сказалъ: «Балашевъ просилъ меня свести его поближе съ Сперанскимъ и Магницкимъ, съ которыми я пріятель; боюсь, какъ бы въ бѣду не попасть. Что ты мнѣ посовѣтуешь?»—Охота тебѣ, отвѣчалъ я, участвовать въ дѣлахъ, до тебя не касающихся: ужъ былъ въ ссылкѣ, не хочешь-ли опять?— «Неужели ты думаешь, что Балашевъ меня выдастъ?» — Онъ министръ полиціи, отвѣчалъ я: это его обязанность.—«Да и Сперанскій и Магницкій о томъ же меня просятъ», сказалъ Бологовской. —Глупцы вы всѣ, отвѣчалъ я, а ты главный! Охота вамъ бросаться въ лапы министра полиціи.—Бологовской уѣхалъ, но къ вечеру возвратился. «Сперанскій и Магницкій», сказалъ онъ мнѣ, «велѣли сказать тебѣ, что если ты не перестанешь такъ дурно отзываться о Балашевѣ, то они доведутъ это до него, и тебѣ худо будетъ; я насилу упросилъ ихъ. хотѣли тотчасъ Балашева увѣдомить. Я пріѣхалъ тебя предостеречь». — Благодарствуй, отвѣчалъ я. впредь о Сперанскомъ и Магницкомъ ни слова я и отвѣчать не буду».

Я спросилъ письмомъ по поводу вышеприведеннаго замѣчанія: за что былъ сосланъ Бологовскій? Г. де-Сангленъ отвѣчалъ: «Сперанскій былъ уже гонимъ публикой, частію и Государемъ, когда Бологовской ѣздилъ отъ Балашева къ Магницкому, отъ него къ Сперанскому и отъ послѣдняго опять къ Балашеву. Къ Государю дошла эта вѣсть чрезъ уличную полицію, и зная дѣйствія Бологовскаго въ Мартѣ 1801 года, обезпокоился, принявъ за стачку между ними».

«Армфельдъ, узнавъ это (донесеніе о сношеніяхъ между Сперанскимъ, Магницкимъ и Балашевымъ), внушалъ Государю изгнать Балашева. Вотъ что сказалъ мнѣ Армфельдъ. Государь замѣтилъ ему: «Балашева партія большая въ Москвѣ, Петербургѣ, можетъ быть и далѣе; его трогать не должно; я передамъ его министерство другому, а его возьму въ армію. Сперанскій ненавистенъ въ Совѣтѣ и связался съ Бологовскимъ и Балашевымъ,—и это министръ полиціи!» Но Балашевъ видно смекнулъ дѣло, спасся во время фразой Сперанскаго: il est trop faible pour regir и пр., какъ сказано въ запискахъ моихъ къ вамъ (см. ниже стр. 1164). Вотъ вамъ изъясненіе на фразу Сперанскаго въ Нижнемъ».

О фразѣ Сперанскаго въ Нижнемъ, приводимой барономъ Корфомъ (II, 55), Нижегородскій губернаторъ доносилъ министру полиціи отъ 18 Апрѣля 1812 слѣдующее: «Не могу скрыть отъ в. п—ва дошедшаго до меня свѣдѣнія, что г. тайный совѣтникъ Сперанскій, въ откро-

---

[28]) Флигель-адъютантъ, состоявшій при военномъ министрѣ Барклаѣ, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ. Ему, какъ слышно по преданію, Государь поручилъ съѣздить къ Сперанскому и взять отъ него обратно планъ будущей кампаніи противъ Наполеона. Подробности намъ неизвѣстны. См. Письма Сперанскаго къ Масальскому. Спб. 1862, стр. 16. Масальскій сообщалъ Сперанскому въ Нижній ходившіе въ Петербургѣ слухи объ его ссылкѣ. Графиня Софья Григорьевна Шувалова (дѣти которой состояли подъ опекою Сперанскаго) открыла Масальскому: «Твердятъ (посреди знати), что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогами сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе, что перехвачены ваши письма къ Бонапарту; что у военнаго министра украдена портфель съ военными планами, и планы сіи посланы также къ Бонапарту». Преданіе объ участіи Воейкова можетъ быть разъяснится его потомками. П. Б.

венномъ разговорѣ съ здѣшнимъ губ. предв. дворянства, княземъ Грузинскимъ, о случившемся съ нимъ происшествіи сказалъ, что вы, м. г., упредили сіе происшествіе двумя недѣлями, а то бы послѣдовало то же съ вами, что съ нимъ случилось!»

«Были показанія о томъ, будто бы Сперанскій сказалъ разъ у архіерея, что если бы Балашевъ не ускорилъ двумя часами, о былъ бы на его мѣстѣ».

Де-Сангленъ подтверждаетъ эти слова Сперанскаго объ опасности Балашева и въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Онъ (Сперанскій) въ словахъ своихъ ошибся только часомъ, но сказалъ правду».

Въ другомъ мѣстѣ: «Балашевъ висѣлъ на волоскѣ. Армфельдъ болѣе старался удалить Балашева, и чуть-чуть это ему не удалось».

О чемъ могли совѣщаться Сперанскій и Балашевъ? А вѣдь должно было происходить между ними что нибудь очень важное, если дѣло о ссылкѣ зависѣло только отъ того, кто первый донесетъ о происходившемъ.

Странно, что умный, тонкій Сперанскій могъ попасть въ такую ловушку, если это была ловушка, и не понять подвоху съ перваго раза. Чѣмъ могъ Балашевъ доказать Сперанскому, что его предложеніе есть самостоятельное, а не застрахованное? Странно, чтобъ Сперанскій искалъ связи съ Балашевымъ, какъ утверждалъ де-Санглену Бологовскій. Странно, чтобъ онъ могъ думать о ссылкѣ Балашева, въ случаѣ донесенія Государю объ его сообщеніи!

Зачѣмъ онъ послѣ аудіенціи заѣзжалъ къ Магницкому? Видно, что было между ними нѣчто важное, могшее навести Сперанскаго на мысль искать тамъ причину своей ссылки.

Не сдѣлать ли уже предположенія, что Сперанскій, удостовѣрясь, что судьба его рѣшена въ умѣ Государя, и значеніе, миссія его кончились, отважился на новый смѣлый шагъ, и хотѣлъ остаться при кормилѣ правленія на другихъ условіяхъ, вмѣстѣ съ Балашевымъ, который подъ эгидою Государя затѣвалъ иное, и уже узнавъ только, что это иное открыто, предупредилъ Государя своимъ донесеніемъ.

Въ такомъ предположеніи объяснились бы и настояніе Армфельда, и отзывъ Государя о Балашевѣ, и слова Сперанскаго объ его предупрежденіи, и отношеніе Государя къ Сперанскому даже до кончины.

Нѣтъ, такого предположенія сдѣлать не дозволяетъ вся совокупность свѣдѣній о жизни Сперанскаго. Одно Пермское письмо, дышащее искренностію и правдою, уничтожаетъ всякое подозрѣніе [29]). Онъ былъ невиненъ.

А не думалъ ли Балашевъ въ самомъ дѣлѣ о тріумвиратѣ?

Но съ кѣмъ же?... Со Сперанскимъ и Бологовскимъ? Лица несоизмѣримыя.

Г. де-Сангленъ, оспаривая въ одномъ мѣстѣ прозорливость Сперанскаго, говоритъ именно, что Балашевъ былъ у Сперанскаго по приказанію Государя. «При какомъ случаѣ прозорливость Сперанскаго оказалась? Развѣ въ разговорѣ съ Балашевымъ, когда этотъ къ нему пріѣзжалъ по *приказанію* Государя, pour lui tirer les vers du nez».

Съ другой стороны, странно, что и ловушку, хотя бы дѣйствуя по приказанію Государя, могъ онъ устроить такъ грубо, сшивая бѣлыми нитками черную ткань!.

Если Балашевъ исполнялъ приказаніе Государя, то что же значитъ отзывъ Го-

[29]) Письмо это напечатано, съ высочайшаго разрѣшенія вполнѣ и съ вѣрнаго списка въ книгѣ: Письма Сперанскаго къ Масальскому. Спб. 1862. стр. 32—25. П. Б.

сударевъ о немъ Армфельду? За что могъ онъ висѣть на волоскѣ? На какомъ основаніи Армфельдъ могъ устроять его удаленіе?

Прибавимъ еще, что Балашевъ, какъ сейчасъ увидимъ, имѣлъ приказаніе, задолго до катастрофы, присматривать за Сперанскимъ.

Приходится дѣйствительно повторять слова Сперанскаго въ отмѣткѣ, приводимой барономъ Корфомъ: cabales, intrigues, commérages!

Г. де-Сангленъ, въ вышеприведенныхъ своихъ примѣчаніяхъ, упомянулъ о запискѣ своей ко мнѣ, въ коей значатся слова Балашева въ письмѣ къ Государю, имѣвшія рѣшительное дѣйствіе на судьбу Сперанскаго. Вотъ эта записка:

«Посылаю вамъ, М. И., доказательство твердое, и вѣрное мое мнѣніе о ссылкѣ Сперанскаго. Пишу по-французски, это мнѣ легче и привычнѣе.

Le moindre mot transmis et mal interprêté, quelle que soit la pureté de nos intentions, peut produire les effets les plus terribes et faire le malheur de notre vie. Это *mot* было передано Государю Балашевымъ. Вотъ оно: Il est trop faible pour regir et trop fort pour être régi» 27 Марта (1862).

«Renvoyez moi cette lettre avec mes remarques sur votre troisieme cahier, comme nous nous sommes accordés à cet égard».

Объ этихъ же словахъ, переданныхъ Государю Балашевымъ, г. де-Сангленъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Въ этомъ доносѣ, который Государь приказалъ мнѣ прочитать громко [30], стояла фраза на Французскомъ языкѣ, которую будто сказалъ Сперанскій: l'Empereur est trop faible pour regir et trop fort pour être régi. Я остановился, Государь сказалъ: читай!—Виноватъ, Государь, отвѣчалъ я, это же сказано было и о Лудовикѣ XV. Государь улыбнулся, сказавъ: «Балашевъ это слышалъ или прочелъ и приписалъ Сперанскому; но видно, что что-нибудь сказано Балашеву Сперанскимъ и утаено»».

Къ поясненію, хотя и очень слабому, сношеній Сперанскаго, Магницкаго, Бологовскаго и Балашева, принадлежитъ еще слѣдующее мѣсто изъ письма ко мнѣ отъ г. де-Санглена, 18 Ноября 1861 года.

«... Съ годъ по ссылкѣ, пригласилъ меня гр. Аракчеевъ къ себѣ. Я явился. Графъ встрѣтилъ меня радушно, взялъ меня подъ руку и повелъ съ собой въ свой кабинетъ, гдѣ спросилъ:

Графъ. Знаете-ли вы, что по Высочайшему повелѣнію я вызывалъ изъ Вологды Магницкаго къ себѣ въ Грузино?

Я. Слышалъ, ваше сіятельство.

Графъ. Отобравъ отъ него нужное, разговорились мы о ихъ ссылкѣ. Я спросилъ: говорятъ, де-Сангленъ тоже причиной.

Скажите мнѣ, какъ это было?

Магницкій. Нѣтъ, ваше сіятельство, это ложь. Онъ оказалъ намъ услугу, и еслибъ Бологовскій все не переболталъ, испортилъ, то можетъ-быть и ссылки бы не было.

Графъ. Въ чемъ же услуга эта состояла?

Магницкій. Позвольте о томъ умолчать, чтобы не повредить доброму человѣку.

Графъ. Теперь я обращаюсь къ вамъ, Яковъ Ивановичъ: скажите мнѣ, въ чемъ состояла эта услуга? Это здѣсь и умретъ.

Я. Позвольте мнѣ, графъ, послѣдовать примѣру Магницкаго.

Графъ. Не отстану отъ васъ; вы должны мнѣ въ томъ сознаться.

---

[30]) Слѣд. г. де-Сангленъ былъ въ кабинетѣ у Государя почти наканунѣ ссылки?

«Что дѣлать? Я вынужденъ былъ подробно все разсказать. Графъ подалъ мнѣ руку, сказавъ: Вы поступили благородно, но неосторожно. Васъ это погубило у Государя, — но не бойтесь, вы теперь имѣете во мнѣ друга, ибо (?) и я такъ же бы поступилъ».

«Онъ предлагалъ мнѣ разныя мѣста, отъ которыхъ я отказался, усталый и ненавидящій службу, гдѣ хорошіе поступки наказываются, что́ я неоднократно испыталъ».

«Вотъ все, что́ я могъ вамъ сказать; на остальное наложилъ Императоръ Александръ I вѣчное молчаніе, и я исполню его волю до конца жизни моей».

Собственноручная записка Сперанскаго, которую разбирали мы такъ тщательно, въ предположеніи, что она относится къ Балашеву и Армфельду, получаетъ можетъ быть здѣсь свое значеніе, относясь къ Балашеву и Бологовскому, съ отстраненіемъ Армфельда. Армфельдъ, напротивъ, основывалъ на ея содержаніи надежду удалить Балашева вмѣстѣ съ Сперанскимъ, какъ приведено выше.

Сперанскій догадался, видно, послѣ аудіенціи у Государя, въ чемъ дѣло, если и не слышалъ ничего о настоящей причинѣ или поводѣ, и отъ Государя заѣзжалъ къ Магницкому. Почему же самъ Сперанскій не началъ говорить о томъ Государю? Не въ этомъ ли заключается послѣдующее обвиненіе въ неискренности, согласно съ мнѣніемъ барона Корфа? «Никогда я не вѣрилъ во взведенную на него измѣну», говорилъ Государь Васильчикову, «и виню его только въ томъ, что онъ не имѣлъ ко мнѣ полной довѣренности»(II,26).

А въ чемъ состояла услуга де-Санглена?

Можетъ-быть, онъ объяснялъ доносъ Государю какъ-нибудь иначе, въ пользу Сперанскаго и Магницкаго; можетъ-быть, передалъ Сперанскому и Магницкому свѣдѣніе о собирающихся тучахъ, на что́ какъ будто указываютъ слова Магницкаго и утвержденіе Аракчеева, что «это погубило де-Санглена во мнѣніи Государя».

Но и здѣсь представляется странность: какъ, почему, Аракчеевъ могъ сказать, что поступилъ бы также?

Впрочемъ, можетъ быть, я не разобралъ словъ де-Санглена объ этомъ отзывѣ Аракчеева, написанныхъ очень неясно. Подождемъ объясненія изъ новыхъ данныхъ.

Какъ бы то ни было, но это двухнедѣльное приключеніе было только развязкой, ускорило исходъ давно рѣшенный, а когда началась завязка?

Къ сожалѣнію, де-Сангленъ, въ замѣчаніяхъ своихъ, не выставляетъ нигдѣ чиселъ, и можетъ быть даже, по старости, вообще смѣшиваетъ времена.

Постараемся отгадать послѣдовательный ходъ дѣла, хотя приблизительно.

Къ словамъ моимъ объ отчетѣ, поднесенномъ въ Февралѣ 1811 года, гдѣ Сперанскій просилъ объ увольненіи его отъ должности государственнаго секретаря, вслѣдствіе толковъ и жалобъ, г. де-Сангленъ пишетъ: «Отчетъ этотъ я, по приказанію Государя, прочиталъ громко; по окончаніи чтенія Государь сказалъ мнѣ: «Не пронюхалъ ли онъ (Сперанскій) чего-либо? Il a voulu, à ce qu'il parait, détourner mes conjectures. Впрочемъ, прибавилъ Государь, онъ правъ,—il a jeté du sable sur ses écrits». Я ожидалъ отъ Сперанскаго болѣе, отвѣчалъ я; какое ему дѣло до криковъ публики, клеветъ и ругательствъ: совѣсть чиста! Не нужно ихъ страшиться, а еще менѣе просить объ удаленіи: это

похоже бѣжать съ поля сраженія и угождать публикѣ, а себя обвинять безъ праведнаго суда. Французская фраза никуда не годится. Когда величіе духа не производило шума (du bruit) въ безсмысленной толпѣ?»

Изъ этого разсказа видно, что подозрѣнія Государя начались до Февраля 1811 года Въ это время Государь не благоволилъ уже къ Сперанскому, хотя и не согласился на его просьбу объ увольненіи отъ должности государственнаго секретаря.

Приведемъ теперь другой разсказъ г. де-Санглена, который поможетъ намъ опредѣлить точнѣе это время.

«Среди сихъ колебаній, Государю пришла мысль: слѣдовалъ ли Сперанскій данному ему для руководства на Французскомъ языкѣ проекту (Лагарпа) объ учрежденіи министерствъ и не отступилъ ли онъ отъ него[31])? Онъ сообщилъ эту мысль гр. Армфельду, и (спросилъ), не знаетъ ли онъ кого, который бы могъ сличить проектъ съ учрежденіемъ въ Россіи министерствъ Сперанскимъ. Графъ, зная меня, отрекомендовалъ меня. Тайно вызванъ былъ я чрезъ камердинера Зиновьева къ Государю съ повелѣніемъ: этого Балашеву, моему начальнику, не сообщать. Натурально, я явился. Государь подалъ мнѣ Французскій проектъ съ сими словами: «Я за вами посылать буду Зиновьева, и мы вмѣстѣ сличимъ трудъ Сперанскаго съ оригиналомъ».

[31]) Въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ пишетъ: «Въ учрежденіи министерствъ хлопотали Строгоновъ и Новосильцевъ, третьяго имени не упомню (Чарторижскій или Кочубей). Публика называла ихъ тріумвирами на основаніи Лагарповомъ. Это до Сперанскаго. Потомъ вручилъ планъ Сперанскому, чтобъ министерство придержать (приладить) къ нему. Во время Строгонова и Новосильцова былъ величайшій либерализмъ въ Россіи».

Г. де-Сангленъ пишетъ еще въ другомъ мѣстѣ: «Я читалъ проектъ у Государя въ кабинетѣ. Съ сего дня я часто призываемъ былъ, и цѣлые вечера проводилъ у Государя. Какое мнѣніе было объ этомъ у Государя, я долженъ молчать, ибо далъ клятвенное обѣщаніе ни слова никому не сообщать. Одно сказать могу; при одномъ чтеніи Государь воскликнулъ: «обрусилъ, запуталъ и испортилъ проектъ человѣка, котораго я сердечно уважаю....» Въ первый разъ услышалъ я изъ устъ Царя: «онъ—измѣнникъ».

Въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ говоритъ: «Александръ убѣжденъ былъ въ измѣнѣ Сперанскаго по сличеніи плана Лагарпова[32]) съ учрежденіями Сперанскаго».

Постараемся прежде всего опредѣлить время этихъ тайныхъ аудіенцій, среди которыхъ утверждалось понятіе Государя о Сперанскомъ.

Преобразованіе министерствъ было обнародовано манифестомъ 25 Іюля 1810 г., а государственный совѣтъ и назначеніе Сперанскаго секретаремъ еще 1 Генваря.

Слѣдовательно въ это время Сперанскій пользовался еще полною довѣренностію Государя, и потому разсужденія съ г. де-Сангленомъ должно отнести ко второй половинѣ 1810 г. послѣ Іюля, по крайней мѣрѣ мѣсяца черезъ три послѣ преобразованія, то есть между Октябремъ и Ноябремъ 1810 г. и Февралемъ 1811 г., когда де-Сангленъ читалъ отчетъ 1810 г. въ кабинетѣ Государя, и слышалъ изъ устъ его уже объ его неблаговоленіи.

Теперь поговоримъ о данныхъ, предлагаемыхъ г. де-Сангленомъ въ этомъ разсказѣ.

[32]) Этотъ планъ Лагарпа имѣется у насъ въ современномъ спискѣ. П. Б.

Въ какомъ смыслѣ Государь назвалъ Сперанскаго измѣнникомъ, при сличеніи перваго плана съ исполненіемъ? Не видѣлъ ли Государь скрытаго намѣренія ограничить монархическую власть? Ибо въ чемъ же иначе можно предполагать измѣну?

Онъ (Государь) распространялся объ этомъ ограниченіи и сказалъ послѣ: «Сперанскій вовлекъ меня въ глупость. Зачѣмъ я согласился на государственный совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо. И въ планѣ Лагарповомъ того не было».

«Замашка ограничить самодержавіе была (у Сперанскаго) это вѣрно», замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г. де-Сангленъ.

Самъ Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ намекаетъ на это обвиненіе при исчисленіи своихъ дѣйствій.

«Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія (Совѣта) стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не едиными ли словами его рѣшаются? Но зависть и клевета желаютъ лучше казаться слѣпыми, чѣмъ быть безгласными».

Можетъ быть, сюда же относится и слѣдующее свѣдѣніе, сообщенное княземъ Егоромъ Александровичемъ Грузинскимъ, и приведенное барономъ Корфомъ (т. II, стр. 46) о Сперанскомъ, который во время своей силы свободно допускалъ его къ себѣ, любилъ разсуждать съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, и нерѣдко сообщалъ ему даже разные свои проекты на предварительное соображеніе.

«Получивъ съ этою цѣлью на просмотръ и проектъ новаго образованія Сената, Грузинскій привезъ государственному секретарю свои замѣчанія, въ которыхъ опровергалъ новое образованіе, преимущественно со стороны излишняго, по его мнѣнію, распространенія власти Сената. Прочитавъ мои замѣчанія, разсказывалъ князь одному человѣку, записавшему для насъ (для барона Корфа) его слова—со вниманіемъ и разстановкою, Михайло Михайловичъ обратился ко мнѣ съ критическими сужденіями, называя мой умъ отсталымъ отъ вѣка, и не посвященнымъ въ тайны управленія. Въ чертахъ его, всегда почти безстрастныхъ, пробивалась досада на мою догадливость и на рѣзкость замѣчаній; я съ моей стороны предварялъ его, что отъ этого дѣла *да быть какой-нибудь бѣдѣ*. Мы разстались довольно холодно, и это было послѣднее наше свиданіе въ Петербургѣ, который я вскорѣ потомъ оставилъ. Пріѣхавъ зимою 1811 г. въ Нижній-Новгородъ, гдѣ, по званію губернскаго предводителя дворянства, требовали моего присутствія, я часто получалъ изъ Петербурга извѣстія о тамошнихъ новостяхъ, и всѣ письма удостовѣряли меня, что въ положеніи дѣлъ нѣтъ никакой перемѣны. Разъ въ концѣ Марта 1812 г. я зашелъ какъ-то, рано утромъ, къ нашему губернатору Руновскому и, при входѣ въ его залу, остолбенѣлъ, едва вѣря своимъ глазамъ. У окна, прислонясь къ стеклу, стоялъ въ глубокомъ раздумьи и глядѣлъ на улицу, вѣроятно ничего не видя, Сперанскій! Онъ не слыхалъ, какъ я вошелъ; я подошелъ ближе—точно онъ! «Михайло Михайловичъ! закричалъ я въ крайнемъ изумленіи, какимъ образомъ ты здѣсь?—Ты напророчилъ! отвѣчалъ онъ отрывисто». (II, 46).

Записка Карамзина, замѣтимъ мимоходомъ, была подана въ Мартѣ (18 числа) 1811 г., слѣдовательно не она была началомъ подозрѣній, которыя достигли гораздо прежде до высокой степени, еще во второй половинѣ 1810 г., и были заявлены тоже въ Февралѣ 1811 г.

Съ котораго же времени начались они? Г. де-Сангленъ говоритъ, что «съ Эрфурта

начинается колебаніе Государево на счетъ Сперанскаго. Онъ увидѣлъ въ немъ большое пристрастіе къ Наполеону I, хотя и самъ онъ имъ восхищался. Да и Наполеонъ о немъ отзывался хорошо самому Государю. Это Государю не понравилось».

Отвѣчаемъ: можетъ-быть не нравилось, можетъ-быть произошло мгновенное, непріятное впечатлѣніе; но оно не имѣло еще, можемъ сказать рѣшительно, никакого вліянія на отношенія, на довѣренность, ибо съ Эрфуртской поѣздки только начинаются главныя работы Сперанскаго. Баронъ Корфъ говоритъ: «Съ Эрфуртскаго конгресса начинается для Сперанскаго время высшаго значенія и величія, то, что мы называемъ его лѣтомъ».

Этотъ періодъ обнимаетъ два года 1809 и 1810. Работа создавалась подъ перомъ смѣлаго редактора ея съ изумительною быстротою, говоритъ баронъ Корфъ. «Не далѣе Октября 1809 г., весь планъ государственнаго устройства лежалъ уже на столѣ Александра». «1 Января 1810 г. назначенъ былъ Сперанскій государственнымъ секретаремъ».

А въ концѣ этого 1810 г. онъ увидѣлъ уже опасность для себя, просилъ отставки, и отчетъ былъ разсматриваемъ Государемъ съ де-Сангленомъ. Слѣдовательно нерасположеніе началось въ половинѣ 1810 года, какъ нами показано выше.

Теперь слѣдуетъ намъ говорить о томъ, что̀ случилось въ половинѣ 1810 года, чѣмъ Сперанскій навлекъ на себя гнѣвъ Государевъ.

По поводу моего вопроса о началѣ колебаній Государя, когда должно было приступить къ исполненію плана (Жизнь Сперанскаго, т. I, с. 111), г. де-Сангленъ замѣчаетъ: «колебанія не начались, а усилились» и говоритъ о «безпрерывныхъ крикахъ публики и письмѣ Растопчина изъ Москвы о заговорѣ».

Когда же было прислано письмо гр. Растопчина, которое впрочемъ баронъ Корфъ рѣшительно отвергаетъ (II, с. 9), а г. де-Сангленъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно принимаетъ, и говоритъ всегда какъ о несомнѣнномъ событіи, объясняя даже въ одномъ мѣстѣ его происхожденіе? Баронъ Корфъ приводитъ числа, выставленныя на этомъ, по его мнѣнію, подложномъ письмѣ: 5, 14, 17 Марта (1812 г?).

Письмо должно принадлежать также къ концу 1810 г., когда Государь приблизилъ уже къ себѣ г. де-Санглена (ибо смѣялся передъ нимъ надъ заговоромъ, о которомъ говорится въ письмѣ, а это не могло быть, какъ мы видѣли, раньше Октября—Ноября 1810 г.). «Балашевъ писалъ Растопчину о существованіи заговора въ Петербургѣ», говоритъ де-Сангленъ, и въ другомъ мѣстѣ: «Балашевъ обманулъ Растопчина, назвавъ обществомъ соединеніе нѣсколькихъ людей для разговора о бывшихъ обстоятельствахъ въ то время»

«Растопчинъ написалъ Государю и указалъ на Балашева».

«Государь узналъ объ этомъ заговорѣ сперва отъ Растопчина».

«Государь поручилъ князю Андрею Борисовичу Голицыну,[33]) который все перепуталъ, и выставилъ Сперанскаго какъ сообщника иллюминатовъ Вейсгаупта».

«Армфельдъ сказалъ де-Санглену: «Растопчинъ и публика ошиблись, приняли ложу, въ которой и Сперанскій былъ, за

[33]) Тотъ самый, съ которымъ я провожалъ Иннокентія, см. выше, стр. 1134

заговоръ, и прибавилъ: Et cette bétasse de ministre de police est entré dans la loge de Жеребцовъ, croyant comme frère y trouver quelque chose pour sa police. Il aurait dû entrer dans la loge des illuminés, où est Speransky. И это была ошибка. Сперанскій былъ въ ложѣ Розенкамифа».

«Государь сообщилъ письмо Ростопчина кн. Волконскому, и едва возникшее общество рушилось».

Почему Балашевъ счелъ нужнымъ писать къ Растопчину о заговорѣ? Безъ особаго порученія объ изслѣдованіи, какъ министръ полиціи, онъ имѣлъ вѣдь полное право и обязанность изслѣдовать дѣло и донесть прямо Государю?

«Государь, говоря со мною объ этомъ заговорѣ, смѣялся».

«О заговорѣ дѣло брошено, и все пало (что же пало?) на Сперанскаго, который умолчалъ, потому что подробнаго свѣдѣнія о заговорѣ не имѣлъ; ибо заговорщики не такъ глупы были предложить Сперанскому въ ихъ общество вступить, а говорили ему, что не худо было бы и ему быть во главѣ. Не прямо, а косвенно можно принять это за предложеніе».

Въ этихъ словахъ г. де-Санглена или противорѣчіе, или смѣшеніе обстоятельствъ: выше онъ сказалъ, что заговора не было, а только бесѣда въ едва возникшемъ обществѣ, а здѣсь говоритъ о косвенномъ предложеніи заговорщиковъ (кто они были)?

Притомъ, г. де-Сангленъ говоритъ это въ замѣчаніяхъ къ разсужденію моему о собственноручной запискѣ Сперанскаго по поводу предложеній Балашева и Армфельда. Два разныя событія, раздѣленныя большимъ промежуткомъ времени!

Касательно сношеній съ масонами есть письмо ко мнѣ отъ г. де-Санглена:

«Тайныя сношенія съ Наполеономъ и иллюминатами были, но не по приказанію Александра, который дорожилъ своею властію».

Эти слова не понятны въ связи съ предыдущими:

«Слѣдовательно, по мнѣнію заграничному, Александръ приготовилъ ловушку Сперанскому для ссылки. Вранье!... Армфельдъ и я знали бы это. Александръ par orgueil не пошелъ бы на эту ловушку; да и гдѣ же былъ умъ Сперанскаго, еслибъ это было, зная *характеръ* А? (это также не понятно). Источникомъ этой басни былъ флигель-адъютантъ князь Голицынъ, какъ сказано въ моихъ замѣчаніяхъ къ вамъ».

Изъ этой путаницы можно извлечь развѣ такое заключеніе.

Собирались какія-то лица толковать о современныхъ обстоятельствахъ. Балашевъ счелъ это за заговоръ (по Армфельду, это была масонская ложа), написалъ къ Растопчину. Растопчинъ написалъ къ Государю; началось какое-то слѣдствіе, и общество разсыпалось, а Государь смѣялся надъ заговоромъ передъ г. де-Сангленомъ.

Извѣстіе о сношеніяхъ съ иллюминатами оставило все таки впечатлѣніе неблагопріятное.

Предложеніе же Сперанскому, о которомъ говоритъ здѣсь г. де-Сангленъ, «стать во главѣ, о чемъ онъ, не зная подробностей, не могъ донести ничего Государю», должно относиться къ послѣднему Балашевскому дѣйствію.

Какъ бы то ни было, въ Февралѣ 1811 года, былъ уже полный разрывъ, но не подавалось никакого вида: милости сыпались на Сперанскаго по прежнему.

Доносы между тѣмъ продолжались, и де-Сангленъ пишетъ о нихъ: «Всѣ доносы, клеветы на Сперанскаго были въ моихъ рукахъ, и я неоднократно получалъ выговоры отъ Государя за то, что осмѣливался доносить, что, безъ изслѣдованія доносовъ, Сперанскаго винить нельзя».

Марта 18, 1811 г., представлена была Государю Записка Карамзинымъ. Она принята была неблагосклонно, можетъ быть относительно внѣшней стороны дѣйствія, (какъ смѣлъ и пр.), но не содержанія, которое вѣроятно подѣйствовало, въ дополненіе къ накопившимся подозрѣніямъ и неудовольствіямъ.

Начинались разсужденія о войнѣ съ Наполеономъ, и Государь въ умѣ своемъ рѣшилъ ее.

«Сперанскій противился войнѣ съ Наполеономъ, предлагая собрать боярскую думу, которая вела бы войну. Чѣмъ же я буду?... отвѣчалъ съ гнѣвомъ Государь. Это я слышалъ отъ самаго Царя», говоритъ де-Сангленъ.

«По словамъ самого Государя, союзъ съ Наполеономъ, говорилъ Сперанскій, необходимъ для страха остальной Европы; для того и уступка нужна».

«Сперанскій просилъ позволенія переписываться съ Наполеономъ».

Въ другомъ мѣстѣ это повторяется: «Сперанскій былъ рѣшительно противъ войны, по словамъ Государя. Когда Сперанскій предлагалъ государственную думу, чтобъ ей вести войну, Государь въ личности своей крайне оскорбился, какъ уже сказано прежде».

Можетъ быть тогда, если не прежде, Государь приказалъ Балашеву, бывшему уже виновникомъ Растопчинскаго письма, присматривать за Сперанскимъ. Дмитріевъ горитъ, что это было въ Августѣ 1811 г., и Балашевъ думалъ попасть на верхъ славы.

Онъ мѣтилъ на одного Сперанскаго, который ему препятствовалъ въ расширеніи его министерства» (А Армфельдъ на Сперанскаго вмѣстѣ съ Балашевымъ).

«Балашевъ въ угодность Государю былъ противъ Сперанскаго».

«Придерживаясь мнѣнія публики, онъ угождалъ Государю и выдумывалъ небылицы на Сперанскаго».

«Сперва было рѣшено Государемъ паденіе Сперанскаго».

«По мѣрѣ доносовъ Балашева, которому велѣно было за нимъ присматривать, неудовольствіе Государя дошло до высочайшей степени; онъ думалъ то казнить Сперанскаго, то сослать его, что казалось необходимымъ для будущей войны съ Наполеономъ».

За симъ слѣдовали таинственныя сношенія Балашева съ Сперанскимъ чрезъ Бологовскаго, и донесеніе Балашева съ отзывомъ Сперанскаго о Государѣ.

Можетъ-быть, случилось тогда еще что-нибудь въ сношеніяхъ съ Французскимъ посланникомъ Лористономъ, и Датскимъ Блумомъ, о которыхъ самъ Государь говорилъ впослѣдствіи Сперанскому.

Вслѣдъ за Балашевскимъ донесеніемъ должна происходить сцена съ Парротомъ, который испугался понапрасну, оправдывая пословицу: у страха глаза велики.

Исчислимъ теперь облака и тучи, которыя собирались надъ головою Сперанскаго, паче его чаянія [34]), въ послѣдователь-

[34]) «Кажется, изъ этого разговора (у г. де Санглена съ Бологовскимъ, см. выше стр. 1159) ясно видно, что ни Сперанскій, ни Магницкій, не видали

номъ порядкѣ, и разразились наконецъ 17 Марта 1812 года. Постараемся говорить подлинными словами г. де-Санглена.

Непріятное впечатлѣніе въ Эрфуртѣ за восторгъ къ Наполеону, отзывъ Наполеоновъ, «крики негодованія въ публикѣ, не доносъ, а доносы безпрерывные, ненависть в. к. Екатерины Павловны, подозрѣніе о намѣреніи стѣснить монархическую власть, уклоненіе отъ Лагарпова плана, письмо гр. Ростопчина о заговорѣ, тайныя сношенія съ иллюминатами, Вейсгауптомъ, сношенія съ Наполеономъ, Записка Карамзина, мнѣніе Сперанскаго о войнѣ съ Наполеономъ I, вопреки Государю, рѣшившему ее въ умѣ, доносы Балашева, свѣдѣнія о сношеніяхъ тайныхъ Сперанскаго, Магницкаго, Бологовскаго и Балашева, донесеніе Балашева съ отзывомъ Сперанскаго о Государѣ: «все это взволновало Государя до того, что онъ почти не зналъ на что рѣшиться. Раздраженность дошла до высочайшей степени. Вотъ истинныя причины ссылки; но казнить Сперанскаго никогда и въ голову Государю не приходило, а еще менѣе доброе и нѣжное его сердце этого не допускало. Можетъ-быть онъ кому-либо это и высказалъ, для виду. Природная недовѣрчивость, соединенная съ отличною любезностію, запутали его самого до такой степени, что̀ другаго исхода, какъ ссылка, уже не было, чтобъ успокоить публику. Всѣ хитросплетенія перепутались сами въ себѣ. «Il n'y a, Sire, qu'un seul moyen, c'est de renvoyer Speransky, afin d'eloigner toutes les intrigues, cabales, et réunir le public dans un seul sentiment de patriotisme», сказалъ Государю Армфельдъ. Это и рѣшило все дѣло».

Сперанскій былъ сосланъ.

На описаніе барона Корфа г. де-Сангленъ замѣчаетъ: «Это происходило не такъ. Съ Балашевымъ отправился я въ открытыхъ саняхъ къ Магницкому въ сопровожденіи двухъ драгунъ. По запечатаніи кабинета Магницкаго, спросилъ онъ: Не имѣете ли вы нужды? Въ чемъ бы вы нуждались? — Я забылъ взять нѣкоторыя бумаги. Распечатали кабинетъ, и взялъ Магницкій кипу бумагъ; запечатали опять кабинетъ. Балашевъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы отправите Магницкаго, а мнѣ нужно съѣздить въ одно мѣсто. Я пришлю вамъ мои сани; по отправленіи Магницкаго поѣзжайте къ Сперанскому,— я уже тамъ буду». Отправя Магницкаго, я поѣхалъ съ тѣми же драгунами къ Сперанскому. Балашева не было. Онъ пріѣхалъ въ 10 часовъ Въ 11-ть пріѣхалъ Сперанскій, взошелъ къ намъ въ совершенно спокойномъ видѣ, и улыбаясь сказалъ: «Извините, господа; Государь меня задержалъ.» Послѣ нѣсколькихъ словъ съ Балашевымъ, обратился Сперанскій ко мнѣ, сказавъ: C'est, je crois, m-r de Sanglin. На отвѣтъ Балашева «да» Сперанскій сказалъ мнѣ: Je suis content de faire votre connaissance.—C'est dommage que c'est dans des circonstances aussi facheuses, отвѣчалъ я.— Cela n'y fait rien, отвѣчалъ Сперанскій. Тутъ подошелъ ко мнѣ Балашевъ и сказалъ мнѣ на ухо: «Дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ Сперанскому наединѣ, я послѣ васъ призову». Но я призванъ не былъ. Собирали бумаги, жгли ихъ въ каминѣ, что̀ видно было сквозь двери, отворяемыя для принесенія платья, которое укладывалось въ чемоданы. Я нѣсколько

тучъ, носившихся надъ ихъ головами. Чутье быть могло, но ничего опредѣленнаго не видѣлось». Слова де-Санглена.

разъ вскрикивалъ: «это не въ порядкѣ!» и вѣрно слышно было въ кабинетѣ. Въ 12-мъ часу вышли оба изъ кабинета. Сперанскій вынесъ два толстыхъ портфеля. Балашевъ сказалъ мнѣ: «Запечатайте кабинетъ, Яковъ Ивановичъ», самъ поднесъ мнѣ свѣчку, далъ сургучъ и министерскую печать. «Я забылъ тамъ, Александръ Дмитріевичъ, третій портфель», вскричалъ Сперанскій. Балашевъ приказалъ мнѣ остановиться, и Сперанскій вынесъ третій портфель, такой же толщины, какъ и первые. Затѣмъ запечатанъ былъ кабинетъ, а портфели поѣхали вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ Нижній Новгородъ. Что̀ въ нихъ было — знаютъ про то Сперанскій и Балашевъ. Никакихъ бумагъ мы не запечатывали. На другой день, Государь потребовалъ меня и велѣлъ мнѣ разсказать, какъ все происходило у Сперанскаго. Когда я дошелъ до того, что Сперанскій вынесъ два портфеля набитыхъ бумагами и потомъ третій портфель, Государь воскликнулъ: «Балашеву Петръ.... (слѣдующаго слова не могъ я разобрать) отрубилъ бы голову».

«Потомъ открылось, что такъ повелѣно было, чтобъ скрыть записки его съ Сперанскимъ. Тутъ вѣроятно и Балашевъ скрылъ свои записки.»

То-есть Государь не хотѣлъ, чтобъ Балашевъ увидѣлъ записки его къ Сперанскому, и хотѣлъ лучше, чтобъ записки остались у Сперанскаго?

Вотъ это дозволеніе взять съ собою, что̀ угодно, и далъ вѣроятно Балашевъ Сперанскому, оставшись съ нимъ наединѣ, можетъ-быть подавая видъ, что дѣлаетъ это самъ, на свой страхъ, по расположенію къ нему...

Балашевъ не посмѣлъ бы при де-Санглёнѣ допустить, чтобы Сперанскій взялъ съ собою какія-нибудь бумаги. Да еслибъ Государь хотѣлъ имѣть всѣ бумаги Сперанскаго, то онъ могъ, получивъ это извѣстіе отъ де-Санглена, послать за ними вслѣдъ за Сперанскимъ, и отобрать бумаги на дорогѣ.

Соберемъ теперь всѣ показанія г. де-Санглена объ И. Александрѣ, Сперанскомъ, о себѣ и о книгѣ барона Корфа.

Сличая отзывы г. де-Санглена въ разныхъ мѣстахъ его замѣчаній и писемъ, должно сдѣлать, кажется, замѣчаніе, что у Императора Александра была своя особенная система и въ образѣ дѣйствій, и въ выраженіи своихъ мыслей. Ему приходилось иногда говорить противъ своихъ собственныхъ убѣжденій, если онъ въ данную минуту считалъ это полезнымъ для своихъ цѣлей, и послѣ забывалъ о томъ. Онъ слѣдовалъ часто не движенію своего сердца, а рѣшенію своего ума, употреблялъ людей какъ орудія по ихъ способностямъ, поколику они могли дѣлать порученное имъ дѣло. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и можно объяснить нѣкоторые его поступки. Такъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Карамзину, и имѣлъ неограниченную довѣренность къ Аракчееву; умилялся съ madame Крюднеръ, и принималъ сердечное участіе въ погибели Аракчеевской Анастасьи; спорилъ съ madame Сталь и Карамзинымъ противъ самодержавія, и вознегодовалъ на Сперанскаго, замѣтивъ, что тотъ думаетъ объ ограниченіяхъ. Балашева порицаетъ онъ съ Армфельдомъ, и даетъ важнѣйшее порученіе въ переговорахъ съ Наполеономъ; Балашева назначаетъ министромъ полиціи, а его директора де-Санглена принимаетъ къ себѣ тайно отъ министра и даетъ особыя пору-

ченія. Сперанскаго думаетъ удалить, а 1-го Января 1812 года надѣваетъ Александровскую ленту.

Все это если не оправдать, то объяснить можно только системою, что̀ и слѣдуетъ имѣть въ виду, при всѣхъ слѣдующихъ отзывахъ г. де-Санглена.

Рѣшаюсь привести кстати одно слово, сказанное мнѣ, лѣтъ сорокъ назадъ, предсѣдателемъ цензурнаго комитета Д. П. Голохвастовымъ. Я жаловался ему на притѣсненія цензуры. Онъ выслушалъ мои жалобы и сказалъ: «Эхъ, М. П., не судите строго цензоровъ. Вы завтра будете назначены цензоромъ, и сами вѣрно будете поступать также, какъ теперь они: *оптика перемѣняется*».

Дѣйствительно, на высотахъ или съ высотъ многое представляется иначе, а съ высоты высотъ кольми паче,—оптика тамъ уже совершенно иная.

Замѣтимъ еще, что г. де-Сангленъ былъ лично не расположенъ къ П. Александру за то, что тотъ приписывалъ впослѣдствіи, нѣкоторымъ образомъ, именно ему ссылку Сперанскаго, и будемъ снисходительны къ его показаніямъ. При томъ же это дѣла давно минувшихъ дней, которымъ прошло болѣе полувѣка.

Противъ барона Корфа г. де-Сангленъ, былъ также очень предубѣжденъ и не обращалъ никакого вниманія на достоинства его книги. Ему казалось, что баронъ Корфъ хочетъ обвинить его въ доносѣ на Сперанскаго. Во всей книгѣ г. де-Сангленъ видѣлъ только одинъ эпизодъ (ссылку) и старался доказывать, что не былъ въ ней виноватъ.

«Какъ не стыдно не упомянуть о проэктѣ Лагарпа для учрежденія министерствъ въ Россіи? Это послужило быть (?) *основаніемъ ссылки Сперанскаго*. Скрыто, для чего? Для того, чтобъ выставить своего героя изобрѣтателемъ министерствъ [35]). Ему хочется прославить своего героя [36]). Зачѣмъ не назвать настоящихъ двигателей факта?... Зачѣмъ ссылаться на Записки современниковъ, которые писали по слухамъ, ходившимъ въ городѣ? Но всего забавнѣе то, что онъ заставляетъ Сперанскаго писать подлѣйшія письма къ графу Аракчееву, Кочубею, и проч. [37]), даже съ приверженностію къ тому, кто его сослалъ... А еще лучше: кажется, *баронъ Корфъ, хоть не прямо, а косвенно, выставляетъ меня доносчикомъ на Сперанскаго*. Всѣ доносы на Сперанскаго отъ высшихъ и низшихъ были шумные. Не ужели для доноса нужно было оставаться и три и больше часовъ въ кабинетѣ [38])? Не имѣло ли другую причину, скрытую отъ *толпы*. Вотъ доказательство противнаго» [39]).

«Довольствуйтесь знать, что баронъ Корфъ во всѣхъ показаніяхъ принаравливался къ общимъ прежде бывшимъ понятіямъ. Вы, кажется, въ историческомъ энтузіасмѣ говорите: vigeat veritas et pereat mundus; а я говорю: Commovent homines non res,

---

[35]) Явная несправедливость: у Сперанскаго слишкомъ много было собственныхъ изобрѣтеній, и не было никакой нужды барону Корфу приписывать ему чужое.

[36]) Да какая же цѣль можетъ быть при этомъ? Герой въ землѣ, дѣтей не осталось, и лишнее прославленіе не приноситъ никому никакой пользы.

[37]) Ну вотъ и доказательство безпристрастія. «Заставлять писать». Но вѣдь эти письма подлинныя: скрыть ихъ нельзя!

[38]) Г. де-Сангленъ разумѣетъ здѣсь вечернія посѣщенія государева кабинета для сличенія плана Лагарпова съ учрежденіемъ министерствъ Сперанскаго, о чемъ см. выше, стр. 1167

[39]) Здѣсь слѣдуетъ описаніе бесѣды съ Аракчеевымъ, которое приведено выше, стр. 1164.

sed de rebus opiniones. Бѣда, коли сказать: sic erat in fatis»!

«Свидѣтелей происшествія и всего, что ему предшествовало, было трое: Армфельдъ, Балашевъ и я. Первые сокрыты въ сырой землѣ, одинъ я живъ остался; за то обо мнѣ не упомянуто, какъ долженствовало бы, ибо я не только свидѣтель, но въ рукахъ моихъ было и предшествовавшее происшествіе[40]). Но на меня ссылаться нельзя; я высказалъ бы всю правду, а она глаза колетъ. Лучше было предоставить меня клеветѣ, будто я былъ доносчикомъ на Сперанскаго, c'est plus court, нежели открыть глаза невидящимъ, полагающимъ себя зрячими».

«Но довольно. Мнѣ 86 лѣтъ; мнѣ трудно было и эти конфиденціальныя строки вамъ написать, рука трясется. Что бы это было, еслибы рѣшился каждый пунктъ опровергать, имѣя въ виду истину, исторію».

Надо впрочемъ здѣсь прибавить, что въ дневникѣ Сперанскаго и въ Запискахъ Дмитріева остаются слѣды подозрѣній на де-Санглена въ доносахъ на Сперанскаго.

Письмо г. де-Санглена ко мнѣ отъ 20 Февраля 1862 года:

«Напрасно вы думаете, что я не проникаю цѣли вашей. Она мнѣ извѣстна, ибо вы авторъ и историкъ; но позвольте вамъ сказать откровенно, вы сбиваетесь съ большой дороги и идете по проселочной, сквозь дремучіе лѣса и дебри, полагая, что всяка дебрь исполнится и всяка гора и холмъ смирятся.—Что я одинъ остался свидѣтелемъ катастрофы, прочіе померли, хоть и не свидѣтели, а зрители,—неоспоримо; жаль, что въ наше время ни Калiостры, ни Шведенборги не могутъ ихъ допрашивать въ могилѣ. — Записки Дмитріева я читалъ и, не взирая на родство съ Балашевымъ (Дмитріевъ) думалъ, какъ министръ, все знать, и ничего не зналъ, и только говорилъ о крикахъ публики.—Смѣшнѣе всего, что, повторяя вранье публики, назвалъ меня доносителемъ объ измѣнѣ Сперанскаго. Чистое и наглое вранье!—Это подражаніе публикѣ, которая, не зная объяснить себѣ частыя и продолжительныя пребыванія мои у Государя, опредѣлила: вѣрно онъ шпіонничаетъ!—Балашеву вѣрить нельзя; неужели пробарабанилъ онъ свои грѣхи Дмитріеву? Растопчинъ заварилъ кашу[41]), и расхлебалъ ее одинъ въ 1812 году. Когда армія наша ретировалась къ Москвѣ, я былъ у него на Брюсовой дачѣ, и изъ вопросовъ и сужденій его усмотрѣлъ я, что онъ настоящаго не зналъ, и что онъ, какъ и всѣ товарищи его, великіе земли сей, столь же свѣдущи были. И весьма натурально, ибо Импер. Александръ I, какъ нынѣ Наполеонъ, ведетъ почти всю Европу за носъ; такъ и Александръ велъ своихъ царедворцевъ, которые, какъ будто толкнутые въ дремучіе лѣса, не видѣли исхода, а выбившись на бѣлый свѣтъ, искали правды, обращались и ко мнѣ; но я долженъ былъ, хоть притворно, поддерживать крикъ публики. Такъ было повелѣно! Какъ упираться на этихъ господъ, или на разговоры Сперанскаго и Марченко или Батенкова? Они были въ томъ же лѣсу. Самъ Сперанскій въ запискахъ своихъ по возвращеніи въ Петербургъ говоритъ тоже».

[40]) Какое?

[41]) Здѣсь должно разумѣться, кажется, первое письмо Растопчина къ Государю, основанное на извѣщеніи его Балашевымъ. Слѣдовательно, письму Растопчина приписывалось большое значеніе въ дѣлѣ о Сперанскомъ, а прежде г. де-Сангленъ говорилъ, что Государь смѣялся передъ нимъ надъ заговоромъ.

«Балашевъ, Сперанскій въ могилѣ, а мы трое могли знать, что происходило у Магницкаго, Сперанскаго, и какъ попалъ Бологовскій въ тріумвиратъ, о которомъ баронъ Корфъ умолчалъ [42]). А я одинъ остался живъ, можетъ быть по опредѣленію Промысла для указанія на истину святую. За откровенно высказанное вамъ, по просьбѣ вашей, вы не должны, и не честно было бы, выдать меня въ лапы цензуры. По истинѣ, я одинъ заслуживаю вѣрованія, ибо брошенъ былъ судьбою въ этотъ омутъ, изъ котораго выступилъ чистъ, но преданъ злословію и преслѣдованію, именно за чистоту мою. — Что я выигралъ? — Бѣдность! И ею горжусь, и слыву богачемъ! Участь завидная въ будущемъ, но не сладкая во временной жизни. Слѣдовательно имя мое въ неразрѣшенныхъ вопросахъ барона Корфа выставлять грѣшно».

23 Марта 1862 г. (Строка неразобранная) Fragilitatem hominis. Securitatem Dei.

«Извините, отъ старости рука трясется. Прочтете ли вы? А писца молчаливаго отыскать трудно, а самому переписывать еще труднѣе».

Выпишемъ въ заключеніе мнѣніе г. де-Санглена о разныхъ дѣйствовавшихъ лицахъ:

«Волконскій былъ необразованъ... Увы, я служилъ при немъ!

Голицынъ—хитрое твореніе, жилъ умомъ Лабзина и Тургеневыхъ, подъ конецъ Бартенева [43]).

Кочубей—уменъ и ловокъ.

Но восильцевъ—спросите Польшу.

Закревскій—и писать не умѣлъ.

Строгоновъ и Меньшиковъ—одни только могли бы это исполнить (написать Записки объ И. Александрѣ)».....

V.

Тяжело было наперснику, совѣтнику государеву, пользовавшемуся его довѣренностію и принимавшему главное участіе въ правленіи, мчаться на перекладныхъ, въ распутицу, въ сопровожденіи частнаго пристава! Черезъ четыре дня, были они уже въ Нижнемъ [44]), гдѣ Сперанскій написалъ еще письмо къ Государю и къ Балашеву, котораго благодарилъ [45]) за доставленіе ему добраго провожатаго, и поручалъ его вниманію.

Сперанскій, зная свою невинность, считалъ, кажется, свое удаленіе временнымъ, и имѣлъ твердую надежду воротиться скоро въ Петербургъ, судя, вѣроятно, по послѣднему своему разговору съ Императоромъ Александромъ, судя по милости къ его семейству, наконецъ, судя по отзывамъ Государя и отношеніямъ къ близкимъ ему лицамъ, напримѣръ, къ Цейеру и г-жѣ Крамеръ.

На этомъ основаніи Сперанскій старался казаться совершенно спокойнымъ, чтобъ тѣмъ подтвердить свою невинность, являлся на оффиціальныхъ представленіяхъ, у мѣстныхъ властей, на публичныхъ сходбищахъ, прогуливался въ городѣ и за городомъ, выражалъ свои мнѣнія и велъ себя безпечно, какъ человѣкъ свободный отъ всѣхъ опасеній.

---

42) Не умолчалъ, а указалъ безъ наименованія лицъ.

43) Юрія Никитича. П. Б.

44) Спрашивается, для чего нужна была такая поспѣшность?

45) Де-Сангленъ замѣчаетъ, что благодарность относилась къ портфелямъ, которые допущено было увезть.

Чтобъ укротить своихъ непріятелей и быть забыту ими, какъ сошедшему съ политическаго поприща, не могущему имъ мѣшать или вредить, онъ распустилъ слухъ, что хочетъ купить себѣ имѣніе близь Нижняго, и приторговалъ себѣ домъ.

Въ письмахъ, кои были, какъ онъ конечно зналъ, раскрываемы и прочитываемы, онъ также старался распространить мнѣніе о своемъ спокойствіи и преданности ученымъ занятіямъ, воспитанію дочери ипр.

Отъ 10 Апрѣля, напримѣръ, на другой день послѣ пріѣзда тещи съ дочерью, онъ писалъ къ своему повѣренному, Масальскому:

«Мнѣ сказывали, что вы чрезмѣрно печалитесь. Развѣ вы не вѣрите Провидѣнію? Сколько разъ я твердилъ вамъ, что вѣра состоитъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ? Вамъ сказали вздоръ, что ко мнѣ и писать уже не можно. Не вѣрьте симъ глупостямъ. Впрочемъ, дѣла и отношенія мои съ вами, такъ какъ и со всѣми, суть таковы, что мы можемъ переписываться даже и черезъ газеты; дружба же моя никого не постыдитъ. Всѣмъ друзьямъ моимъ поклонитесь, и скажите, что никогда не бывалъ я ни такъ здоровъ, ни столько спокоенъ» (II,52).

Можетъ-быть, Сперанскій старался распространить мнѣніе о своей философіи съ особенною цѣлью, о коей мы выше замѣтили.

Впрочемъ, сама дочь его такъ описываетъ первое свое свиданіе:

«Трепеща отъ нетерпѣнія и душевнаго волненія, я не могла дождаться нашего пріѣзда, и когда минута свиданія наступила, то бросилась въ комнату какъ безумная и повисла на шеѣ у батюшки, думая найти и его въ горькомъ отчаяніи. И что же? Онъ былъ точно такъ же спокоенъ, веселъ, свѣтелъ, какъ наканунѣ нашей разлуки, въ Петербургѣ, когда никто изъ насъ и не подозрѣвалъ готовившагося несчастія. По его виду казалось, что это заточеніе только прогулка, простая перемѣна жительства по собственной волѣ. Съ обыкновеннымъ обаяніемъ своего ума и прекрасной души, изгнанникъ - опальный уже успѣлъ, въ такое короткое время, совершенно привлечь и покорить себѣ хозяевъ того дома, въ которомъ жилъ» (II,51).

Для отстраненія слуховъ объ его богатствѣ, дошедшихъ даже и до привязаннаго къ нему Кочубея, онъ выставилъ свои нужды,—просилъ о выдачѣ слѣдующаго ему жалованья.

Бѣдный, онъ бился, какъ рыба объ ледъ; легковѣрный, онъ надѣялся, что выпутается изъ силковъ, захватившихъ его такъ нечаянно.

Нѣтъ, ты затянутъ ими такъ, что уже не освободиться тебѣ долго, если не никогда.

Надъ Сперанскимъ былъ учрежденъ надзоръ, и какъ читали его и къ нему письма, такъ и слѣдили за всѣми его движеніями. Первое предписаніе можетъ-быть было пустою формальностію, ибо какого заговора или опаснаго дѣйствія можно было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ ожидать въ Нижнемъ отъ Сперанскаго?

Но при извѣстномъ настроеніи, съ извѣстной точки зрѣнія, малѣйшее слово или движеніе принимаютъ у людей особый смыслъ; пустая, ничтожная вещь увеличивается до колоссальныхъ размѣровъ, и доставляетъ обильную пищу возбужденному подозрѣнію, тѣмъ болѣе, что было много охотниковъ, желавшихъ въ его обвиненіи находить поводъ для своего оправданія.

Сперанскій любилъ ходить въ народѣ, и заглядывалъ иногда даже въ трактиры, кабаки, для наблюденія нравовъ и обычаевъ простолюдиновъ.—Нѣтъ, онъ ищетъ средства взбунтовать народъ (II,57)!

Сперанскій вымѣниваетъ золотыя и серебренныя деньги на приданое своей дочери,

изъ опасенія, что ассигнаціи могутъ упасть въ цѣнѣ.—Онъ хочетъ, видно, бѣжать, или заготовляетъ на случай (II,63).

Сперанскій на завтракѣ у архіерея говоритъ безъ всякаго умысла, что Наполеонъ оказывалъ вездѣ пощаду духовенству. — Стало быть, онъ старается привлечь духовенство на сторону Наполеона.

Между тѣмъ началась война. Наполеонъ вторгнулся въ Россію съ полумилліономъ войска. Полилась кровь, запылали города и села. Наполеонъ шелъ, не останавливаясь, къ Москвѣ.

Ростопчинъ, старый врагъ Сперанскаго, одно изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ противной партіи, пишетъ къ Государю письмо о козняхъ Сперанскаго и его приверженцевъ, Столыпина и Злобина.

Въ умѣ, въ любви къ отечеству, въ готовности ко всякимъ пожертвованіямъ Растопчина нѣтъ никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, вотъ до какой пошлости могъ онъ дойти! Будемъ снисходительны и осторожны въ сужденіяхъ о такихъ людяхъ.

Послѣдній Нижегородскій доносъ показался столь важнымъ самому И. Александру, что онъ написалъ вышеприведенное нами письмо графу Толстому и велѣлъ отправить Сперанскаго далѣе въ Пермь.

Въ день своего отправленія изъ Нижняго, 15 Сентября, Сперанскій встрѣтился съ Карамзинымъ, въ первый разъ отъ роду, на поздравленіи у графа Толстаго, къ коему великіе Русскіе люди, оба, считали нужнымъ явиться въ день царскаго тезоименитства!

Когда Сперанскому вечеромъ было объявлено дальнѣйшее слѣдованіе, онъ, по свидѣтельству барона Корфа (стр. 68), сказалъ: «я ожидалъ этого».

Нѣтъ ли здѣсь ошибки? Почему было ему ожидать бóльшаго наказанія? Не пропущена ли здѣсь частица *не?*

Отъѣзжая подъ карауломъ, Сперанскій пишетъ еще письмо къ Государю.

Отъ все еще надѣется на письма, на кои никто уже не обращаетъ вниманія: Толстой удержалъ письмо при себѣ. А Сперанскій просилъ еще кланяться графу Толстому, и писалъ къ нему самому, чтобъ онъ сохранилъ о немъ доброе мнѣніе, для него очень дорогое!

Нѣтъ, его дѣло, видно, считалось порѣшеннымъ и сданнымъ въ архивъ; объ немъ никто не хотѣлъ уже думать, несмотря на всѣ его поиски и старанія и униженія. Онъ приписывалъ новое распоряженіе (не подозрѣвая Высочайшихъ собственноручныхъ повелѣній и ихъ поводовъ) своимъ врагамъ, которые хотѣли доканать его, удалить его еще далѣе и положить болѣе преграды къ возвращенію; но оно, безъ ихъ усилій, было, видно, опредѣлено выше, и на подчиненныя лица нисходило вліяніе сверху.

Въ Перми онъ это почувствовалъ живѣе, нежели въ послѣднее время въ Нижнемъ. Если онъ пріѣхалъ туда съ новою раною въ сердцѣ, чувствуя, что враги, не смотря на его старанія, не забыли его, то пріемъ Пермскихъ жителей поразилъ его еще болѣе. На визиты его городскимъ властямъ никто не отвѣчалъ, и едва ли кто принялъ его. На улицахъ, посреди прогулокъ, онъ слышалъ себѣ клики: измѣнникъ! Въ церкви, за обѣдней, въ день Покрова Богоматери, заходили впередъ смотрѣть ему въ глаза съ презрѣніемъ. Самъ архіерей счелъ за нужное метать на него грозные взоры. Сперанскій все выдержалъ и послѣ обѣдни явился обѣдать по обыкновенію къ архіерею, который тотчасъ отправился къ губернатору

оправдаться въ пріемѣ такого гостя. На вторые визиты, которые отсовѣтовалъ ему самъ хозяинъ, купецъ его Поповъ, не послѣдовало также никакого отвѣта. Французскіе плѣнники не принимали отъ него милостыни, какъ отъ измѣнника. Крестьяне на родинѣ Сперанскаго хотѣли разметать домъ его зятя.

Можно ли быть унижену болѣе? И Сперанскій все переносилъ! Какая сила души потребна была для перенесенія такихъ нравственныхъ страданій, и за что?

Надо удивляться, какъ Сперанскій, при такихъ оскорбленіяхъ и огорченіяхъ, не упалъ духомъ и выдержалъ ужасное испытаніе.

Въ Перми, по стеченію обстоятельствъ, онъ узналъ даже нужду, занималъ у своихъ людей, закладывалъ цѣнныя вещи (II,81). Онъ написалъ еще письмо къ графу Толстому и другое къ Государю, въ которомъ просилъ о жалованьѣ. Напрасно онъ просилъ Толстаго:

«Сибирь — есть земной рай въ сравненіи съ Пермью... Зная ваше благородное чувство, не могу себѣ представить, чтобъ вы согласились когда-нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость ихъ слишкомъ ощутительна, а впрочемъ сама собою откроется, когда только удостоятъ вопросить меня».

И это письмо не было отправлено. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ чрезъ графа Толстаго, Сперанскій обратился къ Балашеву и послалъ къ нему письмо для представленія Государю, гдѣ просилъ объ избавленіи отъ унизительнаго присмотра и о выдачѣ жалованья.

Нельзя безъ внутренняго волненія слушать вопли измученной души:

«Умилосердитесь, Государь; не предайте меня на поруганіе всякаго, кто захочетъ изъ положенія моего сдѣлать себѣ выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу. Никогда, среди самыхъ тяжкихъ напастей, не колебался я вѣрить, что состою еще въ точной и великодушной вашей защитѣ».

Въ письмѣ къ Балашеву онъ напоминаетъ о своемъ жалованьѣ, о чемъ просилъ графа Толстаго.

Послѣдняя просьба тотчасъ была удовлетворена. Сперанскій получилъ все слѣдовавшее ему жалованье (что̀ составило значительную сумму) и вмѣстѣ извѣстіе, что мѣстному начальству предписано, чтобъ «Высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема» (стр. 85).

Сперанскій благодарилъ Балашева:

«Оставленный всѣми, заточенный въ самомъ несносномъ жилищѣ, я имѣлъ величайшую нужду въ семъ утѣшеніи. Богъ воздастъ вамъ за него, а я не въ силахъ. Довершите ваше одолженіе, повергнувъ въ удобное время всеподданнѣйшую благодарность мою Государю Императору. Всякій знакъ вниманія къ судьбѣ моей для меня всегда будетъ драгоцѣненъ» (стр. 86).

Замѣтимъ это дѣйствіе Балашева; еслибы Сперанскій подозрѣвалъ его въ главной причинѣ своей ссылки, то какъ бы могъ онъ, кажется, говорить ему такимъ языкомъ?

Обхожденіе въ Перми измѣнилось: начальники и жители начали являться и приглашать къ себѣ съ знаками совершеннаго почтенія и доброжелательства. Сперанскій отдохнулъ. Ступивъ одинъ счастливый шагъ, не остановился на немъ, приступилъ обнадѣясь немедленно къ дальнѣйшему движенію впередъ, и съ безпримѣрною настойчивостію началъ безпрестанно подвигаться. Образъ дѣйствій Сперанскаго можно уподобить искусной шахматной игрѣ, въ коей игрокъ опытный умѣетъ воспользоваться всякимъ выгоднымъ обстоятельствомъ.

Увидѣвъ въ благосклонномъ исполненіи своей просьбы возвращеніе царской милости, онъ рѣшился обратиться къ Государю съ подробнымъ объяснительнымъ и оправдательнымъ письмомъ.

Вся трудность задачи состояла въ томъ, какъ довести до рукъ Государя, мимо бдительныхъ враговъ, письмо, которое могло открыть ему дорогу въ Петербургъ. Сперанскій рѣшился разстаться съ единственнымъ своимъ утѣшеніемъ, любимою дочерью, и поручилъ ей отвезти письмо. Она отправилась вмѣстѣ съ своей бабушкою въ Петербургъ искать благопріятнаго случая.

Сперанскій возложилъ надежды на письмо это, въ которомъ изложены подробно всѣ обвиненія, сколько ему случилось услышать отъ самого Государя и сообразить по послѣдовавшимъ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что война обратилась въ нашу пользу, опасности миновались, враги со стыдомъ бѣжали изъ предѣловъ отечества, устилая путь своими костями.

Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ примѣчательномъ письмѣ.

Заключеніе его очень трогательно:

«Въ награду всѣхъ горестей мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вашему Величеству, къ славѣ Вашей и къ благу государства подъятыхъ; въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ, въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною,— прошу единой милости: дозволить мнѣ, съ семействомъ моимъ, въ маленькой моей деревнѣ, провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной. Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную, или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только *свободы* и *забвенія*. Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства, да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе».

Скажемъ смѣло: только совершенное убѣжденіе въ своей невинности можетъ сообщить рѣчи такую силу и твердость. Могъ ли бы Сперанскій изъ ссылки говорить въ глаза И. Александру такія вещи, еслибъ зналъ, что Государь имѣетъ другія свѣдѣнія, и можетъ его опровергнуть, имѣетъ право ему не повѣрить? Могъ ли бы онъ надѣяться на благосклонное вниманіе къ своей просьбѣ?

Замѣтимъ желаніе Сперанскаго, въ заключеніе, имѣть Государю исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія.

Сперанскій этими словами, кажется, сознавался, (если это не есть легкая иронія) что желаемыхъ добродѣтелей ему не доставало, или, по крайней мѣрѣ, не приписывалось.

Онъ былъ увѣренъ въ дѣйствіи своего письма, и чрезъ полгода, 6 Августа, такъ заключалъ длинное письмо къ Словцову:

«Скажу вамъ нѣсколько словъ о житейскомъ моемъ положеніи. Я живу здѣсь изряднехонько, т. е. весьма уединенно и спокойно. Возвратиться на службу не имѣю ни большой надежды, ни желанія, но желаю и надѣюсь зимою переселиться въ маленькую мою Новгородскую деревню, гдѣ теперь живутъ моя дочь и семейство, и тамъ умереть, если только дадутъ умереть спокойно».

Письмо Сперанскаго къ Государю осталось безъ отвѣта.

Читатели! Посудите, чего стоили эти тщетныя ожиданія, эти несбывшіяся надежды?

Прошли полтора года.

Окончаніемъ войны и славнымъ заключеніемъ мира Сперанскій воспользовался, чтобы опять просить Государя о позволеніи жить въ своей Новгородской деревнѣ.

Поздравляя Государя (9 Іюля 1814 года) съ этимъ блистательнымъ событіемъ, онъ заключаетъ: «Удаленіе мое отъ лица Вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ Вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть Вамъ приверженнымъ. Среди всеобщей радости не оскорбитесь, Всемилостивѣйшій Государь, склонить вниманіе Ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо, для поднесенія Вашему Величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ Вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія сокрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близь Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ уповаиіи на правосудіе и милосердіе Ваше».

Съ минованіемъ войны, говоритъ онъ, отпало и главное побужденіе опалы, или то, что было взято поводомъ къ ней.

«Первое движеніе Государя, всегда мнѣ благотворное», писалъ впослѣдствіи Сперанскій къ Кочубею, «успѣли перемѣнить. Первое движеніе, мнѣ съ достовѣрностію тогда означенное, было вызвать меня въ Петербургъ, второе проводить за присмотромъ въ деревню» (стр. 92).

Авторъ говоритъ, что обстоятельства точно были теперь иныя. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли [46]). Другіе не находились болѣе при Александрѣ.

Однакоже удовлетвореніе послѣдовало далеко недостаточное. Кто же дѣйствовалъ теперь на Государя?

Въ опредѣленіи было сказано, что всемилостивѣйшее соизволеніе «дается въ полной удостовѣрности, что скромное житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ».

На Великополье, говоритъ баронъ, правительство смотрѣло какъ на продолженіе Нижняго и Перми.

Мы видимъ, что Александръ, самъ по себѣ, или вслѣдствіе навѣтовъ, не склонился нимало къ своему секретарю, и, не смотря на краснорѣчивыя его защиты, оставилъ его въ удаленіи.

Искусному игроку правителемъ игры уступалось также только по одному шагу.

Присмотръ продолженъ для того ли только, чтобъ сохранить наружность, чтобы оправдать первоначальное наказаніе, хотя и несправедливое. Какихъ опасныхъ дѣйствій можно было ожидать въ Новгородской глуши, особенно послѣ того, какъ самъ Наполеонъ въ главѣ своей арміи былъ низверженъ и сосланъ на островъ Эльбу, а потомъ и на Св. Елену?

«Распорядитесь», писалъ управляющій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ, къ начальнику Новгородской губерніи, чтобы безъ всякой огласки извѣстно вамъ было объ его образѣ жизни и о знакомствахъ, о чемъ и мнѣ отъ времени до времени давайте знать».

Сперанскій прожилъ въ Великопольѣ два года.

Сначала онъ желалъ только забвенія,

---

[46]) Армфельдъ умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1814 году.

котораго просилъ въ письмѣ къ Государю. Декабря 3-го 1814 г. пишетъ онъ къ Масальскому: «Для меня вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытіи моемъ на свѣтѣ».

Внутренній червь усыпился, но не на долго.

Сперанскій много занимался, принялся было за сельское хозяйство, однако вскорѣ оставилъ его. Часть времени онъ посвящалъ дочери, которой преподавалъ все, а другую—любезному дитяти, дочери г-жи Вейкартъ. Много времени отдано на изученіе Англійскаго языка и потомъ Еврейскаго. Въ Великопольѣ написалъ онъ много сочиненій о разныхъ предметахъ философическихъ, богословскихъ, юридическихъ [47]. Наконецъ онъ занимался тамъ много патристикою, и началъ дѣлать извлеченія изъ сочиненій святыхъ отцевъ, найденныхъ имъ въ сосѣдней библіотекѣ монастыря Саввы Вишерскаго.

Эти занятія согласовались и съ воспитаніемъ и расположеніемъ душевнымъ Сперанскаго, равно и съ прежними занятіями; однако нельзя не замѣтить здѣсь совпаденія съ господствовавшею модою того времени. Вспомнимъ, что Государь и князь Голицынъ въ это именно время были самые жаркіе ревнители мистическаго направленія. Князя Голицына Сперанскій не оставилъ тотчасъ и увѣдомить о приготовленныхъ имъ трудахъ по сей части (отъ 19 Января 1817 г.).

Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Цейеру доказываетъ знакомство Сперанскаго съ завѣтнымъ преданіемъ мистицизма.

«Разговоръ, заведенный мною на дняхъ съ отцемъ Петромъ (заступившимъ мѣсто настоятеля въ обители св. Саввы Вишерскаго), вразумилъ меня, что они вовсе не чужды высшимъ степенямъ созерцательной молитвы. Гдѣ почерпнули они эту тайну? Такъ-то справедливо, что безпритязательное простосердечіе идетъ исполинскими шагами, даже и по пути знаній. Часто, пресмыкаясь по землѣ, оно головою касается неба» (стр. 103).

Уроки дочери, изученіе языковъ, наука, монастырь, святые отцы, а червь внутренній проснулся и поднялъ голову.

Спокойствія и забвенія оказалось недостаточно. Явились новыя потребности, столько же настоятельныя и убѣдительныя, какъ и Пермскія.

Авторъ прекрасно изображаетъ здѣсь состояніе души Сперанскаго, и мы не беремся передавать его своими словами.

«При всемъ, однакоже, христіанскомъ смиреніи и упованіи, при всемъ наружномъ спокойствіи, истинный покой въ существѣ, далеко былъ отъ сердца опальнаго. Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе его терзали продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали наконецъ и помыслы честолюбія, которые горѣли въ немъ неугасимо, несмотря на всю безъисходность изгнанія. И напрасно дочь, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ, что въ жизни съ нею и для нея отецъ находилъ свое блаженство и не искалъ, не надѣялся, не желалъ никакой перемѣны. Молодая дѣвушка не могла отгадать тайныхъ его думъ и влеченій. Доказательство ошибочности ея взгляда мы находимъ въ письмахъ» (стр. 105).

Что̀ же дѣлать Сперанскому? Какія пріискать новыя средства?

Относиться къ Государю еще послѣ просьбы, въ коей онъ желалъ только спо-

---

47) Гдѣ онѣ? Полное изданіе ихъ должны считаться священною обязанностію для того, кто можетъ это сдѣлать, не только въ знакъ почтенія къ памяти Сперанскаго; но и къ славѣ Русской науки, Русской исторіи. М. П.

Прибавимъ: и языка Русскаго. П. Б.

койствія и забвенія и получа ихъ, было неудобно и ненадежно. Сперанскій увидѣлъ, хотя и жилъ въ деревнѣ, что власть теперь находится въ рукахъ у Аракчеева, и что мимо его нельзя надѣяться ни на какой успѣхъ.

Вотъ кому надо поклониться!

Но чѣмъ тронуть металлическое сердце этого грознаго и всемогущаго нелюдима? Чѣмъ подвигнуть его къ милости? Можетъ-быть Сперанскій сознавалъ, что въ другое время онъ подавалъ поводъ къ его неудовольствіямъ, ревности, зависти, оскорблялъ его гордость и самолюбіе.

Каково же было для Сперанскаго поклониться Аракчееву!

Мудрено было и надѣяться на успѣхъ. Долго, должно быть, обдумывалъ Сперанскій свое письмо къ нему, стоя за всенощной въ тихой обители св. Саввы, прогуливаясь по берегамъ Волхова, не давая замѣтить дочери, какія размышленія занимали его умъ, останавливаясь можетъ-быть вдругъ, среди ея уроковъ, ей даваемыхъ.

Наконецъ, онъ обдумалъ и написалъ свое письмо къ Аракчееву (въ Іюлѣ 1816 г.) образецъ ясности, точности, краткости, убѣдительности, силы; письмо смиренное, но съ сохраненіемъ достоинства, и, главное, съ твердымъ сознаніемъ своей невинности.

Въ письмѣ выставлены достоинства Аракчеева, которыя, не нарушая справедливости, можно было ему приписывать, для пріобрѣтенія его благосклонности: преданность и любовь въ справедливости; искусно подведены основанія, представлены причины, указаны средства исполнить желаніе съ соблюденіемъ всѣхъ государственныхъ приличій.

Письмо было убѣдительно, и тому лучшее доказательство въ томъ, что самъ Аракчеевъ умилился, подался и исполнилъ желаніе Сперанскаго. Письмо попало въ цѣль, пробило грудь, тройною мѣдью покровенную. Вотъ тема:

Вы справедливы, вы преданы Государю ближе всѣхъ: разсудите же, за что̀ я терплю. Дайте мнѣ средства оправдаться, очистить себя въ общественномъ мнѣніи, чтобъ не умереть съ именемъ измѣнника. Примите меня на службу, или дайте мнѣ судъ.

Замѣчено выше, что Пермское письмо не могло быть писано человѣкомъ, сознающимъ за собою какую-нибудь вину. Еще болѣе это должно сказать о Великопольскомъ письмѣ, и къ кому? Къ Аракчееву, который все зналъ, былъ расположенъ болѣе принимать все въ худую сторону, чѣмъ въ хорошую, не любилъ Сперанскаго. Его мудрено было обмануть, провести, переувѣрить. Видно, точно Сперанскій былъ невиненъ.

Аракчееву лестно было увидѣть страшнаго соперника, умнѣйшаго человѣка въ государствѣ, признающаго его силу и смиренно умоляющаго о помилованіи! Пріятно было доказать, что онъ точно можетъ поднять его, и онъ поднялъ! Спасибо и за то!

Отвѣта Аракчеева не сохранилось, но мы знаемъ несомнѣнно, что самъ Сперанскій былъ вскорѣ въ Грузинѣ, вѣроятно по приглашенію новаго своего благодѣтеля (между письмомъ къ нему въ Іюлѣ и между пребываніемъ Александра въ Грузинѣ въ Августѣ).

Свиданіе Сперанскаго съ Аракчеевымъ достойно кисти Шекспира.

Еслибъ Шекспиръ представилъ, что Сперанскій упалъ къ нему въ ноги, то я этому не долженъ бы былъ удивляться нисколько, какъ не удивительно мнѣ явле-

ніе Сперанскаго въ щегольскомъ нарядѣ передъ Обольяниновымъ, и письмо о занятіи мистическими писателями и святыми отцами, къ князю Голицыну [48]).

Письмо къ Государю, также образцовое по своей логикѣ, силѣ, скромности, умѣренности, мы не беремся передавать своими словами. Вотъ оно:

«При удаленіи меня отъ лица Вашего, Ваше Императорское Величество соизволили мнѣ сказать, что, во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе затруднительномъ, Ваше Величество употребили бы много времени и способовъ на подробное разсмотрѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до васъ дошедшихъ».

«Съ того времени доселѣ, пятый годъ находясь подъ гнѣвомъ Вашего Величества, я не преставалъ однакоже надѣяться разрѣшенія судьбы моей».

«Время, вмѣсто смягченія моихъ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе; оно усиливаетъ вѣроятность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій, ослабляетъ способы къ моему оправданію, стираетъ слѣды, по коимъ можно бы еще было дойти до истины, утверждаетъ, самою продолжительностію, общее о винѣ моей мнѣніе и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ безчестный гробъ».

«Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ умоляю Ваше Величество обратить на судьбу мою Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ Вамъ въ сердце вложитъ» (стр. 106).

Замѣтимъ еще одну прекрасную черту. Сперанскій не забылъ о товарищѣ своего изгнанія Магницкомъ, и написалъ въ письмѣ къ Аракчееву: «Осмѣливаюсь присовокупить еще одно обстоятельство: я не знаю, и точно не знаю, въ какой степени и въ чемъ именно судьба моя связана съ Магницкимъ; но если сіе въ обстоятельствахъ дѣла существуетъ, то ваше сіятельство легко себѣ представить можете, что не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго для него» (стр. 110).

Государь пріѣхалъ вскорѣ въ Грузино и оттуда вмѣстѣ съ Аракчеевымъ отправился въ Москву. Тамъ, Августа 30-го, состоялся Высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго губернаторомъ въ Пензу, а Магницкаго вице-губернаторомъ въ Воронежъ.

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ; потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю» [49]).

За указомъ послѣдовали многія денежныя награжденія; но дано понять, что

---

[48]) Не душа лжетъ, а мошна, говоритъ Русская пословица, которую можно распространить такъ: не душа лжетъ, а среда. Вотъ его извиненіе, если не оправданіе. Такъ и Карамзинъ долженъ былъ въ мундирѣ ѣхать съ визитомъ къ Аракчееву. Ермоловъ не хотѣлъ сдѣлать лишняго по его мнѣнію шага, не хотѣлъ наклониться (хоть и сгибался въ случаяхъ, менѣе важныхъ), и потерялъ тридцать лѣтъ для полезной службы отечеству, переплетая книги, сыпля остроуміемъ въ утреннихъ и вечернихъ бесѣдахъ и переливая изъ пустаго въ порожнее. Развѣ это лучше? А Ермоловъ пригодился бы и на Кавказѣ, и въ Турціи, и въ Крыму. Сперанскій, поклонившись Аракчееву, получилъ возможность устроить Сибирь, и проч., издать Собраніе законовъ, Сводъ.

[49]) Совершенно согласно съ мнѣніемъ Сперанскаго, указаннымъ въ письмѣ къ Аракчееву

Государю Императору будетъ пріятно, если Сперанскій отправится въ Пензу прямо изъ деревни; то-есть *нельзя* заѣзжать въ Петербургъ.

Сперанскій былъ очень радъ, совершенно доволенъ. Друзьямъ своимъ, которые смотрѣли на дѣло иначе, для успокоенія онъ писалъ: «Для перваго шага это гораздо болѣе, нежели я ожидалъ. Вы увидите, и я имѣю на это доказательства, что все прочее пойдетъ какъ по маслу».

Ахъ нѣтъ, Михаилъ Михайловичъ, напрасно ласкаете вы себя этою надеждою: не пойдетъ все маслу, а развѣ по ухабамъ, по этапамъ, и вы еще долго будете жаловаться. Счастливыя времена ваши уже прошли и не возвратятся больше. Но, слава Богу, что вы можете себя обманывать въ легковѣріи вашего добраго сердца. Вамъ издали показывается исполненіе вашихъ желаній, которое постепенно будетъ отъ васъ отдаляемо, и вы найдете совершенный покой — только въ могилѣ.

Считая свое назначеніе временнымъ и даже непродолжительнымъ, Сперанскій не взялъ съ собою дочери въ Пензу, а отправилъ ее въ Петербургъ, подъ предлогомъ окончанія воспитанія и неизвѣстности, какъ устроится Пензенское хозяйство. Разумѣется, онъ ошибся, и долженъ былъ прослужить два года вѣрою и правдою въ Пензѣ

Въ новой должности, на незнакомомъ почти для себя поприщѣ правителя, въ обстоятельствахъ весьма для себя мудреныхъ, въ отношеніи къ обществу, къ врагамъ и государству, къ вопросамъ отвлеченнымъ и положительнымъ, Сперанскій нашелся, и показалъ тѣже свои великія способности, тотъ же умъ, тоже умѣнье примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, пользоваться ими для достиженія своихъ цѣлей, туже терпимость, переходившую можетъ-быть за предѣлы, и туже любезность, привлекавшую къ нему подчиненныхъ какъ и въ Петербургѣ, во главѣ управленія. Онъ тотчасъ заслужилъ любовь и уваженіе тѣхъ,которые имѣли до него дѣло.

Щекотливый вопросъ въ то время былъ о крестьянахъ; но счастливый случай предложилъ ему съ самаго начала дѣло, которое онъ могъ рѣшить въ пользу дворянъ, не нарушая справедливости.

Это рѣшеніе обратило общее мнѣніе тотчасъ въ его пользу, чему способствовали и старые друзья его Столыпины.

Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ, какъ бы для удовлетворенія другой партіи и слѣдуя своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, «тотъ же губернаторъ, не долго спустя, доказалъ, что онъ не намѣренъ смотрѣть сквозь пальцы и на тиранство помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, съ большими связями, засѣкъ своего крестьянина до смерти. Сперанскій безпощадно подвергъ его суду, который имѣлъ послѣдствіемъ ссылку виновнаго въ Сибирь. Тотчасъ же послѣ своего пріѣзда онъ съ такою же строгостью окончилъ дѣло, тянувшееся до тѣхъ поръ лѣтъ десять, объ одной помѣщицѣ, истыкавшей несовершенно-лѣтняго своего двороваго перочиннымъ ножемъ до смерти за то, что не досмотрѣлъ за ея кроликами» (стр. 127).

Замѣтимъ, что все таки въ то время только человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и твердымъ убѣжденіемъ могъ постановить подобное, хотя и справедливое, рѣшеніе, или содѣйствовать ему, особенно имѣя за собою такое прошлое и не стоя твердо на своей почвѣ.

Какъ разжалованный въ солдаты, которому открыты были средства для выслуги, принялся онъ за службу со всею рьяностью. Онъ позабылъ, кажется, вовсе чѣмъ былъ;

новый человѣкъ, онъ думалъ только о томъ, какъ наилучше, наиприятнѣе для всѣхъ исполнить свое дѣло, свою должность, первое важное порученіе и не оставлялъ никакой бездѣлицы безъ вниманія.

Прибывъ въ Пензу, онъ тотчасъ объѣхалъ съ визитами всѣ Пензенскія знаменитости и тѣмъ потѣшилъ губернское самолюбіе. Тогда же онъ открылъ свободно доступъ къ себѣ всѣмъ.

Сначала онъ окончательно весь погружался въ исполненіе своей должности, какъ будто знать ничего не хотѣлъ болѣе, и купилъ даже деревню себѣ въ Пензѣ весною 1817 года.

Замѣтимъ значительное слово въ письмѣ къ Цейеру: «Скажите Сергѣю Семеновичу Уварову, что одно изъ величайшихъ моихъ наслажденій было бы къ нему писать; но я долженъ еще нѣкоторое время хранить строгое воздержаніе» (стр. 129). Долго ни къ кому не писалъ онъ ничего.

Но утвердившись на мѣстѣ, получивъ благорасположеніе, убѣдясь внутренно, что дѣла хороши, атмосфера благопріятствуетъ, онъ подвигается еще впередъ, онъ ступаетъ нѣсколько шаговъ, и пишетъ къ Государю поздравительное письмо съ новымъ годомъ.

Баронъ Корфъ прекрасно объяснилъ это письмо:

«Лишь только Сперанскій водворился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи, онъ, оставляя въ сторонѣ обыкновенный служебный порядокъ, вошелъ съ Императоромъ Александромъ въ непосредственное, частное сношеніе, уже не какъ проситель, или человѣкъ жалующійся на свою судьбу, но въ такое сношеніе, которымъ явно искалъ показать, что, несмотря на все, случившееся съ 17 Марта 1812 года, слѣды прошедшаго никогда и ничѣмъ не могутъ быть изглажены,—словомъ, что и по низведеніи на степень губернатора, онъ въ собственныхъ своихъ глазахъ остается и въ глазахъ Александра долженъ оставаться тѣмъ же Сперанскимъ, который нѣкогда былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ своего Монарха, способствовавшимъ ему преобразовывать Россію и созидать для нея новое бытіе. Первымъ къ тому поводомъ онъ избралъ поздравленіе съ наступленіемъ новаго (1817) года, а темою—дѣла библейскихъ обществъ, которыми, въ то время, много занималось наше правительство».

Замѣтимъ тему: библейскія общества, любимое и модное учрежденіе!

Письмо́ не найдено, но отвѣтъ показываетъ, что, независимо отъ прочихъ отношеній, оно было пріятно.

Замѣтка барона Корфа объ удовольствіи Сперанскаго мастерская.

«Этотъ отвѣтъ, хотя былъ не собственноручный, но, по тону своему, очевидно относился тоже не къ губернатору, а къ *прежнему Сперанскому.* Помѣта 1 Февраля 1817 г. была сдѣлана рукою князя Голицына, въ канцеляріи котораго, безъ сомнѣнія и самый отвѣтъ былъ сочиненъ. Сперанскій чрезвычайно ему обрадовался, и еще болѣе, кажется, обрадовался тому, что вообще впервыя, послѣ событій 1812 года, былъ удостоенъ прямаго отзыва. «На ушко скажу тебѣ», — тотчасъ написалъ онъ дочери, — «что и отъ Государя получилъ я здѣсь, лично къ себѣ, письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженій». Замѣчательно, что эту частную переписку онъ почелъ нужнымъ сохранять въ особенной тайнѣ, можетъ-быть для того, чтобъ не пробудить усыпленной зависти, и съ нею новыхъ противъ себя происковъ, а можетъ-быть и по общей чертѣ его характера, всегда чуждаго всякой самолюбивой хвастливости. Въ томъ же его письмѣ къ дочери прибавлено: «симъ ты можешь порадовать одного Андрея Андреевича» (Жерве).

Вѣтеръ подулъ съ другой стороны. Сперанскій чаялъ уже быть близку повороту

солнечному, возвращенію зимы на лѣто; тогоже чаяло и Петербургское общество; но всѣ ошибались, и сношеніе ограничилось одними ласковыми выраженіями.

По крайней мѣрѣ такое чаяніе сдѣлалось причиною многихъ возобновленныхъ связей; нѣкоторые сильнѣйшіе вельможи постарались сойтись съ Сперанскимъ заблаговременно и обращались къ нему за совѣтами. Онъ очень умно поставилъ себѣ задачей показывать всѣмъ, что старое позабыто, что зла не осталось у него на сердцѣ. Ему хотѣлось приготовить себѣ въ Петербургѣ если не доброжелателей, то хоть не противниковъ его возвращенія, очищать себѣ путь, стараясь ослабить силу сопротивленія, «усыпить своихъ враговъ», какъ о томъ выражается баронъ Корфъ,—и онъ пользовался всякимъ случаемъ сказать пріятное кому бы то ни было. Сперанскій переступалъ здѣсь можетъ-быть границы позволительнаго смиренія и унижался иногда (скажемъ откровенно) даже до грубой лести.

Изъ этихъ писемъ ясно видно, что дочь его (равно какъ и самъ онъ прежде) ошибалась, писавъ къ своимъ друзьямъ, что отецъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ. Нѣтъ, внутри горѣла прежняя жажда дѣятельности, и всѣ его дѣйствія, даже безотчетныя, клонились къ этой цѣли. Чрезъ годъ новое поздравленіе съ праздникомъ Рождества Христова, и немедленно отвѣтъ, также милостивый. По ходатайству министра финансовъ Гурьева, пожаловано пять тысячъ десятинъ земли въ Саратовской губерніи.

Удостовѣрясь, что горизонтъ предъ нимъ прочищается, онъ пошелъ смѣлѣе впередъ, началъ предъявлять новыя требованія, подобно игроку, выигравшему ходъ и тотчасъ замышляющему новое движеніе.

Тонъ его писемъ постепенно вообще возвышается. Прежде онъ говорилъ: «въ какомъ бы званіи или степени гражданскаго порядка, въ столицѣ ли, или въ отдаленіи, гдѣ бы и какъ бы ни было угодно Государю Императору употребить меня, я смѣю принять на себя строгую обязанность» (стр. 109); а теперь онъ уже недоволенъ Пензенскимъ губернаторствомъ и для окончанія очистительной своей службы, проситъ сенаторства. Въ письмѣ къ министру полиціи Вязмитинову Сперанскій пишетъ (1818 г., Сент. 21)... «Я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности, присовокуплялъ и другое средство—службу. Изъ двухъ, однакожъ, именно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми... Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобъ сдѣлали меня сенаторомъ, и потомъ дали бы, въ общемъ обыкновенномъ порядкѣ, чистую отставку. Послѣ сего, я побывалъ бы на мѣсяцъ или на два въ Петербургѣ единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось. Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе, по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представиться къ тому могутъ».

Сперанскій хлопочетъ о томъ еще чрезъ Нессельрода, Аракчеева, Кочубея.

Кочубей отвѣчаетъ: «напишите-ка ваше мнѣніе объ учрежденіи губерній, и при этомъ случаѣ можно будетъ», и пр.

И неутомимый Сперанскій принимается сочинять новое учрежденіе губернскаго устройства.

Нессельродъ отвѣчаетъ, что ему неловко было выразить его желаніе, потому что Государь предупредилъ намѣреніемъ расширить кругъ дѣйствій Сперанскаго.

Отвѣта на просьбу нѣтъ, и Сперанскій, вышедъ изъ терпѣнія, проситъ себѣ отпуска. А еще прежде Кочубей ему замѣчалъ: «*трудно взять на себя увидѣть васъ*».

Просьбу объ отпускѣ самъ считаетъ онъ большимъ своимъ шагомъ.

...«Одно можетъ послужить предлогомъ къ отказу: назначеніе меня въ областные начальники, какъ по слухамъ предполагается. Иначе могутъ протянуть, но отказать, кажется, не могутъ. Впрочемъ, рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ неотступно». И въ самомъ дѣлѣ, спустя мѣсяцъ, онъ опять писалъ дочери:

«Отказа еще по сіе время нѣтъ, развѣ принять отказомъ молчаніе. Я дѣлаю еще усиліе. Пишу къ гр. Аракчееву: ибо, по разнымъ соображеніямъ, предполагаю, что тутъ болѣе желаютъ отложить, нежели отказать. Если только отложить, то лѣто, или зима, большой разности для меня не будетъ. Но если рѣшительный отказъ, тогда, по нѣкоторомъ соображеніи и конечно не позже какъ въ теченіи лѣта, и я рѣшительный же сдѣлаю шагъ».

Государь и Аракчеевъ увидѣли, что далѣе отлагать нельзя, а исполнить имъ этого не хотѣлось, и вотъ они придумали новый почетный отказъ и приказъ.

Аракчеевъ написалъ:

«Настаивать у Государя объ отпускѣ вашемъ въ то самое время, когда Его Величеству угодно было *удостоить васъ новою довѣренностію и дать вамъ препорученіе столь важное для пользы государства*, мнѣ показалось неприличнымъ. Если хотите принять отъ меня искренній совѣтъ, то, по лучшему моему разумѣнію, я полагаю необходимымъ вамъ сообразоваться въ точности съ волею Государя Императора. Исполнивъ оную, я увѣренъ, что Его Величество будетъ умѣть цѣнить новую заслугу, вами Ему оказанную».

Сперанскому хочется въ Петербургъ. Нѣтъ, Михаилъ Михайловичъ вы слишкомъ быстры; не угодно ли прогуляться по Сибири! Аракчеевъ въ этомъ письмѣ помѣщаетъ слѣдующія примѣчательныя слова:

«Я васъ любилъ душевно тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата; любилъ васъ и тогда, когда...вы страдали; протестовалъ противъ онаго по крайнему своему разумѣнію... радовался о концѣ сего непріятнаго для васъ дѣла, и буду не только радоваться, но и желать вашего возвышенія на степень высшую прежней».

Замѣтимъ, что этими словами ясно еще доказывается совершенная невинность Сперанскаго: иначе Аракчеевъ не написалъ бы ему ни за что на свѣтѣ ничего подобнаго.

«На письмо ваше отъ 11 Марта, прилагаю мой формальный отвѣтъ, и въ душѣ своей я съ онымъ соглашаюсь, бывъ увѣренъ, что дѣйствіе ваше, согласно съ онымъ, *много будетъ служить къ вашему* въ мірѣ семъ возвышенію. Желаніе мое въ ономъ, по слабости человѣческой, заключается въ слѣдующемъ. Становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ Грузинскомъ монастырѣ, *откуда буду утѣшаться, какъ истинно Русскій, Новогородскій неученый дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болѣе еще по дѣламъ суетъ міра сего*, и въ случаѣ обыкновеннаго, по несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ, обыкновенія безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей, *въ необходимомъ только случаѣ смѣю отнестись и къ вамъ* милостивому государю». Баронъ Корфъ думаетъ, что Аракчеевъ хотѣлъ потѣшиться надъ Сперанскимъ. Я думаю болѣе: Аракчеевъ разсердился за его неотступность, и напомнилъ ему, что только въ важныхъ случаяхъ можно-де относиться ко мнѣ. Потому и отклонилъ онъ также отъ себя переписку съ Сперанскимъ по Сибирскимъ дѣ-

ламъ, указавъ ему путь чрезъ князя Голицына.

Какое же было важное порученіе, которое должно было служить къ возвышенію въ мірѣ семъ «на степень высшую прежней?»

Сперанскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь.

Обревизовать и устроить Сибирь,—вѣдь это въ родѣ тѣхъ задачъ, неисполнимыхъ по своей трудности, кои задаются въ нашихъ сказкахъ разнымъ богатырямъ для приведенія ихъ въ смущеніе.

Указъ впрочемъ написанъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и пилюля позолочена густо.

А вотъ и отвѣтъ Государя объ отпускѣ, который доказалъ явно, что онъ не хотѣлъ видѣть Сперанскаго въ Петербургѣ:

«Занимаясь бумагами, относящимися къ новому назначенію вашему, получилъ я письмо, въ коемъ просите вы отпуска въ Петербургъ по домашнимъ дѣламъ вашимъ. Я надѣюсь, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото дня необходимѣе, не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкою въ Петербургъ».

«Почтитесь исполнить возлагаемое мною на васъ нынѣ порученіе съ тѣмъ дарованіемъ и исправностію, кои васъ отличаютъ, и тогда пріѣдете вы въ Петербургъ съ явною новою заслугою, оказанною отечеству, и которая поставитъ меня въ дѣйствительную возможность основать уже ваше пребываніе *навсегда при мнѣ въ Петербургѣ*».

Поняли, поняли, чего хочется Сперанскому: Петербурга! И вотъ обнадеживаютъ, манятъ его безпрестанно, черезъ часъ по ложкѣ, Петербургомъ, и онъ идетъ, идетъ, тянется, какъ голодная лошадь за возомъ сѣна, рвется...

Сперанскому было очень горько, тяжело; но дѣлать нечего: онъ долженъ былъ покориться, затаить свои слезы и уйдти опять въ себя. Государя онъ благодарилъ въ выраженіяхъ самыхъ нѣжныхъ, но Аракчееву сознается: «И неблагодарно и грѣшно бы мнѣ было увѣрять ваше сіятельство, что я принялъ мое новое назначеніе безъ горести. Искренность, которая одна можетъ составить всю мою передъ вами заслугу, заставляетъ меня признаться,—*но признаться вамъ единственно*—что вѣсть сія тронула меня до глубины сердца. То, что есть въ назначеніи семъ для меня утѣшительнаго и лестнаго, все сіе есть тайна чувства моего и искренней преданности Государю. Но публика знаетъ только два слова: отказъ въ отпускѣ и удаленіе! Я очень обманусь, если голосъ сей не будетъ общимъ. Какъ бы то ни было и не взирая ни на какія толки, я исполню новое мое назначеніе съ тѣмъ же усердіемъ, какъ бы я самъ его желалъ и выбралъ».

А дочери Сперанскій пишетъ: «Вчера я получилъ вѣсть сію, и признаюсь, еще не образумился. Думаю однакоже, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее, ибо есть конецъ всякой силѣ изобрѣтенія и есть же конецъ и всякому терпѣнію».

Такъ писалъ Сперанскій къ Гурьеву и Голицыну: «Мнѣ простительно видѣть вещи съ самой мрачной ихъ стороны, но да будетъ во всемъ воля Божія!»...

Къ Кочубею въ черновомъ письмѣ было зачеркнуто: «Отправленіе въ Сибирь я всегда причислялъ къ составу бѣдствій, девятый годъ меня преслѣдующихъ. Сія часть бытія моего одною оттѣнкою разнится отъ цѣлаго».

Примѣчательно, что онъ давно имѣлъ предчувствія о Сибири. «Что я ни дѣлалъ чтобъ избѣжать Сибири, писалъ онъ къ Столыпину отъ 1 Апрѣля 1819 года, и никакъ не избѣжалъ. Мысль сія, какъ ужасное ночное привидѣніе, преслѣдовала меня всегда, начиная съ 17 Марта 1812 года, и

наконецъ постигла. Странное предчувствіе! Въ судьбѣ моей есть нѣчто суевѣрное».

Проводы изъ Пензы показали, какую любовь въ краѣ пріобрѣлъ Сперанскій.

Приведемъ здѣсь вѣрное замѣчаніе автора: «Съ перваго дня паденія конечною цѣлію тайныхъ желаній и надеждъ Сперанскаго было—возвращеніе снова *въ Петербургъ*, и черезъ Петербургъ, *ко двору въ прежнюю милость.* Теперь его отъ всего удаляли съ честію, и съ обѣщаніемъ возврата, но почти на край свѣта, гдѣ и голосъ его могъ изчезнуть, и самая память о немъ могла изгладиться».

Ревизія и устроеніе Сибири продолжались два года почти. Сперанскій не щадилъ никакихъ трудовъ, и работалъ неутомимо; но чѣмъ ближе задача его приближалась къ концу, тѣмъ нетерпѣніе его увеличивалось пріѣхать въ Петербургъ. Въ Петербургъ, въ Петербургъ— онъ о томъ и спалъ и видѣлъ, и еще за долго до своего отбытія (18-го Мая 1819 г.) писалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею: «Къ Марту 1820 года всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія къ образованію изготовлены... Отсюда вопросъ: долженъ ли я въ Мартѣ пуститься отсюда обратно? По выраженію рескрипта, дѣло, мнѣ поручаемое, могло продолжиться годъ или полтора. Посему, я могъ бы имѣть право считать и возвращеніе мое и срокъ его уже рѣшенными. Но привыкнувъ къ строгой покорности, я не хочу испортить осьмилѣтняго моего терпѣнія минутною нетерпѣливостію, и потому полагаю въ Январѣ мѣсяцѣ дать краткій отчетъ въ положеніи дѣлъ и, означивъ срокъ ихъ окончанія письмомъ на имя всемилостивѣйшаго Государя, испрашивать и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Они могутъ придти ко мнѣ въ концѣ Марта, и тогда, если получу я другое какое-либо назначеніе, могу ускорить моимъ путешествіемъ и найду способъ быть въ концѣ Мая, или въ началѣ Іюня, въ Петербургѣ. Если же получу что-либо противное, тогда, отправивъ всѣ дѣла и всѣ мои предположенія съ Цейеромъ, буду просить увольненія отъ службы, и буду ожидать его въ Тобольскѣ».

При отчетѣ Государю Сперанскій выразилъ надежду, что къ Маю работы будутъ кончены.

Послѣ однакожъ онъ самъ отдалилъ нѣсколько этотъ срокъ, намѣреваясь часть лѣтняго времени употребить на вторичное и окончательное обозрѣніе Томской и Тобольской губерній.

Къ Голицыну онъ пишетъ уже объ осени: «Но ваше сіятельство не изволите найти конечно страннымъ, что я въ Январѣ помышляю и пишу къ вамъ объ осени».

Кочубей оффиціально отъ 8 Марта 1820 года объявилъ Высочайшую волю—прибыть въ Петербургъ съ дѣлами Сибирскими, къ исходу Октября того года (с. 243).

Наконецъ-то!

Сперанскій обрадовался безъ памяти и поспѣшилъ отправить большую часть своего имущества изъ Иркутска.

Вдругъ, чрезъ двѣ недѣли, получается собственноручный рескриптъ въ лестныхъ выраженіяхъ, но со слѣдующимъ ужаснымъ для Сперанскаго заключеніемъ:

«Расположите путь вашъ такимъ образомъ, чтобъ прибыть въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ Марта будущаго года».

То-есть ровно черезъ годъ!

Сперанскій былъ пораженъ какъ громомъ и выразилъ свои чувства въ горькихъ письмахъ къ Государю, князю Голицыну и графу Кочубею.

Причины и доказательства, приводимыя Сперанскимъ во всѣхъ этихъ письмахъ, удивительны по тонкости соображенія и искусству выраженія; но что́ онъ долженъ былъ терпѣть, сочиняя такія письма.

Угрозы подѣйствовали, прозьба тронула, и хотя свиданіе въ Мартѣ 1821 г. по такимъ-то обстоятельствамъ не отмѣнено, но дано разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири, когда заблагоразсудится!

Сперанскій страдалъ, страдалъ въ глубинѣ своей души, и чѣмъ ближе наступалъ срокъ, тѣмъ онъ становился тревожнѣе.

«*Молись*—писалъ къ дочери Сперанскій въ Февралѣ 1821 г.,—молись; мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобы взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастія, не оскорбитьПровидѣнія, ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости!»

И въ это время Сперанскій долженъ былъ писать еще письма къ разнымъ лицамъ, примѣняя разныя обстоятельства для выраженія своихъ мыслей и желаній, смотря по ихъ свойствамъ и своимъ отношеніямъ.

Наконецъ, 8 Сентября насталъ желанный, столь давно и горько вымаливаемый часъ освобожденія. Сперанскій выѣхалъ изъ Тобольска, и самъ себѣ еще не вѣрилъ, что онъ выѣзжаетъ. Восторгъ охватывалъ духъ ему, замѣчаетъ авторъ.

Почталіонъ, привезшій въ Пензу почту, донесъ, что въ Муромѣ отдѣлился отъ него курьеръ съ бумагами на имя Сибирскаго генералъ-губернатора въ Тобольскъ. Эта вѣсть сильно встревожила Сперанскаго. «Ну, какъ да опять назадъ въ Сибирь!» повторялъ онъ безпрестанно, и Лубяновскому приходилось успокоивать его все однимъ и тѣмъ же, что въ Петербургѣ еще не знаютъ объ его отъѣздѣ, или не знаютъ, что онъ своротилъ на Пензу и потому послали ему на встрѣчу, по Сибирскому тракту какія нибудь, можетъ статься, ничтожныя бумаги. Такъ дѣйствительно послѣ и вышло.

Въ Рязани Сперанскій обѣдалъ у Балашова и получилъ нѣкоторое «дополненіе къ исторі исвоей ссылки». Далѣе мудрено разобрать или прочесть въ дневникѣ, говоритъ баронъ Корфъ.

Наконецъ, вотъ и Петербургъ! Въ дневникѣ записано: «Къ обѣду въ Царскомъ Селѣ. Встрѣча Елисаветы (дочери). Какая встрѣча! Сколько горестей! Ввечеру въ Петербургъ. Выѣхалъ 17 Марта 1812 г., воротился 22 Марта 1821 г. Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней!»

Государя не было въ Петербургѣ. Два мѣсяца прождалъ его Сперанскій. Въ это время никуда онъ не ѣздилъ, только на поклонъ въ Грузино, откуда объѣхалъ и осмотрѣлъ военныя поселенія.

Наконецъ прибылъ Государь изъ Лайбаха 26 Мая 1821 года въ Царское Село. Сердце Сперанскаго вострепетало. Вотъ позовутъ его завтра! Нѣтъ, завтра не позвали. Еще день, и еще нѣтъ! Третій, четвертый, пятый,—все нѣтъ! Мучительныя ожиданія. Наконецъ, черезъ десять дней его вызываютъ. Вотъ онъ изольетъ душу свою, спроситъ, ему скажутъ, отвѣтятъ, все омоется слезами и предастся забвенію. Нѣтъ, Государь не сказалъ ни одного слова о прошедшемъ, не вошелъ ни въ какія объясненія. Чрезъ шесть мѣсяцевъ разговоръ упалъ на ссылку, и Государь упомянулъ что-то вскользь о Лористонѣ и Блумѣ. Сперанскій отмѣчаетъ у себѣ въ дневникѣ: «Работа у Государя Императора. Пространный разговоръ о прошедшемъ. Доносъ состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ... Вообще кажется и начало и происшествіе сего дѣла забыты [50]).

[47]) III, с. 18. См. еще выше.

Нѣтъ, ничего не забыто; нѣтъ, онъ ошибается!

Сперанскому все еще хочется обманывать себя, и онъ, при малѣйшемъ излишнемъ знакѣ расположенія, предается непокидающимъ его мечтамъ. Ему казалось даже на нѣкоторое время «будто возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева; даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается все бросить» [51]).

Среди этихъ колебаній заводится въ Совѣтѣ споръ между нимъ и княземъ Голицынымъ, который предлагаетъ свои замѣчанія на мнѣнія Сперанскаго. Сперанскій перепугался, и увидѣлъ въ этихъ замѣчаніяхъ косвенное обвиненіе себя въ ереси, за которое тогда пострадали нѣкоторые профессоры. Ему представилась въ разстроенномъ воображеніи новая ссылка, и онъ, несогласно съ своимъ характеромъ, вышелъ почти изъ себя, и поспѣшилъ написать жалобу Государю, который объяснилъ ему тотчасъ неосновательность его подозрѣній и опасеній.

Между тѣмъ и ласки царскія слабѣли: пріемы становились рѣже, также и приглашенія къ обѣдамъ. Въ 1825 году не былъ уже ни разу Сперанскій во дворцѣ. Однажды Государь отозвался о немъ: Сперанскій излѣнился! Позабыты увѣренія Аракчеева, что (принятіе должности генералъ-губернатора въ Сибири) «много будетъ служить къ вашему въ семъ мірѣ возвышенію»; позабыты обѣщанія «приблизить къ себѣ», «дать другое занятіе, болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ онъ привыкъ находиться», основать уже навсегда пребываніе при немъ (въ Петербургѣ). Сперанскій страдалъ, разумѣется, но терпѣлъ, молчалъ и продолжалъ трудиться по-прежнему. Онъ участвовалъ во всевозможныхъ комитетахъ, и вездѣ оставлялъ слѣды своихъ геніальныхъ способностей. Служба его если оцѣнялась по достоинству, то непринимаема была къ сердцу, и Государь не хотѣлъ открывать ему никакого обширнаго поприща.

Карамзинъ, провожая Государя, отъѣзжавшаго въ Таганрогъ, пѣшкомъ) до заставы въ Царскомъ Селѣ, на жалобу его, что не находитъ людей способныхъ, сказалъ: Но почему не употребляете Вы Сперанскаго? Способности его не подлежатъ сомнѣнію.

—«Вы его не знаете», отвѣчалъ Государь. «Ему нельзя вѣрить. Я имѣю несомнѣнныя доказательства объ его сношеніяхъ передъ 12 годомъ. Мнѣ донесено было отъ людей совершенно посторонних, что онъ въ такое-то время будетъ у такого-то иностраннаго агента; я поручилъ наблюденіе, и Сперанскій къ нему явился въ назначенный часъ.» (Это я слышалъ отъ покойнаго графа Д. Н. Блудова [52]).

[51]) И. стр. 284.

[52]) Было помѣщено въ моей біографіи Карамзина, которая въ рукописи пересылалась тетрадями къ его семейству. Князь П. А. Вяземскій написалъ противъ приведеннаго мѣста: «Не надобно забывать, что Сперанскій имѣлъ много враговъ, и, можетъ-быть, отчасти и заслужилъ эту вражду. Соглядатаи, назначенные Государемъ, могли и обмануть его. Безъ подобной оговорки нельзя пустить въ ходъ и въ печать слова графа Блудова. Нельзя же безъ доказательства прямаго заклеймить Сперанскаго... Я здѣсь вступаюсь за честь и личность человѣка». К. С. Сербиновичъ написалъ по поводу этого же мѣста: «Убѣдительно просятъ вовсе исключить отзывъ Государя о Сперанскомъ. Николай Михайловичъ никогда бы не рѣшился предавать печати такого интимнаго отзыва во вредъ заслуженному лицу».

Послѣдняя причина меня убѣдила, и я не напе-

Чаша горестей для Сперанскаго не вся еще была испита: нашлись новыя, кои долженъ онъ былъ испытать. Общество 14 Декабря, преданное верховному суду за государственныя преступленія, имѣло въ виду между прочимъ нѣкоторыя преобразованія, кои были предметомъ разсужденій между Сперанскимъ и И. Александромъ въ началѣ его царствованія, и кои, въ нѣкоторыхъ частяхъ, исполнились въ наше время. Дѣятельное участіе въ обществѣ принимало много людей, ему знакомыхъ, а одинъ изъ главныхъ, Батеньковъ, жилъ у него въ домѣ. Имя его часто повторялось членами, вмѣстѣ съ именами Ермолова и Филарета. Подозрѣніе падало и на него. Самъ И. Николай сказалъ между прочимъ послѣ, при извѣстіи о смерти Сперанскаго «Мнѣ столько было наговорено объ его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ: клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 Декабря».

Съ другой стороны, Сперанскій, размышляя съ своей подушкою, могъ думать, что этого несчастнаго происшествія не случилось бы, еслибъ первыя предположенія его съ И. Александромъ были приведены въ исполненіе.

Членомъ слѣдственной коммиссіи онъ не былъ назначенъ, но онъ долженъ былъ прослушать ея рѣшеніе, и потомъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, участвовать въ верховномъ уголовномъ судѣ, наконецъ нести рѣшеніе вмѣстѣ съ двумя избранными лицами на утвержденіе къ Государю.

Безъ сомнѣнія, старые враги устроили ему это тяжелое порученіе, понимая, каково ему было исполнить оное!

Любопытно было бы узнать, какой голосъ подавалъ Сперанскій на судѣ о наказаніяхъ, такъ какъ теперь извѣстно по драгоцѣннымъ Запискамъ Шишкова, что мнѣнія, были различны: одни говорили о казни, другіе о вѣчной каторгѣ, а остальные члены о работахъ болѣе или менѣе продолжительныхъ [53]).

«Дочь пишетъ въ своихъ Запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и съ слезами на глазахъ, и что онъ покушался даже совсѣмъ оставить службу».

Трагическое положеніе! Но какъ было ему просить отставки, или даже выставить облегчающія обстоятельства, ему, заподозрѣнному и даже имѣвшему противъ себя нѣкоторыя улики, т. е. близкое отношеніе

чаталъ этого мѣста въ біографіи. Но теперь обстоятельства перемѣнились: отзывъ подобный сдѣланъ нѣсколько разъ, и, главное, уничтожается собственными словами Государя въ его рескриптѣ Сперанскому при опредѣленіи его генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. «Открывъ... дарованіямъ вашимъ новый путь (въ Пензѣ), не преставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами съ 1812 года, и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ къ себѣ. Сей способъ... былъ единственный .. служеніемъ вашимъ доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ».

Мнѣ слѣдовало бы спросить у князя Вяземскаго позволенія печатать его замѣчаніе. Но за отсутствіемъ его сдѣлать этого не могу, и смѣю надѣяться, что онъ не посѣтуетъ на меня за присоединеніе черты и къ его біографіи.

[53]) Мы слышали отъ Дм. Арк. Столыпина, что Сперанскій высказался противъ смертной казни; онъ выразилъ свое мнѣніе такъ, что смертная казнь хотя была вписана въ законѣ, но законъ этотъ не приводился въ исполненіе, а что всякій законъ, который продолжительное время не примѣняется, а замѣняется другими, тѣмъ самымъ теряетъ свою силу. Это мнѣніе Сперанскаго было передано Д. А. Столыпину отъ лицъ его семейства. П. Б.

къ нему Батенькова? Значило бы подавать на себя оружіе новымъ врагамъ, смѣнившимъ старыхъ, какъ бы уклоняться отъ суда, и почти сознаваться въ своей винѣ, или по крайней мѣрѣ въ расположеніи тайномъ къ обвиненнымъ! Голосъ его не принесъ бы пользы никому, а только принесъ бы вредъ ему.

Конечно это не оправданіе въ строгомъ смыслѣ, а только ссылка на среду унижающую, развращающую.

И. Николай, при всемъ нерасположеніи къ Сперанскому, началъ однакожъ употреблять его по необходимости, и давалъ ему разныя порученія, болѣе или менѣе важныя: первый манифестъ о возшествіи на престолъ принадлежитъ большею частію Сперанскому, и отчасти Карамзину. Наконецъ назначенъ былъ Сперанскій управляющимъ дѣлами коммиссіи составленія законовъ, переименованной вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи.

При учрежденіи знака безпорочной службы, канцлеръ орденовъ, князь Куракинъ, бывшій благодѣтель и начальникъ Сперанскаго, выведшій его, какъ говорится, въ люди, и перемѣнившійся послѣ въ расположеніи къ нему, хотѣлъ вычесть изъ лѣтъ его службы время, проведенное въ удаленіи отъ дѣлъ, въ Нижнемъ, Перми и Великопольѣ. Сперанскій пожаловался Государю, и представилъ ему собственноручныя письма покойнаго И. Александра, въ коихъ тотъ признавалъ его невинность. И. Николай велѣлъ зачесть эти года въ службу, и вмѣстѣ, перемѣнивъ свое о немъ мнѣніе, сдѣлался благосклоннѣе.

Начальствуя вторымъ отдѣленіемъ, совершилъ онъ два колоссальные труда, дающіе ему, кромѣ проэктовъ о всеобщемъ преобразованіи въ царствованіе И. Александра, неоспоримое право на высокое мѣсто въ исторіи русскаго законодательства: это Собраніе законовъ Росс. имперіи, изданное въ 1830 году въ 45 квартантахъ, и Сводъ Законовъ, изданный въ 1833 году въ 15 томахъ. Все это было написано и напечатано впродолженія семи лѣтъ. «Ни одна строка не осталась», по свидѣтельству барона Корфа, «безъ личной его повѣрки очень часто передѣлки». Предисловіе, и обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ пранадлежатъ перу Сперанскаго.

Подробности о производствѣ этихъ страшныхъ работъ читатели могутъ найдти, мастерски изложенныя, въ книгѣ барона Корфа [54]).

19 Января 1833 года Государственный Совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ совѣтской залы лежали шестдесятъ томовъ конченныхъ изданій. Самъ Государь открылъ засѣданіе, объяснилъ дѣло, и въ заключеніе, обнявъ Сперанскаго, снялъ съ себя Андреевскую звѣзду и надѣлъ на него. (Этотъ моментъ изображенъ на монументѣ И. Николаю). Впродолженіи трудовъ своихъ Сперанскій получилъ Св. Владиміра 1 степени, бриліанты на орденъ Св. Александра Невскаго, табакерку съ портретомъ Государя и аренду.

Съ удивленіемъ останавливаемся передъ этой Египетскою пирамидою, памятникомъ Русскаго ума и дѣятельности, который совершенъ собственно однимъ человѣкомъ при помощи нѣсколькихъ болѣе

[54]) Безпристрастіе требуетъ, чтобъ я привелъ здѣсь замѣчаніе графа Д. Н. Блудова, мною отъ него слышанное, что Сперанскій не стѣснялся въ Сводѣ указами, помѣщенными въ Полномъ Собраніи, и дополнялъ ихъ иногда своими соображеніями, или давалъ имъ произвольный смыслъ
*

или менѣе черновыхъ работниковъ. Но до какой степени должно увеличиться это удивленіе, когда узнаешь, что главный дѣятель былъ въ тоже время руководитель и исполнитель многихъ другихъ, не менѣе важныхъ работъ. Назовемъ комитетъ 6 Декабря 1826 года, которому Государь поручилъ: «1) пересмотрѣть бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра; 2) пересмотрѣть нынѣшнее государственное управленіе; 3) изложить мнѣніе: а) что̀ предпологалось, б) что̀ есть, в) что̀ оставалось бы еще кончить; 4) изложить мнѣніе, что̀ нынѣ хорошо, чего оставить нельзя, и чѣмъ замѣнить; 5) матеріалами къ сему употребить: а) то, что̀ найдено въ кабинетѣ, б) что̀ Балашову поручено было в) и то, что̀ сами члены предположатъ».

Въ этотъ комитетъ назначено было нѣсколько членовъ, но дѣйствовать настоящимъ образомъ могъ только одинъ Сперанскій, и онъ старался провести здѣсь нѣкоторыя изъ мыслей прежняго государственнаго секретаря. По свидѣтельству барона Корфа, этотъ комитетъ, по разнымъ причинамъ, долженъ былъ прекратить свои дѣйствія, и только немногія изъ его предначертаній вошли въ силу.

Не говоримъ о сочиненіи манифестовъ и указовъ, о значительномъ участіи въ составленіи Свода военныхъ законовъ (12 томовъ), законовъ для Остзейскихъ губерній, для Западнаго края, въ сочиненіи устава для Училища Правовѣдѣнія[35]. Упомянемъ только о преподаваніи ученія о законахъ Государю Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю, о мысли Сперанскаго приготовить для Россіи ученыхъ юристовъ, для чего онъ выписалъ изъ Академіи отличныхъ воспитанниковъ, приготовилъ ихъ въ своей коммиссіи, и наконецъ отправилъ въ Берлинъ, поруча руководству Савиньи, и принимая непосредственное участіе во всѣхъ ихъ занятіяхъ и экзаменахъ. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности, Сперанскій принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ духовныхъ училищъ и свѣчнымъ сборомъ обезпечилъ значительно ихъ дальнѣйшее существованіе, написалъ уставъ Царскосельскаго Лицея и издалъ указъ 1809 года; такъ во второмъ трудился для Училища Правовѣдѣнія и приготовилъ профессоровъ юридическихъ наукъ для университетовъ Русскихъ. Все это мѣры важнѣйшія для Русскаго образованія.

Послѣдній трудъ Сперанскаго былъ Полицейскій Уставъ, слабѣйшее его произведеніе, по мнѣнію барона Корфа, которое подверглось въ Совѣтѣ многимъ возраженіямъ, и было отвергнуто, кромѣ немногихъ отдѣльныхъ частей, что̀ Сперанскаго очень огорчило, хотя онъ и сознавался въ недостаткахъ.

Въ бумагахъ его найдены очерки бесѣдъ о законахъ съ Государемъ Цесаревичемъ, и начало «Руководства къ познанію законовъ», предпринятое по желанію и приглашенію Н. Николая, которое остановилось на VIII главѣ (впослѣдствіи оно напечатано).

Въ 1838 г., проводя лѣто въ Малороссіи, въ новокупленномъ имѣніи, онъ написалъ довольно обширное разсужденіе (78 параграфовъ), «Опредѣленіе закона»: на тетради отмѣчено его рукою: «въ Буромлѣ, начато въ Іюлѣ, кончено 10 Августа 1838 года». Это сочиненіе остается еще ненапечатаннымъ» (!!).

[35]) Училище Правовѣдѣнія помѣстилось въ домѣ, бывшемъ Исплюева, гдѣ Сперанскій, по возвращеніи изъ Сибири, началъ трудиться для законодательства.

VI.

Возвратившись изъ Малороссіи, Сперанскій занемогъ 16 Октября 1838 года, не остерегался—ѣздилъ по приглашенію въ Царское Село 22 Октября, въ театръ и на балъ ко Двору, «какъ усердный исполнитель своихъ обязанностей, въ томъ числѣ и придворныхъ», на другой день былъ тамъ у обѣдни и потомъ обѣдалъ во дворцѣ, и воротившись въ Петербургъ, слегъ въ постель. Болѣзнь приняла опасный характеръ: онъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Въ книгѣ барона Корфа описаны превосходно эти торжественныя минуты въ жизни христіанина. Но этой болѣзни еще не было суждено быть послѣднею. Съ конца Ноября она приняла благопріятный оборотъ. Бюллетени перестали появляться (они доставлялись къ Государю по два раза въ день), и 12 Декабря Сперанскій записалъ въ календарѣ, что болѣзнь прекратилась. «Онъ тотчасъ принялся за работу—объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, о которомъ слѣдовало разсуждать въ Государственномъ Совѣтѣ подъ его предсѣдательствомъ. Государь навѣстилъ выздоравливаго 23 Декабря потомъ 27, и 1 Января 1839 г., въ день своего рожденія, Сперанскій былъ возведенъ въ графское имперіи Россійской достоинство.

«Вечеромъ, говоритъ дочь въ своихъ воспоминаніяхъ, къ намъ съѣхалось безъ зову множество гостей. Бывшіе тутъ вѣрно припомнятъ блескъ, исходившій отъ генія, готоваго угаснуть, то сіяніе, которое изливалось отъ свѣтлой души, хотя ея тѣлесная оболочка была такъ близка къ разрушенію; все это уже поддерживалось одно только силою воли. Никогда рѣчь батюшки не была краснорѣчивѣе и увлекательнѣе, не смотря на ослабленіе голоса и на потускнѣвшіе глаза, почти совсѣмъ закрытые вѣками. Окружавшіе его затаивали дыханіе, ловя каждое его слово, какъ бы въ предчувствіи, что эти уста, изъ которыхъ лилось столько сокровищъ, скоро навсегда закроются».

Дѣйствительно, настоящаго, полнаго выздоровленія уже не было, а усиленныя черезъ мѣру работы по дѣлу о лажѣ окончательно истощили силы больнаго. Сколько разъ, говоритъ дочь, я умоляла его, въ слезахъ, на колѣняхъ, именемъ моихъ дѣтей, бросить эту ненавистную для меня работу. «Долгъ прежде всего», отвѣчалъ онъ, сжимая мои руки въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ; а между тѣмъ физическая его слабость была, въ это время, такъ велика, что, послѣ каждыхъ десяти написанныхъ строкъ, голова опускалась на грудь, и глаза на нѣсколько минутъ смыкались...» Но замѣчательно: изнеможеніе плоти не имѣло никакого вліянія на духъ; умственныя силы, сила воображенія и творчества были также свѣжи, какъ за четверть вѣка тому назадъ, въ государственномъ секретарѣ».

Жизнь графа Сперанскаго склонилась къ западу. 7 Февраля, по неосторожности вышедъ прогуливаться въ дурную погоду, вѣтреную и снѣжную, онъ простудился, и занемогъ опять. Приведу изъ книги одну прекрасную Русскую черту:

«10 Февраля, за Арендтомъ прискакалъ курьеръ, съ приглашеніемъ къ престарѣлому Кушникову, за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенному предсѣдателемъ гражданскаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, и вдругъ разбитому параличемъ. Едва Арендтъ выѣхалъ за Петергофскую заставу, какъ его остановилъ другой посланный, съ извѣстіемъ, что и

Сперанскій снова опасно занемогъ. Арендтъ пріѣхалъ сначала къ Кушникову. Добрый и почтенный старикъ былъ въ памяти, еще владѣлъ языкомъ и уже зналъ о припадкѣ Сперанскаго, жившаго почти рядомъ съ нимъ. «Видѣли ли вы Михаила Михайловича?» былъ первый его вопросъ вошедшему лейбъ-медику.—«Нѣтъ еще».—«Ну, такъ бросьте меня и поѣзжайте скорѣе къ нему: я уже полумертвый, а его нужно спасти для Россіи».

Вечеромъ Сперанскій почувствовалъ себѣ лучше, и много говорилъ съ Арендтомъ о физическихъ явленіяхъ небесныхъ.

11 Февраля 1839, въ 40 минутъ 9 часа, онъ скончался.

C'est une epreuve de plus et des plus pénibles pour moi... писалъ Государь Васильчикову. «Другаго Сперанскаго мнѣ уже не найдти», повторялъ онъ нѣсколько разъ барону Корфу, «да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту?»... Замѣтимъ эти слова, дѣлающія честь покойному Государю больше многихъ возгласовъ.

«Торжественно было, и по внѣшнему великолѣпію, и по внутреннему смыслу, погребеніе бѣднаго семинариста (графа Сперанскаго), сына своихъ дѣлъ», говоритъ баронъ Корфъ.

Для сужденій о Сперанскомъ, какъ государственномъ дѣятелѣ, отсылаемъ читателей къ превосходной характеристикѣ барона Корфа.

Мы предложимъ здѣсь только нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, или афоризмовъ, внушенныхъ намъ его знаменитымъ сочиненіемъ, при первомъ чтеніи въ 1861 году. Нѣкоторые, можетъ-быть, устарѣли вслѣдствіе совершившихся и совершающихся преобразованій, но мы оставляемъ ихъ, потому что они въ извѣстномъ отношеніи служатъ признаками прошедшаго и настоящаго времени: но не придаемъ имъ значенія, съ другой стороны, по дилентантизму въ юриспруденціи.

Трудъ Сперанскаго раздѣляется на два періода: первый до его ссылки въ 1812 году, второй по возвращеніи въ Петербургъ до кончины.

О первомъ періодѣ судить теперь нельзя, потому что мы знаемъ его только въ отрывкахъ по сочиненію, и въ отрывкахъ передѣланныхъ по исполненію: совѣтъ и министерства продолжаются, но министры безъ отвѣтственности, и совѣтъ безъ почина, не имѣютъ того значенія, какое они имѣли въ предположеніяхъ Сперанскаго. Судопроизводство и судоустройство остались неприкосновенными. Теперь, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, можно, кажется, сказать только, что Сперанскій былъ великимъ уставщикомъ, какъ бы доктринеромъ, опередившимъ въ 1810 году многія конституціонныя правленія въ Европѣ. Съ умомъ строго-логическимъ и систематическимъ, съ обширнымъ кругозоромъ, съ пылкимъ воображеніемъ и страшною дѣятельностію, легкостію работы, безъ достаточныхъ положительныхъ свѣдѣній о народѣ и настоящемъ его положеніи, объ исторіи, онъ создалъ, *кажется*, великое искусственное зданіе, съ соразмѣрными частями, съ твердымъ основаніемъ въ головѣ, но не въ природѣ вещей, по крайней мѣрѣ не въ природѣ Русскихъ вещей его времени, можетъ-быть, въ родѣ утопіи Томаса Моруса, или конституціи аббата Сіеса, въ ихъ отношеніяхъ къ своему времени.

Во время Сперанскаго господствовала теорія. Враги и противники его вращались въ томъ же кругу, какъ и онъ, усту-

пая только ему въ силѣ, въ способностяхъ, въ соображеніяхъ.

Исключимъ Карамзина съ его Запискою о древней и новой Россіи. Но и Карамзинъ былъ уже далекъ отъ дѣйствительности, которую онъ зналъ въ восьмидесятыхъ, девяностыхъ. сотыхъ годахъ; 1811 годъ, время сочиненія Записки, не походило на любимое его Екатерининское время. Если онъ хотѣлъ, какъ кажется, оставить все по старому, лишь допуская только мѣстныя и временныя улучшенія, то всетаки онъ хотѣлъ лучшихъ людей и исполнителей. На на самоучекъ надѣяться нельзя, природные геніи рѣдки.

Русскаго народа, какъ и Русской Исторіи, съ юридической стороны, Сперанскій въ молодыхъ своихъ лѣтахъ не могъ узнать, а съ 12 лѣтняго возраста его охватила уже школа съ силогизмами, хріями, приступами и заключеніями, а потомъ, съ поступленіемъ чиновникомъ къ князю Куракину въ канцелярію, съ бумагами, справками, заголовками, нумерами входящими и исходящими, и въ тоже время Французскою литературою, съ сочиненіями Жанъ Жака Руссо и Наполеоновымъ кодексомъ.

Въ такомъ расположеніи духа онъ получилъ миссію законодательную. Ему достались матеріаломъ учрежденія Петра, Екатерины, въ подьяческихъ исполненіяхъ, и онъ рванулся преобразовывать, не видя, разумѣется, и не зная, изъ-за Духовнаго или Военнаго Регламента и Учрежденія о губерніяхъ, древней, народной основы,—и въ этомъ самомъ порывѣ, въ этомъ размахѣ, обнаружилъ въ себѣ такого же чистаго Русскаго человѣка, какимъ былъ Петръ I-й, несмотря на пристрастіе къ Голландіи, или Ломоносовъ съ Латинской конструкціей періодовъ.

Сперанскій приписалъ, напримѣръ, много формѣ, регламентаціи, и не зналъ, не понималъ, какъ эта регламентація противна Русской натурѣ, требующей во всемъ рамокъ просторныхъ.

Задача соединить просторъ съ законностью—задача трудная, и, право, приходится часто сознаваться, что намъ всего лучшаго должно ждать больше отъ людей, чѣмъ отъ учрежденій, что́ можетъ быть понималъ сознательно и чуялъ безсознательно Карамзинъ.

Оставаясь при кормилѣ управленія и приводя самъ въ исполненіе свои мысли, Сперанскій увидѣлъ бы прежде всѣхъ недостатки или ошибки, увлеченія своей системы, и съумѣлъ бы, разумѣется, исправить все несостоятельное.

При самомъ вступленіи въ должность губернаторскую въ Пензѣ, Сперанскій увидѣлъ вещи въ другомъ свѣтѣ, нежели въ какомъ онъ видѣлъ ихъ прежде изъ Петербурга. Баронъ Корфъ справедливо замѣчаетъ (II, 128): «Переходъ изъ отвлеченной сферы законодательства къ дѣйствительному управленію и отъ начертаній теорій къ самому процессу и къ исполненію на мѣстѣ, во многомъ долженъ былъ разочаровать Сперанскаго. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣрялся онъ въ ограниченности средствъ новаго своего званія, и въ томъ, что несравненно легче было *предписывать* образъ дѣйствія, нежели самому дѣйствовать».

Самъ Сперанскій писалъ изъ Сибири къ кн. Голицыну: «учрежденіе безъ людей тщетно, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добра произвести могутъ» (207).

Приведемъ примѣчательныя слова Сперанскаго изъ послѣдняго его письма Сибирскаго къ Кочубею: «... о семъ (о недостаткахъ въ людяхъ) прежде всего должно было помыслить тѣмъ юнымъ зако

нодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это новоизобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ идти сама собою вездѣ, гдѣ ее пустятъ» (с. 253).

По возвращеніи изъ Сибири, проѣзжая чрезъ Пензу, Сперанскій сказалъ Лубяновскому (губернатору, своему старому знакомому): «Признайся, Ѳедоръ Петровичъ, что во время оно, еще не знавъ Россіи, и мѣряя все по одному Петербургскому аршину, мы надѣлали тьму глупостей» (II, 256). Былъ ли онъ вполнѣ искренненъ въ этихъ словахъ, или хотѣлось ему, такимъ осужденіемъ прошедшаго, обезпечить свое будущее, представя себя человѣкомъ уже отжившимъ, склоннымъ поддаваться личнымъ расчетамъ, котораго нечего болѣе бояться,—не беремся рѣшить; но по крайней мѣрѣ по наружности онъ оказался тутъ, во многомъ, совсѣмъ другимъ, чѣмъ прежде: не повторялъ болѣе своихъ любимыхъ Французскихъ фразъ о необходимости всеобщей ломки, и, напротивъ, утверждалъ, что перемѣны, нужныя по времени и обстоятельствамъ, должно вводить постепенно, съ большою осторожностію, не отваживаясь ничего передѣлывать нàскоро».

Поколѣніе, дѣйствовавшее послѣ Сперанскаго, было знакомо съ народомъ и его нуждами еще менѣе, еще слабѣе, хотя и заботилось о немъ много.

Положимъ, мы познакомились теперь болѣе съ основами народнаго духа, съ его естественными взглядами на вещи, но какое же вліяніе имѣетъ это знакомство на законодательство, даже на домашнее хозяйство и управленіе въ собственномъ своемъ кругу, у тѣхъ людей, которые наиглубже прониклись этимъ духомъ? Отвлеченно говорить легко, но попытайтесь приложить добытыя вами правила къ жизни, и всякая попытка встрѣтитъ неожиданныя затрудненія, и будетъ сопровождаться ошибками. Слѣдовательно нельзя относиться къ прежнимъ дѣятелямъ, на этомъ основаніи, съ такою неумолимою строгостію,—а у насъ теперъ у иныхъ и Петръ Великій ни по чемъ!

Иногда дѣйствительность предупреждаетъ умозрѣніе (практика теорію), что̀ имѣетъ мѣсто преимущественно въ началѣ исторіи какого либо государства; иногда умозрѣніе предупреждаетъ дѣйствительность, что̀ бываетъ обыкновенно при дальнѣйшихъ періодахъ въ развитіи государствъ.

Семинаристъ изъ губерніи, въ девяностыхъ годахъ, сынъ сельскаго попа, чрезъ десять лѣтъ по увольненіи изъ Александро-Невской лавры, преобразователь и установитель законодательства въ обширнѣйшемъ государствѣ, первый совѣтникъ Государя и дѣлопроизводитель, представившій потомъ въ три года полную систему управленія, — этого никто не можетъ сдѣлать кромѣ генія; это одно изъ великихъ явленій, сокровищъ Русской Исторіи.

А еслибы Сперанскій родился въ Англіи, въ Америкѣ,—что̀ сдѣлалъ бы онъ на мѣстѣ Дизраели, Гладстона, Гранта?

Пожелаемъ, чтобы всѣ проекты Сперанскаго, исполненные и неисполненные, всѣ записки, представленныя на усмотрѣніе Государя, всѣ отвѣты, замѣчанія на чужія мнѣнія, были изданы во всеобщее свѣдѣніе. Прискорбное явленіе, что великій государственный дѣятель, принесшій Отечеству такія важныя услуги, обогатившій сокровищницу Русской науки такими великими произведеніями, претерпѣвшій такія безпримѣрныя страданія, не можетъ до сихъ поръ явиться въ полномъ своемъ

свѣтѣ, со всѣми своими свидѣтельствами на судъ Исторіи, на судъ соотечественниковъ.

Баронъ Корфъ воздвигъ Сперанскому славный памятникъ своей превосходной біографіей. Объ изданіи писемъ Сперанскаго мы имѣемъ уже обнародованное его обѣщаніе. Въ собраніе должны войдти и всѣ манифесты, писанные Сперанскимъ.

Собраніе всѣхъ сочиненій Сперанскаго лежитъ на обязанности г. Калачева, какъ завѣдывающаго архивомъ Государственнаго Совѣта. Баронъ Корфъ, безъ сомнѣнія, не откажетъ ему въ своихъ указаніяхъ.

Итакъ, о совокупности трудовъ Сперанскаго судъ впереди: но какія есть у насъ сочиненія и изслѣдованія о Собраніи Законовъ, о Сводѣ, напечатанныхъ уже сорокъ лѣтъ? Въ чемъ состоятъ достоинства Свода, его отличительныя качества, недостатки, средства для ихъ исправленія, сокращенія? Что можно сказать объ его расположеніи? Нѣтъ ли какихъ работъ надъ его отдѣльными частями? Увы, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, а мы имѣемъ въ семи университетахъ больше пятидесяти профессоровъ права! Не мало вышло и магистровъ.

Предложу еще вопросъ: сколько студентовъ юридическаго факультета, съ Училищемъ Правовѣдѣнія включительно, прочли біографію Сперанскаго, сочиненную барономъ Корфомъ? Отвѣтъ увлекъ бы меня далеко, и я остановлюсь на вопросѣ...

Намъ остается говорить о Сперанскомъ, какъ о человѣкѣ. И здѣсь не можемъ мы составить полнаго о немъ понятія, пока не будутъ собраны и изданы всѣ его письма, особенно къ дочери[36]). Удовольствуемся нѣкоторыми отрывочными замѣчаніями, и прослѣдимъ сперва характеръ по его отношенію къ службѣ.

Внезапное, безпримѣрное возвышеніе не возгордило его нисколько. Какъ въ этотъ блистательный періодъ его жизни, такъ и въ послѣдній, когда онъ вновь пріобрѣлъ значеніе, и вновь возвысился въ общественномъ мнѣніи и въ государственной службѣ, Сперанскій оставался однимъ и тѣмъ же: въ кабинетѣ его висѣлъ всегда на почетномъ мѣстѣ портретъ матери его, попадьи, повязанной платочкомъ. Всѣ его родные, попы и дьяконы, дьячки и пономари, просфирни, получали во всю жизнь отъ него пособіе, удовлетвореніе ихъ просьбъ, и имѣли всегда свободный къ нему доступъ. Деньги занимаютъ здѣсь послѣднее мѣсто: родственныя чувства слышатся во всѣхъ его письмахъ и пріемахъ, и онъ никогда не забывалъ своего происхожденія.

Я слышалъ (забылъ отъ кого, чуть-ли не изъ первыхъ устъ), что одинъ старый знакомый Сперанскаго пришелъ къ нему однажды по утру рано, въ Петербургѣ, въ день его рожденія, и засталъ его спавшимъ на голыхъ доскахъ. «Что это значитъ?» спросилъ его удивленный посѣтитель, когда тотъ проснулся. — «Такъ я сплю быконовенно, отвѣчалъ Сперанскій, въ ночь своего рожденія, чтобъ напомнить себѣ о бѣдности, въ которой родился»[37]).

Сперанскій прогуливался однажды съ своею дочерью по набережной, на Аптекарскомъ острову, слѣдовательно уже во второмъ періодѣ своего возвышенія.

---

[36]) Напечатаны въ Р. Архивѣ 1868 г.

[37]) Не смѣю утверждать, чтобъ эти слова были такъ точно сказаны, но смыслъ отвѣта былъ навѣрное таковъ.

Вдругъ онъ видитъ прачку, которая, выполоскавъ бѣлье, идетъ отъ рѣки на улицу, и какъ бы сторонится. «Марѳа Тихоновна, куда же ты такъ отъ меня бѣжишь? Развѣ не узнаёшь стараго пріятеля?» Взялъ ее за руку и сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ, на которыя былъ такой мастеръ, свидѣтельствуетъ баронъ Корфъ.

Эта Марѳа Тихоновна, жена повара, стирала бѣлье молодаго семинариста, когда онъ жилъ въ домѣ князя Куракина.

Камердинеръ князя, Иванъ Марковъ, крѣпостной князя Лобанова, имѣлъ случай тогда же оказывать Сперанскому разныя послуги. Этотъ Иванъ Марковъ явился къ Сперанскому во время его губернаторства въ Пензѣ съ какою-то просьбою, и ожидалъ въ передней, въ числѣ другихъ просителей. Сперанскій, выйдя изъ своего кабинета, тотчасъ его узналъ, и, бросясь къ нему съ словами: «Иванъ Марковичь, старый знакомый!» сталъ его обнимать и разсказалъ въ общее услышаніе о прежнихъ ихъ отношеніяхъ.

На основаніи этихъ движеній, невольныхъ, неподготовленныхъ, неискуственныхъ, можно, кажется, смѣло сказать, что у Сперанскаго нисколько не было гордости, спѣси, чванства, тщеславія.

Но, безъ сомнѣнія, внутреннее сознаніе своего достоинства предъ другими было ему присуще.

Духовнику предъ смертію сказалъ Сперанскій: «Хотя во мнѣ давно уже угасли страсти плотскія, но за то съ постоянною силою дѣйствуютъ другіе враги, тоже не новые, но все еще ростущіе, *страсти духовныя*. Такъ, при всей борьбѣ, не могу превозмочь одного порока: *духовной* гордости. Если, послѣ безпрестанныхъ усилій и работы надъ самимъ собою, иногда и удается ее усмирить, то спустя нѣсколько времени она опять накинется съ новою силою, и мнѣ остается только горевать о слабости своей воли».

Въ письмѣ къ Словцову, отъ 16 Августа 1813 г., чрезъ полгода по отсылкѣ Пермскаго письма къ Государю, Сперанскій писалъ: «Люди и несправедливости ихъ, по благости Божіей, мало по малу изъ мыслей моихъ изчезаютъ. Тотъ, Кто посредствомъ ихъ исторгнулъ меня изъ *бездны страстей*, *раздиравшихъ мою душу*; Кто далъ мнѣ потомъ самые вѣрные опыты Своего милосердія, и по истиннѣ, несказанной благости; Кто рѣшилъ однимъ мгновеніемъ всѣ колебанія моей воли, и вялымъ давнишнимъ моимъ къ Нему влеченіямъ далъ постоянное направленіе: Тотъ устроитъ все по Своему смотрѣнію и не попуститъ, чтобъ я еще разъ изъ рукъ Его выпалъ» (II, стр. 89).

Онъ пишетъ къ дочери изъ Перми, проѣзжая черезъ этотъ городъ въ Сибирь: «Я въ Перми, и ты можетъ представить всю странность, всю противуположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, *училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія*» (с. 19).

Въ замѣткахъ, относящихся къ самымъ молодымъ годамъ, написано Сперанскимъ: «Кто можетъ сказать самому себѣ: каждый день я приближаюсь къ совершенству, каждый день я вырываю изъ сердца какой-нибудь порокъ, какую-нибудь слабость. Съ тремя врагами долженъ я бороться: *съ лѣностію*, *робостію* и *гордостію*. Боже мой, какіе враги! Они соединились противъ меня съ дней моего дѣтства. Темпераментъ мой подаетъ имъ всегда новое оружіе, и что̀ могу я сдѣлать одинъ противъ трехъ,—я, бѣдный и слабый смертный, съ моимъ блестящимъ воображеніемъ и слабымъ разумомъ».

«Лѣность есть порокъ моей души [58]). Съ быстрымъ и сильнымъ воображеніемъ и съ неистощимымъ запасомъ самолюбія, должно постоянно гнаться за химерами счастія, которыхъ изображеніе ничего намъ не стоитъ. Это—удобное и прекрасное средство заниматься самимъ собою, и оно должно быть естественно предпочитаемо всѣмъ другимъ средствамъ, какъ наиболѣе легкое».

Въ одномъ письмѣ изъ Пензы Сперанскій пишетъ: «Скажу откровенно, иногда мнѣ кажется, что я могъ бы дѣлать лучше и болѣе, нежели подписывать вѣдомости и журналы губернскаго правленія; ибо въ семъ почти существенно заключается вся наша инвалидная губернская служба. Такъ мнится мнѣ въ минуты, въ часы, а иногда и въ цѣлые дни, *когда бьетъ меня самолюбіе*; но, образумясь, я нахожу, что безразсудно было бы желать пуститься въ бурное море, на утлой ладьѣ, безъ твердой надежды въ успѣхахъ, а сей надежды, по всѣмъ расчетамъ здраваго смысла, имѣть я не могу. Явное противорѣчіе: *всю жизнь желать покоя и уединенія, и въ самую почти минуту событія опять погнаться за суетою*»!

Напрасно авторъ говоритъ о мистицизмѣ Сперанскаго, какъ о чемъ-то постороннемъ, случайномъ: нѣтъ, это направленіе составляло часть его самого, и многія мѣста, даже изъ извѣстныхъ его писемъ, искреннія, правдивыя, свидѣтельствуютъ это. Духъ его парилъ высоко, и мысли его постоянно возносились къ Небу, въ другой міръ, къ которому здѣшній служитъ пріуготовленіемъ. Связь съ масонами и Феслеромъ укрѣпила, можетъ-быть, это направленіе. Въ Пермскомъ письмѣ онъ пишетъ Государю: «Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода, (масонскихъ), и особенно о мистической ихъ части, имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды *моихъ собственныхъ изысканій и размышленій*. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствами. *Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій*, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ истинныя ихъ знаменованія, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что другое въ сихъ истинахъ Вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго».

Онъ былъ искреннимъ христіаниномъ. Получивъ прискорбное для него назначеніе на службу въ Сибирь во время говѣнія, онъ писалъ къ дочери: «Нѣтъ нужды тебѣ описывать мои первыя впечатлѣнія. По счастію, я говѣлъ (вспомнимъ, что это было на Страстной недѣлѣ), и впечатлѣнія сіи не могли глубоко проникнуть мою душу: занято было мѣсто. Въ четвергъ я пріобщался: это еще болѣе исцѣлило или закрыло мои раны...»

«Такъ-то, любезный другъ», писалъ

[58]) Замѣчательно, что Сперанскій, не смотря на свои колоссальные труды, жаловался всегда на свою лѣность, по свидѣтельству барона Корфа.

Сперанскій къ Масальскому, въ отвѣтъ на поздравленіе съ новымъ годомъ и днемъ его рожденіи: «время течетъ, и все сближается къ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ, ибо никогда не должно забывать, что мы въ дорогѣ, и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четверкѣ, но всѣ войдемъ въ одни ворота».

За двадцать лѣтъ до кончины, Сперанскій писалъ къ Словцову: «Желайте, чтобъ тихая рука смерти съ вѣрою, любовью и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленные». Потомъ, спустя десять лѣтъ, онъ писалъ тому же другу: «Мысль, когда приду и явлюсь лицу Божію, вездѣ и всегда со мною».

Всѣ эти слова и мысли, свидѣтельствующія о нравственной высотѣ, на которой стоялъ Сперанскій, это возношеніе духа, это сознаніе собственной немощи, это стараніе о *самоисправленіи*—мы почитаемъ великимъ достоинствомъ въ характерѣ Сперанскаго; онъ, видно, былъ убѣжденъ въ святой истинѣ: кая бо польза человѣку аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Оборони Богъ когонибудь видѣть здѣсь лицемѣріе—въ письмахъ къ дочери, къ друзьямъ, въ словахъ съ духовниками, съ самимъ собою! Всѣ эти изліянія были искренны, а между тѣмъ внутри, въ глубинѣ сердца, невѣдомо для него самого, таились суетныя надежды, земныя желанія, мелочныя заботы. Таковъ человѣкъ! Аще ты, Господи, назриши, кто постоитъ?

Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ лучшаго,—это наблюдать за собою и сознаваться въ своей немощи!

Сперанскому хотѣлось дѣйствовать. Это было потребностію его организма, его природы, его привычкою. Удаленный изъ Петербурга, онъ былъ въ полной силѣ своихъ способностей, только что развернувшихся. Въ Нижнемъ, въ Перми, въ Великопольѣ, въ Пензѣ, въ Сибири, онъ безпрестанно учился, занимался, пріобрѣталъ опытность, и надѣялся принести много пользы Отечеству, Петербургъ и, кажется, Дворъ, оставались долго его мечтами, и здѣсь онъ показывалъ малодушіе, нетерпѣніе. Отсюда происходила лесть въ нужныхъ случаяхъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло исполненіе его тайнаго желанія, или которые могли быть ему полезными въ этомъ случаѣ, хотя и здѣсь большею частію приличіе было всегда соблюдено; онъ хвалилъ иногда, можетъ быть, слишкомъ, хорошее, умалчивалъ о нехорошемъ, умѣлъ обходить недостатки. Въ немногихъ случаяхъ, въ письмахъ къ Аракчееву, можно указать кое-что черезъ край, также къ Гурьеву, къ кн. Голицыну. Иное впрочемъ можно приписать привычкѣ, условному языку писемъ, въ родѣ милостивый государь, покорный слуга. Баронъ Корфъ прекрасно изъяснилъ эту сторону его характера.

Сперанскій былъ человѣкъ добрый въ полномъ смыслѣ этого слова добрый вообще къ людямъ, и добрый въ частности къ тому и другому человѣку, гуманный, какъ говорятъ нынѣ. Какъ обходился онъ съ арестантами, колодниками въ Пензѣ! Каждый воскресный и праздничный день, послѣ обѣдни, Сперанскій непремѣнно, и несмотря ни на какую погоду, бывалъ въ тюремномъ замкѣ, и въ заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, гдѣ осматривалъ и разспрашивалъ каждаго арестанта о причинѣ и времени содержанія. «Ну, друзья мои, оканчивалъ онъ потомъ

обыкновенно, день нынче праздничный, давайте помолимся Богу о прощеніи нашихъ грѣховъ и чтобы Онъ далъ намъ силы терпѣливо сносить наши скорби и несчастія». Послѣ этого священникъ начиналъ молебенъ, за которымъ слѣдовалъ обѣдъ. Отвѣдавъ каждаго кушанья, губернаторъ, при выходѣ, всегда оставлялъ что нибудь на улучшеніе арестанской пищи.

Въ деревнѣ у себя, «бѣдныхъ крестьянъ безденежно снабжалъ скотомъ и лошадьми и всѣмъ вообще, въ болѣзни лекарствами, деньгами и пр. Случалось, что во время прогулокъ по полямъ онъ находилъ работниковъ, спавшихъ на голой землѣ; тогда, если было по близости сѣно, онъ тотчасъ бралъ его въ охабку, и бережно клалъ имъ подъ головы», чтобъ они не простудились. Мужички, видно, высоко это цѣнили, потому что болѣе тридцати лѣтъ хранили о томъ преданіе. Такое же отеческое общеніе между Великопольскимъ помѣщикомъ и крестьянами было и при всѣхъ другихъ случаяхъ. Баринъ, по словамъ ихъ, запрещалъ имъ пить на работѣ холодную воду, высылая изъ своего дома квасъ; заказывалъ употреблять горячіе напитки не во время и безъ нужды, и грозилъ, если въ томъ его не послушаютъ, тяжелымъ отвѣтомъ на судѣ Божіемъ, повторяя имъ, по часту, о мирѣ и согласіи между собою и сосѣдями; вообще наставлялъ ихъ какъ жить и по-христіански и по-крестьянски: наконецъ, встрѣчаясь съ ними, самъ *первый* кланялся, чтобъ нѣсколько смягчить грубость ихъ нравовъ. Человѣколюбіе свое онъ распространялъ и на чужихъ: такъ прохожіе по большой Московской дорогѣ въ его усадьбу всегда находили тамъ пріютъ, пищу и посильное вспоможеніе.

Съ подчиненными былъ отцемъ, любилъ награждать. Въ Сибири чиновники получили при немъ столько наградъ, сколько не получено было тамъ съ учрежденія губерніи въ 1800 году. Вообще подчиненные вездѣ обожали его. Баронъ Корфъ говоритъ вообще «объ удивительной переносчивости его и снисхожденіи къ людямъ, и къ ихъ слабостямъ,—качествѣ, доходившемъ у него, во всѣ времена, можетъ быть даже до нѣкотораго излишества».

Пенза оставалась въ восторгѣ отъ его управленія, а въ Сибири до сихъ поръ сохраняются теплыя воспоминанія. Изъ Сибири онъ писалъ къ дочери: «Здѣсь настоящая Сибирь, и здѣсь-то, наконецъ, я чувствую, что Провидѣніе, всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды, почти уже исчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное».

Во всѣхъ отношеніяхъ съ людьми онъ соблюдалъ совершенную простоту, и притомъ не дѣлалъ различія между знатными вельможами, князьями, графами,—и прачкою Маврою Тихоновной, камердинеромъ Иваномъ Марковымъ. Если онъ слалъ вообще мягко, то и спать у него было не жестко.

Чувствительный, что̀ доказывается горестью по смерти его жены и любовію къ дочери, онъ плакалъ, слушая проповѣди Леванды: вообще былъ человѣкъ, какъ говорятъ, симпатичный, привлекательный, обходительный, умѣвшій стать на всякое мѣсто, принаровиться ко всякому, и найдти сказать и сдѣлать для него пріятное, человѣкоугодливый. Незлопамятенъ и, ни одного изъ его враговъ онъ никогда, ка-

жется, не называлъ по имени. Мстительности никакой. Только И. Александру, кажется, онъ не могъ простить предъ концемъ, удостовѣрясь, что тотъ оставилъ его совершенно.

«Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ», писалъ Сперанскій къ Государю изъ Перми (и нельзя читать этихъ строкъ безъ умиленія),—«кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ, и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коимъ Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили».

Въ первомъ письмѣ изъ Перми, 6 Іюля 1813 года, къ Масальскому онъ писалъ: «Послѣднее чувство, которое во мнѣ угаснетъ, это будетъ довѣріе къ людямъ и въ особенности къ друзьямъ моимъ».

Но вотъ и противоположный звукъ, вѣрно вырвавшійся въ минуту особеннаго раздраженія: «Я никогда не удивляюсь худымъ поступкамъ людей, и напротивъ всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно».

Несчастія свои Сперанскій переносилъ съ *терпѣніемъ* и, можно сказать, съ *великодушіемъ*; сначала подкрѣпляла его надежда скораго ихъ прекращенія, а потомъ онъ привыкалъ ко всякому новому положенію; если роптал, то только на людей, и то очень рѣдко, безъ всякихъ личностей, безъ всякой горечи и желчи.

Эти событія изъ его жизни свидѣтельствуютъ всего убѣдительнѣе, что онъ былъ человѣкъ мягкій, уступчивый, и имѣлъ характеръ, такъ сказать, эластическій.

1812 г. Марта 17 Сперанскій, за минуту не подозрѣвавшій опасности, упалъ внезапно съ высоты недосягаемой. Въ первыя минуты крайнее смущеніе замѣчено свидѣтелями; но когда онъ возвратился къ себѣ въ домъ, увидѣлъ тройку у крыльца, а въ комнатѣ министра полиціи съ своими директорами, онъ держалъ уже себя такъ, что послѣдній, нимало къ нему нерасположенный, готовъ былъ поцѣловать у него руку [59])

Неожиданный ударъ, подобный полученному Сперанскимъ, сломилъ бы человѣка съ характеромъ болѣе твердымъ: Сперанскій только погнулся, сосредоточился, ушелъ въ себя.

Высокаго ума, геніальныхъ способностей, съ строгою логикою, быстротою соображеній, одаренный примѣчательнымъ даромъ слова, мастеръ писать, Сперанскій отличался еще неутомимою *дѣятельностію* и вмѣстѣ легкостію въ работѣ, но и, это доказательство особенной *скромности*, никогда не говорилъ, не упоминалъ о своихъ трудахъ.

Любознательность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ его характера.

Только что вышедъ изъ Семинаріи, онъ принялся за изученіе Французскаго языка и овладѣлъ имъ въ совершенствѣ, что и принесло ему большую пользу въ высшемъ кругу. Женясь на Англичанкѣ, онъ изучилъ Англійскій языкъ. Въ Перми занимался Нѣмецкимъ и потомъ Еврейскимъ языками, полатыни онъ умѣлъ говорить, какъ всѣ старые семинаристы. Погречески читалъ свободно, и извѣщеніе о Сибирскомъ генералъ-губернаторствѣ заста-

---

[59]) Укажемъ для сравненія на покойнаго Государя Николая Павловича. Онъ не могъ выдержать извѣстій, полученныхъ изъ Крыма, удостовѣрясь въ пагубномъ для Отечества оборотѣ дѣлъ, и. же

ло его за Өукидидомъ. Переводилъ Өому Кемпійскаго, начатаго въ 1805 году, по страницѣ въ день, вмѣсто молитвы. Въ Великопольѣ большая часть времени посвящалась изученію отцевъ церкви. Принимая участіе въ судьбѣ словесности, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода томовъ Карамзина. Въ одномъ письмѣ Сперанскій писалъ о немъ: «Онъ бранитъ меня не зная, а я хвалю его съ основаніемъ».

«Меня увѣдомили, что уже печатается IX томъ Исторіи Н. М. Карамзина; но вѣрно онъ пройдетъ его благополучно, sine ira et studio». «Я не знаю ни того, ни другаго (ни стараго ни новога слога) я знаю только слогъ Карамзина и Филарета».

Увѣдомляя, что имѣетъ исторію Нѣмецкой литературы Шлегеля, Миллера, Клопштока, онъ просилъ снабжать его книгами и новостями литературы.

лѣзнаго сложенія, скончался въ нѣсколько дней отъ незначительной болѣзни.

Возмемъ примѣръ изъ другой области: былъ у насъ профессоръ Устинъ Евдокимовичъ Дядьковскій, съ знаменитыми заслугами наукѣ и обществу, посвятившій всю свою жизнь общей пользѣ; по осьми часовъ въ сутки посвящалъ онъ университету и академіи медико-хирургической, уча студентовъ на лекціяхъ и въ клиникѣ, и вдругъ, на всемъ горячемъ бѣгу его, ему подшибла ноги Нѣмецкая партія, и онъ, обвиненный въ матеріализмѣ!! (1836), уволенъ былъ отъ службы. Казалось, онъ принялъ это увольненіе равнодушно, шутилъ съ нами по обыкновенію, — но черезъ два-три года, послѣ разныхъ путешествій, отъ ничтожной болѣзни скончался на Кавказѣ. Прибавимъ здѣсь кстати, что по завѣщанію своему онъ предоставилъ все трудами нажитое состояніе, тысячъ двѣсти, въ пользу бѣдныхъ Рязанскихъ семинаристовъ; но завѣщаніе было отстранено вслѣдствіе несоблюденія какой-то формы.

Помяну его пока хоть здѣсь въ скромномъ замѣчаніи.

Взаключеніе этого отдѣленія въ нашемъ опытѣ о достоинствахъ Сперанскаго, приведемъ золотыя слова его изъ Пермскаго письма, объ отношеніяхъ верховной власти и правительства къ народу:

«Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ *система ложныхъ страховъ и подозрѣній*,—система, коею какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,— чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ, самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и въ пустыхъ толкахъ неразумѣнія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помышляю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самого Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ Русскимъ правиламъ. Истинныя Русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе

отца къ дѣтямъ: а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не Русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. *Сіе* мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія».

Поговоримъ объ его отношеніяхъ къ извѣстнымъ лицамъ.

Служебное поприще открыто Сперанскому княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, и при удаленіи Куракина И. Павломъ, Сперанскій хотѣлъ за нимъ слѣдовать въ его заточеніе, оставляя службу. Желательно знать, почему тотъ сталъ къ нему послѣ въ непріязненныя отношенія, такъ что не хотѣлъ дать ему даже знака безпорочной службы безъ вычета лѣтъ, проведенныхъ въ удаленіи!

Второе лице, содѣйствовавшее Сперанскому на служебномъ поприщѣ, былъ Кочубей: въ какихъ отношеніяхъ находился къ нему Сперанскій при разныхъ превращеніяхъ въ жизни того и другаго? Въ книгѣ барона Корфа есть нѣкоторые пробѣлы.

Аракчееву Сперанскій былъ обязанъ возвращеніемъ на службу, льстилъ ему, и въ знакъ благодарности далъ благопріятное мнѣніе о военныхъ поселеніяхъ, стараясь указать хорошія ихъ стороны. Но какъ держалъ себя Сперанскій въ отношеніи къ нему въ царствованіе Императора Николая, въ книгѣ барона Корфа также не находится извѣстія.

А. А. Столыпинъ былъ вѣрнѣйшимъ его другомъ въ продолженіи всей жизни, и его совѣту написать манифестъ о вступленіи на престолъ И. Павла Сперанскій былъ обязанъ, по замѣчанію г. де-Санглена, первымъ значительнымъ движеніемъ по службѣ.

Яковлевъ, Лазаревъ, Баташевъ были постоянными его благопріятелями.

Ближайшія короткія дружескія связи Сперанскаго были всегда съ людьми средняго сословія, съ которыми сошелся онъ въ молодости: съ Масальскимъ, Цейеромъ, Жерве, Кремеромъ, г-жею Вейкартъ,—и онъ оставался имъ вѣренъ во всѣхъ періодахъ своихъ жизни.

Въ первый періодъ должно назвать еще *Масальскаго* и *Лубяновскаго*.

Начало связи съ *П. Г. Масальскимъ* и конецъ ея темны, даже и послѣ изданной его сыномъ переписки. Познакомилъ ихъ въ 1793 году товарищъ Сперанскаго, Сахаровъ (Августинъ, епископъ Оренбургскій) знавшій Масальскаго въ Ярославлѣ. «и они полюбили другъ друга», говоритъ сынъ его (стр. 119), «съ перваго ихъ знакомства, такъ что Сперанскій, опредѣленный въ началѣ 1797 г. въ канцелярію генералъ-прокурора, писалъ къ нему, призывая въ Петербургъ на службу: «Ожидаю васъ съ распростертыми и самыми теплыми объятіями. Пріѣзжайте, утвердивъ надежду вашу на Бога и связавъ ее съ надеждами моими, кои доселѣ еще меня не обманывали». Въ другомъ письмѣ: «за письма ваше, другъ мой сердечный Петръ Григорьевичъ, покорнѣйше васъ благода-

рю; побольше бы еще былъ благодаренъ, еслибы въ выраженіяхъ вашихъ больше находилъ дружбы, нежели учтивости. По связи моей съ вами, мнѣ кажется, вамъ бы можно себя уволить и меня освободить отъ благодарности, увѣреній и признательности».

Во время несчастій Сперанскаго, Масальскій представилъ ему примѣчательные опыты вѣрности и преданности, былъ усерднѣйшимъ исполнителемъ всѣхъ его просьбъ и порученій; между тѣмъ, послѣднее письмо къ нему было изъ Пензы 15 Апрѣля 1819 года. Какія же отношенія были между ними послѣ? Мы не находимъ также никакого извѣстія, чѣмъ Сперанскій засвидѣтельствовалъ свою благодарность Масальскому.

—

Что сказать о недостаткахъ Сперанскаго? Мы коснулись до нѣкоторыхъ, высшаго рода, признанныхъ имъ самимъ; замѣтимъ еще въ первомъ періодѣ—опрометчивость, самонадѣянность, въ коихъ онъ сознавался самъ; во второмъ періодѣ—скрытность, которая кажется и вообще принадлежала къ его свойствамъ, вмѣстѣ съ какою-то благовидною хитростію: онъ открывалъ людямъ только общее, только то, что̀ казалось ему нужнымъ. Возвратившись изъ Сибири, Сперанскій, какъ человѣкъ, который обжегся на молокѣ, началъ дуть уже на воду, и совершенно ушелъ въ себя, чѣмъ и можно только объяснить отзывы о немъ Каподистріи и Карамзина.

Скажемъ два слова еще о какой-то особой расчетливости и излишней заботѣ при его умѣренной жизни и значительныхъ вознагражденіяхъ (жалованіе, аренды, земли, домъ и проч.), о хозяйственныхъ дѣлахъ. Она происходила вѣроятно отъ первоначальной нужды, въ коей онъ жилъ.

Вообще въ Сперанскомъ должно различать двухъ человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: одного до ссылки и другаго послѣ ссылки.

Припишемъ эти недостатки и пороки, равно какъ и другіе, пропущенные нами, слабости человѣческой натуры, которая всего разительнѣе и яснѣе обнаруживается для нашихъ наблюденій именно на такихъ великихъ людяхъ, какъ Сперанскій. Сперанскій, Карамзинъ, Филаретъ, Кутузовъ, Растопчинъ, Ермоловъ, Мордвиновъ, Шишковъ—примѣчательные люди въ Русской исторіи: они имѣли каждый въ своей области случаи принести Отечеству великія услуги, и представляютъ, также каждый въ своемъ родѣ, тѣ или другіе недостатки. Надо намъ смотрѣть на нихъ, какъ и на всѣхъ своихъ братій, въ лучшія минуты ихъ дѣятельности, воздавать должную справедливость, и свидѣтельствовать благодарность за добро ими для насъ содѣянное. Бросать же камни или грязь въ ихъ священную память—признакъ невѣжества или дурнаго сердца. Изучать отрицательныя стороны, наравнѣ съ положительными, въ собственное назиданіе, отстраняя безусловныя похвалы,—о, это другое дѣло, не только не предосудительное, но желательное и похвальное, которое также у насъ, къ сожалѣнію, не въ ходу, и всякое порицаніе, даже съ почтеніемъ выраженное, считается оскорбленіемъ памяти. Другой родъ невѣжества или недостаточнаго развитія.

Я назвалъ нѣсколько именъ, принадлежащихъ къ царствованію И. Александра Перваго, и обратился вообще къ этому времени. Сколько еще припомнилось мнѣ почтенныхъ именъ! Воронцовъ, Багратіонъ, Барклай, Кочубей, Канкринъ, Нессельродъ, Репнинъ, Голицынъ (Д. В.), Васильчиковъ, Кикинъ, Коновницынъ, Балашевъ,

Раевскій, Бенигсенъ, самъ Аракчеевъ, Закревскій, Меньшиковъ, Бибиковъ, — вѣдь это все лица, фигуры историческія, съ именами, заслугами, съ характерами.

А ихъ преемники? Перифразируя эпиграмму Дмитріева, объ нихъ можно сказать развѣ: выѣхали въ Ростовъ!

Damnosa quid non imminuet dies!
Aetas parentum. pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vicisiorem!*)

Мнѣ остается сказать еще два слова о книгѣ барона Корфа, которой я обязанъ большею частію основаній предлагаемаго опыта. «Жизнь графа Сперанскаго» составляетъ украшеніе нашей исторической литературы, и ни одно произведеніе этого рода въ послѣдніе годы не можетъ съ ними сравниваться. Тщательность въ собраніи свѣдѣній не имѣетъ и примѣра другаго въ Русской словесности. Если можно замѣтить, что никто и не могъ имѣть столько средствъ для того, какъ баронъ Корфъ, то должно прибавить, что никто и не умѣлъ бы такъ воспользоваться ими. Ясность изложенія въ самыхъ затруднительныхъ законодательныхъ вопросахъ доказываетъ мастера, хозяина и знатока. Наконецъ зоркость и проницательность въ сужденіяхъ объ источникѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій, строгій анализъ, заставляютъ жалѣть, что баронъ Корфъ не избралъ предметомъ своего сочиненія болѣе обширнаго предмета, чѣмъ жизнь одного лица, хотя и такого лица, какъ Сперанскій. Къ недостаткамъ сочиненія, если это можно назвать недостаткомъ, а не необходимостію, — отнесемъ умолчаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія. извѣстныхъ барону Корфу, и въ этомъ отношеніи надо удивляться искусству, съ которымъ эти обстоятельства обойдены. Впрочемъ, въ послѣднія десять лѣтъ, какъ вышла книга, многое, тогда сохранявшееся подъ спудомъ, вышло наружу, и можно надѣяться, что при новомъ изданіи Жизнь Сперанскаго явится въ полнѣйшемъ видѣ.

М. Погодинъ.

*) Тое. Чего не измельчитъ гибельное время! Поколѣніе отцовъ, которое хуже дѣдовъ, произвело насъ негоднѣйшихъ, а отъ насъ вскорѣ будетъ еще болѣе порочное потомство (Горацій, О. VII-я кн. III-я). П. Б.

УКАЗЪ

Императрицы Екатерины II-й.

Оренбурской губернской канцеляріи. Ея Императорское Величество указать соизволила. Хотя содежащіеся въ Ставропольскемъ духовномъ управленіи Оренбургской губерніи села Спаскаго (Чесноковка тожъ) попъ Иванъ Өедоровъ и дьячекъ Өедоровъ, попъ за то, что онъ въ отправленіи утренни и на молебнѣ на эктеніи упоминалъ о здравіи бывшаго Императора Петра III-го и говорилъ, якобы онъ здравствуетъ и оному дьячку Өедорову да понамарю приказывалъ на многолѣтіи пѣть о здравіи его жъ бывшаго Императора, а дьячекъ за то, что онъ по объявленному поповскому приказу оное многолѣтіе пѣлъ, надлежащему наказанію и достойны: но оное имъ изъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія оставить и изъ подъ караула освободитъ. Марта 19 дня 1763 года. Генералъ прокуроръ Александръ Глѣбовъ. (Подлинное въ г. Оренбургѣ въ архивѣ Тургайскаго областнаго правленія, въ столбцѣ указовъ 1763 года листъ 42).

ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

У насъ, родившихся когда Грибоѣдовъ написалъ этотъ стихъ, есть въ памяти событія едва успѣвшія обратиться въ преданія, а уже кажущіяся невѣроятными: мы до того успѣли проникнуться преобразованіям, совершающимися въ строѣ ежедневной нашей жизни, они до такой степени были потребны,—что мы освоились съ ними, такъ сказать, наканунѣ того дня, когда они совершились, и мы сами не вѣримъ сегодня тому, что̀, по привычкѣ, мы дѣлали совершенно безсознательно вчера. Юноша, у котораго едва пробивается усъ, съ улыбкой недовѣрія слушаетъ разсказы о томъ, какъ богомольная барыня отправляла сѣчь на съѣзжей двороваго, доставившаго ей въ Москву черствою просвиру, за которою она посылала его верхомъ къ Николѣ на Угрѣшѣ; какъ добродушнѣйшій въ мірѣ помѣщикъ также приказывалъ сѣчь крестьянъ, которые недовольно усердно выплясывали на устроенномъ для нихъ же потѣхи сельскомъ праздникѣ. Юноша этотъ осмѣлится громко высказать сомнѣніе, когда ему скажутъ, что еще существуетъ въ подвалахъ одной изъ городскихъ думъ Россійской имперіи, такъ называемая «*Моховая*» т. е. покрытый плѣсенью и мохомъ подземный казематъ, въ которомъ въ то недавнее время, когда этотъ юноша уже явственно выговаривалъ «папа» и «мама», приковывались по единоличному и никѣмъ никогда не обжалованному отеческому приговору городскаго головы, купцы и мѣщане за *домашнія* вины: за нетрезвое поведеніе, за неповиновеніе родителямъ, за драку съ семейными, за непочтеніе къ старшимъ. А если этому юношѣ разсказать, что въ повѣсти «*Дубровскій*» портретъ Троекурова списанъ Пушкинымъ съ натуры *), что у этого богача-помѣщика, названнаго Троекуровымъ, однажды становой приставъ, привезшій изъ земскаго нижняго суда не удостоившуюся его одобренія бумагу, былъ посаженъ на цѣпь въ подвалъ на хлѣбъ и на воду,—тогда, пожалуй, юноша зальется такимъ смѣхомъ, какимъ мы не смѣялись даже при разсказахъ о походѣ лодокъ Олега на колесахъ, съ распущенными парусами, къ Царьграду, *по суху, аки по морю!*

Да что говорить объ юношахъ! Намъ нѣтъ еще и полувѣка, сѣдина еще коегдѣ только пробивается въ волосахъ, которые спереди довольно прилично скрываютъ оголенную макушку,—а и намъ не вѣрятся и кажутся удержавшимися въ нашей памяти изъ нянюшкиныхъ сказокъ командныя слова:—«Смотри веселѣе!... Больше игры въноскахъ... Прибавь чувства въ икры!»—А развѣ не въ очію передъ нами совершалось, что, на такъ называемыхъ *репетичкахъ* разводовъ, измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестію туго набитаго кивера съ колыхаю-

---

*) Съ Рязанскаго помѣщика Измайлова.

*

щимся отъ вѣтра почти аршиннымъ султаномъ, затянутые до удавленія туго застегнутымъ воротомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты въ точности исполняли эти команды: смотрѣли веселѣе, придавали игрыноскамъ, чувства икрамъ, зная, сердечные, что кто этого не исполнитъ, отправится, какъ говорили въ то время, «куда Макаръ телятъ не гонялъ»!— мѣсто, сдѣлавшееся въ настоящее время также неизвѣстнымъ.

Замѣчательно, что солдатъ всему этому покорялся и покорялся безропотно, даже съ любовью, когда требованія эти дѣлались командиромъ, котораго онъ любилъ, въ которомъ видѣлъ начальника достойнаго себя, дѣлившаго съ нимъ холодъ и голодъ, готоваго положить животъ за честь Русскаго знамени. «Для милаго дружка и сережку изъ ушка!» говорили гусары, когда Кульневъ приказомъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги, и никто не подумалъ роптать на причуду любимаго командира: солдаты ропщутъ только на Нѣмцевъ, а *Нѣмцами* зовутъ они и Русскихъ, которые не умѣютъ говорить съ ними. Принца Евгенія Виртембергскаго, хлебавшаго кашицу изъ артельнаго котла, Карла Ивановича Бистрома, который впереди своихъ егерей бросался на непріятеля, ни одному солдату и въ голову не приходило называть *Нѣмцами*.

Но даже и въ этихъ Нѣмцахъ, весьма нерѣдко Русскихъ, Русскій солдатъ всегда умѣлъ уважать два качества: храбрость и справедливость. Юридическія понятія у Русскаго мало развиты, и онъ не умѣетъ соразмѣрять наказанія, но цѣнитъ нелицепріятность въ наказаніи: наказаніе можетъ быть жестоко, но, пока оно одинаково-безразлично для каждаго, Русскій ему спокойно подчинится.

Лицо, къ которому относятся нижеслѣдующіе два разсказа, былъ изъ Нѣмцевъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ. Чисто Русскій по имени и происхожденію, Русскій помѣщикъ, перенесшій помѣщичьи привычки въ полкъ, лицо это не умѣло говорить сердцу солдатъ, но было честно въ отношеніи къ нимъ: солдатъ зналъ, что одинаково-строго командиръ накажетъ каждаго ослушника; солдатъ видѣлъ, какъ командиръ этотъ, несмотря ни на какую опасность, стоялъ всегда впереди на самомъ опасномъ мѣстѣ; слышалъ, какъ самъ-четвертъ, съ тремя казаками, отрѣзанный отъ своего отряда, онъ прорубился черезъ непріятельскую цѣпь и одинъ прискакалъ назадъ, и не смотря на педантство, на придирчивость, на жестокость этого командира, солдатъ чтилъ въ немъ безпристрастіе, чтилъ въ немъ отвагу воинскую, и все таки звалъ его «*Нѣмцемъ*».

Объ этомъ-то командирѣ существуютъ преданія, которыя кажутся въ настоящую минуту невѣроятными; но истинность приводимыхъ здѣсь разсказовъ не подвержена сомнѣнію. Первый изъ нихъ не можетъ быть безъизвѣстенъ многимъ слышавшимъ разсказы участниковъ войны 1813 года; оставшіеся въ живыхъ бывшіе въ двадцатыхъ годахъ субальтернъ-офицерами въ томъ полку, гдѣ случилось послѣднее событіе, едва ли могли его забыть: лѣтъ тридцать тому назадъ оно еще жило въ памяти каждаго офицера этого полка.

Имени командира выставить невозможно: его сынъ еще живъ, а неотрадно сыну встрѣтить имя отца, запятнанное преданіемъ о жестокости; притомъ и самая память командира заслуживаетъ уваженія. Онъ болѣе полувѣка съ честію носилъ Русскій мундиръ, честно и добросо-

вѣстно занималъ многія важныя государственныя должности и сошелъ въ могилу, окруженный если не любовію всѣхъ его знавшихъ, то во всякомъ случаѣ уваженіемъ, въ которомъ не могли ему отказать даже злѣйшіе его враги.—По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ въ разсказахъ имя его опущено, и онъ названъ просто *командиромъ* безъ означенія двухъ полковъ, которыми онъ командовалъ,— однимъ въ 1813-мъ, другимъ—въ 1822-мъ году. Разсказы эти характеризуютъ не личность самаго командира, а эпоху, когда могли существовать подобные командиры; но такъ какъ оба разсказа касаются страшнаго наказанія *сквозь строй*, увѣковѣчившагося въ памяти народной подъ названіемъ *Зеленой улицы*, то неизлишне предпослать имъ еще разсказъ о томъ, какъ производилось это наказаніе. Этому разсказу придаетъ особенный интересъ то обстоятельство, что онъ, сколько память могла удержать, дословно приведенъ изъ устъ одного изъ коренныхъ Аракчеевскихъ солдатъ Новгородскаго военнаго поселенія, поселенія, гдѣ, какъ слишкомъ извѣстно, система тѣлесныхъ наказаній была доведена до непонятной нынѣ степени утонченности.

«Поставятъ насъ, бывало, въ два ряда, да и ведутъ провинившагося; а прежде—виноватъ, было забылъ—каждому припасутъ розгу, то есть оно только званіе что розга,— хворостина потолще, пожалуй, мизинца будетъ, да къ тому еще ровная такая и гибкая - прегибкая, такъ что уже вся какъ есть при ударѣ на спинѣ отлѣпится, а не то что въ одномъ мѣстѣ прихватитъ, а другое минуетъ. Какъ станутъ въ двѣ шеренги солдатики, вотъ ихъ и заставятъ надъ головой нѣсколько разъ этими самыми розгами помахать: для того: нужно знать, хорошо ли онѣ гнутся и вѣренъ ли взмахъ; иная еще и до спины не дойдетъ, а ужь переломится, — значитъ не годится; ну, и перемѣняй за̀годя. Вотъ это, какъ станутъ всѣ на мѣста, смирно, и приведутъ виноватаго; а приведутъ его такъ: руки у него привязаны къ прикладу ружья, а другой конецъ ружья у штыка держатъ два дюжіе солдатика: ихъ уже это дѣло тащить его, коли упрямится впередъ идти, или наваливаться на ружье, коли больно заторопится; для того — нужна въ ходу соразмѣрность, иначе весь порядокъ разстроится, потому что, при неровномъ ходѣ, тѣ, кто въ шеренгахъ стоитъ, розмаха порядочнаго имѣть не могутъ, — значитъ и ударъ неполонъ будетъ. Коли мало ударовъ, да парень попадется фарсистый, пожалуй и всю улицу на ногахъ пройдетъ; а то зачастую, половину пройдя, свалится, и его не то на скрещенныхъ ружьяхъ привязаннаго понесутъ (носилки не запомню, чтобы употреблялись), а не то одинъ изъ солдатъ на своей спинѣ до конца наказанія протащитъ. Бывало и такъ: коли не въ моготу, такъ отнесутъ въ лазаретъ, да какъ залечится спина, опять выведутъ доканчивать; только это рѣдко, потому что хорошій командиръ каждаго солдата натуру знаетъ; сколько кто ударовъ вытерпитъ, а коли кому опредѣлитъ ихъ не въ мѣру—значитъ тому смерть: мертваго на салазкахъ протащить велитъ, а что̀ кому ассигновано, такъ тому и быть!

«Да и наказывать-то не легко было: взмахивать нужно игриво, попасть мѣтко и розгу держать не такъ, чтобы въ рукѣ свободна была, а большимъ перстомъ придерживать, чтобы въ ударѣ форсъ былъ. Товарищу тутъ поволить не приходилось, да и не до жалости, какъ знаешь, что за

шеренгами фельдфебель съ мелкомъ ходитъ: взмахъ ли не хорошъ, розга ли не придержана, ударъ ли коротокъ пришелся—разомъ на спину мелкомъ крестъ поставитъ. Бывало, всѣмъ, кажись, угодилъ начальству, а кончится сѣкуція, обернешься спиною къ сосѣду, спросишь: «крестъ есть?» — «Есть», скажетъ; ну, и знаешь, что самому наказанія не миновать.

«Бывали командиры лютые. Помню такого, — большой былъ шутникъ: вздумалъ фельдфебель почеловѣколюбствовать, идетъ за шеренгой, да ни за какую промашку креста и не ставитъ, а того и не чуетъ, что командиръ-то, за нимъ крадучись, самъ съ мелкомъ идетъ; кончилась сѣкуція—смотримъ у насъ ни у кого крестовъ нѣтъ, думали уже расходиться, только командуетъ командиръ: «Стой!—Фельдфебель, обернись!» Какъ обернулся, а у него вся спина въ крестахъ; тутъ же его сердечнаго разложили, да и наказали, да наказали-то такъ, что прямо пришлось свезти въ лазаретъ. Какъ выписали его оттуда, похаркалъ онъ съ мѣсяцъ, не то съ два кровью, да вскорѣ Богу душу и отдалъ; а все за свою глупость,—значитъ не добродушничай, а норови дѣлать какъ начальствомъ приказано!»

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пишущій эти строки слышалъ этотъ разсказъ; но изъ подобныхъ разсказовъ во всю жизнь слова не забудешь, и теперь, когда, болѣе тридцати лѣтъ спустя, они впервыя укладываются на бумагу, въ воображеніи возникаетъ изможденный образъ Аракчеевскаго солдата, сознававшаго справедливость казни фельдфебеля, засѣченнаго за то, что *добродушничалъ*; слышится его старческая рѣчь, прерываемая хохоточнымъ кашлемъ, послѣдствіемъ его прогулокъ по Зеленой улицѣ. Бѣдный, неразумный Салтычовъ! Да простится тебѣ безграничнымъ Милосердіемъ безсознательная жестокость, которую ты принималъ за исполненіе своего долга, которая казалась тебѣ обязанностію передъ твоимъ начальствомъ, передъ твоимъ Отечествомъ!

Вотъ что значило во время оно прогнаніе сквозь строй, вотъ что значило *пройтись по Зеленой улицѣ*!

Послѣ этого поясненія, приступимъ къ разсказамъ о двухъ событіяхъ изъ жизни одного и того же командира.

I.

Въ 1813 году, по переходѣ нашихъ войскъ за границу, отданы были приказанія о строжайшемъ соблюденіи дисциплины между солдатами: за всякое своевольство, за всякую обиду жителямъ Нѣмецкихъ провинцій, въ которыя вступали наши отряды, сулилось начальствомъ неминуемое наказаніе по всей строгости полеваго суда. Признаться, и поводовъ къ ссорамъ съ Нѣмцами не было: встрѣчая насъ избавителями отъ ненавистныхъ Французовъ, Нѣмцы оказывали намъ возможное гостепріимство; случалось, правда, что, при выступленіи проходящаго отряда, иной Нѣмецъ-хозяинъ не дочтется на своемъ дворѣ то поросенка, то куренка, то иной живности, но рѣдко кто за это взыскивалъ, сознавая, что какъ же взыскивать на проголодавшемся, плохо одѣтомъ, еще хуже обутомъ солдатикѣ за то, что онъ не устоялъ противъ искушенія—полакомиться даровщинкой! Вообще, можно сказать, что жалобъ на солдатъ не было, а когда и случались, то обходилось безъ наказанія; до наказаній вообще тогда командиры были не совсѣмъ охотливы:

ни для кого въ то время не было тайной, что командиры, слывшіе у солдатъ черезчуръ *лютыми*, частенько выбывали изъ строя при встрѣчахъ съ непріятелемъ, и раны-то на тѣлахъ ихъ не всегда находили спереди; случалось, что пули попадали имъ и въ затылокъ.

Нашъ командиръ былъ педантъ въ полномъ смыслѣ этого слова: никакое приказаніе начальства у него не считалось мертвою буквою; никогда не поднималъ онъ голоса, никогда не поддавался увлеченію, все у него дѣлалось по темпамъ, да и говорилъ-то онъ по темпамъ; но его размѣренной рѣчи солдаты боялись пуще, чѣмъ порывовъ гнѣва самаго бѣшенаго начальника, и никогда не смѣлъ никто ослушаться приказанія, переданнаго этимъ тихимъ, обдуманнымъ голосомъ, страшнымъ именно по своей тихости и обдуманности. Этого командира, разумѣется, солдаты не любили.

Случилось однажды нашему отряду имѣть ночевку въ одномъ Прусскомъ селеніи. Командиру отведено было помѣщеніе на самомъ краю селенія. Просто ли не спалось ему, или изучалъ онъ на топографической картѣ мѣстность, которую ему придется проходить завтра, только слышитъ онъ, уже за полночь, женскій крикъ неподалеку отъ дома; подошелъ къ окну,— видитъ, что съ однимъ изъ его солдатовъ барахтается какая-то Нѣмка: живность ли какую онъ у нея отнималъ, или склонялъ къ эротическимъ забавамъ (что также на походѣ случается), но дѣло въ томъ, что слышанный крикъ происходилъ отъ Нѣмочки. Командиръ подозвалъ виноватаго солдата (солдатовъ своихъ онъ зналъ всѣхъ до единаго), спокойно спросилъ его: знаетъ ли онъ приказъ объ избѣжаніи всякихъ ссоръ съ обывателями, отечески объяснилъ ему, что невозможно обижать союзниковъ и приказалъ отправиться подъ часы.

При утреннемъ рапортѣ объявленъ дальнѣйшій походъ, назначены для посылки впередъ квартирьеры; при докладѣ объ арестантѣ велѣно ему слѣдовать въ вагенбургѣ.

Дорога нашему отряду шла лѣсомъ, въ срединѣ котораго была довольно гладкая поляна. Дошли мы до нея; скомандованъ привалъ; ружья велѣно составить въ козлы. Между тѣмъ, командиръ подозвалъ дежурнаго по отряду, велѣлъ ему отобрать нѣсколько піонеровъ съ заступами и, когда они собрались, самъ повелъ ихъ къ опушкѣ лѣса и велѣлъ рыть яму, между тѣмъ какъ остальнымъ становиться въ двѣ шеренги, запасшись шпицрутенами. Когда все было исполнено, тогда только командиръ приказалъ привести вчерашняго арестанта и, разсказавъ офицерамъ его проступокъ, велѣлъ гнать его сквозь строй.

Едва ли найдется человѣкъ, у котораго нервы довольно одеревенѣли, чтобы хладнокровно присутствовать при томъ, какъ гоняютъ сквозь строй: при маломъ числѣ ударовъ наказаніе производитъ дѣйствіе сильнаго слабительнаго, при большомъ—летятъ со спины клочья кожи и мяса, и извергаются потоки крови! Зрѣлище это либо остервеняетъ человѣка, либо одуряетъ всѣ его понятія.

Арестантъ кончилъ свое шествіе: «Веди назадъ!» раздался голосъ командира «Онъ не можетъ идти!» — «Тащи его!» «Не отвѣчаю за жизнь!»—сказалъ докторъ, щупая пульсъ.—«Исполнять, что приказано!» отвѣчалъ командиръ.

Несчастнаго понесли назадъ: послѣдніе удары пали на его уже бездыханное тѣ-

ло!—«Умеръ»!—рѣшилъ докторъ, по окончаніи обратнаго шествія. Тогда командиръ приказалъ снести тѣло къ вырытой ямѣ, снявъ фуражку, скомандовалъ: «на молитву», велѣлъ опустить тѣло, сотворилъ предъ нимъ земной поклонъ и, бросивъ на него первую горсть земли, отошелъ въ сторону. Потомъ, когда надъ погребеннымъ возвысился могильный курганъ, онъ велѣлъ барабанщикамъ бить походъ, сѣлъ на лошадь, скомандовалъ: «Стройся повзводно! — Господа офицеры по мѣстамъ!—Маршъ!» и тихо, въ головѣ всего отряда, поѣхалъ впередъ.

Мы были въ какомъ-то отуманеніи чувствъ; намъ не вѣрилось, что солдатикъ, дѣлившій съ нами полчаса тому назадъ всѣ трудности похода, пережившій столько сраженій заодно съ нами, еще вчера спутникъ нашъ въ радости и въ горѣ, оставленъ нами гдѣ-то... тамъ, на опушкѣ какого-то лѣса, нами засѣченный, нами зарытый, нами закиданный чужою Нѣмецкою землею. А передъ нами, въ виду всѣхъ, медленно двигалась высившаяся на конѣ мрачная фигура командира: и хоть бы разъ повернулся онъ назадъ, а то даже во весь путь и не посмотрѣлъ на насъ, какъ бы не удостоивая подозрѣвать, что его затылокъ можетъ служить вѣрнымъ прицѣломъ для первой шальной пули, пущенной негодующимъ товарищемъ засѣченнаго.

Что́ чувствовалъ командиръ, что чувствовали прочіе—не знаю! Знаю только, что пришедши на ночлегъ, не смотря на усталость, я не могъ во всю ночь глазъ сомкнуть отъ *раскаянія*; я чувствовалъ себя соучастникомъ въ *убійствѣ* несчастнаго, который покорился своей участи, даже не произнеся мольбы о своемъ помилованіи!

Въ эту кампанію командиру не пришлось болѣе наказывать въ нашемъ отрядѣ: поведеніе солдатъ было рѣшительно безукоризненно; до сдачи имъ командованія отрядомъ не было ни одного проступка противъ дисциплины: убійство бѣднаго солдата утвердило примѣрный, или вѣрнѣе безпримѣрный, порядокъ во всѣхъ его товарищахъ.

Но не безпримѣрна ли была и жестокость!

II.

Служака, скажу вамъ, я былъ въ полку не послѣдній! Шагистику всю и фрунтовистику, какъ есть, поглотилъ цѣликомъ! Бывало, церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ всѣ до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности тéмпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ на-право, налѣво, о бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идетъ, а глаза-то такъ отъ генерала и не отрываются! Самъ-то все впередъ идешь, а лицомъ-то все на него глядишь! Со стороны посмотрѣть, истинно думаю, должно было казаться, что голова на пружинѣ: нѣтъ-нѣтъ, да лицомъ на затылокъ перевернется!

А нынче что? Ну кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ молъ, до послѣдней капли крови готовъ за Царя и Отечество животъ положить!

А хоть служакой и былъ я хорошимъ (то-есть, такимъ, что безъ хвастовства сказать, въ полку другаго такого при мнѣ и не было), а какъ, бывало, подходитъ время къ инспекторскому смотру, такъ сердце не на мѣстѣ.

Оно не то, чтобы по хозяйству страшно было: вѣдь это только на бумагѣ писалось, что инспектированіе, дескать, должно удостовѣрять, что солдаты все, имъ отъ казны положенное, получаютъ; солдатъ почему знастъ, что ему отъ казны положено? Да и не дуракъ солдатъ, чтобы сознаться, что, за недостаткомъ дровъ въ казармахъ, онъ у сосѣдей заборъ раззорилъ, или что себѣ въ щи цѣлой ротой у огородника нѣсколько грядъ капусты, или картофеля повыкопалъ; солдатъ всякій знаетъ, что «доносщику первый кнутъ»; да и то ему вѣдомо, что грабить и съ голода не позволено. Къ тому же дѣло и начальству было не безъизвѣстное. что только съ дровъ, да съ припасовъ, да съ аммуниціи полковой командиръ доходъ и наверстаетъ: иначе и извернуться съ коммисаріатомъ было бы ему нечѣмъ.

Нѣтъ, на счетъ экономіи можно было быть совершенно спокойнымъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Попался, правда, разъ одинъ полковой комадиръ на крагахъ,—уволили отъ полка, да ужъ больно хитрую штуку выдумалъ.

Вы, молодежь, небось нынче и не знаете: что это и за *краги* такіе были? А это, видите ли, были голенища кожаныя, которыя надѣвались сверхъ брюкъ, съ застежками по бокамъ. За кожу на нихъ, да на шитье, да и за пуговицы отпускались деньги, которыя, разумѣется, прямо отправлялись командирамъ въ карманъ; а солдатики, знай себѣ, старыя краги донашивали: ваксой натрутъ—за новыя идутъ. Только однажды инспекторскій смотръ: хвать, хвать! а на старыхъ-то крагахъ кожа до того перегорѣла, что пуговицы не держатся. Только голь хитра на выдумки: соорудили краги изъ сахарной бумаги, ваксой натерли—словно зеркало блестятъ! Такъ бы и сошло. Надобно же случиться бѣдѣ! Инспекторъ ли новый попался больно ретивый, измѣна ли какая случилась, только открылась вся штука! Командиру, разумѣется безъ огласки, велѣли выйти въ отставку, да вслѣдъ за тѣмъ (спасибо ему, доброму человѣку) и самыя краги отмѣнили. Хорошо что отмѣнили, а то, бывало, краги застегивать—пребѣдовая коммиссія!

Такъ вотъ, я говорилъ, по хозяйству инспекторскихъ смотровъ бояться было нечего: безъ слѣдствія всякому солдатскому заявленію не повѣрятъ же; а слѣдствіе зачнется тѣмъ, что заявителя-то засадятъ подъ часы, да на хлѣбъ-на воду, да аудиторъ такъ засудитъ, что его же раба Божьяго за ложный доносъ безъ выслуги запишутъ въ линейный какой нибудь баталіонъ, а на дорогу еще всыплютъ нѣсколько сотенъ.

Страсть-то не въ этомъ, а въ *бодромъ видѣ* солдатъ, да въ пригонкѣ на нихъ аммуниціи. Бѣда это, бывало, съ ремешками, да съ репейками, да съ помпонами, да со всѣмъ инымъ прочимъ. Ну, куда за всѣмъ углядѣть! Всякая-то вещь отдѣльно—пустякъ! а за эти-вотъ за самые пустяки, хорошо коли только гауптвахтой отдѣлаешься, а не то иной разъ и въ гарнизонъ угодишь.

Нашъ командиръ ужъ очень хорошо это понималъ, и меня, спасибо ему, по достоинству цѣня, многому-таки понаучилъ. Однимъ упрекнуть можно, педантъ былъ, все бывало твердитъ: «что́ солдату назначено, то ему и отпускай; взыскивай съ него должное, да и отпускай должное». Насчетъ взысканія оно вѣрно, а на счетъ отпуска онъ ошибался: отпусти солдату что́ положено, все онъ истратитъ; сколько хочешь не додай, будетъ на томъ доволенъ; отпусти лишнее—тоже ничего

не оставитъ. Такая ужъ у него солдатская натура!

Да ужъ нечего говорить—чудакъ былъ командиръ! Другіе командиры только думали какъ бы смотръ съ рукъ сбыть, а онъ, все время командованія нашимъ полкомъ, завелъ, чтобы каждый разъ передъ инспекторскимъ смотромъ *репетичка* была; смѣшно сказать--самъ себя инспектировалъ! Жутко приходилось солдатамъ выстаивать эти репетички, да и намъ, офицерамъ, сокомъ онѣ доставались,—пожалуй, солонѣе самаго смотра приходились, потому что на смотру инспектирующій генералъ обойдетъ ряды, иной разъ для приличія, то-есть больше для острастки, придерется къ какимъ-нибудь пустякамъ, опроситъ солдатиковъ: «Всѣмъ ли довольны?» «Всѣмъ довольны, ваше превосходительство!» «Все ли получаете?» «Все получаемъ ваше превосходительство!» Случилось разъ — забавникъ попался инспекторъ,—спросилъ: «А сахарными пирогами командиры кормятъ?» «Кормятъ ваше превосходительство!» — Потому что солдаты пріучены были послѣднее генеральское слово дружно подхватывать. Пропуститъ потомъ церемоніальнымъ маршемъ пройти, да и вся недолга! Ну, разумѣется, коли на маршѣ пуговица у солдата отлетитъ, либо кутасы на киверахъ въ шеренгѣ не въ одинъ размѣръ шевелятся, либо какой помпонъ изъ общей линіи выскочитъ взадъ или впередъ, опустится ниже или поднимется выше, тогда виноватому, извѣстно, что̀ слѣдуетъ ему, назначатъ, да и отдѣленный, зачастую ротный, а иной разъ и баталіонный—гауптвахты не минуютъ. Да вѣдь это случай; ну, а за всякимъ случаемъ не угоняешься!

А ужь на репетичкахъ случаевъ не бывало: тутъ все на чистоту открывалось. Выведутъ спозаранку назначенный на репетичку баталіонъ, соберетъ около себя командиръ всѣхъ офицеровъ, да и станетъ по-одиночкѣ каждаго солдатика выкликать, да разсматривать—душу всю этимъ осмотромъ вытянетъ! Сперва оружіе осмотритъ, киверъ скинетъ и, Боже упаси, коли какая въ немъ лишняя дрянь, трубка что̀ ли, или рожокъ съ табакомъ, запихана — не терпѣлъ онъ табаку, даже мы его за это раскольникомъ между собою прозвали; а тамъ за ранецъ примется; да ужъ въ конецъ концовъ мундиръ и брюки осматривать станетъ; да вѣдь какъ осматривалъ! Пальцы между пуговицъ пропихиваетъ, между зобомъ и воротомъ суетъ, иной разъ велитъ разстегнуться, да показать, не грязна ли рубашка, и во все это время для нашей науки причитываетъ, что солдатъ долженъ заботиться о чистотѣ, что Царемъ данное оружіе лелѣять слѣдуетъ, что военному человѣку отнюдь не нужно приставать къ такимъ привычкамъ, которымъ на походѣ удовлетворять нельзя, что онъ долженъ пріучаться и къ холоду, и къ голоду, и къ лишеніямъ, и къ терпѣнію; и все это приговариваетъ не торопясь, тихо, съ разстановками.

А мы-то̀ стоимъ, бывало, около него, да слушаемъ, да не дождемся: скоро ли кончитъ онъ вычитывать свои рацеи, да насъ портняжьему искусству научать, да отпуститъ насъ водочки выпить и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить.

Впрочемъ, намъ-то еще съ полгоря; а жалко, бывало, солдатиковъ. Еще хорошо, коли скомандуетъ: «ружья *къ ногѣ*!» стоять *вольно*»; но иной разъ забудетъ что̀ ли, а не то, пожалуй, и не безъ умысла, начнетъ онъ свой осмотръ послѣ команды: «*на плечо*», да не скомандуетъ: «*къ ногѣ*»; такъ и выстаивай—сердечные солдатики—

неподвижно, вытянувшись въ струнку, съ ружьями подъ приклад, часа два, не то три, а забывшись и больше, пока не отпуститъ наши души на покаяніе!

Вѣкъ буду жить, а въ вѣкъ не забуду что на одной такой репетичкѣ смотра случилось. Скомандовалъ командиръ «*къ ногѣ*», да и началъ осмотръ; смотритъ часъ, смотритъ другой; вдругъ слышитъ (а командиръ страшно на ухо чутокъ былъ) въ задней шеренгѣ вздохнулъ солдатикъ очень глубоко, да въ полголоса, должно быть въ забытьѣ, проговорилъ очень жалобно: «Охъ! Охъ! Охъ!» Повернулся командиръ: «Кто тамъ вздохнулъ? говоритъ, выходи!» Вышелъ солдатикъ: «Что? спрашиваетъ тихимъ голосомъ, усталъ братецъ?» А тотъ съ дуру-то и брякнулъ: «Виноватъ, ваше превосходительство,—усталъ!» «Отчего же ты, возразилъ командиръ, усталъ? А я, говоритъ, твой полковой командиръ, да и всѣ эти (на насъ показываетъ) господа офицеры, твои командиры, не устали? Ты, говоритъ, въ полной формѣ, и мы также въ полной формѣ, да и я, да и они всѣ въ полной формѣ (про ружье, да про ранецъ не упомянулъ). Вѣдь и наше, говоритъ, дѣло не легкое: ты, вотъ, за себя одного отвѣчаешь, а мы за васъ, за всѣхъ, передъ Царемъ, да передъ Отечествомъ отвѣчаемъ. Ты, говоритъ, знаешь ли долгъ свой? Отвѣчай—знаешь ли?» Ну гдѣ же солдату отвѣчать?—Извѣстное дѣло, отвѣчаетъ: «Виноватъ, ваше превосходительство!» «Я знаю, что виноватъ; но въ чемъ виноватъ? Вотъ я тебѣ растолкую, въ чемъ ты виноватъ».... и пошелъ толковать ему (понимается, больше намъ, офицерамъ, въ урокъ), что долгъ воина—повиновеніе, лишеніе, терпѣніе, и все въ этомъ тонѣ. Кончилось, разумѣется, наказаніемъ; да наказаніе то ужь больно видно, жестоко было: какъ наказали солдатика, такъ въ лазаретъ полковой снесли; полежалъ онъ тамъ много времени ничкомъ и какъ его ни лечили, а пришлось за неспособностію изъ службы выписать. Ходилъ у насъ въ полку слухъ, что командиръ самъ не разъ къ нему въ лазаретъ захаживалъ, а какъ на родину отпустили, такъ и пенсію ему по самую смерть опредѣлилъ. Кто тому вѣрилъ, кто не вѣрилъ, а иные говорили, что высшее начальство съ тѣмъ уговоромъ только командиру и взысканія никакого за наказаніе не сдѣлало. Да кто его знаетъ, онъ и самъ такой чудной былъ: можетъ-быть, просто отъ себя наградилъ за то, что солдатикъ не могъ больше службу продолжать. А впрочемъ и то — правду надобно сказать—солдатикъ-то, самъ по себѣ, ледащій былъ!

Съ тѣхъ поръ въ нашемъ полку никакого баловства въ строю больше не было: хоть сутки простоитъ солдатъ съ ружьемъ, подъ приклад ли, къ ногѣ ли, а ужъ не охнетъ! Да что и говорить — не случись Турецкой кампаніи и оставайся у насъ прежній командиръ, первымъ бы въ войскѣ полкомъ по выправкѣ былъ. Ну, а объ войнѣ, извѣстное дѣло, тѣмъ, кто умнѣе меня, сказано, что «война солдатъ портитъ».

А все таки скажу—сильное ощущеніе производитъ инспекторскій смотръ; но не въ примѣръ сильнѣе производили *репетички* этихъ смотровъ, которыя завелъ у насъ этотъ командиръ; здоровая моя натура, а не дай Богъ на ночь объ нихъ вспомнить; то-есть честью вамъ клянусь: попадись въ наше время какой нибудь офицерчикъ съ нынѣшнимъ слабонервіемъ— и Боже упаси!... бѣжалъ бы изъ полка!

Невѣроятно, не правда ли? а между тѣмъ эти разсказы—не сказки, а были.

Да, истинныя были и были столь недавнія, что онѣ остались въ памяти людей, еще живыхъ, еще не совершенно старыхъ; а между тѣмъ, онѣ уже обратились въ какія-то чудовищно-невѣроятныя преданія. Возблагодаримъ же Провидѣніе за то, что такое *минувшее* прошло безвозвратно, за то, что *настоящее* сдѣлало это минувшее впредь невозможнымъ, и будемъ ожидать *будущаго* еще болѣе блистательнаго, которому это настоящее служитъ вѣрнымъ залогомъ.

19 Февраля
1871

Новонайденные стихи Лермонтова къ Николаю Николаевичу Арсеньеву.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино не рѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка—
Для головы и сердца ядъ.

М. Лермонтовъ.

(Съ собственноручнаго подлинника, изъ альбома Елизаветы Николаевны Лиссотовичъ, урожденной Арсеньевой. Отецъ ея, Николай Николаевичъ Арсеньевъ, былъ двоюродный братъ матери Лермонтова; но по лѣтамъ былъ ему сверстникъ).

О Нѣмецкомъ сочиненіи Императрицы Екатерины II-й.

Въ Русскомъ Архивѣ сего года, на стр. 293, въ отрывкѣ изъ Записокъ Н. И. Греча, упоминается о переведенной Семеномъ Великимъ съ Нѣмецкаго языка восточной повѣсти Обидагъ [1]), напечатанной вмѣстѣ съ оригиналомъ въ 1787 г., въ Спбургской Императорской типографіи Вейтбрехта. Оригиналъ этой повѣсти, по словамъ историка Нѣмецкой литературы Курца, принадлежитъ къ числу немногихъ сочиненій на Нѣмецкомъ языкѣ Императрицы Екатерины II-й, которая такъ хорошо, по своему времени, владѣла Русскимъ языкомъ и писала на Французскомъ письма къ Вольтеру и свои мемуары. Вотъ что говоритъ Курцъ въ 3-мъ томѣ Исторіи Нѣмецкой литературы, исчисляя Нѣмецкихъ писательницъ той эпохи: «Для достопамятности упомянемъ о Русской Императрицѣ Екатеринѣ II-й; она написала восточную повѣсть Обидагъ (1786 года) и многія другія».

Считаемъ не лишнимъ привести эту замѣтку, такъ какъ о Нѣмецкихъ сочиненіяхъ Императрицы Екатерины, кажется, у насъ еще нигдѣ не было говорено.

П. Х.

[1]) Напечатано по ошибкѣ Обидачъ.

Спасо-Нередицкая церковь.

(Сообщено г. Скалдинымъ).

Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, посреди низменнаго берега Волхова и вблизи древняго историческаго Городища, стоитъ на довольно возвышенномъ пригоркѣ маленькая одноглавая церковь *Спасъ-Нередица*. Снаружи она представляетъ видъ полнаго запущенія: желѣзо на главѣ продырявѣло; старая деревянная крыша скоро должна разрушиться; стѣны обнажились отъ извести и мѣстами осыпаются. Надъ входомъ сохранились еще остатки фресковаго изображенія Деисуса. За ветхостію церкви, богослуженіе совершается въ ней раза два въ годъ, для окрестныхъ крестьянъ; остальное время она стоитъ запертая и безмолвная, какъ могильный памятникъ давно минувшихъ вѣковъ Русской исторіи. Чтобы проникнуть въ нее, надобно обратиться къ священнику Благовѣщенской церкви что на Городищѣ, къ которой Спасо-Нередицкая церковь приписана, какъ заштатная.

Войдя внутрь, мы сперва вступаемъ въ тѣсный и темный придѣлъ; низкій деревянный потолокъ, очевидно позднѣйшаго устройства, едва держится и въ самой срединѣ подпертъ простымъ коломъ. Перейдя изъ придѣла въ самую церковь, посѣтитель вдругъ переносится въ глубокую древность. Всѣ стѣны церкви покрыты фресками древняго Греческаго пошиба, современными самому основанію этой церкви, которое относится къ концу XII вѣка. Нѣкоторые фрески были когда-то подправлены; до другихъ, очевидно, еще не касалась рука реставраторовъ. Изъ числа этихъ первоначальныхъ фресковъ въ особенности замѣчательно изображеніе строителя этой церкви, Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича. Ярославъ, съ созданною имъ церковію въ рукахъ, предстоитъ Спасителю, сидящему на престолѣ. На князѣ красная шапка, отороченная внизу бѣлымъ горностаемъ, совершенно подобная той, которая хранится въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Это изображеніе доказываетъ, что фрески современны самому созданію церкви. Надобно вспомнить, что Ярославъ Владиміровичъ, насильно навязанный Новгородцамъ великимъ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ, былъ трижды принимаемъ въ князья и трижды изгоняемъ изъ Новгорода. Послѣднее его удаленіе случилось (1199 г.) не далѣе, какъ черезъ годъ по основаніи Нередицкой церкви, и затѣмъ родъ его никогда уже болѣе не княжилъ въ Новѣгородѣ. Нельзя предположить, чтобы этомъ нелюбимый Новгородцами князь («негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскѣй» *), не оставившій притомъ своего потомства въ Новгородѣ, былъ изображенъ на стѣнахъ этой церкви уже послѣ ея созданія.

Хорошо также сохранилось изображеніе

---

*) Полн. Собр. Р. лѣт. III, 18.

мученицъ Варвары и Іуліаніи, съ надписями: «о агіа Варвара, о агіа Уліана».

Въ числѣ поправленныхъ фресковъ нѣкоторыя изображаютъ событія изъ жизни Св. князя Всеволода-Гавріила, создателя Юрьевскаго монастыря (1119 г.).

Иконостасъ имѣетъ пять ярусовъ. Мѣстныя иконы весьма древняго письма, особенно храмовая, изображающая Преображеніе Господне. Царскія врата деревянныя, превосходной мелкой рѣзьбы, но не сквозныя, а накладныя на доскахъ, и повидимому весьма древней работы. Въ алтарѣ прежде всего обращаетъ вниманіе горнее мѣсто, каменное, грубой древней работы. Надъ горнимъ мѣстомъ фресковое изображеніе Знаменія Пр. Богородицы. На лѣвой стѣнѣ алтаря: апостолъ Тимоѳей, Св. Екатерина (Катъ-рына) и «агіос Петръ Александрьскый». На правой: «агіос Илія» въ пещерѣ, съ сѣдыми всклокоченными власами и весьма выразительнымъ лицемъ; Іоаннъ Предтеча съ надписью «Ἰω̃ Πρόδρομος»; далѣе «агіос Игнатей» и «агіос Григорей». Алтарь отдѣленъ арками отъ жертвенника и діаконника. Въ узкомъ оконцѣ жертвенника сохранился оконный переплетъ, носящій слѣды глубокой древности: онъ сдѣланъ изъ одного толстаго дубоваго куска, въ видѣ развѣтвленій оленьяго рога. Церковь построена, какъ и большая часть нашихъ древнѣйшихъ зданій, изъ плитообразнаго кирпича, между которымъ заложены различной величины камни. Она имѣетъ форму шестисаженнаго квадрата, съ тремя полукружіями на восточной сторонѣ. Сводъ поддерживается четырьмя столбами; къ двумъ западнымъ придѣланы большіе деревянные хоры, а къ восточнымъ иконостасъ. На сводахъ и по стѣнамъ вдѣланы голосники, въ видѣ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Окна весьма узкія, напоминающія бойницы крѣпостей. Трибунъ, поддерживающій главу, скрѣпленъ изнутри деревяннымъ кружаломъ, повидимому недавняго устройства; но кружало это начинаетъ замѣтно садиться внизъ. Окна въ трибунѣ заложены кирпичемъ.

Это именно та часть зданія, которая болѣе всего угрожаетъ близкимъ разрушеніемъ. Колокольня построена въ концѣ прошлаго вѣка; въ древности вѣроятно была лишь небольшая звонница, по обычаю Новгородскихъ церквей. Изъ немногихъ вещей, сохраняющихся въ церкви; наиболѣе древними слѣдуетъ признать: во первыхъ, деревянный крестъ съ рѣзьбою, во вторыхъ, церковную металлическую кружку, въ видѣ маленькаго кувшинчика, вершка въ полтора длиною, съ замочкомъ, пробоемъ и скважиною, въ которую едва пройдетъ нынѣшній серебряный пятачекъ. Въ церкви хранятся медаль и дипломъ, выданные на имя Спасо-Нередицкой церкви на Парижской всемірной выставкѣ за представленіе образцовъ древняго иконописанія. По словамъ мѣстнаго священника, снимки съ церковныхъ фресковъ, посланныя на выставку, были изготовлены кѣмъ-то изъ художниковъ Императорской Академіи.

Вотъ настоящее положеніе Спасо-Нередицкой церкви. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о ея прошедшемъ. Церковь эта и нѣкогда существовавшій при ней Нередицкій монастырь, основаны, какъ было уже упомянуто, Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1198 г. Князь этотъ былъ безземельный внукъ Мстислава Великаго и поставленъ на Новгородскій столъ своимъ своякомъ, великимъ княземъ Всеволодомъ Суздальскимъ, который сильно напиралъ на Новгородъ,

желая подчинить его своему вліянію. То было въ самый разгаръ усобицъ между потомками Ярослава 1-го, когда князья, какъ шальные, метались изъ стороны въ сторону, бороздили Русскую землю, добывая себѣ вотчины: изъ Курска шагали въ Новгородъ, оттуда перебрасывались въ Кіевъ или Переяславль, приводя нерѣдко съ собою ватаги Половцевъ и Черныхъ Клобуковъ. На югѣ Русь отбивалась отъ поганыхъ степныхъ кочевниковъ, Половцевъ и Печенѣговъ, на сѣверѣ воевала съ Шведами и Чудью. Это же было и самое бурное время Новгорода, когда Новгородцы безпрерывно то призывали, то выгоняли князей, нерѣдко заставляя ихъ силой княжить у себя (ибо безъ князя они не терпѣли быть); одинъ конецъ города возставалъ на другой; побѣдители сажали своего посадника, а людей имъ нелюбыхъ свергали съ моста въ Волховъ. Время вольницы, безтолковщины, хаотическаго броженія несложившихся элементовъ, время, за которое Русь должна была въ послѣдствіи поплатиться Татарскимъ игомъ, отпаденіемъ подъ власть Литвы и Польши большей и лучшей половины древнихъ Русскихъ земель, наконецъ поплатиться Московскимъ періодомъ, съ его холопствомъ и казнями, когда Русь была окрещена кровію и огнемъ въ единую, сильную державу. Въ такое-то время создана была Нередицкая церковь, присутствовавшая, такъ сказать, при самомъ зарожденіи Русскаго государства и съ тѣхъ поръ, почти безъ перемѣнъ, сохранившаяся до нашихъ дней, въ теченіе 670 лѣтъ! Нередицкая церковь находится вблизи того Городища, гдѣ стояла въ древности Княжеская изба и гдѣ, начиная съ Рюрика и до покоренія Новгорода Москвою, проживали наичаще Новгородскіе князья: оберегаясь городскихъ смутъ, они неохотно оставались на Ярославовомъ дворѣ. Недавно близь самой церкви была случайно отрыта гробница изъ цѣльнаго бѣлаго камня, съ двумя скелетами юнаго возраста (опять закопанная въ землю). Очевидно, столь роскошная по тогдашнему времени, гробница не могла скрывать тѣла простыхъ иноковъ или послушниковъ монастыря, а должна была принадлежать знатнымъ лицамъ. Близость Нередицкаго монастыря къ Городищу дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что то были останки двухъ княжескихъ дѣтей, умершихъ одновременно вслѣдствіе какого-либо несчастія или вѣроятнѣе—отъ одной изъ тѣхъ повальныхъ болѣзней, которыя были столь часты въ то время. Древніе Русскіе князья имѣли обычай созидать вблизи своего двора монастырь, гдѣ упокоивались ихъ останки и куда нерѣдко сами они или ихъ домочадцы удалялись отъ міра, принимая постригъ. Такъ въ Смоленскѣ, не вдалекѣ отъ княжескаго двора, на рѣчкѣ Смядынкѣ (за чертою нынѣшняго города) находилась обитель, развалины которой замѣтны еще донынѣ. Здѣсь, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ 1197 г. Смоленскій князь Давидъ, чувствуя приближеніе смерти, принялъ схиму, вскорѣ затѣмъ умеръ и погребенъ *). Въ концѣ 1830 годовъ среди развалинъ Смядынскаго монастыря были отрыты два гроба, высѣченные изъ цѣльныхъ известковыхъ камней: одинъ въ величину полнаго человѣческаго роста, другой меньшаго размѣра; въ семъ послѣднемъ найденъ золотой вѣнчикъ у изголовья и небольшой топоръ. Весьма вѣроятно, что и Нередицкій монастырь, какъ ближайшій къ княжескому двору на Го-

*) Прибавл. къ Ипат. Л., стр. 326.

родищѣ, былъ усыпальницею нѣкоторыхъ Новгородскихъ князей или по крайней мѣрѣ ихъ ближнихъ родственниковъ.

Чтó касается до названія Нередица или Нерядица, то быть-можетъ, оно дано этому монастырю потому, что онъ находился не въ ряду города, а за чертою Словенскаго его конца. По близости къ Городищу, монастырь сей именовался также Спасомъ на Городищѣ.

Сколько воспоминаній и мыслей пробуждаетъ эта малая, убогая, какимъ-то чудомъ сохранившаяся Нередицкая церковь, съ ея стѣнами и фресками, оставшимися нетронутыми съ конца XII вѣка! Немного на Руси памятниковъ, столь хорошо уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ. А между тѣмъ этотъ драгоцѣнный остатокъ нашей старины оставленъ въ пренебреженіи, на произволъ разрушительнымъ стихіямъ. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и Нередицкая церковь, съ ея дырявою главою и ветхою деревянною крышею, будетъ размыта дождями; изчезнутъ фрески, по своей древности и полнотѣ почти не имѣющіе себѣ подобныхъ въ Россіи. Наши Археологическія Общества заботливо собираютъ старинныя монеты, утвари и разныя мелкія вещи, находимыя въ землѣ; а здѣсь, на глазахъ всѣхъ, изчезаетъ памятникъ, доживающій до 700 лѣтъ своего существованія. Въ числѣ вопросовъ, предположенныхъ къ обсужденію на второмъ археологическимъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Петербургѣ въ Декабрѣ нынѣшняго года, первое мѣсто занимаетъ вопросъ: «Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи?» (Прав. Вѣстн. № 54-й 1871 г.). Пока съѣздъ будетъ обсуживать этотъ вопросъ и потомъ приводить въ извѣстность существующіе у насъ памятники, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, стоящій въ виду губернскаго города, наиболѣе богатаго остатками древности, быть-можетъ, придетъ въ непоправимое разрушеніе. Но неужели не найдется на Руси людей, которые сочувствовали бы сохраненію нашихъ историческихъ памятниковъ и готовы бы были принести свою малую лепту на поддержаніе такой замѣчательной древности, какъ Нередицкая церковь? По милости Божіей, не всѣ же еще Русскіе люди сдѣлались космополитами, для которыхъ наша родная многострадальная старина не имѣетъ никакого смысла и достоинства. Найдутся, быть-можетъ, люди, которымъ, по ихъ офиціальному положенію и мѣсту жительства, удобно было бы испросить разрѣшеніе на открытіе подписки и взять на себя надзоръ за исполненіемъ работъ. На возобновленіе Нередицкой церкви можетъ потребоваться приблизительно до 1000 р., не включая сюда однако возобновленія фресковъ. Эта послѣдняя работа должна быть ввѣрена опытному художнику, основательно изучившему наше древнее иконописаніе; иначе обновленіе фресковъ можетъ обратиться въ ихъ искаженіе, какъ не однажды уже случалось въ нашихъ древнихъ храмахъ.

Благочестивые старцы сосѣдняго Юрьева монастыря вѣроятно также не откажутъ удѣлить отъ своихъ преобильныхъ сокровищъ малую лепту на поддержаніе Нередицкой церкви и тѣмъ почтить дни древняя Великаго Новгорода, когда воспріяла начало и ихъ обитель.

С.-Петербургъ
24-го Марта 1871 г.

Помѣстье Салтычихи.

Въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, въ статьѣ о прославившейся въ народѣ своимъ звѣрствомъ людоѣдкѣ Салтычихѣ, окончившей жизнь свою въ заключеніи въ Ивановскомъ монастырѣ въ Москвѣ, не совсѣмъ вѣрно указано помѣстьемъ ея село Троицкое на Деснѣ, по Старокалужской дорогѣ, принадлежащее нынѣ баронессѣ Черкасовой. Имѣніе Дарьи Николаевны Салтыковой было верстъ на 20 ближе отъ Москвы на той же дорогѣ, въ Московскомъ уѣздѣ, село Троицкое при деревнѣ Теплые Станы, принадлежащее нынѣ г. Устинову.

Разбогатѣвшій думный дьякъ, начальникъ вотчиннаго Приказа при Петрѣ Великомъ, Автономъ Ивановъ Ивановъ, въ концѣ XVII вѣка скупилъ у разныхъ владѣльцевъ цѣлый рядъ смежныхъ имѣній Сосенскаго стана: Бѣляево-Кузнецово и Говорово (нынѣшнее Троицкое), Татариново, Никольское, Прокшино и Лѣтово [1]).

По межевымъ книгамъ видно, что нѣсколько лѣтъ до пріобрѣтенія имъ этихъ дачъ, онъ межевалъ ихъ съ стольникомъ княземъ Перфильемъ Шаховскимъ, въ качествѣ дьяка, въ 1685 г. [2]) что̀ вѣроятно и побудило его къ покупкѣ оныхъ.

Онъ же былъ строителемъ каменныхъ церквей: въ сельцѣ Никольскомъ (нынѣ уже не существующая) во имя чудотворца Николая, и въ с. Говоровѣ во имя Св. Троицы, переименованное посему въ село Троицкое, гдѣ донынѣ на всѣхъ колоколахъ каменной колокольни и на богатомъ серебряномъ крестѣ съ мощами встрѣчается имя думнаго дьяка Автонома Иванова съ означеніемъ 7194 (1686) года.

У Автонома былъ одинъ сынъ Николай Ивановъ, а у него пять дочерей, изъ коихъ Дарья за Глѣбомъ Салтыковымъ, Аграфена за Тютчевымъ и Марѳа за Измайловымъ. По смерти Николая Иванова при генеральномъ межеваніи, въ 1763 г., Троицкое значится за Д. Н. Салтыковой, а въ экономическихъ примѣчаніяхъ, составленныхъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Салтычиха находилась въ заключеніи,—за дѣтьми ея Ѳеодоромъ †1801 года и Николаемъ †1775 г. Глѣбовичами Салтыковыми, не оставившими послѣ себя потомковъ. Никольское [3]) же перешло къ Измайловымъ и Тютчевымъ, а Прокшино къ Аннѣ Ивановнѣ Бредихиной, внукѣ Николая Автономовича, а позднѣе по приходскимъ

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ арх. М. мин. юстиц., стр. 150, № 1533.

[2]) Писц. книга 7137, Сосенскаго стана: Говорово (Жуково-Суковотоже) за Бахметьевымъ 7186; дер. Жуково за Зыбинымъ; а въ 1709, село Троицкое что̀ было деревня Говорово, Суково и Жуково за Ивановымъ (все время безъ крестьянъ, господскій дворъ).

[3]) Сельцо Никольское въ Плечникахъ, бывшая деревня Поповка, по писцовымъ книгамъ XVII вѣка была вотчина князей Хованскихъ и принадлежала въ 1675 году извѣстному ревнителю старой вѣры князю Ивану Андреевичу Хованскому-Тараруй, казненному въ Москвѣ съ сыномъ своимъ въ 1682 г., послѣ чего Никольское подверглось вѣроятно общей конфискаціи имѣній Хованскаго и уже по межевой книгѣ 1685 года считалось за какимъ-то Петромъ Тимоѳеевымъ Кондыревымъ (окольничьимъ), который вскорѣ перепродалъ его Иванову. О селѣ же Никольскомъ или Поповкѣ (о которой упоминается въ писцовыхъ книгахъ 7137) упомяну только, что въ дачѣ этого села есть оврагъ и прилегающая къ нему луговина, носящіе и понынѣ названіе Поповки, гдѣ по народному преданію и находилось первоначальное сельцо.

книгамъ 1807 года за дѣвицами Измайловыми. Татариново, бывшее въ продолженіи многихъ лѣтъ до продажи Иванову за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а потомъ и за вдовой его, уже совершенно исчезаетъ въ спискахъ генеральнаго межеванія, и мѣстность онаго можетъ быть опредѣлена нынѣ только народнымъ изустнымъ преданіемъ, прозывающимъ большой лѣсъ сельца Никольскаго Лобановскимъ.

Изъ мѣстныхъ воспоминаній о Салтычихѣ могъ я только собрать слѣдующее. По всѣмъ своимъ вотчинамъ собирала она дѣвокъ и дѣтей женскаго пола и брала ихъ къ себѣ въ Москву будто въ услуженіе; тамъ ихъ выкармливала и зарѣзывала, какъ телятъ, но ѣла только одни груди, тѣла же покойныхъ жертвъ своихъ присылала въ село Троицкое въ своей каретѣ шестерикомъ, и тутъ попъ, подкупленный ею, хоронилъ ихъ по ночамъ, кто говоритъ на сельскомъ кладбищѣ, кто завѣряетъ, что въ лѣсахъ, гдѣ по увѣренію управляющаго г. Устинова, часто попадаются и могилки и отдѣльныя кости. Жила Салтыкова въ собственномъ домѣ своемъ, въ Рогожской, гдѣ въ саду былъ большой прудъ, куда стекала кровь убіенныхъ. При открытіи ея преступленій и Троицкой священникъ былъ преданъ суду. Крестьяне долгое время ничего не подозрѣвали, такъ какъ барыня всегда утверждала, что пропадающія дѣвки находились въ бѣгахъ, но слухъ о гнусныхъ преступленіяхъ ея дошелъ въ Петербургъ до сына ея Николая Глѣбовича, и когда онъ прискакалъ въ Москву и сталъ увѣщевать мать свою, она бросилась на него съ кинжаломъ, послѣ чего онъ самъ уже выдалъ ее правосудію. Конечно невозможно отвѣчать за положительную вѣрность этихъ свѣдѣній, и даже кости, находимыя въ лѣсахъ села Троицкаго, вѣроятнѣе всего относятся къ гораздо древнѣйшей, доисторической, курганной эпохѣ; тѣмъ не менѣе нельзя иногда не удивляться, какъ долго и упорно сохраняются въ народѣ воспоминанія чрезвычайно отдаленныхъ отъ насъ временъ. Такъ напримѣръ при распросахъ моихъ у одного Никольскаго старожила о прежнихъ помѣщикахъ сельца, онъ между прочимъ упомянулъ о Кондыринѣ (Кондыревъ 1685 г.) который по его словамъ былъ большой картежникъ и проигралъ имѣніе въ карты, и потому подержалъ за собою имѣніе всего 9 мѣсяцевъ. Дѣйствительно и оказывается по писцовымъ книгамъ, что весьма не долго владѣлъ этимъ имѣніемъ окольничій Кондыревъ.

Но не одна Салтычиха прославилась въ этой мѣстности своей жестокостью. Если изъ Троицкаго повернемъ къ Москвѣ по Старокалужской дорогѣ, версты три отъ Теплыхъ Становъ, попадется деревня Коньково *), слитая собственно изъ двухъ дачъ, раздѣленныхъ дорогой: на лѣво сельцо Сергіевское (прежде деревня Серино) съ каменною церковію во имя Радонежскаго Чудотворца и помѣщичьей усадьбой; а направо Коньково съ длиннымъ рядомъ полуразрушившихся въ ней каменныхъ избъ и съ большимъ памятникомъ изъ бѣлаго камня посреди деревни, напоминающимъ формой своей екатерининскіе верстовые столбы, но въ большемъ размѣрѣ. За крестьянскими дворами на возвышенномъ мѣстѣ, поросшемъ теперь мелкимъ кустарникомъ, замѣтны слѣды большихъ кирпичныхъ построекъ и сохра-

*) Въ началѣ XVIII в. Коньково принадлежало графу Александру Гавриловичу Головкину, а у него въ царствованіе Елизаветы куплено гр. М. Л. Воронцовымъ. См. Архивъ Кн. Воронцова кн. 2-я. П. Б.

нились даже двѣ каменныя надгробныя плиты, внизу же видны слѣды большихъ прудовъ съ давно прорванной плотиной.—Это была собственно господская усадьба села Конькова съ церковью во имя Троицы. Въ 1768 году, при генеральномъ межеванiи этой дачи, она принадлежала генералъ-маiоршѣ Авдотьѣ Наумовнѣ Зиновьевой, которая жестокимъ обращенiемъ съ своими крестьянами довела ихъ до того, что они подали просьбу на свою помѣщицу Императрицѣ Екатеринѣ, которая, чтобы избавить ихъ отъ ея ига, приказала купить у ней все имѣнiе, такъ что при составленiи экономическаго примѣчанiя къ планамъ генеральнаго межеванiя Коньково обозначено уже собственностью Ея Императорскаго Величества. Къ этому времени относится и воздвигнутый крестьянами памятникъ посреди села въ ознаменованiе ихъ освобожденiя и рядъ каменныхъ избъ, выстроенныхъ имъ царственною помѣщицею.

Въ народѣ утверждаютъ, что Императрица сама прiѣзжала разъ осматривать свое новое владѣнiе; скоро послѣ того господская усадьба и церковь были снесены, а крестьяне причислены къ дворцовой конторѣ; утверждаютъ также, что оранжереи, нѣкогда существовавшiя при дачѣ, перенесены въ Царицыно, а камни отъ Троицкой церкви были употреблены на ограду сосѣдняго храма Св. Сергiя, пользующагося большимъ уваженiемъ во всемъ округѣ, по случаю храненiя въ немъ частицы мощей Чудотворца. Когда эти мощи и кѣмъ были пожертвованы въ эту церковь, неизвѣстно; но судя по монограммѣ на золотомъ небольшомъ складнѣ внизу, окружающей изображенiе св. Сергiя, Е. И. (Н) З. можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что мощи эти были доставлены именно Коньковской помѣщицей Зиновьевой, пожелавшей, быть-можетъ, искупить этимъ свои жестокости.

Д. О. Ш.

Русскiй у подошвы Чатырдага.

Сочиненiе князя Д. П. Горчакова, писанное передъ 1812 годомъ).

Вчера еще являлъ надменный Чатырдагъ
Чело, блестящее лучемъ послѣднимъ Өеба;
Вчера еще лазурь отсвѣчивалась неба
Въ скрывающихъ его вершину вѣчныхъ льдахъ.
Вдругъ весперъ*) налетѣлъ, одѣянъ бурной мглою,
Туманами покрылъ гиганта грозный видъ—
И царь Таврiйскихъ горъ ужъ взора не дивитъ
Грозящею главою!

Такъ мыслилъ я, челомъ поникши долу,
Истоку присѣдя Салгирскихъ мутныхъ водъ.
Ахъ, все подъ солнцемъ свой имѣетъ оборотъ,—
Премѣна хижинѣ присущна и престолу!
Какъ падающихъ звѣздъ мгновенно тускнетъ
блескъ,
Подобно мiра царствъ сiянье исчезаетъ:
Едва могуществомъ родъ смертныхъ ужасаетъ—
И ужъ валящейся громады слышенъ трескъ!

Тутъ, къ дивнымъ нашихъ дней событьямъ
обращая
Взоръ, человѣчества напастьми утомленъ
И сына чувствiемъ къ странѣ своей вспаленъ,—
Со вздохомъ, съ горестью воскликнулъ я вѣщая:
Гдѣ лаврами побѣдъ обвитый мечь твой, Россъ?
Гдѣ сильная рука, страшившая вселенну?
Тебѣ ли, слабостью внезапной изумленну,
Посмѣлъ предписывать уставы дерзкiй Корсъ?
Ужель всю мощь твою, весь духъ Екатерина
Сокрыла въ гробъ съ собой?
Ужель къ паденью царствъ назначенна судьбой,
Приспѣла срочная и для тебя година?
Тогда ль, какъ къ небесамъ вознесъ главу колосъ,
*

¹) Мѣстное названiе вѣтра.

Въ немъ внутренность мождитъ отрава;
Тогда ль, какъ къ полнотѣ созрѣлъ, ко славѣ Россъ, —
Его внезапно меркнетъ слава?
Пространна колыбель героевъ искони,
Отечество мое,—страна мужей почтенныхъ,—
Вселенную дивитъ тобою воздоенныхъ,
Встань, прахъ стряси отъ вѣждъ и на себя взгляни,—
На славу, коея предѣлы міра полны,
На способы твои несчетны кинь твой взоръ:
Здѣсь духъ твоихъ сыновъ, тамъ злато въ нѣдрахъ горъ;
А вкругъ седьми морей тебѣ послушны волны.
Давно ли Оттоманъ гордящійся дрожалъ,
Румянцовымъ твоимъ въ Стамбулѣ устрашенный?
Давно ль кичливый Галлъ руки твоей бѣжалъ,
Суворовымъ твоимъ нещадно пораженный?
Здѣсь царство силою ума покорено,
Тамъ царство истребилъ твой мечь правдива мщенья.
На верхъ величества и славы взнесено,
По волѣ кротость ты являло, иль прещенье.
Какой же чарою противъ своихъ враговъ
На ратномъ поприщѣ безсильствуешь ты нынѣ?
Какой враждебный духъ, устроя хитрый ковъ,
Къ постыдной могъ тебя довесть теперь судьбинѣ?
Въ Россіи ли ужѐ великихъ нѣтъ мужей?
Ихъ въ нѣдрахъ у себя она всегда имѣла:
Петръ государственныхъ творилъ людей,
Екатерина ихъ отыскивать умѣла.
Отечественный духъ въ Россіи возбудить
Единое удобно слово.
Умѣть и умереть, умѣть и побѣдить—
Для Россовъ никогда не ново.
Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ,—
Довольно есть своихъ искусныхъ сограждaнъ,
Чрезъ воды насъ, чрезъ огнь, могущихъ весть въ храмы славы.
Монархъ,отечество—ихъ правила, уставы.
Но если зодчій, взявъ гдѣ глину за гранитъ,
Изъ нихъ соорудить огромный храмъ возмнитъ,
Обрушиться должно тотчасъ непрочно зданье·
Когда употребленъ въ дѣлахъ
Невѣжда или даже врагъ,
Худой успѣхъ всегда обманетъ ожиданье.
Пристрастью тамо мѣста нѣтъ,
Гдѣ требуютъ Отечество и слава
Не гибкаго, уклончиваго нрава,
Не дворской хитрости отъ вождей, а побѣдъ!
Коль дарованіямъ, заслугамъ предпочтенна,
Дышаща дерзостью, неопытность надменна
Иль ползающа лесть, душъ мелкихъ гнусный даръ:
Готовъ тутъ гибельный ударъ,
И царствъ паденія минута приближенна.
О вы! что честолюбья гласъ
Влечетъ за пышностью, за почестьми, чинами,—
Почестолюбствуйте хоть разъ
Прямыми быть Отечества сынами.
Отвѣдайте вкусить пресладостный нектаръ
Хвалы не лестію сплетенный сильнымъ въ даръ
И не наемничей рукою начерченный,
Но сердцемъ вашимъ въ васъ самихъ произведенный.
Вотще всей силою ко благу воспаритъ
Монархъ, хоть съ ангельской душей на свѣтъ рожденный;
Успѣхами труды не будутъ награжденны,
Достойныхъ коль себѣ сотрудниковъ не зритъ.
Безплодно проведетъ онъ дни свои въ заботѣ,
Чтобы къ величеству страну свою возвесть!
Что̀ можетъ славнаго ваятель произвесть,
Имѣющій рѣзцы негодные къ работѣ?
Владыки царствъ земныхъ!
Межъ милліонами подвластна вамъ народа,
Великихъ душъ рождать не устаетъ природа.
Употребляйте только ихъ,
И мудростью водимы,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ.
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдимы.

Сообщено А. И. Казначеевымъ.

Разсказываютъ, что министръ полиціи Балашовъ прочелъ эти стихи Государю Александру Павловичу и выразилъ мысль о невозможности допускать ихъ въ печать. «Отчего же? сказалъ Государь—qui se sent morveux, se mouche»*)

*) У кого половъ носъ, тотъ сморкается.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Всѣмъ почти современникамъ Александра I-го извѣстно имя Никанора Ивановича П. Онъ жилъ обыкновенно въ Курскѣ, гдѣ обладалъ огромнымъ имѣніемъ, нажитымъ большею частью на откупахъ, увеличивалъ его постоянно, не стѣсняясь незаконностью средствъ, и расширилъ наконецъ свои владѣнія на пространство восьмидесяти тысячъ десятинъ. Онъ сознавалъ свою силу—силу золотаго тельца, и позволялъ себѣ самыя дикія выходки, которыя не сошли бы съ рукъ никому другому. Не разъ поступали на него жалобы, не разъ снаряжали на него слѣдствіе; но онъ сыпалъ деньгами, и дѣло оканчивалось всегда въ его пользу. Послѣ его смерти у него нашли большой мѣшокъ, наполненный золотыми табакерками, а въ его сараяхъ стояло значительное число совершенно новыхъ экипажей, еще зашитыхъ въ чахлы, подъ которыми они были присланы изъ Москвы или Петербурга. Экипажи и табакерки были приготовлены *на подарки*, въ случаѣ надобности. П. смѣнялъ и назначалъ по волѣ Курскихъ чиновниковъ, и люди, не занимавшіе особенно виднаго положенія, боялись его гнѣва болѣе гнѣва царскаго.

Между прочими Курскими помѣщиками было извѣстно семейство Шумаковыхъ. Они владѣли довольно значительнымъ имѣніемъ, жили открыто и слыли людьми честными и добрыми. Разъ къ нимъ съѣхалось на обѣдъ нѣсколько сосѣдей. Лишь только сѣли за столъ, вошелъ въ комнату человѣкъ немолодой, худощавый, блѣдный, въ поношенномъ сюртукѣ верблюжьяго цвѣта. Никто изъ гостей его не зналъ, но очевидно было, что онъ у Шумаковыхъ изъ числа домашнихъ, потому что онъ занялъ свое мѣсто у стола, не поздоровавшись съ хозяевами дома. Онъ былъ грустенъ и молчаливъ, и скрылся немедленно послѣ обѣда. Кто-то обратился къ г-жѣ Шумаковой съ вопросомъ: «кто этотъ незнакомецъ»? и она разсказала его печальную повѣсть, которая была мнѣ передана однимъ изъ присутствовавшихъ лицъ.

Этотъ незнакомецъ былъ помѣщикомъ маленькаго хутора, который граничилъ съ имѣньемъ П—ва и жилъ припѣваючи, никому не завидуя, своими скромными доходами. Но П. пригласилъ его къ себѣ и объявилъ ему о намѣреніи купить его хуторъ. Надо сказать, что между мелкопомѣстными владѣльцами не было охотниковъ вступать въ денежныя сдѣлки съ Никаноромъ Ивановичемъ: онъ назначалъ обыкновенно самъ цѣну за землю, которую желалъ пріобрѣсти, и не признавалъ за продавцами даже права съ нимъ торговаться. Нашъ бѣднякъ, знакомый съ его обычаями, отказалъ, говоря, что не желаетъ продавать своего хутора, что привыкъ къ нему, что въ немъ онъ провелъ всю жизнь и въ немъ думаетъ умереть. Богачь настаивалъ, бѣднякъ упрямился. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, П. объявилъ своему сосѣду, что не отпуститъ его домой, пока не будетъ составлена запродажная запись. Эта угроза не подѣйствовала на владѣльца хуторка: онъ отвѣчалъ, что готовъ на все, но своего имѣнья не продастъ. Тогда П. позвалъ своихъ слугъ и приказалъ запереть его въ погребъ, гдѣ несчастный провелъ цѣлыхъ два года. Холодная, сырая тюрьма, горе,

мысль, что можетъ быть ему суждено умереть, не видавши свѣта Божьяго, сокрушили здоровье и силы несчастнаго. Онъ согласился на требованье П—ва, который возвратилъ ему свободу и, совершивши купчую крѣпость, вручилъ сторублевую ассигнацію. Въ этой суммѣ заключалось все имущество человѣка, жившаго когда-то безбѣдно. Ему некуда было преклонить головы, и Шумаковы предложили ему поселиться у нихъ, гдѣ онъ нашелъ, по крайней мѣрѣ, радушный пріемъ, кусокъ хлѣба и готовый кровъ.

Перехожу къ другой драмѣ, сообщенной мнѣ Михайломъ Семеновичемъ Щепкинымъ, который жилъ долго въ Курскѣ и зналъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Передаю здѣсь его разсказъ со всей возможной точностью.

У князя Юсупова были богатыя помѣстья въ Курской губерніи. Онъ взялъ отпускъ съ тѣмъ, чтобъ взглянуть на свое хозяйство, и остановился проѣздомъ въ Курскѣ, гдѣ отдохнулъ и перемѣнилъ лошадей. Въ ту минуту, какъ онъ садился въ коляску, ямщикъ, мужикъ съ плутоватой физіономіей, спросилъ у него:

«Какой дорогой прикажете ѣхать, ваше сіятельство? Одна-то покороче и дорога хорошая, а другая ужъ больно плоха, опять же и крюкъ придется дать.

Юсуповъ разсмѣялся.

—Ужъ по-моему лучше ѣхать хорошей дорогой, отозвался онъ.

—Коли вы прикажете, ваше сіятельство, отвѣчалъ ямщикъ, стало и поѣдемъ; а другимъ не позволяютъ. Хоть зарѣжь лошадей, да ступай въ объѣздъ. Дорога-то идетъ на Рыжково, а тутъ шлагбаумъ стоитъ.

— Или ты лишнее выпилъ, что такой вздоръ мелешь? Кто же смѣетъ у себя шлагбаумъ поставить? Шлагбаумъ ставятъ только въ городахъ.

—Я вамъ точно докладываю, ваше сіятельство, что у П. стоитъ шлагбаумъ. «Не хочу, говоритъ, чтобъ по моей землѣ ѣздили».

—Посмотримъ, сказалъ Юсуповъ, крайне удивленный. Пошелъ на Рыжково!

Лошади тронули и, проскакавши нѣсколько верстъ, остановились дѣйствительно у шлагбаума. По обѣимъ сторонамъ крестьяне въ рогаткахъ копали канаву. То были колодники П—ва, который усвоилъ себѣ право, какъ древніе феодалы, чинить въ своихъ владѣніяхъ судъ и расправу. Около шлагбаума стояла стража.

—Пропусти! крикнулъ Юсуповъ.

—Не велѣно, отозвался часовой крестьянинъ.—Князь выпрыгнулъ изъ коляски, спустилъ цѣпь, и ямщикъ стегнулъ лошадей. Но въ ту же минуту испуганный крестьянинъ успѣлъ схватить конецъ цѣпи. Поднявшійся шлагбаумъ быстро опустился и ударилъ по головѣ сидѣвшаго въ коляскѣ княжескаго камердинера, который вскрикнулъ и лишился чувствъ. Ямщикъ осадилъ лошадей. Юсуповъ бросился къ коляскѣ и, удостовѣрясь, что камердинеръ тяжко раненъ, приказалъ ѣхать обратно въ Курскъ.

Князь Юсуповъ былъ человѣкъ крайне гуманный. Онъ поселился въ гостинницѣ и ходилъ цѣлыхъ три недѣли за больнымъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ разсказалъ Императору о случившемся и просилъ его приказать изслѣдовать дѣло. Императоръ замѣтилъ, что можно угадать впередъ исходъ слѣдствія: П—ъ уже не разъ подкупалъ слѣдователей. Но Юсуповъ настаивалъ, говоря, что повѣритъ дѣло человѣку, за котораго ручается. Александръ далъ свое согласіе.

Человѣкъ, о которомъ говорилъ князь, воспитывался при немъ и служилъ у него по особымъ порученіямъ. Его звали Милошевымъ. Онъ былъ скромной наружности и строгой честности, еще молодъ, но уже отецъ семейства, которое содержалъ своимъ жалованьемъ. Князь любилъ его и уважалъ, и поручилъ ему слѣдствіе съ полной надеждой, что на этотъ разъ П. не удастся уйдти отъ заслуженнаго наказанія.

Между тѣмъ П—въ, чуя бѣду, велъ дѣятельную переписку съ своими Петербургскими агентами, которые дали ему знать о порученіи, возложенномъ на Милошева. Тогда Никаноръ Ивановичъ приказалъ содержателямъ Курскихъ гостинницъ извѣстить его, лишь только человѣкъ этого имени явится къ которому-нибудь изъ нихъ, и получилъ въ скоромъ времени увѣдомленіе, котораго ожидалъ.

Онъ поѣхалъ немедленно въ Курскъ, остановился въ назначенной гостинницѣ и приказалъ половому отвести его прямо къ Милошеву. Половой ввелъ его въ общую залу и указалъ ему человѣка, который обѣдалъ за одинокимъ столомъ. П—въ къ нему подсѣлъ.

Приступилъ ли онъ къ дѣлу, не стѣсняясь присутствіемъ свидѣтелей, говорилъ ли онъ съ глазу на глазъ съ Милошевымъ, который передалъ въ послѣдствіи ихъ разговоръ,—этого я не знаю; но сообщаю читателю этотъ разговоръ, какъ слышала его нѣсколько разъ изъ слова въ слово отъ Щепкина.

—Позвольте васъ спросить, началъ П. по какому дѣлу вы сюда пріѣхали?

— Я думаю купить здѣсь имѣніе.

— Которое?... Я знаю всѣ здѣшнія имѣнія.

Милошевъ назвалъ имѣніе, которое желалъ пріобрѣсти.

— Помилуйте, воскликнулъ П—въ,—да это имѣнье самое пустое. Тутъ же рядомъ продаютъ другое—просто золотое дно. Что вы его не купите? За него просятъ бездѣлицу: всего сорокъ тысячь.

—То-есть ровно вдвое противъ того, что̀ я могу заплатить. Весь мой капиталъ состоитъ изъ двадцати тысячъ.

— На такой случай я посовѣтовалъ бы вамъ занять. Это имѣніе вамъ дастъ огромные проценты.

— Я не желаю вступать въ долгъ. Да и занять-то мнѣ не у кого.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги. Я Никаноръ Ивановичъ П—въ.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу обязательность, отвѣчалъ Милошевъ, кланяясь, но мнѣ право трудно войти въ такой значительный долгъ. Вѣдь надо подумать и о расплатѣ.

— Объ этомъ прошу васъ не заботиться: когда-нибудь выплатите изъ доходовъ. Я слишкомъ счастливъ, что могу оказать вамъ услугу. Извольте получить, продолжалъ онъ, вынимая изъ своего бумажника ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ.

— Благодарю васъ еще разъ, отвѣчалъ озадаченный Милошевъ, но дайте мнѣ подумать. А этихъ денегъ я, ни въ какомъ случаѣ, принять не могу: присутственныя мѣста уже закрыты, и негдѣ даже написать заемное письмо.

—Тутъ думать нечего, а я вамъ вѣрю безъ заемнаго письма, возразилъ П—въ, и подалъ ему билетъ.

—По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ дать вамъ до завтра хоть росписку: я люблю аккуратность въ дѣлахъ.

Милошевъ потребовалъ бумаги и чернилъ, составилъ росписку и подалъ ее съ новыми изъявленіями признательности

П—ву, который взялъ ее и изорвалъ на мелкіе клочки.

—Тоже сдѣлаю и съ заемнымъ письмомъ, сказалъ онъ, и вышелъ, а Милошевъ проводилъ его удивленнымъ взглядомъ.

Не мало удивился на слѣдующій день и П—въ и не мало досадовалъ, когда узналъ, что Милошевъ, которому онъ далъ такъ обязательно наканунѣ двадцать тысячь, не имѣетъ ничего общаго съ Юсуповскимъ чиновникомъ, и пріѣхалъ дѣйствительно на югъ Россіи съ цѣлью купить имѣніе. Но въ такомъ промахѣ милліонеръ могъ легко утѣшиться, лишь бы *настоящій* Милошевъ оказался человѣкомъ сговорчивымъ. Наконецъ явился и онъ. Никаноръ Ивановичъ поѣхалъ точно также въ Курскъ, предложилъ ему, точно также, свои услуги, но молодой человѣкъ не поддавался на его заискиванья, и поѣхалъ къ нему въ имѣніе съ тѣмъ, чтобъ приступить къ дѣлу. Какъ П—въ велъ переговоры объ этомъ, никто не знаетъ. Извѣстно только, что Милошевъ, проживши у него около мѣсяца, уѣхалъ, не начавши даже слѣдствія. Онъ остановился недалеко отъ Петербурга, на почтовой станціи, откуда написалъ два письма: одно къ князю Юсупову, другое, въ которое онъ вложилъ стотысячный ломбардный билетъ, къ своей женѣ, и застрѣлился.

Князь Юсуповъ не вспомнилъ себя, когда прочелъ письмо этого несчастнаго. Онъ поклялся, что не отступится отъ дѣла и просилъ у Императора позволенія снарядить новое слѣдствіе съ цѣлью потребовать показанія отъ всего Курскаго дворянства, которое должно было подтвердить присягой, что П—въ поставилъ шлагбаумъ въ своемъ имѣніи. Но П—въ, извѣщенный о томъ во-время, не струсилъ. Въ ожиданіи слѣдователей, онъ давалъ балъ за баломъ и обѣдъ за обѣдомъ. Курское дворянство пировало у него на славу и показало подъ присягой, что въ Рыжковѣ не было никогда шлагбаума.

Толычева.

Замѣтка о К. И. Бистромѣ.

Въ историческомъ изданіи: «Русская Старина», въ Январской книжкѣ сего 1871 года, помѣщенъ эпизодъ изъ жизни Императора Николая Павловича 1828 г., или черта къ его характеристикѣ.

Подобный разсказъ я слышалъ болѣе 30 лѣтъ назадъ, именно въ 1837 г., отъ флигель-адъютанта полковника К...ва, бывшаго тогда моимъ полковымъ командиромъ и находившагося къ Бистрому въ очень близкихъ отношеніяхъ. Не помню уже теперь, гдѣ и при какомъ случаѣ происходило событіе, о которомъ я хочу говорить (черезъ 30 лѣтъ позволительно забыть) и потому охотно соглашусь, что это было подъ Варною, наканунѣ ея сдачи, какъ это разсказано въ «Русской Старинѣ». Только помнится мнѣ, что поводомъ-то къ случаю было то, что Государь Николай Павловичъ, въ видахъ опасности, угрожавшей отряду Бистрома, неоднократно посылалъ старому генералу приказаніе оставить занимаемую имъ позицію. Сознавая всю важность этой позиціи, Бистромъ имѣлъ мужество ослушаться приказанія Государя, и потому снова посланный къ Бистрому флигель-адъютантъ объявилъ ему, что за *послѣдствія* его ослушанія онъ отвѣтитъ Государю *своею головою*.

«Скажи своему Государю, воскликнулъ оскорбленный Бистромъ, что если отрядъ мой будетъ опрокинутъ, то и головы Бистрома ему не видать!»

Когда Варна сдалась, Его Величество, не встрѣчая въ числѣ явившихся къ нему отрядныхъ генераловъ Бистрома, написалъ къ нему своеручное письмо!... И письмо это Бистромъ, зашивъ въ ладонку, до конца своей жизни носилъ на крестѣ. Умирая онъ передалъ его Наслѣднику Престола, нынѣ благополучно Царствующему Государю Императору, завѣщая Ему хранить письмо Его Отца, какъ образецъ подвига, достойнаго великой души.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ, будучи лютераниномъ, носилъ, по обычаю православныхъ, на груди тѣльникъ и слово: «Нѣмецъ» для него было что-то въ родѣ брани или упрека. «Сал...въ, Ваше Высочество, ужасный Нѣмецъ» говорилъ разъ Бистромъ покойному Великому Князю Михаилу Павловичу, будучи почему-то недоволенъ Сал...вымъ.

За истину всего сказаннаго мною не отвѣчаю: передаю, какъ слышалъ и какъ мнѣ помнится.

В. Селивановъ.

Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова.

Въ 1-мъ выпускѣ Русскаго Архива за нынѣшній годъ помѣщена статья Н. В. Берга подъ заглавіемъ: ***Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго***. Первый изъ этихъ разсказовъ, записанныхъ теперь Н. В. Бергомъ, касается И. С. М., бывшаго свидѣтелемъ смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ и, къ удивленію, какъ говоритъ записавшій, оставшагося въ живыхъ. Покойный С. А. Соболевскій, по связямъ своимъ, могъ знать всѣ подробности этого несчастнаго событія и разсказывать ихъ Н. В. Бергу; но мнѣ кажется, что разсказъ этотъ сохранился въ памяти г. Берга нѣсколько смутно. На стр. 188 сказано: «Чернь окружила наше посольство, стала рубить и стрѣлять всѣхъ, кто только попадался подъ руку». Потомъ, «почуя опасность, И. С. М. бросился къ какому-то пріятелю Армянину, далъ нѣсколько червонцевъ и записку въ Тифлисъ»... «Армянинъ запряталъ М. на какой-то чердакъ, въ халатѣ, какъ онъ былъ, а самъ на коня и вскорѣ очутился предъ Тифлискимъ губернаторомъ, съ запискою М., котораго онъ извѣщалъ о близившейся грозѣ и просилъ помощи». Изъ этого разсказа должно заключить, что И. С. М. бросился въ халатѣ къ своему пріятелю Армянину, когда чернь окружила наше посольство, стала рубить и пр. Между тѣмъ въ посланной съ Армяниномъ запискѣ И. С. М. извѣщалъ Тифлискаго губернатора о *близившейся* грозѣ и просилъ помощи — изъ Тифлиса въ то самое время, какъ рѣзали посольство въ Тегеранѣ? Тутъ что нибудь такъ, да не такъ. Не возможно же предположить, чтобъ И. С. М.. былъ заблаговременно извѣщенъ своимъ пріятелемъ Армяниномъ о готовящемся нападеніи черни на посольство и съ своей стороны не предупредилъ объ этомъ Грибоѣдова, вмѣсто того чтобы посылать за помощію въ Тифлисъ. Такимъ образомъ, и послѣ настоящаго разсказа, спасеніе И. С. М. все-таки остается неразъясненнымъ и удивительнымъ. Выше г. Бергъ говоритъ: «Исторія, погубившая Грибоѣдова, заключалась, по словамъ Соболевскаго, главнѣйшимъ образомъ въ неловкости и запальчивости молодаго посла, который, просто на просто, былъ не на своемъ мѣстѣ, былъ черезчуръ мало подготовленъ къ посту и пр.»... Грибоѣдовъ отправился въ Персію секретаремъ нашей миссіи въ 1818 г., и находясь въ Тавризѣ, пріобрѣлъ особенное къ себѣ расположеніе наслѣдника престола Абасъ-Мирзы. Въ 1822 г., Грибоѣдовъ опредѣленъ по дипломатической же части къ главнокомандующему въ Грузіи А. Ермолову. Все это время Грибоѣдовъ, съ свойственною ему любознательностію, занимался изученіемъ Востока и особенно Персіи и Персидскаго языка, на которомъ изъяснился довольно свободно. Паскевичъ воспользовался знаніями и способностями Грибоѣдова, который былъ дѣятельно употребленъ имъ при переговорахъ о Туркманчайскомъ мирѣ и посланъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о заключеніи этого трактата; потомъ Грибоѣдовъ былъ назначенъ посланникомъ въ Персію. Необыкновенныя умственныя дарованія Грибоѣдова, высокая образованность, спеціальныя познанія и предшествовавшая

служба на Востокѣ, а также энергическій его характеръ давали ему, кажется, нѣкоторое право на полученный имъ постъ, и не слишкомъ ли легко произнесенъ приговоръ, что онъ *просто-запросто былъ не на своемъ мѣстѣ, черезчуръ мало подготовленъ* и т. п.? Далѣе повѣствуется въ статьѣ г. Берга: «Ничтожное происшествіе освобожденія Грибоѣдовымъ какихъ-то рыжихъ, толстыхъ Нѣмокъ (какъ выражался разсказчикъ Соболевскій) изъ гаремовъ именитыхъ жителей Тегерана, произвело взрывъ». Конечно, С. А. Соболевскій приплелъ тутъ рыжихъ Нѣмокъ въ шутку. Къ какой стати Грибоѣдову было заступаться за нихъ, и какъ онѣ попали въ Тегеранскіе гаремы? Грибоѣдовъ имѣлъ при себѣ списокъ подданныхъ обоего пола, которые были похищены Персіянами въ Русскихъ владѣніяхъ и о выручкѣ которыхъ ходатайствовали ихъ родственники или друзья. Этихъ-то Русскихъ подданныхъ онъ разыскивалъ и желалъ освободить. Если не ошибаюсь, двѣ Армянки, христіанскаго исповѣданія, изъ вновь пріобрѣтенныхъ нами областей, нашли убѣжище въ домѣ нашего посольства. Этому приписывается взрывъ фанатической мусульманской черни Тегерана, настроенной уже крайне враждебно противъ Русскихъ послѣ несчастной съ нами войны. Можетъ-быть, Грибоѣдовъ дѣйствовалъ тутъ не съ достаточною дипломатическою осторожностію и мягкостію, но конечно въ его заступничествѣ были политической смыслъ и чувство достоинства представителя Россіи *). Повторяю, что сообщаемый П. В. Бергомъ разсказъ нисколько не уясняетъ загадочныхъ обстоятельствъ сопровождавшихъ смерть Грибоѣдова. По свидѣтельству одного Персіанина-очевидца *) вечеромъ наканунѣ и съ утра въ самый день событія муллы собирались въ главной мечети, повѣстили о закрытіи всѣхъ лавокъ на базарѣ и возбуждали правовѣрныхъ отправиться въ Русскій кварталъ для вытребованія укрытыхъ тамъ женщинъ и фанатизировали народъ. Гвардія шаха и Европейскіе отряды отъ другихъ посольствъ прибыли къ Русскому посольству, когда кровавая драма уже совершилась, послѣ того какъ домъ посольства нѣсколько часовъ былъ окруженъ волновавшеюся толпою народа. Итакъ, есть нѣкоторый поводъ подозрѣвать Персидское правительство въ умышленномъ бездѣйствіи при намѣренномъ, можетъ-быть возбужденіи черни. Можно предполагать также, что интрига не обошлась и безъ внушеній или совѣтовъ со стороны агентовъ западныхъ державъ, особенно Англіи, въ интересахъ которой было противодѣйствовать преобладающему вліянію Россіи на дѣла Персіи. Грибоѣдовъ же, кажется, былъ твердо расположенъ и, можетъ-быть, способенъ поддерживать это вліяніе. Но для дальнѣйшихъ соображеній нужно и желательно бы было имѣть болѣе обстоятельныя и достовѣрныя о всемъ происходившемъ свѣдѣнія, нежели тѣ, которыя до сего времени обнаружены.

*) Къ тому же нужно бы знать, какія онъ имѣлъ инструкціи отъ нашего правительства.

*) См. реляцію произшествій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убіеніе Россійскаго посольства въ Персіи въ 1829 г., разсказъ Персіанина, изъ Nouvelles annales des voyages, XII année 1830, въ книгѣ: А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, изданіе Серчевскаго, Спб. 1858 г.

Два стихотворенія Языкова.

Николай Михайловичъ Языковъ въ 1823 году жилъ въ Дерптѣ въ квартирѣ синдика тамошняго университета г. Борга: это былъ первый годъ вступленія Языкова въ университетъ. Тогда учился онъ чрезвычайно прилежно. Милое семейство г. Борга, всѣми уважаемое въ городѣ, доставляло ему полное спокойствіе для занятій. Но потомъ Языковъ съѣздилъ въ свою Симбирскую деревню, прожилъ тамъ ваканціонное время и писалъ мнѣ, что деревенская жизнь въ Россіи отупляетъ молодыхъ людей и что едва ли, когда нибудь, онъ возвратится туда. Воротясь изъ деревни, онъ уже остановился не у Борговъ, а на особой квартирѣ, чтобъ имѣть болѣе свободы. Его тогдашнее намѣреніе было: подвергнуть себѣ строгому ученію, такъ чтобы выдержать университетскій экзаменъ, для чего изучалъ онъ древніе языки. Въ экзаменѣ онъ не имѣлъ нужды, потому что служить не желалъ, имѣя весьма достаточное состояніе, а поставилъ себѣ цѣлію эту задачу, чтобъ не ослабѣвать въ ученіи.

Однако его добродушіе и Русское гостепріимство сдѣлали тому противное. Нѣскольких Дерптскихъ студентовъ (вѣроятно не лучшихъ качествъ) нашли очень пріятнымъ для себя пользоваться его угощеніями и завладѣли имъ и его временемъ. Онъ самъ, въ одномъ письмѣ ко мнѣ, горько жаловался на это, говоря, что у него ежедневныя оргіи, въ которыхъ самъ онъ почти не принимаетъ участія, но отъ которыхъ отдѣлаться не можетъ. Это конечно большой недостатокъ характера, но откуда же было пріобрѣсти твердость, когда у насъ не было, да и теперь, кажется, нѣтъ настоящаго воспитанія? Не надѣясь уже выдержать экзаменъ, Языковъ выѣхалъ изъ Дерпта *безпатентный*, какъ онъ упоминаетъ о томъ въ одномъ стихотвореніи. Дальнѣйшей жизни его я почти не знаю. Онъ присылалъ мнѣ свои изданія, и только тогда мѣнялись мы письмами. Въ послѣднемъ письмѣ, изъ Москвы, отъ 15-го Іюня 1845 года, онъ описывалъ мнѣ свое леченіе въ Гастейнѣ, воды котораго ему помогли. Но въ слѣдующемъ же 1846 году, 26 Декабря, онъ скончался.

Представляемыя двѣ пьесы не вошли ни въ одно изданіе стихотвореній Языкова; отъ перваго, уцѣлѣвшаго въ моемъ альбомѣ, вѣроятно не оставалось у него и списка, а второе считалъ онъ слишкомъ маловажнымъ, хотя оно было напечатано въ 1823 году *въ Благонамѣренномъ*, изданіи А. Е. Измайлова.

В. К—чъ.

Февраль 1871 г.
С.-Петербургъ.

I.

В. М. К. . . . у.

Онѣ прошли и не придутъ,
Лѣта невѣрныхъ наслажденій,
Когда, презрѣвъ высокій трудъ,
Искалъ я счастія во мракѣ заблужденій.
Младый поклонникъ суеты,
На лирѣ, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пѣлъ безпечность и мечты;
Но гордость пламеннаго нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшаго душа моя ждала:
Хвалы друзей—еще не слава!

*

Я здѣсь, я промѣнялъ на сей безвѣстный кровъ
Безумной младости забавы,
Веселый свѣта шумъ на тишину трудовъ,
И жажду нѣгъ—на жажду славы.
Моихъ желаній не займутъ
Толпы невѣждъ рукоплесканья,
Оракулы вѣковъ душѣ передадутъ
И жаръ отважныхъ думъ, и смѣлость упованья.

*

Когда на сводѣ голубомъ
Выходитъ мѣсяцъ величавый,
И вечеръ пасмурнымъ крыломъ
Одѣнетъ Дерптскія дубравы,
Одинъ, подъ кровомъ тишины,
Я здѣсь бесѣдую съ минувшими вѣками;
Героевъ призраки изъ мрака старины
Встаютъ передо мной шумящими рядами.
И я привѣтствую родныхъ богатырей,
И слышу силу ихъ ударовъ;
Предъ взорами—холмы разорванныхъ цѣпей
И море бурное пожаровъ!
Какой роскошный пиръ восторгамъ и мечтамъ!
Какъ быстро грудь моя трепещетъ,
Въ очахъ огонь поэта блещетъ,
И рвется длань моя къ струнамъ!

*

Очиствъ юный умъ въ горнилѣ просвѣщенья,
Я стану пѣть дѣла воинственныхъ Славянъ,
И яркіе лучи святаго вдохновенья,
Прорѣжутъ древности туманъ.
Ты, радуясь душой, услышишь пѣснь свободы
Въ живой гармоніи стиховъ,
Какъ съ горной высоты внимаетъ сынъ природы
Побѣдоносный крикъ орловъ.

11 Мая 1823.

II.

В . . . ъ М . . . ъ.

Простите мнѣ простое: ты.
Богиня пѣсенъ презираетъ
Приличій свѣтскихъ суеты,
И дочь боговъ не замѣчаетъ,
Паря къ безсмертнымъ небесамъ,
Законовъ моды беззаконной.
Но граматическимъ цѣпямъ
Она съ улыбкой благосклонной
Младыя руки отдаетъ.
Затѣмъ-то вамъ, среди паренья,
По правилу мѣстоименья,
Сказала: ты—и тихо ждетъ
Грѣху безгрѣшному прощенья.

Н. Языковъ.

12 Мая 1823 г.

А. Ѳ. Львовъ.

(Письмо къ профессору Московской консерваторіи протоіерею Д. В. Разумовскому).

Милостивый государь,
Дмитрій Васильевичъ.

При послѣднемъ свиданіи нашемъ въ Москвѣ вы, сообщая мнѣ свое намѣреніе заняться біографіею покойнаго Алексѣя Ѳедоровича Львова, выразили желаніе имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о моемъ съ нимъ знакомствѣ. Я тѣмъ охотнѣе спѣшу исполнить ваше желаніе, что близко зналъ этого достойнѣйшаго человѣка, любилъ его искренно, уважалъ глубоко и—скажу съ нѣкоторою гордостью—былъ имъ удостенъ взаимной дружбы.

Вамъ ближе, чѣмъ кому-либо, извѣстны заслуги Алексѣя Ѳедоровича по части нашаго церковнаго пѣнія. Если еще и теперь онѣ не вполнѣ оцѣнены со стороны Русскаго общества, то въ то время, когда онъ началъ издавать свои переложенія унисонныхъ церковныхъ нотъ въ 4-хъ голосныя, они не только не вызвали чувства признательности, но возбудили вообще негодованіе и въ особенности со стороны духовенства, достигавшее въ нѣкоторой степени до преслѣдованія. Все было придумано, чтобы повредить успѣху его труда, и когда по волѣ высшаго правительства употребленіе его нотъ при богослуженіяхъ сдѣлалось обязательнымъ, то въ Петербургскихъ церквахъ, вмѣсто такъ называемыхъ ирмосовъ Греческаго распѣ-

ва, съ которыми такъ давно освоились прихожане, начали почти исключительно пѣть ирмосы знаменные, почти никому незнакомые,—а на вопросы, что это за напѣвъ, отвѣчали: «это переложеніе Львова». Такими и тому подобными путями добились до распространенія всеобщей молвы, что Львовъ перепортилъ и исказилъ всѣ наши древніе напѣвы. Молва эта, благодаря интригѣ, росла и наконецъ превратилась въ общественное мнѣніе, силѣ котораго подчинился и я. Для меня это было тѣмъ непростительнѣе, что я не далъ себѣ труда удостовѣриться въ справедливости возводимаго на Алексѣя Ѳедоровича обвиненія и позволилъ себѣ съ наслуху порицать его труды. Предубѣжденіе мое до того было сильно, что я даже всячески старался избѣгать съ нимъ встрѣчи.

Однажды,-это было кажется въ 1850 г., поѣхалъ я вечеромъ къ преосвященному Иннокентію Таврическому, который жилъ на Псковомъ подворьѣ, и съ которымъ я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Войдя въ прихожую, я замѣтилъ лежавшую тамъ военную шинель и, когда, на вопросъ мой: кто здѣсь?—Получилъ отвѣтъ: «генералъ Львовъ», мнѣ сдѣлалось такъ непріятно, что я остановился въ раздумьѣ: не ѣхать-ли мнѣ домой. Но холодная зимняя ночь и дальнее разстояніе до моей квартиры—я тогда жилъ на Литейной—заставили меня преодолѣть непріятное впечатлѣніе, и я рѣшился войдти. Сначала я всячески старался избѣгать непосредственной бесѣды съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ; но когда я вслушался мало по малу въ его рѣчи, впечатлѣнія мои начали измѣняться и предубѣжденіе ослабѣвать. Онъ говорилъ такъ дѣльно и съ такимъ искреннимъ уваженіемъ къ нашему древнему церковному пѣнію, что я не могъ въ душѣ съ нимъ не соглашаться. Мнѣ казалось только непонятнымъ, что человѣкъ, столь здраво разсуждающій, такъ ясно смотрящій, могъ посягнуть на неприкосновенность того самаго предмета, передъ которымъ, казалось, онъ такъ благоговѣетъ.

На другой же день отправился я въ пѣвческую капеллу и спросилъ себѣ его догматики и ирмосы знаменнаго напѣва. Я просмотрѣлъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ и не нашелъ никакого отступленія отъ древнихъ нашихъ напѣвовъ. Не довѣряя однакожъ самому себѣ, я попросилъ пропѣть мнѣ первыя строки и еще болѣе убѣдился, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ существенныхъ измѣненій. То же оказалось и съ переложеніями Греческаго распѣва. Интрига сдѣлалась для меня очевидною. Мнѣ стало и совѣстно и стыдно, что я такъ легкомысленно дался въ обманъ. Прямо изъ капеллы я поѣхалъ ко Львову и чистосердечно передъ нимъ покаялся. Онъ простилъ меня добродушно Съ этого времени мы сблизились, и знакомство наше не замедлило превратиться въ самую искреннюю дружбу. Желая исправить мою собственную ошибку и объявить другимъ дѣло въ его настоящемъ видѣ, я написалъ извѣстное вамъ «историческое обозрѣніе нашего церковнаго пѣнія», которое остается и доселѣ не изданнымъ. Этотъ слабый и поверхностный трудъ возбудилъ противъ меня, какъ вы знаете, если не гоненіе, то сопротивленіе со стороны духовнаго начальства. Рукопись была отослана на разсмотрѣніе Московскаго митрополита Филарета, который писалъ противъ нея въ Св. Синодъ. Критика знаменитаго іерарха доселѣ остается для меня тайною; но въ чемъ бы она ни состояла, несомнѣнно

одно: не я, и ни ничтожный трудъ мой были ея предметомъ,—все таже интрига противъ Львова, тоже предубѣжденіе противъ его трудовъ руководили ея авторомъ, конечно, безсознательно подчинившимся чужому вліянію. Лѣтъ черезъ семь послѣ отсылки рукописи, мнѣ говорили, что я могу ее напечатать, но оффиціальнаго разрѣшенія я никогда не получалъ и рукописи мнѣ не возвращали. Такъ какъ цѣлію моего сочиненія было оправданіе трудовъ Львова указаніемъ ихъ непосредственной связи съ древними напѣвами, и поелику въ это время вражда противъ нихъ заглохла, а общественное мнѣніе начало отдавать имъ справедливость, то я нашелъ, что изданіе моей рукописи сдѣлалось уже безцѣльнымъ и несвоевременнымъ. Со всѣмъ тѣмъ я передалъ списокъ съ нея въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ онъ и находится.

Вотъ вѣрный разсказъ о сближеніи моемъ съ покойнымъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ. Я обязанъ былъ случаю счастіемъ близко узнать этого замѣчательно-благороднаго человѣка. Достоинства его, какъ художника, вы оцѣните сами, и мнѣ нѣтъ нужды распространяться о немъ какъ о директорѣ капеллы, какъ о композиторѣ, какъ о музыкантѣ. Позволю себѣ сказать только нѣсколько словъ о немъ какъ о человѣкѣ. Сынъ достопочтеннаго отца, всю жизнь не уклонявшагося съ пути правды и чести, онъ наслѣдовалъ отъ него тѣ же качества. Оставленныя родителемъ его рукописныя записки и нравственныя разсужденія, онъ чтилъ какъ святыню и прочитывалъ ихъ чуть ли не ежедневно. Почтительный сынъ, онъ вмѣстѣ былъ и попечительнымъ отцомъ, добрымъ супругомъ и искреннимъ, нѣжнымъ другомъ. Вся общественная его дѣятельность была проникнута стремленіемъ къ добру и правдѣ и освящалась неподдѣльнымъ христіанскимъ чувствомъ.

Главнѣйшая заслуга Львова, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ первый понялъ, что наше церковное пѣніе несовмѣстно съ мѣрнымъ тактомъ. Раздѣляя музыкальный ритмъ на стихотворный и прозаическій, онъ справедливо подчинилъ первый такту, столь удобно прилагаемому къ стихотворному метру, и освободилъ отъ него послѣдній, принявъ для прозы мѣрно-полную ноту съ ея дробными подраздѣленіями.

Я не буду здѣсь повторять того, что̀ уже высказано мною объ этомъ предметѣ въ вышеупомянутомъ моемъ сочиненіи, и что̀ такъ превосходно разработано въ изданныхъ вами книжкахъ: скажу только нѣсколько словъ о томъ блистательномъ доказательствѣ, какое употребилъ для торжества своей идеи покойный Львовъ.

Онъ написалъ, какъ извѣстно, музыку на слова «Stabat mater», переведенныя для него Русскою прозою. Въ числѣ, помнится, 24 нумеровъ этого сочиненія, нѣкоторые были написаны имъ съ обыкновенными тактами, остальные безъ нихъ, и чтоже? При исполненіи этихъ пьесъ въ его собственномъ домѣ, въ присутствіи почетнѣйшихъ и компетентнѣйшихъ жителей столицы и лучшихъ артистовъ Итальянской оперы, всѣ были изумлены тѣмъ, что слова нѣкоторыхъ изъ нумеровъ ясно, внятно и отчетливо влагались въ ухо слушателя, между тѣмъ какъ прозаическій текстъ другихъ, не ладившій по своему строенію съ музыкальнымъ тактомъ, оставался непонятнымъ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что первые были написаны музыкальною прозою и вѣрно передавали прозаическую рѣчь, а другіе связанные так-

томъ, искажали ее до непонятности. Я живо помню, какъ Итальянцы не хотѣли вѣрить объясненію Алексѣя Ѳедоровича и убѣдились только тогда, когда онъ принесъ имъ партитуру. Излишне было бы говорить, какое значеніе имѣетъ это въ приложеніи къ пѣснопѣнію нашей церкви, гдѣ весь текстъ писанъ прозою и гдѣ слову предоставлено такое важное значеніе.

Исполнивъ симъ выраженное вами желаніе, я заключаю это письмо моимъ собственнымъ: да благословитъ Господь ваши полезные труды на томъ же поприщѣ, на которомъ подвизался покойный мой другъ, и да охранитъ и защититъ Онъ васъ отъ тѣхъ враждебныхъ интригъ, которыя такъ упорно и горько отравляли авторское спокойствіе достойнѣйшаго Алексѣя Ѳедоровича.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной моей преданности.

Гр. Дм. Н. Толстой.

Іюнь 1871 г.
Село Толстые.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Письмо св. Димитрія Ростовскаго къ Ярославскому воеводѣ Л. Г. Воронцову.

Бумаги Елисаветы Петровны:

Прошеніе Цесаревны Елисаветы Петровны къ Императрицы Аннѣ. — XI писемъ Елисаветы Петровны къ графу М. Л. Воронцову.—Акростихъ Елисаветы Петровны.

Дворцовое хозяйство Цесаревны Елисаветы Петровны.

Письма и донесенія Возжинскаго. — Хозяйственные отчеты.

Прошенія и письма родственниковъ Елисаветы Петровны:

Графини Марьи Скавронской. — Чоглокова. — Бригадирши Скорняковой-Писаревой. — Ефимовскихъ. — Г. А. Петрово-Солово.

V. Прошенія и жалобы разныхъ лицъ, поданныя Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

I. Прошенія и жалобы лицъ духовныхъ: Монахинь изъ Александровской Слободы.—Преосвященнаго Никодима.— Преосвященнаго Амфросія.—Игуменьи Московскаго Вознесенскаго монастыря —Гамалѣевскаго архимандрита.— Священника Георгія.—Кіевопечерскаго архимандр. Священника Жуковскаго.

VII. Письма Шуваловыхъ:

Александра Ивановича.—Мавры Егоровны.

III. Указъ Цесаревны Елисаветы Петровны въ ея вотчинную канцелярію.

IX. Доношеніе Ефима Бахтѣева.

X. Прошеніе солдата-татарина.

XI. Дневная записка государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1742 года за генварь, февраль и мартъ мѣсяцы.

XII. 34 письма князя Кантемира къ графу М. Л. Воронцову.

XIII. Письма братьевъ князя Кантемира къ нему же.

XIV. Письмо душеприкащиковъ князя Кантемира къ его братьямъ и сестрѣ.

XV. Письма княжны Кантемиръ къ графу М. Л. Воронцову.

XVI. Изъ писемъ Генриха Гросса къ нему же.

XVII. 26 писемъ принцессы Цербской Іоанны-Елисаветы (матери императрицы Екатерины II-й) къ графу М. Л. Воронцову, съ приложеніями.

XVIII. Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи 1744 года (Перлюстрація его депешъ и писемъ съ ремарками вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина).

XIX. Указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой книгѣ Архива князя Воронцова.

XX. Спимки съ писемъ Елисаветы Петровны, Іоанны-Елисаветы и князя Кантемира.

Въ 8-ку, XII и 656 стр. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою за 3 фунта по разстояніямъ. Получать и выписывать можно отъ издателя П. И. Бартенева, въ Москвѣ, на Мясницкой, въ Чертковской библіотекѣ.

ТРЕТЬЯ КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего о ства, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года 12 тетрадей в рато, *выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія* составятъ до 2000 и свыше стра убористой, но четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ достав на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ—

семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго м своего жительства, *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясниц* № 7 *к издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магази *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ, и въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ *П.* *Солов ева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чем просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышеоказанной цѣнѣ при бавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА НА ЛѢТНЕЕ ВРЕМЯ ЗАКРЫВАЕТСЯ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

(О ВРЕМЕНИ ОТКРЫТІЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО).

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

9. ПРИ 1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛIОТЕКѢ:

РУССКIЕ НА БОСФОРѢ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Изданiе Чертковской библiотеки. въ 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчанiями и указателемъ (Изданiе Русскаго Архива) М. 1867 (8 VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Книги „Осмнадцатаго Вѣка“ выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, тамъ же гдѣ и Русскiй Архивъ.

Вышли первыя четыре книги „Осмнадцатаго Вѣка“. Цѣна первой—2 р. 50 к., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой за три фунта.

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки *А. М. Дмитрiева.* Вторымъ тисненiемъ, съ значительными дополненiями по рукописи автора. Изданiе Русскаго Архива. 8°. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

IЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНIЕ КЪ РОССIИ.

Сочиненiе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

ТРЕТЬИМЪ ТИСНЕНIЕМЪ.

Изданiе Русскаго Архива. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 р.

Въ прибавленiяхъ къ этой книгѣ находятся:

1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библiотекѣ «Тайныхъ Наставленiяхъ Общества Iисусова».
2) «Тайныя Наставленiя» въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.
3) Польскiй Катихизисъ.
4) Подробное оглавленiе всей книги.

Малая 8-ка. 510 стр.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й КЪ ГРАФУ ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ.

Печатаются со списковъ, сообщенныхъ Д. Н. Свербеевымъ изъ бумагъ А. И. Тургенева, который снялъ ихъ въ архивѣ министерства финансовъ: какъ извѣстно, гр. И. Г. Чернышевъ управлялъ при Екатеринѣ и Павлѣ Адмиралтейскою Коллегiею. Читатели сличатъ эти письма съ письмами самого гр. Чернышева къ И. И. Шувалову, напечатанными въ Р. Архивѣ 1869 г. и убѣдятся, что онъ вовсе не былъ такимъ легкомысленнымъ человѣкомъ, какъ нѣкоторые захотѣли заключать о немъ по тѣмъ письмамъ. *П. Б.*

1.

Если е̊ще изъ Морской Коммисiи доклады не публикованы, то надлежитъ ихъ остановить для того, что я вспомнила нѣкоторое въ нихъ неразумѣнiе, которое весьма важно и нужно; того ради желаю я видѣть въ другой разъ, а кажется некогда ихъ было публиковать.

Екатерина.

Генваря 10 числа
1764 года.

2.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Вчерась почти весь Кронштатъ выгорѣлъ, того ради предложите моимъ именемъ Флотской Коммисiи, дабы сдѣлано было Кронштату положенiе, чтобъ впредь сей городъ не подверженъ былъ такой погибели, а люди отъ раззоренiя въ будущiя времена спасены были. Гошпиталь же, какъ казенное строенiе, симъ повелѣваю наискорѣе построить каменной, а покамѣстъ больныхъ я приказала переносить, естьли и того мѣста нѣту, въ мои тамошнiе дворцы, для того, что гошпиталь и пять улицъ сгорѣли.

Екатерина.

О вышеписанномъ и о прочемъ, что̀ я съ вами словесно о семъ дѣлѣ говорила, вы можете и Адмиралтейской Коллегiи отъ меня предложить.

Iюля 29 ч. 1764 года.

3.

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Къ перевозкѣ купленнаго въ Ригѣ хлѣба наняты отсюда и въ Ригѣ состоящiе Россiйскихъ промышленниковъ суда; но какъ управляющiе оными ненадежны, то въ предосторожность отъ несчастливаго приключенiя потребно къ управленiю нѣсколько морскихъ офицеровъ и протчихъ нижнихъ служителей. По чему имѣете, снесясь съ генералъ-полицмейстеромъ Чечеринымъ, по числу нанятыхъ судовъ, сколько какихъ чиновъ на оные необходимо нужно, командировать и велѣть явиться къ Чичерину.

Екатерина.

Не испугайся: не много надобно будетъ, и не болѣе нежели дать можете; мнѣ великая нужда, чтобъ тѣ суда не пропали.

22 Iюня
1766 года
Петергофъ.

4.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Ви̊дя множество струговъ на парусахъ и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ итти скоростiю противъ галеръ, пришло мнѣ на умъ, что иногда ихъ конструкцiя тому причина, строятъ ихъ

безрегульно, и думаю, по большой части на удачу, приказала я П. I. Пущину сдѣлать въ Нижнемъ рисунка одного струга и также достать модель; рисунки при семъ посылаю, а модель, понеже великъ, Пущинъ довезетъ, я у него для того оставила. Отпишите въ Адмиралтейство и пошлите къ нимъ приложенные при семъ рисунки, дабы приказали разсуждать, какъ бы поправить и сдѣлать лучше и легче въ ходу струга, чрезъ что поспѣшнѣе коммерція пойдетъ. Только то смотрѣть надобно, чтобъ стругъ и снасти не дороже были выписныхъ и чтобъ не менѣе груза было, а то, хотя какъ хорошо и надежно ни будетъ, не переймутъ. Прощайте! Желаю вамъ здравствовать! Мы всѣ здоровы. Я нашла въ Нижнемъ точно такую же карту Сурѣрѣкѣ, какъ наша Волгская, на которую всѣ дивимся. Пожалуй, отпишите ко мнѣ, вы ли ее приказали дѣлать или Сенатъ; понеже въ Нижнемъ толку добиться о семъ не могла.

Екатерина.

Не доѣзжая села Лыскова.
Маія 23 ч. 1767 года.

5.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Я отослала въ Берлинскую Академію свой экземпляръ теченія Волги и тогда вамъ сказала, чтобъ въ Адмиралтействѣ мнѣ сдѣлали другой, то естьли сія карта готова, то прикажите ее ко мнѣ прислать; а естьли не поспѣла, то прикажите ее додѣлать: мнѣ она нужна.

Екатерина.

Іюля 18 ч.
1768 года.

6.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! На сихъ дняхъ получила я ваше письмо изъ Риги, содержащее описаніе Двины, за которое весьма благодарствую; но при томъ сказать должна, что я все уже знаю и ничего такова нѣту, чего бъ мнѣ не извѣстно было. Теперь иного не осталось, какъ только желать, чтобъ вы благополучно проѣхали сквозь новыхъ безмозглыхъ конфедерацій, о коихъ вы намъ первое извѣстіе сообщили письмомъ вашимъ къ графу Николаю Ивановичу. Знатно, всякой изъ сихъ безумныхъ хочетъ знать въ подробности, каково быть биту Россійской рукой; надѣюсь, что скоро ихъ любопытство будетъ удовольствовано. Въ прочемъ желаю вамъ и съ фамиліею здравствовать и остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 29 ч. 1768 г.

Братецъ вашъ гр. Зах. Гр. поѣхалъ въ Ярополчище и еще не бывалъ. Князь Лобковичь съ нимъ потащился и хочетъ обѣдать на Москвѣ. На Москвѣ, надѣюсь, ваши бабушки скажутъ que c'est un trait bien fin de la Cour de Vienne que l'apparition de son Ministre là bas sans le sejour de la Cour*); но мы того не видимъ.

7.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Письмо ваше съ печатнымъ приложеніемъ я вчерашняго числа исправно получила, за что весьма васъ благодарю, и ѣдучи дорогою васъ помнишь. Книга же, которую вы прислали, очень любопытна; во всякомъ другомъ мѣстѣ окромѣ Англіи она бъ почиталась за ругательной пасквиль, но тамъ сво-

*) Тонкая штука со стороны Вѣнскаго Двора—появленіе его министра въ Москвѣ въ то время, когда нашего Двора тамъ нѣтъ.

бодность типографій такъ велика и совершенна, что они то почитаютъ за острыя шутки. Желаю вамъ продолжать благополучно свой путь, а я, какъ и всегда, вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Братъ вашъ графъ Зах. Гр. вчерашній день изъ Ярополчища возвратился; онъ, бывъ тамо, успѣлъ двухъ новыхъ башенъ пристроить по угламъ своего дома, а Гатчинской помѣщикъ очень грустенъ, что и первой этажъ его дома нынѣшняго лѣта еще не поспѣлъ.

8.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Отвѣтствовать вамъ имѣю на три письма ваши отъ 16, 20 и 22 Сентября. За портретъ короля Прусскаго, за описаніе военной школы и за печатанные листы фасада новаго близко Потсдама дворца и галлереи съ кабинетами, гдѣ картины, весьма вамъ благодарна. Сердечно желаю я, чтобъ вы такъ совершено узнали вездѣ слабости тѣхъ людей, съ кѣмъ вы будете дѣло имѣть, какъ я вижу, что вы мои вѣдаете. Чрезвычайно много я смѣялася аллегорической картинѣ Амадѣ Ванлоева, когда я увидѣла, что всѣ добродѣтели и качества составляютъ голову его христіяннѣйшаго величества; но Господь Богъ у Ванлоо совѣта не спросилъ, сотворя оную; а я, не любя неправды и аллегоріи, не куплю сію хитрую выдумку; естьли же она была по вкусу Французовъ, то бъ ея не выпускали за границу. Я буду ждать, чтобы можно было достать le pendant герцога Шоазель, изображеннаго во всѣхъ министерскихъ качествахъ, какъ-то прозорливости, щедрости, несребролюбія, великодушія, снисхожденія, учтивости, добросердечія, немщенія, незлопамятія и проч. качествы, кои онъ не имѣетъ. Вы изъ сего можете видѣть, сколько композиція прилипчива, ибо я, прочитая одну, тотчасъ составила другое. Теперь буду вамъ описывать дневныя здѣшнія новости; ибо я вижу, что я исправнѣе всѣхъ прочихъ вашихъ корреспондентовъ. Братья ваши и невѣстки здоровы, также и племянницы. Зах. Григ. вчерась въ реверси жестоко проигрался. Гр. Гр. Гр. [1]) сего дня имянинникъ; онъ безъ васъ молчаливѣе сталъ; можетъ статься, что сіе и отъ того, что домъ его только до карниза нынѣшній годъ довели. Ко мнѣ привезли Брилевы картины, отъ которыхъ я безъ ума. У насъ говорятъ, будто между двухъ посольшъ, Англинской здѣсь и нашей въ Англіи, равенство не сохранено, ибо одна такъ дурна, что ужесть, а другая красавица. Турки, по видимому, нынѣшній годъ, а можетъ быть и впредь, не намѣрены насъ безпокоить. Я нынче всякое утро молюся: Спаси, Господи, Корсиканца изъ рукъ нечестивыхъ Французовъ [2]). Вашъ разговоръ съ королемъ Прусскимъ я съ удовольствіемъ читала. Я не говорю, чтобъ тому самолюбіе причина была, дабы у вашей догадки не отнять малѣйшаго преимущества; но

[1]) Орловъ.

[2]) Какъ извѣстно, въ это самое время Корсиканцы, подъ предводительствомъ Паоли, геройски отбивались отъ вторженія Французовъ. Внѣшняя сила взяла свое, и въ 1769 г. островъ покорился Франціи; но въ слѣдъ за тѣмъ, 15 Августа 1769 г. Корсика производитъ на свѣтъ человѣка, являющагося нынѣ безсознательнымъ мстителемъ за нее, всѣмъ тѣмъ зломъ, которое претерпѣла отъ него Франція; точно также какъ для Польши Малороссъ князь Паскевичъ, крестникъ Георгія Конисскаго, былъ (можетъ быть и съ нѣкоторою долею сознанія) историческимъ воздаяніемъ за ужасы, совершенные Поляками въ нашей Украйнѣ. *П. Б.*

знатно, Его Вел. кор. Прусской не столько вникнулъ въ безопасности прививанія оспы, какъ его союзница, и для того опытомъ докажу, что я правду объ томъ знаю. Прощайте. Желаю вамъ продолжать счастливо вашъ путь. Когда будете писать почтою, а не курьеромъ, обѣщаюсь быть скромнѣе, а сегодня я писала, какъ мы привыкли говорить; насъ же словоохотливыхъ не скоро уймешь.

Остаюсь вамъ добросклонна.

Екатерина.

Октября 6 ч.
1768 года.

9.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! По сихъ поръ я слылась исправнѣйшій вашъ кореспондентъ, но нынѣ я вамъ должна отвѣтъ на три письма; тому причина во первыхъ: прививная оспа, при которой я не смѣла три недѣли за перо взяться; потомъ Французы такъ разщекотали извѣстныхъ нашихъ сосѣдовъ, что они на насъ вздумали наскакать. Я же всячески упражнялась принять сихъ гостей наилучшимъ образомъ, и естьли Богъ милостивъ, то пропочиваемъ ихъ такъ, что на долго объ нихъ не слышно будетъ. И такъ, удвояя обыкновенную порцію мою, коротко сказать, не досугъ было за что нибудь иное взяться. Теперь же благодарствую весьма за книги, за карты, за печатныхъ листовъ и рисунковъ; все исправно до моихъ рукъ дошло. Карта Корсиканская не худа, не худы же и лавры, кои мнимые побѣдители сего острова нынѣ тамъ сорвали. Дай Боже здравствовать другу моему Паоли: лучше его портретъ хочу, нежели хитрая выдумка Амадея Ванлоева, гдѣ Премудрость на одномъ вискѣ, а Правосудіе на другомъ. Всѣ ваши друзья и знакомые, сколько я ихъ знаю, въ добромъ здоровьѣ. Нынѣ у насъ два разговора только: первой о войнѣ, а второй о прививаніи. Начиная отъ меня и сына моего, которой также выздоравливаетъ, нѣту знатнаго дома, въ которомъ не было по нѣсколько привитыхъ, а многіе жалѣютъ, что имѣли природную оспу и не могутъ быть по модѣ. Гр. Гр. Гр. Орловъ, гр. Кир. Гр. Разумовскій и безчисленныхъ прочихъ прошли сквозь рукъ господина Димсдаля, даже до красасавицъ, какъ княжны: Щербатова и Трубецкія, Ели. Алек. Строгонова и многія, коихъ долго прописать было, покорились сей операціи. Вотъ каковъ примѣръ. Мѣсяца съ три назадъ никто о семъ слышать не хотѣлъ, а нынѣ на сіе смотрятъ какъ на спасеніе. Царскосельскихъ крестьянскихъ дѣтей всѣхъ перекроятъ съ великимъ успѣхомъ, такъ же Конной Гвардіи рейтарскихъ, и нигдѣ ни единой, ниже я сама не лежала ни единъ часъ, но все на ногахъ, имѣвъ иногда и сильную оспу. Теперь я вамъ скажу, что я такъ разщекотала нашихъ морскихъ по ихъ ремеслу, что они огневые стали, а для чего, завтра скажу; естьли хочешь, самъ догадайся. Я на сей часъ сама за нихъ взялася и, естьли Богъ велитъ, увидишь чудеса. Прощайте, господинъ посолъ! Желаю вамъ здравствовать, счастливѣйшіе успѣхи, то есть, дабы вы отъ сна предуспѣли разбудить въономъ погруженныхъ отроковъ.

Екатерина.

СПб. 17 ч. Ноября 1768.

Съ наступающимъ днемъ рожденія вашего имѣю честь поздравить.

10.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Сколько мнѣ помнится, я вамъ должна три отвѣта, только прошу не пенять! Право, не досугъ было. Туркамъ съ Французами заблагоразсудилося разбудить кота, которой спалъ; я сей котъ, которой имъ обѣщаетъ дать себя знать, дабы память не скоро изчезла. Только воля твоя, Англичане твои совершенно похожи на тѣхъ, кои были во время Карла ихъ короля: весь его Дворъ проданъ былъ Французамъ, а Корсика похожа на Дюнкерка; шли калекой; тотъ закупленной сволочь продалъ Французамъ; ты бъ изъ того нарисовалъ картину для умноженія коллекціи моей, кою вы ко мнѣ прислали и коя дѣйствительна смѣшна, за что много благодарствую. Моя же нынѣ есть забава тотъ самой мальчикъ, отъ котораго ко мнѣ привита оспа; непокойной Купидонъ Галактіонъ съ товарищами не входятъ съ нимъ въ сравненіе, и всѣ признаютъ, что отъ роду не видывали повѣсы подобной Александръ Данилова сына Оспина: рѣзовъ до бѣшенства, уменъ и хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дерзости; никогда не коротокъ, ни въ отвѣтахъ, ни въ выдумкахъ, ему же шестой годъ, и малъ какъ клопъ. Братъ вашъ гр. Захаръ Гр., гр. Гр. Григорьевичь и самой Кирила Григорьевичь часа по три, такъ какъ и мы всѣ, по земли съ нимъ катаемся и смѣемся до устали. On peut dire qu'il remplit lui seul parfaitement la chambre. Si vous voulés savoir à qui il apartient, sachés que votre frère dit qu'avec le tems il le croit destiné à remplir les places de m-r Betzki et ne m'en demandés pas plus; le fait est que je l'ai annobli vû que sa petite verole m'a sauvé du danger de ce mal [1]). Гатчинской помѣщикъ [2]) поѣхалъ къ себѣ въ деревни; вы очень сдѣлаете хорошо, когда, выбравъ по вашему вкусу, пришлете къ нему вещь и вексель; сія идея очень ему понравилась. Англинскому садовнику рублевъ тысячи до полторы, чаю, дать можно; я думаю, что у меня есть садовники, кои до тысячи рублевъ получаютъ окромѣ акциденціи [3]). Прощайте, желаю вамъ здравствовать.

Екатерина

14-го Декабря 1768 года.

Галактіонъ Ивановичь велѣлъ спросить, скоро ли будетъ слоникъ, который вы ему обѣщались изъ Китая прислать.

Графинѣ прошу кланяться; спасибо ей за то, что ей Англія лучше полюбилася, нежели Парижъ и Франція; не знаю, чей-то экипажъ весь изрыли въ Кале: сіе есть учтивость вѣжливѣйшей націи во всей подсолнечной. Еще позабыла вамъ сказать, что у меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ, и я истинно его такъ употреблю, естьли Богъ велитъ, какъ онъ еще не былъ; а я уже нарядила не скажу куда, а матросы пьяные по улицѣ сказываютъ: въ Азоветъ идемъ.

Еще знай, что въ Таганрогѣ только 4 фута воды.

---

[1]) Можно сказать, что онъ одинъ совершенно занимаетъ собою комнату. Если хотите знать, кому онъ принадлежитъ, то знайте, что, по словамъ вашего брата, онъ со временемъ предназначенъ занять должности г. Бецкаго; больше о томъ у меня не спрашивайте. Дѣло въ томъ, что я его возвела въ дворянское достоинство, такъ какъ его оспа дала мнѣ избавленіе отъ этой болѣзни.

[2]) Великій князь Павелъ Петровичъ, генералъ-адмиралъ.

[3]) Т. е. кромѣ другихъ неденежныхъ выгодъ.

Encore il faut que je vous dise un mot. Je trouve qu'on est delivré d'un grand fardeau qui gene l'imagination quand on est quitte d'un traité de paix; il falloit mille menagement, mille combinaison et mille futile betise pour empecher les Turks de crier. Apresent je suis à mon aise, je puis faire tout ce que je peux, et la Russie, vous le savés, peut considerablement, et Catherine II quelquefois imagine aussi toute sorte de chateau en Espagne, et voilà que rien ne la gene, et voilà qu'on a reveillé le chat qui dormoit, et voilà que la chatte va courir sur les souris, et voilà que vous allés voir ce que vous verrés, et voilà qu'on parlera de nous, et voilà qu'on ne s'attendoit pas à tout le tintamare que nous ferons, et voilà que les Turks seront battu, et voilà que les Francois seront partout traité comme les Corses les traitent, et voilà bien du verbiage, adieu monsieur.

Ecoutés, monsieur l'ambassadeur. Voici un argument qui m'est venu dans la tête el que j'ai ordonné à mr Panin d'employer vis à vis milord Ketkart au sujet des subsides que nous souhaitons qu'ils donnent aux Suedois.

Vû les circonstances presentes, si l'Angleterre en donnant à la Suede des subsides pouvoit par la epargner à la Russie une seconde guerre fomentée par la France, le feroit-elle? Le cas existe, le parti Français a instigué la convocation d'une diete extraordinaire et l'abdication du Roy; si l'Angleterre ne donne point de subsides à la Suede, il est à parier dix contre un que la Suede aura la folie de declarer la guerre à la Russie, et ce sera l'Angleterre qui par son epargne hors de saison aura attiré une guerre à un Empire qu'elle a tant de raison pour regarder apresent comme son unique ami ou appui. Je pense que mon argument porté en plein Parlement, bien loin que la chambre basse s'opposa aux subsides, il n'y aurait pas un bon Anglais qui n'opina à le donner, et si la nation opinerait à ne pas le donner, les particuliers le donneraient et si ceux-ci ne le donneraient pas, dès ce moment j'opinerais que l'imitié et l'inimitié de l'Angleterre sont des mots inutiles et vides de sens, puisqu'on n'en éprouve aucun effet, depuis le tems qu'ils mettent leur souvain bonheur à vivre dans une anarchie parfaite. Je vous avoue que j'ai trop bonne opinion de cette nation et de son bon sens pour pouvoir croire que cet état où ils sont apresent et que je n'ose qualifier puisse durer longtems, mais quoiqu'il arrive je serai bien obligé de prendre bientôt mon parti sur leur compte qui est de regarder leur amitié comme utile ou inutile à la Russie, c'est à eux à en combiner les suites. J'ai cruë qu'il étoit necessaire que je vous instruise de ces reflexions me reportant au reste à ce que le comte Panin vous dira.

Caterine

Ce 20 Decembre 1768.

Еще надо вамъ сказать одно слово. Я нахожу, что, порѣшивъ съ мирнымъ трактатомъ, чувствуешь себя свободною отъ большой тяжести, которая давитъ собою воображеніе. Тысячу понаровокъ, тысячу соображеній и тысячу мелочныхъ глупостей нужны, чтобы устранить Турецкіе крики. Теперь же я спокойна, могу дѣлать что́ хочу, а Россія, вы знаете, можетъ въ значительной степени, а Екатерина II-я также иногда воображаетъ себѣ всякаго рода Испанскіе замки, и вотъ ничто ея не стѣсняетъ, и вотъ разбудили спавшаго кота, и вотъ кошка бросилась на мышей, и вотъ смотрите что̀ вы увидите, и вотъ о насъ заговорятъ, и вотъ мы зададимъ такого звону, какого отъ насъ не ожидали, и вотъ Турки побиты, и вотъ съ Французами вездѣ станутъ обращаться также, какъ

обращаются съ ними Корсиканцы, и вотъ много болтовни, прощайте милостивый государь.

Послушайте, милостивый государь. Вотъ размышленіе, которое пришло мнѣ въ голову и которое я приказала г. Панину пустить въ ходъ относительно милорда Кеткарта по поводу ихъ желательныхъ для васъ субсидій Шведамъ. Въ виду настоящихъ обстоятельствъ, если бы Англія своими субсидіями данными Швеціи могла устранить отъ Россіи вторую войну, поджигаемую Французами, то сдѣлаетъ ли она это? Случай настоитъ. Французская партія добилась созванія чрезвычайнаго сейма и королевскаго отреченія. Коль скоро Англія не дастъ Швеціи субсидій, можно биться объ закладъ и ставить десять противъ одного, что Швеція сглупитъ и объявитъ войну Россіи, и такимъ образомъ Англія своею неумѣстною бережливостью поставитъ въ необходимость воевать такую державу, которая по многимъ отношеніямъ представляется теперь для нея единственнымъ другомъ и пособникомъ. Я думаю, что если мысль моя будетъ заявлена полному парламенту, то не только нижняя палата не воспротивится субсидіямъ, но не найдется ни одного порядочнаго Англичанина, который бы не согласился дать субсидіи. Если нація отречется дать ихъ, то дадутъ частные люди; а коль скоро и эти не дадутъ, то я стану думать, что дружба или вражда Англіи суть безполезныя и безсмысленныя слова, такъ какъ отъ нихъ нѣтъ никакого проку съ тѣхъ поръ, какъ они полагаютъ главное свое благополучіе въ томъ, чтобы жить въ совершенной анархіи. Признаюсь вамъ, я имѣю слишкомъ доброе мнѣніе объ этомъ народѣ и объ его здравомысліи, и не полагаю, чтобы нынѣшнее положеніе, коему не смѣю дать имени, могло продолжаться. Что бы однако ни произошло, я буду обязана въ скоромъ времени порѣшить съ ними, т. е. усмотрѣть пользу или безплодность въ ихъ дружбѣ съ Россіею. Пусть они разсчитываютъ о послѣдствіяхъ. Я сочла нужнымъ сообщить вамъ эти размышленія; впрочемъ же дѣйствуйте, какъ скажетъ вамъ графъ Панинъ.

Екатерина.

20 Декабря 1768.

11.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Безконечное число отвѣтовъ я вамъ должна, но не прогнѣвайся! Сіе письмо будетъ служить отчискою разомъ на всѣ твои письма. Благодарствую за книги, за печатные листы и за всѣ посылки; l'on dit que milord Chesterfield radote, ainsi je sais à quoi attribuer ses louanges excessives qu'il me donne et que je ne merite pas [1]). Послушай, баринъ! Когда ты узнаешь все что̀ я дѣлаю и затѣяла противу Россійской имперіи непріятеля, тогда ты скажешь, что послѣ Ивана Чернышева никто болѣе Катерины не любитъ шумъ, громъ и громаду; не изволь сіе принять за бредню; даромъ, что меня третью недѣлю мучитъ простудная лихорадка и всѣ на свѣтѣ флусы, однако я въ здравомъ умѣ и твердой памяти и естьли нужда потребуетъ и съ Шведами управлюсь, какъ съ клопами, кои кусаютъ au risque de se faire écraser [2]). Твои же Англичане, ужъ ужесть радость, какъ неважны, и я чаю, таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока Французы съ Гишпанцами на нихъ нападутъ, чего дай Боже хотя на завтра полученія сего письма. Вы видите, что вы во мнѣ совершенно вселили духъ военной, и

[1]) Говорятъ, милордъ Честерфильдъ—болтунъ. Стало быть, я знаю, чему приписать безмѣрныя похвалы, которыя онъ мнѣ расточаетъ и которыхъ я не заслуживаю.

[2]) Подвергаясь опасности быть раздавленными.

во снѣ въ лихорадкѣ все брала Хотинъ и Бендеры, а у братца[1]) все требовала Арнаутскаго знамянщика. Мнѣ полюбилося, что въ пущемъ жару ко мнѣ притащили взятое у Арнаутъ знамя. Нынѣ есть мнѣ легче, но еще слаба, и такъ не прогнѣвайся, если окончу сіе письмо просьбою той, чтобъ скорѣе ко мнѣ переслать садовника. Гатчинскаго помѣщика я нынче пожаловала подлѣкаремъ, для того, что кромѣ его никто не умѣлъ ни ходить, не перевязать шпанскія мухи, коими я была облѣплена, а въ награжденіе ему хочу Англинскимъ садовникомъ убрать края озера, въ которомъ вы съ Философовымъ было утонули тогда, когда вы оба еще не были записаны въ политическомъ цехѣ. Прощайте и будьте увѣрены о всегдашней моей благосклонности.

Екатерина.

Марта 16 ч.
1769 г.

12.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Письмо ваше отъ 28-го Февраля я получила; въ окомъ обѣщаете мнѣ пріискивать мною желаемаго литейщика чугунныхъ пушекъ, за что, баринъ, тебѣ спасибо, а хотя бы онъ нѣсколько и дорогъ былъ, что же дѣлать? Лишь бы онъ безошибочнѣе лилъ пушки, нежели наши, кои льютъ сто, а годятся много что десять. Баринъ! Баринъ! Много мнѣ пушекъ надобно, я Турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ; не знаю, загорится ли и сгоритъ ли, но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противу ихъ толикихъ хлопотъ и заботъ. Между тѣмъ, pour m'amuser [1]), приказала я занять Азовъ и Таганрогъ, а Сенявина [2]) послала, съ зимы еще въ Тавровѣ стоитъ съ флотильею. Намъ сказали, что рѣки устье не болѣе трехъ футъ глубины имѣютъ и Бредаловыя карты тоже показываютъ, а теперь по вымѣриваніи Сенявина нашлось, что 36 фут.; фрегаты изряднехонько переѣдутъ, а море и гораздо глубже, нежели всѣ карты показываютъ; и такъ у насъ будутъ всякаго вздора, въ томъ числѣ помнится 6, если не 8 фрегатъ, дупель, шлюпъ, лодокъ, прамъ, всѣ даже до лодокъ съ пушенками, судовъ до 120. Чтобъ же ранѣе спустить суда, Сенявинъ дюка полонилъ; однимъ словомъ, лѣсъ онъ рубилъ, возилъ, суда строилъ, а по сю пору чаю на нихъ сидитъ. Son ardeur est grande, et il est infatigable [3]). Надобно честь отдать, что честной и усердной ему показатель былъ Силивановъ долголицой, что рябъ и въ парикѣ и въ Коллегіи экспедицію имѣетъ. Баринъ, ты жалуешься, что къ тебѣ мало извѣстій доходятъ. Primo, я велѣла изъ Иностранной Коллегіи сообщить сколько возможность есть, я сіе написала на вашу реляцію. Secundo, вотъ тебѣ выше сего охапка новизны, которыя никто тебя окромѣ меня не сообщитъ. Терціо, армія моя теперь подъ Хотинымъ, и я съ часу на часъ жду извѣстія, что Хотинъ взятъ, или же насъ прогнали. Много мы каши заварили, кому то вкусно будетъ; у меня армія на Кубанѣ, армія дѣйствующая противъ Турокъ, армія противъ безмозглыхъ

[1]) Т. е. у братца гр. Чернышева, гр. Захара, тогдашняго президента Военной Коллегіи.

[1]) Чтобъ позабавиться.
[2]) См. ниже письма Екатерины къ Сенявину.
[3]) Усердіе его велико, и онъ неутомимъ.

Поляковъ, съ Швеціею готова драться, да еще три суматохи in petto *), коихъ показывать не смѣю. Пришли, естьли достать можешь безъ огласки, морскую карту Средиземнаго моря и Архипелага, а впрочемъ молись Богу, все Богъ исправитъ. Прощай, будь здоровъ да молчи про сіе письмо.

Екатерина.

Апрѣля 17 ч.
1769

13.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! На два письма ваши одно безъ цыфровъ, а другое въ цыфрахъ отъ 14 Апрѣля н. ш., я имѣю вамъ сказать, что я изъ оныхъ съ удовольствіемъ усмотрѣла съ одной стороны предложенія столь искуснаго офицера, какъ вы описываете капитана Ивана Элфинстона, а съ другой ваши ему сдѣланные благоразумные отвѣты. Вы сами знаете, сколько нашему флоту нужны таковые практикованные люди, и для того даю вамъ полную власть принять онаго Элфинстона на такихъ договорахъ, какъ вы сами представляете, то есть: 1) Чтобъ онъ вступилъ въ нашу службу капитаномъ бригадирскаго ранга, и что онъ контръ-адмираломъ пожалованъ будетъ въ день представленія его здѣсь. NB. Однакожъ сей пунктъ можете облегчить, естьли вы то за полезное почтете, объявя ему контръ-адмиральской чинъ и въ Англіи, въ чемъ вамъ руки не связываю, зная, что вы безъ усмотрѣнія потребы на сіе не поступите. 2) Въ такомъ случаѣ, буде онъ на все согласится, ему дать вмѣсто пансіона въ прибавокъ къ его жалованью по тысячѣ рублевъ въ годъ, и 3) что сынъ его, которому теперь тринадцать лѣтъ, когда достигнетъ 15 лѣтъ, пожалованъ будетъ мичманомъ. NB. Сыну его дозволяю вамъ объявить и нынѣ мичманской чинъ, естьли вы тѣмъ облегчить можете ваши переговоры съ отцомъ. Какъ же по причинѣ Элфинстономъ предлагаемой экспедиціи, о коей вы во второмъ вашемъ въ цыфрахъ письмѣ упоминаете и кою я усмотрѣла съ равнымъ удивленіемъ и удовольствіемъ, всего нужнѣе, чтобъ онъ скорѣе сюда пріѣхалъ, то, естьли онъ инако, по миновавшихъ уже для увольненія закономъ назначенныхъ мѣсяцовъ, не можетъ вовсе, или не скоро получитъ дозволеніе ѣхать сюда или вступить въ службу, тогда вы имѣете именемъ моимъ представить Двору, что, полагаясь на всегдашнія ихъ обнадеживанія всячески споспѣшествовать намъ и по причинѣ тѣсной между нами дружбы, я ожидаю отъ ихъ къ намъ доброжелательства, что они опустятъ ко мнѣ г. Элфинстона, какъ человѣка, которой можетъ быть способенъ службѣ ихъ натуральнаго союзника. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

28 Апрѣля 1769
Царское Село.

14.

Іюля 7 ч. 1769 года изъ Петергофа.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! За безчисленныя ваши ко мнѣ присылки весьма вамъ благодарна, а имянно: за карты театра войны, которыя ничто иное есть, какъ нами печатныя Липховскія, кои никуда не годятся. У братца несравненно лучшія есть,

*) Въ ожиданіи.

но съ умысломъ онъ ихъ нынѣ печатаетъ. Я думаю эстампы Цареградскіе вамъ много забавы дѣлали; Коломенская шутка вѣдь нынѣ поселилась въ головѣ здѣсь даже и у маленькихъ ребятъ; а я только о томъ и стараюсь, чтобъ синица не полетѣла море зажигать и шума не надѣлала, а больше никакого добра. Паолевъ портретъ еще болѣе бы мнѣ веселилъ, естьли онъ самъ продолжилъ проклятымъ нашимъ злодѣямъ мерзкимъ Французамъ зубы казать. Однако я еще не отчаяваюсь, чтобъ онъ продлилъ оборону, а естьли время ему выиграетъ, то уже много онъ сдѣлаетъ для надежды къ спасенію вольности своихъ согражданъ. Карту Средиземнаго моря думаю отдать Спиридову; но почти жаль: такъ она хороша, однако она ему нужнѣе, нежели мнѣ; ибо.... ибо.... ибо.... онъ пойдетъ туда après bien des lenteurs et des difficultés qui encore ne sont pas tous levées, et il y a bien des choses qui ne sont pas comme elles devroient être et surtout dans la partie maritime; notez déjà que les superieurs haïssent fonçierement Elfinston; cela est petit et mesquin, mais cela est vrai *). Здѣсь весьма у мѣста упомянуть о пяти мартышокъ и о множествѣ попугаевъ, кои вы ко мнѣ прислали, также за спорнаго между графомъ Орловымъ и мною телескопомъ. Но что вы скажете, что я ни слова не упоминаю о множествѣ вашихъ писемъ, на кои не отвѣтствовала? Всякой разъ, что ко мнѣ принесутъ ваше письмо снова, то говорю: je m'en vais lui faire une longue et belle lettre et puis point du tout, on m'aporte tant de diablerie qu'il n'y a pas moyen de la faire *). А братецъ вашъ знаетъ, что я вамъ пропасть отвѣтовъ должна, и онъ уже немножко на меня косится, что замѣшкалася отвѣтствовать, и для того отчасти спѣшу сіе письмо написать; я знаю, что оно нѣсколько конфузно будетъ, но какъ въ печать не издается и между нами останется, то большой потери не будетъ, а вы увидите, что за охотою я вамъ писать не стала. Болѣе всѣхъ вашихъ присылокъ почитаю Elfinstona: сей намъ нуженъ, полезенъ и весьма милъ былъ. Я ему особливую эскадру дѣлаю, а другой пойдетъ какъ успѣетъ; всего хуже, что онъ людямъ удвоиваетъ работу перегрузкою изъ корабля въ корабль. Боюсь, чтобъ не сконфузился! Сверхъ того все грузъ ужасной, багажъ тяжелъ, и такъ чаю потащится черепахою, по безъ того уже медлительному елементу; но лишь бы вышелъ, а тамъ воля Всевышняго! Ваше сіятельство! Вѣрить не можете, съ какою силою мы принялись за нынѣшнія военныя дѣла и сколько струнъ на нашу лиру натянуты, и естьли наши непріятели не закрехтятъ путемъ, то не мы, но отмѣнное несчастіе тому причиною будетъ. Никогда Россія такъ сильно ни за что не принималась, какъ нынѣ приготовленія сдѣланы. Адмиралъ Сенявинъ требуетъ галеръ въ прибавокъ его и пріобрѣтенныхъ фрегатовъ, и я не думаю, чтобъ онъ прежде будущаго лѣта могъ предпринимать чего ни на есть, хотя онъ все то и сдѣлалъ, чего ему повелѣ-

---

*) Послѣ многихъ проволочекъ и затрудненій, которыя еще не всѣ устранены, многое не въ такомъ видѣ какъ должно быть, и особливо по морской части; замѣтьте, что начальники питаютъ уже отъявленную ненависть къ Эльфинстону. Это мелочно и низко, но это такъ.

*) Пойду напишу ему большое и хорошое письмо, и выходитъ, что письма нѣтъ; мнѣ приносятъ столько чертовщины, что нѣтъ возможности управиться.

но, да море мелко. S'est la mer à boire, mais nous irons en avant. Vous voyés par tout ce que je vous écris et par la disposition de mon esprit que je n'ai plus que guerre en tête et que mr Sabatier[1]) qui, notez, qu'il a déjà passé Berlin, malgré la diligence qu'il fait, sera reçu comme un chien dans un jeu de quille et que ce mediateur sera fait bête sans faute, et qu'il ne jouera pas en preference [2]). Турки вторично дали князю Голицыну перейти Днѣстра безъ прекословія и по сію пору бѣгутъ отъ нашихъ маленькихъ партій такъ, что 19 Іюня удалось князю Прозоровскому прогнать двадцать тысячь Турокъ съ тремя гусарскими полками, да съ нѣсколькими казаками. Прощайте! Желаю вамъ здравствовать, право я устала.

Екатерина.

Графинѣ прошу кланяться

15.

Графъ Иванъ Григорьевичь! 775,
за исправленную кар-
259, 310, 291, 624, 32, 598,
ту морскую Греческихъ
680, 762, 461, 587, 449,
острововъ
220, 504, 2260, 892, 2504,
весьма вамъ спасибо имѣю
128, 654, 606, 438, 608,
сказать. Нашъ
2222, 544, 473, 126, 213,
первой мореплаватель
2519, 940, 73, 779, 480, 679,
уже чаю
151, 454, 654, 988, 624,
далеко уѣхалъ. Онъ изъ
407, 60, 997, 873, 380, 840, 625,
за Ревеля ко
358, 504, 126, 948, 892, 2438,
мнѣ пишетъ, что
183, 929, 253, 172, 51, 60, 2481,
вѣтры весьма ему
239, 654, 968, 762, 2784, 191,
способны, и
142, 634, 8, 166, 576, 32, 934,
что онъ очень весело
624, 438, 334, 615, 784, 262,
плыветъ. Я въ
21, 132, 59, 657, 334, 407, 721,
догоню къ нему послала
519, 553, 17, 556, 777, 302, 10,
трехъ курь-
583, 2657, 576, 516, 608, 939,
еровъ, чтобъ
60, 334, 477, 48, 414, 188, 140,
скоряе шелъ въ
259, 997, 118, 94, 476, 505, 213,
передъ; ибо
912, 23, 403, 50, 157, 755, 695,
куда онъ идетъ,
929, 964, 438, 544, 16, 516
тамо
213, 657, 773, 351, 796, 142,
по извѣстіямъ, получен-
863, 207, 213, 358, 438, 753,
нымъ чрезъ по-
394, 966, 968, 576, 948, 290, 59,
слѣдняго
577, 892, 566, 32, 334, 17,
курьера, уже все почти
550, 68, 514, 556, 26, 608, 939,
въ
10, 2514, 510, 468, 874, 571,
огнѣ и не то чтобъ

---

[1]) Ѣхавшій къ намъ Французскій повѣренный въ дѣлахъ. См. о немъ и объ изданной С. А. Соболевскимъ брошюрѣ его въ Р. Архивѣ 1863, стр. 83.

[2]) Это — море выпить; но мы идемъ впередъ. По всему, что̀ я пишу къ вамъ и по расположенію моего духа вы видите, что голова моя все занята войною, и что г. Сабатье (замѣтьте, что онъ уже проѣхалъ Берлинъ), не взирая на его поспѣшность, будетъ встрѣченъ, какъ собака, попадающаяся въ игру въ кегли. Мы одурачимъ непремѣнно этого посредника, и ему барыша не будетъ.

32, 16, 339, 841, 354, 556, 386,
поддувать,
550, 213, 516, 606, 157, 583,
стараются
157, 656, 11, 773, 907, 324, 940,
407, 60, 997, 620, 491, 654,
969, 978, 94, 523, 227, 656,
утолить нетерпѣливость, да-
953, 407, 60, 157, 172, 504, 358,
бы прежде вре-
953, 126, 126, 17, 964, 60, 582,
мяни не прорвалась
208, 85, 290, 916, 743, 157,
плотина. Елфинстонъ
769, 271, 940, 929, 17, 60, 414,
же въ
48, 550, 840, 427, 520, 311,
концѣ сего мѣсяца
923, 2170, 320, 750, 2195, 717,
выступитъ.
717, 51, 74, 461, 606, 17, 656,
312, 521, 213, 784, 461, 880,
83, 307, 774, 833, 17, 260, 21,
2059, 619, 517, 531, 449, 471,
320, 380, 196, 94.

Садовнику можете дать подъ имянемъ искуснаго того лѣкаря, которой шпанскихъ мухъ умѣетъ перемѣнить безъ боли, тѣ триста пятдесятъ фунтовъ, кои онъ требуетъ; ибо брата съ собою везетъ. И такъ прошу его скорѣе отправить, а на насъ въ надеждѣ ли прислать векселя? Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 12 ч. 1769 г.

Что̀ о содержаніи сего письма скажетъ милордъ Шестерфельдъ? Напишите пожалуй при случаѣ также, доволенъ ли нами Димсдаль?

16.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Во что ни стало, естьли Спиридовъ вздумаетъ зимовать или долго остановится въ Английскихъ портахъ, изволь его выбить. Весь Левантъ въ полномъ огнѣ, и отъ его туда прихода все зависитъ. Недосугъ болѣе изъясняться. Богъ съ вами.

Екатерина.

Октября 7 ч. 1769.

17.

Графъ Иванъ Григорьевичь! На письмо ваше отъ 5 сего мѣсяца изъ Амстердама въ резолюцію симъ отвѣтствую: для литья мѣднаго оружія мастера намъ не надобны, того для съ присланными вами литейщиками помянутаго мастерства въ обязательства не вступайте; напротивъ же того приложите ваше стараніе къ пріисканію хорошаго литейнаго чугуннаго мастера, о чемъ къ вамъ уже и прежде писано было. Въ протчемъ пребываю вамъ доброжелательная.

Екатерина.

15 Декабря 1769 года.
С. Пбургъ.

18.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Троянской исторіи имена, кои далъ Сенявинъ кораблямъ имъ построеннымъ, показываютъ, что у него въ головѣ твердо есть повидаться съ тѣми мѣстами, гдѣ оная происходила. Фрегаты, коихъ ему велѣно готовить, лѣсъ видь строитъ, тогда когда удобную найдетъ помнится мѣсто для хода большихъ судовъ (sic), а въ Совѣтѣ ищутъ копію ему даннаго указа, которой, сказываютъ, у гр. Панина завалился, и тогда денегъ узнаемъ, какія дать, какъ то мнѣ господинъ Стрекаловъ сказалъ. Я удивляюсь, что господинъ

Арфъ[1]) мѣшкатенъ, небось мы съ тобою его сдѣлаемъ проворнымъ; мы привыкли обходиться и разбужать сонныхъ отроковъ. Прощайте! Желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Мая 18 ч. 1770 года.

19.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Вчера ввечеру получила я письмо ваше отъ 17-го числа изъ Кронштата; желаю сердечно, чтобъ вѣтръ способствовалъ наискорѣе контръ-адмиралу Арфу выйти изъ порта или лучше сказать съ рейды. Я часто слышу о подобныхъ грузкахъ, какъ нынѣ случилось съ Святымъ Георгіемъ. Я удивляюся корабельнымъ камандирамъ и самому контръ-адмиралу, что они нагрузку не производятъ при себѣ, чрезъ что они бъ матрозовъ моихъ пустой работой не отягощали понапрасну, безъ всякой нужды, окромѣ собственнаго ихъ несмотрѣнія или несмыслу. Естьли часть гвардіи не умѣстится, то дайте имъ другое мѣсто, лишь бы они были безъ тѣсноты; однимъ словомъ берегите пожалуйте тѣхъ, кои окромѣ меня стряпчаго не имѣютъ, и хотя во многихъ случаяхъ сіе довольно, но въ другихъ, а наипаче на корабляхъ, гдѣ тѣсно бываетъ, не излишно нахожу ихъ рекомендовать особливому попеченію. Болѣзнь капита на Тандера не должна остановить контръ-адмирала, тѣмъ наипаче, что капитанъ Палибинъ надежной человѣкъ, а другой лишь данъ адмиралу изъ одного къ нему снисхожденія. Что весь экипажъ охотно идетъ въ море, тому я радуюсь и о томъ не сумнѣваюсь. Перва лишь пѣсенка озардѣвши пѣть, а тамъ сама пойдетъ. О запискѣ для памяти для господина Арфа скажу я вамъ, что я не помню, чтобъ съ нимъ Философовъ въ Даніи, или кто здѣсь сдѣлалъ подобной договоръ; никто же въ Имперіи и въ службѣ находящіеся не имѣютъ подобной платы. Его сверстники въ томъ же числѣ, и такъ для него новый законъ сдѣланъ быть не можетъ, что̀ вы ему сказать можете, прибавя къ тому, что вы далѣе о семъ всходить не можете по вышеписаннымъ причинамъ. Естьли же говорить будетъ, что онъ сюда писать будетъ, то вы ему можете дать выразумѣть, что то въ его волѣ состоитъ просить о подаркѣ двухъ сотъ рублей, но стоитъ ли то труда? Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательная и желаю вамъ счастливаго пути.

Екатерина.

Іюня 13 ч. 1770 г.

Faites en sorte, je vous prie, que le contre-admiral Arf et son escadre partent le plutôt possible de Reval, et dites encore une fois au dit contre-admiral que le plus grand service possible qu'il puisse me rendre dans ce moment est celui de ne s'arreter que le moins de tems possible en chemin afin qu'il n'arrive pas à cette escadre ce qui est arrivé à celle de la France dans la guerre passée de venir partout trop tard. Le bien-être de mes affaires en Morée et par consequent la paix même depend assurement en grande partie de la promptitude avec laquelle cette escadre y portera le secours dont elle est chargée. En un mot comme en cent dites lui qu'il y mette la vitesse que j'y mettrai moimême, si j'etois à sa place, et vous savés comme je suis expeditive lorsque je m'y met.

Caterine

[1]) Датчанинъ, принятый въ нашу службу.

Прошу васъ сдѣлайте такъ, чтобы контръ-адмиралъ Арфъ и его эскадра отправлялись елико возможно скорѣе изъ Ревеля и скажите еще разъ помянутому контръ-адмиралу, что величайшая услуга, какую можетъ онъ мнѣ оказать въ сію минуту, состоитъ въ томъ, чтобы онъ елико возможно менѣе останавливался на пути и чтобы съ этою эскадрою не случилось того же что̀ и съ Французскою въ послѣднюю войну: она всюду появлялась слишкомъ поздно. Успѣхъ моихъ дѣлъ въ Мореѣ, слѣд. самый миръ конечно зависятъ главнѣйше отъ поспѣшности, съ коею она исполнитъ свое назначеніе и доставитъ туда подмогу. Однимъ или сотнею словъ скажите ему, чтобъ онъ спѣшилъ, какъ я бы поспѣшила, если бы была на его мѣстѣ; вы знаете, какъ отъ меня не бываетъ проволочки, коль скоро я примусь за что нибудь.

20.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Письмо ваше отъ 17-го Іюня изъ Ревеля я получила вчера, изъ котораго усмотрѣла съ удовольствіемъ, что Побѣдоносецъ пришолъ туда благополучно. Естьли выписныя суда не поспѣютъ, то иначе и дѣлать нечево, какъ нанять купеческія, лишь бы надежны были. За радѣніе и поспѣшеніе ваше вамъ спасибо, а что изволишь быть въ хлопотахъ, тому вѣрю; но терпѣніе все преодолѣваетъ. Чуть графъ Орловъ къ вамъ не поѣхалъ; онъ нашелъ вѣтеръ способенъ, но удержало его то, что къ судну шлюпки пристать не могли за погодою, а другое и то еще, что окромѣ рекрутъ да одинъ престарѣлой сержантъ не было на яхтѣ Андрея людей. Желаю вамъ здравствовать.

Екатерина.

Петергофъ.
Іюня 21 ч. 1770.

21.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! На письмо ваше отъ 23 сего, симъ въ резолюцію вамъ отвѣтствую вамъ: если ожидаемыя Англинскія транспортныя суда скоро по отбытіи эскадры въ Ревель прибудутъ, то имѣете вы тотчасъ понагрузить оставшаго, какъ вы въ вашемъ письмѣ упоминаете, и отправить оныя въ слѣдъ за контръ-адмираломъ въ такомъ случаѣ, когда вы увидите, что оныя суда эскадру въ Балтійскѣ или у Копенгагена догнать могутъ; въ противномъ же случаѣ, когда вышепомянутыя суда проѣздомъ своимъ въ Ревель нѣсколько дней опоздаютъ, такъ что не будетъ надежды, чтобы оныя эскадру догнать и съ оною соединиться у Копенгагена могли, то тогда оныя остановить въ Ревелѣ, гдѣ съ оными и сдѣланъ будетъ расчетъ съ банкиромъ Фридриксомъ. При семъ прилагаю полученное сего дня на почтѣ отъ маркиза Скарудіи слѣдующія извѣстія: «что графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ увѣдомляетъ его изъ Новарто отъ 5-го прошедшаго Маія, о взятіи помянутой крѣпости и что какъ за̀мокъ, такъ и крѣпость взята, а находящій Турецкій гарнизонъ плѣненъ и разосланъ по разнымъ завладѣннымъ мѣстамъ». Сіе пріятное извѣстіе изволите сообщить контръ–адмиралу Арфу, естьли изъ письма его еще въ Ревелѣ стоитъ, дабы онъ могъ знать, куда пристать, когда онъ

придетъ къ Мореѣ. Въ прочемъ пребываемъ благосклонна.

Екатерина.

27 Іюня 1770 года Петергофъ.

22.

За извѣстіе, что господинъ Арфъ изъ Копенгагена пошолъ покорно благодарствуемъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, славному между Месинскими графами, нашему почтенному доброжелателю. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, я сіе переняла у Татаръ, они пишутъ тако.

23.

И бысть Россіи радость и веселіе! Такую надпись я выбрала для медалей, кои Адмиралтейство дѣлаетъ гр. А. Гр. Орлову; на одной сторонѣ будетъ его профиль окружена, какъ водится, его имяни и пр., а на другой акція сожженіемъ флота, примѣрно какъ приложенный рисунокъ, но сколь возможно сходственнѣе съ планомъ акціи; въ exerge напишется: Чесма 24 и 26 Іюля 1770.

24.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Пріѣзжайте ко мнѣ завтра послѣ Совѣта и останьтесь ночевать здѣсь, дабы я могла съ вами распоряжать пріѣздомъ принца Генриха сюда водою изъ Швеціи.

Екатерина.

Августа 11 ч 1770 г.

25.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Для описанія устья рѣкъ: Днѣпра, Днѣстра и Дуная, выберите достойныхъ офицеровъ и отправьте ихъ туда.

Екатерина.

Октября 26 ч. 1770 года.

26.

Faites tomber ce livre [1]) entre les mains du Prince, mais gardés vous bien de dire que j'y ai part; il vient de paroitre en Hollande; vous connaissés la première partie, la seconde vaut mieux [2]).

27.

Генваря 10 ч. 1771.

1) У города Архангельскаго и здѣсь много ли строится кораблей?

2) На много ли заготовлено лѣсу?

3) Тому два года назадъ, я приказала заготовить лѣсъ на десять кораблей, заготовленъ ли онъ и что̀ по сему происходило?

4) Весьма бы прилично было Адмиралтейской Коллегіи по вскрытіи воды послать гостинцы всякіе отселѣ на флотъ на купеческіе корабли, какъ то, напримѣръ: съѣстныхъ припасовъ, полотна, холстины, сукна, наипаче порохъ и свинецъ.

5) Что̀ происходитъ съ литьемъ чугунныхъ пушекъ, выписываете ли вы мастера, а для своихъ поставили ли вы прейсъ?

28.

Графъ Иванъ Григорьевичъ! Для умѣщенія на первой случай морскихъ кадетъ дозволяю вамъ брать изъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса палатокъ, или изъ гвардіи полковъ излишнихъ сверхъ въ оныхъ полковъ число людей.

Екатерина.

Мая 23 ч.
1771 года.

---

[1]) Не объ Андидотѣ ли это говорится? А Принцъ—не Генрихъ-ли Прусскій?

[2]) Устройте, чтобы эта книга попала въ руки Принца; но смотрите, меня не выдайте. Первая часть, какъ вы знаете, появилась въ Голландіи; вторая лучше.

29.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Съ большимъ удовольствіемъ усмотрѣла я, что 17-го ч. Маія Россійской флагъ взялъ на Азовскомъ морѣ. Послѣ семидесяти-лѣтней перемѣшки дай Боже вице-адмиралу Синявину щастливой путь и доброй успѣхъ. Сдѣлайте же по его просьбѣ и оставьте Горяинова, гдѣ Сенявинъ желаетъ, ибо онъ на него полагается.

Екатерина.

Іюня 1 ч. 1771 года.

Чаю, князь Долгорукой сего дня увидитъ Перекопъ, дай Боже въ доброй часъ!

30.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Изъ при семъ посылаемаго указа увидите, что я интендантскую часть поручаю адмиралу Колинсу, а какъ онъ адмиралъ, то господинъ Кутузовъ можетъ быть подъ нимъ, ибо генералъ-маіору не мѣстничаться съ генераломъ полнымъ, чтò само собою разумѣется.

Екатерина.

Іюня 10 ч. 1771 г.

31.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Я генералъ-маіора Ребиндера, котораго я уже не одиножды употребляла съ полнымъ съ моей стороны удовольствіемъ, назначила ѣхать отселѣ въ Любекъ съ фрегатомъ, и того для вы ему все надлежащее къ походу и до него принадлежащее въ Кронштатѣ показать велите.

Екатерина.

Маія 1 ч. 1773 г.

32.

Нельзя статься, графъ Иванъ Григорьевичь, чтобъ въ другихъ службахъ не было установленіе, какъ кому честь отдавать кто не флагманъ; ибо въ Голландіи, въ Англіи, въ Даніи и Швеціи отдаютъ чести по приказанію командира; тому конечно есть примѣры; но конечно то, чтò вы съ графомъ Панинымъ о томъ положили, кажется достаточно. Трубачей и литаврщика возмите у гофмаршала или у Елагина. За Вел. Князя шлюпку спасибо скажите князю Николаю Михайловичу, чтобъ и моихъ гребцовъ нарядилъ по вашему вкусу щеголевато. Богъ съ вами. Кашкинъ съ вами переговоритъ.

33.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Скажите своему прожектеру, что я читала его письмо и первой проэктъ и желаю, чтобъ онъ продолжалъ присылку оныхъ чрезъ васъ. Чтò же касается до награжденій, въ томъ уговорите его, чтобъ онъ на меня полагался; видно, что у него мысли есть, только дорого проситъ: пять тысячь имперіалъ первой запросъ. Il y a aussi des singularités presque impraticables, cependant encouragez le à écrire et à m'envoyer le reste; pour ce qu'il m'a envoyé par le Chancelier, je ne me souviens pas de l'avoir reçu *).

Екатерина.

---

*) Есть также странности, почти не приложимыя; однако побудите его писать и затѣмъ ко мнѣ прислать; я не помню, доходило ли до меня, чтò онъ присылалъ черезъ канцлера.

33.

Къ крайнему сожалѣнію моему усмотрѣла я, графъ Иванъ Григорьевичь, въ какое разстройство вчерашній пожаръ привелъ великую часть города. Я вчерашній день похожа была на Іова: вѣсть за вѣстью приходили ко мнѣ, и все дурныя, и изъ оконъ у насъ видно было отъ трехъ до четырехъ частей столицы въ огнѣ, что̀ принудило меня уже на вечеръ послать гр. Гр. Гр. Орлова, опасаясь, что генералъ-полицемейстеръ утомится или не успѣетъ на всѣ стороны обратиться. Что̀ сдѣлалось, того еще не знаю; ибо графъ Орловъ теперь спитъ, возвратясь въ пять часовъ изъ города. Ваши распоряженія на первой случай могутъ быть достаточны на нѣсколько дней; только примитись скорѣе за распоряженія для будущей зимы, и чтобъ привести ребятишекъ паки подъ кровлю и чтобъ они нужду ни въ чемъ не претерпѣли въ сей крайности. Впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна. *Екатерина.*

Въ Коломнѣ, помнится, кромѣ хижинъ не было. Чичеринъ же думать зачалъ, что сей пожаръ умышленной былъ.

Вторникъ въ 9 часовъ за полночь.

34.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Кажется, Демидовъ не можетъ быть моложе Сенявина, понеже первой въ Колберхъ [1]) уже былъ, помнится, генералъ-маіоромъ, а Синявинъ въ 1762 году отставленъ капитаномъ. Однако выправиться обстоятельнѣе о всѣхъ старѣе Сенявина. *Екатерина.*

[1]) Т. е. во время осады и взятія Русскими Кольберга въ 1761 году. *П. Б.*

35.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Вѣтреной поступокъ графа Бутурлина ни чуть меня не удивляетъ; въ его ко мнѣ письмѣ точно написано *волонтеромъ во флотѣ;* и такъ недоразумѣніе тутъ не можетъ имѣть мѣсто, ибо корабли не ходятъ сухимъ путемъ, а кто ѣдетъ сухимъ путемъ, тотъ не во флотѣ.

О Штетинскомъ фрегатѣ, какъ вы поѣдите въ Ревель, то уже о семъ вы тамо по вашему разсмотрѣнію поступите, такъ какъ мы уже о томъ положили; а князь Дол. превосшелъ своихъ постановленій, ибо договорилися и объ третьемъ. Прощайте. Желаю вамъ здравствовать.

36.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Говорилъ мнѣ адмиралъ Кновлесъ, что онъ опасается, чтобъ фундаменты разныхъ доковъ, на коихъ заложены теперь корабли или лучше сказать стоятъ по сю пору еще одни кили, не были бы худы и нетверды; что корабль Владиміръ при спускѣ получилъ поврежденіе большое, что̀ онъ приписываетъ нетвердости фундамента его деки; и для того предложилъ или говорилъ съ господами адмиралтейскими, чтобъ, вычиня пустопорожнія нынѣ двѣ деки съ фундаментомъ, по починкѣ переносить на нихъ заложенные кили на другія деки, что̀ онъ почитаетъ четверосуточной работой, по починкѣ декъ; что господа адмиралтейскіе ему сказали, что то безъ имяннаго указа учинить нельзя. И того для пишу нынѣ къ вамъ, чтобъ порожнія деки бы были осмотрены и естьли худы, то бы взя-

ли такія мѣры, чтобъ были поставлены въ твердомъ и прочномъ состояніи, и потомъ естьли прочія деки сумнительны, то бъ кили корабельные были бы перенесены на починятыя деки, а деки, съ коихъ снимутся, были бы также вычинены и приведены въ прочность. Адмиралъ Кновлесъ не думаетъ, чтобъ на починки декъ много времяни надобно, и слѣдовательно и въ корабельномъ строеніи не очень чувствительныя остановки будутъ; все же, чаю, и въ Кронштатѣ по нуждѣ въ каналѣ строить можно будетъ. — О всемъ семъ прошу мнѣ дать знать, что̀ исполнено будетъ и что̀ окажется.

37.

Je vous envoye pour m-r Patton une medaille d'or, il est très fort le maitre de faire des tableaux pour qui bon lui semble et de les faire graver comme il lui plaira. Je souscris *pour une centaine s'estampes*; Pouschkin n'a qu'à tirer l'argent necessaire sur *Olsoufief ou Friedrichs*. Je voudrais aussi avoir dix exemplaires des estampes de chacun des ports et chantiers d'Angleterre que Patton fait graver. Mandés cela à Pouschkin. Est ce que cette demoiselle Iohnson veut quelque chose de moi?

Посылаю вамъ для Паттона золотую медаль; онъ всеконечно можетъ рисовать картины, для кого ему угодно и гравировать ихъ какъ хочетъ. Я подписываюсь на сотню эстамповъ. Пусть Пушкинъ возметъ нужныя деньги у Олсуфьева или Фридрихса. Мнѣ бы хотѣлось также имѣть по десяти экземпляровъ эстамповъ съ каждаго изъ Англійскихъ портовъ и верфей, которые Паттонъ велѣлъ гравировать. Скажите о томъ Пушкину. Что эта дѣвица Джонсонъ, хочетъ ли она отъ меня чего нибудь?

38.

Графъ Иванъ Григорьевичь! Какъ Оренбургскій губернаторъ весьма не богатъ, то, взявъ у Адама Васильевича тысячу рублевъ, отдайте ему, дабы дорога была заплачена et pour le tenir en belle humeur *).

39.

Вѣдомства Государственной Адмиралтейской Коллегіи Конторы Московской парусной фабрики секретарь Гаврила Комаровъ по Имянному Вашего Императорскаго Величества указу жалованья получаетъ по четыреста рублевъ на годъ.

Всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество проситъ о прибавкѣ по Всемилостивѣйше апробованному штату, противъ прочихъ его братій, той Коллегіи секретарей, то есть по пяти сотъ по шестидесяти рублевъ.

Иванъ Григорьевичь! Сей разъ я челобитчица: сія записка мнѣ данная славной и всехвальной г-жей Дмитревной, которая толщиной съ одной госпожей Шмидшей сравняется; есть ли вашъ штатъ дозволитъ сію прибавку, то прошу не оставить милостью своей.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ КНЯЗЮ ДОЛГОРУКОВУ-КРЫМСКОМУ ОТЪ 17 ІЮЛЯ 1771 ГОДА.

Князь Василій Михайловичъ! Вчерашній день обрадована я была вашими вѣстниками, кои пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ образомъ: на разсвѣтѣ конной гвардіи

*) И чтобы его содержать въ добромъ нравѣ.

секундъ-ротмейстеръ князь Иванъ Одоевской со взятіемъ Кафы, въ полдень гвардіи подпоручикъ Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникулы, а предъ захожденіемъ солнца артиллеріи поручикъ Семеновъ [1]) съ ключами всѣхъ сихъ мѣстъ и съ вашими письмами. — Первымъ долгомъ я почла принесть Всевышнему за столь многія Его щедроты со всѣмъ народомъ колѣно-преклоненное благодареніе, въ здѣшнемъ Петропавловскомъ соборѣ, что̀ исполнено сего утра съ пушечною пальбою, и за обѣденнымъ кушаньемъ пили мы здоровье ваше и всѣхъ храбрыхъ при васъ находящихся людей, виновниковъ сегодняшней общей радости, съ пушечною пальбою же.—Признаюсь, что хотя Кафа и великъ городъ и портъ морской, но Еникулъ и Керча открываютъ входъ г-ну Сенявину водой въ тотъ портъ, и для того они много меня обрадовали; благодарствую вамъ и за то, что вы не оставили мнѣ дать знать, что вы уже подняли Россійскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ, и трудами вашими изъ рукъ его исторгнуты.—Человѣкъ въ свѣтѣ распоряжаетъ, но Богъ одинъ опредѣляетъ чему быть; Онъ благословилъ всѣ ваши предпріятія счастливыми успѣхами, вы же съ вашей стороны ничего не пропустили и не проронили, что̀ только могло споспѣшествовать самому дѣлу. Усердіе и искусство ваши увѣнчаны, вы достигли своего предмета, отечеству сдѣлали пользу пріобрѣтеніемъ почти цѣлаго Крымскаго полуострова въ весьма вороткое время, а себѣ пріобрѣли славу. Вы знаете, что по статуту Военнаго Ордена Св. Побѣдоносца Георгія, оный вамъ пранадлежитъ, и для того посылаю вамъ крестъ и звѣзду перваго класса, которые имѣете на себя наложить и носить по установленію.

На починки же вашего экипажа приказала я въ домъ вашъ отпустить шестьдесятъ тысячь рублей. Сына вашего князя Василія поздравьте отъ меня полковникомъ.

Примѣтна мнѣ стала изъ писемъ вашихъ ваша персональная ко мнѣ любовь и привязанность, и для того стала размышлять, чѣмъ бы я при нынѣшнемъ случаѣ могла вамъ сдѣлать съ мой стороны пріязнь; портрета моего въ Крыму нѣтъ, но вы его найдете въ табакеркѣ, кою при семъ къ вамъ посылаю; прошу ее носить, ибо я ее къ вамъ посылаю на память отъ добраго сердца. — Всѣмъ при васъ находящимся скажите мое удовольствіе; я не оставлю отъ васъ рекомендованныхъ наградить, о чемъ уже отъ меня повелѣніе дано; впрочемъ будьте увѣрены, что все вами сдѣланное служитъ къ отмѣнному моему удовольствію, и я остаюсь какъ и всегда къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

P. S. Курьеры ваши мною пожалованы: князь Одоевской армейскимъ полковникомъ, Щербининъ гвардіи поручикомъ, Семеновъ артиллерійскимъ капитаномъ и какъ его батарея привела непріятеля въ конфузію по вашей реляціи, то ему данъ крестъ.

[1]) Александръ Алексѣевичъ, отъ сына коего получено это письмо, сохранившееся у него въ современномъ спискѣ.

П. Б.

РЕСКРИПТЫ И УКАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ А. Н. СЕНЯВИНУ *).

1.

Алексѣй Наумовичь. Я приказала изъ Кабинета отослать къ вамъ десять тысячь рублей на ваше собственное употребленіе.

Изъ Петергофа, въ 7 день Іюля 1768 года.

2.

Указъ нашему контръ-адмиралу Сенявину.

Какъ уже мы предпріяли будущею весною занять Азовъ, и къ тому всѣ сухопутныя распоряженія нами учинены и поручены подъ вѣдѣніе нашему генералу графу Румянцову, то и по морской порученной уже отъ насъ вамъ экспедиціи повелѣваемъ вамъ дѣйствовать по его же графа Румянцова требованію или кто отъ него главнымъ надъ всею сею экспедиціею опредѣленъ будетъ. Вамъ же поручаемъ въ команду и генерала кригсъ-комисара Селиванова съ его коммиссіею. Чего ради имѣете вы сію морскую экспедицію такъ распорядить, чтобы къ будущей веснѣ все къ предписанному мѣсту притти могло; а чтобы вамъ ни въ чемъ недостатка и остановки не было, о томъ мы Адмиралтейской Коллегіи предписали.

Данъ въ С. Петербургѣ въ 7 день Генваря 1769 года.

3.

Указъ нашему контръ-адмиралу Сенявину.

Репортомъ вашимъ отъ 24-го прошедшаго мѣсяца представляете, что вы казачьи лодки для транспортовъ изъ крѣпости святаго Димитрія до Азова и Таганрога находите способными, и для того требовали отъ коменданта Потапова и Донскаго атамана Ефремова извѣстія, сколько таковыхъ лодокъ въ тамошнихъ мѣстахъ сыскать можно. На сіе повелѣваемъ вамъ по полученіи того извѣстія согласно съ вашимъ представленіемъ тѣ лодки исправлять и принимать въ казенное содержаніе, и потомъ за исправленіе и, въ случаѣ разбитія, за все судно заплатить хозяевамъ изъ казны нашей, но прежде договориться о цѣнѣ. Сумму жъ на сіи расходы требовать вамъ отъ Воронежскаго губернатора изъ наличныхъ въ оной губерніи статсъ-конторскихъ доходовъ.

Данъ въ С. Петербургѣ въ 11 день Марта 1769 года.

4.

Указъ нашему контръ-адмиралу Сенявину.

Изъ реляціи генерала графа Румянцова усмотрѣли мы, что генералъ-порутчикъ Вернесъ въ Азовѣ имѣетъ недостатокъ въ лѣсѣ; того для повелѣваемъ вамъ по требованіямъ помянутаго генералъ-порутчика чинить вспоможеніе какъ въ лѣсѣ, такъ и

*) Печатаются со списковъ, сдѣланныхъ съ подлинныхъ писемъ внукомъ Сенявина, Иваномъ Григорьевичемъ Сенявинымъ; списки получены отъ его сына Александра Ивановича. *П. Б.*

въ протчихъ надобностяхъ, какими вы изъ вашего мѣста по возможности снабдить можете, и обо всемъ ономъ имѣть вамъ между собою сношеніе.

Данъ въ С. Петербургѣ въ 3 день Апрѣля 1769 года.

5.

Алексѣй Наумовичъ. Я давно уже не получала отъ васъ извѣстія, что̀ у васъ по вашей коммисіи дѣлается, и хотя Я не сомнѣваюсь, что она продолжится съ успѣхомъ, но не знаю, нѣтъ ли вамъ еще въ чемъ недостатка. Чего ради увѣдомляйте меня почаще, что̀ у васъ происходитъ, а особливо поскорѣе отпишите, нѣтъ ли вамъ въ чемъ какого препятствія или остановки; ибо Я желаю, чтобъ извѣстное мнѣ ваше къ службѣ усердіе ничѣмъ остановляемо не было. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательною.

Изъ С. Петербурга, въ 6 день Апрѣля 1769 года.

6.

Господинъ контръ-адмиралъ Сенявинъ.

Репортъ вашъ отъ 24 Апрѣля Я получила, на которой съ тѣмъ же куріеромъ къ вамъ резолюція прислана будетъ. Теперь послала Я лейбгвардіи прапорщика Соймонова къ генералу порутчику Вернесу съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ ко мнѣ о Азовѣ и Таганрогѣ обстоятельное свѣдѣніе; Я приказала ему и къ вамъ заѣхать, дабы и вы съ нимъ ко Мнѣ отписать могли что̀ за нужно найдете. Прикажите ему показать вѣдомства вашего разныя строенія, чтобъ онъ тѣмъ болѣе въ состояніи былъ Мнѣ обо всемъ подробно пересказать. Я сего желаю для того, дабы узнать, нѣтъ ли вамъ въ чемъ недостатка, и тѣмъ лутчее понятіе имѣть о всѣхъ сихъ мѣстъ обстоятельствахъ, и что на бумагѣ не все такъ подробно описать можно. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательною.

Изъ Царскаго Села, въ 5 день Маія 1769.

7.

Указъ нашему контръ-адмиралу Сенявину.

На представленіе ваше отъ 24-го Апрѣля о вооруженныхъ лодкахъ, повелѣваемъ вамъ оныя вмѣсто Черкаска доставить до крѣпости Святаго Димитрія и отдать ихъ подъ сохраненіе тамошняго коменданта Потапова. Объ употребленіи жъ оныхъ, и какіе на нихъ люди для гребли такъ и для протчаго посажены будутъ, о томъ отъ насъ повелѣнія даны будутъ впредь.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 12 день Маія 1769 г.

8.

Алексѣй Наумовичъ.

Посылаю вамъ гостинца-три чертежа, которые до тамошнихъ мѣстъ принадлежатъ: 1) Разные виды береговъ Чернаго моря даже до Царяграда. 2) Азовское море. 3) Корабль, на Воронежѣ сдѣланный и на воду тамъ же спущенный. Оные, я думаю, если вы ихъ еще не имѣете, будутъ вамъ пріятны, а можетъ быть еще сверхъ того и полезны.

Въ концѣ сего рескрипта собственною Ея Величества рукою приписано:

Пожалуй дайте мнѣ знать, ловко ли по рѣкѣ Міюсѣ плавить лѣса въ

Троицкое что̀ на Таганрогѣ и ваше о томъ разсужденіе, такъ же есть ли по Міюсѣ годные лѣса къ корабельному строенію. Я чаще съ вами въ мысляхъ, нежели къ вамъ пишу. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Сверхъ того на боку рескрипта приписано Ея же Величества рукою: Пожалуй дайте мнѣ знать, какъ нововыдумленныя суда по вашему мнѣнію могутъ быть на водѣ, и сколько надобно напримѣръ время, чтобъ на море выходить могли.

Изъ Ораніенбаума, въ 25 день Маія 1769 г.

9.

Алексѣй Наумовичъ. Изъ письма вашего отъ 23 Маія усмотрѣла я, что все ваше дѣло идетъ, сколько по обстоятельствамъ можно, поспѣшно, за что тебѣ Богъ дастъ здоровья, мнѣ же и то и другое удовольствіе принесетъ. Здѣшнія извѣстія гласятъ, что корабль 94-хъ пушечной спущенъ на воду и окрещенъ Святославъ; дай Боже вамъ съ нимъ увидѣться въ радости. Впрочемъ, гнъ (сіе не есть ошибка, указъ подписанъ) *вицъ-адмиралъ*, остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Полученъ въ С. Петербургѣ, въ 4 день Іюня 1769.

10.

Алексѣй Наумовичъ. Какъ по теперешнимъ обстоятельствамъ и по позднему времени вѣроятно, что на Азовъ уже непріятелъ не осмѣлится предпріятія сдѣлать нынѣшній годъ, и дабы на будущій его наипаче отдалить отъ сего края, нужно и надобно, чтобъ вы сюда пріѣхали, дабы съ вами положить на мѣрѣ можно было дальнія предпріятія вашей экспедиціи; и для того, сдѣлавъ по командѣ вашей надлежащія распоряженія, а наипаче чтобъ ни минуты не остановилось построеніе судовъ во время вашей здѣсь бытности, имѣете вы сюда пріѣхать. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда къ вамъ доброжелательна.

Внизу сего рескрипта приписано:

Между нами сказать, товарищи ваши давно и далеко ускакали, и можно быть, что гг. морскіе еще никогда столько не были обезпокоены какъ нынѣшній годъ; теперь до васъ дѣло доходитъ. Я знаю, что вы оттого не прочь и что вы, такъ какъ я, думаете, что бодростію духа все преодолѣть можно.

О вамъ приключившемся несчастіи кончиною сестры вашей сердечно сожалѣю.

Турецкой флотъ, которой былъ наряженъ къ вамъ, пришелъ въ Кафу, гдѣ бывшія на немъ войски начальника своего и опредѣленнаго надъ провіантомъ убили, и сами невѣдомо куда разбѣжались. Таковы-то всѣ Турецкія войски, которыя больше себѣ нежели намъ вреда причиняютъ.

Изъ Царскаго Села, въ 7 день Сентября 1769 г.

11.

Указъ нашему вице-адмиралу Сенявину.

На двѣ реляціи ваши отъ 30 минувшаго Октября и третію отъ 2-го сего мѣсяца, въ отвѣтъ и въ резолюцію предписываемъ вамъ нижеслѣдующее.

Первою изъ оныхъ доносите вы о расположеніи на сію зиму ввѣренной вамъ флотилии, которое Мы Все-

милостивѣйше апробуемъ; на послѣнія же двѣ, касающіяся до ввѣренной вамъ отъ Насъ экспедиціи и до нужныхъ пріуготовленій, къ произведенію въ дѣйство Нашего вамъ на будущее лѣто объявленнаго намѣренія, объяснимъ Мы вамъ здѣсь на каждый пунктъ особо Наше соизволеніе.

1) Будучи довольны усердіемъ Воронежскаго губернатора Маслова, въ прилагаемыхъ имъ стараніяхъ (къ поспѣшествованію порученной вамъ экспедиціи) и въ нарядѣ по тому въ добавокъ къ прежде наряженнымъ, въ Павловскую и Икорѣцкую верфи, тысячи человѣкамъ конныхъ работниковъ, еще въ добавокъ пятисотъ, да вмѣсто выбылыхъ изъ числа прежде наряженныхъ, двусотъ пятидесяти осми конныхъ, да пѣшихъ трехъ сотъ одного человѣка, Всемилостивѣйше корфирмовали Мы сей его нарядъ, а при томъ и предписали, чтобъ оные какъ возможно скорѣя въ назначенныя мѣста доставлены были, да чтобъ и впредь съ его стороны всякое надлежащее вспоможеніе по порученной вамъ коммиссіи дѣлано было.

2) Требуемыя вами сто паръ воловъ, съ принадлежащимъ числомъ работниковъ и съ зимнею упряжью, повелѣли мы также нашему генералъ-маіору Щербинину, изъ Слободской губерніи наряди немедленно въ вышепомянутыя жъ мѣста доставить, и указъ о томъ для доставленія къ нему отъ васъ съ нарочнымъ, при семъ вложить повелѣли, съ тѣмъ чтобъ съ отправляемымъ могли вы ему знать дать, въ которыя мѣста и къ которому числу оныя доставлены быть должны, а вы имѣете приказать производить имъ надлежащую плату во время ихъ употребленія въ работу.

3) Адмиралтейской Коллегіи повелѣніе наше дано, чтобъ къ построенію извѣстныхъ новоизобрѣтенныхъ судовъ немедленно надлежащее число мастеровыхъ служителей по требованію вашему въ Тавровъ отправлены были, давъ имъ для скорѣйшаго прибытія туда на каждые десять человѣкъ по три подводы.

4) Въ разсужденіи представленныхъ отъ васъ резоновъ, согласны будучи въ томъ, чтобъ помянутыя двѣнадцать судовъ, для неупущенія въ рѣкѣ Дону вешняго наводненія по сдѣланіи корпусовъ, сколько до вскрытія воды успѣть будетъ можно, спущены были; а потому Адмиралтейской Коллегіи и повелѣли генералу кригсъ-комисару Селиванову о томъ равномѣрное повелѣніе дать, съ тѣмъ, чтобъ, спустя сіи суда, съ первою полною водою, велъ онъ въ низъ, производя онымъ въ пути достройку, и чтобъ для сего взялъ съ собою какъ его экспедиціи совѣтниковъ, такъ и надлежащее число мастеровыхъ людей, а по достроеніи тѣ суда, вооружа со всѣмъ подлежащимъ удовольствіемъ, по регламенту отдалъ бы вамъ. Отбытіе жъ ваше въ крѣпость Святаго Димитрія, такъ какъ и данное ему Селиванову повелѣніе, въ построеніи пяти бударъ, Всемилостивѣйше апробуемъ.

5) Надлежащее жъ число служителей на тѣ новоизобрѣтеннаго рода суда, также и требуемыя вами вещи Адмиралтейской Коллегіи велѣно первымъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ отсюда и изъ Москвы въ Тавровъ отправить.

6) На помянутыя выше будары можете вы, сходно съ представленіемъ вашимъ, надобное число изъ пѣшихъ

работниковъ взять, но по прибытіи въ крѣпость Святаго Димитрія отправить ихъ обратно въ ихъ жилища, подъ присмотромъ, заплатя имъ все подлежащее.

7) Когда за мелководіемъ рѣки Дона, извѣстныя строющіяся суда въ море провести иного способа нѣтъ какъ посредствомъ комелей, то согласны Мы въ томъ, чтобъ оныя по тому чертежу, которой вы при реляціи представили, построить, и для того о томъ Адмиралтейской Коллегіи повелѣніе дали, чтобъ на строеніе ихъ, сходно съ представленіемъ вашимъ, приготовляемой на канчебасы лѣсъ и тѣхъ мастеровыхъ употребить, а строеніе канчебасовъ оставить.

8) Равномѣрно апробуемъ Мы и то, что вы вмѣсто ластовыхъ судовъ, потребныхъ для возки военныхъ припасовъ, кои на новоизобрѣтенныхъ судахъ помѣститься не могутъ, намѣрены употребить отданное вамъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ стоящее у Таганрога Турецкое судно, а потому и дозволяемъ вамъ купить и у Турецкаго подданнаго Греченина упомянутое въ реляціи вашей судно жъ, заплатя за оное деньги по оцѣнкѣ и вашему разсмотрѣнію.

9) Бывалыхъ на тѣхъ водахъ людей, гдѣ ввѣренная вамъ флотилія будущую кампанію вояжъ свой имѣть будетъ, имѣете вы въ службу по разсмотрѣнію вашему принимать въ матрозы, съ произведеніемъ положеннаго жалованья, и оныхъ по способности и достоинству награждать деньгами и унтеръ-офицерскими чинами, а сколько и когда принято будетъ, рапортовать въ Коллегію.

10) О построеніи во всѣхъ трехъ пограничныхъ крѣпостяхъ, для поклажи флотскихъ припасовъ и провіанту, магазиновъ и погребовъ, также и для морскихъ служителей свѣтлицъ, Адмиралтейской Коллегіи повелѣніе дано, а чтобъ и съ стороны тамошнихъ комендантовъ нужное вспоможеніе въ томъ оказано и по требованію вашему способныя къ тому мѣста отведены были, и Военной Коллегіи предписаніе сдѣлано.

11) Таганрогскую гавань отдаемъ Мы совсѣмъ въ вѣдомство ваше, Всемилостивѣйше препоручая вамъ поставить оную въ такое состояніе, чтобъ она могла служить какъ убѣжищемъ судамъ, такъ и для построенія оныхъ, а наипаче галеръ и другихъ судовъ по тому мѣсту способныхъ, и чтобъ будущая въ кампанію 770-го году флотилія во оной уже зимовать могла. На все оное повелѣли Мы выдать вамъ на первой случай двѣсти тысячь рублевъ, а какъ соизволеніе Наше есть, чтобъ завести тамо Адмиралтейской Департаментъ и служителей, по мѣрѣ тамошней морской силы, то и имѣете вы, сочиня сему заведенію планъ, представить оной къ Нашему разсмотрѣнію.

12) Вслѣдствіе сего и повелѣли Мы къ возобновленію сей гавани опредѣлить и отправить туда признаннаго вами за способнаго инженеръ-подполковника Збродова, которому, состоя подъ главною вашею командою, быть однакожъ во всемъ въ вѣдомствѣ и тамошняго коменданта брегадира Дежедераса, дабы въ одномъ мѣстѣ разныхъ командъ не было.

13) Для помянутаго выше построенія магазиновъ, погребовъ и свѣтлицъ, такъ же и для возобновленія гавани, повелѣли Мы Адмиралтейской Коллегіи, взявъ отъ васъ подлежа-

щія въ томъ извѣстія, и по смѣтѣ сходно съ вашимъ представленіемъ, надобной лѣсъ заготовить и въ вышеупомянутыя крѣпости доставить, а о нужномъ къ тому съ стороны Донскаго и Волгскаго войска, также и отъ другихъ воинскихъ командъ вспоможеніи и Военной Коллегіи повелѣніе дано.

14) Наконецъ же Адмиралтейской Коллегіи предписано и требуемаго вами архитектора Петрова, для построенія упомянутыхъ въ тѣхъ крѣпостяхъ магазиновъ и погребовъ туда отправить, служителей же употребить вамъ на то, такъ какъ вы представляете, тѣхъ, кои на новоизобрѣтенныхъ судахъ на низъ сплывутъ.

Отъ извѣстнаго вашего къ службѣ усердія и ревности увѣрены Мы, что вы конечно не упустите ничего къ произведенію въ дѣйство всего вамъ порученнаго, къ умноженію тѣмъ оказанныхъ уже вами Намъ заслугъ и Нашего противу того Монаршаго къ вамъ благоволенія.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 10 день Ноября 1769 года.

12.

Указъ нашему вицъ-адмиралу Сенявину.

Вамъ извѣстна цѣль намѣреній Нашихъ къ утвержденію Россійскаго флага на Черномъ морѣ, и хотя Намъ теперь еще невозможно никакого точнаго и рѣшительнаго предпріятія предписать, потому что оное во всѣхъ своихъ мѣрахъ зависимо быть должно отъ будущихъ успѣховъ армій Нашихъ; однако же, имѣвъ въ видѣ сей предметъ, повелѣваемъ вамъ, при отправленіи и исполненіи на мѣстѣ всего того, что̀ вамъ отъ Насъ поручено относительно Азовскаго моря, приложить рачительнѣйшее стараніе и, по самой возможности, безъ потерянія порожняго времени у работниковъ и мастеровыхъ людей вашего вѣдомства, вырубить на три или на четыре фрегата лѣсу, и оной по надлежащимъ лекасамъ или образцамъ, на мѣстѣ заготовляя, сплавливать въ низъ по вашему усмотрѣнію къ крѣпости Святаго Димитрія, или къ Азову, или же и далѣе къ самому Таганрогу, дабы при первомъ удобнѣйшемъ дѣлъ положеніи, возможно было въ самой скорости его доставить къ ближайшему берегу Чернаго моря, и тамъ тотчасъ сколотить и соорудить помянутые фрегаты, величину и препорцію которыхъ Мы по признанному Нами въ васъ отличному искусству въ морскомъ дѣлѣ, совершенно предаемъ вашему собственному разсмотрѣнію и опредѣленію. Ежели же противу Нашего чаянія въ близости тѣхъ мѣстъ не найдется довольнаго числа годнаго на корабли той мѣры лѣса, то имѣете вы также заблаговременно принять и распорядить такія мѣры, дабы вы сей недостатокъ наградить могли къ тому же времени изъ Волгскихъ корабельныхъ лѣсовъ.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 15 день Декабря 1769 года.

13.

Алексѣй Наумовичъ. Изъ приложенія [1]) усмотрите причины, для чего Я за нужно нашла послать къ вамъ оное. Самъ тотъ козакъ также, Я чаю, скоро къ вамъ будетъ, хотя онъ и просится въ Средиземное море, куда благополучно прибылъ адмиралъ

---

[1]) У насъ этого приложенія нѣтъ. *П. Б.*

со флотомъ, и теперь въ Портъ-Магонѣ, по малому отдохновенію, пойдутъ въ путь. Елмановъ въ Англіи и оттудова выѣдетъ въ путь свой съ новымъ Сѣвернымъ Орломъ; первой по справкамъ оказался весь гнилъ. Элфинстонъ въ Англіи. Прощайте, Богъ съ вами и съ вашимъ младенцомъ, а Нашимъ флотомъ на тамошнихъ водахъ; дай Боже вамъ счастливаго успѣха, а Я къ вамъ всегда доброжелательна.

Въ 12 день Января 1770.

14.

Алексѣй Наумовичъ. Я читала письмо ваше къ графу Никитѣ Ивановичу Панину отъ 1 Февраля, въ которомъ вы разсуждаете, что для надежной обороны Азова довольно будетъ къ двумъ находящимся уже тамъ прамамъ довести еще одинъ, которой прошлаго года за мелководіемъ остановился отъ Павловска въ двухъ стахъ пятнадцати верстахъ; а достальные два прама, кои отъ Павловска въ восмидесяти девяти верстахъ остановились и въ коихъ вы теперь тамъ нужды не предвидите, будущимъ лѣтомъ возвратить опять въ Павловскъ и тамъ ихъ хранить впредь до надобнаго случая, людей же на нихъ бывшихъ распредѣлить по прочимъ судамъ. Сіе разсужденіе ваше Я симъ апробую, по чему вы и исполните, а въ Адмиралтейскую Коллегію о томъ для вѣдома указъ посланъ. Впрочемъ пребываю вамъ какъ и всегда доброжелательною.

Изъ С. Петербурга, въ 15 день Февраля 1770.

15.

Алексѣй Наумовичъ. Ваши репорты отъ отъ 4 и 5 Апрѣля Мною получены вчерашняго числа; изъ оныхъ усмотрѣла состояніе вашихъ работъ; кажется болѣе требовать не можно. По Цареградскимъ извѣстіямъ, въ Черное море наряжаются 30 фрегатъ, кои отчасти къ вамъ, а отчасти къ Очакову, къ Дунаю и Варнѣ пойдутъ; на нихъ все есть окромѣ людей: сихъ накакъ еще достать не могутъ. О Спиридовѣ извѣстно, что изъ Магона вышелъ Генваря 24 ч. Въ Мальтѣ былъ и Сицилію проѣхалъ. Сіе вѣрно; слухи же есть, что уже въ Мореѣ высадка сдѣлана и нѣкоторыя крѣпкія мѣста заняты, но подлинныхъ репортовъ нѣту. Елмановъ на Европѣ съ бомбардирскимъ судномъ и нѣсколько наемныхъ 25 Февраля въ Гибралтаръ прибылъ. Элфинстонъ 23-го Марта ожидалъ въ Портсмуту благополучнаго только вѣтра, чтобъ выступить въ путь; онъ Сѣвернаго Орла починилъ, а Святослава перестроилъ; и такъ всѣ наши корабли въ добромъ здоровьи. Что̀ впредь происходить будетъ, не оставлю вамъ при случаѣ сообщить. Прощайте, желаю вамъ здравствовать.

Въ 16 день Апрѣля 1770 г.

16.

Указъ нашему вице-адмиралу Сенявину.

Всѣ чинимыя вами по содержанію репорта вашего отъ 17 минувшаго Марта распоряженія заслужили Наше удовольствіе. Мы надѣемся потому, что вы по извѣстной Намъ вашей ревности къ службѣ достигнете совершенно и во̀ время до исполненія ввѣреннаго вамъ предмета. Прилагаемое вами между тѣмъ попеченіе о предохраненіи отъ болѣзней работающихъ въ Павловской и Икорѣцкой верфяхъ, произвожденіемъ имъ порціи

настоеннаго съ полынью вина, а употребленнымъ при вооруженіи судовъ морскаго провіанта пополамъ съ сухопутнымъ порціи же полыннаго вина, весьма похвально. По чему и соизволяемъ Мы, чтобъ вы какъ издержанныя на сіе, такъ и впредь издерживаемыя деньги ставили на щетъ чрезвычайныхъ по коммисіи вашей росходовъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 22 день Апрѣля 1770.

17.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

На дѣланіе двухъ запасныхъ фрегатовъ повелѣли Мы отпустить въ диспозицію вашу пятдесятъ тысячь рублей изъ подушныхъ вѣдомства Главнаго Комисаріата денегъ въ Воронежѣ, или если тамо столько наличныхъ денегъ нѣтъ, то изъ ближнихъ къ Воронежу мѣстъ.

Данъ въ 30 день Маія 1770 года.

18.

Алексѣй Наумовичъ. На прошедшей недѣлѣ получили Мы отъ графа Федора Григорьевича Орлова пріятнѣйшую для Насъ вѣдомость о благополучномъ прибытіи къ Морейскимъ портамъ одной части Нашего флота, и что высаженные онымъ на берегъ люди нѣсколькими городами овладѣли; все сіе и изъ приложеннаго при семъ вы пространнѣе увидите. Я ѣздила отсюда въ городъ для принесенія благодарственныхъ молебствій Всевышнему за Его къ Намъ благодѣянія, что̀ и учинено въ морской Святаго Николая Церкви, при пушечной съ обѣихъ Санктпетербургскихъ крѣпостей пальбѣ. Вы же по полученіи сего имѣете въ вашемъ мѣстѣ тоже самое учинить, дабы и находящіеся подъ вашею командою морскіе приняли участіе въ сихъ первоначальныхъ успѣхахъ Нашего флота. Мы, ожидая отъ васъ въ свое время подобнаго, пребываемъ вамъ доброжелательною.

Изъ Царскаго Села, въ 1 день Іюня 1770 года.

19.

Указъ нашему вице-адмиралу Сенявину.

Находя основательными представленія ваши отъ 31-го минувшаго Маія о неудобствахъ сплавливанія въ Азовское море потребнаго на строеніе повелѣнныхъ Нами фрегатовъ лѣса, соизволяемъ Мы, чтобъ сіи фрегаты строены были въ тѣхъ мѣстахъ на Хопрѣ, гдѣ лѣса найдены, или индѣ гдѣ вы залучше признаете, и сплавливаны были бъ оттоль въ море на комеляхъ. Мы полагаемся по тому во всемъ семъ на ваше на мѣстѣ благоусмотрѣніе, и надѣемся на дознанную Нами ревность вашу къ службѣ, что вы почтитесь исправить все безъ замедленія и ко времени.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 21 день Іюля 1770 года.

20.

Алексѣй Наумовичъ. Третьяго дня получила Я при семъ слѣдующее извѣстіе, которое кажется въ себѣ не заключаетъ сумнѣнія; но куріеръ въ Италіи, чаю, найдетъ такой строгой шестинедѣльной карантинъ, что никакъ еще сюда скоро быть не можетъ. Съ симъ славнымъ происшествіемъ васъ поздравляю. Не дивитеся тому, что гр. Ал. Гр. Орловъ

командиромъ въ семъ случаѣ былъ всего флота. Онъ, по случаю ссоръ, несогласія и непослушанія г-дъ плывущихъ, принужденъ былъ наконецъ поднять на кораблѣ контръ-адмирала Грейга кайзерфлагъ, чрезъ что возстановилъ паки порядокъ и послушаніе. Прощайте, желаю вамъ здоровья и счастья. Остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Въ 3 день Сентября 1770.

21.

Алексѣй Наумовичъ. При семъ прилагаю печатную копію съ реляціи графа Алексѣя Григ. Орлова ко мнѣ о знаменитой имъ одержанной побѣдѣ и истребленіи Турецкаго флота, за что Мы Богу приносили благодареніе въ морской церкви 14 числа сего мѣсяца. Графу же Орлову Я приказала оставить кайзерфлагъ, котораго онъ умѣлъ кстати и хорошо употребить, пока живъ, съ позволеніемъ онаго употребить на нашихъ корабляхъ. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать. Репорты ваши отъ 2 ч. Сентября Я вчерась получила.

Въ 23 день Сентября 1770 г.

22.

Указъ нашему вице-адмиралу Сенявину.

Для изъясненій по коммисіи вашей и снабженія потребными вамъ наставленіями, признаемъ Мы за нужно, чтобъ вы нынѣ сюда пріѣхали; но сіе повелѣваемъ Мы вамъ однакожъ въ такомъ только случаѣ, когда возложенныя на васъ дѣла вамъ то дозволятъ, и отсутствіе ваше не можетъ причинить никакой имъ остановки.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 27 день Ноября 1770 года.

23.

Указъ нашему вице-адмиралу Сенявину.

По поданному вами 28-го минувшаго Февраля докладу повелѣли Мы, чтобъ потребныя на екипированіе строющихся въ Новохоперской верфи двухъ фрегатовъ тридцать тысячь рублевъ вамъ отпущены были. Производимое вами въ Новопавловскѣ строеніе двухъ палубныхъ для сихъ фрегатовъ ботовъ Мы заблагопріемлемъ; и дозволяемъ вамъ также построить для транспортовъ при флотиліи, вмѣсто разбитыхъ четырнадцати военныхъ лодокъ, еще десять палубныхъ же большихъ ботовъ. Сверхъ сего повелѣваемъ вамъ построить для перевоза провіанта и протчихъ тягостей изъ крѣпости Святаго Димитрія въ Таганрогъ и къ стоющейся новой линіи такія суда, какія вы, снесясь съ Нашимъ генералъ-порутчикомъ Деденевымъ, за способныя къ тому признаете. На построеніе же сихъ судовъ и помянутыхъ десяти ботовъ повелѣли Мы отпустить вамъ двадцать тысячь рублевъ.

Данъ въ С. Петербургѣ во 2 день Марта 1771 года.

24.

Божіею Милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Какъ польза дѣлъ и службы Нашей требуютъ, чтобъ собственнымъ вашимъ попеченіемъ новозаведенная на Азовскомъ морѣ и вами самими предводительствуемая флотилія купно съ опредѣленнымъ на нее сухо-

путнымъ войскомъ для десанта употреблена была при намѣряемой нынѣшнимъ лѣтомъ на Крымъ экспедиціи согласно и одновременно съ походомъ и военными дѣйствіями второй Нашей арміи подъ командою генерала князя Долгорукова; то въ ближайшее вамъ объясненіе всѣхъ видовъ, порядка и степеней сей экспедиціи, слѣдовательно же и въ точное по онымъ руководство во всемъ томъ, что̀ частно до васъ принадлежать можетъ, разсудили Мы за нужно сообщить вамъ здѣсь въ приложенной копіи полное пространство предписаннаго генералу князю Долгорукову подробнаго операціоннаго плана, дабы вы съ своей стороны оному во всѣхъ случаяхъ по крайней возможности способствовали и тѣмъ взаимно другъ другу въ общемъ подвигѣ дѣлали облегченіе.

Означенный операціонный планъ объемлетъ самъ по себѣ довольно всю ту связь, которая долженствуетъ быть между сухопутными и морскими оборотами и предпріятіями; чего ради, не входя здѣсь въ повтореніе частей до флотиліи принадлежащихъ, потому что оныя тамъ уже въ полной мѣрѣ описаны, удовольствуемся Мы только препоручить бдѣнности и раченію вашимъ скорѣйшее вооруженіе флотиліи и скорѣйшее выступленіе съ нею въ море, дабы до приближенія арміи къ Перекопи выиграть нужное время къ перевозу провіянта изъ Таганрога въ Петровскую крѣпость, въ довольномъ количествѣ для всякой востребующейся надобности, о чемъ вы не оставите заранѣе описаться съ генераломъ княземъ Долгоруковымъ, открывая отнынѣ съ нимъ точное, вѣрное и безпосредственное сношеніе, которое и продолжайте въ поспѣшествованіе славѣ оружія Нашего и въ собственное общимъ вашимъ подвигамъ подкрѣпленіе чрезъ все время кампаніи; ибо симъ способомъ будете вы вездѣ взаимно находить одинъ другаго полезнымъ себѣ содѣйственникомъ и соревнителемъ.

Для удобности и прикрытія вышеупомянутаго на лодкахъ перевоза провіянта изъ Таганрога въ Петровскую крѣпость, кажется, что пунктъ устья рѣки Берды способенъ къ тому, чтобъ флотиліи по выходѣ въ море остановясь на ономъ ожидать отъ арміи извѣстія о походѣ и точномъ времени приближенія, какъ ея къ Перекопи, такъ и деташированнаго чрезъ Сивашъ корпуса къ Енишѣ, дабы лодкамъ ея за нѣсколько дней до того, когда послѣдній прибудетъ къ своему мѣсту, найтиться близь оного съ провіянтомъ и для способствованія самой переправы его.

Время и обстоятельства покажутъ вамъ тогда, будетъ ли при такомъ упражненіи лодокъ настоять какая либо опасность отъ непріятеля съ морской стороны? Въ случаѣ могущей быть дѣйствительной опасности, не оставите вы конечно сами собою принять къ огражденію себя и лодокъ всѣ нужныя и возможныя осторожности, занимая съ флотиліею въ ближнихъ водахъ, какъ напримѣръ прошедъ Ѳеодотову косу, такую позицію, съ которой бы непріятельской эскадрѣ путь къ Енишѣ безпечно пресѣкаемъ быть могъ, въ чемъ Мы на дознанное выше искусство съ полною довѣренностію полагаемся. Да и по самому свойству судовъ Нашихъ, яко они глубокихъ водъ не требуютъ, не безъ основанія мнимъ, что Туркамъ, въ разсужденіи тягости и глубокаго хода судовъ ихъ, не будетъ возможности инако приближиться къ флоти-

ліи вашей, какъ развѣ когда сами вы, по усмотрѣніи выгодныхъ аспектовъ, руководствуясь мужествомъ и ревностію о славѣ Отечества, признаете за полезно вытти къ нимъ на встрѣчу и дать имъ вновь чувствовать силу и превосходство побѣдоноснаго Нашего оружія.

Если же никакой опасности не будетъ съ стороны непріятеля въ морѣ, въ такомъ случаѣ не будетъ и нужды долго оставаться флотиліи въ близости марширующаго чрезъ Сивашъ корпуса; чего ради воспособствовавъ ему въ переходѣ чрезъ Eниши и удѣля потомъ съ лодокъ потребное число провіянта, попеченіе ваше оставаться будетъ въ томъ, какимъ образомъ согласиться вамъ съ главнымъ командиромъ того корпуса о мѣстѣ и времени, когда и гдѣ высадить вамъ сухопутныя свои войска для общаго его съ нимъ предпріятія на Арабатъ, Керчь и Еникуль, а вамъ тогда оныя съ морской стороны по вашему искусству сильнѣйшимъ образомъ подкрѣплять. Хотя въ слѣдствіе извѣстнаго вамъ намѣренія Нашего о Крымскомъ полуостровѣ и надобно будетъ укрѣпиться во всѣхъ сихъ трехъ мѣстахъ по занятіи ихъ, но послѣднее изъ оныхъ, то есть Еникуль, какъ ключь прохода изъ Чернаго моря въ Азовское, требуетъ особливаго уваженія; и потому Мы укрѣпленіе онаго, снабдѣніе всѣмъ нужнымъ и приведеніе въ такое состояніе, чтобъ флотилія въ немъ чрезъ зиму остаться могла, поручаемъ вашему особливому и ревностному попеченію, яко главнаго морскаго начальника, которой тутъ всю свою команду учредить имѣетъ, развѣ вновь пріобрѣтеніе города Кафы на берегахъ Чернаго моря представитъ положеніемъ своимъ бо̀льшія къ тому выгоды и удобности и рѣшитъ на себя преложеніе тамошняго Морскаго Нашего Департамента; въ чемъ однакожъ при настояніи случая предварительное употребленіе Еникуля не только не произведетъ напраснаго убытка и остановокъ, но и можетъ еще преподать разныя небезважныя способности на толь близкомъ между ими разстояніи.

Но которое изъ сихъ обоихъ мѣстъ, по обозрѣніи локальныхъ выгодностей и неудобствъ, ни будетъ послѣ избрано стапелемъ для морской Нашей силы въ Черномъ морѣ, оное весьма равно; ибо на первой случай въ томъ только и нужда, чтобъ ближайшее скорѣе получить въ свои руки и поставить въ немъ для переду твердую и непоколебимую ногу права, собственности и соучаствованія Нашего въ тамошнихъ водахъ, коимъ Россія толь долгое время другимъ уваженіямъ жертвовать принуждена была.

Такимъ образомъ, сколь скоро Еникуль взятъ будетъ, и вы въ состояніи себя увидите на зиму тамъ остановиться и взять твердую ногу, то и имѣете приказать немедленно туда же быть и обоимъ новопостроеннымъ фрегатамъ со всѣми къ дальнѣйшему пребыванію нужными запасами и людьми, дабы флотилія въ семъ новомъ мѣстѣ никакого недостатка не имѣла и могла быть какъ возможно скорѣе въ совершенной исправности къ послѣдующимъ впредь военнымъ дѣйствіямъ.

На могущіе у васъ быть чрезвычайные расходы опредѣляемъ Мы сумму пятнадцать тысячь рублевъ, которую вы отъ Нашего генерала прокурора получить имѣете. Употребленіе сихъ денегъ въ поспѣшествованіе дѣлъ и службы Нашей надежно ввѣряемъ Мы вѣрности и разборчивости вашей, отнюдь не сумнѣваясь, что

вы съ одной стороны денегъ напрасно тратить не станете, а съ другой и ничего полезнаго за невмѣстною экономіею не упустите, въ чемъ собственное ваше благоразуміе, смотря по времени и обстоятельствамъ, истинную мѣру и посредство опредѣлять долженствуетъ. И пребываемъ вамъ въ прочемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 7 день Марта 1771 года.

25.

Копія съ рескрипта къ генералу аншефу князю Долгорукову отъ 7 Марта 1771 года.

Въ данномъ вамъ при отъѣздѣ отсюда рескриптѣ Нашемъ положены уже первыя основанія и начертанія для военныхъ на сей годъ операцій ввѣренной предводительству вашему арміи, по которымъ, зная довольно патріотическое ваше къ службѣ усердіе, и не сумнѣваемся Мы, чтобъ не были отъ васъ благовременно распоряжены всѣ нужныя мѣры и способности, а съ другой стороны извѣстно вамъ построеніе особливой морской флотиліи для Азовскаго моря подъ попеченіемъ вице-адмирала Сенявина. И какъ теперь наступаетъ уже время къ самому отверстію кампаніи, то и признали Мы за нужно преподать вамъ къ ближайшему вашему управленію точнѣйшія наставленія, да и самой въ подробностяхъ планъ къ занятію и покоренію Крыма съ содѣйствіемъ оной вооруженной флотиліи, такова содержанія:

При выступленіи войскъ изъ квартиръ для защищенія и охраненія границъ, оставить на линіи и въ крѣпостяхъ въ командѣ генералъ-поручика графа Остермана роты изъ остающихся отъ полковъ двуротныхъ командъ и все теперь въ командѣ его состоящее легкое войско, а въ Елисаветградской провинціи сверхъ находящихся въ крѣпости Святыя Елисаветы гарнизонныхъ баталіоновъ и оставшихъ отъ поселенныхъ гусарскихъ полковъ эскадроновъ, отправленныя туда изъ двуротныхъ же командъ роты. Для прикрытія жъ какъ всего пространства между Днѣпра и Днѣстра отъ чинимыхъ выходящимъ иногда изъ Очакова непріятелемъ набѣговъ и для поиску надъ онымъ въ случаѣ къ тому оказывающейся способности, такъ и для сохраненія свободной отъ арміи къ Бендерамъ коммуникаціи, командировать на Бугъ къ устью рѣки Чертолы, одного генералъ-маіора съ Запорожскимъ войскомъ, придавъ ему изъ расположенныхъ въ Елисаветградской провинціи двуротныхъ командъ роты двѣ мушкатеръ и нѣсколько эскадроновъ изъ поселенныхъ остающихся тамъ гусаръ и нѣсколько полевыхъ пушекъ; а къ устью Ингульца, что̀ впадаетъ въ Днѣпръ, для обезпеченія переправы и разныхъ водою транспортовъ изъ Сѣчи, отрядить одного штабъ-офицера и съ нимъ нѣсколько Запорожскихъ казаковъ, и обоимъ симъ деташаментамъ въ назначиваемыя мѣста прибыть въ тоже время какъ и вся армія въ главномъ своемъ сборномъ мѣстѣ, (которое назначивается близь новой линіи около Александровской крѣпости) находиться будетъ.

По собраніи же всей арміи у сего главнаго сборнаго мѣста, выступить оной въ дальнѣйшій походъ къ Крыму и маршировать держась Днѣпра до урочища Балкиваливалы, что̀ противъ Кизикерменю, а отъ онаго

къ Перекопской линіи, куда и можетъ прибыть къ 1-му Іюню.

Предъ выступленіемъ всей арміи съ главнаго сборнаго мѣста, отдѣлить корпусъ подъ командою одного генерала, состоящій до четырехъ баталіоновъ пѣхоты, около ста егерей, эскадроновъ до пяти гусаръ, Донскихъ казаковъ до тысячи и Малороссійскихъ сотъ до трехъ, придавъ оному сверхъ баталіонной артиллеріи, нѣсколько пушекъ изъ парку. Сему корпусу взять походъ свой къ Молочнымъ Водамъ и стараться, чтобъ въ самое тожъ время, въ которое прибудетъ армія къ Перекопу, прибыть и ему противъ Ениши и Шунгара, и тогда когда армія устремляться будетъ къ переходу чрезъ линію, перейтить и ему и Ениши, способомъ флотиліи.

По прибытіи жъ арміи изъ главнаго сборнаго мѣста, изъ команды новой Днѣпровской линіи имѣть разъѣзды въ степи между сею линіею и Перекопомъ лежащей, также и по косамъ Азовскаго моря и внутрь земли, а изъ Таганрога до Берды.

Когда жъ армія прибудетъ къ урочищу Балкиваливалы, то у сего мѣста сдѣлать большій редутъ, въ которомъ бы и провіянтской магазинъ помѣстить можно было, и оставить въ ономъ одного штабъ-офицера съ двумя ротами мушкатеръ и сотъ до шести козаковъ, съ эскадрономъ карабинеръ или драгунъ и нѣсколькими пушками, какъ для прикрытія коммуникаціи, такъ и для примѣчанія на Кинбурнъ; а сверхъ того командировать еще одного штабъ-офицера и съ такою же командою къ Каланчамъ, какъ для равномѣрнаго на Кинбурнъ примѣчанія, такъ и для поиску надъ непріятелемъ при случаѣ къ тому способности; въ слѣдованіе жъ арміи мимо Черной Долины сдѣлать у сего мѣста для свободности всякаго отправленія редутъ, въ которомъ оставить также ста два козаковъ, при одномъ офицерѣ съ пушкою.

Вамъ по прибытіи съ арміею къ Перекопской линіи, отправя всѣ опорожнившіяся въ подвозномъ магазинѣ повозки назадъ для наполненія оныхъ провіянтомъ и обратнаго доставленія къ арміи, не мѣшкавъ ничего, всевозможныя старанія употребить оную линію пройтить и, овладѣвъ батареею на первомъ ея флангѣ, сдѣлать тутъ редутъ, въ которомъ и учредить магазинъ, и для непрестаннаго привозу въ оной провіянта изъ оставленныхъ позади магазиновъ отрядить отъ арміи надлежащее число повозокъ; а между тѣмъ дѣлать покушеніе на Перекопскую крѣпость, и если оную тотчасъ схватить возможности не будетъ, то оставить для блокированія ея, подъ командою одного генерала, пѣхоты баталіоновъ до шести (или по достовѣрному освѣдомленію, смотря по числу состоящаго въ оной гарнизону, котораго, по теперешнимъ извѣстіямъ и по малости сей крѣпости, не можетъ въ ней помѣститься болѣе какъ до тысячи пяти сотъ человѣкъ), эскадроновъ до пяти гусаръ, полкъ кавалерійской и до полуторы тысячи казаковъ, и велѣть ему бомбардированіемъ и минами стараться оную покорить; а по занятіи учрежденный въ редутѣ провіянтской магазинъ перевести въ сію крѣпость.

Вамъ же самимъ съ арміею слѣдовать къ Карасбазару, и если бъ въ то время деташированному къ Енишу и Шунгару корпусу невозможно еще было у Ениши перейтить, то оному слѣдовать на Сивашъ, а арміи ми-

моходомъ, атаковавъ и разбивъ толпу препятствующую сему переходу, оставить при томъ корпусѣ часть своихъ понтоновъ и продолжать путь свой, размѣряя оной по движеніямъ слѣдующаго чрезъ Сивашъ корпуса. Въ правую жъ отъ себя сторону, для прикрытія своего марша, а особливо случающихся транспортовъ, отрядить нѣкоторую команду.

Касательно жъ до упомянутаго чрезъ Сивашъ слѣдующаго корпуса, когда воспрепятствуется ему перейтить у Ениши способомъ флотиліи, и перейдетъ онъ уже у Шунгаръ помощію арміи чрезъ понтоны, то тогда иттить ему по лѣвую сторону арміи и стараться по понтоннымъ мостамъ перейтить на мысъ земли и маршировать онымъ къ Арабату, и совокупными силами съ флотиліею симъ городомъ овладѣть; буде жъ бы флотиліи воспрепятствовано было туда подоспѣть, то вамъ отдѣлиться отъ арміи къ усиленію сего корпуса столько, сколько по обстоятельствамъ за нужно почтете, дабы сіе мѣсто конечно взято было, тѣмъ больше, что хотя бы флотъ Турецкой и предуспѣть могъ войтить въ Азовское море, то взятье сей крѣпости понудитъ его съ поспѣшностію предпринять обратной путь, дабы иначе самому въ заперти на остаться. По овладѣніи жъ Арабатомъ иттить тому корпусу къ Керчи и Еникулю и стараться сіи оба мѣста также взять, а арміи слѣдовать къ Кафѣ.

Корпусу, назначенному къ овладѣнію Перекопской крѣпости, оставя въ ней въ гарнизонѣ одинъ баталіонъ, большую часть осадной артиллеріи и нѣсколько Малороссійскихъ казаковъ, иттить къ Козлову, а занявъ сіе мѣсто и оставя въ немъ также гарнизонъ, слѣдовать къ Бакчисараю и до Балаклавы, которую равномѣрно взять, буде возможно будетъ.

По овладѣніи Арабатомъ, Керчею и Еникулемъ, стараться вамъ овладѣть и Белбекомъ.

Какъ при всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ важнѣйшее ваше попеченіе состоять будетъ въ изысканіи способовъ къ продовольствію и пропитанію ввѣренныхъ вамъ войскъ, то при движеніяхъ наиглавнѣйше того наблюдать, чтобъ оныя измѣряемы были по способамъ доставленія себѣ продовольствія въ началѣ изъ учрежденныхъ къ тому мѣстъ, а потомъ и полученіемъ онаго съ наблюденіемъ дисциплины съ земли, чего для при вступленіи въ Крымъ наистрожайше запретить, чтобъ жилищъ не разорять и не жечь, скота не больше брать какъ только что̀ нужно будетъ для продовольствія, и съ жителями обходиться человѣколюбиво. А чтобъ ихъ нѣкоторымъ образомъ удержать въ неоставленіи своихъ жилищъ и въ покоѣ, то вступя въ Крымъ манифестомъ обнародовать, что если останутся они спокойны и не будутъ вооружаться, то съ ними поступлено будетъ милостиво, а въ противномъ случаѣ подвергнутъ они себя всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою обнаженіе меча.

Сколько наконецъ ни сходственны кажутся сіи движенія съ положеніемъ земли и съ представляющимся непріятелемъ, скорое однакожъ оныхъ исполненіе подвергается случающимся препятствіямъ, какъ то медленнымъ иногда доставленіемъ пропитанія, иногда же принятіемъ надлежащей осторожности отъ толпы предстоящаго непріятеля: но для отвращенія сего послѣдняго, нѣтъ лучшаго средства, какъ только храбро его вездѣ атаковать и поражать.

Когда жъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находиться будутъ Турецкіе гарнизоны, не иначе бы захотѣли они сдаваться какъ съ тѣмъ, чтобъ отпустить ихъ въ ихъ отечество, то на сіе соглашаться и отправлять оныхъ въ Варну, а отнюдь не въ Азію; а тѣмъ судамъ нашимъ, на которыхъ они пересаживаны будутъ, иттить уже въ Дунай къ нашимъ гарнизонамъ, если возможность къ тому будетъ.

При выступленіи войскъ Нашихъ въ Крымъ, могутъ тамошніе жители найтиться раздѣленными на двѣ части, то есть одна не захочетъ воевать, а другая будетъ противною; въ такомъ случаѣ когда которые изъ сей противной части попадутся въ плѣнъ, то поступать съ ними строжае для устрашенія прочихъ.

Изъ существа самой вещи довольно явствуетъ, что движенія, обороты и самыя дѣйствія разныхъ отъ арміи вашей частныхъ корпусовъ долженствуютъ имѣть взаимный размѣръ времени и способностей съ флотиліею; почему для толь нужной и взаимной связи между вами и командующимъ ею вице-адмираломъ Сенявинымъ весьма надобно, дабы вы оба нынѣ же открыли заранѣе одинъ съ другимъ точное, вѣрное и безпосредственное сношеніе и продолжали онымъ въ поспѣшествованіе славѣ оружія Нашего и въ собственное общимъ подвигамъ вашимъ облегченіе чрезъ все время кампаніи; ибо симъ способомъ будете вы вездѣ взаимно находить одинъ другаго полезнымъ себѣ содѣйственникомъ и соревнителемъ.

Мы повелѣли для вящаго вамъ руководства приложить здѣсь копію съ рескрипта Нашего сему вице-адмиралу, коимъ даны ему точныя предписанія касательно удѣльныхъ его дѣйствій, а въ ономъ между прочимъ найдете вы, что и ему таковое же какъ и вамъ повелѣніе дано, равно какъ и о употребленіи изъ флотиліи лодокъ къ перевозу провіянта изъ Таганрога къ Петровской крѣпости, до того времени, пока армія ваша приближеніемъ своимъ къ Перекопу будетъ оставлять на то свободы.

Выше сего упомянуто въ своемъ мѣстѣ о публикованіи по входѣ въ Крымъ манифеста. Мы повелѣли сочинить оной здѣсь на тѣхъ самыхъ политическихъ основаніяхъ, которыя до сихъ поръ въ негоціаціяхъ съ другими Татарскими ордами произвели уже столь много плода. За тѣмъ попеченія вашего будетъ долгъ сей манифестъ по слѣдующей при семъ формѣ [1]) какъ можно болѣе и скорѣе пристойными средствами обнародовать во всемъ Крымскомъ полуостровѣ тотчасъ по вступленіи вашемъ въ оной, а потомъ по точному содержанію и словамъ манифеста, съ одной стороны исполнять противъ упорныхъ строгость права военнаго, съ другой же напротивъ того ласково выслушивать и принимать добровольно покоряющихся оружію Нашему, а наипаче всѣхъ вообще извѣстными резонами собтсвенной пользы, вольности и будущаго блаженства склонять и убѣждать къ низверженію съ себя ненавистнаго ига Порты Оттоманской и къ составленію общаго дѣла съ тѣми изъ собратіи ихъ, кои онаго общимъ своимъ совѣтомъ и присвоеніемъ себѣ Нашего покровительства навсегда уже совершенно освобождаются. Если обстоятельства сами по себѣ, или же по успѣхамъ операцій вашихъ будутъ представлять какія либо удоб-

[1]) Ея у насъ не имѣется. *П. Б.*

ности къ приведенію на хорошія мысли самаго ли хана Крымскаго, намѣстника ли его въ Крыму командующаго, кого либо изъ султановъ и знатныхъ мурзъ, или же цѣлыхъ Татарскихъ родовъ, въ таковыхъ случаяхъ, пользуясь искусно выгодою момента, не оставляйте ничего къ пріобрѣтенію и обнадеженію себѣ успѣха. Собственное ваше усмотрѣніе будетъ вамъ достаточно открывать на мѣстѣ, гдѣ, когда и какія средства съ вящшею пользою употреблять, чрезъ словесныя ли внушенія, письма или же посылку нарочныхъ людей.

Не излишно тутъ примѣтить, что теперь нельзя еще надѣяться, дабы всѣ Крымскіе Татара захотѣли или могли вдругъ приступить къ намѣренію Нашему, и для того на первой случай можно будетъ и тѣмъ уже довольствоваться, чтобъ въ мысляхъ и желаніяхъ ихъ сначала распространять разногласіе и частно одни роды за другими привлекать и пріобщать къ Нашей сторонѣ, назначивая и отводя первопокоряющимся только цѣлыми родами, или по крайней мѣрѣ большими кучами, а не мелкими частями, удобныя къ обитанію мѣста по образу ихъ жизни въ самомъ Крымскомъ полуостровѣ тамъ, гдѣ бы ихъ расположеніе арміи Нашей, отъ прочихъ Татаръ отдѣляя, въ тоже время и достаточно на зиму обезпечивало. Можно надѣяться, что симъ образомъ не невозможно будетъ и всѣ Татарскіе въ Крыму роды перетянуть въ соединеніе подъ сѣнь покровительства Нашего, когда они чрезъ опытъ увидятъ, что преждепокорившіеся живутъ подъ онымъ неутѣсненно въ покоѣ, тишинѣ и безопасности и что вся Наша цѣль идетъ главнѣйше къ развязанію ихъ съ Турками.

Мы несумнѣнно ожидаемъ отъ ревности и раченія вашего, что вы и въ сей нынѣ на васъ возлагаемой политической части дѣлъ Нашихъ не меньше потщитесь оправдать довѣренность Нашу, сколько и въ военной собственнаго вашего званія, по которой хотя Мы симъ рескриптомъ по Нашимъ собственнымъ издали усмотрѣніямъ и предписали вамъ нѣкоторыя частныя мѣры операцій вашихъ, но совсѣмъ тѣмъ однакожъ Мы всего болѣе полагаемся на ваше собственное усмотрѣніе по каждому мѣсту и времени, отнюдь не связывая вамъ рукъ брать, учреждать и въ дѣйство производить такія мѣры и подвиги въ военныхъ дѣйствіяхъ, каковые вамъ лутчими представляться будутъ для надежнѣйшаго достиженія ввѣреннаго вамъ отъ Насъ предмета.

26.

Алексѣй Наумовичъ. Если вы въ порученномъ вамъ дѣлѣ можете обойтиться безъ генерала кригсъ-комисара Селиванова, то мое соизволеніе есть, чтобъ вы его отпустили сюда; если же онъ вамъ необходимо нуженъ, то въ такомъ случаѣ оставьте его у себя.

Изъ С. Петербурга, въ 17 день Марта 1771.

Въ прочемъ желаю вамъ щастливаго пути и пребываю къ вамъ доброжелательна. *Екатерина*.

27.

Алексѣй Наумовичъ. По теперешнимъ обстоятельствамъ весьма полезно будетъ если вы, какъ скоро только вамъ можно будетъ, дѣйствительно приступите, въ Кафѣ, или гдѣ вамъ

способнѣе покажется, къ построенію тѣхъ фрегатъ, для коихъ у васъ лѣса приготовлено, и для того, дабы вамъ всякое возможное вспоможеніе сдѣлано было отъ командующаго генерала, пишу я сего дня къ князю Василью Михаил. Долгорукому, и остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательна.

Въ 25 день Іюля 1771.

Внизу сего рескрипта приписано Ея же Величества рукою:

О своемъ сгорѣвшемъ домѣ не тужи. Я приказала его поставить въ прежнемъ состояніи.

28.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

По дошедшимъ до Насъ извѣстіямъ, находятся въ Крымскомъ полуостровѣ дубовые и сосновые лѣса; изъ послѣднихъ по объявленію тамошнихъ жителей, Турки бирали на мачты для своихъ судовъ; а потому желая Мы узнать подлинность сего, повелѣваемъ вамъ отправить отъ себя офицеровъ для осмотру и описанія помянутыхъ лѣсовъ, и если найдутся оные годными къ корабельному строенію, въ такомъ случаѣ имѣете вы построить въ Крыму два, а по крайней мѣрѣ одинъ шестидесяти пушечной корабль. И по сему учинить Намъ ваши представленія о возможности производства симъ предписуемаго, дабы Мы заблаговременно могли снабдить васъ къ тому всѣмъ нужнымъ. И пребываемъ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 29 день Августа 1771.

Внизу сего указа приписано Ея Величества рукою:

Осмотръ въ лѣсахъ имѣете дѣлать, сносясь съ г. кн: Васи: Ми: Долгоруковымъ, дабы симъ Татары не были встревожены, ни огорчены. Я же, въ запасъ, если бы въ лѣсахъ въ Крыму не было удобности, приказала на два шестидесятные корабли доставить лѣсъ изъ Казани въ Азовъ.

29.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Послѣдніе рапорты ваши мы получили и съ удовольствіемъ видѣли изъ содержанія оныхъ, сколь ревностно трудитесь вы всегда въ исполненіи намѣреній Нашихъ. Отдавая вамъ въ томъ справедливость, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Ордена Нашего Святаго Александра и повелѣваемъ возложить на себя и носить по обыкновенію посылаемые къ вамъ при семъ знаки онаго. По такомъ изъявленіи вамъ Нашего благоволенія уповаемъ Мы, что вы потщитесь продолжать службу съ такою же свойственною вамъ ревностію, и подадите намъ случаи къ оказанію вамъ новыхъ опытовъ монаршей милости Нашей и щедроты.

На представленія жъ ваши объявляемъ вамъ.

Предводительствуемая вами на Азовскомъ морѣ флотилія построена была единственно для охраненія занятыхъ на томъ морѣ мѣстъ, прикрытія чинимыхъ подвозовъ и оказанія Нашей на томъ морѣ власти и потому совершенно соотвѣтствовала сему положенному о ней намѣренію;

а сверхъ того достаточна она и къ возбраненію прохода непріятельскихъ силъ изъ Чернаго моря въ Азовское. Но какъ теперь не имѣетъ непріятель на Черномъ морѣ военныхъ судовъ, а Намъ напротивъ того по отторженіи Крыма отъ Турковъ можетъ случиться нужда перевозить людей и припасы Чернымъ моремъ, то соизволяемъ Мы, чтобъ вы, оставя нѣсколько судовъ флотиліи вашей для охраненія помянутаго въ Черное море пролива, сдѣлали протчія не столь валки и къ плаванію удобнѣе. Почему и можете вы согласно съ собственнымъ вашимъ мнѣніемъ облегчить ихъ въ числѣ и тягости орудій и учредить непремѣнныя по тому передѣлки, имѣя однакожъ всегда предметомъ, чтобъ и оныя если не атаковать, то по малой мѣрѣ обороняться могли.

Построеніе въ Крыму двухъ шестидесяти пушечныхъ кораблей по встрѣтившимся затрудненіямъ и неимѣнію мѣста къ ихъ содержанію Мы отмѣняемъ; но вмѣсто того заблагоразсудили построить на Дону два фрегата по сдѣланному адмираломъ Нольсомъ чертежу, признанные лутчими и способными къ плаванію на Азовскомъ и на Черномъ морѣ. Они будутъ мельче въ ходу построенныхъ уже тамъ фрегатовъ. Заготовленные вами еще на два фрегата лѣса могутъ годиться и для сихъ по новому чертежу судовъ. И такъ повелѣвая вамъ исполненіе сего, опредѣлили Мы вамъ для такого строенія на первой случай пятдесятъ тысячь рублевъ. Адмиралтейская жъ Коллегія доставитъ вамъ нынѣ помянутой чертежъ и возметъ на себя попеченіе въ приготовленіи назначенныхъ на сіи фрегаты мѣдныхъ орудій, имѣя на то уже и потребныя деньги.

Наконецъ разсуждая о мѣстѣ пребыванія вашего, находимъ Мы, что вамъ надобно быть тамъ, гдѣ присутствіе ваше будетъ нужнѣе, а потому и дозволяемъ вамъ переѣзжать изъ флотиліи въ порты и верфи и возвращаться во флотилію по вашему благоразсужденію, не дожидаясь о томъ особливаго отъ Насъ указа. И пребываемъ вамъ въ прочемъ императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 26 день Декабря 1771.

30.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Приготовляясь къ открытію будущей кампаніи, поручили Мы отправляемому нынѣ въ Молдавію Нашему адмиралу Нольсу поправить взятыя у непріятеля суда, кои годными найдутся къ морскому плаванію и построить новыя, сколько время и тамошніе на мѣстѣ способы дозволить могутъ. Вамъ же симъ повелѣваемъ отправить, сколь скоро ходъ по морю начнется, половину новоизобрѣтенныхъ флотиліи вашей судовъ къ устью Дунайскому, оставя другую при себѣ для охраненія прохода въ Азовское море и Крымскихъ береговъ, и предписать командиру первыхъ, чтобъ по приходѣ туда увѣдомилъ онъ помянутаго адмирала и былъ подъ его повелѣніями. Между тѣмъ имѣете вы стараться окончить и вооружить скорѣе построенныя на Дону два фрегата, а потомъ итти съ ними тудажъ и равномѣрно ожидать его повелѣній. Въ протчемъ повелѣвая вамъ также

увѣдомлять его о всемъ, что̀ вы по сему учините, ожидаемъ Мы отъ извѣстнаго Намъ усердія и ревности вашей, что сіе соизволеніе Наше какъ можно скорѣе исполнено будетъ и не встрѣтитъ никакихъ препятствъ; ибо надобность службы Нашей въ семъ дѣлѣ требуетъ дѣйствительнаго исполненія, а не тщетныхъ затрудненій и переписокъ. Пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 8 день Февраля 1772.

31.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

На репортъ вашъ отъ 22-го прошедшаго Іюня, объявляемъ вамъ симъ Наше соизволеніе: что по постановленіи перемирія съ Турками, не предвидится теперь надобности отправлять половину командуемой вами флотиліи въ устье Дунайское, а напротивъ того обстоятельства требуютъ, чтобъ оная крейсировала около Крымскаго полуострова даже до Бессарабскихъ береговъ, какъ для узнанія тамошняго моря, такъ и для пресѣченія всякаго сообщенія въ непріятельскую сторону, если бы паче всякаго чаянія Татара на противные замыслы поступить вознамѣрились. Къ подобному жъ крейсированію употребить имѣете вы и достроиваемые у Таганрога фрегаты, какъ скоро каждой изъ нихъ готовъ и вооруженъ будетъ. Самимъ вамъ итти съ нимъ точно не придписываемъ, а надѣемся, что вы предпочтете быть тамъ, гдѣ присутствіе ваше будетъ нужнѣе. Въ прочемъ хотя и уповаемъ, что соглашенія Нашихъ и Турецкихъ полномочныхъ, кои вскорѣ начаться имѣютъ, увѣнчаны будутъ утвержденіемъ желаемаго мира; но, упреждая однакожъ непредвидимыя того слѣдствія, повеваемъ и вамъ быть въ готовности къ учиненію какъ самыхъ противъ непріятеля дѣйствій, такъ и однихъ оказательствъ оныхъ. Вамъ надобно потому продолжать ваши помянутымъ полномочнымъ Нашимъ о состояніи флотиліи доношенія и исполнять все, что̀ вамъ отъ нихъ предписано будетъ. О семъ данномъ вамъ повелѣніи Мы ихъ уже увѣдомили; вы же можете знать дать о томъ отъ себя Нашему генералу князю Долгорукову. А какъ вамъ извѣстно, что Керчь и Еникуль предполагаются отъ Насъ при негоціаціи съ Татарами мѣстами содержанія Нашего флота и впредь на Черномъ морѣ; то потому и надлежитъ вамъ отнынѣ же обратить вашъ видъ и мѣры къ тѣмъ мѣстамъ такимъ образомъ, дабы безъ особеннаго предпріятія и натуральнымъ образомъ суда вашей флотиліи ко времени окончанія крейсированія ихъ могли возвращаться и возвратиться туда, яко въ способнѣйшій портъ для защиты Крымскаго полуострова отъ нечаяннаго съ Турецкой стороны моремъ покушенія, о чемъ, при усмотрѣніи надобности или какого либо нужнаго вспоможенія, имѣете вы сноситься съ Нашимъ полномочнымъ въ тамошней области генералъ-поручтчикомъ Щербининымъ и съ командующимъ тамъ Нашими войсками генералъ-поручтчикомъ княземъ Щербатовымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 17 день Августа 1772.

32.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица

Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Хотя рескриптомъ Нашимъ отъ 17-го Августа и предписано вамъ было, чтобъ командуемая вами флотилія крейсировала около Крымскаго полуострова, съ предоставленіемъ на благоусмотрѣніе ваше быть вамъ самимъ тамо, гдѣ вы присутствіе ваше признаете нужнѣйшимъ; но нынѣ, въ разсужденіи внезапно произшедшаго разрыва мирнаго Нашего съ Турками конгреса, Мы за нужно поставляемъ симъ вамъ наисильнѣйшимъ оброзомъ рекомендовать, чтобы со всею вашею флотиліею и со всѣми судами, въ дѣйство употребиться могущими, устремили вы всѣ ваши удобьвозможныя силы и бдѣніе къ охраненію отъ непріятельскаго нападенія Крымскихъ береговъ и къ содержанію въ обузданности вашей онаго полуострова, не всчиная однако же никакихъ военныхъ дѣйствій въ противность заключеннаго съ Турками перемирія до самаго его истеченія, а и тогда главнѣйше надобно будетъ обращать ваши мѣры такимъ образомъ, чтобы силы ваши могли служить дѣйствительнѣйше къ оборонѣ и отпору военныхъ отъ непріятеля транспортовъ на Крымскіе берега, нежели къ какимъ особеннымъ наступательнымъ съ Нашей стороны предпріятіямъ во время остатка настоящей кампаніи. Вы имѣете для сего, безъ малѣйшаго потерянія времени, отправиться своею особою въ Еникуль или Керчь и, избравъ изъ сихъ двухъ мѣстъ, установить въ одномъ удобнѣйшемъ вашъ этаблисементъ, дабы вы, находясь тутъ, могли дѣйствовать удобнѣе въ силу сего Нашего вамъ предписанія. Равнымъ образомъ, для пользы и способствованія сему дѣлу, Мы высочайше повелѣваемъ о распоряженіи вашемъ снестися и согласиться съ командующимъ въ Крыму Нашими войсками генераломъ порутчикомъ княземъ Щербатовымъ и съ предводительствующимъ второю арміею Нашимъ генералъ-аншефомъ княземъ Долгоруковымъ. Мы надѣемся, что, въ семъ критическомъ положеніи дѣлъ Нашихъ, не будетъ недостатка ни въ вашей ревности къ службѣ толь довольно уже испытанной, ни въ благоразумномъ отъ васъ принятіи мѣръ, нужныхъ для дѣйствительнаго исполненія содержанія сего Нашего рескрипта. Въ протчемъ пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 4 день Сентября 1772.

33.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Какъ для полученія нужныхъ локальныхъ свѣдѣній о крѣпостяхъ Крымскаго полуострова Керчи и Еникуля, которыя вамъ теперь во всѣхъ ихъ частяхъ совершенно извѣстны быть могутъ, такъ и для соображенія, по истинному тамошнему положенію и обстоятельствамъ, будущихъ Нашихъ въ той сторонѣ мѣръ и расположеній, желаемъ Мы, чтобъ вы немедленно сюда ко Двору Нашему пріѣхали, сдѣлавъ напередъ въ вашемъ мѣстѣ достаточныя опредѣленія, дабы во время отлучки вашей въ дѣлахъ вамъ ввѣренныхъ никакого упущенія или недоразумѣнія послѣдовать не могло. Въ протчемъ пребываемъ Мы

вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 29 день Декабря 1772.

*

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Отъ вицъ-адмирала и кавалера Сенявина

всеподданнѣйшій докладъ.

На подлинномъ послѣдовала собственноручная Ея Величества резолюція:
Выдать десять тысячь рублей.
Въ С.Петербургѣ въ 18-й день Февраля 1773 года.

Во Всевысочайшемъ Вашего Императорскаго Величества рескриптѣ 7 Марта 1771 года предписано: на могущіе у меня быть чрезвычайные расходы опредѣляется сумма пятнадцать тысячь рублевъ, и употребленіе сихъ денегъ въ поспѣшествованіе дѣлъ и службы Вашего Императорскаго Величества надежно ввѣрили вѣрности и разборчивости моей, отнюдь не сумнѣваясь, что съ одной стороны денегъ напрасно тратить не стану, а съ другой и ничего полезнаго за невмѣстною экономіею не упущу.

И во исполненіе того Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, я, принявъ означенную сумму денегъ пятнадцать тысячь рублевъ, и по ввѣренной мнѣ экспедиціи употреблялъ какъ на прогоны курьерамъ, на покупку нужнаго для обращающихъ ввѣренной мнѣ флотиліи служителей и подкрѣпленію ихъ при перемѣнныхъ и необыкновенныхъ имъ воздухахъ здоровья, и ради больныхъ пищи, и посыланнымъ отъ меня въ возможныя мѣста описателямъ береговъ Азовскаго и Чернаго моря и на Крымскомъ полуостровѣ лѣсовъ, также на подарки изъ Крымскихъ обывателей тѣмъ, кои приговорены и посыланы отъ меня были для развѣдыванія съ противной стороны обстоятельствъ, каковыми чрезъ годъ и одиннадцать мѣсяцевъ употребленіями вся вышеозначенная сумма пятнадцать тысячь рублевъ издержана въ расходъ.

А какъ предвидится, что и въ предбудущую кампанію на таковой же расходъ потребны деньги, коихъ каковую сумму Ваше Императорское Величество предопредѣлить соизволите, всеподданнѣйше испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества Указа.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Алексѣй Сенявинъ.

Февраля„ "дня 1773.

*

Экстрактъ изъ протокола Совѣта 18 Февраля 1773.

Впущенъ былъ вицъ-адмиралъ Сенявинъ и на вопросы Совѣта донесъ, что ко времени окончанія перемирія надѣется онъ отправить въ Черное море къ Кефѣ и Балаклавѣ одинъ фрегатъ и четыре или пять новоизобрѣтенныхъ судовъ; и что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, получа изъ Таганрога потребной провіантъ, и остальныя готовы будутъ и могутъ въ Маіѣ соединиться съ преждеотправленными. И потому Совѣтъ положилъ, чтобъ онъ то исполнилъ и охраня потребнымъ числомъ судовъ проливъ изъ Азовскаго моря въ Черное, защищалъ прочими Крымскіе берега до Іюня мѣсяца, а потомъ дѣлалъ

возможные надъ непріятелемъ поиски, не упуская однакожъ никогда изъ виду сего предписываемаго ему обезпечиванія Азовскаго моря и Крымскихъ береговъ.

34.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Въ слѣдствіе докладовъ вашихъ повелѣли Мы отпустить въ вѣдомство ваше на чрезвычайные расходы здѣсь изъ Монетной Экспедиціи десять тысячь рублей серебреною монетою, а на построеніе для Донской флотиліи четырехъ галіотовъ десять же тысячь рублей изъ статсъ-конторскихъ или камеръ-коллежскихъ доходовъ въ Новопавловскѣ или гдѣ по близости онаго деньги состоятъ, и о томъ дали въ тѣ мѣста особые указы. По чему и имѣете вы о пріемѣ и употребленіи оныхъ денегъ сдѣлать надлежащее съ своей стороны распоряженіе.

Въ 20 день Февраля 1773.

35.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Предписавъ Мы нынѣ Нашему генералу аншефу князю Долгорукову, какимъ образомъ имѣетъ онъ поступать на случай продолжающейся съ Портою Оттоманскою войны, въ разсужденіи приведенія въ безопасность Крымскаго полуострова, зависимыми отъ него способами, тожъ самое препоручаемъ и вамъ, въ разсужденіи чаемыхъ отъ непріятеля десантовъ, которые вы и будете стараться состоящею въ вашемъ вѣдомствѣ и предводительствѣ флотиліею охранять, употребляя для стражи пролива изъ Азовскаго въ Черное море потребное число судовъ, а протчими защищая и Крымскіе берега до Іюня мѣсяца, то есть до времени, пока генералъ аншефъ князь Долгоруковъ въ состояніи найдется во внутренности сего полуострова всѣ принадлежащія къ тамошней безопасности принять мѣры, а за тѣмъ можете вы уже и надъ непріятелемъ производить поиски, не упуская однако же никогда изъ виду и обезпечиванія Азовскаго моря и Крымскихъ береговъ, въ чемъ во всемъ Мы совершенную полагая надежду на ваше къ службѣ Нашей усердіе и испытанное искусство, пребываемъ въ протчемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 6 день Марта 1773.

*

Копія съ рескрипта къ генералу аншефу князю Долгорукову отъ 6 Марта 1773-го года.

При настоящемъ Нашихъ съ Портою Оттоманскою дѣлъ положеніи, хотя и больше совершеніе мира, толь давно ожиданнаго, нежели продолженіе войны прознаменующемъ, какъ однакожъ осторожность требуетъ, чтобъ на случай безплодно иногда оканчивающейся мирной негоціаціи быть въ готовности и въ состояніи къ военнымъ противъ непріятеля дѣйствіямъ; то Мы, уважая открывающуюся вскорѣ къ тому и по времени года удобность, за нужное находимъ препоручить вашему попеченію и заботѣ охраненіе Крымскаго полуострова отъ противныхъ покушеній и обезпечиваніе и всѣхъ Нашихъ границъ безопасностію, которыя мо-

гли бъ быть подвержены какому либо безпокойству и нашествію.

Въ слѣдствіе сего имѣете вы находящіяся нынѣ въ Крымѣ войска приготовить къ оборонѣ, а и протчія въ вашемъ предводительствѣ находящіяся въ такомъ заблаговременно содержать расположеніи, чтобъ оныя къ подкрѣпленію служить могли по обстоятельствамъ, употребляя по вашему благоизобрѣтенію и полки изъ первой Нашей арміи къ вамъ пришедшіе, а о содѣйствіи вамъ и флотиліею нынѣ же равнымъ образомъ дано Наше повелѣніе вице-адмаралу Сенявину.

Между тѣмъ, стараясь вы не допустить непріятеля войти и утвердиться въ Крымѣ, не меньше съ другой стороны стараться будете, чтобъ пріемлемыя вами въ томъ мѣры были сообразны съ Нашими о тамошнихъ жителяхъ и всѣхъ Нагайскихъ Татарахъ, отторженныхъ и отрекшихся отъ подданства Турецкаго, видами, то есть, чтобъ непріятель не имѣлъ успѣха, способомъ и употребленіемъ съ стороны вашей предосторожностей, а однакожъ и Крымскіе жители данныя Нашимъ именемъ обѣщанія и непосредственно и отъ Насъ Самихъ подтвержденныя, видѣли рачительно исполняемыми. Но ежели напротивъ того сущая нужда востребовала бъ перемѣны сихъ правилъ, въ такомъ случаѣ будете уже поступать по лутчему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію, сохраняя славу Нашего оружія и слѣдовательно съ Крымцами пріятельски обращаясь, между тѣмъ по всей пристойной терпѣливости дотолѣ, пока будетъ возможно и службѣ и пользѣ Нашей не предосудительно; а буде удостовѣритесь о явномъ Татаръ съ непріятелемъ сложеніи и недоброжелательствѣ къ Намъ, и всѣ бы увѣщанія и легкіе способы, чтобъ ихъ отъ того отвратить, были бы уже тщетны, или бы и время короткое и ожесточеніе ихъ не дозволило вселить между ими разномыслія для удержанія однихъ другими отъ противнаго поведенія, тогда не оставите устрашить и самихъ Татаръ и отвлечь отъ пособствованія Туркамъ обращеніемъ и противъ ихъ воинскихъ поисковъ, представляя и воображая и ихъ уже, при общемъ и совершенномъ въ пользу Порты Оттоманской развращеніи, не инако какъ сущими непріятелями жъ, недостойными Нашего призрѣнія, а заслуживающими тягость гнѣва Нашего за свое вѣроломство.

Что́ касается до Ногайскихъ ордъ, на Кубанѣ теперь находящихся, они Крымскому полуострову соображаясь при обстоятельствахъ толико благополучныхъ, а между тѣмъ производя плутовство и переписываясь съ Портою, по жадности къ корыстолюбію, легкими быть видятся къ содержанію и въ благочиніи, пока Крымъ въ Нашихъ рукахъ останется: ибо по всѣмъ ихъ перепискамъ съ Портою, будучи они теперь въ углу заключенномъ Нашими предѣлами, кажется ничего явно противнаго сдѣлать не посмѣютъ, и сіе примѣчаніе служить вамъ будетъ къ тому, чтобъ забота ваша и до нихъ распростерлась, поколику въ общій вашъ планъ то относиться имѣетъ по оказывающемуся впредь обращенію оныхъ.

Сказавъ Мы вамъ такимъ образомъ Наши мысли на случай продолженія съ Портою войны, повторяемъ вамъ и еще оныя сокращенно, что оборона Крымскаго полуострова отъ Турецкихъ десантовъ имѣетъ быть главнѣйшимъ вашимъ упражненіемъ, и при томъ и удержаніе Татаръ въ

спокойномъ состояніи, легкими способами и соглашеніемъ съ ихъ начальствомъ, строгими же по самой только необходимости, и что употребленіемъ и сихъ послѣднихъ, не пораженіе и истребленіе ихъ искаться долженствуетъ, какъ паче возбужденіе къ истинному раскаянію, и въ чемъ во всемъ полагаясь Мы на вашу разборчивость, пребываемъ въ протчемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

36.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Увѣдомясь изъ послѣднихъ рапортовъ вашихъ о пріобрѣтенной вновь капитаномъ Кинсбергомъ надъ непріятелемъ у Суджукъ-Кале поверхности и о походѣ вашемъ тудажъ для нанесенія бо́льшаго ему вреда, восхотѣли Мы изъявить вамъ симъ Монаршее Наше удовольствіе и повелѣваемъ вамъ воздать Именемъ Нашимъ похвалу какъ реченному капитану, такъ и всѣмъ съ нимъ въ томъ дѣлѣ участвовавшимъ. Просимыя вами однимъ изъ тѣхъ рапортовъ на починку судовъ пятдесятъ тысячь рублевъ, Мы указали отпустить вамъ немедленно, а при томъ и еще пятдесятъ же тысячь рублевъ для построенія вновь двухъ или трехъ военныхъ судовъ. Мы оставляемъ вамъ на волю опредѣлить имъ родъ и величину, смотря по лутчей удобности плаванія въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ; а повелѣваемъ только, чтобъ сіи суда къ будущей веснѣ непремѣнно построены и всѣ понынѣ построенныя починены и въ готовости содержаны были. Полагаясь въ точномъ сего исполненіи на извѣстное Намъ ваше усердіе, пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 9 день Октября 1773.

37.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Какъ теперь приближается время къ отверстію кампаніи, то и нужно здѣсь знать, сколько и какихъ судовъ имѣете вы на лицо, гдѣ оныя находятся, въ какую пору можете вы съ ними явиться въ море, и всѣми ли вдругъ или же частями одною послѣ другой, дабы примѣчаніе за непріятельскими движеніями какъ можно ранѣе начать и претятствовать по возможности всякимъ покушеніямъ Турковъ на Крымской полуостровъ.

А между тѣмъ усмотря изъ репорта вашего отъ 6-го Февраля, что повелѣнные три новые фрегата дѣйствительно уже стараніемъ вашимъ заложены на Новохоперской верфи, несумнѣнно ожидаемъ Мы, что вы въ достройкѣ оныхъ употребите по крайней возможности тщательнѣйшее ваше попеченіе и надзираніе, дабы въ семъ случаѣ воля Наша какъ можно скорѣе исполнена быть могла.

Что принадлежитъ до наряда работниковъ и подводъ къ возкѣ потребнаго для сихъ фрегатовъ лѣса, въ томъ предпочтительно желаемъ Мы, чтобъ вы обще съ Воронежскимъ губернаторомъ генералъ порутчикомъ Шетневымъ постарались исправить всякую остановку и недостатокъ вольными наемными людьми и лошадьми; но если бъ оныхъ никакъ ко времени получить не можно было, въ такомъ случаѣ позволяемъ Мы вамъ истребо-

вать надлежащее число людей и лошадь отъ помянутаго губернатора, которой съ своей стороны имѣетъ, въ слѣдствіе сего Нашего, какъ бы на собственное его имя даннаго, указа, учинить нарядъ въ непродолжительномъ времени изъ ближнихъ по способности жилищъ Воронежской губерніи. Въ протчемъ пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 28 день Февраля 1774.

38.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Мы весьма довольны, что вы, получа извѣстіе о заключеніи мира съ Турками, оставили до указа Нашего въ Керчѣ всѣ суда ввѣренной вамъ флотиліи. Вамъ безъ сумнѣнія извѣстно, что учинившія въ Крымъ десантъ Турецкія войски тамъ еще остались, а генералъ Нашъ князь Долгоруковъ, хотя и выдвинулъ часть войскъ своихъ изъ внутри Крыма, но получа по оному наставленія Наши, остался самъ и войски остановилъ въ Перекопи. Мы не думаемъ, чтобъ Турки похотѣли жертвовать возстановленную тишину одержаннымъ малымъ своимъ выгодамъ; но и не можемъ со всѣмъ тѣмъ взирать спокойно на ихъ тамъ пребываніе, могущее разрушить сооруженную Нами Татарскую независимость. Въ сихъ обстоятельствахъ предписали Мы Нашему генералу фельдмаршалу графу Румянцову привесть сіи дѣла въ надлежащій порядокъ и размѣрять возвращеніе завоеванныхъ земель съ выходомъ изъ Крыма Турковъ; а для удобнѣйшаго сего исполненія и поручили мы въ его жъ главное управленіе, уволя князя Долгорукова по его просьбѣ въ домъ, и остающіяся еще въ той сторонѣ войски второй Нашей арміи. По такому дѣлъ положенію равномѣрно нужно оставить и всѣ суда флотиліи Нашей, а по крайней мѣрѣ большую часть при Керчѣ, и содержать ихъ въ военной исправности, доколѣ оныя до желаемаго конца доведены будутъ, и сколько то сдѣлать позволитъ приближающееся зимнее время. Вамъ надлежитъ по тому установить частую съ реченнымъ Нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ переписку и исполнять всѣ даваемыя отъ него вамъ на сей случай наставленія.

По окончаніи сихъ дѣлъ вы можете, оставя при Керчѣ одни фрегаты, отправить протчія суда въ Таганрогъ. Между тѣмъ имѣете вы Намъ донесть, могутъ ли сіи фрегаты въ Керченской заливъ введены быть и зимовать въ ономъ разоруженныя; а дабы узнать также, не лутче ли содержать ихъ, или нѣкоторое ихъ число, при Кинбурнѣ, надобно вамъ отправить въ ту крѣпость, сколь скоро оная Намъ по трактату отдана будетъ, искуснаго морскаго офицера, для снятія карты ея принадлежностямъ и описанія всѣхъ натуральныхъ тамо выгодъ и неудобствъ къ плаванію и содержанію разной величины судовъ, также и можно ли обратить ихъ въ пользу и спокойство одержанной Нами настоящимъ миромъ чрезъ Черное море торговли.

Въ протчемъ Мы согласны, чтобъ построенные въ Новохоперской верфи и за мелководіемъ въ Хопрѣ остававшіеся два фрегата назадъ возвра-

щены и тамъ сохраняемы были; похваляемъ, что вы остановили строеніе третьяго и велѣли также хранить и заготовленные уже тамъ лѣса; и дозволяемъ вамъ при томъ распустить всѣхъ собранныхъ для сего съ провинцій работниковъ въ ихъ домы.

Наконецъ имѣемъ Мы изъявить вамъ Монаршее Наше благоволеніе за ревность вашу въ исправленіи порученныхъ вамъ отъ Насъ дѣлъ и обнадежить васъ, что Мы не оставимъ сохранить то въ памяти Нашей и пребудемъ всегда Нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

Данъ въ С.Петербургѣ, въ 27 день Сентября 1774.

39.

Алексѣй Наумовичъ. Изъ отпущенныхъ вамъ въ прошломъ 1773 году на чрезвычайные расходы десяти тысячь рублей возьмите себѣ три тысячи рублей, кои Мы вамъ жалуемъ.

Изъ С. Петербурга, въ 14 день Ноября 1774.

40.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

По доставленіи Имперіи Нашей вожделѣннаго мира, желаемъ Мы положить основаніе и полезному ей плаванію на Азовскомъ и Черномъ моряхъ; и потому для потребныхъ о семъ объясненій Всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ пріѣхать нынѣшнимъ зимнимъ путемъ въ Москву обще съ контръ-адмираломъ Нашимъ Чичаговымъ; флотилію же имѣете поручить въ вѣдомство старшаго капитана, снабдя его наставленіями какъ о содержаніи оной во всей исправности, такъ и о поправленіи обѣтшалыхъ и поврежденныхъ судовъ. Въ протчемъ пребываемъ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 5 день Генваря 1775.

41.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину

По разсмотрѣніи представленныхъ вами о состояніи Азовской Нашей флотиліи вѣдомостей, за потребно признали Мы учинить нынѣ въ оной слѣдующія сходныя съ возстановленнымъ спокойствіемъ и нужною всегда осторожностію распоряженія.

1-е. Къ заведенію и производству по Черному морю торговли опредѣляемъ два первые фрегата и всѣ четыре галіота; и по тому соизволяемъ, чтобъ вы ихъ къ сему приготовили непремѣнно для нынѣшней кампаніи. Снявъ съ фрегатовъ пушки и задѣлавъ порты, должно оставить для могущей случиться нужды только оканешныя пушки, на фрегатахъ по шести, а на галіотахъ по двѣ; флаги жъ на всѣхъ оныхъ имѣть купеческіе.

2-е. Построенные по Нольсову чертежу фрегаты повелѣваемъ поправить и сдѣлать къ плаванію способными; два изъ послѣднихъ фрегатовъ, кои уже готовы, содержать во всей исправности, а третій достроить; остающіяся же въ Балаклавѣ суда, ежели можно, починить и привесть къ Та-

ганрогу; и все сіе исполнить конечно къ будущему году.

3-е. На случай надобности и дабы удержать Татаръ страхомъ въ покоѣ и отъ своевольствъ, соизволяемъ вооружить къ сей кампаніи три или четыре судна для временнаго по Азовскому морю плаванія, и два для бытья брандвахтами въ проливѣ изъ Чернаго моря и у Таганрога.

4-е. Къ всегдашнему между Таганрога и Керчи и между Керчи и Константинополемъ перевозу писемъ назначиваемъ четыре судна, которыя, какъ почтовыя, должны имѣть флаги пакетботные.

5-е. Оставляя вамъ выборъ назначенныхъ къ вооруженію и вмѣсто патетботовъ судовъ изъ новоизобрѣтенныхъ или иныхъ по вашему искусству и лутчей ихъ къ одному и другому способности, поручаемъ и протчія суда въ ваше же единственное распоряженіе. По сему и можете вы употребить нѣкоторыя изъ нихъ къ перевозу припасовъ и другихъ потребностей изъ мѣста въ мѣсто по Азовскому морю, и одинъ прамъ на киленбанкъ, а остальныя за тѣмъ, содержа въ непрестанной готовности, хранить на будущее время. О томъ же, что̀ когда вы учините, имѣете для извѣстія доносить Намъ и Нашей Адмиралтейской Коллегіи.

6-е. Въ слѣдствіе всего того надлежитъ вамъ опредѣлить нынѣ на тѣ суда, кои вооружены быть имѣютъ, и кои будутъ торговыя, почтовыя и перевозныя, потребное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ и немедленно заготовить для нихъ морской провизіи на семь мѣсяцевъ; а излишнихъ за распредѣленіемъ фицеровъ и другихъ оставить при флотиліи же до указа и доколѣ учредимъ статъ оной. На повелѣнную жъ достройку и поправленіе судовъ, также и на чрезвычайные ваши расходы, указали Мы отпустить вамъ теперь тридцать тысячь рублевъ. Наконецъ

7-е. По прежнему представленію вашему дозволяемъ къ строенію Таганрожской гавани употреблять ежедневно по четыре ста человѣкъ изъ находящихся въ Таганрогѣ каторжныхъ. О семъ соизволеніи Нашемъ имѣете вы сами для исполненія по оному объявить тамошнему коменданту. Въ прочемъ пребываемъ Мы вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Москвѣ, во 2 день Апрѣля 1775.

42.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вице-адмиралу Сенявину.

Вице-президентъ Нашъ графъ Чернышевъ представлялъ Намъ поданной ему вами рапортъ, которымъ вы, донеся, что сведено въ крѣпость Св. Димитрія для перевоза водою до пяти тысячь Турецкихъ плѣнныхъ, испрашивали указа о употребленіи къ тому всѣхъ судовъ Азовской флотиліи, не исключая назначенныхъ къ торговлѣ и вооруженію, также и о возложеніи прокормленія оныхъ на коменданта помянутой крѣпости, и въ рѣшеніе на сіе объявляемъ вамъ Наше соизволеніе.

Сколько мы ни желаемъ, чтобъ всѣ сіи плѣнные водою и въ разные Турецкіе порты перевезены были, дабы тѣмъ лутче спознать можно Черное море во всѣхъ его частяхъ; но по

великому ихъ числу нельзя однакожъ сего исполнить, и для того поручаемъ вамъ постараться развесть ихъ сколько можно болѣе въ ближніе уже Турецкіе жъ порты и ни мало не касаясь Татарскихъ жилищъ. Къ перевозу оныхъ можете вы употребить всѣ суда, кромѣ назначенныхъ Нами къ торговлѣ, опредѣля сколько возможно для доставленія въ Крымскія и другія Наши крѣпости пропитанія и прочихъ надобностей и содержанія брандвахтъ. На всѣхъ тѣхъ судахъ, кои повезутъ плѣнныхъ, надлежитъ согласно съ заключеннымъ съ Портою трактатомъ оставить только сканешныя пушки и имѣть торговые флаги. Остальные же за всѣмъ перевозомъ плѣнные могутъ препровождены быть сухимъ путемъ въ Очаковъ; и о семъ, равно же и о прокормленіи всѣхъ ихъ, дано будетъ повелѣніе оберъ-коменданту крѣпости Св. Димитрія отъ Нашей Военной Коллегіи.

По отъѣздѣ вашемъ сюда, оставленные вами во флотиліи начальники отреклись безъ вашего приказа исполнять требованія генералъ-поручика князя Прозоровскаго въ дачѣ судовъ для перевоза пропитанія и другихъ потребъ, нужныхъ войскамъ и крѣпостямъ Нашимъ. Генералъ-фельдмаршалъ Нашъ графъ Румянцовъ, извѣстясь о семъ, представлялъ Намъ; и Мы, уважа оное и упреждая могущія случиться отъ такого разноначальства худыя слѣдствія, заблагоразсудили, чтобъ пока о томъ сдѣлано будетъ навсегда положеніе, всѣ находящіяся военныя при Крымскихъ Нашихъ крѣпостяхъ суда были подъ повелѣніями начальствующаго тамъ сухопутными Нашими войсками и исполняли его приказанія. Сверхъ того вамъ повелѣваемъ вспомогать оному всѣми способами по его требованіямъ, не токмо въ доставленіи провіанта, сколько то можно, но ежели бъ надобно было и мастеровыхъ, не дѣлая однакожъ тѣмъ у себя остановки и недостатка; и дабы сіе не послужило къ одной отговоркѣ и подчиненными вашими исполняемо было, Мы возлагаемъ въ томъ на васъ полную надежду. Въ случаѣ же временной вашей отъ флотиліи отлучки, имѣете вы предписывать оставляемымъ вами командирамъ надъ флотиліею, чтобъ они непремѣнно по сему исполняли и не требовали, дабы не упустить надобнаго и способнаго времени, вашихъ дозволеній, а доносили только о томъ вамъ и куда надлежитъ для единаго извѣстія. Давъ знать рѣченному Нашему генералъ-фельдмаршалу о семъ Нашемъ соизволеніи, снабдили Мы его при томъ и нужнымъ свѣдѣніемъ о учиненныхъ по флотиліи распоряженіяхъ, дабы онъ и начальствующіе надъ войсками въ Крыму, зная то, не употребляли распредѣленныхъ уже Нами судовъ ни къ чему другому. Въ прочемъ пребываемъ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ селѣ Братовщинѣ, въ 21 день Мая 1775.

43.

Алексѣй Наумовичъ. При семъ посылаю къ вамъ четыре карты Двинской работы: двѣ 1765, одна сдѣланная Вейсманомъ, другая ген: пор: Элмптомъ, третія 1766 года, да четвертая 1768 года, да еще приложила Я письмо ген: губернатора Броуна, третьяго дня полученное. Сличая карты, увидите, какъ вода въ песчаномъ грунтѣ дѣйствуетъ, когда искусство не помогаетъ. Богъ милостивъ, будетъ и на вашей улицѣ праздникъ.

44.

Алексѣй Наумовичъ. Знаки ордена Святаго Апостола Андрея, отъ Насъ вамъ жалуемые, на себя возложите. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

Изъ С. Петербурга, въ 30 день Ноября 1794.

45.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему адмиралу Сенявину.

Усердная ваша служба, радѣніе въ должности и ревностные труды по управленію дѣлъ Морскаго Нашего Департамента, особливо же по разнымъ вооруженіямъ флотовъ Нашихъ, обращаютъ на себя Наше вниманіе и милость. Мы, желая изъявить оныя предъ свѣтомъ, Всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена Нашего Святаго Равно-апостольнаго Князя Владиміра Большаго Креста первой степени, котораго знаки Мы Сами на васъ возложа, повелѣваемъ вамъ носить установленнымъ порядкомъ. Въ прочемъ удостовѣрены Мы, совершенно, что отличіе сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ дальнѣйшему усердной службы продолженію и къ усугубленію ревностныхъ трудовъ вашихъ на пользу Отечества.

Въ С. Петербургѣ, въ 22 день Сентября 1795.

46.

Алексѣй Наумовичъ. По случаю кончины министра Нашего Гросса въ Гамбургѣ, за нужное находимъ, чтобъ вы къ командующему кораблемъ *пакетъ Евстафія,* послали дубликатъ приказанія, на основаніи указа отъ Насъ вамъ даннаго, о слѣдованіи его по сдѣланіи починокъ въ портъ Ревельскій и Кронштатскій. Сей дубликатъ долженъ быть отправленъ съ курьеромъ, посылаемымъ отъ насъ къ вице-адмиралу Ханыкову о возвращеніи его на зиму въ наши гавани, какъ то усмотрите изъ рескрипта къ нему, для свѣдѣнія вашего при семъ въ копіи сообщаемаго. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Изъ Царскаго Села, въ 12 день Іюля 1796.

ИЗЪ БУМАГЪ ДИКАНЬСКАГО АРХИВА КНЯЗЯ КОЧУБЕЯ.

I.

СПИСОКЪ СО ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ДОКЛАДА, ПОДНЕСЕННАГО ВЪ 1762 ГОДУ ГРАФОМЪ ПЕТРОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ ПАНИНЫМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Государственное Правленіе заключаетъ въ себѣ главныхъ восемь частей:

1) Судъ народа или Юстиція.

2) Правы ихъ имѣнія, то есть вотчинныя дѣла.

3) Духовный законъ и правы гражданскія, что̀ называется внутренною политикою.

4) Внѣшняя политика.

5) Оборона государственная.

6) Его казенныя дѣла, то есть сравненіе и доброта ходячей монеты,

сумма ея во всемъ государствѣ, всѣ государственные доходы съ штатами ихъ расходовъ.

7) Государственная экономія въ сохраненіи и умноженіи обывателей и въ земледѣліи.

8) Рукодѣлія, фабрики, мануфактуры, торгъ съ дѣлами купеческими и мѣщанскими.

Каждая изъ сихъ главныхъ частей имѣетъ свои многія раздробленія, которыя также по касательности между собою производятъ особливые и новые объекты; а оное все правится разными судебными мѣстами, яко то коллегіями, канцеляріями, конторами и всякими другими приказами, какого бы званія ни были.

Сенатъ ихъ всѣхъ имѣетъ подъ управленіемъ, яко центръ, къ которому все стекается. Но онъ подъ государевою самодержавною властію не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и уставамъ, которые изданы въ разныя времена и можетъ быть по большой части наивредительнѣйшіе, то есть тогда, когда при настояніи случая что̀ востребовалось. Слѣдовательно, какія бы предписанія Сенатъ ни имѣлъ о попеченіи, чтобъ натуральная перемѣна временъ, обстоятельствъ и вещей всегда были обращаемы въ пользу государственную, ему, въ разсужденіи его существительнаго основанія невозможно сего исполнить; ибо его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ на каждое судебное мѣсто. И такъ, если можно осмѣлиться сказать, Сенатъ часто опредѣляетъ и рѣшитъ вредныя дѣла по законамъ разновременно изданнымъ, иногда скоропостижно, иногда неосмотрительно, иногда и пристрастно, яко-то напримѣръ, онъ рѣшитъ комерческія по указамъ касающимся до комерціи, казенныя по касающимся до казны, мануфактурныя по мануфактурнымъ, экономическія по экономическимъ и такъ далѣе, часто не соображая, что, по перемѣнамъ положенія въ государствѣ и по приключающимся обстоятельствамъ, одно другому иногда можетъ дѣлать (а иногда и дѣйствительно дѣлаетъ) подрывы. Естьли же сіе безпрестанно наблюдать, то не только что (какъ изъ предписаннаго видно) Сенатъ выйдетъ изъ своихъ границъ, но и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться и, вмѣсто скорыхъ резолюцій, будутъ неоконченныя разсужденія и споры о новыхъ законахъ; умалчивая, что и физической и моральной резоны не дозволяютъ трактовать о законоданіи, а только оное разсматривать въ такомъ людномъ собраніи, которое однакожъ по другимъ резонамъ, какъ ниже будетъ сказано, тѣмъ не меньше нужно и полезно.

По тому же существительному положенію, всѣ дѣла вышеобъявленныхъ государственныхъ частей производятся въ ихъ собственныхъ коллегіяхъ и приказахъ, еще больше съ наблюденіемъ одного приказнаго порядка, нежели съ попеченіемъ о дѣйствительномъ успѣхѣ и общей пользѣ; ибо и каждое приказное мѣсто имѣетъ свои границы собственныхъ законовъ, которыя разводятъ касательность ихъ дѣлъ между собою. А кто думаетъ, что Правительствующій Сенатъ, обнимая всѣ дѣла, исправляетъ сію неудобность, тотъ совершенно, какъ выше доказано, ошибается: потому что Сенатъ въ предѣлахъ тѣхъ же законовъ каждаго мѣста об-

ращаться долженъ. Натуральное и необходимое изъ сего слѣдствіе то, что каждый сенаторъ и всякой судья иной ревности по должности своей имѣть не можетъ, какъ ту только, чтобъ разсудить дѣло по силѣ указовъ, а сумнительное изъ того внести въ докладъ. Свойства слабости человѣческой, лѣнь и праздность подкрѣпляютъ оное, какъ то изъ вседневной практики и доказывается; ибо каждой тотъ, кто просто держится при должности своего званія, почитаетъ оную довольно исполненною, когда въ надлежащіе дни бываетъ въ присутствіи, гдѣ онъ въ должности прокуроровъ и секретарей надѣется найти довольное знаніе и объясненіе законовъ, по которымъ онъ судить долженъ и о которыхъ въ собраніи ему докладываютъ; на собственное же разсмотрѣніе законовъ, указовъ и дѣлъ и изъ нихъ происходимой пользы или вреда, такой судебной членъ конечно ни часа особливаго въ сутки не употребляетъ. И такъ сенаторъ и всякой другой судья пріѣзжаетъ въ засѣданіе, какъ гость на обѣдъ, которой еще не знаетъ не токмо вкусу кушанья, но и блюдъ, коими будетъ потчиванъ. Не погрѣша, нельзя обвинить сихъ людей. Они только къ тому призваны. Таково существо всѣхъ обыкновенныхъ трибуналовъ и во всѣхъ государствахъ. А тѣ люди, которые гдѣ изъ сихъ предѣловъ выходятъ, вездѣ почитаются чрезвычайными, и число ихъ, а особливо полезныхъ, также вездѣ весьма не велико.

Изъ сего, а наипаче изъ власти законоданія и самодержавной, ощутительно само собою заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ Персонѣ Государевой; онъ же никако инако ее въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ.

Тѣ, которые не вникаютъ въ существо вещей, а судятъ ихъ по ихъ поверхности, ошибаются, равно какъ и о Сенатѣ, когда утверждаютъ, что въ должностяхъ президентскихъ по коллегіямъ и генералъ-прокурора въ Сенатѣ, Государь найти можетъ тѣ особливыя общія о дѣлахъ попеченія, которымъ между членами быть невозможно. Выключая Иностранную, Военную и Адмиралтейскую Коллегіи, яко три главныя и почти совсѣмъ отдѣленныя отъ общихъ внутреннихъ дѣлъ, надо взять Юстицію, Вотчинную, Каморъ-Коллегію, Комерцъ-Коллегію, Берхъ-Коллегію, Мануфактуръ-Коллегію и Ревизіонъ-Коллегію, да еще Штатсъ-Контора, Магистраты и Полиція; ихъ существо и положеніе довольно уже открыто выше. Такъ какъ ихъ дѣла и въ Сенатѣ трактованныя подвергаются взаимному подрыву; какъ же ихъ президенты могутъ быть способны къ общему о дѣлахъ попеченію? А естьли можетъ быть въ томъ какой персонѣ исключеніе, то уже не по президенству, но по особливой способности; слѣдовательно такая персона при употребленіи въ то выходитъ изъ настоящаго своего званія. Къ сему и то присовокупить можно, что гдѣ три или четыре съ трудомъ избираются, тутъ девять или десять выбрать и того труднѣе. Правда, естьли бъ одна простая рѣчь указа сочиняла прямое дѣло, то бъ генералъ-прокуроръ могъ быть почтенъ такимъ общимъ попечителемъ, которому все приказано. Въ его инструкціи онъ названъ Государевымъ Окомъ.

Но какъ самодержавной Государь, оставляя при себѣ право законоданія, онъ конечно не можетъ чрезъ одно око разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности, по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ. Почему въ существѣ генералъ-прокуроръ остается только тѣмъ окомъ, которое въ Сенатѣ порядокъ производства дѣлъ и точность законовъ наблюдать долженъ. Согласиться можно, что Ягужинской и Трубецкой распространяли гораздо далѣе свое званіе; но то надлежитъ примѣтить, что первой былъ въ то время ближайшій совѣтникъ того Государя, которой тогда самъ Имперію и правительство установлялъ, а изъ какихъ людей и какими средствами, о томъ извѣстно, къ чему довольно одно то напамятовать, что вицъ-канцлеръ былъ положенъ на плаху, чтобъ только научить тогдашнихъ новыхъ сенаторовъ, какъ съ благопристойностію сидѣть и разсуждать въ Сенатѣ. Взявъ эпокъ [1]) царствованія покойной Императрицы Елисаветы Петровны, князь Трубецкой тогда первую часть время своего прокурорства производилъ по дворскому фавёру, какъ случайной человѣкъ, слѣдовательно не законы и порядокъ наблюдалъ, но все могъ, все дѣлалъ, и, естьли осмѣлиться сказать, все прихотливо развращалъ; а потомъ сталъ быть угодникомъ фаворитовъ и припадочныхъ людей.

Сей эпокъ заслуживаетъ особливое примѣчаніе. Въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. До того времени имѣли еще наши Государи особливыя верховныя мѣста и хотя нѣкогда оныя мѣста какъ форму свою перемѣняли, такъ и выборы къ нимъ персонъ обращаемы были въ чины, въ знатное произвожденіе и отличность припадочнымъ людямъ, однако же со всѣмъ тѣмъ еще тамъ оставались способы и средства, которыми Государи могли имѣть общее попеченіе о государственныхъ частяхъ, особливо о тѣхъ, кои по ихъ натурѣ требуютъ всегдашняго поправленія, частыхъ перемѣнъ и полезныхъ новостей, чего въ обыкновенныхъ трибуналахъ (ограниченныхъ не токмо въ дѣлѣ, но и въ разсужденіяхъ изданными законами) и не подъ очьми Государевыми исполнить не возможно. Образъ возшествія на престолъ покойной Императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ хотя съ начала сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго родителя ея; въ слѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденной до того во всей государственной формѣ Кабинетъ, которой особливо наконецъ, когда Биронъ упалъ, принялъ было такую форму, которая могла произвесть Государево общее обо всемъ попеченіе. Ея Величество вспамятовала, что у ея отца Государя былъ домовой кабинетъ, изъ котораго кромѣ партикулярныхъ ордеровъ и писемъ ничего не выходило; приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили, средствомъ онаго, всегда злоключительной общему благу интервалъ между Государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и

[1]) Такъ здѣсь и ниже, въ рукописи.

никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самой вредной источникъ не токмо государству, но и самому Государю. Вредной государству потому, что стали изъ него выходить всѣ сюрпризы и обманы Государю, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу, подъ формою имянныхъ указовъ и повелѣній во всѣ мѣста; вредной самому Государю потому, что и тѣ сами, кои такія коварныя средства употребляють, для прикрытія себя предъ публикою, особливо стараются возлагать на щотъ собственнаго Государева самоизволенія все то что̀ они такимъ образомъ ни производили. Ибо въ такомъ безгласномъ и во основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному мѣстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя почитать неподверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою, слѣдовательно свободнымъ отъ всякаго обязательства предъ Государемъ и государствомъ, кромѣ исполненія. Ласкатели же говорятъ: «Вить «де у васъ есть свой Кабинетъ, из«вольте чрезъ него приказывать»; вредное различіе, будто бы всѣ мѣста правительства не равно собственныя были самодержавнаго Государя, когда и государство все его быть должно. Да только разница въ томъ, что когда Государевы дѣла выходятъ изъ сихъ мѣстъ правительства, всякой сюрпризъ и ошибку публика приписываетъ министрамъ Государевымъ, яко людямъ мѣстнымъ въ государствѣ, которые особливымъ побужденіемъ обязаны оное предостерегать и сами такъ дерзко не могутъ возлагать то на Государя, будучи честные и званіемъ уже обязаны къ отчету въ ихъ поведеніи, не токмо предъ своимъ Государемъ, но и предъ публикою; а Государь почтенной, любимой и кредитной не можетъ имѣть въ народѣ подозрѣнія, чтобъ онъ безъ коварства другихъ и самъ собою предпочелъ вредное полезному; напротивъ чего всякое благое и полезное дѣло тѣмъ конечно не меньше остается единственно на щотъ славы Государевой, потому что онъ свой разумъ, разсужденіе, желаніе, волю и избраніе къ тому употреблять изволитъ.

Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые припадочные люди пользовались Кабинетомъ, развращали форму и порядокъ и хватали отъ всюду въ него дѣла на безконечную нерѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего не довольно; они тутъ родили еще новое мѣсто страннѣе уже и перваго, и по дежурству отъ генералъадъютантства не военными командами распоряжали, но государственные распорядки дѣлали, и ими правила въ наслѣдствѣ и въ дѣлѣ же партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшалися, домы ихъ печатали, у одного отнимали, другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ. Государственныя дѣла безъ призрѣнія, все было смѣшано, всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ, вездѣ фаверъ и старшинство людей

опредѣляло, не было выбору способности и достоинства. Каждой, по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ, хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Естьли кромѣ самоизвольства оставалися еще какія статскія правила, то конечно онѣ были тѣ, по которымъ внутренное государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ политическихъ дѣлъ, чѣмъ наконецъ (и едва не взаимными ль сюрпризами зависти между собою) завелась война въ самое то время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ.

Увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ ресурсовъ; нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе, сдѣлали Конференцію—монстеръ ни на что не похожій! Не было въ ней ничего учрежденнаго, слѣдовательно все безотвѣтное и, схватя у Государя законъ, чтобъ по рескриптамъ за подписаніемъ Конференціи вездѣ исполняли, отлучили Государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Предъ Государемъ просвѣщеннымъ не дерзко слово, но истинно: фаворитъ остался душею, оживотворящею или умерщвляющею государство. Онъ, вѣтромъ и непостоянствомъ нагруженный, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти, работу же и попеченіе отдалъ въ руки дерзновенному Волкову. Сей, подъ видомъ управленія канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную ролю перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самому хотѣнію, заставлялъ министровъ оныя подписывать, употребляя къ тому или имя Государево, или подъ маскою его волю и желанія фаворитовы. Прихоть была единственнымъ правиломъ, по которому дѣла къ производству были избираемы. Да инако быть невозможно тутъ, гдѣ въ верховномъ Государевомъ мѣстѣ части государственныя безъ раздѣленія и ни которая никому особливо не поручена.—Таково, Всемилостивѣйшая Государыня, истинное существо формы или лучше сказать ея недостатка въ нашемъ правительствѣ, и такова вѣрная картина происшедшаго изъ того положенія царствованію въ Бозѣ почивающей человѣколюбивой Императрицы Елисаветы Петровны.

Одаренное знаніемъ остроуміе Вашего Императорскаго Величества несумнѣнно проникаетъ въ томъ до существительной причины коварнаго ей отъ зломѣренныхъ воображенія о самодержавствѣ: подъ видомъ ея собственной воли, лишили ее власти исполнить по собственному желанію благое отечеству. Можетъ ли и партикулярный хозяинъ управить своимъ домомъ, когда онъ добрымъ раздѣленіемъ своего домоводства не уставитъ прежде порядокъ? И какъ искусный фабрикантъ учредитъ свою фабрику, естьли мастеровъ не по знанію, но по любви къ нимъ будетъ распоряжать по станамъ разныхъ работъ? Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго по своему званію. А мнѣ напротивъ того случилось слышать у престола Государева отъ людей его окружающихъ

пословицу льстивую за статское правило: *была бы милость, всякова за все станетъ*. Сіе конечно исполнялось; фавёръ и милость къ персонамъ были претворяемы въ довѣренность разумно принадлежащую къ тѣмъ людямъ, кои въ чемъ имѣютъ знаніе и способность. Съ одной стороны, можно сіе назвать насильствомъ естества, котораго однако же преодолѣть нельзя; а съ другой оно принуждаетъ наконецъ и умѣренныхъ людей отступать отъ прямыхъ дѣлъ по ихъ способности и добиваться до единой милости и случая. Изъ сего происходитъ натуральное слѣдствіе, что дѣла остаются назади, а интриги факціи въ полномъ ихъ дѣйствіи.

Спасительно нашему претерпѣвшему Отечеству намѣреніе Вашего Императорскаго Величества, чтобъ Богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властію, къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ, дабы Ваше Величество сами безпрестанно могли имъ дѣйствовать въ праведную и общую пользу о благосостояніи Имперіи Вашей.

Во исполненіе всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества мнѣ повелѣнія, я всеподданнѣйше здѣсь подношу о томъ проэктъ [1]), въ формѣ акта на подписаніе Вашему Императорскому Величеству. Моя всеподданнѣйшая вѣрность и преданность къ освященной особѣ Вашего Величества, истинная любовь къ славѣ Вашей и безкорыстное усердіе къ моему Отечеству, были тутъ моими единственными правилами къ изысканію и расположенію такихъ уставовъ монаршескому правительству, которые бы твердымъ и постояннымъ цѣломудріемъ Вашего Величества, къ безсмертной вашей славѣ, могли чрезъ долголѣтное царствованіе Ваше произвесть въ наиотдаленнѣйшіе потомки вѣкъ Екатерины Второй предпочтительнѣйшимъ въ своемъ совершенствѣ всѣмъ вѣкамъ Вашихъ предковъ Россійскаго престола.

Осмѣлюсь себя ласкать, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ семъ проектѣ установляемое формою государственною верховное мѣсто лежислаціи или законоданія, изъ котораго яко отъ единаго Государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе все оживотворяющее, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя. Не меньше надѣюсь, что Ваше Императорское Величество признать тутъ изволите и полезную и необходимую надобность департаментовъ съ ихъ министрами; что̀ же касается до раздѣленія Сената на департаменты, въ томъ всѣ признаютъ пользу скорѣйшаго дѣламъ теченія. Мнѣ же тутъ представляется статской политической резонъ еще важнѣйшій для Имперіи. Мы съ лишнимъ 30 лѣтъ обращаемся въ революціяхъ на престолѣ и чѣмъ больше ихъ сила распространяется между подлыхъ людей, тѣмъ они смѣлѣе, безопаснѣе и возможнѣе стали. Между другихъ противу сего опаснаго впредь положенія мудрыхъ (мѣръ) Вашего Величества можетъ принято быть и то, чтобъ увеличиваніемъ числа сенаторовъ привесть народъ въ бо̀льшее почтеніе къ правительству и тѣмъ слѣдовательно обуздать его къ государственному порядку.

Впрочемъ, Всемилостивѣйшая Государыня, я, исполняя такимъ образомъ мое всеподданнѣйшее обязательство и повиновеніе, долженъ съ подобостра-

[1]) Этого проэкта мы не имѣемъ. *П. Б.*

стіемъ примѣтить предъ Вашимъ Величествомъ, что есть, какъ вамъ извѣстно, между нами такія особы, которымъ для извѣстныхъ имъ особливыхъ видовъ и резоновъ противно такое новое распоряженіе въ правительствѣ. И потому не возможно Вашему Императорскому Величеству почесть со всѣмъ означеннымъ къ пользѣ народной, единое Ваше всевысочайшее соизволеніе на сей ли предложенный проектъ, или на что другое не отъ нихъ же представленное, но требуетъ еще Вашего Монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобъ Совѣтъ Вашего Императорскаго Величества взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ бы былъ въ теченіе: ибо, Всемилостивѣйшая Государыня, почти не возможно сумнѣваться, чтобъ при самомъ началѣ тѣ особы не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего или, по послѣдней мѣрѣ, къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать.

Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе теперь по ней сдѣлать установленіе, нежели допустить такъ, какъ прежде бывало, развращать единожды установленное. Сіе послѣднее сказавъ, есмь по гробъ мой.

II.

ДВѢ БУМАГИ ГРАФА Н. И. ПАНИНА ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ІОАННА АНТОНОВИЧА.

1.

Черновое письмо Н. И. Панина къ Императрицѣ.

Всемилостивѣйшая государыня!

Какъ безъ сумнѣнія полагать можно, что теперь уже во всѣ стороны писано о Шлисельбургскомъ произшествіи и что притомъ каждой писатель въ изъясненіи неизвѣстныхъ публикѣ обстоятельствъ слѣдовалъ единственно своимъ гаданіямъ и пристрастію: то, дабы раждающіеся въ Европѣ изъ такихъ многообразныхъ, отъ большей части неосновательныхъ, а отчасти можетъ быть и злостныхъ еще описаній, всякіе предосудительные и развращенные толки и разглашенія могли благовремянно и надежно въ самомъ корени ихъ уничтожаемы быть, почелъ я по долгу моего всеподданнѣйшаго къ службѣ В-го Им-го В-ва усердія за нужно сдѣлать всѣмъ В-го В-ва министрамъ другое сходственнѣйшее описаніе, дабы они на основаніи онаго отзывы свои располагать и пустые слухи истреблять въ состояніи были.

Какимъ образомъ сіе мною исполнено — изволите В-е Им-ое В-во изъ приложенной при семъ копіи съ циркулярнаго моего къ нимъ письма усмотрѣть. Естьли оное удостоится высочайшей и всемилостивѣйшей В-го Им-го В-ва апробаціи, то всенижайше прошу о повелѣніи, чтобъ посланная съ симъ стафета далѣе съ тѣми моими письмами отправлена, а притомъ и мнѣ о томъ поскорѣе знать дано было, дабы я равномѣрную экспедицію и въ Швецію учинить могъ, отъ чего удерживаюсь по сю пору, въ неизвѣстности, будетъ ли письмо мое угодно В-у Им-у В-ву.

Сію форму для увѣдомленія министровъ избралъ я, всемилостивѣйшая государыня, предпочтительно по той причинѣ, что оная не будетъ нисколько препятствовать принимаемой иногда послѣ В-го Им-го В-ва высочайшей резолюціи—сдѣлать публикѣ другое пространнѣйшее объявленіе.

2.

Циркулярное письмо отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Панина ко всѣмъ здѣшнимъ при иностранныхъ дворахъ обрѣтающимся министрамъ.

Случившееся въ ночи съ 4-го на 5-е число въ Шлисельбургской крѣпости произшествіе хотя и не имѣетъ по себѣ никакихъ слѣдствій, но въ самомъ существѣ своемъ столь странно, что, по неизвѣстности въ публикѣ прямыхъ дѣла обстоятельствъ, безъ сумнѣнія должно изъ онаго ожидать многихъ пустыхъ, а можетъ быть и ненавистнѣйшихъ еще толковъ между тѣми, кои благополучію Россійскому завидуютъ.

Для предупрежденія сего неудобства и отвращенія по тому всѣхъ худыхъ дѣйствій, кои могли бы иногда противники клеветами своими, по крайней мѣрѣ на первое время, возпричинствовать, не хотѣлъ я оставить, чтобъ не увѣдомить васъ предварительно объ истинности произшествія и о его причинѣ, что̀ и будетъ уже служить вамъ основаніемъ и руководствомъ къ испроверженію всякихъ затѣваемыхъ лжей.

Содержался отъ нѣкотораго времени въ той крѣпости одинъ арестантъ подъ имянемъ Безъимяннаго, которой въ причинѣ такого своего ареста соединялъ съ штатскимъ резономъ резонъ и совершеннаго юродства [1]) въ своемъ умѣ, и потому былъ порученъ особливому храненію двухъ состарѣвшихся въ службѣ оберъ-офицеровъ, при которыхъ подъ ихъ командою былъ малый отъ гарнизона пикетъ.

Стоящій же въ крѣпости на недѣльномъ караулѣ подпоручикъ, узнавъ то мѣсто, гдѣ арестантъ содержится, принялъ безполезное, но отчаянное намѣреніе освободить его; и для того, встревожа ночью весь свой караулъ и объявя солдатамъ имъ самимъ сочиненный подложный Ея Императорскаго Величества имянной указъ, который будто скорѣйшаго требовалъ исполненія, повелъ ихъ къ квартирѣ коменданта и его арестовалъ, а потомъ атаковалъ оружіемъ и мѣсто арестантово; но, получа такое супротивленіе своему измѣнническому предпріятію, какова только отъ вѣрныхъ и заслуженныхъ офицеровъ ожидать было должно, наконецъ взятъ и арестованъ тою своею собственною командою, коя тогда изъ супротивленія ясно увидѣла, что командиръ ихъ начиналъ своевольно дѣло безотвѣтственное и противное должности и присягѣ его.

Какъ по сему главному, такъ и по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ, видно весьма, что предпріятіе караульнаго подпоручика не было слѣдствіемъ какого-либо знатнаго заговора, но единственно происходило отъ собственнаго его побужденія или, лучше сказать, отъ отчаянія молодого, промотавшагося и оттого въ фанатизмъ впадшаго человѣка, каковъ онъ оказался и по другимъ его нынѣ открытымъ приватнымъ дѣламъ.

Сообщая вамъ сіе, прошу я васъ дѣлать изъ онаго такое употребленіе, какое разсудите вы за полезнѣе для службы Ея Императорскаго Величества и уничтоженія всякихъ ложныхъ разглашеній, въ коихъ конечно не будетъ недостатка. А что̀ далѣе иногда откроется, о томъ не примину я васъ во свое время извѣстить, пребывая между тѣмъ и т. д.

[1]) Въ поправкѣ Панина въ черновой рукописи этого письма стоитъ: уродства.

III.

МЫСЛЬ ГЕНЕРАЛА ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО [1]). 1777.

Часть воинская, удѣльно отъ другихъ, съ одного почти времени, по нѣкоторымъ предположеніямъ въ Европѣ, всѣмъ державамъ сдѣлалась необходимо надобною; но по неравенству физичнаго и моральнаго положенія, не могли онѣ, не въ количествѣ, ни въ качествѣ, быть одна другой подобны и, познавъ отъ сего воинскаго удѣла другимъ частямъ въ государствахъ тягость, употребляютъ онѣ нынѣ всѣ средства и способы къ лучшей связи оныхъ между собою, въ чемъ одна извѣстная далече и далѣе всѣхъ иныхъ къ бо̀льшей своей пользѣ преуспѣла [2]). Мы кольми паче, по своей великой обширности, разнообразному и большею частію дикому сосѣдству и въ самыхъ обывателяхъ разновѣрію и разнонравію, меньше всѣхъ сходствуя съ другими, должны наблюдать, чтобы, по мѣрѣ пользы и выгодъ нашихъ, распространяться и въ приличномъ только инымъ подражать, а сразмѣрно способамъ и доходамъ своимъ ополчаться и весьма уважать на источникъ, который мы понынѣ одинъ къ содержанію воинскихъ силъ имѣемъ. Я разумѣю народъ, дающій для войска и людей и деньги, чтобы неразмѣрнымъ и безповоротнымъ взыманіемъ оный не оскудить, и браться за средства такія, чтобы къ порѣ грозящей и запасъ въ деньгахъ имѣть и силы наши нечувствительно для самихъ умножать мы могли.

Слѣдующія статьи по оглавленіямъ представляютъ нѣкоторыя, но весьма недостаточныя, къ тому только начертанія; но въ мудромъ основаніи внутренняго благосостоянія новымъ и полезнымъ Губерній Учрежденіемъ преподаны средства и образы, коими удобнѣе и съ лучшимъ соображеніемъ первобытнаго нашего положенія исправлять всѣ иныя части Государства, окажутся лучшія къ приведенію и военной части съ иными, въ разсужденіи взаимныхъ выгодъ и тяготы въ нѣкоторой размѣръ; а безъ того всего, или часть воинская будетъ въ нестроеніи и терпѣть недостатки, или другія чувствительное угнѣтеніе. Доказываютъ оное частыя перемѣны и въ самыхъ наружностяхъ въ войскѣ нашемъ, безъ сихъ соображеній бывшія всегда къ большему убытку, ежели непредосужденію, а произшествія — коль далѣе бы мы могли успѣвать при лучшемъ нашемъ основаніи части воинской.

Статья I. О составленіи четырехъ армій, расположеніи оныхъ по удобности, съ наблюденіемъ внѣшней безопасности, внутренней тишины и экономіи.

Изъ сухопутныхъ силъ составить четыре арміи по особому плану въ числѣ пѣхотныхъ, полевыхъ и гарнизоныхъ, кавалерійскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ полковъ, легкихъ войскъ, артиллеристовъ, минеровъ и мастеровыхъ, и расположить оныя съ наблюденіемъ внутренней и внѣшней безопасности и экономіи. I) Поморскую, въ Новогородской, Финляндской, Ингермоландской, Естляндской, Лифляндской, Псковской и По-

[1]) На рукописи помѣта князя В. П. Кочубея: „Сообщена мнѣ отъ графа Сергѣя Петровича Румянцева въ 1805 году“.

[2]) Т. е. Пруссія. *П. Б.*

лоцкой губерніяхъ. II) Украинскую: въ Могилевской, Азовской, Воронежской, Слободской и Бѣлогородской губерніяхъ. III) Низовую: въ Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской губерніяхъ. IV) подъ титломъ резервной: какъ въ дешевомъ и выгодномъ мѣстѣ государства и откуда пограничныя подкрѣплять и усиливать равно удобно, на всемъ пространствѣ бывшей Московской и Смоленской губерній. И препоручить всякую армію въ точное надзираніе или инспекцію одному изъ заслуженныхъ въ чинѣ и исправному въ военномъ ремеслѣ генералу, не взирая ни на разныя одѣянія и вооруженія, ни на титлы войскъ, ни разныхъ воинскихъ департаментовъ, какъ равно его искусству подлежащихъ, оставляя флотъ, Сибирскую и Иркутскую губерніи (первой по отличности службы, а послѣднія по отдаленности) особо удѣльному учрежденію.

Статья II. О опредѣленіи по полкамъ всякому шквадрону и ротѣ сборныхъ мѣстъ или кантоновъ, для взыманія рекрутъ и лошадей.

1) Опредѣля войскамъ количество, качество и пребываніе, опредѣлить и всякому полку, шквадрону и ротѣ сборныя мѣста или кантоны, для набора рекрутъ извѣстнымъ количествомъ ежегодно, а въ армію лошадей ко времяни военному за извѣстно опредѣленную и безобидную цѣну, соразмѣрно переписному числу душъ, удѣленныхъ на содержаніе воинскихъ силъ, по особому уставу, безъ малѣйшаго притѣсненія наукъ, торговли и иныхъ надобныхъ въ Государствѣ ремеслъ и промысловъ, и особливо земледѣлія.

Примѣчаніе. По разному роду службы, потребны разныя въ людяхъ и способности; слѣдовательно надлежитъ опредѣлять въ поморскую: при моряхъ, озерахъ и главныхъ рѣкахъ живущихъ людей; въ кавалерію и легкую конницу: при способности лучшей къ конской ѣздѣ, къ побѣгамъ меньше склонныхъ, какъ напримѣръ однодворцовъ, казаковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Татаръ; въ егерскіе корпусы: по природѣ или случайно сдѣлавшихся охотниковъ и стрѣлковъ; въ извощики или фурлейты: всѣхъ извозомъ промышляющихъ людей; въ корпусъ мастеровыхъ—ремесленниковъ по ихъ ремеслу. Пѣхотѣ весь остатокъ, какъ равно употребительной.

2) Вербованіе въ Государствѣ свободныхъ и неподлежащихъ людей къ рекрутской поставкѣ было бы народу сему немалымъ облегченіемъ, а внѣ Государства извѣстною частію и весьма полезнымъ пособіемъ. Средство сіе оказывается быть возможнымъ, ежели всѣ надобныя при томъ уваженія наблюдены будутъ.

3) Опредѣленіе всѣхъ и всякаго званія бѣглыхъ годныхъ людей по поимкѣ въ военную службу, съ лишеніемъ права ко всякому въ чины произвожденію, съ зачетомъ владѣльческихъ въ рекруты, послужитъ къ воздержанію отъ побѣговъ, и предохранится лучше порядокъ гражданскихъ и земскихъ учрежденій. Владѣльцы хотя теряютъ человѣка, но непрочнаго имъ ко употребленію дальнему, а подъ строгостію военною подобный къ службѣ можетъ быть и весьма способенъ.

Статья III. О построеніи крѣпостей, арсеналовъ и магазиновъ въ удобныхъ мѣстахъ, для содержанія въ оныхъ артиллеріи, экипажа, ружейныхъ, аммуничныхъ, мундирныхъ вещей и всякихъ припасовъ и о уни-

чтоженіи крѣпостей внѣ сего положенія находящихся.

1) Внѣшней ради безпечности и внутренняго спокойствія потребны крѣпости, а качество ихъ должно быть сообразно сосѣдству и той удобности положенія, коимъ бы часть краю, или сообщеніе водяное ими прикрывалось; и въ томъ положеніи находящіяся исправить и вновь построить, и всѣми силами стараться привесть оныя въ полную оборону безъ упущенія времяни, и въ нихъ имѣть арсеналы и магазеины, для содержанія осадной артиллеріи, сообразно сосѣдственнымъ крѣпостямъ, а полевой количеству войскъ полагаемыхъ на войну того края, походный экипажъ готовымъ, или въ матеріалахъ заготовленнымъ съ упряжью и осьмою частію лошадей, ружейныхъ, мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, провіанта и фуража и подвижнаго госпиталя припасовъ, извѣстно опредѣленнымъ количествомъ; а всѣ тѣ крѣпости, кои по перемѣнѣ обстоятельствъ и границъ положенія стали не къ мѣсту и не къ стати и ежегодною починкою великимъ количествомъ пожираютъ деньги, уничтожить.

2) Не отягощаться содержаніемъ въ крѣпостяхъ и иныхъ городахъ многихъ тысячъ вооруженныхъ инвалидовъ (я разумѣю настоящіе наши гарнизоны и такъ называемыя штатныя роты) и обратить первыхъ, сходственно званію ихъ, на готовость и способность къ военной, не только гарнизонной, но и полевой службѣ; а послѣднихъ, какъ точно гражданской службѣ принадлежащихъ, отличить и одѣяніемъ и вооруженіемъ.

Примѣчаніе. Въ сосѣдствѣ малое количество лучше концетрированныхъ силъ, возбуждаетъ къ себѣ больше вниманія, нежели многочисленные на обширности, а иногда дикіе народы, въ качествѣ своего ополченія не заслуживающіе малѣйшаго уваженія, въ качествѣ хищника безпокоить и озабочивать могутъ непрестанно; слѣдственно и вопреки онымъ взымаемыя мѣры основывать должно сходственно свойству и ополченію однѣхъ и другихъ, внимая всегда на то главное правило, что хотящему возвысить свою пользу надлежитъ превозмогать и въ силахъ, особливо въ новыхъ завоеваніяхъ.

Статья IV. О заведеніи школъ подъ титломъ военныхъ наукъ, художествъ, и ремеслъ.

По малоимѣнію средняго рода и разнаго званія ученыхъ и мастеровыхъ, войску необходимо потребныхъ людей, и видя въ пріисканіи иностранныхъ (не говоря о убыткѣ на содержаніе ихъ употребляемомъ) многую трудность, взяться за надежныя средства заведеніемъ на лучшемъ основаніи училищъ, подъ титломъ школъ военныхъ наукъ, художествъ и ремеслъ, въ главныхъ ли или иныхъ городахъ всякаго края; и въ сихъ изъ офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей на достаточномъ содержаніи на ногѣ военной подъ рачительными и искусными надзирателями отъ лучшихъ учителей и мастеровъ, по лѣтамъ, понятію и способности пріуготовлять къ опредѣленію въ квартермистры, аудиторы, лекаря, гобоисты, слесари, токари и проч.

Статья V. О дисциплинѣ и полиціи воинской.

I) Воинской дисциплины, подъ имянемъ которой разумѣемъ мы порядокъ владычествующій въ войскѣ и содержащій въ себѣ всю связь слѣпаго послушанія и уваженія отъ низшихъ къ высшимъ, называемую

субординацію, а по сходственному дѣйствію душею службы, чувствуемый упадокъ весьма возстановить, и оной (какъ святости божественныхъ преданій) подъ тягчайшими казньми воспретить касаться.

Примѣчаніе. Съ достойной къ оной поваги, многіе государи узаконили, чтобъ въ службѣ ихъ, къ предержащимъ ихъ властямъ (разумѣю аншефъ командующимъ) таже честь, уваженіе и повиновеніе отъ подчименныхъ оказываемы были, каковыи подданные обязываются присягою имѣть къ высочайшимъ ихъ особамъ.

2) Военной полиціи принадлежитъ все тоже надзираніе въ походахъ и кампаментахъ, что̀ гражданской во градѣхъ, и относительно сей части въ Воинскомъ Уставѣ пройдя артикулы для всякаго особо и всѣ вообще къ должности сухопутной воинской службы относящіеся, надлежитъ за тѣмъ слѣдующія расположить согласно съ уставами: церковнымъ, въ разсужденіи часовъ молитвенныхъ, бракосочетанія и иныхъ Христіанскихъ требъ и общихъ церемоній случайно бываемыхъ, крестинъ, рожденій, водосвятій и погребеній; въ разсужденіи портовой ихъ службы совмѣстно съ крѣпостной и присоединенія морскихъ къ сухопутнымъ и сухопутныхъ къ морскимъ, на случай военный и церемоніальный; съ гражданскимъ въ разсужденіи преимуществъ воинскимъ и взаимно гражданскимъ чинамъ принадлежащихъ и особо въ опредѣленіи квартиръ, единожды на всегда постановить количество оныхъ всякому штабу, шквадрону и ротѣ сразмѣрно съ количествомъ обывательскихъ домовъ, а каждому чину, неисключительно и генераловъ, число покоевъ, сообразно потребнымъ хозяину въ домѣ своемъ выгодамъ и поименовать все что̀ въ квартирахъ и въ проходѣ чрезъ города, села и деревни войску давать опредѣлено, такъ какъ и имъ самимъ, женамъ и дѣтямъ ихъ дозволенные торги, ремесла и промыслы, чтобы тѣмъ отдалить всякія донынѣ часто оказывающіяся недоразумѣнія и чувствуемыя досады и огорченія.

Статья VI. О коммисаріатѣ, возложеніи на него заплаты жалованья, мундированія, пропитанія, вооруженія, всякихъ строеній и покупокъ для войскъ, кромѣ лошадей, объ отпускѣ по ассигнаціямъ его отъ государственнаго казначея и казенныхъ палатъ по способности и близости на щетъ воинскихъ окладныхъ суммъ, и о имѣніи оному надзиранія относительно всѣхъ воинскихъ расходовъ.

§ 1.

1) Изчисля всю сумму генерально на всѣ издержки окладныя войску опредѣленныя и назнача онымъ статьи, изъ которыхъ они вступать опредѣлятся, дать главному воинскому коммисаріату вѣдомость, по которой, онъ, убѣгая убытки, происходящіе часто отъ транспортовъ денежныхъ понапрасну, свои требованія къ государственному казначею, или казенныя палаты въ губерніяхъ, взносилъ, и отъ оныхъ по близости и способности суммы по ассигнаціямъ получать имѣлъ. 2) Всякое строеніе ружейныхъ, мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, экипажа и покупку, кромѣ лошадей, генерально возложить на попеченіе воинскаго коммисаріата и его подчиненныхъ, чтобы войски, въ разсужденіи ихъ дальняго разстоянія однихъ границъ съ другими, никакимъ подобнымъ строеніемъ не озабочивать и обозомъ не отягощать, и они бы

скоро изъ квартиръ выступать и поспѣшно маршировать могли. 3) Воинскому коммисаріату предписать имѣть прилежное надзираніе надъ ведущими приходъ и расходъ деньгамъ, вещамъ и припасамъ и дѣлать строгія истязанія надъ небрегущими, кольми паче на похищеніе дерзающими. 4) Ограничить управленіе воинскихъ суммъ особливыми уставами, которыхъ отъ злоупотребленія власти подъ видами разными, а и безъ всякаго титла, утрачено великимъ числомъ.

§ 2.

О окладномъ денежномъ и хлѣбномъ жалованьи.

1. Окладное жалованье опредѣлить коль можно для полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ сразмѣрно съ тягостію, которые больше другихъ нести должны, и цѣнами мѣстъ ихъ пребыванія, съ тѣмъ всегда наблюденіемъ, чтобъ отъ оскудѣнія въ потребномъ войско не терпѣло, а неравенственною платою не было уражаемо. Одно и другое не рѣдко производитъ трудности въ удержаніи дисциплины.

Примѣчаніе. Вездѣ гусаръ меньше рейтара получаетъ, а рейтаръ нѣчто больше пѣхотнаго; у насъ же понынѣ гусаръ едва не въ двое противу обоихъ, съ причины, что оные прежде были прямые Сербы, а нынѣ за Сербовъ свои подданные тоже берутъ.

2. Провіантъ и фуражъ производить сходственно въ тѣхъ мѣстахъ съ употребляемымъ и по цѣнамъ торговымъ всякаго мѣсяца вмѣстѣ съ жалованьемъ по ассигнаціямъ изъ доходовъ тѣхъ губерній, гдѣ оныя находиться будутъ, деньгами или въ натурѣ.

§ 3.

О вооруженіи.

1. Въ артиллеріи полевой, при хорошей оной отдѣлкѣ, услугѣ и упряжи, наблюдать, чтобы было меньше разныхъ калибровъ, и 12-ти и 6-ти фунтовыя пушки и полупудовые единороги лучшими предъ другими почтены быть могутъ. 3-хъ фунтовыя пушки и 12-ти фунтовые единороги на легкія дѣла имѣютъ тоже нѣкоторую удобность. 2) По различію войскъ опредѣлить: пѣхотному солдату, къ общему дѣлу, фузею, къ особенному штыкъ, и для почести полевому маленькую съ Нѣмецкимъ платьемъ шпагу, съ Венгерскимъ саблю; конному въ Нѣмецкомъ платьѣ палашъ, а въ Венгерскомъ сабля, къ особенному съ Нѣмецкимъ карабинъ настоящій, Венгерскимъ самой короткой препорціи, и нѣкоторымъ пика съ бандеролемъ или значкомъ по цвѣту полковому; драгунамъ фузея съ штыкомъ сносной тягости, палашъ, и всѣмъ коннымъ по одной парѣ пистолетъ изъ лучшихъ матеріаловъ и лучшаго мастерства. 3) Аммуницію на людей въ сумахъ, ладункахъ, перевязяхъ и портупеяхъ, а на лошадей сѣдла, чепраки, оголовье, удила и стремена опредѣлить по свойству ихъ одѣянія и екипированія, къ Нѣмецкому Нѣмецкую, къ Венгерскому Венгерскую. 4) Палатки сдѣлать выгоднѣе настоящихъ, въ которыхъ бы люди и отъ мокроты и отъ жару защищаться и въ свободѣ стоять могли; а котлы, фляги водоносныя и шанцовой инструментъ, сразмѣрно количеству людей къ онымъ присвоить; а потому и полевой екипажъ учредить съ тѣмъ наблюденіемъ, чтобъ онъ сколько можно крѣпко и прочно дѣланъ, и на ходу легокъ и не ва-

локъ былъ; въ кавалеріи же часть большая сихъ потребныхъ вещей и на строевыхъ лошадей навьючена быть можетъ; а такъ называемыхъ артельныхъ лошадей, которыхъ нижные чины, для возки вещей на нихъ налагаемыхъ, а иногда и провіанта, съ употребленіемъ послѣдней копѣйки и куска хлѣба содержать принуждены, вовсе уничтожить, или же число подъемныхъ лошадей на подобное употребленіе прибавить. Турецкіе палатки и водовозы мнѣ весьма показались; и я бы желалъ для облегченія и выгоды людямъ и пользы службы, чтобъ оные и у насъ введены были.

Примѣчаніе. 1,) Ружейнымъ и аммуничнымъ вещамъ единаго ради генеральнаго изчисленія опредѣлить сроки; но быть онымъ безсрочнымъ и перемѣнять по усмотрѣнію надобности инспектора. 2) Кирасы могли до употребленія огненнаго оружія нѣчто для пѣхоты быть уважительнаго; но нынѣ они за мгновенное спасеніе цѣлой вѣкъ тяготятъ, могутъ въ облегченіе людей весьма отставлены быть. Я всегда то дѣлалъ, не узнавъ службѣ ни малѣйшаго предосужденія.

§ 4.

О мундированіи.

Мундиръ верхній и нижній полевымъ и гарнизоннымъ полкамъ опредѣлить на извѣстной срокъ, по сходству употребляемаго въ тѣхъ мѣстахъ: приморской и резервной армій—Нѣмецкой; Украинской и низовой нѣчто изъ Нѣмецкаго и Венгерскаго, и кои дешевлѣе; вообще же при опредѣленіи онаго наблюдать, чтобы онъ изъ живыхъ или свѣтлыхъ цвѣтовъ стройно сшитъ, въ ношеніи выгоденъ и проченъ былъ.

Примѣчаніе. Торнистрамъ или ранцамъ въ пѣхотѣ надлежитъ уютно сшитымъ и на ремнѣ мягкомъ и широкомъ быть и вещи въ оные помѣщать только необходимо надобныя, чтобы человѣка, оружіемъ безъ того отягощеннаго, больше не обременять, а особливо обуви, кромѣ что̀ на ногахъ, не носить; сходственно сему опредѣлить и въ кавалеріи вещи для вьюковъ; для хлѣба же имѣть особые полотняные мѣшки, чтобъ оной всегда свѣжъ былъ и не присоединялся къ нему дурной запахъ, особливо отъ кожаныхъ вещей, что̀ его дѣлаетъ въ сырое время въ пищу отвратительнымъ.

Статья VII. О распложеніи разныхъ породъ лошадей къ службѣ способныхъ и о покупкѣ оныхъ не отъ полковъ, но отъ аншефъ командующаго или инспектора.

1) По различію службы, разныя и способности въ лошадяхъ почитаются, напримѣръ: для держанія строю, алинированья и вообще дѣлаемыхъ еволюцій Нѣмецкія; для принужденныхъ маршей, погони и шармюцелей Венгерскія и Польскія. Въ качествѣ послѣднихъ мы изобилуемъ нашими Украинскими, Донскими и низовыми, а въ качествѣ первыхъ приложить надлежитъ намъ стараніе къ распложенію Нѣмецкихъ, но такихъ породъ, которыя бы нашъ климатъ терпѣли.

Примѣчаніе. Родъ лошадей, употребляемыхъ нынѣ въ нашей кавалеріи, а особо карабинерныхъ полкахъ, всю способность къ перваго рода службѣ имѣетъ, въ разсужденіи тягости и огня весьма умѣренныхъ.

2) Покупку лошадей кавалерійскихъ возложить на попеченіе аншефъ командующаго или инспектора, который, выбраковавъ ежегодно на осеннемъ смотрѣ въ полкахъ лошадей,

больше удобности имѣетъ оныхъ купить, употребя для генеральной купли надежныхъ и знающихъ въ добротѣ лошадей офицеровъ, съ командами на всѣ ярмарки, потому что нерѣдко случается одному офицеру, отъ полку посланному для купли малаго количества лошадей, находить на ярмаркѣ великое число ихъ, а другому, требующему бо̀льшаго, быть на ярмаркѣ, гдѣ оныхъ будетъ малое количество.

Примѣчаніе. Ковка лошадей не всегда потребна, а отпускается на то ежегодно равномѣрная сумма и составляетъ на все число большую, можетъ быть, весьма умѣрена, и часть великая оной сбережена.

Статья VIII. О непрестанномъ занятіи войскъ потребнымъ ученіемъ.

Войскамъ довлѣетъ всегда въ исправности и готовности быть на службу, и посему и по многимъ инымъ важнымъ резонамъ на физичное и моральное онымъ исправленіе непрестанно занятыми быть различными ученіями и именно: въ гарнизонной службѣ держаніемъ стражи въ крѣпостяхъ, во внутреннихъ и наружныхъ укрѣпленіяхъ, на площадяхъ и проѣздахъ, повсемѣстно однообразно и одновременно. Въ полевой, въ выборѣ кампаментовъ и постовъ и ихъ укрѣпленій, въ оспориваніи подобныхъ непріятелю и въ изгнаніи изъ занятыхъ, равнымъ образомъ маршей, колонами и линіями, фуражированія, переправъ чрезъ рѣки, атакъ какъ стоящаго въ полѣ, такъ защищающаго крѣпости непріятеля при осадахъ и оборонахъ крѣпостей, въ употребляемыхъ поискахъ и работахъ, и во всемъ, что̀ только къ должности ихъ относится. А въ приморскихъ мѣстахъ и по рѣкамъ расположенной пѣхотѣ части морской службы, по совмѣстному ихъ иногда употребленію, и особливо что̀ лежитъ до гребли, уборки парусовъ и управленія мелкихъ судовъ, всегда подъ глазами главнаго командира, съ тѣмъ вниманіемъ, чтобы всякое съ войсками предпріятіе имъ искуснымъ образомъ вразумляемо и объясняемо было, и чтобы иногда отъ ихъ простаго понятія или недостаточнаго доказательства надобное и полезное не показалось имъ въ напрасную тягость, вовсе несобыточнымъ и неупотребительнымъ, и наконецъ и не обратилось-бы имъ въ досаду и не навело отвращенія.

Примѣчаніе. Ремесла сего люди весьма знаютъ плодъ и пользу изъ подобныхъ и ежевременныхъ занятій войскъ подъ глазами командующихъ, и слѣдствія досадныя, отъ небреженія сего или отъ одной отвычки происходящія.

Статья IX. О чистотѣ. Чистота военному человѣку по себѣ есть первымъ пособіемъ къ обереженію отъ разныхъ припадковъ и недуговъ, а относительно ружья и аммуниціи есть вещественнѣйшая часть его благосостоянія; слѣдовательно твердо настоять въ ономъ надлежитъ, чтобы въ войскѣ оная въ вышней степени въ разсужденіи особъ, ружья и аммуниціи наблюдаема была; но не позволять отнюдь на нѣкоторыя излишества, подъ симъ видомъ больше удручающія людей и вредящія вещамъ.

Статья X. О лучшемъ призрѣніи и врачеваніи больныхъ.

Военная служба, по одной своей тяготѣ, не говоря о частыхъ перемѣнахъ климата и пищи, производитъ болѣзни чрезвычайныя; слѣдовательно врачеваніе и содержаніе сихъ больныхъ требуетъ особливыхъ образовъ. Служившіе въ арміяхъ медики дол-

жны признаться сами во многихъ недостаткахъ сей части и приложить трудъ къ изобрѣтенію сходственнѣйшихъ съ положеніемъ военныхъ людей учрежденій, какъ въ разсужденіи врачеванія, такъ пищи и иныхъ выгодъ больнымъ потребныхъ.

Статья XI. О содержаніи въ мирное время людей полнымъ числомъ, лошадей кавалерійскихъ, исключая нѣкоторыхъ, двѣ трети и подъемныхъ осьмую часть и о увольненіи третей части чиновъ въ домы.

Польза службы требуетъ готовости и исправности, а польза государственная вообще взыскиваетъ, чтобы во время спокойное всякое пособіе государственному и приватному хозяйствамъ, облегченіе народу и сбереженіе казны дѣлаемо было; а по сему весьма важному примѣчанію и сходственно обоимъ предположеніямъ, въ мирное время содержать полки въ полномъ числѣ людей, лошадей кавалерійскихъ двѣ трети, а артиллерійскихъ и подъемныхъ осьмую часть и исключая Апрѣль, Май и Іюнь мѣсяцы, во всѣ другіе по особому плану людей третью часть, кромѣ унтеръ-штаба, урядниковъ или фельдфебелей, вахмистровъ, фельдшеровъ и мастеровыхъ, ежегодно увольнять въ домы, для исправленія домашнихъ надобностей, съ симъ наблюденіемъ, чтобы рядовые на всѣ девять мѣсяцей, а штабъ и оберъ-офицеры только на три попеременно, и не въ одно время, полковникъ и подполковникъ, оба маіора, капитанъ и порутчикъ, увольняемы были.

Статья XII. О награжденіяхъ. 1) Честь всѣхъ дѣяній человѣческихъ должна быть первымъ подвигомъ и живымъ образомъ всѣхъ достоинствъ, заслугъ и добродѣтелей въ почтенныхъ вышними степенями людей; и посему весьма основательному примѣчанію, принадлежатъ знатные посты пограничныхъ намѣстничествъ командующимъ въ тѣхъ краяхъ губернаторство и оберъ-комендантство подчиненнымъ ихъ, но всегда не въ одномъ спискѣ служащимъ, но дѣйствительно полевую службу на ряду съ другими отправляющимъ генераламъ. Внутреннія комендантства, городничества и исправничества заслуженнымъ штабъ-офицерамъ и преимущественно при ровныхъ достоинствахъ, по претерпѣніи ранъ и болѣзней, противъ желанія отставляемымъ отъ службы.

Примѣчаніе. Присвоеніе отличныя способности имѣющей особѣ многихъ званій и должностей со всѣми къ тѣмъ опредѣленными доходами, служить можетъ несомнѣнно и къ бо́льшему поощренію, а инако отяготительно и самому тщеславію, а иногда же и службѣ вредно.

2) Нѣкоторымъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и извѣстной части рядовымъ, изъ уваженія къ ихъ долговременной службѣ, понесеннымъ въ войнѣ тяжкимъ трудамъ, а особливо бывшимъ въ жестокихъ употребленіяхъ, на поощреніе другимъ, правосудно принадлежитъ нѣкоторая прибавка въ окладахъ, или при увольненіи изъ службы въ разъ извѣстною суммою.

3) По мѣрѣ заслугъ и достоинствъ и вовсе учинившіеся отъ тѣхъ же причинъ къ службѣ неспособными, государскаго призрѣнія признаются достойными.

Статья XIII. О произвожденіи. — 1) Къ произвожденію въ чины долговременная служба и старшинство были бы лучшими заслугами, ежели бы всегда находились тутъ же и всѣ другія качества и отличныя достоинства, которыя потребны въ людяхъ

на вышніе степени приготовляемыхъ; а посему и предоставлять старшинству право свое къ произвожденію не лѣтами службы, но заслугами и достоинствомъ доказывать.

Примѣчаніе. Слѣдуя общему заключенію, тѣ, которые только свою должность на ряду отправляютъ, обыкновенную плату, а не похвалу заслуживаютъ.

2). Коль презрительно поступается съ офицерскимъ званіемъ, давая оное по заслугѣ нѣкоторыхъ только лѣтъ простолюдимамъ, а одного года при отставкѣ всѣмъ вообще и изъ иностранной службы приходящимъ, съ пониженіемъ одной степени: столь не правосудно бы было лишать при заслугахъ и достоинствахъ доказанныхъ того права, кое тѣмъ искони пріобрѣталось. Слѣдовательно благополучіе первыхъ предоставлять надлежитъ ихъ усердному и ревностному онаго снисканію не на ряду съ дворянами; другимъ, кому чинъ слѣдовалъ по старшинству и достоинству, по мѣсту тому, гдѣ онъ продолжалъ службу; третьихъ принимать по отличнымъ способностямъ и свидѣтельствамъ отъ нашихъ министровъ, дѣйствительно въ воинской службѣ и въ войнахъ бывшихъ, и давать тѣже чины, въ коихъ они служили.

Примѣчаніе. Иностранные, намѣреваясь вступить въ нашу службу, набираютъ чины у князей, а особливо въ Польшѣ, чтобы, торгуясь и нѣсколько степеней уступя, одержать желаемую. Нерѣдко случается, что изъ провинцій нашихъ Нѣмецкихъ, одни, вступя по гласу благопристойности и должности въ службу отечества своего, по порядку не доходятъ до офицерскаго званія, когда изъ школы вышедшій молодой человѣкъ, наклавъ полны карманы патентовъ, пытается быть принятъ штабъ-офицеромъ, а наконецъ соглашается и субалтерномъ, всегда однако же съ чувствительною обидою служащихъ.

3). Произвожденіе въ штабъ-офицеры по арміямъ, а оберъ-офицерамъ по полкамъ, всегда признается быть лучшимъ для службы. Тутъ всякой, проча себя въ одной арміи и въ полку, весьма внимать долженъ на благопризнаніе командировъ своихъ и ко всему тому прилежать что̀ только можетъ ему оное пріобрѣсть. Въ мирномъ времени въ произвожденіи рѣдко одна армія или полкъ предъ другими терпятъ, а въ войнѣ и правосудіе велитъ давать тѣмъ чины, коихъ мѣста они въ бою заступя должности уже отправляемой достойны учинились.

Примѣчаніе. Но сіе разумѣется о совершившихъ дѣло со славою, а которые отъ сраженія утулились, или въ бѣгство обратились, тѣ подпадаютъ лишенію и всѣхъ прежнихъ чиновъ.

4). Произвожденіе въ чины удаляющихся подъ разными виды во время войны отъ службы на ряду съ служившими, даваніе одного чина и при помѣщеніи въ статскую службу и при отставкѣ за выслуженіе одного года, можетъ сочтено быть главнымъ вредомъ; а опредѣленіе съ высшимъ степенемъ на линію съ нижней должностью и къ малой командѣ, или вовсе лишеніе къ произвожденію, въ какомъ положеніи наши гарнизоны, крайнимъ упослѣжденіемъ службы. Одни, переходя изъ службы въ службу и изъ команды въ команду, перебираютъ по нѣскольку чиновъ и, получая на ряду и чрезъ годъ при отставкѣ, слагаютъ всю тягость службы безпосредственно нести въ обиду и упослѣжденіе остающимся на оной; другіе, страдая отъ честолюбія, впа-

даютъ въ нѣкоторой родъ унынія, а отъ того въ оплошности; слѣдовательно, не имѣя сами къ чинамъ и къ должности своей привязанія, не могутъ уже ожидать отъ иныхъ надобнаго къ онымъ уваженія. И совмѣстнѣе бы сего ради было, опредѣляя людей по неспособности больше быть въ воинской къ статской службѣ, давать тѣмъ только чины воинскіе, кои имъ слѣдовали по службѣ и кои дѣйствительно въ войнахъ находились, а по желаніямъ и въ войнахъ не бывшимъ, опредѣляемымъ въ статскую службу, давать и чины статскіе; къ должностямъ же помѣщать сходственно съ степенями чиновъ, и больше всегда на службу и на достоинство, нежели на исканіе внимать, чтобы никто не былъ ни съ чиномъ ни съ мундиромъ военнымъ, кромѣ дѣйствительно служащихъ или дѣйствительно въ войнѣ служившихъ, и всякой бы чинъ служилъ почестію, а не упослѣжденіемъ, и должность отправляема была съ усердіемъ, а не съ уныніемъ.

Статья XIV О увольненіи изъ службы. Увольненіе изъ службы всѣмъ дворянамъ справедливо принадлежитъ и принадлежать должно по многимъ важнымъ резонамъ; но въ разсужденіи чина и мундира на предписанныхъ кондиціяхъ; а исключаются изъ сего всѣ тѣ, которые состоятъ подъ властію родителей и подъ опекою и которые не только вовсе, но ниже временно безъ соизволенія ихъ увольняемы быть не могутъ. Равно и всѣ получившіе чины оберъ и унтеръ-офицерскіе изъ рекрутъ. Сіи подлежатъ общему объ отставкѣ простолюдимовъ опредѣленію, то есть по неспособности къ службѣ, за ранами и болѣзнями; рядовые же, кромѣ сихъ обстоятельствъ, за выслугу 15 лѣтъ добропорядочно, могутъ получать свои абшиды.

Примѣчаніе. Изъ офицеровъ изнемогшіе и нехотящіе тяготятъ весьма службу, и какъ трудно узнать изъ двухъ точную причину, то отставка по исканію, особливо послѣднимъ, коихъ исправленіе безнадежно, чѣмъ ранѣе послѣдуетъ, тѣмъ для службы полезнѣе.

Статья XV. О мундирахъ кому оные употреблять.

Мундиръ долженъ служить въ почесть для дѣйствительно служащихъ, и знакомъ благопризнанія государскаго къ долговременной и доброй въ войнахъ службѣ отставныхъ; слѣдовательно тѣмъ, кои въ лучшей молодости своихъ лѣтъ отреклись природою налагаемыхъ на нихъ обязательствъ и, прихотямъ своимъ слѣдуя, оставили службу и находятъ въ томъ только свои виды тщеславія къ разнымъ въ обществѣ безпокойствамъ, а иногда злу и насилію случаи, вовсе ношеніе мундира не приличествуетъ и не надлежитъ.

Примѣчаніе. Мундиръ одинаковой и таковъ, каковъ въ дѣлѣ употребляется, военнымъ людямъ приличествуетъ лучше перемѣняемыхъ по различію дней; но нѣкоторымъ отличнымъ корпусамъ, составляющимъ Императорскій домъ, приличествуетъ весьма великолѣпное украшеніе.

Статья XVI. О главномъ воинскихъ дѣлъ правительствѣ.

1). Титло Верховнаго Воинскаго Совѣта или начальства приличествуетъ сходственнѣе и лучше всѣхъ иныхъ имянованій.

2). Предсѣдательство и избраніе директоровъ предоставляется Государю; а генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инженеръ и генералъ-комисаръ, сходственно Морской Коллегіи

настоящему учрежденію, суть непремѣнные онаго члены.

Примѣчаніе. Годовымъ членамъ, по важности сего правительства, а и небывшимъ въ войнахъ чинамъ, по многимъ неоспоримымъ резонамъ, быть неприлично.

3). Всякой изъ вышеписанныхъ особъ, сверхъ общихъ дѣлъ, имѣть должны свои особливые експедиціи, и именно: директоръ—движеніе, расположеніе войскъ, произвожденіе, ревизію судовъ государскому рѣшенію подлежащихъ, и всѣ дѣла вообще относящіяся до полевой и гарнизонной службы. Къ нему принадлежатъ генералъ-квартермистръ, генералъ-аудиторъ, генералъ-контролеръ, оберъ-секретарь и три секретаря. Генералъ-фельдцейхмейстеръ — все, что̀ до артиллеріи и ея снарядовъ и магазиновъ. Генералъ-инженеръ, что̀ до крѣпостей и полевой того корпуса команды. Генералъ-комисаръ все что̀ до снабдѣнія военныхъ и съѣстныхъ припасовъ относится. И всякой долженъ имѣть своего контролера и секретаря, нижнихъ канцелярскихъ чиновъ и служителей сразмѣрно количеству дѣлъ во всякомъ департаментѣ.

4). Всѣ дѣла въ ономъ правительствѣ, на что нѣтъ точно-непремѣнныхъ или времянныхъ узаконеній, принадлежатъ государскому рѣшенію, а докладъ директору; а во всѣхъ точныхъ дѣлахъ сему правительству поступать и опредѣлять должно по регламенту въ силу непремѣнныхъ и времянныхъ узаконеній.

5). Для частныхъ правленій при всякой арміи, сходственно полагаемымъ въ верховномъ Военномъ начальствѣ чинамъ быть: отъ артиллеріи по одному генералу-маіору для полевой и арсенальной команды, отъ инженерной вообще по одному генералу-маіору и по двумъ оберъ-инженерамъ, одному для крѣпостей, а другому для полевой службы; отъ комисаріата вообще по одному оберъштеръ-комисару и двумъ оберъкригсъ-коммисарамъ, одному для снабдѣнія войска всѣмъ потребнымъ, другому для надзиранія надъ магазинами и дѣловыми дворами, и одному генералу квартирмейстеру лейтенанту.

Примѣчаніе. Должность оберъкригсъ-комисара можетъ возложена быть и на казенную палату въ пограничныхъ губерніяхъ, и членъ особой подъ титломъ воинскаго совѣтника или комисара въ оной опредѣленъ быть.

Въ Царскомъ Селѣ.
Маія дня.
1777

ПОСЛѢДНЕЕ ЧЕТЫРЕХЛѢТІЕ ЖИЗНИ СУВОРОВА.

(1796—1800 г.)

Политика, критика, Тугутъ, Директорія
Лондонъ, Потсдамъ—Боже сохрани!
(Изъ письма Суворова къ гр. Растопчину)

Глазомѣръ, быстрота, натискъ.
(Присловье Суворова).

Исходъ XVIII в. ознаменовался французскою революціею, идеи которой, ниспровергнувъ тронъ Бурбоновъ, потрясли всѣ основы стараго порядка вещей и, кромѣ того, грозили не ограничиваться предѣлами одной Франціи. Съ другой стороны, тѣже начала, предоставляя массу французовъ самой себѣ, сплачивали ее въ одно энергическое цѣлое, способное породить героевъ и, слѣдовательно, страшное не-французамъ. Все это заставляло монархическую Европу призадуматься, а европейскихъ монарховъ—спѣшить составленіемъ коалицій противъ Франціи, терзаемой, по выра-

женію тогдашнихъ политиковъ, гидрою безначалія. Не смотря, однакоже, на монархическія коалиціи, оружіе демократовъ торжествовало на всѣхъ театрахъ революціонныхъ войнъ. Покоривъ Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Савоію, Ниццу, и проч., Французы, побѣдою при Флерюсѣ, пріобрѣли всю Голландію (1794 г.); потомъ принудили прусскаго короля подписать въ Базелѣ отдѣльный миръ съ республикою и, такимъ образомъ, отступить отъ союза съ Австріею (1795); наконецъ, благодаря генію Бонапарте, не только отняли у Австріи всю сѣверную Италію, но даже натворили чудесъ въ отдаленномъ Египтѣ,—принадлежавшемъ Турціи.

Въ Россіи царствовала тогда Екатерина II, увѣнчанная лаврами долголѣтнихъ внѣшнихъ успѣховъ. Отдыхая на этихъ лаврахъ, Екатерина, какъ-бы пресыщенная ими, не искала новыхъ, и все участіе ея въ событіяхъ западной Европы ограничивалось естественнымъ сочувствіемъ къ несчастіямъ Бурбоновъ и щедротами французскимъ эмигрантамъ, всюду искавшимъ себѣ убѣжища. Далѣе этаго не шла политика Императрицы, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока гидра безначалія, терзавшая, по общему мнѣнію, Францію, не придвинулась къ Россіи и не заглянула въ Польшу, только что раздробленную между тремя сильными сосѣдями. Польское возстаніе, укрощенное мечемъ Суворова, измѣнило воззрѣніе петербургскаго двора на революціонныя движенія Европы и побудило его обезпечить себя новыми союзами съ Англіей и Австріей, союзами „на основаніяхъ болѣе твердыхъ, нежели всѣ бывшіе дотолѣ союзы“, чтобы потомъ, вмѣстѣ съ этими державами, произвести совокупное вторженіе внутрь самой Франціи. Съ этою цѣлію на границахъ новороссійскаго края снаряжалась уже 80 тыс. русская армія, предводителемъ которой избранъ побѣдоносный Суворовъ. Покоритель Измаила и Праги, снѣдаемый славолюбіемъ, рвался на брань и, пользуясь довѣріемъ Екатерины, не переставалъ писать къ ней: „матушка вели идти противъ французовъ“. Надеждамъ Суворова не суждено было, однакоже, осуществиться такъ скоро. 6-го Ноября 1796 г. Императрица Екатерина скончалась совершенно неожиданно, и преемникъ ея, Императоръ Павелъ, переиначилъ весь фасъ русской политики, потому что признавалъ необходимымъ прежде, нежели затѣвать внѣшнія предпріятія, заняться приведеніемъ въ порядокъ внутренняго государственнаго механизма, дѣйствительно, ослабнувшаго въ долголѣтнее правленіе Екатерины. Руководимый такимъ взглядомъ на вещи, Павелъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ прекратить всѣ приготовленія противъ Франціи, начатыя Екатериною, и вицеканцлеръ Остерманъ, объясняя это обстоятельство гр. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ, писалъ къ нему отъ 24 Ноября 1796 г.: „Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце Императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ принужденномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго-продолжавшихся изнуреній“....“ [1])

Слѣдовательно, Суворову, облеченному въ званіе предводителя Екатеринославской дивизіи, надлежало отказаться отъ своей любимой мечты „бить французовъ“. Недовольный такимъ оборотомъ дѣлъ, старикъ фельдмаршалъ не переставалъ оплакивать кончину Екатерины, всѣмъ говорилъ со слезами: „безъ матушки-царицы не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!“, и былъ постоянно не въ духѣ. Преобразованія по военной части, тогда же

[1]) См. Исторію войны 1799 г. между Россіей и Франціей, въ царствованіе Императора Павла I. Соч. Д. Милютина. т. I, стр. 10.

предписанныя Императоромъ и долженствовавшія водоизмѣнить всю внѣшность русскаго войска на манеръ прусскій, встрѣтили въ Суворовѣ, врагѣ всякихъ нововведеній, открытаго и неосторожнаго порицателя. Такъ, получивъ въ Екатеринославскую дивизію палочки, для образцовой мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ сказалъ: „пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ, а природный русакъ"— [2]) и эти слова, обратившіяся въ пословицу, достигли, какъ водится съ прикрасами, до Петербурга. Императоръ, справедливо негодуя на Суворова, охладѣлъ къ заслуженному старику [3]), и для героя Екатерининскаго вѣка настали черные дни. 15 Января 1797 г. фельдмаршалу Суворову объявленъ въ Высочайшемъ Приказѣ выговоръ „за самовольный отпускъ" подполковника Батурина — и Батуринъ отправленъ къ полку. Другимъ Высочайшимъ Приказомъ 23 того же Января, фельдмаршалъ Суворовъ получилъ другой выговоръ за присылку военнослужащаго, капитана Мерлина, курьеромъ „безъ всякаго дѣла", и Мерлинъ переведенъ въ Рижскій гарнизонъ. Четыре дня спустя, именно 27 Января, фельдмаршалу повелѣно явиться въ Петербургъ и „быть безъ команды". Наконецъ въ Высочайшемъ указѣ отъ 6 Февраля 1797 г. значилось слѣдующее: „фельдмаршалъ гр. Суворовъ, отнесясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы" [4]).

Узнавъ о своемъ увольненіи, Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ располагалъ основаться въ домикѣ, унаслѣдованномъ имъ послѣ родителя и находившемся на Большой Никитской, въ приходѣ ц. Ѳеодора Студита [5]). Но не тутъ то было. Частный приставъ, явясь къ отставному фельдмаршалу, объявилъ ему, что по случаю приближающейся коронаціи Императора Павла, имѣетъ Высочайшее повелѣніе лично проводить фельдмаршала до новгородскаго помѣстья, принадлежащаго его сіятельству. — „Сколько назначено мнѣ времени для приведенія въ порядокъ дѣлъ?" спросилъ Суворовъ. „Четыре часа", отвѣчалъ приставъ. — „Слишкомъ много милости — продолжалъ фельдмаршалъ — для Суворова довольно одного часа." Затѣмъ, велѣвъ отложить подвезенную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ потребовалъ экипажъ, „въ какомъ ѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію", и частный приставъ, волею не волею, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ больше 500 верстъ [6]).

Поселясь въ селѣ своемъ Кончанскомъ (Новгор. губ. Борович. уѣзда) Суворовъ, всегда вѣрный себѣ, не измѣнилъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спалъ на сѣнѣ, вставалъ въ два часа пополуночи, окачивался зимою и лѣтомъ водою со льдомъ, потомъ пилъ чай, причемъ заказывалъ повару обѣдъ изъ 4-5 блюдъ, за который садился въ 8 ч. утра, и ѣлъ его неиначе, какъ въ 4-5 маленькихъ горшечкахъ; послѣ обѣда отдыхалъ, въ 4 ч. дня снова пилъ чай и въ 10 ч. вечера ложился спать. Въ знойные дни, фельдмаршалъ обыкновенно ходилъ съ открытою головою; по субботамъ считалъ непремѣннымъ дол-

---

[2]) См. Побѣды Кн. Италійскаго, изд. 1810 г. ч. VI. стр. 145.

[3]) О прежнихъ отношеніяхъ Императора къ фельдмаршалу можно судить по письму, которое, при наступленіи 1797 г. Павелъ писалъ къ Суворову. Вотъ оно: „Поздравляю съ Новымъ Годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей".

[4]) См. Подлинные акты архива г. л. Измайловскаго полка, книга: Высочайшіе приказы, отдаваемые при паролѣ, за 1797 г.

[5]) См. Московскій Наблюдатель за 1835 г. № 15, стр. 456. Домъ этотъ, недавно барона Шеппинга, нынѣ принадлежитъ г. Баранову.

[6]) См. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Бантыша Каменскаго. Изд. 1847 г. Т. III. стр. 338—339.

гомъ париться въ жарко натопленной банѣ, а въ праздники взбирался на колокольню сельской церкви, собственноручно звонилъ въ колокола, потомъ пѣлъ на клиросѣ и за обѣднею любилъ самъ громогласно читать апостолъ [7]). Остальной досугъ свой побѣдитель Польши и Турціи наполнялъ тѣмъ, что устроивалъ свадьбы и непремѣнно присутствовалъ при вѣнчаніяхъ, примирялъ ссорившіяся семьи, пекся о благосостояніи кончанскихъ крестьянъ, читалъ и писалъ на разныхъ языкахъ, сочинялъ различные проэкты и, зорко слѣдя за событіями въ Европѣ, живо интересовался подвигами генерала Бонапарте, котораго, по мѣрѣ получавшихся о немъ извѣстій, постепенно производилъ изъ *молокососа* въ *мальчишки*, изъ мальчика въ *молодаго человѣка* и т. д. [8]).

Знаменитый изгнанникъ не былъ впрочемъ забытъ окончательно. Однажды въ Кончанскъ прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора, засталъ Суворова парящагося на полкѣ и немедленно былъ принятъ въ той же банѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому, Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: „это не ко мнѣ; фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ.“ Удивленный курьеръ напрасно старался удостовѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, порядочно пропотѣвъ въ банѣ, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ. Императоръ, часто великодушный, не обнаружилъ досады своей за эту новую продѣлку стараго героя и только повелѣлъ усилить за нимъ надзоръ, вслѣдствіе чего Суворовъ, особымъ письмомъ къ Государю испрашивалъ о дозволеніи удалиться въ Нилову пустынь, съ тѣмъ, чтобы тамъ окончить дни свои, но не получилъ никакого отвѣта.

Политическія событія въ Европѣ шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ и день ото дня становились опаснѣе для враговъ и недруговъ демократической Франціи. Оружіе республиканцевъ, продолжая всюду одерживать верхъ, отторгнуло у Австріи Нидерланды и Италію, присоединенныя, по договору въ Кампо-Форміо къ Франціи (1797), а потомъ проникло и въ Германію, принужденную, въ свою очередь, открыть мирный конгрессъ въ Раштадтѣ, не дожидаясь окончанія котораго французы овладѣли Римомъ и покорили себѣ всю Швейцарію.

Эти поражающіе успѣхи французскихъ полководцевъ ставили вверхъ дномъ всю систему монархической Европы и, казалось, угрожали обратить многихъ королей и герцоговъ въ безпріютныхъ изгнанниковъ, что́, естественнымъ образомъ, оскорбляло Императора Павла, считавшаго всѣхъ европейскихъ владѣтелей своею роднею [9]). Это политическое родство побудило Петербургскій кабинетъ озаботиться составленіемъ союзовъ противъ Франціи, къ чему и приступлено въ Сентябрѣ 1798 г. Тогда вторично вспомнили изгнанника-фельдмаршала и пригласили его на совѣщаніе въ Петербургъ. Но, пробывъ въ столицѣ всего два дня, Суворовъ, чувствовавшій себя не совсѣмъ хорошо, испросилъ и получилъ разрѣшеніе возвратиться въ свое Кончанское. Безъ него уже, но въ томъ же 1798 г., были подписаны въ Петербургѣ союзные трактаты съ Неаполемъ (17 Ноября), Англіею (17 Декабря), Турціею

---

[7]) См. тамъ же.—Разсказы стараго воина о Суворовѣ, изд. 1847 г. кн. III. стр. 351.— Объясненія на сочиненія Державина, изд. Львовымъ въ 1834 г. Ч. II, стр. 77.

[8]) См. Русскій Инвалидъ 1822 г. № 78.

[9]) Изъявивъ согласіе на полученіе Суворовымъ достоинства Сардинскаго князя съ титуломъ двоюроднаго брата короля (cousin), Императоръ Павелъ писалъ къ своему полководцу, что „чрезъ это, онъ и ему войдетъ въ родство, бывъ единожды принятъ въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею“. См. Словарь Бантыша-Каменскаго. Т. III, стр. 262.

(23 Декабря) и Австріею (Январь 1799 г.) Только одна Пруссія, вѣрная Базельскому трактату, объявила намѣреніе остаться нейтральною, чрезъ что отношенія ея къ Россіи примѣтно охладились.

Рѣшившись, такимъ образомъ, принять участіе въ невзгодахъ западной Европы — безъ всякаго, однако же, желанія завоеваній — Императоръ Павелъ I немедленно двинулъ на помощь Австріи 60 тыс. корпусъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Розенберга. Въ тоже самое время умеръ принцъ Оранскій, придводитель Австрійскихъ войскъ въ Италіи, и правительства австрійское и англійское обратились къ Императору Павлу съ просьбою о назначеніи главнокомандующимъ союзныхъ войскъ русскаго фельдмаршала гр. Суворова, имя котораго было хорошо знакомо всей Европѣ и считалось синонимомъ побѣды. „Вотъ русскіе на все пригожаются", сказалъ тогда Государь находившемуся при немъ гр. Растопчину и, взявъ перо, тотчасъ же написалъ къ Суворову слѣдующій рескриптъ: „Сей часъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобъ вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идутъ. И такъ посему, и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ. С. Петербургъ 1799 г. Февраля 4". Вѣстникомъ новаго назначенія Суворова былъ флигель-адъютантъ Толбухинъ, явившійся въ Кончанское въ Февралѣ 1799 г. Суворовъ благоговѣйно принялъ царскій рескриптъ, облобызалъ его, прижалъ къ своимъ ранамъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви и, продолжая оригинальничать, отдалъ своему старостѣ такой приказъ: „Часъ собираться, другой отправляться. Поѣздка съ четырью товарищами: я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобъ такую суму повѣрилъ, потому что я ѣду не на шутку. Да я жъ служилъ за дьячка, пѣлъ басомъ, а теперь поѣду пѣть Марсомъ" [10]).

18 Февраля 1799 г. Суворовъ былъ уже въ Петербургѣ и въ тотъ же день представился Императору, который, при первомъ свиданіи съ фельдмаршаломъ, возложилъ на него большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго [11]). Довольный такимъ пріемомъ, старый ветеранъ почувствовалъ себя совершенно на мѣстѣ и, какъ бы предвкушая ожидавшія его боевыя наслажденія, не замедлилъ на радостяхъ, войти въ свою обычную роль, то есть не преминулъ почудить въ тотъ же день и въ томъ же дворцѣ. Встрѣтивъ тутъ между придворными множество старыхъ знакомцевъ, Суворовъ пресерьезно увѣрялъ ихъ, что всѣ они *похорошѣли*, называлъ ихъ *красавцами* и, на вопросъ Растопчина, зачѣмъ говоритъ каждому одно и тоже, отвѣчалъ: „Вы красавцы, а я кокетка; смѣюсь и не боюсь" [12]). Отшучиваясь такимъ образомъ на право и на лѣво, фельдмаршалъ торопился ѣхать въ армію, и вмѣстѣ — дѣлать добро: такъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, онъ успѣлъ исходатайствовать помилованіе приговоренному къ ссылкѣ въ Сибирь капитану Синицкому. Мать

---

[10]) Словарь Д. Бантыша Каменскаго, Т. III. стр. 343.

[11]) Мы опускаемъ сказаніе о томъ, какъ Суворовъ, представляясь Государю, восторженно произнесъ: „Господи! Спаси Царя!" какъ Государь отвѣтствовалъ фельдмаршалу: „Тебѣ спасать царей!" и т. д. Не смотря на всю свою патетичность, это сказаніе кѣмъ-то вымышлено и пошло въ ходъ безъ всякихъ доказательствъ.

[12]) См. Русскіе анекдоты военные, гражданскіе и историческіе, изд. С. Глинкою въ 1820 г. Ч. I. стр. 206.

этого несчастнаго отнеслась къ Суворову съ слѣдующимъ письмомъ.

„Сіятельнѣйшій графъ! Милостивѣйшій государь!

Семдесятъ лѣтъ живу я на свѣтѣ, шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго—послѣднюю мою надежду! молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ,—а гробъ для меня еще не открылся.—Государь милосердъ. Графъ Рымникскій милостивъ и сострадателенъ. Возврати мнѣ сына.... и спаси отчаянную! Лейбъ гренадерскаго полка капитана Синицкаго мать"

Суворовъ отвѣчалъ на это:

„Милостивая государыня!

Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду вашъ покорный слуга

А. Суворовъ„ [13]).

Черезъ нѣсколько дней старуха мать обняла своего сына.

Въ Митавѣ фельдмаршалъ посѣтилъ проживавшаго здѣсь Людовика XVIII, выслушалъ отъ него слова: „я уже не несчастливъ, потому что судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова" и 15 Марта прибылъ въ Вѣну, гдѣ былъ встрѣченъ неумолкаемыми: виватъ! всего народа и обласканъ Императоромъ Францомъ II. Въ Шенбруннѣ Суворовъ впервыя послѣ разлуки увидѣлъ русскія войска, радостно привѣтствовалъ ихъ словами: „здравствуйте, чудо-богатыри, любезнѣйшіе друзья мои", и на восторженныхъ лицахъ героевъ Кинбурна, Фокшанъ, Рымника, Измаила и Праги показались слезы.

Вкратцѣ и на словахъ объяснивъ Императору Францу II всѣ военныя предположенія свои, Суворовъ спѣшилъ уѣхать въ Италію, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его русскій вспомогательный корпусъ Розенберга. Но баронъ Тугутъ, тогда первый министръ Австріи, всячески домогался, чтобы русскій фельдмаршалъ представилъ Вѣнскому Гофкригсрату точный и подробный планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, — и, не видя этого плана, подъ разными предлогами задерживалъ Суворова въ Вѣнѣ. Эти домогательства не повели однако ни къ чему. Суворовъ очень хорошо понималъ. что такое Гофкригсратъ, зналъ за нимъ „неискоренимую привычку битымъ быть", называлъ членовъ его *унтеркунфтами*, *бештимтзагерами*, *мерсенерами* [14]) и вовсе не располагалъ довѣрять плановъ своихъ Тугуту, секретарь котораго,служившій нѣкогда секретаремъ при гр. Мирабо, по этому самому казался Суворову подозрительнымъ и продажнымъ [15]). Да и самъ Тугутъ, человѣкъ неоспоримо умный и государственный, не былъ личностію симпатичною и не пользовался большимъ расположеніемъ даже со стороны своихъ земляковъ, потому что вѣнская аристократія помнила Тугута сыномъ содержателя перевозовъ на Дунаѣ и видѣла въ немъ креатуру знаменитаго Кауница, а военное сословіе Австріи, съ эрцгерцогомъ Карломъ и фельдмаршаломъ Ласси въ своей главѣ, приписывало Тугуту всѣ несчастія, понесенныя австрійскою арміею въ періодъ революціонныхъ войнъ. Послѣднее не было лишено справедливости: ревнуя къ собственному вліянію всѣ остальныя вліянія, Тугутъ вмѣшивался во все, не допускалъ никого дѣйствовать самостоятельно, намѣренно оставлялъ вакантнымъ мѣсто президента Гофкригсрата и, вовсе не будучи военнымъ человѣкомъ, связывалъ по рукамъ и ногамъ австрійскихъ генераловъ, не смѣвшихъ ступить шага безъ категорическаго предписанія изъ Вѣны. Подоб-

---

[13]) Сынъ Отечества за 1848 г, Кн. XI. с. 79-80.

[14]) Членами Гофкригсрата тогда были: Колоредо, Туркгеймъ и Тигэ—покорные исполнители распоряженій Тугута; независимо отъ этихъ членовъ, Тугутъ любилъ употреблять по военнымъ дѣламъ преданнаго ему Лауэра, котораго всѣ ненавидѣли.

[15]) См. Статью „Суворовъ и Тугутъ" Е. Фукса, въ Чтен. Общ. Истр. и Древ. за 1847 г, Кн. XI, Смѣсь, стр. 2.

ная система, конечно, не могла нравиться рымникскому герою, желавшему, на этотъ разъ, состоять въ распоряженіи Франца II и сражаться независимо отъ методическихъ соображеній Гофкригсрата. По этому, вовсе не думая удовлетворять назойливымъ требованіямъ Тугута, Суворовъ не согласился даже за просто побывать у австрійскаго министра, для объясненій хотя словесныхъ, — о чемъ не разъ намекалъ фельдмаршалу гр. Разумовскій, русскій посланникъ въ Вѣнѣ. „Андрей Кириловичъ! отвѣчалъ обыкновенно на эти намеки Суворовъ, вѣдь я не дикломатъ... а солдатъ... русской!... Куда мнѣ съ нимъ говорить? да и зачѣмъ?? онъ моего дѣла не знаетъ; — а я его дѣла не вѣдаю!... Знаете ли вы, Андрей Кириловичъ, первый псаломъ? Блаженъ мужъ“ [16]). Кончилось тѣмъ, что Суворовъ уѣхалъ изъ Вѣны, вручивъ Тугуту, какъ говорятъ, кипу бѣлой бумаги, съ словами: „вотъ мои планы“. — Эта суворовская шутка окончательно взбѣсила Тугута и была зерномъ той затаенной неприязни австрійскихъ властей къ русскому главнокомандующему, слѣдствіемъ которой были и безплодность лавровъ, обильно пожатыхъ Суворовымъ въ Италіи и, еще болѣе, безплодность неимовѣрныхъ подвиговъ, имъ же совершенныхъ въ Швейцаріи.

Оставивъ Вѣну въ исходѣ Марта 1799 году, Суворовъ прибылъ 2 Апрѣля въ Верону. Здѣсь восхищенные горожане выпрягли лошадей изъ кареты русскаго вождя и повезли её на себѣ до отведеннаго ему дворца. Въ Веронѣ Суворовъ принялъ подъ свое начальство австрійскихъ командировъ Меласа и Края, а также всѣхъ прибывшихъ сюда русскихъ генераловъ. Представленіе послѣднихъ фельдмаршалу, производившееся не въ присутствіи австрійцевъ, сопровождалось большими оригинальностями. Такъ, пока Розенбергъ называлъ чинъ и фамилію представляемаго, Суворовъ стоялъ на вытяжку, съ закрытыми глазами и, при каждой неизвѣстной ему фамиліи, открывалъ глаза, говоря съ поклономъ: „Помилуй Богъ! Не слыхалъ! Познакомимся!“ Когда Розенбергъ назвалъ ген. маіора Меллера-Закомельскаго: „А! помню! сказалъ Суворовъ; не Иванъ ли?“ и на утвердительный отвѣтъ Меллера — ласково поклонился ему, сказавъ: „Послужимъ, побьемъ французовъ! Намъ честь и слава!“ — Дошла очередь до ген. маіора Милорадовича. „А! а! это Миша! Михайло!“ — Я, ваше сіятельство. — „Я зналъ васъ вотъ такимъ, продолжалъ Суворовъ, показывая рукою на аршинъ отъ пола, — и ѣдалъ у вашего батюшки Андрея пироги. О! да какіе были сладкіе. Какъ теперь помню. Помню и васъ, Михайло Андреевичъ! Вы хорошо тогда ѣздили верхомъ на палочкѣ! О! да какъ же вы тогда рубили деревянною саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!“ Милорадовичъ, растроганный до слезъ, говорилъ, что постарается оправдать мнѣніе о немъ фельдмаршала. Наконецъ, Розенбергъ назвалъ ген. маіора кн. Багратіона. Тутъ Суворовъ встрепенулся, открылъ глаза, вытянулся, спросилъ: „Князь Петръ? Это ты Петръ? Помнишь ли ты.... Подъ Очаковымъ!... Съ турками!... Въ Польшѣ!“ — и подвинувшись къ Багратіону, обнялъ его, поцѣловалъ въ глаза, въ лобъ, въ губы, при чемъ приговаривалъ: „Господь Богъ съ тобою, князь Петръ! Помнишь ли? А?.. помнишь ли походы?...“. — „Нельзя не помнить, ваше сіятельство, отвѣчалъ Багратіонъ со слезами на глазахъ, не забылъ и не забуду!“ По окончаніи представленія, Суворовъ быстро повернулся, заходилъ широкими шагами, потомъ вдругъ остановился вытянулся и, съ закрытыми глазами, началъ произносить скороговоркою, не относясь ни къ кому именно: „Субординація! Экзерциція! Военный шагъ — аршинъ; въ захожденіи — полтора; голова хвоста не ждетъ; внезапно, какъ снѣгъ на голову; пуля бьетъ въ полъ-человѣка; стрѣляй рѣдко до мѣтко; шты-

[16]) См. Разсказы стараго воина о Суворовѣ, кн. II, с. 103—104.

комъ коли крѣпко; трое наскочатъ: одного заколи, другаго застрѣли, а третьему карачунъ!.. Пуля дура, штыкъ молодецъ! Пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится! Береги пулю на три дни, а иногда на цѣлую кампанію. Мы пришли бить безбожныхъ, вѣтреныхъ, сумасбродныхъ французишковъ; они воюютъ колоннами,—и мы ихъ будемъ бить колоннами! Жителей не обижай! Просящаго пощады помилуй!".—Затѣмъ, какъ бы утомясь, Суворовъ умолкъ, склонилъ голову, наморщилъ брови, углубился въ себя; но чрезъ нѣсколько секундъ встрепенулся, приподнялся на носки, живо повернулся къ Розенбергу и сказалъ: „Ваше высокопревосходительство! Пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты и два полчка казачковъ", слѣдствіемъ чего было немедленное выступленіе кн. Багратіона съ этимъ авангардомъ [17]).

Въ Валеджіо, на берегахъ Минчіо, Суворовъ вступилъ въ командованіе союзною арміею и, раздѣливъ её на три отряда, двинулъ всю противъ республиканскаго генерала Моро, собратъ котораго, генералъ Журданъ, былъ уже оттѣсненъ австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ за Рейнъ.—Славные подвиги начались немедленно. 9 Апрѣля Багратіонъ и Край взяли Бресчію; 14 Апрѣля, Моро, разбитый при Лекко и Треццо, бѣжалъ за р. Адду, а Серрюрье настигнутый союзниками при Вердеріо, положилъ оружіе [18]). Императоръ Павелъ, получивъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, велѣлъ діакону возгласить, въ концѣ благодарственнаго молебна: „высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову рымникскому многая лѣта„—и, посылая побѣдителю портретъ свой въ перстнѣ, осыпанномъ бриліантами, писалъ въ рескриптѣ: „примите его въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага благоденствія всемірнаго".—Сынъ Суворова тогда же сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и отправленъ къ отцу, при чемъ Государь сказалъ: „поѣзжай и учись у него; лучше примѣру тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу".—Обо всемъ этомъ извѣстилъ Суворова гр. Растопчинъ, заключавшій письмо свое, отъ 5 Мая, словами: „Примите чистосердечное поздравленіе о первомъ успѣхѣ дѣйствій вашихъ противъ враговъ благоденствія міра; я истинно есмь Россіянинъ, приверженный къ особѣ Государя, моего благотворителя, и горжусь подвигами героя моего Отечества; благодать господня съ Христолюбивымъ воинствомъ да пребудетъ на вѣки, и да расточатся врази его!" [19]). 15 Апрѣля Суворовъ, говорятъ, сказалъ каламбуръ: „demain j'aurai mille ans", и 16 Апрѣля, въ первый день Пасхи, вступилъ въ Миланъ, столицу Ломбардіи, привѣтствуемый громкимъ ура! всѣхъ гражданъ. Здѣсь австрійскіе генералы просили русскаго главнокомандующаго дать отдыхъ войскамъ, но получили отъ него однословный отвѣтъ: „впередъ!".—26 Апрѣля сдалась союзникамъ крѣпость Пескьера, ключъ Пьемонта, а 28 Апрѣля послѣдовало тоже съ крѣпостями Пиччигетоне и Тортоною, вслѣдствіе чего Растопчинъ снова писалъ Суворову, отъ 15 Мая: „честные и вѣрные сыны Отечества составляютъ хоръ, воспѣвающій побѣды ваши, а злодѣи ваши и тварь пресмыкающаяся грызетъ землю и боится блеска славы вашей" [20]). Въ самый день сдачи Пескьеры прибылъ въ главную квартиру Суворова Вел. Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый ген. отъ кавалеріи Дерфельденомъ, и Моро,

---

[17]) Тамъ же, с. 108–110.

[18]) Возвращая шпагу плѣнному Серрюрье, Суворовъ произнесъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ;—

велѣлъ перевести эти стихи французскому генералу и вышелъ изъ комнаты.—„Quel homme! (Какой человѣкъ!)" воскликнулъ удивленный Серрюрье.

[19]) См. Историческій, статистическій и географическій Журналъ за 1828 годъ, Мартъ, с. 210.

[20]) Тамъ же, с. 212.

аттакованный 1 и 2 Мая въ позиціи между Валенціею и Александріею, вынужденъ былъ отступить, 6 Мая, къ Асти и Кони. 12 Мая союзники овладѣли Феррарою, 13-го Миланскою цитаделью, 14 Феррарскою, а 27 Мая Суворовъ вступилъ въ Туринъ, въ столицу Піемонта, и обложилъ тамошнюю цитадель. Такимъ образомъ, въ одинъ мѣсяцъ времени, вся Верхняя Италія была очищена, и остатки разбитой арміи Моро отброшены въ Ривьеру Генуэзскую.—„Графъ Александръ Васильевичь! —писалъ къ Суворову Государь—въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ разорителей....“[21]); а гр. Растопчинъ, постоянный поклонникъ Суворова, говорилъ въ письмѣ своемъ къ фельдмаршалу отъ 7 Іюня: „Герои любятъ истину, а я поминутно её въ устахъ своихъ имѣю, говоря всѣмъ, вездѣ и всегда, что вами славится Россія и избавляется Европа. Я горжусь тѣмъ, что въ одной землѣ съ вами родился и столько же её люблю, какъ и васъ“ [22])

Обезпеченный уже со стороны Моро, то есть съ фронта, Суворовъ, подобно Фридриху Великому въ кампаніи 1757 года, смѣло обратился на новаго противника, свѣжія силы котораго угрожали союзникамъ съ тыла. Этотъ новый противникъ Суворова былъ генералъ Макдональдъ, уже спустившійся съ Аппенинскаго хребта и начинавшій дебушировать въ долину р. По. Но Суворовъ, не любя ожидать нападеній, оставилъ австрійскій корпусъ Беллегарда наблюдать за Моро, а самъ устремился съ главными силами противъ Макдональда, котораго встрѣтилъ у р. Тидоны и первоначально оттѣснилъ до р. Треббіи. Здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за двѣ тысячи лѣтъ до того Аннибалъ сокрушилъ Римлянъ, Макдональдъ бился съ Суворовымъ три дня къ ряду (7, 8 и 9 Іюня), потерпѣлъ совершенное пораженіе [23]) и бросился въ безпорядкѣ обратно за Аппенины, чтобы хотя берегомъ моря успѣть соединиться съ Моро, начинавшимъ, въ отсутствіи русскихъ, одерживать нѣкоторые успѣхи надъ австрійцами. Эти успѣхи прекратились однакоже съ появленіемъ Суворова, который снова заставилъ Моро уйти въ горы. Треббійская побѣда доставила Суворову новую награду: брилліантовый портретъ Императора Павла, для ношенія на груди [24]). За тѣмъ, къ крайнему негодованію Суворова, послѣдовало болѣе чѣмъ мѣсячное бездѣйствіе союзниковъ,—штука мстительнаго Тугута, приковавшаго все вниманіе вѣнскаго двора къ продолжавшейся осадѣ крѣпости Мантуи, стойкость которой служила для бездарнаго Гофкригсрата уважительнымъ предлогомъ противодѣйствовать дальнѣйшему развитію наступательной системы русскаго главнокомандующаго. Наконецъ, сдалась и Мантуя (17 Іюля), а за нею пала Александрія. Суворовъ, связанный до сихъ поръ Вѣною и жаловавшійся Императору Павлу на „робость Гофкригсрата, зависть къ себѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ,

---

[21]) См. Словарь Бантыша Каменскаго, т. III, с. 354—355.

[22]) Историческій и проч. Журналъ за 1828 г., Мартъ, с. 213.

[23]) Потеря Макдональда во всѣ три дня простиралась убитыми до 6 тыс. чел., плѣнными больше 12 т. чел., въ томъ числѣ 4 генерала и 510 штабъ и об. офиц. Кромѣ того у французовъ отнято 7 знаменъ и 6 орудій.—У союзниковъ насчитано до 1 тыс. убитыми и до 4 тыс. раненыхъ.

[24]) Этотъ портретъ присланъ Суворову при слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 13 Іюля: „Графъ Александръ Васильевичъ! Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, имъ же прославляется царствованіе наше. Пребываю благосклонный Павелъ“

двуличныхъ начальниковъ и безвластіе въ производствѣ операцій прежде доклада" [25]) вздохнулъ свободнѣе: онъ видѣлъ теперь возможность оставить ненавистный ему „дефенсивъ" и перейдя въ наступательное положеніе, проникнуть въ Ривьеру Генуэзскую, гдѣ воспользоваться самостоятельностію, тѣмъ болѣе полною, что Императоръ Павелъ, уже недовольный союзниками, уполномочилъ своего полководца [26]), собравъ, когда понадобится, русскія войска въ одно мѣсто, дѣйствовать съ ними по собственному усмотрѣнію, остерегаясь, однакоже, своекорыстія союзниковъ. Въ это же время, Король Сардинскій, довольный очищеніемъ Піемонта, куда однако австрійцы не пускали его, прислалъ Суворову ордена Аннонсіады, Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ сардинскаго генералъ фельдмаршала и возвелъ русскаго полководца въ достоинство князя, съ титуломъ своего *двоюроднаго брата* (cousin du roi).

Но предполагаемое Суворовымъ наступленіе въ Ривьеру Генуезскую не состоялось, потому что его предупредилъ Жубертъ, новый главнокомандующій республиканскихъ войскъ въ Италіи, молодой генералъ, котораго самъ Бонапартъ называлъ ***наслѣдникомъ славы своей***. Усиливъ армію Моро многими подкрѣпленіями, Жубертъ снова перешелъ съ нею Аппенины и занялъ сильную позицію при г. Нови. — „Юный Жубертъ пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ", сказалъ тогда Суворовъ — и, пылкій не по лѣтамъ, стремительно аттаковалъ, 4 Августа, позицію Жуберта. Послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, стоившаго жизни самому Жуберту, разбитые на-голову Французы [27]) принуждены были спасаться бѣгствомъ за Аппенины [28]). На этотъ разъ, непріятель не былъ однако же преслѣдуемъ посуворовски, потому что побѣдители тогда же узнали о присутствіи въ своемъ тылу новыхъ французскихъ войскъ, вступившихъ въ Піемонтъ съ запада. Предписавъ отдѣльнымъ отрядамъ наблюдать за движеніями непріятеля, Суворовъ сосредоточилъ главныя силы союзниковъ къ Асти, чтобы отсюда удобнѣе вторгнуться въ самую Францію. Между тѣмъ, Суворовъ, за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, „отъ безбожныхъ ея завоевателей", былъ возведенъ Императоромъ Павломъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи, съ титуломъ *Италійскаго* (8 Авг.), а по полученіи Государемъ реляціи о Новійскомъ сраженіи, состоялся, 24 Авг. въ Гатчинѣ, слѣдующій Высочайшій приказъ: „Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ Его Императорскаго Величества" [29]). На копіи этого приказа, доставленной Суворову, подписано было рукою графа Растопчина: „за сраженіе при Нови".

---

[25]) См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г., изд. Фуксомъ въ 1825—1826 г., ч. III, с. 268.

[26]) Жалуясь Государю на союзниковъ, Суворовъ просилъ о своемъ отзывѣ и писалъ: «Я хочу кости положить въ моемъ отечествѣ».

[27]) Въ письмѣ Суворова къ Сардинскому королю, отъ 22 Ав., уронъ французовъ показанъ такъ: 6 тыс. убитыми, 4 тыс. пропавшими безъ вѣсти, 5 тыс. ранеными, болѣе 4600 плѣнными (въ томъ числѣ 4 генерала). См. Собраніе писемъ князя Италійскаго, изд. 1814 г. с. 205. — Кромѣ того, французы потеряли 39 орудій и 54 ящика съ снарядами. Союзники лишились 1300 человѣкъ убитыми и считали 4700 раненыхъ.

[28]) Разсказываютъ, что, послѣ сраженія при Нови, у русскихъ съ союзниками вышелъ споръ о пушкахъ, отнятыхъ русскими: союзники требовали себѣ половину. Когда это дошло до Суворова, онъ произнесъ такое рѣшеніе: „Отдать имъ всѣ; гдѣ имъ взять! Мы еще возмемъ". — См. Анекдоты Русскіе. изд. 1809 г., ч. II, с, 307.

[29]) „А вамъ — писалъ государь Суворову — не зная, что уже давать, потому что вы поставили себя свыше награжденій, опредѣлили почесть военную... Достойному достойное".

Въ Англіи давно уже на всѣхъ праздкахъ пили здоровье *избавителя Италіи*, сочиняли въ похвалу Суворова пѣсни,— и Суворовъ, увѣдомленный объ этомъ гр. Сем. Ром. Воронцовымъ, русскимъ посломъ въ Лондонѣ, отвѣчалъ ему еще 27 Іюля изъ подъ Нови: „Почтеннѣйшее письмо в. с., отъ 28 Маія, наполненное лестными для меня выраженіями, побуждаетъ просить васъ, милостиваго государя моего, о изъявленіи Его Великобританскому Величеству чувствительной и глубочайшей моей благодарности за милостивые его обо мнѣ отзывы, и за доброе мнѣніе почтеннѣйшей Англійской націи пребуду я навсегда признательнымъ, отдавая и ей съ моей стороны въ полной мѣрѣ всю ту справедливость, которую она себѣ пріобрѣла„ [30]).

Не смотря, однакоже, на всѣ оваціи Суворову, намѣреніе его разставить войска свои по квартирамъ въ Италіи, съ тѣмъ, чтобы изготовясь тутъ, зимою, къ новымъ подвигамъ, начать слѣдующею весною движеніе во Францію, — это намѣреніе опять таки не состоялось. Виновникомъ того былъ тотъ же Тугутъ, по новому плану котораго союзная армія долженствовала занять операціонную линію отъ Нѣмецкаго моря до Средиземнаго, а собственно-русскія войска сосредоточиться въ Швейцаріи, гдѣ у Массены было до 84 тыс. республиканскихъ войскъ и откуда эрцгерцогу Карлу предписывалось выступить немедленно къ среднему Рейну, оставляя, такимъ образомъ, противъ всѣхъ силъ Массены 24 тысячный русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, съ австрійскими отрядами Готце, имѣвшими, къ тому же, повелѣніе — отдѣлиться отъ Корсакова тотчасъ по вступленіи въ Швейцарію арміи Суворова. Послѣднее распоряженіе вѣнскаго двора особенно не нравилось русскому фельдмаршалу, вообще не одобрявшему новаго плана дѣйствій и весьма недовольному предстоявшимъ походомъ въ Швейцарію. Суворовъ понималъ, что этотъ походъ, подготовленный къ осеннему времени, будетъ крайне тягостенъ въ горной сторонѣ, и къ тому же былъ увѣренъ, что Массена не оставитъ ударить на Корсакова, не дожидаясь соединенія съ послѣднимъ арми- Суворова. Въ этихъ видахъ, Суворовъ всячески старался отвратить исполненіе вѣнскаго плана и, довѣряя *единому во всей Вѣнѣ* Колычеву, отправленному туда Императоромъ Павломъ для ходатайствованія у Римско-императорскаго двора въ пользу русскихъ вспомогательныхъ войскъ [31]), откровенно писалъ къ нему, отъ 20 Авг. изъ Асти: „Испытую вашу доблесть къ пользѣ общаго блага; исправьте его колеблимость наипоспѣшнѣйше и исторгните его изъ опасности.... Лучше дѣло трактовать постороннимъ образомъ, нежели отъ моего имени, терзаемаго и въ горячкѣ, отъ сателлитовъ Тугута, опоясаннаго мечемъ Скандербега. — Сія сова не съ ума ли сошла, или того никогда не имѣла“ [32]). Затѣмъ Суворовъ обратился съ своими сомнѣніями къ самому Императору Павлу, но получилъ въ отвѣтъ одну Высочайшую увѣренность, что „успѣхи французовъ противъ цесарцевъ начнутся съ отбытіемъ русскихъ въ Швейцарію“ [33]). Слѣдовательно, Суворову оставалось покориться необходимости и тѣмъ спѣшнѣе выступать въ Швейцарію, что вѣнскій дворъ требовать этато выступленія *безотлагательно*.

Распорядясь приготовленіями къ этому новому походу, Суворовъ выжидалъ только сдачи союзникамъ Тортонской

[30]) См. Русскій Вѣстникъ за 1842 г. Январь, с. 139.

[31]) См. Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, соч. Терещенко, изд. 1837 г. ч. III, с. 147.

[32]) См. Русскій Вѣстникъ за 1842 г. Январь, с. 140.

[33]) См. Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 г. соч. Милютинымъ, изд. 1852 г. ч. V, с. 266.

цитадели, — вполнѣ увѣренный, что письмо его къ эрцгерцогу Карлу убѣдитъ послѣдняго пробыть въ Швейцаріи до соединенія съ Корсаковымъ главныхъ русскихъ силъ. Но съ полученіемъ извѣстія о томъ, что эрцгерцогъ покинулъ уже Корсакова и выступилъ къ среднему Рейну, Суворовъ не сталъ ждать ничего болѣе и, сдавъ австрійскому генералу Меласу — за три дня до капитуляціи Тортонской цитадели — начальство надъ союзными войсками въ Италіи, рѣшился начать предписанное движеніе. „Поведу я теперь—доносилъ тогда Суворовъ Государю—храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указуетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славой за Отечество.....“ [34]). Суворовъ зналъ всѣ предстоявшія ему трудности; зналъ, что его армія встрѣтитъ на своемъ пути такія мѣста, гдѣ два человѣка едва могутъ пройти рядомъ, гдѣ и думать нельзя ни о повозкахъ, ни объ артиллеріи, гдѣ нечего расчитывать на какія нибудь средства продовольствія, гдѣ, наконецъ, надо будетъ штыками пролагать себѣ дорогу сквозь узкія горныя тѣснины, уже загражденныя французскими отрядами. Зналъ также Суворовъ, что Французы имѣли все время усилиться въ Швейцаріи, и самъ, за долго еще до движенія своего въ эту сторону, письменно жаловался гр. Растопчину, что „Франціи свободны сюда руки; эрцгерцогъ ничѣмъ ея не занималъ и близь четверти года оставался *въ унтеркунфтѣ* подъ кровлею“ [35]). Но побуждаемый, съ одной стороны, совѣтомъ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба идти прямо на Сенъ-Готардъ, чтобы, такимъ образомъ, въ двѣ недѣли достигнуть Швица, и успокоенный, съ другой, формальнымъ обязательствомъ австрійскаго генерала Меласа заготовить для русской арміи вьючныхъ муловъ въ г. Тавернѣ, Суворовъ бодро двинулъ свои 20 тысячъ на неимовѣрные подвиги, составляющіе истинную эпопею новѣйшихъ временъ.

Имѣя въ виду явиться къ назначенному дню у Сенъ-Готарда, Суворовъ въ шесть сутокъ перешелъ полуторастоверстное пространство отъ Александріи до Беллинцоны и 4 Сентября прибылъ въ г. Таверну,—гдѣ не нашелъ ни муловъ, ни продоволствія, обѣщанныхъ Австрійцами. Этотъ новый обманъ коварныхъ союзниковъ замедлилъ движеніе Суворова на цѣлые 5 сутокъ, отчего естественнымъ образомъ увеличивалась опасность, грозившая Корсакову, котораго Массена могъ разбить не дожидаясь прибытія Суворова, что́, какъ увидимъ, Массена и сдѣлалъ. Между тѣмъ Суворовъ, собравъ на̀-скоро кое-какіе запасы, навьюченные, вмѣсто муловъ, на казачьихъ лошадей, выступилъ, съ нѣсколькими горными орудіями, изъ Таверны, шелъ трое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, по трудной дорогѣ, сбилъ передовой непріятельскій постъ въ Айроло и послѣ цѣлодневнаго кровопролитнаго боя, сто́ившаго русскимъ порядочной потери въ людяхъ [36]) овладѣлъ, 13 Сентября, Сенъ-Готардомъ, на снѣжной вершинѣ котораго, покинутой французскими войсками генерала Лекурба, находился страннопріимный монастырь Госписъ, тогда же посѣщенный Суворовымъ. — Отсюда Суворову надлежало спуститься въ долину р. Рейссы, т. е. слѣдовать по едва проходимой дорогѣ, извивающейся сначала между высокими, отвѣсными скалами праваго берега, углубляющейся потомъ, за дер. Урзернъ, въ тѣсный, почти подземный проходъ, называемый Урнерскою дырою (Urner-Loch), и затѣмъ, послѣ крутаго спуска, перебѣгающей на лѣвый берегъ, съ которымъ соединяетъ её знаменятый Чортовъ Мостъ (Teifelsbrücke), какъ будто нечеловѣчески пере-

[34]) Тамъ же. с. 215.
[35]) Тамъ же с. 213.

[36]) Въ этотъ день, у Суворова выбыло изъ строя 1200 чел. слишкомъ.

брошенный со скалы на скалу, надъ глубокою пропастью, по дну которой свирѣпо шумитъ и клубится водопадъ Рейссы. Эти естественныя препятствія увеличивались еще тѣмъ, что непріятель, отступавшій передъ Суворовымъ и вытѣсненный обходнымъ движеніемъ Розенбергова корпуса даже изъ Урзерна, всюду ломалъ за собою мосты, занялъ однимъ отрядомъ почти недоступную Урнерскую дыру и расположилъ другой по ту сторону полуразрушеннаго Чортова Моста.

14 Сентября русскія войска подошли къ Урнерскому подземелью, выбили отсюда французовъ и тотчасъ же кинулись къ Чортову Мосту, гдѣ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, одни спѣшили связывать офицерскими шарфами разъединенныя мостовины, по которымъ безстрашно переправлялись на ту сторону; другіе, спустясь въ самую бездну, карабкались на отвѣсные утесы непріятельскаго берега; третьи принялись отыскивать бродъ черезъ Рейссу и, найдя его, показались въ тылу и на флангѣ французовъ, что̀ заставило послѣднихъ оставить Чортовъ Мостъ и продолжать свое отступленіе.

Дальнѣйшее движеніе Суворова отъ Чортова Моста происходило по столь же трудной дорогѣ, безпрерывно пересѣкаемой горными потоками и представлявшей до самаго Альторфа одно тѣсное дефиле. Въ Альторфѣ, занятомъ также съ боя, Суворовъ расчитывалъ найти австрійскую флотилію, готовую перевезти русскія войска чрезъ Люцернское озеро въ Швицъ, съ которымъ не было отсюда никакихъ другихъ сообщеній, кромѣ двухъ тропинокъ, поднимавшихся на страшную высь Росштокъ и доступныхъ однимъ швейцарскимъ охотникамъ, да и то привычнымъ. Но разсчетъ Суворова на австрійскую флотилію оказался ошибочнымъ: Лекурбъ, отступившій изъ Альторфа къ Люцерну, успѣлъ захватить всѣ средства къ переправѣ. И такъ, русскимъ войскамъ оставалось или вернуться назадъ, или, взявъ правѣе, идти мрачною Шахенскою долиною на соединеніе съ австрійскими отрядами Готце и Линкена, стоявшими по р. Линтѣ; или, продолжая движеніе впередъ, къ Корсакову, рискнуть отчаяннымъ переходомъ черезъ Росштокъ, за снѣжнымъ хребтомъ котораго лежала Муттенская долина, имѣвшая сообщеніе съ Швицомъ. Тревожимый преимущественно положеніемъ Корсакова, Суворовъ не пошелъ изъ Альторфа ни назадъ, ни въ право, а двинулся прямо на Росштокъ. Этотъ переходъ, неудобство котораго увеличивалось осеннимъ ненастьемъ и недостаткомъ въ самой арміи продовольствія, запасовъ, даже дровъ, былъ чрезвычайно труденъ. Солдаты шли гуськомъ, по колѣна въ снѣгу, безпрерывно скользя и падая въ бездонныя пропасти, зіявшія подъ сугробами; за солдатами обрывались туда же мулы, навьюченные остатками провіанта; нигдѣ не встрѣчалось кустика, съ помощью котораго можно бы было развести огонь и хоть нѣсколько пообогрѣться и пообсушиться. Цѣлые два дня перебиралась русская армія черезъ Росштокъ и, въ теченіе этаго времени, авагардъ и аріергардъ ея сражались съ французами и въ Муттенѣ и въ Альторфѣ, а все 16 верстное разстояніе между этими двумя пунктами представляло непрерывную цѣпь людей и муловъ. 17 Сентября армія собралась въ Муттенѣ, куда вьюки подоспѣли только два дня спустя. Здѣсь Суворовъ получилъ весьма прискорбное извѣстіе о томъ, что Корсаковъ, претерпѣвшій совершенное пораженіе подъ Цюрихомъ, отступилъ съ остатками своего корпуса за Рейнъ, и въ Швицѣ, вмѣсто русскихъ или австрійскихъ войскъ, стоятъ главныя силы самаго Массены. Въ тоже время, было оффиціально донесено Суворову, что австрійскіе отряды на Линтѣ разбиты Сультомъ, самъ Готце убитъ, Линкенъ, оставивъ свою первоначальную позицію, спѣшитъ уходить изъ Швейцаріи и вся долина Линты — уже занята французами.

Тутъ только русскій фельдмаршалъ

созналь весь ужасъ положенія своей арміи. Лишенная провіанта, патроновъ, почти обуви, эта армія имѣла въ своемъ тылу войска Лекурба, снова занявшія и Сенъ-Готардъ и Альтофръ, а спереди, въ Швицѣ, видѣла передъ собою всѣ силы Массены, и такимъ образомъ оказывалась чуть не безвыходно запертою въ Муттенской долинѣ, изъ которой оставался одинъ путь спасенія, но путь страшно-трудный,—черезъ г. Брагель, въ долину Линты, занятую, какъ мы сказали, непріятелемъ. — Военный совѣтъ, созванный фельдмаршаломъ 18 Сентября въ Муттенѣ, рѣшилъ, что броситься въ долину Линты все таки надежнѣе, нежели пробиваться впередъ, на встрѣчу главнымъ силамъ Массены. Суворовъ, вполнѣ согласный съ мнѣніемъ совѣта, на другой же день повелъ армію въ долину Линты. И русскіе, опять по колѣна въ снѣгу, опять между скалами и пропастями, принуждены были снова бороться на каждомъ шагу съ непріятелемъ, котораго Розенбергъ побѣдоносно отражалъ въ аріергардѣ арміи, а Багратіонъ столь же успѣшно выбивалъ изъ тѣсныхъ горныхъ проходовъ, лежавшихъ впереди[37]). — Взятіемъ г. Глариса, отнятаго 20 Сентября у соединенныхъ силъ французскихъ генераловъ Молитора и Газана, заключились собственно боевые подвиги русскихъ войскъ въ Швейцаріи. Но имъ предстояло еще совершить переходъ черезъ громадную высь хребта Рингенкопфъ (или Паниксъ), чтобы достигнувъ г. Иланца, занятаго отступившими съ Линты Австрійцами, быть уже въ совершенной безопасности и немедленно перейти отсюда въ г. Куръ (Коуръ), гдѣ русскую армію ожидалъ провіантъ и кратковременный отдыхъ.— Однако трехдневное движеніе отъ Глариса чрезъ Паниксъ до Иланца сопряглось съ чрезвычайными трудностями и большими лишеніями. — „Горы—пишетъ одинъ изъ участниковъ этаго движенія— которыя мы переходили всплошь, то спускаясь, то поднимаясь, были ужасно высоки, обрывисты, съ глубокими пропастями; но двѣ горы были выше всѣхъ: скалистыя, крутыя, хребетъ которыхъ уходилъ въ небеса, и глубокій снѣгъ и рытвины были ихъ оболочкою. Мы поднимались на одну изъ нихъ между двухъ сильныхъ, большихъ водопадовъ. Сырой, густой туманъ во всѣ дни обнималъ насъ; а дождь и снѣгъ сыпьмя осыпали, и холодный, рѣзкій и сильный вѣтръ валилъ съ ногъ. Невыразимо трудно было намъ перейдти эти огромныя и длинныя горы, по глубокому снѣгу. Многіе изъ ратниковъ и многіе вьюки, оступаясь или осклизаясь, неслись внизъ, въ пропасти, и погибали. Таковъ былъ почти весь нашъ путь 24, 25, 26 и 27 чиселъ Сентября. Въ лощинахъ междугорья мы переходили не разъ быстротоки, по колѣно и выше въ водѣ; лѣзли сквозь темныя тучи на скалы, спускались внизъ почти ползкомъ; но двигались быстро, бодро и безъ малѣйшаго ропота. Мокли, зябли отъ сильнаго по ночамъ мороза, и слышали громъ надъ нашими головами и подъ ногами, и не имѣли и четвертой части положеннаго ратнику пропитанія. Обогрѣться намъ было не у чего: лѣсу ни прутика, жилья не только хижины, но даже ни сарая, ни на пути, но по сторонамъ не было вовсе“ [38]). 26 Сентября оборванная и голодная армія Суворова пришла въ г. Иланцъ. „Тутъ—продолжаетъ тотъ же участникъ движенія—кое-какъ уда-

[37]) Розенбергъ, начальствовавшій 3 тысячнымъ русскимъ аріергардомъ, заманилъ въ Муттенскую долину 10 тысячный отрядъ Массены, разбилъ его 19 и 20 Сентября, гналъ до самаго Швица, потопилъ въ р. Муоттѣ болѣе 2 тыс. французовъ, взялъ въ плѣнъ 1 генералъ-квартирмейстера, 2 шефовъ бригады, 13 офицеровъ, 1200 чел. нижнихъ чиновъ и отнялъ 5 орудій. — Багратіонъ, опрокинувъ въ дефилеяхъ Молитора, положилъ на мѣстѣ тысячу чел., плѣнилъ 1 шефа бригады, 7 офицеровъ, около 350 чел. нижнихъ чиновъ, отбилъ 2 орудія и 1 знамя.

[38]) См. Разсказы стараго воина о Суворовѣ, Кн. II, с. 253.

лось намъ *получить* нѣсколько дровъ, чтобы обогрѣть себя. Обувь на насъ пришла въ сущую негодность. Мы были всѣ почти босые, и сухарные мѣшки наши у всѣхъ были пусты; мы были до совершенства измучены и голодны до нельзя“ [39]). Въ Кýрѣ, куда Суворовъ прибылъ 27 Сентября, русскимъ войскамъ отпустили дровъ, выдали хлѣбъ, мясную и винную порціи.

Такъ кончился 16-ти дневный походъ Суворова въ Швейцарію, стоившій Русскимъ не малыхъ потерь [40]) и, собственно говоря, безуспѣшный. Но въ теченіе этихъ 16-ти дней, русская армія явила небывалый примѣръ подвиговъ, почти баснословныхъ, а предводитель ея стяжалъ себѣ славу, несравнимую ни съ какими побѣдами. Не смотря на свои семдесятъ лѣтъ, Суворовъ дѣлилъ съ подчиненными всѣ трудности безпримѣрнаго похода, все время бодро ѣхалъ на казачьей лошадкѣ подлѣ солдатъ, шутилъ и балагурилъ съ ними, порою затягивалъ пѣсню и, прикрытый капуцинскою шляпою съ большими полями, не имѣлъ на себѣ ничего кромѣ обычнаго зеленаго мундира, или простой солдатской куртки, съ бѣлыми штанами и легкими полуботфортами, и сверху — ветхаго, синенькаго плаща, слывшаго *родительскимъ*. Въ такомъ, нарядѣ, особенно въ потьмахъ, Фельдмаршалъ часто бывалъ неузнаваемъ, отчего, дѣйствительно, могли происходить случаи, подобные слѣдующему. Послѣ однаго изъ чудовищныхъ переходовъ по швейцарскимъ тѣснинамъ, ординарецъ генерала Дерфельдена, отыскивая бивакъ Суворова, къ которому былъ посланъ, увидѣлъ самаго Фельдмаршала, бѣжавшаго куда-то въ курткѣ, вовсе не узналъ его и крикнулъ ему въ слѣдъ: „Эй, старикъ! постой! скажи, гдѣ присталъ Суворовъ?“ — „Чортъ его знаетъ!“ отозвался спрашиваемый. „Какъ! да у меня вотъ отъ генерала къ нему бумаги.“ — „Не отдавай, продолжалъ старикъ: онъ теперь или мертвецки пьянъ, или горланитъ пѣтухомъ“. Этотъ отвѣтъ до того разсердилъ ординарца, что онъ уже замахнулся на отвѣчавшаго палкою, но ограничился словами: „Моли ты Бога, старичишка, за свою старость; не хочу и рукъ марать; ты видно не русскій, что такъ ругаешь нашего отца и благодѣтеля!„. Суворовъ — давай Богъ ноги. Спустя какой нибудь часъ времени, ординарецъ Дерфельдена предсталъ Фельдмаршалу и, узнавъ въ немъ своего *старичишку*, страшно струсилъ. Но Суворовъ обнялъ его, поблагодарилъ за расположеніе и собственноручно поднесъ ему водки [41]). Что касается прочихъ чиновъ русской арміи, они, безъ всякаго между собою различія, единодушно одолѣвали самыя неодолимыя естественныя преграды, безропотно терпѣли голодъ и непогоду, сотнями гибли въ пропастяхъ, но презирали опасность, усердно рвались въ бой и геройски шли впередъ, всюду сокрушая непріятеля. Не знаешь, кому удивляться болѣе: Суворову или суворовцамъ.

Послѣ двудневнаго отдыха въ Кýрѣ, посвященнаго необходимымъ починкамъ платья, обуви и аммуниціи, русская армія выступила къ Майенфельду, 1 Октября пришла въ Фельдкирхъ, а 4 Окт. передвинулась въ Линдау, гдѣ простояла двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ присоединились къ ней остатки корпуса Римскаго-Корсакова и 5-ти тысячный отрядъ французскихъ эмигрантовъ, подъ начальствомъ принца Конде, со-

---

[39]) Тамъ же, с. 254.

[40]) Изъ 20 тыс. русскихъ, вступившихъ въ Швейцарію, дошло до Иланца менѣе 15 тыс. чел., да и тѣ безъ артиллеріи и обоза!—Болѣе 1600 чел. убиты, упали въ пропасти, замерзли и пропали безъ вѣсти.—Раненные, свыше 3500 чел., оставлены въ Муттенѣ и Гларисѣ, при русскомъ офицерѣ, которому даны Суворовымъ письма къ французскому начальству.—См. Ист. Итал. войны, ч. VI, с. 162 и Разск. стар. война, Кн. II, с. 243.

[41]) См. Прибавленіе къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1845 г., № 8, с. 58.

стоявшій въ русской службѣ. Оставивъ Линдау въ половинѣ Октября, русская армія пошла въ Баварію, гдѣ размѣстилась между рр. Иллеромъ и Лехомъ, а главная квартира Суворова прибыла, 26 Октября, въ Аугсбургъ. Здѣсь, около мѣсяца прожили русскіе весело и шумно. „Множество генераловъ — пишетъ Милютинъ—министровъ, путешественниковъ, стекались со всѣхъ сторонъ Европы, чтобы видѣть Суворова. Все благоговѣло предъ героемъ Италійскимъ“ [42]). Награды, вполнѣ заслуженныя, сыпались отвсюду на побѣдоноснаго вождя русскихъ. Императоръ Павелъ, высоко цѣня спасеніе россійской арміи въ швейцарскихъ горахъ, возвелъ Суворова въ достоинство генералиссимуса и писалъ къ нему, въ рескриптѣ своемъ отъ 20 Октября:“ Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ однаго рода славы—преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ... Награждая васъ по мѣрѣ признательности моей и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ“ [43]). Кромѣ того, Высочайше повелѣно Военной Коллегіи вести переписку съ Суворовымъ не *указами*, а *сообщеніями*, о чемъ и объявлено 1 Ноября; а три дня спустя Государь приказалъ директору Академіи гр. Шуазель-Гуфье распорядиться сочиненіемъ проэкта для отливки статуи россійскаго генералиссимуса. Императоръ Францъ II прислалъ Суворову большой крестъ Маріи Терезіи, а въ рескриптѣ своемъ, отъ 23 Октября, писалъ: „Я буду всегда вспоминать съ чувствомъ признательности о важныхъ услугахъ, мнѣ и моему дому вами оказанныхъ..... Да сохранитъ Богъ здоровье ваше, любезнѣйшій князь, чтобы вы довершили великое предпріятіе, для пользы общаго дѣла, для славы союзника моего, Императора Россійскаго и для собственнаго моего удовольствія“ [44]). Король Сардинскій Карлъ Эммануилъ въ письмѣ своемъ къ Императору Павлу, отъ 4 Ноября включилъ слѣдующее: „Не могу не выразить В. И. Велву справедливаго удивленія моего къ воинскимъ подвигамъ достойнѣйшаго фельдмаршала Суворова-Рымникскаго... Ваше Величество, осыпая его своими щедротами, платите долгъ всѣхъ Государей и человѣчества“ [45]).

Не считая однако войну оконченною, Суворовъ не переставалъ заниматься планами будущей кампаніи, долженствовавшей, по его мнѣнію, вознаградить время, потерянное въ 1799 году, и не прерывалъ совѣщаній по этому предмету съ англійскимъ уполномоченнымъ Викгамомъ. Касательно же немедленнаго содѣйствія русскихъ войскъ австрійскимъ, о которомъ усильно просилъ Суворова эрцгерцогъ Карлъ, приглашавшій русскаго главнокомандующаго на свиданіе въ Штоккахъ, это содѣйствіе было положительно отклонено русскимъ военнымъ совѣтомъ, созваннымъ еще въ Линдау [46]). Говорятъ даже, что Суворовъ, недовольный повелительнымъ тономъ письма къ нему эрцгерцога, произнесъ въ присутствіи Коллоредо, присланнаго съ письмомъ: „Эрцгерцогъ Карлъ не при дворѣ, но на войнѣ, такой же генералъ, какъ Суворовъ; кромѣ того, что послѣдній старѣе его по своей опытности“ [47]). Вскорѣ затѣмъ,

[42]) См. Ист. Итал. войны г. VI. с. 205.— Тутъ же, въ прим. 217, помѣщено свидѣтельство однаго очевидца о томъ, что „аугсбургскія дамы считали за счастіе облобызать ручку Суворова — и не получали въ этомъ отказа отъ любезнаго старика“.

[43]) Тамъ же, с. 167.

[44]) Тамъ же, с. 206.

[45]) Тамъ же, с. 217.

[46]) Въ донесеніи своемъ Императору Павлу, отъ 9 октября, Суворовъ писалъ, что военный совѣтъ единогласно опредѣлилъ: „Кромѣ предательства, ни на какую помощь отъ Цесарцевъ нѣтъ надежды, чего ради наступательную операцію не производить“.

[47]) См. біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, соч.

именно 11 Октября, послѣдовалъ окончательный разрывъ союза между Россіей и Австріей, вызванный, съ одной стороны, извѣстіемъ о пораженіи Корсакова подъ Цюрихомъ, полученнымъ въ Петербургѣ 10 Октября, а съ другой — справедливымъ неудовольствіемъ Императора Павла на постоянныя козни Тугута противъ Суворова и двуличное поведеніе вѣнскаго двора, давно уже затѣившаго отдѣльные переговоры съ французскою директоріею. „Я прекращаю дѣйствовать за одно съ В. И. Вел-мъ, дабы не дѣйствовать во вредъ благому дѣлу", написалъ тогда же Государь къ Францу II—и препроводилъ копію съ этаго письма ко Суворову, при рескриптѣ своемъ отъ 11 Октября, въ которомъ, между прочимъ, значилось: „Вы должны были спасать Царей; теперь спасите россійскихъ воиновъ и честь вашего Государя.... Препоручаю васъ Богу, а армію вамъ" [48]). Прочитавъ этотъ рескриптъ, полученный уже въ Аугсбургѣ, а за нимъ другой, отъ 14 Окт., гдѣ Государь изъяснялъ, что онъ „весьма ненадежныхъ прежнихъ союзниковъ предалъ ихъ собственному жребію, во первыхъ—не хотя возстановить въ Европѣ другую Францію, не искореня первой, а во вторыхъ—не намѣренъ былъ жертвовать своими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ Двора Вѣнскаго" [49]), Суворовъ, конечно, не претендовалъ на разрывъ съ Австрійцами, коварство которыхъ направило русскихъ въ едва проходимую для войскъ Швейцарію, чуть-чуть не предало ихъ тутъ голодной смерти и было главною причиною пораженія, претерпѣннаго Корсаковымъ подъ Цюрихомъ. Императоръ Павелъ очень хорошо понималъ послѣднее и хотя отставилъ Корсакова отъ службы, но, получивъ донесеніе о выходѣ русскихъ войскъ изъ Швейцаріи, писалъ въ рескриптѣ своемъ Суворову отъ 29 Октября: „весьма радъ, что отъ вашего изъ Швейцаріи выступленія узнаетъ эрцгерцогъ Карлъ на практикѣ, каково быть оставлену не во время и на побіеніе; но Нѣмцы люди годные, все могутъ снесть, перенесть и унесть" [50]).

Прямымъ слѣдствіемъ разрыва съ Австріею было Высочайше распоряженіе о немедленномъ выступленіи русскихъ войскъ изъ Баваріи и движеніи ихъ „умѣренными маршами" къ предѣламъ своего Отечества, при чемъ Государь формально приказалъ *платить за все* на пути русскихъ войскъ чрезъ австрійскія владѣнія, а деньги на путевые расходы просить заимообразно у курфирета Баварскаго Максимиліана. „Теперь главный мой предметъ—писалъ Государь, 11 Октября, Суворову—есть возвращеніе ваше въ Россіи и охраненіе ея границъ". Войско Суворова предназначалось расположить, подъ непосредственнымъ его надзоромъ, въ западной полосѣ Имперіи, а самому генералиссимусу повелѣвалось „быть главнымъ начальникомъ дивизій: Лифляндской, Литовской, Брестской, Украинской и Смоленской, и имѣть пребываніе, *яко въ средоточіи мѣстностей его*—въ мѣстечкѣ Кобринѣ" [51]). Извѣстясь объ этой Высочайшей волѣ, Суворовъ сказалъ: „Я билъ французовъ, но не добилъ; Парижъ мой пунктъ,—бѣда Европѣ!"—и послалъ племянника своего, князя Горчакова, занимать у курфирста Баварскаго милліонъ гульденовъ. Но вмѣсто милліона гульденовъ, у курфирета нашлось всего 200 тысячъ, которыя и были немедленно доставлены генералиссимусу. За тѣмъ, вся русская армія сосредоточилась въ Аугсбургѣ. Тутъ раздѣлили ее на двѣ колонны, изъ которыхъ одной (корпусамъ Дерфельдена и Швейковскаго) надлежало слѣдовать въ Россію чрезъ Богемію, а другой (кор-

Бантыша-Каменскаго, изд. 1840., ч. II, с. 179.

[48]) См. Ист. Итал. войны, ч. VI, с. 220, 222 и прил. 245.

[49]) Тамъ же, прил. 93.

[50]) Тамъ же, прил. 256.

[51]) Тамъ же, с. 229.

пусу Розенберга) чрезъ Моравію; и обѣ колонны, выступивъ по-эшелонно изъ Аугсбурга между 15 и 22 Ноября, начали предписанное движеніе. Самъ Суворовъ расположился слѣдовать при корпусѣ Дерфельдена и былъ уже въ походѣ, когда эрцгерцогъ Карлъ, а за нимъ австрійскій императоръ, обезкураженные удаленіемъ русской арміи, обратились къ генералиссимусу съ письменными просьбами пріостановиться на время, въ той надеждѣ, что россійскій Императоръ отмѣнитъ свое повелѣніе, крайне невыгодное для вѣнскаго двора. Но генералиссимусъ, отвѣтивъ бывшимъ союзникамъ, что безъ особаго Высочайшаго повелѣнія пріостановиться не можетъ, продолжалъ начатое движеніе, прошелъ 1 Дек. Нитенау и вступилъ въ Прагу, столицу Богеміи, гдѣ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія двигаться „умѣренными маршами", приготовился дать войскамъ своимъ довольно продолжительный отдыхъ.—Въ Прагѣ генералиссимусъ оставался весь Декабрь и жилъ очень весело: завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры, фанты, жмурки, жгуты; бѣгалъ и мѣшался въ толпѣ гостей, съ точностію исполняя, что́ назначалось дѣлать ему, когда вынимали его фантъ; пустился въ танцы: „люди въ право—пишетъ очевидецъ Фуксъ—а онъ въ лѣво; такую причинялъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда". Любопытно, что знатнѣйшія богемскія дамы, австрійскіе генералы, даже англійскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ и множество чужеземцевъ—путались въ русскихъ простонародныхъ играхъ. Сюда же, въ Прагу, явился художникъ Миллеръ, присланный курфирстомъ Саксонскимъ писать портретъ русскаго полководца. Ласково встрѣтивъ художника, Суворовъ сказалъ ему: „Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни однаго приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастія уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ (сѣлъ на стулъ), какъ и теперь" [52]). Умолкнувъ, Суворовъ сидѣлъ неподвижно—и прекрасный портретъ его, списанный Миллеромъ, до сихъ поръ хранится въ Дрезденскомъ Музеѣ. Высочайшій рескриптъ отъ 29 Дек. засталъ генералиссимуса еще въ Прагѣ. „Князь!—собственноручно писалъ Суворову Государь.—Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и, желая его вамъ благополучна, зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать. Ты выше мѣръ своихъ; но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное" [53]). Спѣша удовлетворить желанію Государя, генералиссимусъ простился съ войсками, сдалъ начальство надъ ними генералу Розенбергу и выѣхалъ изъ Праги. По дорогѣ, въ моравскомъ городкѣ Нейтитшенѣ, Суворовъ зашелъ поклониться праху извѣстнаго австрійскаго фельдмаршала Лаудона, внимательно прочелъ длинную надгробную надпись, подробно исчислявшую всѣ титулы, а также малѣйшіе подвиги почившаго, и тутъ же сказалъ правителю канцеляріи своей, Фуксу: „Нѣтъ! Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи похвальной надписи; но скажите просто: *здѣсь лежитъ Суворовъ*" [54]). Въ Краковѣ, генералиссимусъ заболѣлъ такъ называемою фликтеною: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ поспѣшилъ въ маетность свою Ко-

---

[52]) См. Собраніе разныхъ сочиненій Е. Фукса„ изд. 1827 г., с. 136.

[53]) См. Словарь достопамятныхъ людей, соч. Бант. Каменскаго, изд. 1847, ч. III, с. 379.

[54]) Эта надпись долго украшала черную мраморную плиту могилы Суворова въ Благовѣщенской церкви Александровской Лавры.

бринъ, слегъ тамъ въ постель и велѣлъ отыскать *аптечку блаженной памяти Екатерины*, говоря: „она надобна мнѣ только на память!»—Государь, извѣщенный нарочною эстафетою о болѣзни генералиссимуса, тотчасъ же отправилъ въ Кобринъ своего лейбъ-медика Вейкарта и писалъ знаменитому больному: „Молю Бога, да возвратитъ мнѣ героя Суворова. По пріѣздѣ вашемъ въ столицу узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, не сравняется съ вашими великими услугами, оказанными мнѣ и Государству“[55]). Докт. Вейкартъ помогъ своему паціенту, и Суворовъ, начавъ оправляться, большую часть времени, по случаю наступившаго великаго поста, проводилъ въ молитвахъ, заставлялъ Вейкарта учавствовать въ нихъ три раза въ день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, да къ тому же—говорить по-русски, хотя несчастный Вейкартъ, иновѣрецъ, плохо разумѣвшій русскій языкъ, всячески старался отговориться отъ такого непривычнаго ему образа жизни. Въ тоже время, генералиссимусъ подтягивалъ въ церкви пѣвчимъ, сердился, когда пѣвчіе врали, перебѣгалъ съ клироса на клиросъ, оттуда въ алтарь, читалъ Апостолъ, или—мечталъ о новой кампаніи, диктовалъ письма къ знаменитостямъ тогдашней Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ къ торжественному въѣзду его въ Петербургъ, и въ Мартѣ 1800 г., писалъ къ дочери своей, графинѣ Зубовой: „Наташа! Когда я пишу къ Дмитрію Ивановичу [56]), благословеніе Божіе съ домашними, или подобное, ты естественно тутъ же разумѣешься; слѣдственно въ особливыхъ письмахъ дальней нужды нѣтъ. По такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ. Неужели то Д. И. такъ рѣдко, къ тебѣ пишетъ? Сохрани тебя Боже впредь отъ болѣзни и даруй тебѣ Свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одною ногою изъ гроба выхожу. Цѣлую тебя. А. С.“ [57]). Не переставая интересоваться состояніемъ здоровья своего полководца, Императоръ Павелъ, тѣмъ не менѣе, отдалъ 20 Марта 1800 г. слѣдующій Высочайшій приказъ: „Вопреки Высочайше изданнаго Устава, генералиссимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала — что́ и дается на замѣчаніе всей арміи“ [58]).

Наконецъ, Вейкартъ разрѣшилъ Суворову отправиться въ путь, съ тѣмъ однако, чтобы не уѣзжать въ сутки болѣе 25 верстъ, о чемъ донесено и Государю, который тогда же письменно изъявилъ величайшую радость, „что вскорѣ обниметъ героя всѣхъ вѣковъ, Суворова“.—Генералиссимусъ не могъ уже, какъ бывало, путешествовать на перекладныхъ: теперь, его везли въ дормезѣ, лежащаго на перинѣ, сопровождаемаго врачами. „Переходъ чрезъ Альпійскія горы въ ненастное время—свидѣтельствуетъ мнѣніе князя Багратіона,—а болѣе всего неудовольствія отъ Гофкригсрата и враждебнаго Тугута, изъ зависти и злобы нанесенныя, и ихъ козни, сильно подѣйствовали на здоровье Александра Васильевича. Крѣпкое сложеніе старца долго боролось съ болѣзнію, наконецъ болѣзнь взяла свое [59]). За Вильною, больной почувствовалъ себя очень нехорошо. Его внесли въ корчму, положили на лавку, прикрыли полотномъ. „За что страдаю?“ тяжко вздыхая, говорилъ Суворовъ.—Въ Ригѣ, по случаю перваго дня Пасхи,

[55]) См. Біографіи росс. генералис. и ген. фельдм., ч. II, с. 183.

[56]) Графъ Хвостовъ, племянникъ Суворова.

[57]) См. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни Ал. Вас. кн. Италійскаго, изд. Левшинымъ въ 1814 г., с. 104.

[58]) См. Подлин. акты Арх. Л. Гв. Изм. П.; Книга: Высочайшіе приказы, отдаваемые при паролѣ, за 1800 г.

[59]) См. Разсказы стараго воина, кн. II с. 270.

онъ черезъ силу надѣлъ полный мундиръ со всѣми орденами, отслушалъ заутреню и обѣдню, разговѣлся у губернатора. Остальное путешествіе до Петербурга тянулось двѣ недѣли, и Суворовъ повторялъ безпрестанно: „ахъ! старъ я сталъ!“ могъ утѣшаться тѣмъ, что народъ всюду сбѣгался толпами взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ, дормезъ генералиссимуса былъ окруженъ многими петербуржцами, нарочно выѣхавшими сюда встрѣтить героя; дамы и дѣти подносили Суворову фрукты и цвѣты,—онъ, благодарилъ дамъ и благословлялъ дѣтей. 20 Апрѣля, въ 10 ч. вечера, Суворовъ тихо въѣхалъ тріумфальными воротами въ Петербургъ, принялъ скромную почесть заставнаго караула, вышедшаго въ сошки безъ ружей и, не заѣзжая въ зимній дворецъ, часть котораго была приготовлена для его помѣщенія, остановился въ домѣ племянника своего, гр. Хвостова [60]), гдѣ, отъ усилившейся болѣзни, тотчасъ же слегъ въ постель. Государь, свѣдавъ о прибытіи Суворова, немедленно прислалъ къ нему князя П. И. Багратіона узнать о здоровьѣ и поздравить съ пріѣздомъ. „Я засталъ Александра Васильевича—разсказывалъ потомъ Багратіонъ — лежащимъ на постелѣ; онъ былъ сильно слабъ; впадалъ въ обморокъ, и ему терли виски спиртомъ, и давали нюхать. Пришедши въ себя, онъ взглянулъ на меня, и въ большихъ его геніальныхъ глазахъ не блестѣлъ уже взглядъ жизни. Долго онъ смотрѣлъ, какъ будто узнавая меня; потомъ сказалъ: „А!... это ты, Петръ! здравствуй!“ — и замолчалъ, забылся. Минуту спустя, онъ опять взглянулъ на меня, и я донесъ ему все, что Государь повелѣлъ. Александръ Васильевичъ, казалось, оживился; но съ трудомъ проговорилъ: „Поклонъ.... мой.... въ ноги.... Царю.... сдѣлай.... Петръ! ухъ.... больно!“ – и застоналъ, и впалъ въ бредъ. Я донесъ Государю Императору обо всемъ, и пробылъ при Его Величествѣ за полночь. Всякій часъ доносили государю объ Александрѣ Васильевичѣ. Между многими рѣчами Его Величество сказать изволилъ: „Жаль его! Россія и я, со смертію его, теряемъ многое; много потеряемъ, а Европа все“ [61]). На утро явился къ Суворову поклонникъ его, вице-канцлеръ гр. Растопчинъ, съ собственноручнымъ рескриптомъ Лудовика XVIII, при которомъ препровождался генераллиссимусу орденъ св. Лазаря. Съ трудомъ понявъ въ чемъ дѣло, Суворовъ велѣлъ читать письмо, взялъ орденъ, заплакалъ и спросилъ съ горькою улыбкою: „Такъ ли прочитали? Французскій король долженъ быть въ Парижѣ, а не въ Митавѣ“.

Недугъ героя усиливался, странности и давнія привычки старца исчезали одна за другою. Однако, Суворовъ все еще крѣпился, часто вставалъ съ постели, присаживался въ большія кресла, даже занимался турецкимъ языкомъ, и хотя не разъ говорилъ со вздохомъ: „для чего не умеръ я на поляхъ Италіи!“ но, услышавъ однажды отъ племянника, что до него есть дѣло, — ободрился и твердымъ голосомъ произнесъ: „Дѣло? я готовъ!“—Когда же все *дѣло* объяснилось тѣмъ, что баронъ Бюлеръ желалъ получить пожалованный ему баварскій орденъ Золотаго Льва непремѣнно изъ рукъ маститаго полководца, Суворовъ грустно опустивъ голову, и слабо, едва внятно, проговорилъ: „хорошо, пусть войдетъ“.

Наконецъ врачи потеряли всякую надежду. Суворовъ видимо угасалъ, смерть приближалась къ нему быстрыми шагами. Его уговорили исповѣдаться и причаститься. 5 Мая, онъ исполнилъ этотъ христіанскій долгъ и простился съ окружающими. Наступила ночь, а съ нею—предсмертный бредъ. Въ без-

[60]) Этотъ домъ находился на Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Николы Морскаго; потомъ принадлежалъ Болотникову.

[61]) См. Разсказы стараго воина. с. 271.

памятствѣ, умиравшій отдавалъ разныя приказанія, твердилъ о Генуѣ, истолковывалъ военные планы свои. Бредъ продолжался и утромъ; а въ второмъ часу по-полудни, 6 Мая 1800 г., Суворовъ умолкъ навсегда. Ему шелъ тогда 72-й годъ.

Государь, огорченный смертію генералиссимуса, послалъ своего генералъ-адъютанта объявить родственникамъ покойнаго, „что онъ, на равнѣ съ Россіею и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка". Великолѣпный гробъ Суворова былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ цѣлую недѣлю толпился весь Петербургъ, и жители другихъ городовъ, усердствовавшіе поклониться бреннымъ остаткамъ почившаго героя.

Въ день выноса тѣла генералиссимуса изъ дома гр. Хвостова въ Александро-невскую лавру, за гробомъ слѣдовали всѣ сановники, военные чины, сословіе дворянское и купеческое, а далѣе шло „неисчислимое множество народа". Государь Императоръ, окруженный блистательною свитою, выѣхалъ на уголъ Невскаго и Садовой ждать печальной процессіи; и когда она поровнялась съ нимъ, онъ снялъ шляпу, низко поклонился гробу, сказавъ: „прощай! прости!.... миръ праху великаго". Окружающіе видѣли, какъ въ эту минуту по лицу Государя текли слезы. „Я не утерпѣлъ—разсказывалъ потомъ бригадъ-маіоръ Зайцовъ бывшій подлѣ Государя—и никакъ не могъ себя удержать, громко зарыдалъ. Государь обернулъ ко мнѣ голову, взглянулъ и изволилъ сказать: „Г-нъ Зайцовъ! Вы плачете? Это похвально; это дѣлаетъ вамъ честь; вы любили его". Пропустивъ процессію, Государь тихо вернулся во дворецъ, „и цѣлый день — свидѣтельствуетъ тотъ же Зайцовъ—былъ невеселъ, и всю ночь не почивалъ, требуя къ себѣ часто своего камердинера, который сказывалъ, что Государь часто повторялъ слово: *жаль!*"[62]). Между тѣмъ, съ приближеніемъ процессіи къ лаврскимъ воротамъ, встрѣтилось, какъ повѣствуютъ, довольно странное затрудненіе: высокій балдахинъ препятствовалъ дрогамъ въѣхать въ ворота; уже хотѣли снимать его.—„Оставьте! закричалъ лейбъ-гренадерскій унтеръ-офицеръ, бывшій во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ; онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ!" Двинулись—и, дѣйствительно, дроги съ балдахиномъ въѣхали на монастырскій дворъ благополучно [63]).

Когда вѣсть о кончинѣ Суворова долетѣла въ войска, стоявшія на отдаленныхъ предѣлахъ русскаго царства, „многіе изъ стариковъ ратниковъ—говоритъ очевидецъ — просили священниковъ отпѣвать панихиды по усопшемъ нашемъ отцѣ; и было много изъ насъ, если не заказывавшихъ панихидъ, то молившихся Господу Богу о успокоеніи души праведнаго. Кончилась надежда ратниковъ, но не кончилась и *не кончится слава* между воинами русскими, о немъ отцѣ нашемъ, *о великомъ Суворовѣ*" [64]).

М. Д. Хмыровъ.

ПИСЬМО КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

№ 3354. 22 Іюня 1797 г.

Всемилостивѣйшій Государь

По милости вашего Императорскаго Величества, живучи здѣсь, не подумала бы трудить васъ нижайшею своею прозьбою, естлибы управленіе другихъ моихъ деревень, и по онымъ случающіяся дѣла не требовали моего надзиранія, а разстроенное мое здоровье также хотя краткихъ, но ежегодныхъ въ Москву пріѣздовъ.

Просвѣщенный Монархъ, желающій благо своего народа, прозритъ

[62]) Тамъ же, с. 272.

[63]) См. Біографіи генералис. и ген. фельдм. ч. II, с. 187.

[64]) См. Разсказы стар. воина, с. 270.

сколь хозяйство присмотру хозяина требуетъ, особливо когда при посредственномъ имѣніи, изтощеніе душевныхъ и тѣлесныхъ отъ горестей силъ соединяется съ нещастными обстоятельствами, ободряющими невѣрность и похищеніе въ повѣренныхъ. Не свѣтскіе или гордые виды меня въ Москву влечь могутъ, но нужно для укрощенія грабежа малыхъ моихъ доходовъ, чтобъ хитрость и алчность не думали, что меня безоборонну раззорить можно. Нѣсколько недѣль пребыванія въ Москвѣ и увѣренность, что я могу наѣзжать и разсмотрѣть управленіе моихъ повѣренныхъ избавятъ моихъ крестьянъ отъ раззоренія и меня отъ ябедъ и безпокойствія.

Наступающій вожделѣнный день тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, съ коимъ имѣю честь всенижайше поздравить, да будетъ съ Апостоломъ Павломъ ходателемъ у Васъ за преданную и покорную Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшего Государя нижайшую вѣрноподданную

Княгиню Дашкаву. (*sic*)

(*Печатается съ собственноручнаго черноваго подлинника; номеръ и число сверху выставлены другою рукою.*)

РОДЪ НАРЫШКИНЫХЪ.

„Кому въ Россіи не извѣстны“, говоритъ Вигель, „наслѣдственная веселость духа, умъ, острота и любезность Нарышкиныхъ?... Старина показывалась въ широкомъ ихъ боярскомъ житьѣ, когда уже всѣ удовольствія новой образованной жизни блистали въ ихъ бесѣдахъ“. Много праздниковъ было дано въ гостепріемныхъ домахъ ихъ на Исакіевской площади въ Петербургѣ (нынѣ домъ Мятлева) и на Моховой въ Москвѣ (нынѣ Горное Правленіе). Всякому жителю Петербурга хорошо извѣстны были во дни Екатерины дачи ихъ Гага и Баба по Петербурской дорогѣ [1]). Болѣе 150 лѣтъ угощали они вѣнценосцевъ и своихъ, и чужеземныхъ въ столь недавно проданномъ (со всѣми фамильными портретами, бумагами и памятниками) знаменитомъ подмосковномъ селѣ своемъ Кунцовѣ, свадебномъ дарѣ тишайшаго царя тестю своему боярину Кирилѣ Полуектовичу. Остроты Нарышкиныхъ, быстро расходившіяся по всей Европѣ, оглашали хоромы Елизаветы, Екатерины и Александра. Нарышкиной обязана Россія Петромъ Великимъ. Четверо

[1]) „Ба! Ба! великолѣпный садъ, находящійся С. Петербургской губерніи въ Софійскомъ уѣздѣ при дачѣ оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, Красною Мызою называемой. Многіе въ нечаянное удивленіе приводящіе предметы, въ семъ преимущественно саду обрѣтающіеся, суть причиною, что оный обыкновенно симъ восклицательнымъ названіемъ Ба! Ба! именуется.“ (Щекатова. Геогр. Слов. І. 301) „Га! Га! также и Левенталь, загородный домъ и садъ Льва Александровича Нарышкина, С. Петербургской губерніи въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, на 5-ой верстѣ отъ СПБ. по большой дорогѣ. На лѣвой сторонѣ оныя находится знатной жилой домъ въ два этажа съ садомъ, а на правой главный садъ, простирающійся до морскаго залива. Оный составляетъ увеселительный лѣсъ въ Англійскомъ вкусѣ, съ прудомъ, храмомъ, великолѣпнымъ Китайскимъ мандаринскимъ дворомъ, однимъ Россійскимъ и однимъ Голландскимъ крестьянскими дворами, жилищемъ пустынника, бесѣдками и проч. Передъ жилыми домами находится столбъ, сооруженный въ память императорскаго посѣщенія. Сей увеселительный садъ также безпрестанно открытъ для публики“. (тамъ же, II. I.) Покойный Ф. Ф. Вигель разсказывалъ, что на помянутомъ выше столбѣ находилась буква *Л*, напоминавшая о нѣкоемъ Азиковѣ, домашнемъ человѣкѣ у Л. А. Нарышкина. Екатерина смѣялась надъ симъ послѣднимъ, увѣряя, что Азиковъ оспариваетъ у него супружескія права. Въ бытность Государыни на этой дачѣ, Л. А. Нарышкинъ игралъ передъ нею на скрыпкѣ и, наклоняя голову въ ту сторону, гдѣ находился Азиковъ, напѣвалъ модную тогдашнюю пѣсенку: Voilà l'objet de ma flamme, при чемъ вмѣсто flamme произносилъ femme. *П. Б.*

Нарышкиныхъ погибли, защищая его отъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Семеро были боярами, трое окольничими, шестеро Андреевскими кавалерами.

До сихъ поръ, по какому-то странному случаю, не была напечатана ихъ родословная. Самая родословная сохранилась въ одномъ только спискѣ у Елизаветы Александровны Нарышкиной, рожденной Хрущовой, которая весьма обязательно намъ сообщила её. Съ дозволенія Е. А. мы её здѣсь помѣщаемъ, дополнивъ, сколько намъ было возможно, весьма значительные пробѣлы, встрѣчаемые въ родословной. Несомнѣнно, что окажется и еще много пропусковъ, быть можетъ даже кое-какія ошибки. Покорно просимъ гг. Нарышкиныхъ и родственниковъ ихъ сообщать издателю Русскаго Архива всякія дополненія и поправки, которыя будутъ съ благодарностью принимаемы и печатаемы. Кстати замѣтимъ здѣсь, что было бы весьма полезно, еслибъ ко всѣмъ описаніямъ церквей, монастырей, соборовъ прилагались возможно-подробные и точно-составленные списки тѣхъ лицъ, которыя при нихъ погребены, съ полнымъ обозначеніемъ ихъ имени, отчества, званія, года рожденія и смерти. Списки эти составили бы богатый матеріялъ для отечественной исторіи и много облегчили бы трудъ изыскателя.

Изъ родословной Нарышкиныхъ мы видимъ, что единственными представителями старшей, царской (по родству съ Петромъ Великимъ) линіи суть нынѣ Эммануилъ Димитріевичъ Нарышкинъ, основатель Екатерининской учительской семинаріи въ Тамбовѣ, столь благородно и щедро употребляющій свой богатый достатокъ на общественное благо, и Василій Львовичъ, бывшій помѣщикъ села Кунцова. Изъ нихъ первый вдовъ и бездѣтенъ, а второй не женатъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Нарышкины, по происхожденію не могутъ тягаться съ Рюриковичами и Гедеминовичами, что по положенію при Дворѣ они до 1671 года стояли далеко ниже князей Черкаскихъ Воротынскихъ, Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ, Одоевскихъ, Пронскихъ, Репниныхъ, Прозоровскихъ, Буйносовыхъ, Хилковыхъ, Урусовыхъ, нетитулованныхъ Морозовыхъ, Шереметевыхъ, Шеиновъ и Салтыковыхъ, (всего 16 родовъ) имѣвшихъ право, обойдя низшіе чины, поступать прямо въ бояре; или князей Куракиныхъ, Долгорукихъ, Ромодановскихъ, Пожарскихъ, Волконскихъ, Лобановыхъ, Барятинскихъ, Львовыхъ и нетитулованныхъ Бутурлиныхъ, Стрѣшневыхъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ и Плещеевыхъ (всего 15 родовъ) имѣвшихъ право поступать прямо въ окольничьи, а потомъ уже въ бояре. Но, тѣмъ не менѣе, родъ Нарышкиныхъ несомнѣнно родъ старинный, и всѣ преданія о происхожденіи ихъ ложны, и къ тому же новѣйшаго изобрѣтенія. Въ первый разъ въ 1827 г., въ „Историческомъ, политическомъ и статистическомъ журналѣ“, въ статьѣ: „Исторія и археологическія достопамятности Рязанской губерніи“, появился разсказъ слѣдующаго содержанія. „Въ 25 верстахъ отъ города Михайлова стоитъ селеніе Киркино, коего жители большею частью дворяне [1]). Тамъ сохранился изустный разсказъ, что царица Наталья родилась въ Киркинѣ и что Матвѣевъ, проѣзжая случайно черезъ то селеніе, увидѣлъ плачущую дѣвицу и полюбопытствовалъ спросить о причинѣ ея слёзъ. Услышавъ, что причиною печали была насильственная смерть ея дѣвки, „самовольно удавившейся“ (sic), добрый бояринъ взялъ ее къ себѣ на воспитаніе. Въ этомъ селеніи и понынѣ говорятъ: еслибы не удавилась дѣвка въ Киркинѣ, не быть бы на свѣтѣ Петру.“ Не говоря уже о вздорномъ содержаніи разсказа, о пошлой картинѣ Матвѣева трогающагося слезами Натальи Кириловны, возбужденными смертію „самовольно удавившейся дѣвки“—всѣ историческія данныя прямо указываютъ на ложность преданія. Отецъ царицы На-

[1]) Т. е. однодворцы?

тaлiи былъ не Рязанскій, а Тарусскій дворянинъ; Шакловитый, говоря о ней царевнѣ Софіи, напоминалъ, „каковъ былъ ея родъ и какова въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила„ ([2]); наконецъ у Матвѣева жила она какъ родственница: дядя ея женатъ былъ на родной племянницѣ боярыни Матвѣевой.—Основываясь на статьѣ Историческаго журнала, покойный князь П. В. Долгоруковъ въ сочиненіи Notices sur les principales familles de la Russie, напечатанномъ имъ въ Парижѣ подъ именемъ Графа Альмагро, повторилъ басню о Киркинѣ, которое онъ называетъ Старо-Киркинымъ, и къ ней добавилъ другую, уже собственнаго изобрѣтенія, о томъ, что Кирила Полуектовичъ былъ простымъ земледѣльцомъ и что настоящее прозвище его было Ярышкинъ, фамилію же Нарышкина принялъ онъ вмѣстѣ съ полученіемъ дворянства въ 1670 году. Въ Запискахъ же своихъ ([3]) тотъ же князь Долгоруковъ говоритъ, что пращуръ Кирилы Полуектовича Иванъ Ярышкинъ былъ убитъ подъ Казанью и что дворянство свое Ярышкины получили при царѣ Василіи Шуйскомъ, при чемъ и перемѣнили фамилію; дѣтство же свое Кирилъ Полуектовичъ провелъ въ Старо-Киркинѣ. Оба показанія, какъ видимъ, другъ другу противорѣчатъ. При этомъ кн. Долгоруковъ добавляетъ, что существовалъ довольно богатый родъ Нарышкиныхъ, Татарскаго происхожденія, угасшій въ XVII вѣкѣ, ничѣмъ не подтверждая впрочемъ послѣдняго положенія.—Надѣлавшій столько шуму, лѣтъ десять тому назадъ, процессъ князя С. М. Воронцова съ кн. Долгоруковымъ, ясно доказалъ всю недобросовѣстность автора „La vérité sur la Russie“, и крайнюю осторожность, съ которою надо пользоваться его часто весьма-интересными данными. Родъ Ярышкиныхъ (о чемъ кн. Долгоруковъ умалчиваетъ) существуетъ и донынѣ. Родъ этотъ, какъ по происхожденію, такъ и по гербу ничего общаго съ Нарышкиными не имѣетъ. Въ IX части Общаго Гербовника подъ № 83 сказано: “Въ 7154 (1646) и др. годахъ, Карпъ и Михаилъ Семёновичи Ярышкины жалованы грамотами отъ государей на помѣстья ихъ отца. Потомки сего рода служили Россійскому престолу дворянскія службы въ разныхъ чинахъ и владѣли разными деревнями. Всё сіе доказывается справками изъ архивовъ„. Гербъ Ярышкиныхъ: въ верхней половинѣ щита на золотомъ полѣ крестообразно положены ружье и сѣкира. Нижняя половина раздѣлена на два поля: одно красное, другое голубое; по серединѣ находится серебрянная крѣпость. Щитъ увѣнчанъ дворянскими шлемомъ и короною съ страусовыми перьями. Намётъ на щитѣ золотой, подложенный голубымъ и краснымъ. Щитъ держатъ два льва.“

Все выше сказанное ясно доказываетъ, что мы вовсе не имѣемъ повода оспаривать показаніе ученаго Миллера, который въ своей Родословной Книгѣ прямо говоритъ: „Нарышкины выѣхали изъ Крыма, названіе приняли отъ предка, прозывавшагося Нарышко“ (Родословная Князей и Дворянъ и пр. II. 250.) Почтенный историкъ Петра В., не успѣвшій къ сожалѣнію окончить замѣчательнаго труда своего, ошибался, говоря, что имя Нарышкиныхъ не встрѣчается до XVII вѣка въ напечатанныхъ доселѣ государственныхъ актахъ. Въ разрядныхъ книгахъ мы видимъ двухъ Нарышкиныхъ XVI вѣка (См. Древ. Русская Вивл. т. XIV, 297, 309.) Что же касается до словъ Шакловитаго, о которыхъ упомянули мы выше, то они не болѣе какъ метафора, доказывающая только, что Нарышкины не принадлежали къ первымъ родамъ въ государствѣ.

([2]) Устряловъ Ист. Царств. Петра В. II, 41—42.

([3]) Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow, Genève 1867, т. 1; 2-го не вышло.

Колѣно I-е.

Въ лѣто 6971 (1465) къ великому князю Ивану Васильевичу выѣхалъ изъ Крыма Мортка-Курбатъ и

1. Нарышко Нарышинъ.

Сей первовъѣхавшій, гласитъ родословная, былъ у в. к. Ивана Васильевича окольничимъ.

Колѣно II-е.

2. Забѣла, а молитвенное имя Ѳедоръ Нарышковичь 1

Колѣно III-е.

3. Исакъ Ѳедоровичъ 2

При в. кн. Иванѣ Васильевичѣ, гласитъ родословная, былъ на Рязани намѣстникомъ и пожалованъ Рязанскими волостьми въ прокормленіе, дана ему и жалованная грамота въ 6976 (1468). Какъ видно, Нарышко прибылъ въ Россію уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ взрослымъ внукомъ.

Колѣно IV-е.

4. Григорій Исаковичъ 3

Колѣно V-е.

5. Семёнъ Григорьевичъ . . . 4
6. Ѳедоръ Григорьевичь . . . 4
7. Янышъ Григорьевичь . . . 4

Колѣно VI-е.

8. Иванъ Семеновичъ 5

Въ 7036 (1528), гласитъ родословная, дана ему вотчинная жалованная и несудимая грамота, а въ 7044 (1536) при царѣ Иванѣ Васильевичѣ написанъ въ подворной тысячной книгѣ.

9. Дмитрій Семёновичъ 5

Тоже, а въ 1539 г., въ Рыльскѣ былъ намѣстникомъ, и дана ему грамота. Въ Древ. Русс. Вив., (XIV, 309) находимъ указаніе, что въ 1576 году былъ онъ осаднымъ головою въ Рыльскѣ.

10. Иванъ Ѳедоровичъ. . . . . } 6
11. Васюкъ Ѳедоровичъ. . . . . } 6
12. Тимоѳей Ѳедоровичъ. . . . . } 6
13. Семенъ Янышевичъ. . . . } 7
14. Муратъ Янышевичъ. . . . } 7

Колѣно VII-е.

15. Андрей Ивановичъ 8
16. Павлинъ, а молитвенное имя Ѳедоръ Ивановичъ 8
17. Иванъ Ивановичъ. 10

При в. кн. Василіи Ивановичѣ былъ воеводою въ Великихъ Лукахъ.

18. Григорій Васюковичъ. . . . 11

Въ 1558 и 59 г. былъ воеводою въ Свіяжскѣ.

19. Осипъ Тимоѳеевичъ 12

Въ 1587 году, дана ему послужная грамота на его Рязанскія помѣстья.

Колѣно VIII-е.

20. Борисъ Ивановичъ. 17

Въ 1576 былъ въ судовой ротѣ воеводою и убитъ въ Нѣмецкихъ походахъ, по словамъ родословной. Въ разрядныхъ книгахъ упомянуты подъ 1576 годомъ въ большомъ полку воевода князь Тюфякинъ да голова Борисъ Нарышкинъ и съ нимъ Вятчане. (Древ. Русск. Вивліоѳ. XIV. 297).

21. Иванъ Ивановичъ 17

Убитъ подъ Кромами.

22. Тимоѳей Григорьевичъ . . . 18

О немъ родословная не упоминаетъ. Въ 1627 и 29 г. Тарусскій городовой дворянинъ.

До сихъ поръ мы пользовались одними почти показаніями родословной; съ VIII-го колѣна мы, относительно XVII вѣка, основываемъ наши показанія на печатныхъ актахъ; что́ же касается до временъ позднѣйшихъ, то мы пользовались и книгами, и преданіями, и собственными воспоминаніями.

23. Иванъ Осиповичъ . . . . . } 19
24. Петръ Осиповичъ . . . . . } 19

Колѣно IX-е

25. Полуектъ Борисовичъ 20
26. Поликарпъ Борисовичь . . . 20

За Московское осадное сидѣніе получилъ отъ царя Василія Ивановича Шуйскаго вотчину.

27. Петръ Ивановичъ 21

Убитъ подъ Алексинымъ.

28. Полуектъ Ивановичъ 21

Въ боярской книгѣ 1627 г. на 414 листѣ показанъ въ числѣ дворянъ по городу Тарусѣ. Помѣстный окладъ ему 600 четей, служилъ по выбору; на полѣ противъ его имени отмѣчено: убитъ подъ Смоленскомъ 7141 (1633) Такимъ образомъ П. Ив. принадлежалъ къ числу значительныхъ помѣщиковъ Тарусскихъ и служилъ въ 1-ой статьѣ дворянъ (2-ю составляли дворяне служившіе по дворовому списку, а 3-ю по городовому или, какъ тогда говорили, съ городомъ).

29. Филимонъ Ивановичь. Бояринъ **21**

30. Ѳома Ивановичъ **21**
Показанъ въ боярской книгѣ за 1658 годъ дворяниномъ Московскимъ

31. Иванъ Ивановичъ. **21**
Женатъ на Пелагеѣ № №, въ инокиняхъ Прасковьѣ.

Колѣно X-е

32. Василій Поликарповичъ . . . **26**
Показанъ въ боярской книгѣ за 1640 г. дворяниномъ Московскимъ. Воевода на Вяткѣ въ 1673 и 74 годахъ.

33. Кирилъ Полуектовичъ . . . **28**
Родился 1623 † 30 Апрѣля 1691.— Въ боярской книгѣ за 1655 годъ показанъ по жилецкому списку, а въ книгѣ за 1657 съ окладомъ помѣстнымъ 850 четей и придачею денегъ 38 рублевъ. Въ книгѣ за 1658 годъ показанъ онъ стряпчимъ рейтарскаго строю, въ 1663 г. ротмистръ въ полку новонабранныхъ рейтаръ полковника Артамона Сергѣевича Матвѣева: въ 1666 велѣно ему быть въ стрѣльцахъ въ головахъ (т. е. полковникомъ) и для новства велѣно придачи учинить помѣстной 100 четей, денегъ 12 рублевъ. Все это, принявъ во вниманіе тогдашнюю цѣну денегъ, доказываетъ, что онъ былъ далеко не нуждающійся человѣкъ и что дочь его лаптей на самомъ дѣлѣ не носила. До брака дочери онъ былъ уже стольникомъ. 7 Февраля 1671 пожалованъ онъ въ думные дворяне, а 30 Мая 1672 года, въ день рожденія своего внука Петра Великаго, вмѣстѣ съ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ, въ окольничіе. Въ 1673 получилъ онъ званіе боярина и дворецкаго и назначенъ былъ первымъ судьею въ приказѣ большаго дворца, а въ 1674 году „жалованья учиненъ ему денежный окладъ вновь пять сотъ рублевъ". Ему пожаловалъ зять его царь Алексѣй Михаиловичъ подмосковныя села: Кунцово, Покровское (Фили), Петровское, огромныя имѣнія въ нынѣшнихъ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ (всего около 88,000 душъ) и домъ въ Москвѣ на Неглинной (Горное Правленіе) при которомъ находилась разрушенная въ началѣ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія каменная домовая церковь во имя св. Ирины. Удаленъ отъ двора въ 1682 году (Устряловъ опровергаетъ преданіе, по которому К. П. былъ будто бы силою постриженъ на Бѣлоозерѣ подъ именемъ Кипріана) послѣ перваго стрѣлецкаго бунта, но скоро былъ возвращенъ и умеръ въ 1691 г. Погребенъ въ лѣтней соборной церкви Московскаго Высокопетровскаго монастыря (усыпальницѣ рода Нарышкиныхъ) съ правой стороны.

Женатъ онъ былъ на Аннѣ Леонтьевнѣ Леонтьевой († 2 Іюня 1706 года, погребена рядомъ съ мужемъ). Она была дочь Каширскаго дворянина Леонтія Дмитріевича Леонтіева. Устряловъ ошибочно говоритъ, что она была изъ рода Раевскихъ. Мать Анны Леонтьевны— Прасковья Ивановна Леонтьева, была родомъ Раевская. Эта прабабушка Петра В. умерла въ 1641 г., на возвратномъ пути изъ Кіева, куда она ходила на богомолье. Преданіе говоритъ, что смерть застигла ее близь Перемышля, въ селѣ Вилицахъ (нынѣ Лихвинскаго у. Калужск. губ.), принадлежавшемъ ея родственникамъ Палтовымъ, и что занемогла она вслѣдствіе хожденія въ сосѣдній лѣсной скитъ для увѣщанія раскольниковъ. По ея желанію похоронена въ нынѣ упраздненномъ Перемышльскомъ Николаевскомъ Ризланскомъ монастырѣ (теперешняя Николаевская приходская церковь въ Перемышлѣ). Въ придѣлѣ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія у сѣверной стѣны

церкви стоитъ поныне каменная гробница, огражденная желѣзной рѣшеткой; на гробницѣ изсѣчена слѣдующая надпись: „Лѣта 7149 года Апрѣля въ 18 день представися раба Божія Параскева Ивановна дочь Раевская“. На стѣнѣ виситъ въ рамкѣ за стекломъ табличка, повторяющая эту подпись, а далѣе слѣдуютъ стихи:

Раевская въ первопрестольный градъ ходила,
А здѣсь скончала путь и подвигъ свой.
Покойся, милый прахъ, здѣсь честенъ твой покой:
Здѣсь дочь твоя и домъ тебѣ соорудила!—

Сія церковь во имя Св. и Чуд. Николая заложена въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, а отъ Р. Х. 1703. Москов. Петровскаго Высокаго монастыря арх. Іосафомъ и бывшаго здѣсь тогда Ризланскаго монастыря игум. Дороѳеемъ. Строила же сію св. церковь и въ церкви иконостасъ и всякую церковную утварь боярыня Анна Леонтьевна Нарышкина, супруга б. Кирила Полуектовича Нарышкина, въ память погребенной здѣсь матери ея Параскевы Ивановны Раевской, которая была бабушка благовѣрной и великой государыни Наталіи Кириловны, супруги блаженной памяти благовѣрнаго и великаго государя царя Алексѣя Михайловича.“ (Мы заимствуемъ это описаніе изъ статьи ученаго и неутомимаго археолога нашего о. архимандрита Леонида Кавелина— Церк.-ист. описаніе упразд. монастырей наход. въ предѣлахъ Калужской епархіи, Чтенія въ Имп. Об. Ист. и Древ. 1863 г. кн. I, стр. 78—79.) Стихи и подпись свидѣтельствуютъ, что они позднѣйшаго сочиненія, и по слогу, и по указанію на упраздненіе монастыря, который былъ обращенъ въ приходскую церковь въ 1764 году. Вотъ отчего Прасковья Ивановна названа по ошибкѣ не Леонтьевою, а Раевскою: на самомъ же памятникѣ сказано только, что она была „дочь Раевская“.— Въ синодикѣ той же церкви встрѣчаемъ мы между прочими: „родъ боярина Льва Кириловича Нарышкина, въ которомъ записаны имена убіенныхъ рода его: Іоанна, Исаакія, Петра, Поліевкта, Поликарпа, Іоанна, Аѳанасія, Артемона, Софонія, Михаила.“

34. Ѳедоръ Полуектовичъ. . . . **28**
Вмѣстѣ съ братомъ записанъ въ 1653 году по жилецкому списку. Окладъ ему назначенъ 820 четей, денегъ 40 рублевъ; „да Ѳедору же, что онъ раненъ подъ Конотопомъ на приступѣ въ 1659 г., придано 100 четей, денегъ пять рублевъ за Конотопскую службу“. Въ томъ же году онъ былъ у стрѣльцовъ, получалъ окладу 150 четей да денегъ 10 рублевъ и переведенъ въ разрядъ жильцевъ. Въ 1668 вмѣстѣ съ братомъ назначенъ стряпчимъ рейтарскаго строю. Въ 1671 г. комнатный стольникъ. 30 Мая 1672 пожалованъ въ думные дворяне. Въ 1674 г. воевода въ Архангельскѣ. ✝ 15 Декабря 1676. Женатъ на Аннѣ Петровнѣ Хомутовой (Hamilton) родной племянницѣ боярыни Евдокіи Григорьевны Матвѣевой.

35. Ѳедоръ Филимоновичъ. . . . **29**
Убитъ подъ Смоленскомъ.

36. Василій Филимоновичъ. . . **29**
Р. 1662, убитъ стрѣльцами 15 Мая 1682.

37. Матвѣй Филимоновичъ. . . . **29**
Дворянинъ Московскій. Въ 1686 пожалованъ въ стольники, въ 1688 въ окольничіе, въ 1690 въ бояре. Умеръ въ 1692.

38. Григорій Филимоновичъ . . . **29**
Въ 1682 стольникъ, въ 1689 окольничій, въ 1692 бояринъ.

39. Иванъ Ѳомичъ **30**
Комнатный стольникъ, убитъ стрѣльцами 15 Мая 1682.

40. Алексѣй Ѳомичъ **30**
Комнатный стольникъ.

41. Кондратій Ѳомичъ. **30**
Стряпчій въ 1672. Комнатный стольникъ царя Петра Алексѣевича въ 1686. Бояринъ въ 1692. ✝ 10 Января 1710.

42. Петръ Ѳомичъ **30**
Дворянинъ Московскій.

43. Иванъ Ивановичъ 31
Комнатный стольникъ и потомъ окольничій.

Агрипина Ивановна 31
За Даніиломъ Семёновичемъ Зміевымъ.

Колѣно XI-е.

44. Иванъ Кириловичъ 33
Р. 1658, убитъ стрѣльцами 15 Мая 1682. Комнатный стольникъ царей Ивана и Петра (1676), бояринъ и оружейничій (1682). Женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Алексѣевнѣ Лыковой. Она была мамою царевича Алексѣя Петровича (кормилицею царевича была Марѳа Григорьевна Колычева, рожд. Алмазникова) Погребенъ въ Петровскомъ монастырѣ.

45. Аѳанасій Кириловичь . . . 33
Р. 1662, убитъ стрѣльцами 15 Мая 1682. Комнатный стольникъ царя Петра. Погребенъ въ Петровскомъ монастырѣ.

46. Левъ Кириловичь. 33
Родился 1664 ✝ 28 Января 1705. Комнатный стольникъ царя Петра. Во время стрѣлецкаго бунта былъ спасенъ вмѣстѣ съ младшими братьями и переодѣтый крестьяниномъ бѣжалъ съ ними изъ Москвы. Бояринъ (1690). Членъ Совѣта, управлявшаго государствомъ во время перваго путешествія Петра Великаго (1697—1698). Управлялъ посольскимъ приказомъ 1698—1702. Любимый дядя Петра В., при дворѣ котораго какъ онъ, такъ и дѣти его пользовались особымъ почётомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни впалъ въ немилость. Погребенъ въ Петровскомъ монастырѣ. Женатъ, въ первомъ бракѣ, на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ №№ ✝ 2 Августа 1701; во второмъ на Аннѣ Петровнѣ Салтыковой, дочери боярика Петра Петровича отъ брака съ кн. Прозоровскою. 13 Апрѣля 1712 вышла за фельдм. графа Бориса Петровича Шереметева.

Отъ перваго брака 2 сына и 3 дочери, отъ втораго — 2 дочери.

47. Мартемьянъ Кириловичь . . 33
Р. 1665 ✝ 4 Марта 1697. Комнатный стольникъ царя Петра, потомъ бояринъ (1690). Женатъ на кн. Евдокіи Васильевнѣ Касимовской, дочери Сеидъ-Бухрана (во святомъ крещеніи Василія Араслановича) послѣдняго царевича Касимовскаго. ✝ 11 Апрѣля 1691.

48. Ѳедоръ Кириловичь 33
Р. 1666 ✝ 1 Августа 1691. Комнатный стольникъ царя Петра, потомъ кравчій (1690). Женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Дмитріевнѣ Голицыной (дочери кн. Дмитрія Алексѣевича отъ брака съ княгинею Великогагиной изъ рода князей Пожарскихъ ✝ 1703); во 2-мъ бракѣ (съ 1694) за фелдм. кн. Аникитою Ивановичемъ Репнинымъ (2-ая его супруга.)

Царица Наталья Кириловна *) . . 33
Р. 22 Августа 1651 ✝ 25 Января 1694. Вторая супруга царя Алексѣя Михайловича. Въ супружество вступила 22 Января 1671; погребена въ Московскомъ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ.

Евдокія Кириловна. 33
Р. 1666 ✝ въ дѣвицахъ 9 Августа 1682.

49. Василій Ѳеодоровичъ. . . . 34
Комнатный стольникъ царя Петра. Окольничій (1676). Бояринъ (1691) ✝ 1702. По смерти его домъ его, на Покровкѣ, отданъ былъ, по именному указу, подъ школу, учрежденную плѣннымъ насторомъ Глюкомъ. Женатъ на Меланьѣ NN.

50. Андрей Ѳедоровичъ. . . . 34
Комнатный стольникъ царя Петра въ 1686.

51. Семенъ Ѳедоровичъ 34
Комнатный стольникъ.

52. Михаилъ Григорьевичъ . . . 38
Р. 31 Октября 1669 ✝ 3 Марта 1744. Комнатный стольникъ царя Петра, а впослѣдствіи камергеръ. Женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Колычевой (р. 21 Апрѣля 1675 ✝ 10 Мая 1738).

---

*) Намъ случилось слышать отъ одного стараго подмосковнаго крестьянина такое присловье: „Не дорого Нарышкино богатство, а дорога Наталья Кириловна“ (Говорилось про охоту: не важна застрѣленная птица, а важно то, чтобы попасть въ птицу). *П. Б.*

53. Василій Григорьевичъ . . . **38**
Комнатный стольникъ царя Петра Алексѣевича въ 1692. Женатъ на Стрѣшневой.

54. Семенъ Григорьевичъ. . . . **38**
Комнатный стольникъ. Находился въ числѣ дворянъ великаго посольства 1698 г. Учился въ Берлинѣ. Камергеръ, отправляемъ былъ къ разнымъ дворамъ. Генералъ-адьютантъ Петра. Замѣшанный въ дѣло царевича Алексѣя Петровича, онъ былъ только сосланъ въ свою деревню. При Екатеринѣ I-й оберъ-гофмейстеромъ цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштинской. При Аннѣ состоялъ при Малороссійскихъ дѣлахъ въ Глуховѣ. Генер. аншефъ и Алекс. кав. † 1747. Женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Паниной.

Ирина Григорьевна **38**
Род. 16 Апрѣля 1671 † 21 Іюня 1749. 2-я жена послѣдняго Русскаго боярина фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго. Статсъ-дама. Она была матерью ландграфини Анастасіи Ивановны Гессенъ-Гомбургской.

Анна Григорьевна. **38**
За Петромъ Михаиловичемъ Толстымъ.

Евдокія Григорьевна **38**
Р. 1675 † 23 Января 1739.
За генер. майоромъ графомъ Михаиломъ Борисовичемъ Шереметевымъ, старшимъ сыномъ фельдмаршала.

Смарагда Григорьевна **38**
Инокиня въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

55. Кирилъ Алексѣевичъ . . . **40**
Комнатный стольникъ царя Петра Алексѣевича въ 1686 г., его кравчій въ 1692. Первый комендантъ С. Петербургскій, Нарвскій и Дерптскій, оберъ-комендантъ и Московскій губернаторъ въ 1719 году. Женатъ на княжнѣ Мышецкой.

56. Алексѣй Петровичъ **42**
Комнатный стольникъ.
Женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Барятинской.

57. Иванъ Ивановичъ **43**
Стряпчій въ 1676. Комнатный стольникъ царя Петра въ 1686. Окольничій въ 1692. Женатъ на Аннѣ Родіоновнѣ Караваевой.

Колѣно XII-ое.

58. Александръ Львовичъ . . . **46**
Род. 26 Апрѣля 1694 † 25 Апрѣля 1745. Любимецъ Петра Великаго, называвшаго его „Львовичемъ". Путешествовалъ долго съ братомъ за границею, имѣя письма отъ Петра къ главнымъ Европейскимъ государямъ, въ которыхъ онъ поручался благосклонности ихъ, какъ ближайшій родственникъ царскій. Президентъ камеръ-коллегіи и директоръ адмиралтейской конторы. Сосланъ при Петрѣ II въ свои Шацкія деревни. Всемогущій князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій обѣщалъ ему царскую милость, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ ему Кунцово и Покровское. Нарышкинъ съ гордостью отвергнулъ это предложеніе. Возвращенный Анною ко двору, онъ былъ при ней комерцъ-коллегіи президентомъ, президентомъ дворцовой строительной канцеляріи, директоромъ императорскихъ строеній и садовъ, тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и алекс. кавалеромъ. Елисавета произвела его въ дѣй. т. сов. и надѣла на него Андреевскую ленту. Человѣкъ крайне гордый. Въ грамотѣ, изготовленной по случаю несостоявшагося посольства его въ Испанію, онъ Петромъ Великимъ былъ названъ: „двоюроднымъ нашимъ братомъ графомъ Нарышкинымъ". Титула этого онъ однакоже никогда не носилъ. Онъ сватался за принцессъ Гессенскую и Ангальтскую. Женатъ на графинѣ Еленѣ Александровнѣ Апраксиной († 1767), дочери флота капитана графа Александра Петровича отъ брака съ княжною Куракиною (Статсъ-дама въ 1749. Гофмейстерина на мѣсто графини Бестужевой-Рюминой въ 1759). Оба погребены въ лѣтней соборной церкви Петровскаго монастыря.

59. Иванъ Львовичъ. **46**
Р. 1 Января 1700 † 11 Іюля 1734. Флота капитанъ. Женатъ на Дарьѣ Ки-

риловнѣ Нарышкиной, р. 6 Марта 1709 † 19 Мая 1730.

Агрипина Львовна. 46

† 1709. За госуд. канцлеромъ и Андр. кав. княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкаскимъ (была его первою женою).

Прасковья Львовна. 46

† въ дѣвицахъ 5 Декабря 1718 г.

Александра Львовна 46

За знаменитымъ оберъ-егермейстеромъ и кабинетъ-министромъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. Умерла до его паденія.

Марья Львовна. 46

Р. 1703 † 1727, за ген.-маіоромъ княземъ Өедоромъ Ивановичемъ Голицынымъ (была его первою женою).

Анна Львовна 46

Род. 9 Декабря 1704 † 18 Сентября 1776., погреб. въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. За лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитаномъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Трубецкимъ. Марія и Анна Львовна вышли за мужъ послѣ смерти Петра Великаго. Они при дворѣ разыгрывали роль принцессъ крови. При погребеніи Петра они обѣ въ глубокомъ траурѣ шли за гробомъ передъ герцогомъ Голштинскимъ и в. княземъ Петромъ Алексѣевичемъ (Петромъ II). У нихъ были асситенты, и пажи несли ихъ шлейфы. При Аннѣ Львовнѣ асситентомъ былъ поручикъ Сатинъ.—Статсъ-дама при Елисаветѣ. Она овдовѣла въ 1743 и въ 1764 за старостью уволена отъ двора съ щедрымъ награжденіемъ.

Наталія Мартемьяновна 47

За княземъ Василіемъ Петровичемъ Голицынымъ.

60. Андрей Андреевичь 50

61. Андрей Михайловичь . . . 52

62. Сергѣй Михайловичь. . . . 52

Ген. маіоръ р. 1706 † 10 Августа 1765. Женатъ въ первомъ бракѣ на Александрѣ Владиміровнѣ Нарбековой (братъ ея былъ женатъ на сестрѣ канцлера Михаила Илларіоновича Воронцова (р. 1713 † 17 Мая 1752) и вторымъ бракомъ на Марьѣ Михайловнѣ Леонтьевой, дочери генералъ-аншефа Михаила Ивановича (р. 19 Марта 1737 † 20 Марта 1787) погр. въ Московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ.

Отъ перваго брака 4 сына и дочь; отъ втораго дочь

63. Иванъ Михайловичъ 52

Р. 27 Декабря 1715 † 1759. Ст. сов., членъ Московской Сенатской Конторы и первый членъ Главной Соляной Конторы.

Марія Михайловна 52

† въ дѣвицахъ.

Анастасія Михайловна 52

Р. въ Декабрѣ 1703 † 6 Мая 1761. Статсъ-дама Елисаветы, за ген. майоромъ Василіемъ Андреевичемъ Измайловымъ. Погр. въ Невской Лаврѣ. Объ ней говоритъ въ своихъ Запискахъ Порошинъ.

Марія Михайловна младшая . . 52

За ген. аншефомъ Алексѣемъ Григоріевичемъ Жеребцовымъ (его 1-ая жена).

Прасковья Михайловна. . . . 52

Р. 1709 † 15 Ноября 1747, за ген. майоромъ Петромъ Петровичемъ Воейковымъ.

Анна Михайловна 52

За Николаемъ Ивановичемъ Огневымъ.

64. Василій Васильевичъ 53

Р. 30 Мая 1712 † 20 Января 1779. Новгородскій губернаторъ. Ген.-поручикъ (3 Марта 1763) уволенъ 17 Марта 1766. Аннинскій кавалеръ. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Женатъ 1), на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Солнцевой-Засѣкиной; 2) на Аннѣ Ивановнѣ Паниной † 10 Сентября 1780 погребена въ Донскомъ мон.

Наталья Васильевна 53

За Головинымъ.

Прасковья Васильевна 53

За Александромъ Петровичемъ Лачиновымъ.

65. Семёнъ Кириловичь 55

Род. 5 Апрѣля 1710†27 Ноября 1775. Камеръюнкеръ. При Аннѣ удалился за границу и жилъ въ Парижѣ подъ именемъ Тенкина. Посланникъ въ Англіи въ 1741—42. Гофмаршалъ при в. кн.

Петрѣ Ѳеодоровичѣ (Петрѣ III). Ген. аншефъ, оберъ-егермейстеръ и Андр. кав. Первый щеголь своего времени и изобрѣтатель столь извѣстной въ прошломъ столѣтіи роговой музыки. Погр. въ Дон. мон. Женатъ на Маріѣ Павловнѣ Балкъ Полевой, р. 1730 † 28 Мая 1793. О ней говоритъ въ своихъ Запискахъ Екатерина II-я (Ее письмо въ Р. Арх. 1869, стр. 213)

66. Петръ Кириловичь **55**

Р. 10 Іюня 1713 † 4 Апрѣля 1770. Камергеръ. Отправленъ былъ въ Малороссію съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Петра III. Генеральные старшины поднесли ему болѣе 20, 000 руб., а отъ гетмана Разумовскаго онъ получилъ перстень въ 3000 руб. Женатъ на Евдокіи Михайловнѣ Готовцевой.

Татьяна Кириловна. **55**

Р. 3 Января 1704 † 23 Іюня 1757. За генералъ-адмираломъ и Андр. кавалеромъ кн. Михаиломъ Михаиловичемъ младшимъ Голицынымъ (его 2-ая жена).

Дарья Кириловна **55**

Р. 6 Марта 1709 † 19 Мая 1730. За за флота капитаномъ Иваномъ Львовичемъ Нарышкинымъ (№ 59).

Софья Кириловна **55**

† въ Маѣ 1757. За ген. поруч. барономъ Сергѣемъ Григоріевичемъ Строгановымъ.

Наталья Кириловна. **55**

Р. 1716 † въ дѣвицахъ 1770.

Евдокія Кириловна. **55**

† въ дѣвицахъ.

67. Петръ Алексѣевичь **56**

Женатъ на княжнѣ Иринѣ Анисимовнѣ Хотетовской (изъ угасшаго рода Рюриковичей) † 21 Мая 1793 (во 2-мъ бракѣ была за Ив. Ив. Головинымъ). Погребена возлѣ перваго мужа въ селѣ Майдановѣ.

68. Иванъ Алексѣевичь **56**

Прасковья Алексѣевна. **56**

За сенаторомъ Никитою Михайловичемъ Желябужскимъ.

Анна Алексѣевна. **56**

За княземъ Ал. Михайловичемъ Оболенскимъ (у Долгорукова не значится).

69. Иванъ Ивановичь **57**

Р. 11 Апрѣля 1668 † 26 Ноября 1735. Комнатный стольникъ. Былъ арестованъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Женатъ: 1,) на Прасковьѣ Онуфріевнѣ Денисовой; 2,) на Анастасіи Александровнѣ Милославской † 26 Января 1773. Она была дочерью ком. стольника Александра Ивановича Милославскаго отъ брака съ Софіею Алексѣевною Соковниною (дочерью извѣстнаго окольничаго).

Прасковья Ивановна. **57**

† 1723. За камергеромъ и Александровск. кав. княземъ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Голицынымъ, сыномъ знаменитаго кн. Димитрія Михайловича.

Марія Ивановна. **57**

За Василіемъ Михайловичемъ Глѣбовымъ.

Колѣно XIII-ое.

70. Александръ Александровичь . **58**

Род. 22 Іюля 1726†21 Мая 1795. Гофмаршалъ Петра III до восшествія на престолъ. Оберъ-шенкъ, сенаторъ, дѣйств. камергеръ и Андр. кав. Погребенъ въ Невской Лаврѣ. Женатъ на Аннѣ Никитишнѣ Румянцевой, род. 11 Февр. 1730† 20 Февраля 1820, дочери арміи ген. маіора Никиты Ивановича Румянцева отъ брака съ княжною Мещерскою. Двоюродная сестра Рум. Задунайскаго. Статсъ и орд. св. Екатерины большаго креста кав. дома. Гофмейстерина. Одна изъ самыхъ приближенныхъ особъ къ Екатеринѣ, которая не разъ упоминаетъ объ обоихъ въ своихъ Запискахъ. Оба погребены въ Невской Лаврѣ.

71. Левъ Александровичь . . **58**

Р. 26 Февраля 1733†9 Ноября 1799. Камергеръ, состоявшій при Екатеринѣ, когда она была еще великою княгинею. Шталмейстеръ, потомъ оберъ-шталмейстеръ и Андр. кав. Извѣстный шутникъ и весельчакъ. Домъ его на Исакіевской площади славился весельемъ и хлѣбосольствомъ. О немъ и о сватьбѣ его подробно говоритъ Екатерина въ своихъ Запискахъ. Его дразнила она смертью

Сардинскаго короля, на канунѣ своей собственной кончины. Женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской (р. 1741 † 28 Іюля 1800), дочери простаго казака, а потомъ генеральнаго обознаго Осипа Лукьяновича Закревскаго отъ брака съ Анною Григорьевною Разумовскою, сестрою графовъ Алексѣя и Кирилы Григорьевичей. Статсъ и кав. орд. св. Екатерины меньш. креста дама. Оба погребены въ Невской Лаврѣ. Державинъ въ стихотвореніи своемъ: „На рожденіе Гремиславы" посвященномъ Л. А., слѣдующими стихами воспѣлъ чету Нарышкиныхъ:

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ!
. . . .
Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна,
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать, и пр.

Со всею семьею Льва Александровича Державинъ былъ особенно близокъ и воспѣлъ смерть его стихами.

Наталья Александровна. 58
Р. 1729 † 1760. За ген. поруч. Сергѣемъ Наумовичемъ Сенявинымъ; о ней говоритъ въ Запискахъ своихъ Екатерина II-я.

Марія Александровна 58
Р. 24 Марта 1730 † 15 Мая 1780. За д. т. сов. и Андр. кав. Михаиломъ Михайловичемъ Измайловымъ. Оба погр. въ Донск. мон. О ней тоже упоминаетъ Екатерина II-я.

Агрипина Александровна. . . . 58
За сенат. и Александ. кав. Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ (была его 2-я жена).

Екатерина Ивановна. 59
Род. 11 Мая 1731 † 22 Іюня 1771. Фрейлина. Статсъ-дама (черезъ два дня послѣ сватьбы). Ордена св. Екатерины большаго креста кав. дама (при восшествіи на престолъ Екатерины II). За Малороссійскимъ гетманомъ, ген. фельдмаршаломъ и Академіи наукъ президентомъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ. Погребена въ Невской Лаврѣ.

Марія Андреевна 60
† 1739. За полковникомъ графомъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шереметевымъ.

72. Николай Сергѣевичъ 62
Женатъ на Аннѣ Владиміровнѣ Извѣковой (по другимъ свѣдѣніямъ на Языковой).

73. Сергѣй Сергѣевичъ 62
Женатъ на Елисаветѣ Семёновнѣ Заборовской.

74. Василій Сергѣевичъ 62
Р. 21 Декабря 1740 † 3 Ноября 1800. Ген.-маіоръ. Женатъ на гр. Аннѣ Ивановнѣ Воронцовой (р. 12 Дек. 1750 † 5 Мая 1807) дочери ген. пор. гр. Ивана Иларіоновича Воронцова отъ брака съ Маріею Артемьевною Волынскою (дочерью знаменитаго кабинетъ-министра).

75. Александръ Сергѣевичъ. . . . 62
Статскій совѣтникъ и Вологодскій вице-губернаторъ.

Екатерина Сергѣевна. 62
Р. 30 Ноября 1739 † въ дѣвицахъ 30 Окт. 1767. Фрейлина Екатерины II.

Анастасія Сергѣевна. 62

Марія Сергѣевна 62
Р. 1760 † въ дѣвицахъ 21 Окт. 1787 Погр. въ Новосп. монастырѣ.

76. Иванъ Ивановичъ 63
Полковникъ. Женатъ на Еленѣ Николаевнѣ Юшковой.

Наталья Ивановна. 63
Р. 1744 † въ дѣвицахъ 1817. Погр. въ Донскомъ монастырѣ.

77. Семёнъ Васильевичъ 64
Статскій сов., литераторъ. Женатъ на Маріи Ивановнѣ Салтыковой род. 23 Января 1738 † 5 Мая 1807, сестрѣ фельдм. свѣт. князя Николая Ивановича Салтыкова.

78. Алексѣй Васильевичъ 64
Р. Августа 1742 † 30 Августа 1800. Т. сов. сенаторъ и кав. Литераторъ. Въ 1767 году, состоя генеральсъ-адъютантомъ при графѣ (потомъ князѣ) гр. Орловѣ, сопровождалъ Екатерину во время путешествія ея по Волгѣ и принялъ

участіе въ извѣстномъ переводѣ Мармонтелева Велизарія; 7-я и 8-я главы переведены имъ. Въ 1776 былъ камергеромъ, Псковскимъ губернаторомъ и сопровождалъ въ Берлинъ в. князя Павла Петровича. Погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

79. Василій Васильевичъ 64

80. Кирилъ Семёновичъ. 65

Р. 6 Сентября 1761 † 4 Сентября 1770. Погребенъ въ Невской лаврѣ.

Екатерина Семёновна. 65

Р. 2 Сент. 1763 † 13 Апрѣля 1771. Погребена въ Невской лаврѣ.

81. Михаилъ Петровичъ 66

Р. 17 Дек. 1753 † 23 Августа 1825. Полковникъ. Женатъ на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Волконской. Р. 6 Ноября 1760 † 1 Марта 1827.

82. Павелъ Петровичъ 66

Р. 1768 † 2 Ноября 1841. Дѣйств. камергеръ. Женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Нарышкиной р. 1774 † 1848.

83. Петръ Петровичъ 67

Р. 1726 † 10 Іюня 1782. Гвардіи майоръ. Женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Репниной † 28 Фев. 1793, сестрѣ фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина. О ней упоминаетъ Екатерина въ письмахъ къ графу Н. Ив. Салтыкову.

84. Иванъ Ивановичъ 69

† 1758. Женатъ на Таракановой † 24 Ноября 1782.

85. Александръ Ивановичъ. . . . 69

Т. сов. и камергеръ. † 1782 погр. въ Невской Лаврѣ. Женатъ на княжнѣ Аннѣ Никитишнѣ Трубецкой, р. 9 Окт. 1737 †..... дочери фельдм. кн. Никиты Юрьевича отъ 2-го брака съ Херасковою.

Прасковья Ивановна. 69

Р. 21 Октября 1729 † 6 Января 1795. За майоромъ Петромъ Ивановичемъ Матюшкинымъ.

Колѣно XIV-ое.

86. Александръ Львовичъ 71

Р. 14 Апрѣля 1760 † въ Парижѣ 26 Янв. 1826. Оберъ-гофмаршалъ (1 Ноября 1798). Оберъ-камергеръ (15 Сент. 1801) Канцлеръ всѣхъ Росс. орденовъ. Извѣстный во всей Европѣ своимъ умомъ, любезностью и остротами. Онъ сопровождалъ въ званіи камеръ-юнкера Екатерину во время знаменитаго Таврическаго путешествія. Женатъ на Маріи Алексѣевнѣ Сенявиной, р. 9 Марта 1762 † 30 Дек. 1822, дочери адмирала Алексѣя Наумовича. Статсъ и кав. орд. св. Екат. м. креста дама. Она была любимая фрейлина Екатерины II. Оба погребены въ Невской Лаврѣ.

87. Дмитрій Львовичъ 71

Р. 30 Мая 1764 † въ Апрѣлѣ 1838. Гофмейстеръ. Оберъ-егермейстеръ (27 Февраля 1804). Погребена въ Невской Лаврѣ. Женатъ на кн. Маріѣ Антоновнѣ Святополкъ-Четвертинской. (р. 1779 † 1854 въ Мюнхенѣ) дочери кн. Антонія Станислава, каштеляна Перемышльскаго, отъ 1-го брака съ Копенгаузъ. Она играла важную роль при Дворѣ въ первомъ двадцатилѣтіи нынѣшняго столѣтія. Державинъ сочинилъ на свадьбу ихъ въ 1795 пастушескую эклогу „Новоселіе молодыхъ“; для Маріи же Аноновны онъ сочинилъ въ 1809 стихи: „къ Аспазіи“.

Наталья Львовна. 71

† 2 Августа 1819. За ген. майоромъ гр. Иваномъ Антоновичемъ Сологубомъ. Погр. въ Невской Лаврѣ. Ей принадлежало въ Могилевской губерніи огромное имѣніе Горы и Горки, воспѣтое Державинымъ, который у нихъ гостилъ. (Тамъ нынѣ Горыгорѣцкое училище) Н. Л. была бабкою извѣстнаго литератора графа В. А. Сологуба.

Екатерина Львовна. . . . . 71.

† 5 Ноября 1820. За оберъ-камергеромъ и Андр. кав. графомъ Юріемъ Александровичемъ Головкинымъ.

Анна Львовна. . . . . . . 71.

За Польскимъ княземъ Понинскимъ.

Марія Львовна. . . . . . . 71.

За Русс. ген. поручикомъ княземъ Феликсомъ-Ксаверіемъ Любомірскимъ, (его 3-я жена); на нее написалъ Державинъ посланіе„ къ Евтерпѣ“, въ которомъ есть намеки на извѣстную къ ней

любовь знаменитаго Потемкина.

Елисавета Львовна . . . . . 71.
Р. 1769 † въ дѣвицахъ 1795.

Марія Николаевна. . . . . . 72.

Александра Николаевна. . . . 72.
За Кушниковымъ.

88. Иванъ Васильевичъ . . . . 74.
Ст. сов. † 23 Іюня 1818, женатъ на Елисаветѣ Ивановнѣ Метемъ, дочери Англичанина, служившаго капитаномъ въ Русскомъ флотѣ.

89. Дмитрій Васильевичъ . . . . 74.
Д. ст. сов. и Таврическій губернаторъ. Женатъ на графинѣ Натальѣ Θеодоровнѣ Растопчиной, дочери знаменитаго графа Θедора Васильевича отъ брака съ Протасовою. О нихъ много говоритъ Вигель въ своихъ Запискахъ.

Прасковья Васильевна . . . . 74.
† 1812.

Марія Васильевна . . . . . 74.
† 1860; въ первомъ бракѣ за ген. майоромъ графомъ де-Бальменомъ, во второмъ за т. сов. Александромъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ.

Анна Ивановна. . . . . . . 76.
За ген. майоромъ кн. Александромъ Петровичемъ Щербатовымъ.

Евдокія Ивановна. . . . . . 76.

Марія Ивановна. . . . . . . 76.
За Θеодоромъ Алексѣевичемъ Бахметьевымъ.

Прасковья Семёновна . . . . 77.
Р. 1763 † въ Ноябрѣ 1844. За д. ст. сов. Иваномъ Николаевичемъ Ефимовичемъ.

Анастасія Семёновна . . . . 77.
За Алексѣемъ Θеодоровичемъ Грибоѣдовымъ (2-ая его жена), роднымъ дядею славнаго комика. Отъ перваго брака съ княжною Одоевскою имѣлъ онъ дочь Елизавету, супругу фельдмаршала кн. Паскевича Эриванскаго; а отъ втораго брака еще дочь Софью Алексѣевну, за Сергѣемъ Александровичемъ Римскимъ Корсаковымъ (Софья въ Горе отъ ума).

90. Кирилъ Михайловичъ . . . . 81.
Р. 1784 † 7 Января 1857 ген. майоръ. Женатъ на Аннѣ Николаевнѣ Сутгофъ.

91. Михаилъ Михаиловичъ . . . 81.
Р. 4 Февраля 1795 † 1863. Полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка. По дѣлу 14 Декабря сосланъ въ Сибирь на каторгу. Прощенъ въ 40-хъ годахъ. (Его некрологъ въ № 3 газеты "День" за 1863.) Женатъ на графинѣ Елисаветѣ Петровнѣ Коновницыной (дочери извѣстнаго генерала гр. Петра Петровича отъ брака съ Корсаковою р. 1802) Слѣдовала за мужемъ въ Сибирь.

92. Александръ Михайловичъ . . 81.
Р. 1797 † 29 Іюня 1846. Женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Беклемишевой р. 11 Апрѣля 1812 † 24 Декабря 1834; вторично на Анастасьѣ Яковлевнѣ Казариновой. Дѣти отъ перваго брака.

Маргарита Михайловна. . . . 81.
† 1852. За Павломъ Михайловичемъ Ласунскимъ, вторично за ген. майоромъ Александромъ Александровичемъ Тучковымъ († подъ Бородинымъ 1812). Во инокиняхъ Марія. Игуменья основаннаго ею Бородинскаго Спасскаго монастыря.

Варвара Михайловна. . . . . 81.
Р. 1787 † 1834 въ дѣвицахъ. Погр. въ Донскомъ монастырѣ.

Марія Михайловна. . . . . . 81.
Р. 1788 † въ дѣвицахъ 1829. Погр. въ Донск. монастырѣ.

Евдокія Михайловна. . . . . 81.
Р. 1790. За кн. Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ.

93. Петръ Павловичъ . . . . 82.

94. Дмитрій Павловичъ . . . . 82.
Р. 1795 † 1868. Камергеръ. Женатъ на Джени Фальконъ, актрисѣ Михайловскаго театра.

95. Константинъ Павловичъ . . 82.
Д. ст. сов., почет. опекунъ и камергеръ. Жен. на Софьѣ Петровнѣ Ушаковой.

Марья Павловна. . . . . . 82.
Р. въ Октябрѣ 1809 † 21 Марта 1829. За графомъ Маркомъ Николаевичемъ Булгари.

96. Петръ Петровичъ . . . . . 83.
Р. 20 Мая 1764 † 26 Октября 1825. Т. сов. и сенаторъ. Женатъ на графинѣ

Маріѣ Николаевнѣ Салтыковой, р. 28 Іюня 1766 † 24 Апрѣля 1785; вторично на Екатеринѣ Николаевнѣ Опочининой, р. 17 Марта 1766 † 18.... Погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ Симоновомъ монастырѣ. Всѣ дѣти отъ 2-го брака.

Екатерина Петровна . . . . 83.

Р. 3 Іюня 1757 † 22 Окт. 1795. За Кіевскимъ вице губернаторомъ (потомъ сенаторомъ) кн. Василіемъ Алексѣевичемъ Хованскимъ. (Была его первою женою). О ней говоритъ Вигель въ своихъ Запискахъ.

Наталья Петровна . . . . . 83.

Р. 28 Окт. 1758 † 1 Мая 1825. Была первою женою д. т. с. князя Степана Борисовича Куракина († 1805). Вскорѣ послѣ свадьбы они разошлись, и князь Куракинъ при ея жизни женился во второй разъ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой († 1843).

97. Дмитрій Ивановичь . . . . 84.

† 1790. Женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Николаевна Долгорукой, дочери бригадира кн. Николая Алексѣевича (брата фаворита Петра II-го) отъ брака съ Бредихиною.

98. Иванъ Александровичь . . . 85.

Р. 19 Марта 1761 † 18 Января 1841. Т. сов. сенаторъ, оберъ церемоніймейстеръ. Женатъ на баронессѣ Екатеринѣ Александровнѣ Строгановой, р. 21 Мая 1769 † 30 Декабря 1844.

99. Александръ Александровичь . 85.

Камеръ-юнкеръ. Женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Бѣлосельской.

100. Петръ Александровичь. . . 85.

Преміеръ-майоръ. Женатъ па Екатеринѣ Степановнѣ Андреевской.

Анастасія Александровна . . . 85.

Р. 31 Января 1760 † 11 Ноября 1847. За полковникомъ барономъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Корфомъ.

Колѣно XV-ое.

101. Левъ Александровичь . . . 86.

† 1845. Ген. адъютантъ и ген. лейтенантъ. Женатъ на графинѣ Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой † въ Парижѣ 1861, дочери воеводы Чермно-русскаго, а потомъ Русс. ген. отъ инф. и Андр. кав. гр. Феликса Станислава отъ 2-го брака со Гречанкою Софіею, извѣстною подъ именемъ: „la belle Fanariote“.

102. Кирилъ Александровичь . . 86.

Р. 1 Августа 1786 † 25 Окт. 1838. въ Крыму. Гофмаршалъ двора импер. Николая, съ вступленія его на престолъ. Оберъ гофмаршалъ (13 Апр. 1829). Членъ госуд. Совѣта (6 Дек. 1834). Оберъ-гофмейстеръ (2 Апр. 1838). Женатъ на княжнѣ Маріѣ Яковлевнѣ Лобановой-Ростовской † въ Гейдельбергѣ 1854, дочери оберъ-камергера кн. Якова Ивановича отъ брака съ Салтыковою. Оба погребены въ Невской Лаврѣ.

Марія Александровна. . . . . 86.

† Въ дѣвицахъ 1800 погр. въ Невской Лаврѣ.

Елена Александровна р. 1785 † 3 Дек. 1855. въ 1 мъ бракѣ за св. кн. Италійскимъ, гр. Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, сыномъ знаменитаго генералуссимуса; вторично за кн. Василіемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ.

103. Эммануилъ Дмитріевичь . . 86.

Гофмейстеръ, род. 1815. Основатель Екатерининской учительской семинаріи. Женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Новосильцевой, р. 1815 † въ Веве 29 Декабря 1869 (погр. въ Невской Лаврѣ) дочери д. т. сов. Николая Петровича Новосильцева отъ брака съ графинею Апраксиною.

Марина Дмитріевна. 87

За т. сов. и посланникомъ въ Гагѣ, Римѣ и Неаполѣ, графомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гуріевымъ.

Елизавета Дмитріевна старшая. . 87

† младенцемъ 1803. Погр. въ Невской Лаврѣ.

Елизавета Дмитріевна меньшая. . 87

† младенцемъ 1804. Погр. въ Невской лаврѣ.

Зинаида Дмитріевна. 87

† младенцемъ 1810. Погр. въ Невской лаврѣ.

Софья Дмитріевна. 87

† въ дѣвицахъ. 1824 Помолвлена была за графа А. П. Шувалова.
104. Алексѣй Ивановичъ 88
Женатъ на Маріѣ Сергѣевнѣ Цуриковой.
Екатерина Ивановна. 88
За графомъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Бутурлинымъ.
105. Ѳедоръ Дмитріевичъ 89
Р. 1821 † 1870. Женатъ на княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ Долгорукой, дочери оберъ-шенка кн. Николая Васильевича отъ брака съ кн. Голицыною.
106. Анатолій Дмитріевичъ 89
Женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Куракиной, дочери гофмейстера кн. Алексѣя Борисовича отъ брака съ кн. Голицыною.
107. Алексѣй Кириловичь 90
Р. 28 Февраля 1818 † ..... Женатъ на Натальѣ Александровнѣ Талызиной.
108. Петръ Кириловичъ 90
Р. 1821. Жен. на Елизаветѣ Александ. Ульяниной.
109. Михаилъ Кириловичь. . . . 90
Р. 1823. Свиты Е. И. В. ген. маіоръ. Женатъ на Люціи Осиповнѣ Штрандманъ, р. 1832.
110. Николай Кириловичь 90
Р. 22 Февраля 1832. Женатъ на Селезневой.
111. Александръ Кириловичъ . . 90
Р. 27 Декабря 1834 † 4 Іюля 1847.
Наталья Кириловна. 90
Р. 2 Декабря 1827. За ген. майоромъ Алексѣемъ Александров. Аверкіевымъ.
Марія Кириловна 90
Софья Кириловна.
112. Яковъ Александровичъ . . . 92
113. Николай Александровичъ . . 92
114. Кирилъ Александровичъ . . 92
115. Михаилъ Александровичъ . . 92
Всѣ четверо умерли въ дѣтствѣ.
Варвара Александровна. . . . 92
За княземъ Туркистановымъ.
116. N. N. Константиновичь . . . 95
117. N. N. Константиновичь . . . 95
118. N. N. Константиновичь . . . 95
119. Николай Петровичь 96
Р. 3 Января 1796.
120. Александръ Петровичъ . . . 96
Р. 6 Іюня 1802 † 8 Ноября 1849.
Прасковья Петровна 96
Р. 1790 † 1823.
Варвара Петровна. 96
Р. 1799 † 1825.
Наталья Петровна 96
Р. 1809.
121. Иванъ Дмитріевичь 97
† 15 Апрѣля 1848. Майоръ и камергеръ. Женатъ въ 1-мъ бракѣ на Варварѣ Ивановнѣ Лодомирской (сгорѣла въ 1840), вторично на баронессѣ Маріѣ Карловнѣ Эльзницъ.
122. Дмитрій Дмитріевичь 97
† 25 Сент. 1845.
123. Николай Дмитріевичь 97
† въ Августѣ 1850. Женатъ на Авдотьѣ Дементьевнѣ N. N.
Анна Дмитріевна. 97
Р. 1774 † 6 Апрѣля 1848. За Павломъ Петровичемъ Нарышкинымъ (№ 82).
Марія Дмитріевна. 97
За княземъ Леономъ Александровичемъ Дадіаномъ.
Александра Дмитріевна. 97
† 1862. Погр. Москов. губ. Звенигор. уѣзда въ селѣ Козинѣ, въ 1-мъ бракѣ за ген. майоромъ Карломъ Богдановичемъ Кнорингомъ; вторично, за Карломъ Ѳедоровичемъ Фошомъ (Fauch).
Прасковья Дмитріевна. 97
За кригсцальмейстеромъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Булыгинскимъ † 1807; вторично за Николаемъ Николаевичемъ Наумовымъ † 1829.
124. Александръ Ивановичь . . . 98
Лейбъ-гвардіи егерскаго полка офицеръ, убитъ въ 1809 на поединкѣ графомъ Ѳ. Ив. Толстымъ (Американцемъ, см. Зап. Вигеля.)
125. Григорій Ивановичь 98
Р. 23 Февраля 1790 † 23 Іюля 1835. Женатъ на княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ Мещерской † 1844. (въ 1-мъ бракѣ за Алексѣемъ Ивановичемъ Мухановымъ).
126. Алексѣй Ивановичь. 98
Р. въ Іюнѣ 1794 † 186... Женатъ на Елисаветѣ Александровнѣ Хрущёвой.

Гербъ Нарышкиныхъ: Щитъ раздѣленъ на двѣ части. Въ верхней части на голубомъ полѣ виденъ до половины черный орелъ; въ нижней части на красномъ полѣ видна золотая рѣшетка. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ и дворянскою короною, украшенною тремя строусовыми перьями. Намётъ на щитѣ голубой и красный, подложенный золотомъ. Щитъ держатъ два льва.

Исправленіе и пополненіе труда нашего предоставляемъ современнымъ представителямъ рода Нарышкиныхъ.

Александръ Васильчиковъ.

Село Ершово.
Январь 1871.

ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ О МЛАДЕНЧЕСТВѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Въ первомъ томѣ сочиненія М. Богдановича «Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время» говорится о дѣтствѣ Александра и о томъ, какъ Екатерина II-я заботилась о воспитаніи Великаго Князя. Сама она начертала планъ воспитанія своихъ старшихъ внуковъ Александра и Константина. Каковы были заботы Императрицы въ этомъ отношеніи, видно изъ собственноручной записки Екатерины II-й о рожденіи и первоначальномъ воспитаніи В. К. Александра Павловича, хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и изъ ея Наставленія воспитателю Великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича, графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

Почтенный авторъ Исторіи Отечественной войны 1812 года и Исторіи царствованія Александра не говоритъ о томъ, что весьма любопытный памятникъ, относящійся къ первому времени жизни Великаго Князя, находится въ Швеціи. Осенью 1778 года Екатерина отправила къ Шведскому королю Густаву III записку о рожденіи и воспитаніи Александра. Она писана на Французскомъ языкѣ и найдена извѣстнымъ Шведскимъ историкомъ Гейеромъ между бумагами Густава III, назначенными къ изданію по истеченіи пятидесятилѣтняго срока послѣ смерти короля и изданными въ 1843 году подъ заглавіемъ «Konung Gustaf III's efterlemnade papper». Такъ какъ въ этой запискѣ сказано, что Великому Князю «теперь безъ малаго девять мѣсяцевъ,» то изъ этого можно заключить, что составленіе записки относится къ осени 1778 года.

Сношенія между Императрицею и Королемъ около того времени были дружескія. Не смотря на неудовольствіе Екатерины по поводу государственнаго переворота въ Швеціи въ 1772 году, справедливо считавшагося нарушеніемъ Ништатскаго договора, не только не было столкновенія между Россіею, но даже между Императрицею и Королемъ велась дружеская переписка о разныхъ предметахъ, о политикѣ, о наукахъ и искусствахъ и о педагогикѣ. Лѣтомъ 1777 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія Александра Павловича, Густавъ III былъ въ С. Петербургѣ. 12 (23) Декабря 1777 года родился Великій Князь, а безъ малаго годомъ позже у Густава III родился сынъ. Какъ можно полагать, Король, въ ожиданіи этого послѣдняго событія, обратился къ Императрицѣ за совѣтами относительно первоначальнаго воспитанія Шведскаго кронпринца, и это побудило Екатерину отвѣчать запи-

скою о рожденіи и воспитаніи Великаго Князя Александра Павловича, которую мы и сообщаемъ въ слѣдующемъ переводѣ [1]).

«Александръ родился 12 Декабря 1777-го года. Тотчасъ же послѣ его рожденія, я взяла ребенка на руки и, послѣ того какъ его обмыли, понесла его въ другую комнату, въ которой я его положила на подушку, покрывая его слегка, не дозволяя при томъ пеленать его иначе какъ показано на приложенной при семъ куклѣ [2]). Затѣмъ его положили въ корзину, въ которой находится кукла; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы бабье не вздумали качать ребенка. Александра передали на попеченіе генеральши Бенкендорфъ и помѣстили въ назначенныхъ ему покояхъ. Его кормилица—жена работника-садовника. Особенно заботились о чистомъ и свѣжемъ воздухѣ. Кроватъ Александра (онъ не знаетъ ни люльки ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсъ; лежитъ онъ на кожаномъ матрасѣ, на которомъ стелется одѣяло; у него не болѣе одной подушки и очень легкое Англійское покрывало. Въ его комнатѣ всегда говорятъ громко, даже и тогда, когда онъ спитъ. Никакой шумъ надъ его комнатами или возлѣ нихъ не запрещенъ. Даже на бастіонахъ адмиралтейства, напротивъ его оконъ, стрѣляютъ изъ пушекъ [3]), и вслѣдствіе всего того онъ не боится никакого шума. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы температура въ его покояхъ не превышала 14 до 15 градусовъ. Каждое утро, зимою и лѣтомъ, пока убирается его комната, ребенка выносятъ въ другую комнату; а между тѣмъ окна его спальни отворяются для возобновленія воздуха. Зимою тотчасъ-же послѣ согрѣванія комнаты его носятъ обратно въ спальню. Со времени его рожденія его ежедневно купали. Сначала вода была едва теплою; теперь же его моютъ комнатною водою. Онъ до того любитъ купаться, что, какъ скоро увидитъ воду, тотчасъ же кричитъ, желая погрузиться въ нее. Его не пріучили къ тому, чтобы успокоивать его не иначе какъ грудью; за то онъ привыкъ къ извѣстному порядку: спать въ назначенные часы, принимать грудь въ извѣстное время и т. п. Какъ скоро только дозволила весенняя погода, Александра безъ чепчика вынесли на свѣжій воздухъ; мало по малу онъ привыкъ оставаться на воздухѣ и сидѣть или на травѣ или на пескѣ, а также въ хорошую погоду и спать на воздухѣ въ тѣни. Его положатъ на подушку, и онъ спитъ превосходно. Чулокъ онъ не знаетъ и не терпѣлъ бы ихъ; ему не надѣваютъ ничего, что̀ могло-бы быть лишнею тяжестью. Когда ему было четыре мѣсяца, уже перестали постоянно носить его на рукахъ и дали ему коверъ. Его клали на брюшко, и онъ съ особенною радостью испытывалъ свои силы. Его одежда состоитъ въ коротенькой рубашенкѣ и въ вяза-

---

[1]) Мы пользуемся Нѣмецкимъ изданіемъ: „Des Königs Gustav's III nachgelassene Papiere. Hamburg, 1843.“ Во второмъ томѣ на стр. 97 сказано, что записка составлена скоро послѣ рожденія Шведскаго кронпринца, но такъ какъ послѣдній родился 21 Октября (1 Ноября) а въ письмѣ Екатерины сказано, что Александру тогда было „безъ малаго девять мѣсяцевъ“ то составленіе записки очевидно должно быть отнесено къ Сентябрю 1778 г.; во время рожденія Шведскаго принца Александру было 10 ½ мѣсяцевъ.

[2]) Какъ видно, Екатерина отправила къ Густаву и куклу съ тою самою корзиною, въ которой лежалъ въ первое время Великій Князь.

[3]) Этимъ можно отчасти объяснить глухоту. Императора Александра Павловича. *П. Б.*

номъ, широкомъ корсетикѣ. На воздухѣ къ этому еще прибавляется шерстяная или шелковая юбочка. Онъ ничего не знаетъ о простудахъ, большой, полный свѣжій и веселый, любитъ прыгать и почти никогда не кричитъ. Недавно у него прорѣзался первый зубокъ; теперь ему безъ малаго девять мѣсяцевъ.»

Г. Богдановичъ не сообщаетъ самой записки о рожденіи и первоначальномъ воспитаніи В. К. Александра Павловича, хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что содержаніе записки, найденной въ Шведскомъ Архивѣ, по крайней мѣрѣ нѣсколько согласуется съ содержаніемъ той записки, о которой упомянуто на стр. 3 сочиненія г. Богдановича. «Il est gros, grand, bien portant, fort gai et ne criant jamais,» сказано въ послѣдней, почти совершенно въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя встрѣчаются въ запискѣ, изданной Гейеромъ. То обстоятельство, что памятникъ, о которомъ говоритъ г. Богдановичъ, хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, также подтверждаетъ вѣроятность, что эта записка была составлена для одного изъ иностранныхъ государей.

Г. Богдановичъ сообщаетъ намъ, что Екатерина гордилась позднѣйшею инструкціею 1784 года и предполагала перевесть ее на всѣ Европейскіе языки. Въ ея кабинетѣ всегда находилось нѣсколько копій ея, хорошо переписанныхъ, которыя она дарила вельможамъ и знаменитымъ путешественникамъ. Можно полагать, что Императрица и въ отношеніи къ первымъ пріемамъ воспитанія Великаго Князя охотно сообщала подробности современникамъ. Можетъ быть г. Богдановичъ укажетъ на связь между документомъ Государственнаго Архива и сообщенною нами запискою. Во всякомъ случаѣ любопытно то обстоятельство, что педагогическіе опыты Екатерины должны были служить образцомъ при воспитаніи Шведскаго кронпринца, и что подробность наставленія Императрицы Густаву III доходитъ до того, что она посылаетъ ему корзину съ куклою для объясненія лучшаго способа пеленанія ребенка. Любопытно видѣть, что такіе вопросы занимали важное мѣсто въ корреспонденціи Екатерины съ Королемъ въ 1778 году, а десять лѣтъ позже между ними возгорѣлась упорная война за Финляндію и что этотъ же Великій Князь, въ послѣдствіи Александръ I, за Финляндію же воевалъ съ этимъ же кронпринцемъ, въ послѣдствіи Густавомъ IV-мъ.

А. Брикнеръ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ЗУБОВА КЪ РИБАСУ.

Милостивый государь мой Іосифъ Михайловичъ!

Съ огорченіемъ узналъ я, что между людьми извѣстныхъ мнѣ достоинствъ произошли недоразумѣнія, клонящіяся къ нарушенію между ими не токмо добраго согласія, но и полезнаго для дѣлъ по службѣ сношенія. Я разумѣю здѣсь Николая Семеновича *) и господина де-Волана. Неизвѣстно, кто предуспѣлъ послѣдняго увѣрить, что будто первый ему не доброхотствуетъ и что будто въ бытность свою здѣсь старался разстроить мои объ немъ выгодныя заключенія и лишить той довѣренности, которой онъ по службѣ и дарова-

*) Мордвинова.

ніямъ своимъ имѣлъ право отъ меня ожидать. Клеветникъ простеръ свое попеченіе разстроить ихъ до того, что пересказалъ Волану нѣкоторыя слова, говоренныя здѣсь относительно его Николаемъ Семеновичемъ, давъ онымъ толь превратный оборотъ, что Воланъ совершенно удостовѣреннымъ въ недоброхотствѣ противу него Мордвинова остался, а чрезъ то и произошла между ими настоящая остуда. По усердію моему къ пользѣ дѣлъ, по уваженію къ Николаю Семеновичу и доброжелательству къ г. де-Волану, не могъ я оставить безъ вниманія ни безпокойства перваго, ни сомнѣній послѣдняго. И для того прошу васъ покорнѣйше принять трудъ увѣрить г. де-Волана, что сказанное ему о сдѣланныхъ будто противу него Николаемъ Семеновичемъ внушеніяхъ есть сущая ложь, и что сей никогда объ немъ иначе ко мнѣ не отзывался какъ съ особливою похвалою. Знаю я, сколь прискорбно для человѣка, ищущаго заслужить чрезъ службу доброе отъ начальства мнѣніе и имя, быть въ опасеніи потерять и то и другое; однако же и то справедливо, что съ разборчивостію надобно принимать внушенія, рождаемыя по большей части завистію и недоброхотствомъ къ общей пользѣ; ибо прошу васъ сказать г. Волану, что Николай Семеновичъ не только не искалъ меня съ нимъ поссорить, но напротиву того при всякомъ случаѣ старался дать о немъ наилучшія заключенія. Князева хвалилъ онъ не съ тѣмъ, чтобы унизить Волана. Онъ отдавалъ справедливость достоинствамъ каждаго изъ нихъ, не умаляя и не возвышая одного предъ другимъ; ибо оба они могутъ быть очень достойны, и оба могутъ быть похвалены безъ предосужденія другъ другу.—И такъ, по всему здѣсь изъясненному видно, что не было ни малой причины г. де-Волану усумниться въ доброхотствѣ и въ уваженіи къ нему Николая Семеновича, и что пересказанное ему изобрѣтено клеветникомъ, котораго бы надобно открыть. Для меня же очень пріятно будетъ, естьли г. де-Воланъ, вышедъ изъ своего предубѣжденія, къ многимъ похвальнымъ качествамъ своимъ присовокупитъ твердость противу всякихъ наговоровъ и внушеній; ибо доколѣ онъ продолжать будетъ служеніе свое съ тѣмъ усердіемъ, съ каковымъ нынѣ служитъ, не токмо не можетъ опасаться никакихъ отъ стороны моей неудовольствій, но паче долженъ ожидать всякаго отъ меня покровительства и ободренія.

Имѣю честь быть къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга гр. Платонъ Зубовъ».

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 15-го 1794.

«Je vous supplie: mettés les bien ensemble et tachés de tirer au clair; et faites moi savoir qui est ce qui pourroit être celui, qui brouille deux hommes aussi respectables et qui sont fait pour s'estimer mutuellement» *).

(Подпись и приписка собственноручныя).

---

*) Прошу васъ убѣдительно, сведите ихъ и постарайтесь, чтобъ они объяснились; и дайте мнѣ знать, кто это можетъ быть, ссорящій двухъ столь почтенныхъ людей, созданныхъ для взаимнаго уваженія.

25 Іюля 1793, Зубовъ (тогда еще графъ) назначенъ генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ, и такимъ образомъ ему косвенно подчиненъ Черноморскій флотъ, въ которомъ служили Рибасъ контръ-адмираломъ, Мордвиновъ предсѣдателемъ тамошняго адмиралтейскаго правленія, а однимъ изъ строителей кораблей былъ инженеръ-подполковникъ Деволанъ. Другой инженеръ-подполковникъ Князевъ извѣстенъ,

ПРОШЕНІЕ КАРАЧЕВСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Его высокопревосходительству господину генералъ-губернатору Александру Андреевичу Беклешову.

Карачевской округи села Бутыры отъ экономическаго крестьянина Ивана Говорухина всепокорнѣйшее прошеніе.

Оглянись, государь Александра Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ,—какъ они насъ разоряютъ! Вѣдь намъ, государь, не въ мочь стало; просить не кого; кромѣ тебя, государь, нигдѣ суда не сыщешь, хоть лобъ взрѣжь. Всѣ у нихъ на жалованьи. Просили капитанъ-исправника, да онъ отказался; просили ревизора, тотъ сказалъ: не мое дѣло.—Наставили, государь, выставокъ въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да споили ребятъ, что доимки и податей платить не кому, такъ что и бабы спились, всѣ холсты пропили; а воры тому и рады: все берутъ въ закладъ, и вино держатъ доброе, да продаютъ по 60 алтынъ за ведро, такъ нехотя выпьешь. У насъ Ванька да Мишка славные были колесники и никогда омегута въ ротъ не брали,—ну такъ этимъ споили да споили; а доимки взять не съ кого; вотъ какое наше разореніе! Мѣстахъ въ двадцати у насъ вокругъ наставили выставокъ; думали просить ревизора, какъ онъ у насъ былъ,—ну, такъ повѣренный воръ видно купилъ ему штофъ въ горло, такъ и сказалъ—не мое дѣло. Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ недѣлю цѣлую и мучились: какъ прійдутъ, такъ холопъ выйдетъ да скажетъ—не время, либо спитъ пьяный; а вишь, государь, не съ голыми руками къ нему пойдешь, да и холопъ безъ полтины не доложитъ. — Спросите у головнаго старост Василья Кондратьевича, онъ мужикъ добрый, души не сломитъ, — чтò-де ты, Кондратьевичъ, заплатилъ въ лавкѣ за напитки-те за ревизора? Голова скажетъ, небось, ста полтора, да судьѣ слупилъ онъ ста съ четыре; небось, государь, онъ тебѣ пьяный скуки надѣлалъ, а все повѣренный съ исправникомъ его поили, да вскружили ему голову: какъ шальной, сказываютъ, по городу бродитъ. Какъ ѣздилъ ты, государь, по городамъ, такъ хотѣли тя просить, чтобъ ты ворамъ-то велѣлъ отъ насъ согнать выставки; ну, такъ насъ въ то время исправникъ, подхватя въ беремя, да и посадилъ подъ караулъ, пока ты проѣхалъ; для того онъ вишь отъ нихъ, воровъ получаетъ по 300 рублей въ годъ, да вина и водки чтó выпьетъ, такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу. Правды не сыщешь ни на алтынъ. Вотъ каково наше житье, а просить не кого! Намъ сказали, что ты пріѣхалъ въ Орелъ на житье, а то мочи нѣтъ въ Курско то къ тебѣ идти; такъ, спасибо, надоумилъ меня кумъ мой, приказный, что послать къ тебѣ просьбу на почтѣ, такъ я послалъ. Умило-

---

какъ участникъ въ сооруженіи Сѣверо-скатерининскаго канала (Р. Арх. 1866, 780—799). —Рибасъ въ то время, какъ писано это письмо, скрывалъ свое неудовольствіе и козни противъ Мордвинова; по крайней мѣрѣ Зубовъ не подозрѣвалъ еще, что пишетъ совсѣмъ не туда, куда слѣдовало, для примиренія достойныхъ людей.—Чрезъ два года Черноморскій флотъ былъ изъятъ изъ вѣдомства Адмиралтейской Коллегіи и вполнѣ подчиненъ Зубову. Правитель его канцеляріи А. С. Шишковъ, прямо говоритъ, что это было сдѣлано по козням Рибаса противъ вице-адмирала Мордвинова (Зап. Шишкова, изд. 1870, I, 5—7. Сл. также Р. Арх. 1866, 975). Стало быть ссорилъ тотъ самый, кому поручено было мирить. *П. Б.*

сердись, государь! Прикажи, чтобъ насъ воры повѣренные не разоряли. Ужь, право, намъ не въ мочь терпѣть отъ нихъ; когда ты не вступишься, то изъ насъ кровь всю высосутъ. Мнѣ Бориско нашъ говорилъ: пойдемъ-де въ Питеръ, попросимъ генерала Самуйлова, такъ за насъ онъ и Царицѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли. А онъ намъ, правда, съ руки: бачко его Николай Борисовичъ былъ въ Брянскѣ у насъ воеводою, такъ тогда съ нами стариками хлѣбъ да соль важивалъ; да и Бориско-то работалъ у него на Кольцовомъ заводѣ, такъ онъ за насъ хотя бъ гдѣ, такъ слово замолвитъ, али къ тебѣ напишетъ. Всякъ насъ знаетъ бѣдныхъ, а просить поди, такъ пропадешь съ голоду; вѣдь у нихъ, воровъ, во всѣхъ судахъ судьи, сказываютъ, подкуплены: уже какъ они на кого нападутъ, такъ суда нѣтъ, и пропалъ да пропалъ! Такъ то и Теплова, даромъ что зубастъ, да и съ твоей милостью зацѣпили: поймали съ кабакомъ да и подставили вина чанъ; нешто сдѣлалъ судомъ-то, а его же все ругали да бранили; а нашъ братъ попадись, такъ разомъ съѣдятъ и проглотятъ. Еще, государь, не поскучь выслушать. Племянникъ мой былъ онегдась изъ Карачева, экономическій, Ѳомка Марченковъ, такъ вѣдь бѣдныхъ ихъ обидѣли! Они, вишь, имѣли землю лѣсную, и планъ и межевую книгу выводили, а вѣдь не даромъ то доставали: твоя милость вѣдаетъ, какъ межевыя дѣла водятся! И въ ихъ-то дачу допустила Орловская Казенная Палата другихъ мужиковъ села Глинокъ, да Бережокъ Байковой, и деревни Бережки, — за тѣмъ, что изъ Вяжейскихъ мужиковъ, воръ судья Володимеровъ посадилъ въ палату въ секретари Андрея Жиганцова, Антошкина сына; такъ онъ взялъ съ Глинскихъ-то 100 руб., да съ Байковскихъ-то по 500 руб., кромѣ сахару да водки, ну да и пустилъ въ чужую дачу. Ихъ вѣдь разоряютъ, грабятъ бѣдныхъ неповинно, а гдѣ просить суда? Вѣдь не сыщешь, даромъ что иные кажутся набожные люди, псалтырь съ акаѳистомъ читаютъ, а правды въ нихъ нѣту ни на алтынъ, а за воровъ откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось въ господскихъ-то деревняхъ воры-то съ выставками не суются,—тѣ и сами къ тебѣ дорогу найдутъ. Да что полно, сами шинкуютъ! У насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ мѣстѣ господа-тѣ продаютъ; графъ такъ опузатѣлъ отъ вина, что ему любо! А то еще у Теплова, да у Зиновьева, да у Панина, да у Ржевскаго; а исправникъ не смотритъ, для того, что они ему кто лошадь, кто денегъ даютъ, такъ онъ и молчитъ. Да что полно, подъ Орломъ-то хорошо: они на Гати построили и сатана ихъ вѣдаетъ что! Или у Цурикова въ Городищѣ: то-то ужь пожгутъ дровъ! И прошлую зиму со 100,000 накурили, а все по конторамъ развезли; все-то Орловская хохлатая голова зазнаетъ, вездѣ воры есть, чинъ ихъ голова! Пошли-ко, государь, потихоньку кого провѣдать и пересчитать выставки, небось ста три насчитаешь! Скажи жь мнѣ спасибо, что не солгалъ; а коли солгалъ, такъ провалися я въ тартарары и выйди изъ меня душа безъ покаянія. Знаешь, что мнѣ лихо пришло; некому противъ ихъ топорщиться: разомъ съѣдятъ! Умилосердись, государь, заступись за насъ за сиротъ, а коли не вступишься, то намъ пропасть придется. Наша-то жизнь вотъ какова: только поплачешь, да за обидящаго свѣчу поставишь, а

имъ, ворамъ, ничего не дѣлается. Какъ ты изволилъ ѣздить по Окѣ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хорошъ на кормѣ-то стоялъ Налимъ? Вотъ они воры только пузатѣютъ, шкура съ нихъ долой! И когда попадется къ нимъ нашъ братъ съ винишкомъ, то такъ мучатъ-мучатъ, да за ведро рублей сто сдерутъ. Ономнясь попалъ парень нашъ съ осьмухой: купилъ у Панина на хуторѣ,—такъ они съ него анбаръ да мерина слупили рублей въ 17! Такіе воры, ужъ никто противъ ихъ не смѣй топорщиться. У насъ сосѣдъ изъ господъ также, да баринъ какой честный, прямо какъ христіанинъ, никого не обижаетъ, Ѳедоръ Ивановичъ Юраловъ, тоже сбился деньжонками-то, да сгоношилъ себѣ заводецъ; думалъ также, какъ и богатые, винишкомъ-то побарышничать. Ну, такъ воры разомъ подвели милаго; и теперь живота не надышетъ, и заводецъ опустѣлъ, а долгу себѣ на шею наколбалъ. А парень-то парень, какой добрый да смышленый; только оплошалъ тѣмъ, что не далъ ничего исправнику, такъ и пропалъ, заскудѣлъ такъ, что и подумать страшно! Правда то, ужъ у насъ исправникъ собака цѣлая,—нынѣ передъ страшной послалъ своего Ѳедьку по нашимъ экономическимъ селамъ, собрать къ празднику ветчины, барановъ, куръ, яицъ, сметаны, масла и сыру. Иные, вѣдаешь, глупые люди, и наклали ему воза два-три; а онъ воръ почти все продалъ, а господину-то развѣ десятая доля попала; да я, спасибо, самъ отвезъ къ его милости кадочку меду, да барашка, да три осьмины овса, такъ тогда ко мнѣ и хорошъ сталъ: изъ своихъ ручекъ поднесъ мнѣ чарочку винца. Однако, я боюсь, государь Александръ Андреевичъ: у меня два парня, взрослые уже ребята, такъ чтобъ онъ, какъ будетъ наборъ рекрутскій, не упеталъ сына моего въ солдаты. Да полно, я къ твоей милости въ тогдашнее время добреду; а ты, государь, тогда помилуй и защити Богомъ и собою. Да не осердись же, государь, на мои глупыя рѣчи, что я тебѣ наскучилъ, да заступись за насъ, не вели насъ ворамъ-то обижать. Я бы къ тебѣ, государь, давно послалъ грамотку, да у насъ-то и написать некому; а спасибо, попался холопъ Толбухина, такъ онъ написалъ эту грамотку; а мы вѣдь стало быть люди несмышленые и не знаемъ, что̀ онъ намъ написалъ. На праздникъ самый подошелъ ко мнѣ, такъ я ему помолился, да далъ денегъ алтынъ, да за бумагу ему десятокъ яицъ. Да коли воры не перестанутъ обижать, такъ я къ тебѣ опять напишу грамотку, либо самъ приволокусь можетъ въ Коренную помолиться Божіей Матери. Ты, чаю, самъ будешь на ярмаркѣ. Уже не любятъ же и тебя, государь, они воры, бранятъ и чортъ знаетъ какъ! У насъ давно повѣренный проговаривалъ, что во что бы де ни станетъ, а твою милость хотятъ съ мѣста сжить: наши-де хозяева и съ большими-то боярами знакомы! То чтобы они воры не подыскались и подъ тобою! Ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая коса. За симъ кланяюсь; продли тебѣ, Господи, живота и вѣку.

Подлинное подписалъ: Иванъ Говорухинъ съ товарищами.

РАЗСКАЗЪ О НИКОЛАѢ СЕРГѢЕВИЧѢ СВѢЧИНѢ.

Императору Павлу было донесено, что какой-то старый дворянинъ позволилъ себѣ поносить его самыми дерзкими словами. Доносчикъ, желая, вѣ-

роятно, избавиться отъ личнаго врага, выбралъ для достиженія своей цѣли удобную минуту, т. е. минуту, когда Императоръ былъ въ раздраженномъ состояніи. Разсчетъ удался: Павелъ вспылилъ и приказалъ безъ слѣдствія и суда прогнать обвиняемаго сквозь строй.

Несчастному старику объявили въ одно и тоже время и вину его и приговоръ. Онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе и рѣшился обратиться къ Петербургскому комменданту. Коммендантомъ былъ въ это время Николай Сергѣевичь Свѣчинъ [1]). Его всѣ знали за человѣка добраго и честнаго. „Помогите мнѣ, ради Бога, говорилъ ему старикъ; клянусь, что меня оклеветали передъ Императоромъ. Я до сѣдыхъ волосъ хранилъ дворянскую честь и не вынесу позора“. Свѣчинъ былъ сильно тронутъ его горемъ и обѣщалъ свое ходатайство. Но къ несчастію экзекуція была назначена на слѣдующій день; съ Павломъ главная задача состояла въ томъ, чтобъ уловить хорошее расположеніе его духа.

Въ качествѣ комменданта Никол. Сергѣевичь являлся каждое утро и каждый вечеръ за приказаніями Императора и вручалъ ему рапортъ о состояніи города. Въ обычный часъ онъ пріѣхалъ во дворецъ и, исполнивши долгъ службы, приступилъ немедленно къ занимавшему его вопросу.

„Ваше Величество, сказалъ онъ, я говорилъ съ несчастнымъ N. N. [2]) и смѣю увѣрить Васъ, что онъ былъ оклеветанъ. Онъ умоляетъ Васъ отдать его подъ судъ, судъ его оправдаетъ.“

Павелъ посмотрѣлъ сурово и вышелъ изъ комнаты, примолвивъ: „Поди.“

Свѣчинъ не спалъ всю ночь. Мысль о позорномъ наказаньѣ старика не давала ему покоя. На слѣдующее утро онъ пріѣхалъ во дворецъ съ твердымъ намѣреніемъ попытать опять счастія. Императоръ, принявши отъ него рапортъ, спросилъ: „Нѣтъ ли чего особеннаго?“ „Все благополучно въ городѣ,“ отвѣчалъ коммендантъ, „но черезъ полчаса послѣдуетъ экзекуція старика N. N. Мнѣ такъ тяжко будетъ при ней присутствовать съ сознаніемъ его невинности, что еслибъ мнѣ дозволялъ долгъ службы, я умолялъ бы Ваше Величество пожаловать мнѣ отставку“.

Павелъ повернулся къ нему спиной, прошелъ молча черезъ всю комнату, дошедши до дверей обернулся къ нему со словами: „Ты опоздаешь, поѣзжай“ и скрылся. Свѣчинъ поѣхалъ.

Много лѣтъ спустя, когда онъ разсказывалъ о томъ, что пережилъ въ эти нѣсколько минутъ, лицо его мѣнялось, и голосъ дрожалъ. “Я не ясно помню, что́ во мнѣ происходило, говорилъ онъ, я чувствовалъ только, что исполненіе этаго неправаго приговора невозможно, и что я его не допущу, но какимъ путемъ не допущу, того я не зналъ.“

Какъ скоро онъ пріѣхалъ на мѣсто назначенное для экзекуціи, раздался звукъ барабана, и двое солдатъ привели, поддерживая подъ руки, приговореннаго. Старикъ былъ смертельно блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, черты его осунулись, взоръ выражалъ невыносимую тоску. Свѣчинъ взглянулъ на него и не вспомнилъ себя. Не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ что́ дѣлаетъ, онъ махнулъ платкомъ: все остановилось, барабанный бой замолкъ.

„Именемъ Императора я прощаю,“ промолвилъ, не переводя духа, коммендантъ.

Онъ не видалъ, какое впечатлѣніе эти слова произвели на старика; онъ не видалъ и не понималъ ничего и сознавалъ только, что не допустилъ совершенія приговора.

---

[1]) Онъ былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Соймоновой, умершей въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Разсказъ, который я передаю здѣсь, я слышала отъ Марьи Александровны Соймоновой, рожденной Левашевой. Мужъ ея Александръ Николаевичь былъ двоюродный братъ Софьѣ Петровнѣ и очень друженъ съ Свѣчинымъ, который переселился къ нему въ послѣдніе годы своей жизни, и умеръ у него въ домѣ.

[2]) Имени его въ семействѣ Соймоновыхъ никто не помнилъ.

„Куда прикажите? спросилъ его кучеръ.

„Во дворецъ,“ отозвался онъ.

Кто-то его уже предупредилъ. Когда онъ пріѣхалъ, Павелъ ходилъ тревожнымъ шагомъ по комнатѣ, и лишь только его увидалъ, подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за отворотъ мундира и спросилъ, задыхаясь отъ внутреннаго волненія:

„Что *тамъ* дѣлается?

„*Тамъ*, Ваше Величество, отвѣчалъ Свѣчинъ, благословляютъ Ваше имя, потому что я Вашимъ именемъ простилъ.“

Павелъ выпустилъ изъ руки отворотъ мундира, повернулся и вышелъ. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Т. Толычова.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Знакомство съ предками составляетъ безъ сомнѣнія одну изъ существенныхъ сторонъ самосознанія. Кто не дорожитъ памятью отцовъ своихъ, тотъ подвергается опасности быть забыту своими потомками. Прадѣды наши это чувствовали и дорожили родословными, которыя сохранились во множествѣ, но въ послѣднія полтораста лѣтъ Русской исторіи были брошены и забыты. Въ наши дни обновленія и разумнаго возстановленія всего того, что̀ было добраго и живаго въ Русской старинѣ, возникла опять любовь къ собиранію родословныхъ свѣдѣній.

Изъ всѣхъ трудовъ по этому предмету вышедшихъ донынѣ въ свѣтъ, конечно первое мѣсто занимаетъ «Россійская Родословная Книга» изданная, въ четырехъ частяхъ (1854—1857) княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. Многочисленныя свѣдѣнія въ ней собранныя были плодомъ многолѣтнихъ изысканій; составитель почерпалъ свѣдѣнія отъ многихъ лицъ и имѣлъ способы и обширныя связи съ Русскимъ обществомъ. Книга его есть образцовая и можетъ служить руководствомъ и облегченіемъ для будущихъ подобныхъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчается довольно неточностей и опущеній; да кромѣ того, въ 14 лѣтъ со времени ея изданія, народилось цѣлое новое поколѣніе, которое не могло войти въ составъ книги, а потому продолжить и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнить ее фамиліями, въ ней непоказанными, было бы крайне желательно.

Тяжелый и утомительный трудъ этотъ предпринятъ съ давнихъ поръ Арисомъ Егоровичемъ Стремоуховымъ и продолжается съ достойною полнаго уваженія непрерывностью и точностью. Но для надлежащей полноты въ этомъ дѣлѣ необходимо содѣйствіе общества.

Имѣя въ готовности родословныя росписи многихъ фамилій, А. Е. Стремоуховъ желалъ бы помѣстить въ оныхъ поколѣніе самое близкое къ настоящему времени, т. е. нынѣ существующее, для чего и обращается ко всѣмъ дворянамъ и чиновникамъ Россійской Имперіи съ покорнѣйшею просьбою доставить копіи съ ихъ родословныхъ, если у кого таковыя имѣются, или покрайней мѣрѣ простые списки ихъ собственнаго семейства и ихъ родителей, съ показаніемъ въ нихъ именъ женъ и дѣтей, и за кого послѣднія вышли замужъ или на комъ женаты, съ означеніемъ ихъ лѣтъ.

Всѣ подобнаго рода сообщенія могутъ быть доставляемы въ Москву на Мясницкую № 7 въ Чертковскую библіотеку Арису Егоровичу Стремоухову.

Нѣтъ сомнѣнія, что почтенное дѣло это встрѣтитъ сочувствіе всего грамотнаго общества. *П. Б.*

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

I. Письмо св. Димитрія Ростовскаго къ Ярославскому воеводѣ Л. Г. Воронцову.

II. Бумаги Елисаветы Петровны:
Прошеніе Цесаревны Елисаветы Петровны къ Императрицы Аннѣ. — XI писемъ Елисаветы Петровны къ графу М Л. Воронцову.—Акростихъ Елисаветы Петровны.

III. Дворцовое хозяйство Цесаревны Елисаветы Петровны.
Письма и донесенія Вожжинскаго. — Хозяйственные отчеты.

IV. Прошенія и письма родственниковъ Елисаветы Петровны:
Графини Марьи Скавронской. — Чоглокова. — Бригадирши Скорняковой-Писаревой. — Ефимовскихъ. — Г. А. Петрово-Соловово.

V. Прошенія и жалобы разныхъ лицъ, поданныя Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

VI. Прошенія и жалобы лицъ духовныхъ:
Монахинь изъ Александровской Слободы. — Преосвященнаго Никодима. — Преосвященнаго Амвросія. — Игуменьи Московскаго Вознесенскаго монастыря. — Гамалѣевскаго архимандрита. — Священника Георгія. — Кіевопечерскаго архимандрита.—Священника Жуковскаго.

VII. Письма Шуваловыхъ:
Александра Ивановича.—Мавры Егоровны.

VIII. Указъ Цесаревны Елисаветы Петровны въ ея вотчинную канцелярію.

IX. Доношеніе Ефима Бахтѣева.

X. Прошеніе солдата-татарина.

XI. Дневная записка государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1742 года за Генварь, Февраль и Мартъ мѣсяцы.

XII. 34 письма князя Кантемира къ графу М. Л. Воронцову.

XIII. Письма братьевъ князя Кантемира къ нему же.

XIV. Письмо душеприкащиковъ князя Кантемира къ его братьямъ и сестрѣ.

XV. Письма княжны Кантемиръ къ графу М. Л. Воронцову.

XVI. Изъ писемъ Генриха Гросса къ нему же.

XVII. 26 писемъ принцессы Цербской Іоанны Елисаветы (матери императрицы Екатерины II-й) къ графу М. Л. Воронцову, съ приложеніями.

XVIII. Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи 1744 года (Перлюстрація его депешъ и писемъ съ ремарками вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина).

XIX. Указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первой книгѣ Архива князя Воронцова.

XX. Снимки съ писемъ Елисаветы Петровны, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, *преимущественно* въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго, *выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія,* составятъ свыше 2000 страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева,* на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива. **Петръ Бартеневъ.**